

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Slav 3420.60

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

JOHN HARVEY TREAT

OF LAWRENCE, MASS.

(CLASS of 1862)

Letter

МУРАВЬЕВЪ

ГРУЗИЯ

И

АРМЕНИЯ

1848

ГРУЗИЯ

И

АРМЕНИЯ.

Часть I.

С. П. Б.

1848.

21/11

Трузія и Арменія.

ГРУЗИЯ

И

Д Р М Е Ш Т Я .

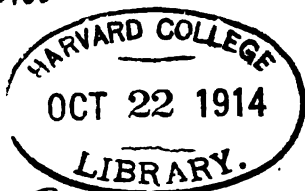
Часть I.

С. П. Б.

Въ тип. III отдѣл. собств. Е. И. В. канцелярiи.

1848.

Slaw 3420.60

Prest fund
(3 vols)

Отъ Санктпетербургской Духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Октяб. 10 дня, 1847 года.

Цензоръ Казанскаго собора Протоіерей,

Тимошеѣ Никольскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

=

Издавая въ свѣтъ описаніе моего путешествія по Грузіи и Арменіи, я желаю точнѣе опредѣлить содержаніе книги, которое не можетъ быть довольно высказано въ заглавіи. И такъ скажу, что хотя я смотрѣлъ на Грузію и Арменію, болѣе со стороны церковной, нежели гражданской, однако и любители исторической древности, можетъ быть, найдутъ здѣсь нѣчто достойное ихъ любопытства. Тѣ-

же, коихъ сердце лежитъ къ священнымъ преданіямъ одной изъ древнѣйшихъ Церквей въ мірѣ, современной по своему началу вселенскому торжеству Христіанства, тѣ, я надѣюсь, съ любовію прочтутъ дѣянія святыхъ подвижниковъ Грузіи и повесть о ея славнѣйшихъ обителяхъ, вмѣстѣ съ изложеніемъ событій многовѣковаго царства, ознаменованнаго чрезвычайными бѣдствіями но и непоколебимою вѣрою.

Въ продолженіе осьмиимѣсячнаго пребыванія въ Грузіи, я старался собрать житія всѣхъ почти Святыхъ единовѣрной намъ Церкви, изъ Патериковъ доселѣ хранящихся въ ея пустынныхъ обителяхъ, и посѣщая ихъ внималъ изустно мѣстнымъ преданіямъ, о монастыряхъ и замкахъ, поражающихъ взоры на недоступныхъ скалахъ. Многое опущено мною, по краткости времени и незнанію языка; но мнѣ хотѣлось

хотя нѣсколько ознакомить Церковь отечественную со священною стариною Церкви Иверской; если же иногда, съ большою подробностію, описываю нѣкоторые древніе храмы или чудотворныя иконы, доселѣ привлекающія благоговѣніе народное: то да не обременится тѣмъ благочестивый читатель! Мнѣ, удостоившемуся посѣтить такую святыню, казалось долгомъ совѣсти, поделиться съ соотечественниками тѣмъ, что я видѣлъ или слышалъ, дабы не подвергнуться осужденію Евангельскому, зарывшаго въ землю данный ему талантъ. На концѣ первой части о Грузіи присовокупилъ я краткое обозрѣніе ея исторіи, извлеченное мною изъ перевода лѣтописи Царевича Вахуштіа, для того чтобы всѣ событія, описываемыя въ разныхъ мѣстахъ моей книги, представились здѣсь въ постепенномъ ихъ порядкѣ.

Вторая часть, заключающая въ себѣ соб-

ственно описаніе Арменіи, хотя вложена въ томъ же духъ, имѣеть однако свое особенное направленіе. Я не имѣлъ нужды касаться богослуженія Церкви Грузинской, потому что она сохранила до малѣйшей черты совершенное согласіе съ Православіемъ, хотя была самостоятельною съ IV вѣка, и такое единство духа и обрядовъ, при взаимной независимости Церквей Восточныхъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ Каеоличества, основаннаго на соборномъ храненіи Апостольскихъ преданій. Къ сожалѣнію Церковь Армянская не устояла въ этомъ союзѣ. Скорбя сердцемъ о давнемъ ея отдѣленіи, я желалъ, подробнымъ описаніемъ ея древнихъ святилищъ, преданій и обрядовъ богослуженія, разсѣять, но мѣръ возможности, невѣзвѣстность, которая ее облакаетъ, дабы черезъ то сдѣлать хотя одинъ шагъ къ желанному сближенію, и если, не смотря на тѣ средства,

какія я имѣлъ къ изученію сихъ предметовъ, подѣ сънію верховной Іерархіи Армянской, быть можетъ, мнѣ случилось впасть въ какія либо погрѣшности, я бы почелъ себя весьма обязаннымъ каждому изъ благонамѣренныхъ сыновъ Церкви Армянской, кто бы указалъ мнѣ въ чемъ погрѣшилъ я противъ истины: это послужило бы къ большому сближенію, если бы взаимно увидѣли, что еще меньше представляется затрудненій къ достиженію желаемого мира.

Но описывая древности священныя, коснулся я и царственныхъ остатковъ многихъ столицъ Армянскихъ, разсыянныхъ въ предѣлахъ нашихъ, которыя мнѣ удалось посѣтить; я также старался, по мѣрѣ возможности, прояснить темныя ихъ преданія и дать слово жизни безмолвному краснорѣчію развалинъ. Имеретія и Мингрелія составляютъ содержаніе третьей части.

х

Я имѣлъ случай хорошо осмотрѣть ихъ замѣчательную святыню и древности, по благорасположенію ко мнѣ Владѣтелей Мингреліи и Абхазіи, съ которыми отчасти совершалъ путешествія, или въ домѣ конкѣ гостилъ, стараясь изучать сколько можно было, внутренній бытъ ихъ феодальныхъ владѣній.

КАВКАЗЪ.

«Что это: облака или горы?» спросилъ я, когда мы вихремъ неслись по безпредельной равнинѣ, отъ Ставрополя къ полдню. — «Эльборусъ» равнодушно отвѣчалъ ямщикъ, привыкшій уже къ такимъ вопросамъ путешественниковъ. Я устремилъ жадные взоры на дальнюю черту небосклона; свѣтлое облако будто бы расло въ серебристую гору, которая отражала радужные цвѣты заходящаго солнца и вмѣстѣ съ нимъ угасла. Съ разсвѣтомъ опять загорѣлась, на той-же полосѣ неба, сія вѣчная лампада Кавказа, но уже сіяла золо-

Часть I.

1

томъ восходящаго свѣтила. Мало по малу стали показываться влѣво отъ нее черныя пятна, слитыя вмѣстѣ или отдѣльно разбросанныя по горизонту. Я опять обратился съ вопросомъ, къ другому природному чичерони сихъ пустынныхъ мѣстъ, ежечасно мѣняющемуся съ перемѣною лошадей. «Это Пятигорье,» отвѣчалъ онъ, и мы продолжали мчаться къ завѣтнымъ горамъ, куда столь многіе стремятся, рбръсти себѣ исцѣленіе, въ кипящихъ источникахъ какоголибо потаеннаго волкана.

Не мнѣ описывать чудеса природы и Кавказа, которыхъ уже коснулась гениальная кисть нашихъ поэтовъ. Они какъ будто проникнуты силою богатырскихъ волъ Нарзана, подобно тому какъ древніе вѣвцы Эллады почерпали свое вдохновеніе, въ струяхъ Кастальскаго источника, у подножія Парнаса, а Эльборусъ стоитъ Парнаса? Чье сердце не исполнится хотя минутнымъ вдохновеніемъ, при видѣ сего снѣжнаго великана, одиноко царствующаго надъ цвлымъ громаднымъ хребтомъ, въ пустотѣ неба.

гдѣ уже нѣтъ ему равнаго! Не болѣе трехдней провелъ я на водахъ, почти опустѣвшихъ; но досель, какъ нѣкій отраднѣйшій сонъ, впечатлѣніе ихъ сохранилось въ моемъ сердцѣ; до такой степени поразительно было для меня зрѣлище Кавказа, несль безпредѣльныхъ равнинъ, и внезапная жизненность сего цѣлительнаго оазиса, посреди мертвенной пустыни. Но что еще болѣе усладило для меня впечатлѣнія природы: я нашель, въ преддверіи Кавказа, дружескій привѣтъ и вмѣстѣ опытнаго руководителя.

Тотъ, кому ввѣрено было охраненіе сихъ живописныхъ мѣстъ, вызвался мнѣ сопутствовать, и довершалъ для меня поѣзку Кавказа, восточнымъ нарядомъ своихъ блестящихъ всадниковъ, которыхъ мѣлзя отличить, по ловкости и одеждѣ, отъ природныхъ горцевъ. Я засталъ Б. въ казачьей станицѣ Эсентукахъ, на перепутіи между горячихъ и кислыхъ водъ; оттуда наблюдаетъ онъ за всею линією по берегу Подкумка, который мало ограждаетъ отъ нападений Черкесовъ, если

не бодрствуетъ безпрестанно надъ ними храбрая дружина Линейцевъ. Въ тотъ же вечеръ доѣхали мы до Кисловодска и первымъ моимъ движеніемъ было отвѣдать свѣжей струи Нарзана, который будто хочетъ вырваться изъ пѣдръ земли и кипящій жизнію проливаетъ ее въ жилы піющихъ.— Не напрасно прослылъ богатырскимъ ключъ сей между горцами, которымъ указали его дикія козы въ чащѣ лѣса; съ тѣхъ поръ сдѣлался онъ ихъ любимымъ напиткомъ, для ободренія къ подвигамъ ратнымъ, и доселѣ не могутъ равнодушно о немъ вспомнить лишенные его жизненныхъ струй. Кто испилъ однажды воды Нила или Евфрата, хочетъ всегда ее пить, по мѣстнымъ преданіямъ: что же сказать о живой струи Нарзана, съ которою ничто не можетъ сравниться, по ея свѣжести и силѣ? Очаровательно самое мѣсто, гдѣ пробился изъ-подъ земли сей чудный источникъ: это узкая долина въ ущелии горномъ, обращенная частію въ цвѣтущій садъ, по которому стремится звонкій потокъ; бани и сельскія жилища посѣтителей образовали вокругъ

живописную усадьбу. — Постоянная свежесть горнаго воздуха будто дышетъ испареніями Нарзана и возбуждаетъ невольную бодрость: здѣсь, кажется, царство жизни, но недалеко искать смерти въ горахъ!

Съ разсвѣтомъ собирались мы сдѣлать конную прогулку, за сорокъ верстъ, вверхъ по теченію Подкумка, къ горному укрѣпленію Боргустана, чтобы оттолъ ближе видѣть снѣжную громаду Эльборуса; но насъ удержала вѣсть о многочисленной шайкѣ Черкеєъ, бродившей въ окрестности. Тогда спутникъ мой предложилъ мнѣ, подняться до разсвѣта, на одну изъ ближайшихъ горъ и полюбоваться съ ея вершины, восхожденіемъ солнца надъ горнымъ хребтомъ Кавказа. Еще глубокая ночь лежала въ ущелии Кисловодска, когда мы стали подыматься по уступамъ холмовъ, на окрестныя высоты; росистое утро застало насъ на пути, но мы успѣли насладиться желанною картиною. Не напрасно изобразилъ старецъ Омиръ юную Аврору съ розовыми перстами, потому что отъ ея приосновенія горныя вершины зардѣлись та-

кимъ румянцемъ, какой едва-ли можетъ выразить кисть человѣческая: не будетъ преувеличеніемъ, если скажу, что вся громада Эльборуса казалась осыпанною листьями розъ. Такой исполинскій цвѣтъ-ликъ, въ прозрачности голубаго неба, возбуждалъ невольный восторгъ, но эта минута не продолжительна и надобно успѣть уловить ее, потому что скоро стирается дѣвственный румянецъ Эльборуса; болѣе густыя, хотя и яркія краски, его затѣняютъ, по мѣрѣ того какъ восходитъ солнце. Тогда опять вся гора облекается въ золотую ризу, и легкія облака, какъ камильный туманъ, отдѣляются отъ нее къ небу. Мы не довольствовались зрѣлищемъ одного Кавказскаго исполина, которому только по плечи всѣ прочія горы подвластнаго ему хребта, и продолжали подыматься доколѣ не открылся весь снѣжный хребетъ; оныя показались намъ изъ-за ближайшихъ высотъ, какъ нѣкій волшебный замокъ, слитый весь изъ золота и серебра, синевы и багрянца, выходя фантастическими зубцами дальній горизонтъ, или какъ бы одна дра-

гоцѣнная діадема, опущенная рукою Геніевъ на горное чело Кавказа. Каждый изъ своеобразныхъ зубцевъ сей блестящей короны имѣлъ свое названіе, княжалъ или лукъ или верблюдоу, по сходству ихъ съ предметомъ, а надъ всею ихъ массою высоко горѣлъ алмазною гранію одинокій Эльборусъ, какъ будто лишь начинаясь тамъ, гдѣ кончались прочія горы; здѣсь только можно постигнуть всю его громадность. Безжизненное величіе сей выпреченней полосы надоблачнаго міра, проникало невольнымъ благоговѣніемъ душу: гораздо ниже кончались всѣ жилища человѣческія, и одни огромные орлы черными пятнами ныряли по воздуху, напоминая о земномъ. Но другихъ, радужныхъ крылъ, искали взоры, на этомъ чудномъ проблескѣ внагъ, какъ-бы очищеннаго созданія; все было такъ ясно и прозрачно, что уже ничего не могло туда вознестись, кромя Ангеловъ, сходящихъ къ человѣкамъ, какъ въ первобытныя времена юной земли, ибо тамъ казалось горній чертогъ ихъ! И это утреннее райское явленіе укрылось отъ взоравъ,

подъ пеленою тумановъ, когда жаръ раскаленнаго дня напомнилъ человѣку, что въ ночь лица назначено ему трудиться, въ утраченнаго имъ Эдема.

Въ полдень оставили мы Кисловодскъ, чтобы провести вечеръ и ночь, въ другомъ столь же очаровательномъ мѣстѣ, Жельзноводскѣ, гдѣ обыкновенно оканчиваютъ лечение, послѣ горячихъ и кислыхъ водъ. Пятигорскъ у подножія Машука, кипящаго сѣрными и горячими ключами; Эсентухъ съ своими щелочными ваннами, на западъ отъ Бештовой горы, и на сѣверной ея покато-сти Жельзноводскъ, составляютъ одну систему цѣлительныхъ водъ, стремящихся во всѣ стороны сего вулканическаго оазиса. Напротивъ того дальній Кисловодскъ, за 40 верстъ отъ Пятигорска, вверхъ по теченію Подкумка, славится только своимъ Нарзаномъ, одиноко пробившимся въ ущелии. Весьма необычайно зрѣлище пяти горъ, которыя поднимаются на равнинѣ какъ острова изъ глубины моря, разнообразныя по величинѣ своей и очеркамъ. Всѣхъ величественнѣе Бештау, къ которой прильпились

проявля горы, какъ дѣти къ отцу, съ свойственными имъ именами Змѣиной и Орлиной, вѣроятно по любимому въ нихъ приюту змѣй и орловъ. Мнѣ не случилось видѣть змѣи Кавказской, но нигдѣ больше и величавѣе не представлялись орлы, эти цари пустыни, какъ тутъ около Пятигорія; долго плывая по воздуху, они избирали себѣ приютомъ какой-либо выдавшійся гребень утесовъ и выжидали добычи въ пустотѣ неба или земли. Я не мазову пятой горы, потому что слишкомъ неблагозвучно ея имя, которое получила отъ своей ровной поверхности, будто-бы покрытой безъизменною корой; но издали, и ея трапеэная форма столь-же пріятна для глазъ, какъ роскошный утесъ Орлиный, дополняя собою, пустынную гармонию Пятигорья.

Мы повернули изъ Эсентуха, въ лѣво отъ большой дороги къ Жельзноводску, около Бештовой горы, по тропинкѣ, леступной только для конныхъ. Каждый разъ, когда оглядывались, снѣжный хребтъ Кавказа открывался намъ все въ большемъ величьи, озаренный лучами вечерня-

го солнца: на одномъ краю Книжкаль гора еще блистала алмазными своимъ лезвемъ, какъ-бы природное выраженіе вѣстныхъ нравовъ, а на другомъ пустынно горьль Эльборусъ, все подавляя вокругъ себя громаднымъ величіемъ. Плоская возвышенность внезапно привела насъ къ отвѣсному обрыву горы, поросшей бурьяномъ, гдѣ съ большимъ трудомъ могли спуститься наши кони, хотя и привыкшіе къ такимъ стезямъ. Солнце уже садилось, когда мы опять поднялись на лѣсистыя высоты Желъзноводска, между Орлиною и Зибиною горой; весьма живописно было яркое паденіе вечерняго луча сквозь густую зелень; по всему лѣсу слышны были голоса перекликавшихся; жители собирали на ночь стада свои, ибо мѣсто сіе не безопасно, по густотѣ лѣсовъ, его окружающихъ. Очаровательна прогулка въ Желъзноводскъ, отъ одного ключа его къ другому, по длинной аллее, куда въ самые знойные дни не можетъ проникнуть солнце. Мѣсто сіе какъ будто создано для отдыха, послѣ утомительныхъ водъ Пятигорска, гдѣ болѣлые, сверхъ

тягостнаго леченія, не имѣютъ даже куда укрѣться отъ раскаленнаго неба.

Слѣдующій день былъ послѣднимъ Магометанскаго праздника Рамазана. Спутникъ мой, имѣя подъ своимъ начальствомъ нѣсколько сотенъ Черкесовъ, поселенныхъ между казаками Линейными, былъ приглашенъ ими на праздникъ, въ Бабуховскій аулъ, близъ Георгіевска. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ, чтобы получить понятіе о восточныхъ обычаяхъ сего племени, которое сохранило и посреди Русскихъ дикость горцевъ. Поспѣвая въ аулъ, недалеко могли мы останавливаться въ Пятигорскѣ; однако я воспользовался, краткимъ временемъ, чтобы объѣхать все бани и заведенія. Поразительна благотворная роскошь природы, соединившая, въ одномъ тѣсномъ уголкѣ земли, такое разнообразное обиліе всякаго рода исцѣленій, которыми остается только пользоваться съ благодарностью. Но все ли болящія и исцѣляющіеся, на сихъ чудныхъ источникахъ, имѣютъ въ памяти и сердца такое чувство, хотя оно неволью возбуждается при

одномъ видѣ небеснаго дара, которымъ столь безотчетно пользуются? Если утомителенъ восходъ на гору, по уступамъ коей расположены лучшія ванны, то съ ея вершины вполне вознаграждаетъ очаровательный видъ Кавказа и окрестной пустыни. Тамъ устроено теперь общественное гулянье, съ бесѣдкою для отдыха, при воздушныхъ звукахъ золотой арфы. Место сіе служило вдохновеніемъ для лучшихъ нашихъ поэтовъ, и конечно здѣсь исторглись изъ сердца Пушкина многіе стихи его Кавказскаго пльвника, и здѣсь пришло на мысль Лермонтову, прислушаться къ танцевенной бесѣдѣ Шать-горы или Эльборуса съ Казбекомъ. — Могила его была недалеко.

Какъ только мы приблизились къ аулу, толпа всадниковъ выехала къ намъ на встречу: тутъ были и старики и дѣти, все вооруженные, отличаясь красотою оружія, а не одежды; между Черкесовъ изорванная чуха, поверхъ наряднаго ахалука, но съ дорогою шапкою и кинжаломъ, составляетъ даже нѣкоторое щегольство, чтобы не ска-

заты хвастовство: Въ нестройной толпѣ находилось несколько офицеровъ, заслужившихъ эполеты въ войнѣ противъ горцевъ; они привѣтливо окружили своего начальника и подвели намъ лошадей, стараясь отклонить нескромныхъ и любопытныхъ, ибо въ числѣ ихъ были и закосивые разбойники, съ изувѣченными лицами, и отчаянные абреки; это люди, посвятившіе себя кровавой мести, не разъ бывавшіе за Кубань къ Абазехамъ. Вся они собрались въ родные аулы, для празднованія рамазана, и благоразуміе требовало, чтобы на нихъ не обращали вниманія, потому что, въ свою очередь они и намъ бывали иногда полезными лазутчиками противъ Закубанцевъ. Начальникъ ихъ, зная хорошо нравы Черкесскіе, заблаговременно взявъ за руку одного изъ старшинъ аула и сказавъ, что хочетъ быть его гостемъ, дабы оградить себя отъ прочей толпы; иначе, при влѣздѣ въ селеніе, каждый сталъ бы звать его къ себѣ и безъ ссоры трудно было бы отъизваться. У самыхъ воротъ аула стояли качалы и дѣвушки Черкесскія на

нихъ качались, въ своихъ развѣвующихся
яркихъ одеждахъ, съ длинными рукавами,
которые какъ крылья летали за нихъ воз-
душнымъ станомъ: но приличіе не позво-
ляло останавливаться до самаго дома хо-
зяина. Одни только старшины и офицеры
взошли во внутренность покоевъ, въ ко-
торыхъ не было ничего замѣчательнаго,
потому что уже проявлялось европей-
ское убранство; прочая толпа осталась на
дворѣ.

Покаместъ хозяинъ старался угостить
насъ, какъ только могъ, восточными за-
кусками, одинъ изъ офицеровъ предупредилъ
тайно своего начальника, чтобы онъ остерегался, потому что молодой Черкесъ, бывшій нѣкоторое время при немъ нукеромъ, былъ оруженосцемъ, имѣетъ противъ него неудовольствіе. Я взглянулъ на нукера: это былъ осмынадцатилѣтній юноша, въ бѣлой чухѣ, вооруженный съ головы до ногъ, но на его лицѣ не было замѣтно никакой дикости: напротивъ оно болѣе выражало кротость. Не слишкомъ пріятна была для меня такая вѣсть, но

опытный въ обращеніи съ своими дикими подчиненными, смутникъ мой, подговаривалъ къ себѣ молодого Черкеса, велѣлъ ему обнять свою шашку, брать его пистолеты и кинжалъ, показывая совершенную къ нему доверенность. Между тѣмъ, радужный хозяинъ предложилъ намъ выдти на дворъ, чтобы видѣть пляски Черкесскихъ дѣвицъ; составила тѣсный кружокъ коммунъ и пѣвицъ, которые всѣ, вмѣсто музыки, были въ ладоши съ дикимъ призывомъ, возбуждавшимъ къ пляскѣ. Нѣсколько Черкешенокъ стояли въ отдаленіи, на своихъ высокихъ котурнахъ, или деревянныхъ сандаляхъ, смирно опустивъ головы и руки, какъ-бы приговоренныя къ смерти, и не смѣли принимать участія въ общей веселости; но уже вооруженные Черкесы съ гиками плясали шумную лезгинку, то махая длинными рукавами и закрывая ими лице, какъ-бы прицѣпляясь изъ ружья, то пускаясь по русски въ присядку, и бѣснуйась по мѣрѣ того, какъ умножалась вокругъ нихъ вопли и бѣніе ладоши. Цокшлымо съ пресвѣдо въ боро-

дѣ, отличались между пласунами, в земли-
ные рубцами разбойники прыгали на дѣти;
а дѣти смотрѣли на нихъ, сами воору-
женные, наслаждались сею виновницею
пляскою; подлѣ меня важно стоялъ трех-
лѣтній мальчикъ, съ бритою головою и
длиннымъ пистолетомъ за поясомъ, кото-
рый онъ самъ зарядилъ. Вотъ какъ рано
развивается въ нихъ жажда крови!

Наконецъ, убѣжденные гласнымъ дѣла,
тронулись дѣвы Чериссонія и одна за дру-
гою стали спускаться съ кружковъ съ сво-
ихъ высокихъ котурновъ, но съ тою же
стыдливостію и робостію, которая прида-
вала особенную прелесть ихъ пляскѣ. Если
разбирать ее въ тонкости, она не имѣла
ничего необыкновеннаго: каждая Черис-
шенка, поднявъ или опустивъ руки, мален-
ко кружилась, то присядая, то подымалась
на концы пальцевъ; но все очарованіе со-
стояло въ дѣвственной скромности, кото-
рая сопровождала всякое ихъ движеніе;
самая ихъ одежда выражала то же чувство.
Стройныя, высокія станомъ, обильныя
длинными космами черныхъ волосъ свои,

съ опущенными рукавами и волнистыми покрывалами, поверхъ блестящаго наряда, онъ представлялся воздушными существами, непримѣтно движущимися на землѣ, какъ описываютъ Дивовъ и Перн восточныя сказки, или ихъ лучше сравнить съ западными Ундинами, которыхъ образъ можно только угадать сквозь обливающія ихъ волны. Чѣмъ болѣе умножались одобрительныя рукоплесканія, тѣмъ ярче разгорался стыдливый румянецъ на ихъ правильныхъ лицахъ, и длиннѣе казались черныя рѣсницы потупленныхъ глазъ. Когда же одна оканчивала свой кругъ и другая должна была смѣнить ее, на страшномъ для нее поприщѣ, она подымалась опять на свои котурны, и какъ робкая голубка, тѣснилась къ подругамъ, не смѣя поднять глазъ на толпу восхищенныхъ ею Черкесовъ. Осмѣлюсь-ли выразить свое мнѣніе, въ слухъ нашего образованнаго общества: Азіятская пляска Черкесскихъ дѣвъ произвела на меня впечатлѣніе болѣе пріятное, нежели легкіе танцы блестящихъ баловъ Европейскихъ. Глядя на нихъ, мнѣ при-

кодило часто на мысль, слово знаменитаго живописца Апеллеса, когда со всей Греціи собрали лучшихъ красавицъ, для того чтобы онъ могъ создать по нимъ идеалъ своей Венеры, и одна изъ нихъ убѣжала, потому что не хотѣла сбросить одежды предъ художникомъ. Апеллесъ остался недоволенъ своимъ геніальнымъ произведеніемъ; «чего-же еще недостаетъ въ твоей картинѣ?» спрашивали изумленные Афиняне; «стыдливости убѣжавшей красавицы» отвѣчалъ онъ.

День клонился къ вечеру; поцѣлы ожидали насъ въ Георгіевскѣ, за 5 версты отъ аула. Съ большимъ трудомъ могли мы вырваться отъ докучливой толпы, но принуждены были еще посѣтить больного молу и принять его угощеніе. Весь аулъ собрался провожать насъ на коняхъ; начались ристалище и стрѣльба по широкому полю; одинъ у другаго срывалъ на снаку шапку и бросалъ на воздухъ: наездники стремились догнать и стрѣляли въ шапку, такъ что она клочьями вадала на землю. Тутъ не было различія возраста или званія,

отроки срывали ее со стариковъ, и та же потѣха повторялась, иногда по нѣсколько разъ надъ тѣмъ же лицомъ; уважали только лице начальника. Я старался быть ближе къ нему и все время заботливо наблюдалъ за его бывшимъ пукеромъ, чтобы не воспользовался онъ суетою скачки, для нанесенія удара. Не совсемъ приятно было вѣшать рядомъ съ извѣстными разбойниками, которые хотя и не опасны были тутъ, однако при первомъ случаѣ не удержались бы долгомъ своего гостепримства: не смотря на то, занимательна была картина сей черкесской скачки на широкомъ полѣ, при вечернихъ лучахъ солнца, которое садилось за Пятигорьемъ и багровыми окраинами обозначало очертанья каждой горы. Всадники провожали насъ до самыхъ воротъ нашего дома; но тѣмъ не кончилось дѣло: молодой пукеръ не хотѣлъ возвратиться въ аулъ и требовалъ объясненія съ начальникомъ. «Братъ мой, говорилъ онъ, сосваталъ себя дѣвку въ аулъ, и они дали другъ другу слово; а я знаю, что нынѣшнюю ночь отецъ ее хочетъ ее отдать за дру-

гаго; удержи его, потому что это будетъ безчестіе для нашего семейства.» Напрасно увѣрялъ его Б*, что онъ не можетъ распорядиться въ дѣлѣ семейномъ, особенно когда оно уже рѣшено, и обвинялъ самаго нукера, зачѣмъ не предупредилъ его въ аулѣ, гдѣ бы еще могъ переговорить съ отцемъ невѣсты. Новый Амалатъ, какъ мы его прозвали, настоятельно просилъ записки къ Русскому приставу аула, который былъ въ то время болѣнъ, увѣряя, что его послушаетъ старикъ, и пріятель мой долженъ былъ исполнить его желаніе.

Это случилось наканунѣ праздника воздвиженія честнаго креста. Ночью, въ сопровожденіи казака, поѣхалъ, я черезъ обширный городской пустырь, въ соборъ Георгіевскій, обнесенный валомъ. Еще не разсвѣло, когда я возвратился отъ всенощной; сердце дрогнуло при входѣ въ комнату: я увидѣлъ спутника моего спокойно спящаго, а надъ нимъ вооруженнаго нукера: «что ты здѣсь дѣлаешь?» спросилъ я; «жду чтобы онъ проснулся,» отвѣчалъ молодой Черкесь. Я поспѣшилъ разбудить Б*,

упрекая его въ безпечности при такихъ обстоятельствахъ. «Все кончено, сказалъ ему Амалать, невѣста брата моего выдана за мужъ; я пришелъ спросить у тебя, какъ у нашего начальника, позволеніе убить ея мужа.» — «Ты знаешь самъ, что я не могу тебѣ этого позволить,» спокойно отвѣчалъ опъ, хорошо знакомый съ характеромъ Черкесовъ, которому я еще изумлялся. «Знаю, сказалъ нукеръ, но я хотѣлъ только тебя о томъ предупредить, для успокоенія моей совѣсти, потому что, живя при тебѣ, былъ тобою доволенъ и общалъ всегда тебя слушаться; и такъ я чистъ предъ тобою; пойду убью его, а тамъ за Кубань въ абреки.» — «И потомъ ты придешь воевать противъ меня съ Абзахами, за мою хлѣбъ-соль? хороша благодарность! Я уже замѣтилъ, что тебя сманилъ Султанъ ихъ, пріѣзжавшій изъ за Кубани къ намъ на воды.» — «Нѣтъ, никто не могъ бы сманить меня, съ жаромъ отвѣчалъ юноша, и я всегда буду тебѣ вѣрнымъ, но не могу оставаться въ аулъ: кровь на нашемъ семействѣ; каждая

дѣвка насъ осмѣетъ, и никто не пойдеть за меня и за брата. Я непременно долженъ убить недруга.»

Соблазнуя о такомъ ожесточеніи осмнадцатилѣтняго мальчика, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, думая тронуть его сердце, еще не совсемъ очерствѣвшее, сколько можно было судить по его преданности къ начальнику. — «Развѣ по вашему закону такъ легко убить человѣка?» спросилъ я. «Легко, отвѣчалъ онъ съ большимъ равнодушіемъ, вѣдь онъ мнѣ врагъ.» — «Врагъ, но изъ того-же аула и можетъ быть еще родственникъ; неужели ничего не значитъ для тебя принять на свою душу, подобную твоей душе человѣческую?» — «Конечно ничего, отвѣчалъ онъ, съ тѣмъ же упорнымъ равнодушіемъ, я убью его, какъ собаку!» — «И такъ, по твоему одно и то же, что человѣкъ, что собака?» — «Нѣтъ, есть разница.» — «Какая-же?» спросилъ я, думая навести его на здравую мысль. — «На человѣка одна пуля, отвѣчалъ онъ, а на собаку семь пуль!» Что хотѣлъ онъ вы-

решил само философское своего рода, не знаю, но я потерял надежду его убедить. Здесь, более нежели когда нибудь, я пораженъ былъ тѣмъ, какъ мало образуетъ коранъ сердце человѣка, не отсыкая въ немъ никакія страсти и не умягчая его благодатнымъ смиреніемъ; это частное необразованіе каждаго лица отдѣльно переходитъ въ семейство, изъ семейства въ общество и такимъ образомъ до государства, которое оттого не можетъ быть утверждено, въ землѣ Магометанской, на прочныхъ нравственныхъ началахъ. Въ послѣдствіи я получилъ свѣдѣніе, что нукеръ не исполнилъ однако своего кроваваго замысла и не бѣжалъ за Кубань, но явился съ покорностію къ своему начальнику, говоря, что ради сего послушанія не можетъ болѣе жить въ ауль. Внутренняя борьба до такой степени разстроила весь организмъ юноши, что онъ впалъ въ нервическую горячку и уже былъ безнадеженъ, когда Б. посетилъ его въ госпиталѣ Георгіевскомъ. «Вотъ дичого довели меня послушаніе и любовь къ тебѣ, сказалъ онъ своему на-

чальнику: я умираю между Христианами, выведи меня отсель.» Чтобы успокоить пылкого Черкеса, отдали его на руки единовѣрцевъ, и мало по малу возвратились его силы, но глубокая дума осталась въ душѣ его; онъ продолжалъ почитать себя совершенно чуждымъ своему аулу.

Пустынная дорога отъ Георгіевска, бывшаго областнымъ городомъ, до Екатеринограда, основаннаго въ честь Императрицы Княземъ Таврическимъ, который создалъ этотъ край, также какъ и новую Россію; печать его великаго генія обозначилась вездѣ творческою силою. Отъ почты до почты расположены укрѣпленныя станицы, и рядъ каланчей съ пикетами тянется по берегу Малки, отдѣляющей Кавказскую область отъ большой Кабарды. Послѣ Екатеринограда, гдѣ переѣзжаютъ рѣку, столь-же пустынная дорога слѣдуетъ вверхъ по теченію Терека, по широкой Кабардинской степи, также отъ станицы до станицы. Прежде неизначе можно было тутъ путешествовать, какъ съ сильнымъ отрядомъ; теперь сопровождаетъ проѣзжихъ

одинъ только слабый конвой, и даже безъ него скачутъ болѣе отважные, но никому, кромѣ курьеровъ, не позволяютъ ѣздить ночью, потому что при захожденіи солнца начинается дѣйствительная опасность. Черкесы избираютъ это время, чтобы подстеречь путешественника, въ какой-либо ложбинѣ, и потомъ успѣть ускакать, въ продолженіе ночи, съ своею добычею, въ дальній аулъ. Нельзя узнать въ спокойномъ Терекѣ Кабардинской пустыни, окруженномъ болотными притоками, того свирѣпаго Горца, который далѣе бѣшено встрѣчаетъ васъ въ ущелии Дарьяльскомъ; однако, подъ Владыкавказомъ, уже начинается онъ кипѣть по каменному ложу. — Туманная погода лишила меня, отъ самаго Екатеринограда, великолѣпнаго зрѣлища горъ, которыя тянутся вдоль пустыни исполнискою стѣною до облаковъ, какъ бы раздѣляя собою два міра; я былъ щастливъ, что наслаждался по крайней мѣрѣ видами Кавказскаго хребта у Пятигорска. Только близъ Владыкавказа прояснилась погода и снѣжная цѣпь стала проглядывать

Часть I.

2

яркими своими хребтами, сквозь пелену облаковъ; вся сія необъятная масса, горъ и тучъ, слилась въ одинъ великолѣпный хаосъ, изъ котораго будто бы еще хотѣло создаться нѣчто болѣе великолѣпное; но и въ самомъ Владыкавказѣ, у подножія хребта, гдѣ такъ же величаво господствуетъ исполненскій Казбекъ, какъ снѣжный братъ его Эльборусъ въ Пятигорскѣ, мнѣ видѣлось одно густое море тумана; я долженъ былъ вѣрить существованію горнаго хребта, хотя столь близкаго, что его можно какъ бы осязать рукою. Цѣлый день провелъ я въ наврасномъ ожиданіи; грустно было отказаться отъ чудной картины, за которою надобно вхаты такъ далеко.

На зарѣ оставилъ я Владыкавказъ, чтобы еще засвѣтло достигнуть перевала горъ. Опасность продолжается только до первой станціи Ларса, гдѣ совершенно сходятся горы; до того мѣста ущеліе, стѣсняясь мало по малу по руслу Терска, представляетъ еще возможность нападенія изъ боковыхъ долинъ. Послѣ широкой равнины Кабардинской внезапно входимъ въ устье долины, которую про-

рвала сама природа, чтобы открыть сообщеніе между Европою и Азією. Но пустынное величіе горъ не вдругъ поражаетъ взоры; раздвинутыя Тереконъ, на большомъ разстояніи другъ отъ друга, онъ не такъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе, и виды ихъ не представляютъ сперва ничего необыкновеннаго. Тамъ лишь, гдѣ поворачиваетъ дорога за одинокой утесъ Ларса, увѣнчанный замкомъ, тамъ начинается дикое очарованіе сей природы, которой едва ли можно встрѣтить что либо подобное и въ самыхъ Альпахъ.

Съ прыжками бѣшенаго тигра и съ лезвіемъ меча, разсѣкающаго утесы, сравнилъ Марлинскій бурное стремленіе Терека по ущелию, и вѣрно сравненіе, если только чему-либо можно уподобить Дарьялъ. Кто выкинетъ въ эту страшную анатомію природы, гдѣ раздвинуты были мощною рукою ея каменные ребра, чтобы пропустить сквозь нихъ потокъ? Надъ пѣнистою его полосою, грызущею камни, изгибается, промежду горныхъ вершинъ, такая же узкая полоса лазури, — просвѣтъ неба на этотъ

адъ, гдѣ также душно чловѣку какъ и сжатому Тереку, рвущемуся изъ пропасти въ пропасть. Страшные очерки скалъ свидѣтельствуютъ о болѣзненномъ его рожденіи, когда растерзалъ онъ утробу матери земли и мчится отъ нее, какъ дѣти эхидны отъ эхидны, чтобы ихъ опять не пожрала; далеко, только у моря, застигнуть онъ и поглощенъ въ пескахъ. Но тутъ кто остановитъ сего горнаго Дива, принимающаго всѣ образы, сокрушающаго всѣ препоны? Иногда только старецъ Казбекъ, шутя накрываетъ его своею снѣжной шапкой, запружая потокъ: но горе тогда жертвамъ его ярости, доколѣ не прогрызетъ онъ враждебную лавину. Моремъ становится рѣка, топить и ломить окрестныя селенія и утесы, жадно настигаетъ путниковъ, и массою водъ одолевъ препоны, грохотомъ ихъ смѣется въ лице Казбеку, страшно отмщая ему за шутку.

Не такова ли бываетъ всегда игра исполнителей, безотчетно ломающихъ вокругъ себя все, какъ дѣти свои игрушки? Мирны были между собою Терекъ и Казбекъ, ког-

да мимо ихъ пролегала моя дорога. Самый яркій осенній полдень освѣщалъ предо мною дикую природу, резко обрисовывая окраины утесовъ. Лучи солнца, отвѣсно падая въ бездну, кипѣли въ каждомъ ея водопадѣ, какъ будто растопленная лава металла клочкотала по скаламъ; отблески брызговъ отражались на всѣхъ изгибахъ ущелья, и если можно уловить что либо смѣющееся въ такомъ ужасѣ, казалось тогда улыбался Дарьялъ.

Три раза перезвжалъ я Терекъ отъ Ларса, на разстояніи семи верстъ, до того мѣста, которое собственно носить имя Дарьяла, или устья долины, ибо тутъ дѣйствительно она открыла каменные уста свои, чтобы пропустить одинъ только Терекъ. Смѣлая рука человѣческая и здѣсь умѣла перебросить легкій мостъ, черезъ бѣшеный потокъ, и заградить бойницами громадные врата Кавказа, какъ бы недовольно было твердыни природной. Но укрѣпленіе новое ничтожно въ сравненіи съ древнимъ, которое, какъ гнѣздо птицъ, прирасло къ вы-

давшемуся надъ бездной утесу, и уже брошено но своей недоступности. По преданіямъ Грузин, отсель начинающей измѣрять свои древніе предѣлы, Царь Миріанъ, еще за 150 лѣтъ до Рождества Христова, укрѣнилъ здѣсь вервья врата, противъ вторженія Скивоовъ, и въ XII вѣкѣ Царь Давидъ обновилъ на утесѣ громадное укрѣпленіе. И такъ вотъ, при самомъ входѣ въ Грузію, встрѣчается уже память величайшаго изъ ея Царей, дѣда Тамари, который положилъ повсюду печать своей славы, отъ моря и до моря, отъ Казбека до Арарата, а самъ хотѣлъ смиренно успокоиться, у входа въ созданную имъ обитель, подъ свѣцію желѣзныхъ вратъ Кавказа, которыя онъ сломилъ въ другомъ ущеліи Дербента. Но поэтическая легенда, обыкновенно перемѣшанная съ дикою поэзіей природы, не довольствуется здѣсь лѣтописною памятью великаго Царя; ей надобны мнѣе вмѣсто событій, и она видитъ въ замкѣ Давида очарованный дворецъ баснословной Царицы Даріи, однозвучной съ именемъ ущелія, которая будто бы свер-

гала здѣсь въ бездну постыившихъ ей любовниковъ.

Отъ Дерьяла до станицы Казбека также дико подымается дорога, оспоривая себѣ каждый шагъ у рѣки. Терекъ идетъ на встрѣчу, отставивъ свое ущеліе, отчаянно бросающъ съ утеса, гдѣ только можетъ преградить путь, и отскакивая отъ собранныхъ противъ него камней: это борьба человека съ потокомъ, искусства съ природою, и она должна уступить своему повелителю. Въ Казбекѣ встрѣчается первое поселеніе Грузинъ, около изящной церкви и дома такъ называемаго Князя Казбека, который присвоилъ себѣ мечтательную область исполнительской горы, на перепутіи ущелія, какъ древніе рыцари объявляли себя владѣтелями непроходимыхъ мѣстъ, гдѣ останавливали путешественниковъ; но не таково вліяніе Казбека, гостеприимно открываетъ онъ домъ свой для просящихъ у него крова. Впрочемъ владѣніе Казбековъ утверждено за ними еще при Царяхъ Грузин. Новая церковь въ древнемъ вкусѣ, во имя Св. Троицы, изъсѣчена изъ дикихъ камней, въ

селеніи и украшаетъ собою дикую мѣстность долины, расширяющейся отъ береговъ Терека къ подножію Казбеки.

Я видѣлъ издали Эльборусъ во всемъ его величіи: здѣсь же, хотя я стоялъ у самой подошвы его исполинскаго соперника, Казбекъ не хотѣлъ разоблачить предо мною чело свое, обвитое пеленою тумановъ; но изъ Тифлиса почти ежедневно видѣлъ я, съ терасы моего дома, свѣтлую его вершину въ большемъ отдаленіи. Такъ своеобразны въ своихъ явленіяхъ, сіи горныя владыки, господствующіе надъ цѣлымъ хребтомъ. Окрестные жители, олицетворяя ихъ, подъ какимъ либо вѣковымъ именемъ, приписываютъ имъ свои привычки, какъ бы челоуѣку, или ставятъ нѣчто завѣтное на ихъ вершину, которую всегда почитаютъ недоступною. Если Араратъ доселѣ сохраняетъ ковчегъ, то на темени Казбека разбитъ, по преданію окрестныхъ Осетинъ, шатеръ Авраамовъ освящающій ясли Господни тамъ есть пещера, слывающая Вилеемскою. При последнемъ Царѣ Иракліѣ престарѣлый священникъ вызвался, вмѣстѣ съ сы-

номъ, взойти на завѣтную вершину, чтобы добыть таинствѣ тамъ сокровища, и не возвратился, а сынъ его привезъ Царю немного холста, увѣряя будто бы отъ шатра Авраамова. Но благочестію богомольцевъ не всегда доступна древняя обитель Св. Троицы, которая лежитъ въ полугоръ, за 4 версты отъ станціи Казбека, и охраняема ревностію полудикихъ Осетинъ. Величественно представляется она взорамъ, съ своимъ высокимъ куполомъ и колокольнею, обнесенная ветхою оградой. Церковь на такой высотѣ всегда производитъ глубокое впечатлѣніе, ибо свидѣтельствуетъ о усердіи создателей; ее приписываютъ, какъ все великое и христіанское Грузин, дивной Царицѣ Тамари, которая такъ ревностно старалась утвердить спасительную вѣру въ горахъ Кавказскихъ, и говорятъ, будто-бы она основана надъ гробомъ нѣкоего святаго отшельника, давшего имя сосѣднему селенію Гергети. Не знаю до какой степени справедливо сіе преданіе, потому что самъ я не подымался на гору; но слышалъ отъ посѣщавшихъ святилище, что только

съ большимъ трудомъ можно въ него проникнуть, по недовѣрчивости Осетинъ, которые боятся, чтобы не похитили древнія утвари и книги, хранящіяся въ ризницѣ. Уцѣлѣла еще стѣнная живопись на сводахъ и въ алтарѣ: лики Спасителя и Божіей Матери. Служба бываетъ только два раза въ годъ, на Пасхѣ и въ храмовый праздникъ Св. Троицы, и для сего приходитъ туда священникъ изъ Казбека.

Долго колебался я: ѣхать ли въ горную обитель? но тогда мнѣ бы должно было провести ночь въ Казбекѣ, и я бы не могъ достигнуть на слѣдующій день Тифлиса, а между тѣмъ туча, висѣвшая на горѣ, обещала грозу: — я рѣшился продолжать путь до станціи Коби, откуда начинается переваль. Чрезвычайно живописно расширяется здѣсь долина Терека, усѣянная селеніями въ каменной рамѣ утесовъ; быстро извиляется потокъ между скалъ, но уже берега его не столь дики. Между многихъ замковъ, сооруженныхъ вѣроятно со времени Давида и Тамари, для обладанія ущельемъ, резко отдѣляются на своихъ утесахъ,

Сіонъ и Георгіицкѣ, другъ противъ друга, расщеплены на двое Терекѣмъ, какъ мечомъ, который бурно пробился между ними. Станція Коби стоитъ подлѣ старыхъ развалинъ, на самомъ верховьи долины, тамъ, гдѣ три потока сливаются вмѣствѣ и составляютъ одинъ Терекъ. Солнце садилось, когда я дохалъ до Коби: но не смотря на лунную ночь, я тамъ остался до разсвѣта, чтобы не лишиться себя великолѣпныхъ картинъ.

Рано сталъ я подыматься, вверхъ по руслу малаго Терека, къ Крестовой горѣ, самой высокой точкѣ Кавказскаго перевала, и легко совершилъ сію дорогу, чрезвычайно трудную въ иное время года; весною осыпается рыхлый снѣгъ подъ ногами и частыя лавины, катясь съ вершины отвѣсныхъ горъ, обрываются въ бездну вмѣствѣ съ отважнымъ путникомъ. Ближайшія селенія Осетинъ, обязаны, вмѣсто подати, разчищать дорогу и отрывать занесенныхъ снѣгами, какъ на Альпахъ сноки Св. Бернарда. Нѣсколько одинокихъ хижинъ разсыяно около Крестовой

горы, но я перевзжалъ ее вовсе безъ снѣга, и только верстъ за пять отъ Коби, тамъ гдѣ открытъ недавно цѣлительный ключъ кислыхъ водъ, довелось мнѣ перейти въ ложбинѣ, чрезъ запоздалую кору льда и грязнаго снѣга. Влѣво отъ дороги стоитъ на вершинѣ горы, которую объѣзжаютъ лѣтомъ но не минуютъ зимою, каменный крестъ, освящающій собою страшный путь надъ безднами, и свидѣтельствующій о христіанскомъ обладаніи Кавказа. Крестъ падающихъ возстаніе, по словамъ канона, невидимо спасалъ тутъ многихъ прибывавшихъ къ нему съ тайною молитвою, когда измѣняла имъ подъ ногами земля и уже обреченные на явную погибель, какъ бы нечаянно, удерживались на какомъ либо камнѣ, или ихъ отрывали заживо погребенныхъ въ глыбѣ снѣга. Давиду возобновителю, если не ошибаюсь, приписываютъ водруженіе здѣсь перваго креста, ознаменовавшаго владычество его надъ Кавказомъ; но правнука его Тамаръ, какъ обыкновенно, взошла и здѣсь въ достояніе всего великаго, и ей присвоенъ горній

крестъ сей, который недавно былъ возобновленъ, уже послѣ покоренія Кавказа оружіемъ Русскимъ.

Пространная долина отдѣляетъ крестовую гору отъ другой противоположной высоты, или Гуть горы. Гласъ народный усвоилъ сей долинь прозваніе Чертовой, отъ живописныхъ ужасовъ, ее окружающихъ, и частыхъ несчастій въ ней случающихся, ибо здѣсь наиболее настигаютъ завалы неосторожныхъ путниковъ. Грозный, но чудный видъ открывается въ бездну, съ окраины Гуть горы, какъ будто бы разверзлась подъ нею земля до самой утробы: такъ недоступна взору глубина бездны. Вышенная Арагва падаетъ съ вершины утесовъ, куда не видно, съ быстрою молніею; какъ ртуть кипитъ серебряная струя ея по голымъ камнямъ, но не слышно шума паденія: самая природа будто онемѣла отъ ужаса. Малое селеніе Осетинъ приникло, надъ бездною, съ тощею зеленью промежъ хижинъ; часть ихъ обрушилась недавно и до осмидесяти душъ погубило; но и тутъ, на вершинѣ отдѣльной

скалы, видны остатки церкви и башни, залогъ благочестія, утвердившагося на недоступной высотѣ, вопреки самой природѣ и вдали отъ насилія людей. Если же, отъ страшнаго верховья Арагвы, соответствующей Тереку, но только въ обратномъ теченіи къ полдню, устремить сквозь облачные туманы взоръ свой, не во глубину бездны что подъ ногами, но вдалѣ по изгибамъ тѣсной долины, — внезапно мелькнетъ вамъ проблескъ очаровательной Грузіи. Какъ нѣкій волшебный призракъ, издали она уже начинаетъ манить васъ къ себѣ, красками иного неба, очерками иныхъ горъ, смягченныхъ въ болѣе пріятные образы, облитыхъ роскошною зеленью, какъ будто бы растаяло ихъ каменное сердце, въ жаркихъ объятіяхъ ея смѣющихся небесъ; совсѣмъ иная райская область, готова смѣнить предъ вашими глазами, подъ звонкой ропотъ серебристой Арагвы, тѣ ужасы, которые, страшнымъ ревомъ навывалъ на васъ дикій Терекъ, этотъ ревнивый Дивъ, защищавшій такъ долго и упорно очарованное наследіе восточной красавицы Пери.

Г Р У З І Я.

Не такъ легко однако спуститься въ сей очарованный край, какъ легко и от-
радно обнимать его взорами съ подоблач-
ныхъ высотъ Кавказа. Каменистый спускъ,
отъ Гуть горы до станціи Кашауръ и да-
ле къ селенію Квишетъ, становится все
круче, но мѣръ приближенія къ подошвѣ
горы. Почти отвѣсно сбѣгаетъ дорога въ
чудную долину Арагвы, надъ домомъ кня-
зя Авалова въ Квишети, которому пору-
чено наблюденіе за горнымъ переваломъ
и подчинены всѣ Осетины расчищающіе
дорогу. Весьма часто, особенно весною,

когда завалы преграждаютъ дорогу на двѣ и на три недѣли, помѣстье князя бываетъ наполнено невольными гостями; многіе должны возвращаться въ Тифлисъ, потому что хозяину уже не чѣмъ угощать ихъ, по недостатку жизненныхъ припасовъ въ пустынномъ мѣствѣ. Освободившись отъ утомительныхъ хотя и живописныхъ горъ, помчался я вдоль берега шумной Арагвы, по лѣсистому ущелію, одному изъ самыхъ роскошныхъ въ Грузіи, своею растительностію. Пріятно было чувство скорого движенія, послѣ медленныхъ подъема и спуска, и какъ ни быстро мчался подлѣ насъ потокъ, его опереждали легкіе кони подлѣ заунывную пѣсню ямщика: и сюда въ закавказье проникло это коренное Русское ремесло, которое казалось столь же свойственнымъ горному краю, какъ и широкимъ степямъ нашей родины: такъ умѣлъ себя приспособить Русскій народъ ко всякой мѣстности и вездѣ онъ какъ у себя. Станція Пассанауръ стоитъ на серединѣ лѣсистаго ущелія; далѣе верстъ за 20 расширяется долина Арагвы, близъ мѣстечка

Анануръ, памятнаго горькою участію своихъ Эриставовъ. Еще стоитъ на горѣ ихъ опустывшій зубчатый замокъ, съ двумя внутри его церквами, во вкусъ древняго Грузинскаго зодчества. Нарядныя арабески, сплетенныя изъ змѣиныхъ головъ и виноградныхъ лозъ, образуютъ внѣшнее украшеніе стѣнъ. Въ малой церкви, сложенной изъ кирпича и уже частію обрушенной, находится гробъ одного изъ древнихъ Эриставовъ; тамъ погибло, въ пламени и дымѣ, семейство послѣднихъ Эриставовъ Арагвскихъ. Въ главномъ соборѣ, празднующемъ Богоматери, еще совершается богослуженіе; но всѣ иконы на стѣнахъ истыканы князьями Леагнiovъ, которые поволяли Эристамъ Ксанскимъ разорить родовое гнѣздо ихъ единокровныхъ, въ половинѣ минувшаго столѣтія. Зрѣлище развалинъ возбудило во мнѣ любопытство, и я узналъ въ послѣдствіи, отъ почтеннаго старца, князя Эристова, причину разоренія Ананура.

Шахъ-Надиръ, освободивъ Грузію отъ ига Турецкаго, поставилъ властвовать надъ

нею въ Гори одного изъ своихъ воеводъ, Ханжалъ-хана. Намъстникъ испугался вліянія сильной аристократіи и рѣшился однимъ ударомъ уничтожить всѣхъ старшинъ покоренной земли; онъ собралъ ихъ въ Гори, подъ предлогомъ похода противъ Осетинъ, съ тою цѣлію чтобы умертвить всѣхъ въ назначенный день. Не утѣшилось однако его коварство отъ Эриваста Ксанскаго Шамше: прозорливый князь сообщилъ свои подозрѣнія единокровному Эривасту Арагвскому, убѣждая въ тайнѣ бѣжать, и тѣмъ остановить кровопролитіе, потому что Ханъ не посмѣетъ поразить меньшихъ князей, когда снасуетъ старшіе; но Эривастъ не хотѣлъ послушаться опытнаго совѣта. Тогда Ксанскій отпрашивается на день, въ ближайшій свой замокъ, на рѣкъ Ксани, у градоначальника Гори, оставивъ ему въ залогъ людей своихъ и лошадей, и поднявъ оружіе въ горахъ роднаго ущелія. Смутился намъстникъ; онъ думалъ силою сокрушить непокорнаго, но принужденъ былъ самъ отступить съ большимъ урокомъ: князя

Грузин спаслись отъ угрожавшей имъ гибели и разошлись по домамъ.

Братъ Шамше Иссой, женатый на племянницѣ Царя Кахетинскаго Теймураза, хотѣлъ удалиться въ его предѣлы, но на пути былъ измѣннически окруженъ дружиною Эриваста Арагвскаго; самъ онъ едва могъ спастись бѣгствомъ; жена и дѣти его уведены были пленниками въ Анануръ. Вспыкнуло негодование въ сердцѣ Шамше, за сію вторую измѣну, уже кровную; онъ рѣшился отомстить. Ханъ Лезгинскій бродилъ съ многочисленною шайкою, въ окрестностяхъ Ананура; къ нему обратился Шамше и съ помощію его осадилъ Анануръ. Двѣ недѣли храбро отражали воины Арагвскіе Ксанскихъ и Лезгинъ; уже хотѣли отступить осаждавшіе, но осажденные раздражали ихъ язвительными насмѣшками и возбуждали послѣдній приступъ: онъ былъ гибельнымъ для Ананура; всѣ его жители пали подъ остриемъ меча; Эривастъ, со всемъ семействомъ, задохся отъ дыма въ малой церкви. Съ тѣхъ поръ опустѣлъ замокъ и родъ Арагвскій истребился; остался одинъ

Ксанскій, но и онъ дорого заплатилъ за умерщвленіе единокровныхъ.

Надиръ Шахъ усилилъ войска свои въ Карталиннѣ; оба брата, Шамше и Иессей, принуждены были бѣжать къ Пашѣ Ахалцхскому. Въ то время Турки вытѣснили изъ Кутанса Царя Имеретинскаго Александра, отца великаго Соломона, и онъ искалъ себя покровительства у Ханжалъ-хана въ Гори. Коварный намѣстникъ Шаха распустилъ, что ему выгодное обмѣняться бѣглецами съ Пашею, нежели содержать у себя развѣнчаннаго Царя; онъ предложилъ втайнѣ обмѣнъ сей своему сосѣду и нашелъ себѣ отголосокъ въ его сердцѣ: Суниты и Шиты, раздѣленные по вѣрованію, единодушны были въ измѣнѣ; Царь Александръ встрѣтился на пути съ братьями Эривастами. Обрадованный Ханъ посѣпшилъ отправить ихъ къ Надирю. Едва только вступили они въ предѣлы Персін, какъ одинъ изъ пограничныхъ воеводъ извѣстилъ Шаха, бывшаго въ Иснагани, что два злодѣя, которыхъ даже не назвалъ по имени, присланы къ нему изъ Грузіи: корот-

ко было рѣшеніе Шаха, вполнѣ выражавшее безотчетную жестокость правительства Персидскаго: «ослѣпить ихъ», и ослѣпили. Спустя нѣсколько времени Ханжалъ-ханъ, испуганный опять возмущеніемъ князей Грузія, думалъ усмирить ихъ вліяніемъ Эриваста Шамше, и просилъ Шаха, чтобы онъ возвратилъ ему обомхъ братьевъ. Согласился Надиръ, велѣлъ позвать къ себѣ плѣнниковъ; но сколь велико было его изумленіе, когда увидѣлъ ихъ слѣпыми. «Кто ослѣпилъ васъ?» спросилъ Шахъ — «Не по твоему ли велѣнію твой воевода?» отвѣчали они; и раздраженный велѣлъ въ свою очередь лишитъ его зрѣнія, за то что глухимъ донесеніемъ ввелъ въ такую ошибку; но что пользы было отъ сего наказанія Эривастамъ? Они оставались въ Персіи, хотя и осыпанные милостями, доколѣ родственникъ имъ Царь Теймуразъ, не испросилъ ихъ у Шаха, когда самъ былъ утвержденъ отъ него въ Картлинин, а сына его Ираклій въ Кахетин, за то что участвовалъ въ славномъ походѣ Надира въ

Индію. Такова была бѣдственная участь Эрнстатовъ Ксанекскихъ и Арагвскихъ.

Мраченъ Аналуръ съ его опустѣвшимъ замкомъ, который сторожитъ входъ въ ущеліе Арагвы. Отсюда мы перестали слѣдовать по рѣчной долины, чтобы избѣжать ея частыхъ изгибовъ, и чрезъ пустынные холмы достигли малаго городка Душетъ. Нѣсколько далѣе опять спустились въ долину Арагвы, но уже расширенную и усыннуую виноградниками по обѣимъ сторонамъ рѣки; такъ роскошно течетъ она до Гартискарь, гдѣ опять стѣсняется русло, прежде ея впаденія въ быструю Куру, въ виду древней столицы Грузіи, Михета. Вечеръ застигъ меня въ Гартискарь, послѣдней станціи отъ Тифлиса; я надѣялся на лунную ночь, но тучи скопились на небѣ, дологъ ясномъ, и сильная гроза, съ яркими молніями при раскатахъ грома, провожала меня почти до самой нѣмъ долгаго моего странствованія. Кое-гдѣ горѣли сторожевые огни, для безопасности путниковъ, довершая собою картинность ущелія. Полуобрушенные башни крѣпости Нациква-

ри, которая охраняла входъ къ бывшей столицѣ, блеснули при свѣтѣ молніи на утесъ Арагвы, и еще нѣсколько разъ загорались и потухали передъ нами. Далѣе всталъ изъ сумрака, въ огненномъ свѣтѣ, священный соборъ Мцхета, какъ нѣкое чудное явленіе минувшихъ вѣковъ, и мгновенно скрылся. Мимо промчался я чрезъ каменный мостъ Куры, но съ противоположнаго берега, на устьи обѣихъ рѣкъ, опять освѣтился чудный исполнѣнъ Мцхетскій и какъ бы заревомъ вспыхнула выпренная верковь Св. креста, на одинокой горѣ за Арагвою. Нельзя было въ большемъ величій видѣть древній Мцхетъ; ночь и гроза прикрыли развалины и, не выдавшему его горькаго запустѣнія, онъ казался чѣмъ-то великимъ, истинно царскимъ: такое очарованіе пріятно было сердцу. На полѣ Дигомскомъ затихла гроза и серебряный мѣсяцъ возшелъ въ свое ночную область. Узкая дорога стала опять называться по иртуому берегу Куры; вдаль уже мелькали огни Тифлиса.

Грустно было для меня первое впечатлѣ-

тлѣніе Тифлиса; я възжаль въ городъ, мнѣ незнакомый, который не много объ- щалъ съ перваго взгляда и сверхъ того былъ совершенно пустъ, потому что всѣ мои знакомые находились въ Чеченскомъ отря- дѣ. По щастію, тотъ изъ нихъ, кого наи- болѣе желалъ видѣть, случился въ Ти- флисѣ, и въ его дружеской бесѣдѣ на- шель я первую отраду послѣ утомитель- наго пути. На другой день вышелъ я на балконъ, окинуть взорами городъ, и не- пріятно меня поразили низкіе дома его, съ глиняными терасами вмѣсто крышъ, къ сторонѣ базара, изъ-за которыхъ возвыша- лось нѣсколько остроконечныхъ куполовъ. Еще болѣе унынія возбуждали окрестныя горы, опаленныя солнцемъ, безъ всякой зелени, промежду конхъ проложила себѣ теченіе каменистая Кура; но живописно въичалъ вершину ближней горы, древній замокъ Тифлиса, своимъ зубчатымъ греб- немъ, и красотою развалинъ примирялъ съ дикостію мѣста. Я просилъ моего при- ятеля вести меня въ соборъ Сіонскій, что- бы поклониться тамъ первой святыней Гру-

зія, виноградному кресту Св. Нины. По узкимъ улицамъ Армянскаго базара, который живо напомнилъ мнѣ восточныя торжища Царьграда и Каира, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, достигли мы древняго святилища, каеэдры прежнихъ Митрополитовъ Тифлиса и нынѣшнихъ Экзарховъ Грузинъ.

Оно вросло въ землю отъ тяжести вѣковъ, ибо основателемъ его былъ, еще въ V столѣтіи, славный царь Вахтангъ Гургасланъ, и печать давно миноваго лежитъ на его тяжелой массѣ, сложенной изъ дикаго желтаго камня. Также священная старина обвѣяла меня и во глубинѣ храма, мрачнаго какъ наши древніе соборы, съ узкими окнами, мало проливающими свѣта, но съ куполомъ остроионечнымъ во вкусѣ Грузинскомъ. Иконостасъ рѣзной сооруженъ будто бы изъ слоновой кости, уже послѣ бѣдственнаго разоренія Тифлиса, въ исходѣ миноваго столѣтія; онъ соответствуетъ характеру всего гаданія и весьма счастливо, нѣтъ его, не замѣтили новыиъ. Много разъ страдало сіе завѣтное святи-

лице отъ ярости невѣрныхъ, съ тѣмъ поръ какъ впервые раззорилъ его Султанъ Джелалъ-эддинъ, въ XIII вѣкѣ. Не менѣе грозный завоеватель Тимуръ, излилъ также свою ярость на святилище; а въ началѣ XVI вѣка, Шахъ Измаиль бросилъ въ Куру самую икону Богоматери Сіонской; послѣдній завоеватель Тифлиса, Ага-Магометъ-ханъ довершилъ гибельное опустошеніе своихъ предшественниковъ. Но не смотря на то соборъ Сіонскій стоитъ, на перекоръ всѣмъ ударовъ времени и людей, и, празднуя день усненія Богоматери, напоминаетъ намъ именемъ своимъ ту святую гору, на коей преставилась она къ Сыну своему и Богу. Сладостное имя Сіона, неоднократно повторемое въ одной лишь Грузіи и только въ храмахъ Успенскихъ, не можетъ имѣть ниаго объясненія, хотя мѣстное преданіе говоритъ, будто бы изстари Сіонами назывались всѣ церкви соборныя безъ куполовъ; Тифлисская обличаетъ неправильность такого преданія, а между тѣмъ она одна изъ древнѣйшихъ; современныя ей храмы Вио-

дсема, Голгофы и Фавора, въ томъ же городѣ, свидѣтельствуютъ какъ близка была сердцу новообращенныхъ Царей Грузинъ священная мѣстность Палестины, откогда пришло имъ просвѣщеніе духовное съ равноапостольною Ниною.

Ея креста пламенно искали мои взоры, послѣ того какъ утѣшилось сердце слушаніемъ божественной литургіи, на родномъ нарѣчій, далеко отъ родины; съ благоговѣніемъ поцѣловалъ я священный крестъ еей, сплетенный изъ виноградныхъ лозъ и связанный власами святой Нины. Она сама изображена на серебряной доскѣ кивота, въ которомъ хранится сіе сокровище, по лѣвую сторону главнаго алтара. Мѣстное преданіе говоритъ, что еще во времена гоненій огнепоклонниковъ, Маговъ Персидскихъ, царица Грузинская Сусанна спасла святыню изъ рукъ невѣрныхъ и сама пострадала отъ мужа своего, за вѣру отцевъ. Крестъ Св. Нины въ некоторое время находился въ рукахъ Армякъ, и вѣроятно возвращенъ былъ не прежде Царя Давида возобновителя, покорившаго ихъ столицу

Аши. Съ тѣхъ поръ честное знаменіе долго хранилось въ соборѣ Мцхетскомъ, доколѣ непрестанная опасность, отъ нападений Лезгинскихъ, не побудила Царя Кахетинскаго Теймураза II, перенести оное въ укрѣпленный замокъ Анапуръ. Митрополитъ Тимошей, известный въ Грузіи своимъ путешествіемъ къ Св. мѣстамъ, по любви къ прежней династіи Карталинской, которая искала себя убѣжища въ Россіи, взялъ самовольно изъ Анапура крестъ Св. Нины и вручилъ въ Москвѣ Царевичу Бакару, сыну Царя Вахтанга; но Императоръ Александръ, при вступленіи своемъ на престолъ, получивъ сію святыню въ даръ отъ внука Бакарова, возвратилъ Грузіи ея заветное сокровище, какъ бы самое благословеніе Св. Нины. Древняя икона Богоматери Сіонской замѣнена новою, присланною Царевичемъ Иракліемъ; также изъ Москвы, откуда опять, какъ въ древніе годы, истекаютъ духовныя богатства для Иверіи. Въ шаломъ придвѣя Архангела, прилежащемъ къ собору, поклонился я еще одной древней иконѣ верукотвореннаго об-

раза Спаса; она почитается чудотворною и есть вѣрнѣйшій списокъ съ той, которую принесли вѣкогда въ Грузію Св. отцы Сирійскіе.

Подлѣ собора хотѣлъ я заглянуть въ скромное жилище Экзарха Грузіи, который самъ отсутствовалъ, посвящая дальнюю паству свою въ горахъ Ахалциха. Меня поразили тѣснота и убожество сего древняго дома Митрополитовъ Тифлисскихъ; онъ состоитъ изъ трехъ малыхъ келлій, гдѣ съ трудомъ помѣщается нынѣшній Экзархъ; но очаровательно самое мѣсто: деревянная тераса, служащая преддверіемъ или съѣзди, виситъ надъ рѣкою и вся обвита быза виноградными гроздіями; подъ нею сердито кипѣла Кура, смотая утесами сдвинувшихся береговъ, на коихъ перекинута смѣлый мостъ, а напротивъ амфитеатромъ подымались предмѣстіе Авлабаръ и обитель Преображенская, бывшій дворецъ вдовы Царя Ираклія, и замокъ Метехскій на обрывѣ скалы, съ древнею церковію мученицы Царицы Сусанны.

Едва только пріѣхалъ я въ Тифлисъ,

какъ уже спышилъ его оставить, чтобы воспользоваться красными осенними днями и лунными ночами, для посвященія Кахетіи. Мнѣ хотѣлось застать еще сію цветущую долину во всемъ ея блескѣ, облащаемую пѣснями веселыхъ жителей, во время винограднаго сбора, когда она вся обращается въ одинъ благословенный садъ. Я хотѣлъ также посѣтить и древнія обители, привлекающія въ ней благоговѣйное вниманіе, иногда посреди роскошныхъ долинъ, иногда въ скалахъ и ущеліяхъ, ибо Господь надѣлилъ Кахетію обиліемъ плодовъ земныхъ и небесныхъ, обвилъ плетеницами гроздій роскошныя берега Алазани и Юры и, какъ медоточивый улей, приготовилъ дикія келліи въ ея скалахъ, для молитвеннаго роя отшельниковъ.

НАТЛИМЦАМЕЛИ, ОБИТЕЛЬ ПРЕДТЕЧИ.

Мнѣ сочувствовалъ любитель просвѣщенія своей родины Г***, который вполне могъ объяснить памятники для меня темные, по невѣденію языка. Дорога въ Кахетию пролегаетъ на Сигнахъ; мы поворотили вправо отъ Нѣмецкой колоніи Мариенфельдъ, въ обширную степь Карайскую.— Безводная, прорытая изсохшими руслами потоковъ, которые бурно стремятся по ней только весной, она тянется на большое пространство по теченію Куры, между ея безпріютнымъ берегомъ и столь же голымъ

кряжемъ горъ, отдѣляющимъ сію пустыню отъ благословенныхъ долинъ Кахетин. Здѣсь кончается населеніе Грузинское, и бродятъ съ своими стадами одни Татары, опасные для одинокаго путника, особенно когда перемѣняютъ свои кочевья. — Это дикое уединеніе избрали себѣ, еще въ V столѣтіи, отшельники Грузинскіе, чтобы создать вторую Эвванду, въ предѣлахъ своей новопросвѣщенной родины. Тридцать верстъ ѣхали мы почти безъ всякой дороги, около подножія горъ, по направленію ихъ дальнихъ отроговъ, которые на подобіе мысовъ, одинъ за другимъ, выступали въ сію пустынное море; глубокія русла затрудняли ходъ коляски, не смотря на опытность нашихъ вожатыхъ коленнестовъ; начинало смеркаться, а еще нигдѣ не было видно ни малѣйшаго признака жилья человеческого. Вдругъ, на высокой горѣ, показалась одинокая башня и около нее, какъ бы гнѣзда птицъ, выдолбленные въ утесъ; потомъ еще двѣ башни и нѣчто въ видѣ ограда, и послышался тонкій звукъ кодокода; — мы ожили сердцемъ:

это была Натлимцамели, обитель Предтечи.

Каменная дорога по ущелию съезжала такъ тѣсна и крута, что невозможно было подыматься далѣе въ коляскѣ; мы оставили ее въ полугорь, у малаго миндальнаго сада, единственной отрады сего дикаго уединенія, и пошли пѣшкомъ на крутизну. Какое-то странное чувство овладѣло мною; мнѣ казалось что я нѣкогда былъ тутъ и какъ бы во снѣ припоминалъ предметы, не будучи въ состоянн дѣлать себѣ отчетъ, почему могли они быть мнѣ знакомы? И вотъ на встрѣчу намъ вышли изъ-подъ воротъ сторожевой башни, уже въ сумракѣ, семь иноковъ, какъ тѣни въ своихъ черныхъ рясахъ; нѣкоторые держали въ рукахъ свѣчи, чтобы освѣтить намъ дорогу по утесу. Впереди всѣхъ шелъ старецъ Архимандритъ Софроній, рода княжескаго, послѣ бурной жизни укрывшійся въ начальное мѣсто своихъ подвиговъ. Занимъ едва-едва ступать, опираясь на посохъ, стоятъ гнѣвъ Авва Виссаріонъ, уже тридцать лѣтъ не спускавшійся подъ гору;

и въ ординѣ гдѣль своемъ пережившій много бурь своей родины: блѣдное лице, длинная сѣдая борода, согбенный станъ, выжили къ нему невольное благоговѣнiе; казалось онъ поднять одну изъ пробовыхъ плитъ обители, гдѣ давно уже успокоился сномъ смерти, и вынуть, вынуть съ братiю, на встрѣчу чуждому пришельцу.

Послѣ первыхъ привѣтствiй вся братiя повела насъ, какъ бы крестнымъ ходомъ, подъ арку входной башни, на дворъ монастырскiй, ображденный по краю утеса полуобвалившiяся стѣною; посреди него росли нѣсколько тонкихъ пирамидальныхъ деревь. Мы подошли прямо къ отвѣсной скалѣ, въ которой пробита была низкая дверь, нагнулись въ устье нещеры и съ проумоленiемъ выпрямались посреди величественнаго храма, посвященнаго высокимъ арками въ скаль, съ рѣзнымъ иконостасомъ на подобie Сионскаго. Вся лампады были зажжены предъ мѣстными иконами, но благоклонному къ намъ вниманiю братiи: этотъ тусклый свѣтъ, снизу озаряя просторную церковь, умножалъ воображенiю ея рамь-

ры и внушала невыразимое чувство благоговѣнія; душа уже поражена была неожиданнымъ явленіемъ самаго святилища, которое, какъ бы по волшебному манію, раскрылось для насъ въ сердцѣ горы. Первымъ involuntary движеніемъ было, приблизиться къ роднымъ иконамъ Спаса и Пречистой Дѣвы, и замнаго Ангела Предтечи, котораго гласъ, вознѣвшій въ пустынь Палестинской, отозвался далеко и въ горахъ Иверіи, село пустынное обителію. Боже другихъ ващная лампада, съ Грузинскою надписью, горѣла предъ его иконой, и я относилъ это къ особенной почести, воздаваемой храмовому образу; но Архимандритъ, языкомъ моего спутника, объяснилъ мнѣ высокое историческое достоинство сей лампады. Последний Царь Грузинскій, Георгій XIII, пожертвовалъ ее, въ память благочестиваго духовника своего, настоятеля Епифанія, погребеннаго предъ иконою Предтечи, подъ самою лампадою, и приписавъ къ ней свое духовное завѣщаніе. Когда же, посреди бѣдственныхъ смуть его надыхавшаго царства, прибли-

зился къ нему чашъ смертный, онъ просилъ своихъ близкихъ, прежде нежели продать тѣло его: землѣ, взять и прочесть его завѣщаніе, изъ подъ лампады Натлициамели. Приближенные, въ надеждѣ достоянія земнаго, поспѣшили исполнить волю усопшаго: что же нашли они подъ лампадою? краткое моленіе: «погребите меня въ обители Предтечевой, подлѣ духовника моего отца Еванмія.» — Какъ умилительна такая послѣдняя молитва послѣдняго Царя! Какъ выражаетъ она весь характеръ благочестиваго Георгія, который гораздо болѣе помышлялъ о небесномъ царствѣ нежели о земномъ.

Всѣ прочія серебряныя лампы, висѣвшія предъ мѣстными иконами Спасителя и Божіей Матери, Іоанна Богослова, трехъ Святителей, Николая Чудотворца и Пророка Іліи, были усерднымъ дѣланіемъ того же кроткаго Царя. При свѣтъ ихъ, какъ будто бы свѣтилъ мнѣ самъ Георгій, когда я окинуть взоромъ иконостасъ, сооруженный также въ его время: двѣнадцать Апо-

столовъ и дванадесять праздниковъ, въ
рѣзныхъ прозрачныхъ рамахъ, поставлены
поверхъ мѣстныхъ иконъ, подѣ конми на-
писано все житіе Предтечи. На царскихъ
дверяхъ, вѣсто сіяніи, вырванъ вѣнокъ
изъ виноградныхъ лозъ, а по срединѣ ли-
ки Господа и его учениковъ, сходно съ
евангельскими словами: «Азъ есмь лоза, вы
же гроздія». Два внока зажгли большія
свѣчи и ввели меня въ олтарь, чрезъ от-
дѣльный жертвенникъ, ибо нѣтъ другаго
входа: углообразно выдается этотъ жер-
твенникъ, во внутренность пещерной цер-
кви, и отдѣленъ отъ нее легкими арка-
дами, изъсѣченными изъ той же скалы,
а съ олтаремъ сообщается тѣснымъ про-
ходомъ, пробитымъ въ камень. Я увидѣлъ
вспругъ горниго мѣста тотъ же ликъ Апо-
столовъ и надъ ними подустертый образъ
ихъ Божественнаго учителя, несомнаго со
славою ликомъ Ангеловъ, во исполненіе
Херувимской пѣсни: «яко да Царя всѣхъ
подынешь, Ангельскими невидимо доручо-
сима чинми.» — Сколько глубокаго и та-
инственнаго смысла, въ такомъ олицетво-

рениі сего высокаго гимна, призывающаго насъ къ отложенію всего житейскаго!

Мы возвратились въ отдѣленіе жертвенника, устроеннаго совершенно по древнему чину, нѣсколько въ сторонѣ; двери изъ него въ самую церковь были съ боку, не въ одной линіи съ царскими. Надъ самымъ мѣстомъ приготовленія безкровной жертвы, написанъ на сводѣ нещерномъ Деисусъ, т. е. молитвенное стояніе Богоматери и Протечи, по сторонамъ Господа Иисуса, также какъ и на дискахъ полагають части, вынимаемыя въ память ихъ, съ обѣихъ сторонъ божественнаго Агнца. Кругомъ, на стѣнахъ жертвенника поверхъ аркадъ, отдѣляющихъ его отъ церкви, собраць молитвенный даже отшельниковъ Палестинскихъ, послужившихъ образцемъ для ихъ подражателей, въ отдаленныхъ каменистыхъ пустыняхъ Иверіи. Тутъ были Савра освященныи, свѣтло моначества въ плачевной юдоли, и Харитонъ, основатель иночества въ Палестинѣ, вмѣстѣ съ Елономъ великимъ; тутъ и одиночій въ пустыняхъ Египта Онуфрій, одѣтый ризою:

срощъ додось, и Кирикъ, самый строгій изъ поддимицковъ, и Ефремъ, сладкоречивый дїаконъ Эдессы, всегда исполненный памяти ехраниаго еуда. Вмѣстѣ съ диками сѣхъ Восточныхъ отцевъ, стояли два Давида, одинъ изъ числа Сирскихъ принельцевъ, послужившій разсалиникомъ иночества въ Грузіи, другой же Царь обновитель, вызвавшій изъ развалинъ жь ея святкища. На задней стѣнѣ храма, между ликами царствениыхъ покровителей церкви, сохранилась только внука обновителя, Царица Тамаръ, деждъ положившая печать своей славы, съ мужемъ своимъ Давидомъ прекраснымъ и сыномъ Георгіемъ.

Вотъ, въ какомъ молитвенномъ сонмѣ царей и пустынниковъ, возносятъ теплыя мольбы оромъ къ Богу, изъ глубины пещерной, малые остатки многолюднаго некогда братства сей древней пустыни, которая современна отшельникамъ Востока, написанными на стѣнахъ ея. Добольше знавъ самое пространство подземной церкви, чтобы видѣть сколько рукъ должны были трудиться для достроенія оной въ скалѣ; въ за-

падной стѣны до иконостаса болѣе семи сажень, не считая алтаря, и столько же ширины, безъ боковаго притвора; высоты же отъ помоста до стройно-округленнаго свода, пять сажень. Въ притворѣ съ правой стороны, который служитъ входомъ и также выдолбленъ въ утесъ, есть малый придѣлъ, поднятый двумя ступенями надъ помостомъ, во имя Св. Димитрія Селунскаго; но къмъ онъ основанъ неизвѣстно: быть можетъ сыномъ Давида возобновителя, Димитріемъ, или однимъ изъ позднѣйшихъ Царей сего имени. Большое отверстіе пробито изъ сего придѣла въ главный алтарь Предтечи; въ правой сторонѣ его погребена Царица Анна, мать послѣдняго Царя Георгія, который быть можетъ оттого и былъ столько привязанъ къ сей обители. У самаго входа въ пещерную церковь жилая келлія въ утесъ, для стража подземнаго святилища; кому же ввѣрена сія священная стража? стопятилѣтнему аввъ Виссаріону, который еще бодръ на молитву, хотя уже не можетъ стоять безъ посоха. Столбчатый призракъ минувшей сла-

вы сей пустыни при дверяхъ ея пещернаго храма: — какъ это сильно и умирительно! какіе медные веревъ и заноры кричатъ такого вратаря?

По выходѣ изъ церкви Архимандритъ пригласилъ насъ въ свои келліи, если только по нашему такъ можно назвать нѣсколько пещеръ, посвященныхъ въ скалы. Лѣстница, которая въ нихъ вела по обрыву утеса, состояла изъ каменныхъ и деревянныхъ уступовъ, съ искривленными перилами, чтобы только не обрушиться въ пропасть, и по такимъ труднымъ ступенямъ побрелъ владѣ за нами авва Виссаріонъ, поддерживаемый послушниками. Когда мы расположились какъ могли, на коврахъ, въ убогомъ жильѣ Архимандрита, онъ сказалъ мнѣ чрезъ посредство моего спутника:

«Ию нынѣшнему состоянію нашему не судите о славной нѣкогда обители Натливцамели; даже на моемъ вѣку, не говоря уже о временахъ предъ вами стоящаго аввы Виссаріона, она еще процвѣтала. За пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда я

пришелъ сюда въ искусь иноческій, при настоятель старецъ Евонминъ, я засталъ еще до пятидесяти иноковъ, десять игуменовъ, и четырехъ Епископовъ, жившихъ здѣсь на поковъ, которыхъ гробы укажу вамъ завтра; ибо Натлиндамели искомни служила разсадникомъ иноческой жизни и посвященія духовнаго для всей Грувин. У насъ не было училищъ, но сюда собирались въ отрочествъ, желавшіе посвятить себя на служеніе церкви, и дѣлались учениками опытныхъ старцевъ, доколъ въ свою чреду, изъ нихъ самихъ, не образовались настоятели. Отсель избиралась большою частію предстоятели монастырей в епархіи; до такой степени глубоко было уваженіе Царей и Католиковъ къ нашей пустынь. Старецъ Митрополитъ Іоаниъ Бодбель, о которомъ вы вѣроятно уже слышали или услышите, если будете на гробъ Св. Нины, здѣсь провелъ свою молодость, равно какъ и многіе изъ лучшихъ Епископовъ нашихъ, которыхъ вы уже не застали въ живыхъ: да и самъ жившій Викарій отсюда вышелъ въ настоятели. Большая часть изъ

вашихъ духовныхъ баалъ происхожденія княжескаго, и семейства ихъ не забывали святаго мѣста сего; о любви же послѣдняго Царя Георгія, къ обители и духовнику своему Евенмію, много вамъ осталось свидѣтельствъ.»

«Вы говорите мнѣ о минувшей славѣ вашей обители, скажалъ я, но прежде всего объясните, гдѣ я? и что за странное явленіе, столь дикаго жила и ноческаго, въ скалахъ и пропасть?»

«Развѣ вы никогда не слыхали, отвѣчалъ Архимандритъ, о тринадцати Сирскихъ отцахъ, изъ числа учениковъ Св. Симеона столпника, которые пришли сюда двѣсти лѣтъ спустя послѣ Св. Нины, утвердить проповѣданное ею Христіанство? Сама Божія Матерь, избравшая Грузію своимъ уделомъ, ввухнула благую мысль сію главѣ отцовъ Іоанну и одинъ изъ нихъ Давидъ, прозванный Гареднійскимъ, по любви своей къ пустынной жизни, поселясь сперва на горѣ Тифлиской, пришелъ искать сюда большаго безмолвія, съ избраннымъ ученикомъ своимъ; но вскорѣ пустыня его сдѣ-

лалась многолюдною). Сподвижникъ старца, Лукіянь, основалъ нашу обитель Натлимцамели; въ память великаго любителя пустыни, Иоанна Предтечи. Я приважу вамъ завтра есиовное гнѣздо нашей Фиваиды, самую обитель гдѣ жилъ и скончался блаженный отецъ нашъ Давидъ. Тамъ увидите вы, близко отъ пустыни Гареджіійской, бывшую лавру мучениковъ Моцамети и знаменитый монастырь Додо, любимаго ученика Давидова, и еще нѣсколько другихъ, если время позволитъ намъ посетить ихъ; двѣнадцать такихъ пустынь основались, одна близъ другой, въ окрестности Гареджіійской, еще при жизни блаженнаго аввы.»

«Но какимъ образомъ оскудѣла братія?» спросилъ я Архимандрита.—Онъ же вздохнулъ только, вмѣсто отвѣта, и помолчавъ нѣсколько сизалъ:

«Ахъ! гдѣ же процвѣтаетъ теперь иночество? не одна наша обитель и вся оскудѣли, или даже совершенно пусты, да вѣз кого набирать братію? — Князья наши и дворяне обратились къ занятіямъ свѣт-

скивъ. Прошли смутныя времена, когда надъ каждымъ изъ насъ висѣлъ мечъ Персидскій или Лезгинскій, и мы посреди безопасности не такъ усердны къ молитвѣ. — Помню еще, когда бывало, нельзя выдти изъ ограды монастырской, не только спуститься подъ гору. Однажды отца нашего Евонмія захватили въ плѣнь Лезгинцы, вместе съ церковнымъ крестьяниномъ, около того миндальнаго сада, гдѣ стоитъ ваша коляска. Такъ какъ крестьянинъ былъ гораздо осанистѣе нашего старца, то съ нимъ обходились съ большимъ уваженіемъ, а смиреннаго Евонмія, утаившаго свое имя, заставили идти пѣшкомъ всю дорогу, обманная его побоями; тогда только умилоstinились, когда узнали въ горахъ, что онъ духовникъ шарскій; но за то Георгій дорого долженъ былъ заплатить за его выкупъ. Мало по малу, съ оскудѣніемъ братіи, стали пустеть и обрушиваться ихъ келліи; даже та, въ которой инваляце время постовъ. Царь Георгій, до половины отцѣдъ отъ скалы, потому что дождевая вода, иже не отводимая по недостатку

рукъ, размываетъ пещерные своды, всасы-
ваясь въ нихъ разсѣлами. — Ограда наша
совершенно рушится, и мы стараемся под-
держивать ее сколько можемъ, потому что
вмѣсто Лезгинъ, насъ обиваютъ теперь
Татары. Мало того, что они совершенно
присвоили себѣ наши степи для пастбища,
нѣкоторые изъ нихъ осмѣлываются пере-
лѣзать иногда черезъ ограду, чтобы вос-
пользоваться нашимъ скуднымъ добромъ,
и если бы не большія собаки, которыхъ мы
спускаемъ ночью, не было бы никакой за-
щиты монастырю. И такъ опять повторяю,
не судите о насъ по тому, что теперь ви-
дите.»

Въ занимательной для меня бесѣдѣ про-
текла большая часть вечера; наступило
время братской трапезы, ибо не смотря на
скудость средствъ, обитель сохранила об-
щественіе и этимъ обязана она усердію Ар-
химандрита, который старается удерживать
древній порядокъ. Мятежна была середина
его житійскаго непріида, но къ старости
возвратился онъ къ той же безбурной
пристани, въ которой началъ подвигъ ино-

чества, и подаетъ теперь рѣдкій примѣръ
восточной жизни. Около него собра-
лись нѣсколько учениковъ, какъ бывало
прежде въ лучшія времена Натанцавели, и
онъ научаетъ ихъ порядку службы церк-
вной, ибо самъ почитается однимъ изъ
лучшихъ пѣвцовъ Грузинъ. — Насъ ввели
въ длинную залу, восточную въ снѣгу;
высокіе своды ея опирались на двухъ стол-
бахъ; поразительна была такая трапеза въ
сердцѣ горы, когда снаружи нельзя было
подозрѣвать никакого жилья человѣческа-
го. Одна тусклая лампада висѣла надъ сво-
домъ и освѣщая обширность залы, обли-
чала прежнее многолюдство и пышнѣйшее
убожество обитали. Авва Виссаріонъ, съ
старшими иноками, сѣлъ по лѣвой сторонѣ;
насъ пригласилъ посадилъ напротивъ, на
почетное мѣсто; послушники служили. Ар-
химандритъ взошелъ на хоры, нарочно для
того устроенные, и во все время читалъ
врученіе. Чрезвычайно торжественно бы-
ло самое убожество сей трапезы, ибо тутъ
собрались остатки славы и намогда Нат-
анцавели, какъ бѣдые воины, не отжа-

дальше отъ вѣрренной мнѣ стражи, доколѣ послѣдняго не изгрозитъ смерть. Молча мы разошлись; мнѣ указали келлію, носѣченную въ настиль, съ каменнымъ ложемъ, вмѣсто постели; братія разошлась по своимъ гнѣздамъ. Прядь иконою. Предтечи теплилась малая лампада: это былъ день обрѣтенія честной его главы. Я прочелъ канонъ великому Ангелу этой и Палестинской пустыни, который сподобился я носить, и полный изъ воспоминаваніи вышелъ изъ своей келліи, на узкую площадку, висѣвшую надъ обрывомъ скалы.

Мертвая тишина царствовала вокругъ меня, и такая пустота открывалась въ сумракѣ подо мною, что мнѣ казалось; будто я уже стою на краю всякаго творенія и міръ кончается у моей скалы. Мало по малу началъ я всматриваться въ предметы, слабо освѣщенные не полною луною. То что въ первое мгновеніе мелькнуло мнѣ какъ хаосъ, представилось потомъ обширною равниною, которая убѣгала далеко, далеко; сколько глазъ могъ увидѣть ее въ полусвѣтъ звѣздна. Позади меня и по ото-

ронамъ поднимались скалы и часть ущелья, въ которомъ извѣчена обитель, разступилась предо мною; привратная башня стояла на краю обрыва; нѣсколько толстыхъ деревьевъ, не колыхаясь, дремали надъ оградой и не было ближе другихъ предметовъ: такъ скудна была ими дикая природа въ обилии своихъ скалъ. Я сталъ прислушиваться къ голосу ночи: все что сначала казалось мнѣ совершеннымъ безмолвіемъ, было однимъ всеисполняющимъ звукомъ, который плавалъ по цѣлой пустынѣ; это было жужжаніе несмѣтной тьмы насѣкомыхъ, невидимыхъ днемъ и только слышимыхъ ночью, жизненное сотрясеніе воздуха, будто безгласнаго отъ самой его полноты; только изрѣдка прерывалась тишина, протяжнымъ воемъ сторожевыхъ псовъ, когда чуяли они, съ вершины утесовъ, дальняго скитальца въ пустынѣ, или какого либо ночнаго звѣря, скользившаго по ущелью.

Тогда только началъ я опаматоваться и, озираясь во все стороны, какъ бы входитъ опять въ область прошедшаго, и слы-

Часть I.

4

чать бывшее съ настоящимъ, впечатлѣнія
коихъ дотолѣ были перемѣшаны въ моемъ
воображеніи. Я вспомнилъ плачевную юдолю
потока Кедрскаго и лавру Св. Саввы въ
сей юдоли: тѣ же скалы надо мною и про-
пасть у ногъ монахъ; тѣже сторожевыя ба-
шни и одинокое миндальное дерево вмѣ-
сто пальмы, и безжизненная пустыня, освѣ-
щенная столь же блѣдною луною. Я всмо-
трѣлся и понялъ, почему то, что здѣсь дол-
жно бы мнѣ казаться новымъ, напротивъ
того вѣяло мнѣ родною стариною, и толь-
ко промежутокъ протекшихъ лѣтъ разье-
днилъ въ мысляхъ моихъ предметы, ко-
торыя въ нихъ сливались по своему нео-
бычайному сходству, Натлимцамели и ла-
вра Св. Саввы! — Долго наслаждался я
живымъ воспоминаніемъ былаго, въ совер-
шенномъ отчужденіи всего, что только мо-
гло обезкрылить мои свободныя мечты: я
сидѣлъ одиноко, на выдавшемся утесѣ,
какъ бы въ воздухѣ; все было пусто и не-
подвижно вокругъ, только одна луна дви-
галась въ пустынь неба. — И вотъ наке-
нецъ я сталъ чувствовать, будто опять все

сливается вокругъ меня въ прежній хаосъ, и будто начала волнообразно колебаться пустыня, доколь не обратилась вся въ одно серебристо движущееся море, и уже потерялось для меня различіе между этимъ моремъ, что подымалось сверху, и этимъ небомъ, что опускалось тихо и плавно, все ближе къ землѣ. . . . Я дрогнулъ и вспрыгнулъ съ утеса, и устремился опять въ келью, на мое каменное ложе, до утренняго звона.

Отрадно мнѣ было присутствовать на божественной службѣ; въ недражъ земли, хотя я и не понималъ языка Грузинскаго, но совершенное сходство молитвъ и обрядовъ, позволяло слѣдовать за ходомъ богослуженія. Это напомнило мнѣ Кіевъ и Палестину, гдѣ я также молился въ подземельяхъ. За утреннею слѣдовала ранняя литургія; вопреки уставу монастырскому, но мы просили сдѣлать для насъ такое снисхожденіе, чтобы успѣть въ тотъ же день осмотрѣть другія обители сей пустыни. Послѣ обѣды, уже при свѣтѣ дня, съ утѣшениемъ сличалъ я вѣстность обители

съ юдолью Св. Саввы. Быть можетъ здѣсь самое сходство возбудило къ подражанію. Если не такъ глубоко ущелье, то мертвенность природы столь же ужасна, и тѣ же нависшія скалы, и келліи и церкви пробитыя въ утесахъ, хотя соборная Св. Саввы стоитъ тамъ отдѣльно на своей площадкѣ. Но и тутъ три башни Іустиніановы повторились въ Натлимцамели, двѣ по краямъ ограды и одна сторожевая на вершинѣ горы, какъ въ лаврѣ Палестинской. Жалко было видѣть однако, какъ много уже обрушилось келлій и малыхъ придѣловъ, и сколькимъ еще угрожаетъ паденье, если не отведутъ заблаговременно дождевыхъ струй. Мало по малу стѣсняется братія, позади своей умаляющейся ограды, въ одинъ безвыходный кругъ, гдѣ время и стихіи осаждаютъ эту слабую горсть вонтелей духовныхъ, которые не хотятъ имъ уступать поприща славы великихъ своихъ отцевъ.

Прежнія настоятельскія келліи, висѣли надъ пещерною церковью; ихъ деревянная галлерей защищала своды ея отъ дожде-

вой воды; теперь же половина келлій обрушилась и отъ того можетъ пострадать самая церковь. Нѣсколько выше, подлѣ другой малой церкви Успенія и келлій Евимія, находились убогіе покои смиреннаго Царя Георгія, гдѣ любилъ онъ безмолвствовать во дни великаго поста. Благочестивое и болѣзненное лице сего послѣдняго Царя изъ рода Багратидовъ, напоминаетъ нашего кроткаго Феодора сына Іоаннова, послѣдняго изъ дома Рюрикова, который также предпочиталъ уединеніе келлейное царскимъ своимъ палатамъ, и оставилъ по себѣ память во многихъ обителяхъ. Но въ Патлимцамели келліи молитвеннаго Георгія почти совершенно обрушились; до половины только сохранилась стѣнная живопись: Спаситель сидящій между Пречистой своей Матери и Предтечи, Св. Нины и отшельника Додо; прочіе лики обвалились вмѣстѣ со стѣной, а келлія духовника царскаго обращена въ ризницу. Въ числѣ замѣчательныхъ ея древностей, утварей и книгъ, особенно привлекли мое вниманіе богатоукрашенный крестъ Тинати-

ны супруги Кахетинскаго Царя Леона, и образъ Предтечи, найденный при Царь Ираклизъ въ горахъ Гамборскихъ. Полагаютъ, что икона сія пятаго столѣтія, времянь Гургаслаша: отсвеченная глава Предтечи вырвана на деревянномъ блюдь и вставляется въ углубленіе иконы, обложенной богатою ризою, а на задней сторонѣ доски есть много частиць святыхъ мощей съ надписями.

Отъ сихъ келлій можно взойти на вершину Бодбелевой сторожевой башни, которая приникла къ самому гребню утеса; но надобно прежде ползти по уступамъ витой лѣстницы, пробитой въ скаль, чтобы только достигнуть основанія башни. Мертвые но величественные виды открываются съ нее на всю пустынную окрестность, до дальняго теченія Куры, которая раздвѣляетъ собою Карайскія степи и только издали манить, своими свѣжими водами, истомленныхъ жаждою въ безводной равнинѣ. Солнце уже было высоко; надлежало оставить обитель Натлимцамели. Архимандритъ Софроній благословилъ меня древнею иконою великаго Ан-

тонія, отца всѣхъ пустынно-жителей по вселенной, и благодушно вызвався вести насъ къ Давиду Гареджійскому. Вся братія проводила за врата обители, до того мѣста, гдѣ мы нашли коляску, подлѣ миндальнаго сада монастырскаго. И авва Виссаріонъ собрался также провожать насъ подлѣ гору, но я убѣдилъ старца не оставлять своего горняго жилища. Юные птенцы орловъ, когда оперяются, испытываютъ силы свои по широкому небу; но тѣ орлы, у коихъ уже оскудѣла сила ихъ крылъ, остаются на своихъ утесахъ; и се-му также пожелалъ я духовнаго обновленія юности орлей, дабы отъ своего выпренняго утеса, могъ онъ однажды воспарить къ Солнцу правды и обрѣсти упокоеніе долгому своему подвигу. Одинъ изъ иноковъ, имѣющій непремѣнную обязанностью, сносить подлѣ гору воду мимоходящимъ путникамъ, кто бы они ни были въ пустынь, указалъ намъ ближайшую дорогу на дно иссохшаго русла; оно нацѣмнано Кедронское, столь же безводно раздвоя подножіе утесовъ.

ПУСТЫНЯ ГАРЕДЖІЙСКАЯ.

Не болѣе десяти верстѣ отъ Натлимца-мели до пустыни Гареджійской, называемой по Грузински Удабно или собственно пустыня; но самая ужасная дорога пред-стояла намъ по горамъ и оврагамъ, гдѣ только можно было провхать верхомъ. Не разъ раскаявался я, что рѣшился ѣхать въ коляскѣ по такимъ стремнинамъ, и надобно было всю нѣмецкую осторожность колонистовъ, чтобы не опрокинуть насъ въ пропасть; иногда дорога шла по косогору промытому рытвинами, иногда по самому

гребню утесовъ, и мы пролагали новые слѣды по страшнымъ обрывамъ, Передъ тѣмъ какъ спуститься въ ущелье Гареджійское, показалась намъ на краѣ горъ, одинокая башня пустынной обители Чичхитурн, одной изъ двѣнадцати окружавшихъ Давидову. Ничего не сохранилось тамъ кромѣ башни, и двухъ пещерныхъ полуобрушенныхъ церквей, изъ коихъ главная съ трапезою, посвящена была Св. Іакову мученику Персскому. Отпустивъ коляску въ монастырь, сами пошли мы по вершинѣ горной, мимо слѣхъ развалинъ, къ другой болѣе знаменитой лаврѣ мучениковъ, или Моцаметн; она нѣсѣчена въ горѣ, нависшей надъ пустынею Св. Давида и служила средоточіемъ для всехъ прочихъ. — Намѣстникъ Гареджійскій, предваренный о моемъ прїѣздѣ, уже ожидалъ насъ близъ развалинъ, чтобы указать всѣ пещерныя церкви и предостеречь въ опасныхъ переходахъ между скалъ.

Прежде всего онъ привелъ насъ къ малой церкви, недавняго строенія, которой двери съ благоговѣніемъ отперъ. Внутри

олтаря, обозначеннаго тремя открытыми арками, безъ всякихъ иконъ, мы увидѣли престолъ и жертвенникъ, рядомъ при-слоненные къ восточной стѣнѣ, а на нихъ, на мѣсто утвари церковной, человѣческія кости связанныя крестообразно; по сторонамъ были также собраны кости, какъ въ древнихъ катакомбахъ. «Что за странная церковь, и какія здѣсь кости?» спросилъ я съ изумленіемъ Архимандрита.

«Эти кости дали названіе цѣлой лавры, отвѣчалъ онъ, благоговѣнно поднимая и цѣлуя каждую изъ нихъ. Посмотрите какіе еще рубцы на нихъ видны, и язвы сіи источали вѣкогда муро; это были дѣйствительно мученики, (Моцамети) положившіе животъ свой за Христа, и еще въ какую священную минуту, въ ночь Пасхи! Не много собрано тутъ костей, но вы ужаснетесь, если услышите, что шесть тысячъ святыхъ отцевъ нашихъ избито было тутъ мечемъ Персовъ. Братія двѣнадцати обителей пустыни Гареджіекой, имѣли искони обычай собираться на вечеръ субботній въ сію лавру, большую изъ всѣхъ,

чтобы здесь торжествовать храмовой ея .
праздникъ Свѣтлаго Воскресенія. Шестъ
тысячъ инокѣвъ всѣ вмѣстѣ, со свѣчами
въ рукахъ, обходили малую церковь на
вершинѣ горы; построенную по образцу
часовни Св. Гроба, и воспѣвали радост-
ное: «Христе съ воспресе изъ мертвыхъ!»
не воображая какъ они сами были уже
близки ко вратамъ небеснаго царствія. Это
было страшная година нашествія Шаха
Аббаса Персидскаго. Далеко изъ за Ку-
ры, на краю обширной стени Карайской,
увидѣлъ онъ ночью необычайное освѣще-
нїе, огни движущіеся на вершинѣ горы,
тамъ гдѣ предполагалъ совершенную пу-
стыню. «Что за огни? спросилъ изумлен-
ный Шахъ, и ему отвѣчали: «это отшель-
ники Гаредзійскіе празднуютъ свою Пас-
ху.» — «Истребить ихъ!» сказалъ ненавист-
никъ имени Христева. Напрасно болѣе
человѣколюбивые изъ его вельможъ пред-
ставляли Шаху, что пустынники не носятъ
оружія и никому не враждебны, а напро-
тивъ того за всѣхъ молятъ Бога, и что са-
мый пророкъ велѣлъ щадить такихъ мо-

литвенниковъ. Кровожадный Шахъ не хотѣлъ внимать никакому ходатайству, и послалъ немедленно отрядъ конницы черезъ Куру, въ степь Карайскую. Къ разсвѣту прискакали убійцы въ лавру, когда уже вся братія успѣла приобщиться Св. Тайнъ, за раннею литургіею Пасхи, и такимъ образомъ приготовленные къ вѣчности, встрѣтили мученическую кончину. Съ тѣхъ поръ опустѣла большая часть обитателей, и только Давидова и наша удержали своихъ иноковъ. Мы совершаемъ память шести тысячъ избіенныхъ отцевъ, на другой день Пасхи, по тому примѣру какъ празднуетъ вся Церковь избіеніе Св. Отецъ въ Равѣ и Сипаѣ и въ лаврѣ Св. Саввы. Католикосъ Антоній старшій написалъ для нихъ канонъ и стихиры, а благочестивый Царь Кахетинскій Арчилъ, собралъ здѣсь святыхъ кости мучениковъ и соорудилъ надъ ними сію малую церковь.

«Не смерть ли сихъ мучениковъ изображена на стѣнѣ олтарной? спросилъ я, потому что тутъ видны три инокъ и надъ ними человекъ, въ восточной одеждѣ, за-

несшіи мечь; но для чего подѣв ихъ оленей?»

«Нѣтъ, это не мученики, но блаженные отцы наши, радующіеся на небесахъ о мученическихъ подвигахъ своихъ духовныхъ чадъ. Тутъ написанъ великій авва Давидъ Гареджійскій, съ двумя учениками Лукіаномъ и Додо, которыхъ питали млекою своимъ дикія самки оленей; а воинъ занесшіи на нихъ руку, — языческій обладатель силъ истребитель Бубакаръ, нечаянно открывшіи пустынно-жителей въ своихъ предѣлахъ. Но поднятая рука его засохла и исцѣлилась только молитвою Св. Давида; смягчился жестокій язычникъ и уверовалъ во Христа, не такъ какъ неметовый Шахъ Аббасъ, избившіи столько мучениковъ. — Будемъ теперь осматривать прочія церкви сей обширной лавры; вы удивитесь числу ихъ и множеству келлій изсѣченныхъ, въ три или четыре яруса, по отвѣсной скалѣ. Ко многимъ уже не доступенъ входъ, потому что обрушились лѣстницы, другія засыпаны землею; но вся сія западная сторона горы, обращен-

ная къ Курь, была жилищемъ отшельниковъ; по крайней мѣрѣ увидимъ то что еще возможно.»

Такъ говоря, старецъ Архимандритъ, не смотря на свои годы, сталъ бодро спускаться по обрывамъ скалъ, и мы последовали за нимъ, вмѣстѣ съ намѣстникомъ, по такимъ стремнинамъ, гдѣ иногда не было даже мѣста куда бы поставить ногу. Земля безпрестанно осыпалась подъ нами и обрывались камни изъ нашихъ рукъ, когда мы лѣзли вдовль утесовъ по отвѣсной стѣнѣ ихъ, чтобы заглядывать въ устья опустѣвшихъ келлій, или проникать въ пещерныя церкви, гдѣ по немногу отдыхали отъ труднаго пути.

Первая весьма тѣсная церковь, которая намъ представилась въ пещерахъ, была какъ видно посвящена святителю Николаю, потому что чудотворецъ написанъ на гербѣ мѣстѣ, подлѣ иконы знаменія Богоматери; внутреннее устройство алтаря совершенно одинаково съ верхнею церковью мучениковъ. Потомъ взобрали мы въ болѣе просторную пещеру, освещенную въ храмѣ

Благовѣщенія; стѣнная живопись еще сохранилась на стѣнахъ. Лики Царя Баграта IV и Католикоса Юанна, подносящихъ образъ церкви святому Давиду Гареджийскому, свидѣтельствуютъ, что она была нѣсѣчена не позже XI вѣка. Въ олтарѣ написанъ Спаситель, сидящій посреди святителей и пустынниковъ; Ангелъ подводитъ къ Господу отшельника Додо; кругомъ по стѣнамъ двѣнадцать праздниковъ, и опять престолъ съ жертвенникомъ соединены на одномъ камнѣ. Подлѣ церкви малый придѣлъ Св. Георгія, гдѣ еще видна на пошость запекшаяся кровь инока, который былъ тутъ умерщвленъ воинами Шаха-Аббаса, въ минуту приношенія безкровной жертвы. Нѣсколько далѣе обширная трапѣза, гдѣ собирались все братія лавры, весьма замѣчательная по своему устройству. Три арки образуютъ входъ во глубину сей пещеры и на нихъ написаны два Самсоны столбника, изъ коихъ старшій былъ виною пришествія тринадцати Сирскихъ отцовъ. Одинъ изъ нихъ святой Давидъ, основатель сей новой Обители. Га-

реджіійской, и великій отецъ иноковъ Палестинскихъ Евѳимій, изображены на тѣхъ же столпообразныхъ аркахъ, ибо они служили основаніемъ монашества. Со входа существуетъ еще малый предѣлъ, съ Денусомъ надъ его олтаремъ, а внутри самой трапезы, изсѣчены поперегъ ее, въ каменномъ помостѣ, столы и мѣста гдѣ сидѣли братія, также подъ сѣнію Господа и предстоящихъ ему Богоматери, Предтечи и Архангеловъ. Съ правой стороны написана на стѣнѣ тайная вечеря и таинственная трапеза трехъ Ангеловъ подъ дубомъ Мамврійскимъ, а съ лѣвой есть еще келлія и другая по меньше, вѣроятно служившая приспѣшною, и глубокая цистерна но уже безъ воды.

Отъ этой трапезы такъ трудно было пробираться далѣе по утесамъ, что иногда мы останавливались, и долго думали куда бы ступить; не возможно было посѣтить нижняго ряда келлій, выдолбленныхъ на дальнѣе пространство по отвѣсу скалы. — Однако переходя по камнямъ съ большою осторожностью, мы открыли еще простран-

ную церковь, которой устье было почти совершенно засыпано землею. — На передовой скаль, служившей преддверіемъ, изображены были нѣкоторыя дѣянія изъ житія Давида Гареджійскаго, а подъ нимъ Цари обновители сей лавры, тотъ же Багратъ съ Католикосомъ Іоанномъ, держащіе въ рукахъ церковь и великая Тамаръ съ мужемъ и сыномъ. — Живопись внутри пещерной церкви почти совершенно стерлась; еще можно однако различить Деисусъ и нѣсколько святыхъ Грузинскихъ, между коими равноапостольная Нина. — По всему видно, что церковь сія была одною изъ самыхъ большихъ, и быть можетъ даже соборною въ лаврѣ, но уже время истребило слѣды ея пустынной красоты. Не далеко еще малая церковь Вознесенія Христава, которое изображено на горнемъ мѣстѣ. Вѣроятно много такихъ церквей, можно бы еще обрести вдоль того же гребня горы, если бы была возможность продолжать наше воздушное странствіе надъ пропастью; но мы принуждены были его оставить и подняться на вершину горы. —

Тамъ стояли стѣны малой церкви Воскресенія, которая обличила столько жертвъ Шахъ-Аббасу, во время ихъ пасхальнаго хожденія кругомъ святилища. Мнѣ показалось, что она была построена по образцу святаго гроба Іерусалимскаго, и потому быть можетъ служила для такого хода. Нѣсколько въ сторону, на самой крайней высотѣ горняго кряжа, гряда обломковъ указывала мѣсто еще одной церкви, уже девятой по моему счету, во имя святаго Пророка Іліи. — Такое выспреннее мѣсто было какъ бы нарочно создано для взатія на небо земныхъ Ангеловъ, ему подобныхъ.

Мы остановились на вершинѣ горы, и долго смотрѣли на окружавшую насъ пустыню Гареджійскую, каменистую, безводную, прорытую ущельями, которой дальняя Кура, служила только для возбужденія а не для утоленія жажды. Нельзя было найти болѣе жестокаго уединенія для подвиговъ иноческихъ и это мѣсто избралъ Св. Давидъ, когда оставивъ блаженнаго учителя своего Іоанна погрузился въ пу-

стыню; самое наименованіе Гареджійскаго, уже знаменуетъ любителя уединенія. Тростательно описаніе отшельнической его жизни и смиреніе съ какимъ проходилъ свой подвигъ. Одишь только Луніанъ былъ спутникомъ блаженнаго Аввы, когда поселились они въ разсѣливыхъ скалы, надъ мѣстомъ нынѣшней ихъ обители, тамъ гдѣ струится теперь источникъ, исрошенный слезами Давида. Немного дождевыхъ капель, сконившихся въ камень, рѣшили для нихъ выборъ пустыннаго жилища. Какъ мало нужно для чистаго сердца, чтобы прочесть волю Божию, ясно отражающуюся въ такоужъ зеркаль! «Братъ Луніанъ, сказалъ Авва ученику своему, видишь ли это прекрасное и безмятежное мѣсто? водворимся здѣсь на непрестанную молитву, чтобы сподобиться намъ оставленія грѣховъ, и Богъ милосердый воплетъ намъ благодатную силу, для укрѣпленія помощи нашихъ.» Но въра Луніана оскудѣвала, видя, что самые норни травъ, которыя служили имъ скудною пищею, начинали сохнуть отъ нестерпимыхъ жаровъ и пере-

сыхала самая вода. «Въ терпѣніи стяжите души ваши, говорилъ ему Давидъ словами Св. писанія. Для чего заботишься ты столько о временной пищѣ, когда всѣ наши мысли должны быть устремлены ко благамъ вѣчнымъ, и неужели Господь, одѣвающій крины сельные порфирю Соломона, не озаботится о словесныхъ своихъ твореніяхъ?»

При сихъ словахъ явились внезапно изъ пустыни три самки олзней, съ своими дѣтьми, и стали предъ отшельниками, предлагая имъ обильное млеко сосцевъ; насытились убогіе сею благотворною пищею и восхвалили Бога. Съ тѣхъ поръ, по благословенію Господа, посылавшаго пищу чрезъ вороновъ Пророку своему Иліи, отшельники Гареджійскіе были постоянно посѣщаемы всеми мирными животными, исключая дней постныхъ, потому что тогда возлагали на себя подвигъ совершеннаго воздержанія. Испытанія отъ врага душъ человеческихъ, испытанныя всеми любителями уединенія, не чужды были и великому авъ Давиду. Въ пещеръ, водъ тою самою скалою, гдѣ поселился онъ съ своимъ уче-

никомъ, гнѣздилися страшный драконъ и жертвою его сдѣлался одинъ изъ молодыхъ олъней. Блаженный Давидъ духомъ прозрѣлъ, какой древній врагъ кроется въ свойственномъ ему образъ змѣя, и взявъ вмѣсто оружія посохъ, именемъ Божиимъ велѣлъ ему оставить пустыню, для жительства благочестивыхъ отшельниковъ. Голосомъ человѣческимъ, отвѣчалъ ему, обличенный демонъ, прося себѣ пощады и съ трескомъ разсылая камни бѣжалъ укрыться въ воды Куры, но прежде нежели достигъ рѣки, уже истребленъ былъ небеснымъ огнемъ. Ангелъ, явившійся святому, который даже сожалѣлъ о погибели врага, внушилъ ему идти къ ученику своему Лукіану и возбудить его, потому что онъ лежалъ какъ мертвый отъ страшнаго явленія.

Однажды ловчіе, скитаясь по сей пустынь, обрѣли обоихъ пустынниковъ, доящихъ молоко своего дикаго но послушнаго стада, и пораженные страхомъ наги къ ногамъ Давида. Черезъ нихъ разнеслась молва по всей окрестности, о двухъ чудесныхъ отшельникахъ, и къ нимъ начали стекать-

ся любители безмолвія. Напрасно Авва отклонялъ пришельцевъ отъ невыносимыхъ для нихъ подвиговъ; они все рѣшились остаться подъ его духовнымъ руководствомъ; такимъ образомъ, мало по малу, возросло число пустынной братіи. Опытный старецъ избралъ между ними наставникомъ, вѣка, уже просіявшаго добродетельми по имени Додо, и велѣлъ ему, вмѣстѣ со всюю братією, ископать себѣ келліи на противоволожной горѣ, дабы онъ самъ могъ опять предаться любимому своему безмолвію. Это была первая обитель, основанная близъ собственной пустыни Св. Давида, гдѣ пребывалъ онъ съ немногими учениками. Вскорѣ и Лукіанъ положилъ начало Натлимцамели, возникла и великая лавра Моцамети, и постепенно расплодился съмена иночества въ двѣнадцати окрестныхъ монастыряхъ, еще при жизни великаго Аввы. Онъ самъ, изъ глубины своей пещеры, служилъ для нихъ свѣтлыиномъ и покровомъ, и часто, восходя на гору, молитвенно осѣнялъ дальнія и ближнія чада своихъ отеческихъ заботъ, и чада его,

каждый изъ своей пустыни, смотрѣли также на его гору какъ на гору Сионскую, отъ коей нисходило для нихъ спасеніе молитвами Аввы.

Однажды, когда молился на гору старецъ съ распростертыми къ небу руками, привлекая къ ногамъ его фазанъ, преслѣдуемый ястребомъ, и какъ будто бы просилъ отъ него защиты. Вслѣдъ за нимъ врыскакала дикій левчій Бубакаръ, языческій Князь сихъ предѣловъ, и съ негодованіемъ увидѣлъ добычу свою у ногъ святаго, и ястреба, за нею гнавшагося, смиренно сидящимъ въ отдаленіи. «Кто ты?» съ гнѣвомъ спросилъ онъ молитвенника, и услышалъ въ отвѣтъ: «рабъ Господа нашего Иисуса Христа, кающійся здѣсь о грѣхахъ своихъ; ты же оставь птицу, искавшую у меня защиты!» Разгнѣванный язычникъ замесъ руку съ обнаженнымъ мечемъ, она оцѣнѣла; тогда тронулось страхомъ сердце Бубакара и, падши къ ногамъ святаго, просилъ онъ о прощеніи: вмѣстѣ съ словами прощенія, послѣдовало исцѣлѣніе, не только для варвара, но и для сына его, болѣв-

шаго ногами въ домъ родительскомъ, ибо и о немъ слезно умолялъ Бубакаръ, обѣщая принять Св. крещеніе со всемъ своимъ домомъ. «Иди, и по вѣрѣ твоей буди тебѣ» евангельски сказалъ Давидъ язычнику, и тотъ, возвратясь въ домъ, нащелъ сына уже исцѣленнымъ. Съ тремя сыновьями возвратился Бубакаръ на гору Давида и нашедши Авву, между его учениковъ, смиренно просилъ себѣ и своимъ крещенія. Давидъ отослалъ Князя, съ запасомъ принесеннаго имъ хлѣба, въ многочисленную обитель Додо, и велѣлъ идти оттолѣ священнику, окрестить его съ домоладцами. Благодарный Князь самъ пришелъ опять въ пустыню Гареджійскую, и близъ пенцеры Давидовой, выдолбилъ въ скалѣ обширную церковь, гдѣ теперь почиваютъ мощи Святаго.

По прошествіи многихъ лѣтъ, когда уже совершенно было устроено благосостояніе всѣхъ обителей Гареджійской пустыни, блаженному Давиду пришло на мысль, исполнить давнее желаніе своего сердца и прежде нежели водвориться въ небесномъ

Иерусалимъ, посѣтитъ земвой. Уроженецъ Сирии, онъ не успѣлъ въ первые годы своихъ подвиговъ, исполнить сего близкаго тогда странствія и зашедши въ дальнюю страну, по слѣдамъ своего великаго учителя Иоанна, съ горестію помышлялъ, что такая великая святыня осталась ему чуждою. Вѣрному сотруднику своему Лукіану, поручилъ онъ собранное имъ стадо, а самъ, съ нѣкоторыми изъ учениковъ, взялся опять за странническій посохъ и пошелъ черезъ Сирскую свою родину, на родину своего Господа и Владыки. Но когда уже достигъ онъ желанной цѣли, когда съ ближайшихъ высотъ открылся ему въ пустынемъ величїи святой градъ, — внезапный ужасъ объялъ святого старца и глубокое раздумье проникло въ смиренную душу: какъ дерзнетъ онъ, грѣшными стопами, поспирать слѣды Богочеловѣка? Ахъ, многимъ ли, или лучше сказать кому изъ насъ, недостойныхъ поклонниковъ, приходила подобная мысль, не смотря на все время грѣховное, которымъ были обременены, душевно и тѣлесно!

Часть I.

5

И что же? блаженный старецъ остано-
вился и, пройдя столь долгій путь, не смѣлъ
довершить нѣсколькихъ шаговъ! Учениковъ
своихъ, какъ болѣе себя достойныхъ, от-
пустилъ онъ поклониться святынь, умоляя
ихъ вознести теплыя молитвы и за грѣш-
наго отца ихъ, надъ гробомъ Искупителя;
а самъ, простерши къ небу руки и помо-
лившись издали, въ виду храма святаго
гроба, взявъ себѣ въ благословеніе только
три камня земли обѣтованной, оросилъ ихъ
слезами и пошелъ въ обратный дальній
свой путь. Но Господь не восхотѣлъ ута-
ить отъ міра такой глубины смиренія сво-
его угодника. Блаженному Иліи, Патріар-
ху Іерусалимскому, [который потомъ сконча-
лся въ изгнаніи, за правоту своей вѣры,
при невѣрномъ Кесарѣ Анастасіѣ] являет-
ся во снѣ Ангелъ и говоритъ: «пошли въ
погоню за старцемъ, идущимъ по большой
дорогѣ въ Сирію; онъ одѣтъ въ рубище,
и у него въ страннической сумѣ лежатъ
три камня; онъ унесъ собою всю благо-
дать святой земли; и одного камня съ
него довольно въ благословеніе, два же

пусть возвратитъ въ Іерусалимъ: старецъ сей избранникъ Божій, авва Давидъ Гареджійскій.» Каковы же были смиреніе и молитва сего Аввы, когда три только камня, поднятые имъ съ земли святой, увлекали съ собою всю ея благодать и въ какое время? когда въ ея безчисленныхъ пустыняхъ процвѣтали такіе великіе Аввы, какъ освященный Савва и Феодосій киноіархъ и молчальникъ Іоаннъ и Киріакъ отшельникъ, и только что смѣжили очи великій Евѣимій: ибо это было пятое, самое цвѣтущее столѣтіе иноческой жизни въ Палестинѣ!

Повиновался словамъ Ангела изумленный Патріархъ и послалъ въ погоню за странникомъ; повиновался ему и любитель послушанія Давидъ, и возвратилъ два камня, не постигая самъ цѣны своего благодатнаго смиренія. Но единственный камень, принесенный имъ въ свою пустынь и доселѣ хранящійся на его гробѣ, получилъ отъ него благодатную силу исцѣленій, не оскудѣвающую доколѣ не оскудѣтъ вѣра притекающихъ къ молитвѣ Св. Аввы.

Не много уже дней оставалось созрѣвшему старцу, до его блаженной кончины; онъ посвятилъ ихъ на посѣщеніе братіи, наипаче отшельниковъ въ ихъ уединенныхъ келліяхъ, для послѣдняго назиданія. «Какъ ты спасаешься?» спросилъ онъ одного изъ нихъ. «Твоими святыми молитвами честный отче, отвѣчалъ труженикъ; но эта вода, текущая изъ утеса, и эта зелень, что растетъ около, такъ горьки, что я невольно чувствую отъ нихъ отвращеніе; однако не позволяю себѣ измѣнять пищи и говорю самъ себѣ: мученія адскія не гораздо ли горше и не лучше ли вкушать горечь временную чтобы не подвергнуться вѣчной?» Утѣшился Авва смиренною рѣчью и сказалъ: «не скорби братъ мой, силенъ Господь Богъ нашъ, измѣнившій въ пустынь горечь Мерры въ сладость, усладить и сію горькую воду». Онъ велѣлъ подать себѣ сосудъ съ водою и осынивъ его знаменіемъ креста, подалъ брату говоря: «пей, она безвредна,» и дѣйствительно необычайная сладость замѣнила прежнюю горечь источника. Самый часъ кончины предвозвѣщенъ былъ

великому Аввъ, котораго вся жизнь была постояннымъ къ ней приготовленіемъ. Въ послѣдній разъ собралъ онъ вокругъ себя всѣхъ своихъ учениковъ и наставилъ ихъ душеспасительнымъ словомъ; потомъ еще однажды отслушавъ литургію, приобщился божественныхъ тайнъ, въ напутіе жизни вѣчной, и на колѣняхъ, простерши къ небу руки, предалъ Господу духъ свой, всегда къ нему парившій. Съ плачемъ погребла его братія, въ церкви изсѣченной Бубакаромъ. Во время погребенія слѣпой инокъ прозрѣлъ отъ прикосновенія къ тѣлу святаго, во свидѣтельство его праведности, и до нынѣ обильныя исцѣленія истекаютъ вѣрующимъ отъ его пустыннаго гроба.

Съ той горы, куда часто восходилъ для молитвы блаженный Авва, указалъ мнѣ Архимандритъ еще двѣ обители, изъ числа двѣнадцати, въ двухъ противоположныхъ сторонахъ. «Видите ли, сказалъ онъ, вдали какъ бы на разстояніи одного часа, по направленію тогоже кряжа горы, на которомъ мы стоимъ, видите ли утесъ, выдавшійся надъ Карайскою степью и на немъ

будто признаки зданій? — Это Бертубани, собственно участок иноковъ по значенію слова, одна изъ большихъ обителей сей Оиванды, не уступающая своими остатками лавръ Моцамети. А вотъ гораздо ближе, на той сторонѣ ущелья Гареджійскаго, видны въ скалахъ нѣсколько ярусовъ изсѣчен-ченныхъ келлій, и внизу ихъ развалины:— это бывшій общежительный монастырь Додо, позже всѣхъ оставленный иноками. Я помню послѣдняго старца, который сиротѣлъ тамъ постепенно, переживъ всю свою братію, и переселился наконецъ въ ближайшую обитель Св. Давида, ибо уже не могъ долѣе оставаться на гробѣ блаженнаго Аввы Додо. И самый гробъ сей, только въ прошедшемъ году, заваленъ былъ обрушившимся на него утесомъ, такъ что невозможно болѣе подступить къ нему, какъ будто бы угодникъ Божій, хотѣлъ даже утаить отъ насъ, или быть можетъ отъ звѣрей хищныхъ, могилу свою, брошенную нами въ пустынь. И такъ, продолжалъ Софроній, вы уже видѣли, вблизи или вдали, пять обителей изъ числа двѣ-

надцати; остальные слишком далеко раз-
сѣяны, чтобы вамъ можно было посѣтить
ихъ въ короткое время. Но спустимся къ
общей ихъ матери, въ самую лавру Дави-
дову, на гробъ великаго отца нашего, ко-
торый и доселѣ охраняетъ, своими моли-
твами, малый остатокъ нѣкогда многочи-
сленныхъ чадъ своихъ.»

ЛАВРА СВ. ДАВИДА.

Мы стали спускаться, по каменистой тропѣ, въ разсѣлину утесовъ, которая расширяясь мало по малу, образуетъ ущелье Гареджійское. Между голыхъ скалъ начала показываться тощая зелень миндалей и гранадъ, сперва одинокихъ, потомъ болѣе частыхъ, составляющихъ убогій садъ монастыря. Пещера въ полугорѣ, источаетъ родникъ изъ подъ мрачныхъ сводовъ, который поддерживаетъ скудную растительность между утесовъ: этотъ источникъ испрошенъ былъ молитвою Давида и носить поэтическое названіе его слезъ, ибо слезы сіи пробили жесткость камней.

Верхняя сторожевая башня, господству-

ющая надъ всею обителію, давно уже видна была на своемъ отдѣльномъ утесѣ, и вотъ на краю сада, спускавшагося уступами, предстала намъ полуобвалившаяся ограда, съ двумя другими башнями. Утомленный труднымъ спускомъ я вздохнулъ свободно, когда взошелъ на дворъ монастырскій и сѣлъ на камень между иноками, чтобы собраться съ новыми силами. Тутъ окинулъ я взорами внутренность монастыря, странно расположеннаго на трехъ террасахъ, по скату горы. Верхній дворъ, гдѣ я находился, обнесенъ былъ съ одной стороны скалами, а съ другой оградой, и посреди его возвышалась башня Царя Александра; надъ нимъ грозилась съ утеса сторожевая бойница, и всѣ окрестныя скалы пробиты были келліями, какъ бы гнѣздами птицъ; но главное святилище утаено было отъ взоровъ. Когда я отдохнулъ нѣсколько минутъ, намѣстникъ повелъ меня по темнымъ переходамъ, отчасти изсѣченнымъ въ утесѣ, на нижній дворъ монастыря, обнесенный также оградой, откуда входятъ въ церковь Св. Давида.

Съ глубокииъ благоговѣніемъ взойде я въ подземное святилище, созданное усердіемъ обращеннаго Князя Бубакара, и простерся на высокой ступени гробницы блаженнаго Аввы; и эта ступень служитъ также могильною плитою: тутъ погребенъ рядомъ съ нимъ ученикъ его Лукіанъ, сотрудникъ въ подвижнической жизни и преемникъ въ настоятельствѣ лавры. Какъ удивительна такая замогильная близость святыхъ, тѣсно связанныхъ во временной жизни! — Это напомнило мнѣ нашихъ святыхъ, Сергія и Никона Радонежскихъ; но такъ какъ по словамъ евангельскимъ: «и́сть ученикъ болѣе учителя,» то и здѣсь смиренный Лукіанъ почиваетъ ступенью ниже великаго отца своего. Большая икона Св. Давида прислоненна къ иконостасу, и еще лежитъ на гробницѣ одинъ изъ трехъ камней, взятыхъ имъ въ святой землѣ, для благословенія новому своему отечеству. Много говоритъ сердцу этотъ простой камень, залогъ необычайнаго смиренія, на этой простейшей по видимому гробницѣ, гдѣ сокрыты однако два столь великіе подвижника. Она

находится съ правой стороны церкви, гдѣ у насъ обыкновенно поставляютъ раки святыхъ. Самая церковь довольно высока и пространна, но совершенно обнажена, и стѣнная живопись ея забѣлена рукою обновителей; иконостасъ также новый и только однь серебряныя лампы свидѣтельствуя, какъ и въ Нативемцели, о благочестіи послѣдняго Царя Георгія, который питалъ особенную любовь къ сей пустынной обители.

Нѣкогда церковь сія была великолѣпно украшена, знаменитымъ ея настоятелемъ Св. Макаріемъ, который просіялъ многими добродѣтелями, въ исходе IX вѣка; не только въ предѣлахъ отечества, но и въ Палестинѣ, и въ горахъ Олмива, куда бѣжалъ отъ каведры Висковской, и наконецъ въ Солунь, гдѣ опочилъ на обратномъ пути изъ Рима. Быть можетъ и самый храмъ посвященъ имъ преображенію, на память горы Фаворской, ознаменованной для него чудомъ: туда указывалъ ему путь Бедушигъ, котораго обратилъ къ свѣту Христову; варваръ хотѣлъ сперва посягнуть на жизнь святаго, но не

раженный внезапною болѣзнію, прибѣгнуль къ его молитвамъ и былъ исцѣленъ, не только тѣлесно но и душевно. По выходѣ изъ церкви мнѣ указали, въ темномъ переходѣ, ведущемъ на верхнюю площадку, углубленіе, въ которомъ хранится цѣлебный черепъ одного изъ древнихъ отшельниковъ, источающій миро, но никто не умѣлъ мнѣ назвать потаеннаго угодника Божія. Верхняя галлерей подъ церковью ведетъ къ единственной келліи, выстроенной а не изсѣченной въ сей чудной обители, и оттолѣ погружаются взоры въ дикое очарованіе пустыни Гареджійской, которая имѣетъ свою особенную прелесть: ибо тутъ какъ будто треснула и разступилась внутренность гора, чтобы дать образоваться суровому ущелію, съ своенравными очерками его скалъ; онѣ дрогнули и нависли, отъпенѣвшія посреди столь страшной бури стихій, которою воспользовались одни только остывшіе ко всякой житейской бурѣ отшельники.

Малая церковь Святителя Николая, которую основалъ поверхъ скалы соборнаго

храма, Царь Кахетивскій инокъ Александръ, замѣчательна только гробницею своего основателя. Не могъ я однако обрести лице сіе въ лѣтописяхъ,⁹ но въ одной изъ грамотъ, недавно найденныхъ въ соборѣ Мцхетскомъ, упоминается о Царѣ инокѣ Александрѣ, жившемъ въ половинѣ XV вѣка, и сынѣ его Царѣ Георгіѣ. Съ трудомъ можно разобрать могильную надпись сего царственнаго искателя безмолвія, который два года здѣсь спасался по преданіямъ монастырскимъ, въ тиши пустынной, отъ тревоженій мятежной державы. «Во имя Божіе, я Царь Александръ, припалъ ко гробу преподобнаго Давида и украсилъ оный любовію какъ нѣкій рай. да будетъ же мнѣ почиющій въ немъ ходоуемъ и хранителемъ прель Господомъ.» Такъ умиленно звываетъ, изъ своего гроба, благочестивый Царь къ прославленному уже въ ликахъ святыхъ отшельнику.

Круглая башня, служившая ему жилищемъ а теперь обращенная въ ризницу, стоитъ посреди верхняго двора монастырскаго. Она довольно изящной архитекту-

ры и сохранила внутри, вмѣстѣ съ рязьбою евангъ еводовъ, остатки стѣнной живописи; промежду пещерныхъ келій Гареджійскихъ, это было по истинѣ царское жилище. — Еще довольно богата ризница, жемчужными облаченіями и золотомъ утварью крестовъ, иконъ и сосудовъ, не смотря на частыя раззоренія. Ревностные иноки умѣли во время скрывать свои сокровища и вооружались сами противу бродящихъ Лезгинъ, внутри крѣпкой нѣкогда ограды; цѣлый арсеналъ старинныхъ ружей и пищадей свидѣтельствуетъ еще о воинской эпохѣ знаменитаго монастыря сего, разсади-на всѣхъ прочихъ, который устоялъ посреди смятеній и удержалъ вмѣстѣ съ собою остатки иночества въ предѣлахъ Грузіи.

Любопытно въ той же башнѣ богатое собраніе рукописныхъ книгъ Грузинскихъ, большею частію служебниковъ и патериковъ, а можетъ быть и лѣтописей, но онѣ мнѣ не были доступны, по незнанію языка. Въ скалѣ, нависшей надъ верхнимъ дворомъ монастыря, изсѣчена еще одна пространныя церковь Іоанна Богослова, съ

двумя большими трапезами по сторонамъ, которая служатъ въ нее боковыми входами. Устроение церкви приписываютъ настоятелю обители Онуфрію, жившему за шесть сотъ лѣтъ; но какъ больно сердцу, жаждущему помолиться въ храмъ, видѣть его разрушеніе и еще недавнее. Не болѣе двадцати лѣтъ какъ обрушился сводъ, отъ того только что не отвѣли дождевой струи, которая прососала камень; та же опасность угрожаетъ трапезѣ, гдѣ уже перестали собираться, хотя еще крѣпки ея высокіе своды. Ничтожная надержка, во время не сдѣланная, виною столь великаго разрушенія, которое уже нельзя исправить, ибо можно докласть своды кирпичемъ, но уже это не будетъ имѣть первобытнаго достоинства. Еще стоятъ престолъ и жертвенникъ и самый иконостасъ, временъ Царя Георгія, который похоронилъ здѣсь первую свою супругу Кетеванъ; все какъ будто готово къ священнодѣйствію, еще недавно совершавшемуся подъ обрушенными нынѣ сводами. Поверхъ иконостаса стоитъ высокій крестъ, и мыъ рассказывали чудный

случай спасенія отъ сего креста: когда въ минувшемъ столѣтїи Лезгинны вернулись въ обитель и умертвили въ ней все что не успѣло укрыться въ ущелья, одинъ послушникъ застигнутый въ сей церкви, не зная куда бѣжать, влѣзъ на иконостасъ и сталъ позади креста, растянувъ руки свои по направленію Господнихъ; и что же? по милости Божіей, никому изъ хищниковъ не пришло на мысль взглянуть на крестъ, ибо не было окладовъ на иконостасъ, а если можетъ быть и смотрѣли, то въ сумракъ церкви приняли человека за изваяніе, и такимъ образомъ распятый Господь спасъ даже чувственно сораспятаго съ нимъ.

Есть еще двѣ малыя церкви, Успенія и мученицы Марины, изсѣченныя въ скалахъ весьма недавно уже внѣ ограды; надъ одною изъ нихъ трудился іеродіаконъ Іустинъ, въ исходъ минувшаго столѣтїя; подаѣ другой живетъ ея ископатель іеромонахъ Геронтій; но не смотря на сіи частныя подвиги и на благочестіе настоятеля, Архимандрита Іоанна, нельзя назвать цвѣтущимъ состояніе обители. Число братіи

скудно, средствъ мало, нѣтъ даже общей трапезы, ибо хотя довольно имѣній и виноградниковъ приписаны къ обители, но оклады ея весьма ограничены. Надобно присоединить къ тому всеобщій упадокъ иночества въ Грузи, гдѣ уже мало именитыхъ старцевъ, доживаютъ вѣкъ свой въ тиши келейной, и не встрѣчаешь болѣе княжескихъ родовъ между молодыми иноками. Возстанетъ ли еще Давидъ Гареджійскій, или кто либо изъ Сирскихъ его сподвижниковъ, чтобы обновить ихъ Фиваиду!

Съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ я пустыню Гареджійскую, какъ будто бы тогда только разсѣлось для меня вечернее очарованіе Натлисмцемели: но сія чудная обитель, поставленная на передовой стражѣ ущелія, которое напоминало Палестину, обѣщала мнѣ цѣлый міръ иноческій, а не скудные его остатки! Архимандритъ Софроній проводилъ насъ, по трудному спуску, въ изсохшее русло потока Гареджійскаго, и тамъ, гдѣ раздвля-

лись пути наши, повхалъ въ свою пустынную обитель. Намѣстникъ отъ Св. Давида вызвался провожать насъ до большой дороги Сигнахской, и мы рады были такому спутнику, потому что только съ большею опытностію можно было угадывать едва начертанные слѣды арбъ, по горамъ и полянамъ. Съ правой стороны осталась довольно близко обитель Додо; но сколько ни влекло меня туда сердце, на обвалившійся гробъ ея основателя, позднее время не позволяло медлить. Ночь, хотя и лунная но пасмурная, застигла насъ въ пустыхъ мѣстахъ, гдѣ паслись около малаго озера стада Татарскія. Пріятно было услышать опять стукъ колесъ, на большой дорогѣ, и встрѣтить жизненное движеніе вьюковъ и обозовъ.

Мы переѣхали въ бродъ быструю рѣку Юру, раздѣленную на нѣсколько рукавовъ, которые все обращаются весною въ одинъ шумный потокъ, задерживающій по нѣскольку дней путешественниковъ. Одна переправа тогда только возможна: это арба, запряженная парю сильныхъ буйво-

ловъ, которые плывутъ наискось поперекъ потока, иногда уносимые его стремленіемъ, не смотря на свою силу и искусство плавать. Иногда опрокидывается самая арба, и тогда уже нѣтъ спасенія отважнымъ путешественникамъ, посреди водоворотовъ бурной рѣки. Такого рода затрудненія представляютъ весною, всѣ даже ничтожные ручьи Грузин, бурно стремящіеся отъ подножія сѣвжнаго Кавказа.

Ночное время воспрепятствовало намъ отклониться въ сторону, за десять верстъ отъ станціи Муганлы, чтобы видѣть остатки знаменитаго храма упраздненной епархіи Нинацминдской; онъ былъ перестроенъ въ V вѣкѣ, изъ языческаго капища, и сохранилъ древнюю странную свою форму; куполь его обрушился весьма недавно. Только на разсвѣтъ достигли мы Сигнаха, сей выпрерней крѣпости Царя Ираклія, гдѣ въ обширной оградѣ укрывалось отъ набѣговъ Лезгинскихъ все окрестное населеніе, вмѣстѣ съ своими стадами. Очаровательный и пространный видъ открылся намъ въ глубокую долину

Алазанскую, усыянную виноградниками, цвѣтущій садъ Кахетіи, и на длинную цѣпь Кавказа, которая подымалась разноцвѣтными уступами все выше и выше, доколѣ снѣжныя вершины не сроднились съ облаками. Утренній туманъ, отлетая постепенно разоблачилъ предъ нами сію восхитительную картину, и самый нѣжный румянецъ денницы окрашивалъ верхи рдѣющихъ горъ, въ ожиданіи свѣтлаго исполна, исходящаго, по выраженіи псалма, отъ края небеси и радующагося тещи путь.

СИГНАХЪ, ОБИТЕЛЬ СВ. НИНЫ.

Не мѣстность Сигнаха привлекала меня своею красотою, но величайшая святыня Иверіи, обрѣтающаяся по его сосѣдству, только въ двухъ верстахъ отъ города, подъ сѣнію древней митрополіи Бодбійской : гробница равноапостольной просвѣтительницы Грузіи Св. Нины! — Кто не слыхалъ о Апостольскихъ подвигахъ сей блаженной дѣвы? кому изъ сыновъ обращенной ею страны, неизвѣстенъ каждый священнѣйшій шагъ ея? и отголосокъ Ангельской ея жизни не перешелъ ли за сѣвж-

бный хребетъ Кавказа, не распространился ли по всей необъятной державѣ, съ которою слилась единовѣрная ей земля, просвѣщенная Ниною? Но слово о ней утѣшительно для самаго повѣствующаго, какъ мы любимъ произносить и повторять имена близкія нашему сердцу. — Сколько святыни сопряжено съ начатками Нины, со всемъ что только окружало ея младенческіе годы! Она, по отцу своему Завулону, ближайшая родственница великомученику Георгію, и сама роднитъ его съ Грузіею и дѣлаетъ его ближайшимъ покровителемъ новой своей родины; Св. Георгій, вмѣстѣ съ именемъ, сообщаетъ даже воинскую свою доблесть и мученическія свойства цѣлому народу, который призванъ ко Христу блаженною Ниной. Она, по матери Сусаннѣ, племянница Патріарху Іерусалимскому и, воспитанная при святомъ гробѣ Искушителя, проникается духомъ вѣры, приноситъ въ дальнюю страну благословіе Св. земли, вмѣстѣ съ незабываемымъ православіемъ, которое немогли потрясти бури воинскія и нашествія варваровъ.

Наконецъ, по горнему избранію, смиренной дѣвѣ Іерусалимской предназначено быть просвѣтительницею самаго мужественнаго изъ народовъ, прислоненныхъ къ подножію Кавказа, и кто же посылаетъ ее на сію высокую проповѣдь? Пречистая Дѣва, также Іерусалимская, - которой, какъ гласитъ преданіе мѣстное, вышала жребіемъ дальняя Иверія! Матерь Божія вручаетъ Нинѣ, въ сонномъ видѣніи, крестъ изъ виноградныхъ лозъ, который связываетъ Нина собственными власами, и съ такимъ крестомъ идетъ она разсѣять мракъ язычества въ странѣ ей невѣдомой. На пути является ей самъ Господь, также въ ночномъ видѣніи, и укрѣпляетъ унывающій духъ ея, какъ некогда Павловъ неоднократно ему явленіемъ, ибо и она идетъ на тотъ же подвигъ апостольства; Нина обрѣтаетъ въ рукахъ своихъ чудный свитокъ, исписанный изреченіями евангельскими, во главѣ коихъ начертано: «Аминь глаголю вамъ, нѣдѣ же аще проповѣдано будетъ евангеліе сіе во всемъ мѣрѣ, речется и еже сотвори сія, въ

память ея. Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, и се азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка: аминь.» (Мате. XXVI, 13. XXVIII 19, 20).

Есть избранники Божіи; свѣше пред- назначенные для извѣстной эпохи или страны, и увлекаемые тайнымъ безотчетнымъ чувствомъ, къ исполненію своей высокой цѣли: такова была блаженная Нина! — Еще съ дѣтскаго возраста, любила она внимать въ Іерусалимѣ о дальней Иверіи, отъ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ вѣрою Евреевъ, родственники коихъ обитали въ Мичетъ. Ее озаботила участь хитона Господня, который достался въ удѣлъ одному изъ сихъ поселенцевъ и былъ унесенъ имъ въ свою страну. Явленіе Богоматери, указавшей Нинѣ высокое поприще, напутствіе Патріарха, благословившаго ее на трудный подвигъ, разогрѣли только въ ея сердцѣ давно горѣвшую въ немъ искру. Съ одною именитою женою, которая приходила искать Христіанства въ Іерусалимѣ, достигла она Ефеса; оттогда, вмѣстѣ съ

царевною Рипсимою и ея пятидесятью подругами, бѣжавшими отъ гоненій Діоклитіановыхъ, удалилась она въ предѣлы Арменіи, но тамъ едва не сдѣлалась жертвою ярости Царя Тиридата, который умертвилъ всѣхъ ея спутницъ. Провидѣніе Божіе соблюдало Нину для спасенія Иверіи, и вотъ она является въ странѣ ей чуждой, на истокахъ невѣдомой рѣки, около Хертвиса, и слѣдуетъ по теченію Куры въ землю ей обѣтованную. Встрѣтившіеся пастухи говорятъ пришельцѣ Палестинской, что есть Еврей, живущіе въ главномъ городѣ страны сей, и туда направляется Нина, потому что ей близко по душъ все Іерусалимское и тамъ она можетъ узнать что либо о хитонѣ Господнемъ.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ селеніи Урбнисѣ, она послѣдовала толпѣ народной, стремившейся въ Мцхетъ, на торжество бога своего Армаза. На Римскомъ мосту встрѣчается ей торжественный поѣздъ Царя и Царицы, шедшихъ въ гору для поклоненія идолу; проникнутая горькимъ соболѣзнованіемъ о нихъ языче-

Часть I.

6

ской слѣпотѣ, Нина увлечена волною народною къ требищу идольскому. — Гордо стоялъ исполинскій кумирь Армаза, весь горящій золотомъ, и по сторонамъ его два другіе, убійственные для держави ихъ подступать къ нимъ безъ воли жрецовъ. Прогласились трубы, воскурился ошмѣмъ, потекла кровь жертвъ: Царь Мирианъ, со всемъ народомъ простерся ницъ предъ истуканомъ; одна только чуждая дѣва не преклонила колѣна: она помолилась Богу истинному, о истребленіи боговъ ложныхъ, и внезапно, среди яснаго дня, зашумѣла страшная буря съ молніями и громами; одна изъ небесныхъ стрѣлъ сокрушила кумиры и разсыпала около нихъ требище: въ ужасѣ бѣжали царь и жрецы и народъ; осталась на развалинахъ одна сокрушившая ихъ Нина и спокойно смотрѣла на возникшую и утихшую около нее бурю стихій. Это былъ день преображенія Господня, когда истинный свѣтъ, возсіявшій на Фаворѣ, впервые преобразилъ, на горахъ Иверскихъ, тьму язычества, въ свѣтъ Христовъ. На другой день одинъ изъ вель-

можь царскихъ, увидя однукую странницу на страшномъ пепелищѣ, пригласилъ ее въ домъ свой, но не послѣдовала за нимъ Нина; она пошла своимъ путемъ въ столицу и остановилась сперва при стеченіи Куры и Арагвы, на томъ мысу, гдѣ теперь развалины церкви Фаворской, а потомъ, по приглашенію одной благочестивой жемы Анастасіи, переселилась въ виноградники царскіе, гдѣ нынѣ указывается ея келлія при обители Самтаврской.

Отсель начинается свѣтлый рядъ ея молитвенныхъ подвиговъ и чудесъ. Прежде всего спрашиваетъ она у Бога чадородіе бесплодной дотомъ четъ, ее призрѣвшей; потомъ исцѣляетъ умирающаго младенца убогой жены, возложивъ его на лиственный одръ свой и осѣнивъ чудотворнымъ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ. Сама она живетъ подъ кущею, въ саду царскомъ, и ходитъ по ночамъ молиться на оставленный ею мысъ: тамъ возвышается кедръ Ливанскій, источающій знаменія, ибо подъ нимъ сокрыто желанное ею сокровище, негнѣнный хитонъ Госпо-

день. Нинѣ открылъ это одинъ изъ Евре-
евъ Мцхетскихъ, сдѣлавшійся самъ учени-
комъ ея, потомокъ того, кто нѣкогда при-
несъ святыню сію изъ Іерусалима. Подъ
сѣнію кедра видитъ Нина небесное ви-
дѣніе, знаменующее будущую славу мѣ-
ста, слышитъ голоса Ангельскіе, и беретъ
оттолъ землю для исцѣленій. Занемога-
етъ сама Царица, супруга Миріана, и
услышавъ о чудной странницѣ, проситъ
ее въ царскія палаты къ бользненному
одру своему; но смиренная Нина испыты-
етъ въру и смиреніе Царицы; она зоветъ
ее подъ свою убогую кущу, на лиственное
ложе, многимъ уже источившее исцѣленіе,
и повинуется Царица: болящую приносятъ,
здравую она отходитъ, исцѣленная не толь-
ко тѣломъ но и душою, ибо она уже въ-
руетъ во Христа и исповѣдуетъ его предъ
супругомъ.

Колелбется Царь, но не легко свергнуть
съ себя узы обольстителя душъ. Еще
одинъ случай прославляетъ Нину: ближай-
шій родственникъ Царя Персовъ, изъ дома
Сассанидовъ, которому принадлежалъ и

самъ Миріанъ, будучи въ гостяхъ у него заболѣлъ смертною болѣзнію; испуганный ответственностію предъ владыкою Персовъ, Царь посылаетъ умолять Нину, о исцѣленіи вельможи, и получаетъ въ отвѣтъ тотъ же зовъ болящаго въ убогую кущу. Царедворецъ возвращается исцѣленнымъ и обращеннымъ къ вѣрѣ Христовой, по примѣру Царицы. Тогда возгорѣлся гнѣвъ Миріана противъ ревностной проповѣдницы, ибо не зналъ онъ какой дать отвѣтъ Царю огнепоклоннику, за обращеніе его ближайшаго родственника. Не внимая мольбамъ Царицы, смертію грозилъ онъ Нинѣ, и волнуемый внутреннею борьбою хотѣлъ разсѣять себя охотою въ сосѣднихъ горахъ. Тамъ опять настигла его иная чудная буря, подобная первой, обрушившей кумирь Армаза: не хотѣвшій возвратъ къ истинному свѣту, ослѣпъ онъ чувственно, подобно Павлу, но кратко было ослѣпленіе Царя; онъ почувствовалъ надъ собою руку Божию, онъ воззвалъ къ Богу Нины и, давши обѣтъ Христіанства, мгновенно прозрѣлъ. Царь, бывшій язычникъ, возвраща-

ется въ свою столицу Христiаниномъ и даже проповѣдникомъ вѣры, нѣкогда имъ гонимой.

Какова была радость блаженной Нины! пламенное желаніе ея дѣтскаго возраста сбылось, дальняя цѣль труднаго странствiя достигнута, апостольскiй ея подвигъ и воля Пославшаго исполнены! — Остается только довершить начатое, руководить неопытныхъ но уже вѣрующихъ. Она сама указываетъ Царю таинственный кедръ, прославленный многими знаменiями, для сооруженiя тутъ соборнаго храма, и новыя чудеса освящаютъ мѣсто гдѣ хранится Господнiй хитонъ. Благодарный Мирiанъ хочетъ соорудить церковь и подлѣ той убогой кущи, отколѣ притекло къ нему спасеніе посредствомъ исцѣленiй Нины. Время его обращенiя есть вмѣстѣ и свѣтлая эпоха просвѣщенiя сосѣдняго ему Тиридата Царя Арменiи и великаго Императора Константина. Въ новой столицѣ Римской Царьградѣ ярко горитъ свѣтильникъ вѣры. Туда посылаетъ властитель Иверiи, просить себѣ духовныхъ пастырей, и обра-

дованный Константинъ посылаетъ ему Патриарха Антиохійскаго Евстаѳіа, для крещенія страны, которая оттоль должна принадлежать церковной области Антиохійской. Патриархъ приноситъ въ благословеніе Царю, часть честнаго древа, недавно обрѣтеннаго Св. Еленою и образъ Пречистой Дѣвы, въ залогъ вѣчнаго ея предстательства, о странѣ просвѣщенной ея заботами. Онъ поставляетъ первымъ Епископомъ Иверіи Іоанна и устрояетъ весь порядокъ церковный, дабы на прочныхъ основахъ православія утвердилась сія новая отрасль Церкви Вселенской.

Но виновница спасенія новаго своего отечества, боится почестей, которыми осыпаютъ ее Царь и народъ; она удаляется въ гору, на противоположный берегъ Арагвы, и тамъ молитвенными слезами источаетъ себѣ воду изъ камня. Небесный свѣтъ, въ видѣ огненныхъ лучей, исходявшихъ отъ мѣста, гдѣ таился хитонъ Господень, озарилъ, предъ глазами Епископа Іоанна, убѣжище Св. Нины. Святитель вырѣзалъ четыре креста, изъ

срубленного надъ хитомъ кедра, и поставилъ одинъ на вершинѣ сей, а другой на тѣхъ высотахъ, гдѣ обратился къ Богу истинному Миріамъ. Еще два предназначены имъ были для просвѣщенія Кахетіи, въ Уджарму, на берега Юры, удѣлъ сына царскаго Рева и дочери Тирилата Армянскаго Саломіи, и въ Бѣдби, владѣніе Кахетинской Царицы Софіи, которую пошла обращать сама ревностная Нина; тамъ былъ назначенъ предѣлъ ея труженической жизни.

Чувствуя приближеніе давно желанной кончины, блаженная пригласила къ себѣ писменно Царя Миріана и Епископа Іоанна; весь царскій домъ и священный клиръ устремились на зовъ умирающей. Обрадовалась святая Нина пришествію близкихъ ей по сердцу и сказала плачущимъ еще нѣсколько глаголовъ вѣчной жизни; потомъ приобщилась въ послѣдній разъ спасительнаго таинства и простершись на убогомъ одрѣ своемъ, какъ воинъ на поприщѣ своей славы, отошла съ миромъ къ Господу, послѣ тридцатипятилѣтняго апостольскаго подвига. День ея кончины былъ

днемъ отдаѣя праздника Богоявленія и такъ досель празднуется ея память, въ непрестанное напоминовеніе благодатнаго крещенія Господа нашего, котораго плоды распростерла она на всю Иверію. Напрасно Царь и Епископъ, сокрушаясь, о потерѣ такого сокровища, хотѣли по крайней мѣрѣ перенести ея остатки въ соборную церковь Мцхета, къ тому мѣсту, гдѣ такъ часто любила она молиться надъ хитономъ. Никакая человѣческая сила не могла сдвинуть изсохшаго тѣла подвижницы, съ избраннаго мѣста упокоенія. Довольно было сдѣлано ею для предѣловъ Карталиннн, гдѣ оставались священнымъ залогомъ ея мирная куща и обрѣтенное мѣсто хитона. Она хотѣла, нетлѣніемъ мощей своихъ, утвердить въ вѣрѣ вновь обращенную ею страну Кахетинскую и дѣйствительно около ея гроба, сосредоточился свѣтъ Христіанства на весь будущіе вѣка. Царь Миріанъ соорудилъ тутъ первую церковь, во имя родственнаго Нинѣ Великомученика Георгія, и положилъ въ придѣлѣ ея святуя проповѣдницу. Въ послѣдствіи при сей погребальной цер-

кви, учредилась митрополія Бодбійская, старшая во всей Кахетин, отколѣ распро- странилась проповѣдь евангельская и даже проникла въ сердце Кавказа. Житіе св. Нины, извлеченное мною изъ синаксаровъ Грузинскихъ, описано было вкратцѣ почти современнымъ ей историкомъ западнымъ Руфиномъ, который слышалъ о ней въ Иерусалимѣ, отъ Грузинскаго Царевича Бакура сына Миріанова, и такое свидѣтельство лѣтописи примѣчательно; но Руфинъ, неизвѣстно почему, называлъ ее пѣвицей Нонною. (кн. 1. глав. 10).

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Сигнахъ, я посѣщилъ въ уединенную обитель Св. Нины, гдѣ уже пятнадцать столѣтій почиваетъ она послѣ мирныхъ своихъ подвиговъ. Нельзя было избрать очаровательнѣе сего мѣста для усыпальницы блаженной дѣвы: это высокая площадка между горъ, всегда роскошная своею зеленью и освѣщенная развѣсистыми чинарами, какимъ я не видалъ нигдѣ подобныхъ. Чудные виды открываются отселе во всю долину Алазани и на сумрачное чело Кавказа, снѣжными ус-

тупами восходящаго къ небу. Здѣсь все дышетъ какою то райскою отрадой, въ мирномъ уголкѣ, который обрѣла себѣ Нина, чтобы съ вершинѣ сего горнаго оазиса благословлять и по смерти просвѣщенную ею страну. Самая церковь, гдѣ она почитается, ей современная, вполне соответствуетъ священному залогу, который въ себѣ хранитъ, ибо доселѣ отзывается она смиреніемъ первыхъ вѣковъ Христіанства Грузіи. Зодчество ея весьма просто и не велики размѣры; скромный куполъ надстроенъ недавно; западный притворъ украшенъ разноцвѣтными кирпичами, что придаетъ ему особенный характеръ; со всѣхъ сторонъ изваяны снаружи кресты, обычное украшеніе храмовъ Грузинскихъ, и на одномъ камнѣ южнаго входа начертано: «я Георгій возобновилъ;» — но кто этотъ Георгій, обновитель зданія Миріанова? вѣроятно свѣтлый Царь Грузіи Георгій VI, возставшій послѣ разореній Монгольскихъ.

Внутри храма таже скромность и простота: шесть четвероугольныхъ столбовъ поддерживаютъ своды; стѣны расписаны.

недавно ликами всѣхъ угодниковъ Церкви Грузинской, которые прилично соединились около виновницы спасенія ихъ родины. На иконостасѣ, между храмовыми иконами, есть одна святой Нины на козняхъ, приѣмлющей отъ Богоматери виноградный крестъ для спасенія Иверіи, но къ сожалѣнію всѣ иконы уже новыя. На три части раздѣленъ алтарь: главный престолъ его празднуетъ Великомученику, но та часть олтара, что противолежитъ жертвеннику, обращена въ малый придѣлъ, посвященный блаженной племянницѣ святаго Георгія. По древнему устройству и тѣснотѣ сего придѣла, престолъ и жертвенникъ соединены на одномъ камнѣ, прислоненномъ къ восточной стѣнѣ, а во всю длину придѣла и въ полшироты его, лежитъ одна гробовая плита, осыпанная штымъ покровомъ: это мирное ложе просвѣтительницы, основной камень всей Иверіи. Есть особенная сладость въ посѣщеніи такой святыни; тутъ какъ будто бы ближе душа къ священному предмету странствія, и черпается неизъяснимая радость съ гробоваго

намня, какъ бы источающаго живыя струи. Святая изображена на мертвенномъ покровѣ, уже въ старческомъ возрастѣ, но съ обиліемъ жизни, пролитой ею на всю Иверію: крестъ и евангеліе въ рукахъ ея, выходятъ изъ подъ покрывала, спущеннаго на дѣвственное чело. О блаженная подвижница, достойная вполнѣ Великомученика, который напечатлѣвъ въ сердце Русскаго орла! осѣни своимъ мирнымъ покровомъ, и ту необъятную державу, проникнутую его воинскимъ духомъ, къ дальнему рубежу коей приникла твоя новая родина, слитая съ него во едино, вѣрою проповѣданнаго тобою Христа!

Мнѣ хотѣлось помолиться надъ мощами почивающей подъ спудомъ угодницы Божіей, и не разлучить ее въ молитвахъ съ другимъ великимъ угодникомъ земли Русской, память коего совершалась въ тотъ день: ибо прѣподобный Сергій, положилъ столь же твердую основу благочестія въ своей родинѣ, какъ и блаженная Нина въ Иверіи. Я просилъ настоятеля Бодбійскаго, Архимандрита Діонисія, отслужить моле-

бень вмѣстѣ преводобному Сергію и равноапостольной Нинѣ, внутри гробоваго придыла, и хотя не разумѣлъ словъ молитвенныхъ, утѣшался однако слышаніемъ, посреди чуждыхъ звуковъ, родственныхъ именъ Сергія и Нины, олицетворявшихъ для меня духовный союзъ Россіи и Грузіи. Какъ умиленные тропарь и кондакъ равноапостольной, излившіеся изъ благодарнаго сердца, одного изъ спасенныхъ ею сыновъ; они переложены на родное наше нарѣчіе, дабы и мы воспѣвали ей достойныя хвалы.

«Вѣстницу Христомъ избранную, проповѣдницу слова Божія, благовѣстницу жизни, наставницу народа Иверіи на пути правомъ, Матери Божіей собственную ученицу Нину, восхвалимъ нынѣ всѣмъ пѣніемъ божественнымъ, яко теплую молитвенницу, и хранительницу неотступную.»

«Слова Божія служительнице и воипственнице, во Апостольской проповѣди святаго Андрея преуспѣвшая просвѣтительнице Иверіи и Духа Святаго цѣвнице, святая Ни-

но, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ.»

Конечно многіе изъ древнихъ именитыхъ усопшихъ погребены были подъ свнію святой Нины, но время стерло ихъ надписи и даже сгладило могильные камни; есть однако и новые пришельцы ея обители: это дочь великаго Ираклія царица Елена, и бывшій ему сподвижникъ, въ битвѣ противъ Лезгинъ, Митрополитъ Бодбійскій Кириллъ, который утонулъ въ Алазани въ 1792 году, и славный воевода нашъ Генералъ Гуляковъ, героемъ падшій въ Закаталахъ въ 1804 году, на самомъ поприщѣ победы своей противъ горскихъ хищниковъ. Тутъ и первый Русскій Экзархъ Грузіи Теофилактъ, скоростижно скончавшійся въ Бодбійскомъ монастырѣ, при посѣщеніи имъ новой своей паствы въ 1821 году. Последній именитый усопшій и пастырь, которымъ окончивается долгій рядъ святителей Бодбійскихъ, не прерывавшійся отъ временъ Св. Нины, Митрополитъ, Іоаннъ совершилъ весьма недавно, въ 1837 году, почти столѣтнее житіе свое по-

прище; память его доселѣ осыпается благословеніями всей Кахетіи. Будучи самъ рода княжескаго, онъ посвятилъ себя отъ юнаго возраста иночеству въ пустынной обители Натлисмцемели. Пятьдесятъ лѣтъ продолжалось его святительство во времена весьма смутныя, Царей Ираклія и Георгія. И правительству Русскому оказалъ свое усердіе старецъ, когда возмущена была Кахетія царевичемъ Александромъ, ибо съ крестомъ въ рукахъ явился онъ, въ ущелин Сигнахскомъ и принудилъ мятежниковъ открыть свободный выходъ войскамъ. Къ нему въ келлію предсталъ внезапно самъ виновникъ смятенія Александръ: Митрополитъ принялъ его какъ царскаго сына, но увѣщевалъ пастырски положить оружіе. Вліяніе благочестиваго старца, простиралось не только на одну Кахетію, но и на все предгоріе Кавказа. Жители его, бывшіе прежде Христіанами въ предѣлахъ Елисуискихъ, тайно къ нему приходили и принимали у себя на пасхѣ, посылаемыхъ имъ священниковъ, которые пользовались симъ случаемъ, чтобы крестить язычниковъ и

совершать Христіанскія требы между обращенными; со смертію Митрополита упразднѣлась это благотвѣтельное вліяніе.

Пламенно желалъ онъ видѣть державнаго Посѣтителя, обозрѣвавшаго свои дальніе предѣлы въ 1837 году, но не было суждено старцу сіе послѣднее земное утѣшеніе: онъ скончался за нѣсколько мѣсяцевъ до Царскаго пріѣзда. Сельскій домикъ его еще стоитъ при церкви Св. Нины, какъ бы ожидая ему преемника. Теперь живетъ тамъ Архимандритъ Діонисій, бывшій еще при его жизни распорядителемъ церковныхъ имуществъ въ сей части Кахетіи. Обитель женская существовала въ началѣ, при храмѣ Просвѣтительницы, когда еще древняя митрополія Бодбійская находилась недалеко отсюда: въ лѣсистомъ ущеліи, доселѣ видны ея развалины, съ стѣнною живописью и мраморными украшеніями. Скоро почувствовали необходимость имѣть Епископа при самомъ гробѣ равноапостольной, какъ въ центральномъ мѣстѣ, 'отколѣ проливалось просвѣщеніе духовное на всю Кахетію и за Алазань, по

большому стеченію богомольцевъ; каведра Митрополитовъ Бодбійскихъ, много сѣдѣствовала къ развитію Христіанства.

Есть еще довольно древнія утвари и рукописи въ ризницѣ: между ними особенно замѣчательнъ драгоценный крестъ, носимый предъ Архіереями и часть мощей, святаго Архидіакона Стефана, принесенная по мѣстному преданію, однимъ изъ тринадцати отцовъ Сирскихъ, Стефаномъ, который почиваетъ недалеко отъ Св. Нины, въ созданной имъ обители Хирской. Житіе блаженнаго отца сего не сохранилось въ минеяхъ; одно то извѣстно, что онъ пришелъ вмѣстѣ съ прочими учениками Св. Іоанна, и когда Авва разослалъ ихъ для охраненія Христіанства между язычниками, въ предѣлахъ Грузіи, Стефанъ избралъ себѣ сію крайнюю грань населенія Кахетинскаго. Тутъ расширяется на восемьдесятъ верстъ долина Алазанская, отъ горъ Сигнахскихъ до подножія Кавказа, а далѣе къ востоку лежитъ поле Ширакское, гдѣ сливается съ рѣкою Іорою Алазань и стремится настигнуть Куру, на

пути ея къ морю Каспійскому. Живописное ущелье Бодбійское, покрытое лѣсомъ, оживленное селеніями и ручьями, ведетъ отъ горной обители Св. Нины къ монастырю Хирскому, который лежитъ на скалахъ послѣднихъ холмовъ предъ самою равниною. Архимандритъ Діонисій, также рода княжескаго, не уступилъ въ привѣтливости настоятелю Натлисмцемели и проводилъ насъ верхомъ до монастыря.

Изъ устья овраговъ открылась намъ высокая церковь Хирская, обнесенная оградю, которая теперь уже въ упадкѣ, потому что не предстоить опасности отъ враговъ; но Царь Кахетинскій Леонъ принужденъ былъ соорудить ея башни и стѣны, отъ безпрестанныхъ нападеній Лезгинъ Бллоканскихъ, и здѣсь было всегда сборное мѣсто послѣдняго воеводы Царя Ираклія, противъ хищниковъ, такъ какъ отсюда открывается вся равнина до горнаго жилища ихъ за Алазанью. Такъ постоянна была опасность, даже внутри ограды, что закладены были единственныя врата церкви и братія входила въ нее по лѣстницѣ, приставляемой къ верхнему окну.

Непрестанныя междоусобія Царей Карталинскихъ и Кахетинскихъ навлекали полчища Лезгиновъ на ихъ царства, ибо, принимаемые сперва въ качествѣ союзниковъ, они изучили всѣ внутреннія стези Кахетин и, при малѣйшемъ ея ослабленіи, тысячами нападали изъ своихъ горъ, а малыя ихъ шайки постепенно бродили по ущеліямъ. Славная битва, стоявшая жизни побѣдителю Гулякову, остановила дерзость хищниковъ, и крѣпость выстроенная въ Закаталахъ, держитъ ихъ въ страхъ; но печальная истина! когда на каждомъ шагу угрожала опасность, обитель Хирская была наполнена иноками, когда же миновалась гроза опустѣлъ монастырь, и теперь одинъ только Архимандритъ, управляющій имѣніями, съ своими домашними служителями, составляетъ все населеніе Хирское.

Еще не прошло однако и ста лѣтъ, какъ сіялъ здѣсь своими пастырскими добродѣтелями, одинъ изъ свѣтильниковъ Церкви Грузинской, Іоаннъ Епископъ Манглисскій, рода княжескаго, воспитанный въ строгой пустынѣ Гареджійской, гдѣ

даже облекся въ схиму. Убъжденный Царемъ Бакаромъ принять епархію, обуреваемую Турками, онъ былъ вынужденъ ее оставить и выбралъ себѣ для безмолвія обитель Хирскую. — Недовольный одними подвигами иночества, онъ сдѣлался проповѣдникомъ слова Божія въ Дагестанъ и устроилъ въ Дербентъ малую церковь въ 1727 году, вмѣсто которой соорудилъ потомъ каменную, иждивеніемъ фельд-маршала князя Долгорукова. Когда же бѣдственныя обстоятельства отечества побудили его отплыть въ Астрахань, онъ и тамъ основалъ не только церковь, но монастырь во имя Богоматери, и еще одну церковь съ училищемъ Грузинскимъ въ Кизлярѣ, при которой также устроенъ монастырь честнаго креста. Тамъ скончался въ 1750 году девяностолѣтній старецъ, завѣщавъ погребсти себя на мѣстѣ начальныхъ своихъ подвиговъ въ Натлисмцемели; но тогда обитель сія временно находилась въ запустѣніи, до первыхъ годовъ царствованія обновителя ея Царя Ираклія II. Тѣло блаженнаго подвижника погребли въ

основани мѣ имѣ монастырь Воздвиженскомъ; однако годъ спустя явился онъ, какъ гласитъ мѣстное преданіе, въ сонномъ видѣніи благочестивой Императрицѣ Елисаветѣ, и просилъ отпустить его на родину: тогда разрѣшено было брату усопшаго, князю Саакадзе, исполнить послѣднюю его волю; но по случаю заустынія обители, блаженного Іоанна погребли въ соборѣ Сіонскомъ. Послѣдній Царь Георгій неоднократно прибѣгалъ къ его молитвамъ для исцѣленія дѣтей своихъ, и дважды открывалъ могилу святаго мужа, чтобы цѣловать его мощи.

Грустно смотрѣть на то заустыніе, въ какомъ теперь находится великолѣпная нѣкогда церковь Хирская; обширностію и высотой она уступаетъ только Алавердскому собору, который почитается первымъ по всей Грузіи; но смѣлая арка ея сводовъ, нѣкогда украшенная живописью, теперь забѣлены; самыя стѣны мѣстами требуютъ поправки. Главный престолъ, празднующій Успенію, обнаженъ, ибо по причинѣ медленнаго обновленія иконостасъ

его снять и всѣ иконы сложены грудой въ отдѣленіи жертвенника; изрѣдка бываетъ служба въ боковомъ придѣлѣ, временно устроенномъ съ правой стороны олтара. Съ лѣвой, предъ входомъ въ бывшій жертвенникъ, широкая плита съ осѣняющимъ ее покровомъ, знаменуетъ мѣсто погребенія святаго основателя, Стефана Хирскаго, къ которому доселѣ притекаютъ даже Лезгинны, памятуя что они прежде были Христіанами. Съ умиленіемъ поклонился я гробу Сирскаго Отца, и съ грустнымъ впечатлѣніемъ оставилъ его опустѣвшую обитель.

Дорога въ Сигнахъ пролегла уже не по ущелію Бодбійскому, но по окраинѣ роскошной долины Алазанской, на скатъ холмовъ, усыянныхъ виноградниками, которые красовались обиліемъ своихъ гроздій. Трудный восходъ предстоялъ намъ на высокую гору Сигнахскую, сперва по руслу потока, а потомъ по лѣсистей крутизнѣ, и я удивлялся терпѣнію жителей; потому что они безпрестанно должны сходить за водою, или въ свои виноградники, къ под-

ножію горы, на вершинѣ коей, какъ орлиное гнѣздо, приникъ ихъ городъ. Но такова была опасность отъ Лезгинъ во времена Царя Ираклія, что только на сихъ высотахъ могло спастись окрестное народонаселеніе; доселѣ рисуется на скалахъ крѣпость, бѣлыми своими стѣнами и полуобвалившимися башнями, теперь уже бесполезными.

Самые очаровательные виды открывались намъ все шире и шире, по мѣрѣ подъема, когда мы останавливались чтобы дать перевести духъ утомленнымъ лошадямъ. Наконецъ вся роскошная долина Кахетіи разостлалась предъ нами, въ полной красѣ, оживленная серебристыми струями Алазани. Густая зелень садовъ ея тянулась бархатною каймою у подножія горъ, которыя подымались разноцвѣтными уступами, покрытыя лѣсомъ, или повитыя облаками и еще выше, осеребренныя снѣгомъ. Отсель, во всемъ дикомъ своемъ величіи представлялся съдой староцѣ Кавказъ, таинственный грозой своихъ горцевъ, которые внезапно изъ него прорываются, какъ изъ громовой

тучи, на противулежащій цвѣтущій берегъ Алазани: но самый этотъ страхъ, предметъ постоянной молвы, какъ бы нѣчто живое, движущееся по всей долинѣ, придаетъ много романтической прелести ея очарованнымъ видамъ.

Т Е Л А В Ъ.

Передъ вечеромъ мы спустились, другимъ ущелиемъ изъ Сигнаха, въ ту же виноградную долину Алазани, по направленію бывшей столицы Кахетинской, Телавъ. Вечеръ былъ ясный, вершины Кавказа угасали одна за другою, вся долина оглашалась пѣснями собирателей винограда, которые трудились въ садахъ своихъ; или встрѣчались намъ на пути, съ нагру-

Чатъ I. 7

женными арбами и ослиами, навьюченными ихъ единственнымъ богатствомъ: здѣсь по истинѣ, вино веселитъ сердце человѣка. Когда же, мало по малу, распространился вечерній сумракъ по долинь и рогъ луны засеребрился въ облакахъ, блеснули и на землѣ безчисленные огни въ садахъ, раскинутыхъ въ долинь и на скатъ горъ. Если прекратилось движеніе на большой дорогѣ, не умолкали дальнія пѣсни невидимыхъ пѣвцовъ, радующихся по выраженію псалма, каждый подъ своимъ виноградникомъ. Но и другіе звуки начали слышаться промежду сихъ радостныхъ кликовъ, по мѣрѣ того, какъ водворялась ночь, все глубже и глубже въ долинь Алазанской, и дикіе кустарники стали замѣнять воадъланские сады. Это были крики шакаловъ, до такой степени напомилавшіе дѣтскій пронзительный плачь, что неопытный могъ бы остановиться, по чувству соболѣзнованія, дабы спасти сихъ жалкихъ сиротъ, брошенныхъ родителями въ столь позднюю пору.

Ночь, хотя и лунную, провели мы на

станціи, потому что невозможно было ѣхать дальше по дорогѣ, изрытой дождевыми протоками, между селеній и садовъ, которые умножались по мѣрѣ приближенія къ Телаву. Съ разсвѣтомъ мы опять пустились въ путь и насъ встрѣтила таже живая картина, какою восхищались наканунѣ. Тамъ гдѣ выдавалась иногда лужайка, между виноградниковъ, располагались семейные караваны богомольцевъ, шедшихъ въ Алаверди: ибо каждый Кахетинецъ почитаетъ священной обязанностію, послѣ винограднаго сбора, сходить со всемъ своимъ домомъ, на поклоненіе честному кресту, хранящемуся въ Алавердскомъ соборѣ. Жены и дѣти сидѣли въ арбахъ, мужчины въ нарядныхъ одеждахъ собирались въ кружокъ для бесѣды; черные буйволы отдыхали на лугу подъ тяжелымъ ярмомъ; каждая группа, взятая отдельно, могла бы служить предметомъ для характеристической картины. Это былъ образъ Кахетіи, въ полномъ разгарѣ ея жизни, опутанной виноградными лозами какъ цѣпями, потому что источникъ ея веселія служить и

виною раззоренія; а между тѣмъ набожное направленіе народа проявляется въ самую блестящую ея эпоху, когда собираетъ и расточаетъ она въ нѣсколько дней труды цѣлаго года.

За семь верстъ отъ Телавъ посѣтили мы богагѣйшій изъ виноградниковъ Кахетин, Цинандалъ, владѣніе князя Чавчавадзе, котораго мнѣ не суждено было видѣть, хотя мы оба взаимно желали встрѣтить другъ друга. Но когда я посѣщалъ его Цинандалъскую усадьбу, добрый хозяинъ отсутствовалъ въ Карталиніи, а въ тотъ самый день, когда я возвращался изъ Арменіи, его постигла бѣдственная кончина. Сколько любви онъ унесъ съ собою въ могилу! и какъ должны уважать его память Русскіе и Грузинскіе его соотечественники, потому что по своему Европейскому образованію, онъ всегда старался служить связію между обоихъ народовъ, и въ его домѣ они дѣйствительно составляли одну семью. Миръ праху твоему князь Александръ! я только видѣлъ, какъ везли твою погребальную колесницу мимо моихъ оконъ

и даже не могъ, по болѣзни, воздать тебѣ и послѣдняго долга, но память твоя сохранилась въ моемъ сердцѣ.

Скоро открылся намъ Телавъ, на высотѣ, осыянный липами (*tilia*), отъ которыхъ заимствовалъ свое звучное имя. Бѣлыя его церкви и башни ярко мелькали между густою зеленью деревьевъ, и поэтическое названіе вардисъ, или улицы розъ, прилично дано было его живописному предмѣстью, разбросанному посреди садагъ по скату холма, который увѣчанъ разрушенною бойницею. Смѣющееся положеніе Телава, свѣтлое осеннее утро, произвели самое пріятное впечатаніе на мое сердце, и оно еще умножилось радушнымъ приемомъ, который я тамъ встрѣтилъ, въ домѣ градоначальника и въ обществѣ князей Кахетинскихъ, у него собравшихся чтобы привѣтствовать гостя. Прежде однако не желая взойти въ его жилище, я посѣтилъ близъ лежащую древнюю церковь Спаса, обнесенную крѣпкою нѣкогда оградой. Тамъ поклонился я иконѣ нерукотвореннаго образа Спасова, которая доселѣ источаетъ исцѣ-

леніе вѣрующимъ. Семь серебряныхъ под-
свѣчниковъ свидѣтельствуютъ о благочестіи
послѣдняго Царя Георгія, который вездѣ
оставилъ по себѣ благою память, а надъ
престоломъ доселѣ существуетъ сѣнь, подъ
кую сорокъ дней стояло въ этомъ храмѣ
тѣло великаго Царя Иракліа, потому что
морозная язва не позволяла долгое время
воздать ему царственнаго погребенія во
Мцхетскомъ соборѣ. Другая соборная цер-
ковь Успенія, посреди нынѣшней крепо-
сти, менѣе замѣчательна по своей новизнѣ.
Она была украшена Царемъ Иракліемъ,
иконостасть ея подаренъ Императрицею Ека-
териною, и что довольно странно! анти-
минсь, лежащій на престолѣ, имѣетъ та-
кую надпись: «смиренный Платонъ, Епи-
скопъ Сарскій и Подонскій, въ 1730 году.»
Вѣроятно кто либо изъ царственныхъ бѣ-
глецовъ Грузіи или ея святителей вывезъ
изъ Москвы этотъ антиминсь. Подлѣ со-
бора существуетъ малая церковь верхов-
ныхъ Апостоловъ, уже совершенно оста-
вленная, хотя въ ней есть еще иконостась;
она служила соборною церковью до соору-
женія Успенской.

Четыре отдѣльныхъ замка составляли некогда укрѣпленіе города Телавъ, которому положилъ основаніе владѣтель Кахетинскій Кирикъ, еще въ IX вѣкѣ; феодальные княжескіе замки, изъ коихъ три уже почти обрушены, свидѣтельствуютъ однако, что не скоро утвердилась здѣсь власть царская. Даже въ XV вѣкѣ, когда раздѣлилась Грузія на три царства, еще не былъ избранъ Телавъ мѣстопробываніемъ новыхъ Царей Кахетинскихъ. Болѣе ста лѣтъ находилась столица въ Грѣми, что нынѣ селеніе за Алазанью, и тамъ протекло все славное царствованіе Леона, сильнѣйшаго изъ сихъ Царей, который даже ходилъ воевать Іерусалимъ. Съ ослабленіемъ могущества царскаго возрастала сила Горцевъ, и частые ихъ набѣги побудили Царя Арчила, въ исходѣ XVII вѣка, перенести столицу въ болѣе безопасный Телавъ. Имъ укрѣпленъ досель существующій замокъ, слывущій царскимъ, Батонисъ-Цихе, съ зубчатыми стѣнами и круглыми башнями. Еще сохранились внутри сего замка развалины дворца Арчилю-

ва, съ обширною залою посрединѣ, къ которой прилегають малые покои и галлерей въ азіатскомъ вкусѣ; восточная часть зданія совершенно уцѣлѣла и занята теперь уѣзднымъ правленіемъ; она имѣетъ однако важное историческое достоинство. Здѣсь, послѣ бѣдственнаго раззоренія Тифлиса въ 1795 году, Шахомъ Персидскимъ, доживалъ послѣдніе годы долголѣтняго славнаго своего царствованія великій Ираклій, сокрушенный раздоромъ семейнымъ и упадкомъ своєї державы; не оставалось ему даже и приюта, на пепелищѣ сожженной столицы.

«Увы мнѣ! писалъ онъ, еще въ началѣ своего царствованія, родственнику своему Католикосу Антонію старшему, который изгнанъ былъ отцемъ его Теймуразомъ, по подозрѣнію въ латинствѣ, сколько увидите вы пріятностей въ Россіи, а я въ этой странѣ сколько вижу бѣдъ и искушеній, и сколько еще слышу! со дня вашего отъѣзда уже шесть или семь разъ сразился я съ Лезгинами, и много ихъ побилъ, но, какъ вамъ извѣстно, они все

не отстають отъ насъ. Да будутъ ваши святыя молитвы ходатайствовать предъ Богомъ за падшихъ на войнѣ; мирныя времена здѣсь продолжаются весьма не долго.» Такъ выражался бодрый тогда еще воевода, который радовался съ Надиръ-Шахомъ славный его походъ въ Индію, и въ награду получилъ отъ него оба царства Кахетин и Карталиннн. Что же должна была чувствовать великая душа его, когда послѣ полувѣковаго владычества, онъ видѣлъ предъ своею кончиною, какъ готово было опять распасться царство, посреди междоусобій его многочисленной семьи, подъ грозою Персовъ и Лезгинъ, и что славное дѣло цѣлой его жизни обратится въ ничто. Горько такое разочарованіе для вѣнчанной главы! Онъ пережилъ въкъ своихъ современниковъ, достигши глубокой, хотя и бодрой еще старости. Уже другому Католикосу Антонію младшему, заступившему каеедру великаго дяди, поручалъ онъ молиться за свое обуреваемое царство, которое передавалъ старшему сыну Георгію, послѣдному Царю, и съ мучи-

тельнымъ предчувствіемъ грядущихъ смятеній, отошелъ на вѣчный покой. Я видѣлъ убогую келлію, гдѣ скончался Ираклій и воцарился Георгій; особенное благоговѣніе внушаетъ то мѣсто, гдѣ великая душа разлучилась съ тѣломъ великаго мужа, какъ будто бы еще нѣсколько свѣтлыхъ думъ осталось послѣ него въ предсмертномъ его жилищѣ.

Ко дворцу Ираклія и Арчила прилегалъ между бойницъ малый садъ, осыенный тѣми столѣтними липами, которыя составляютъ лучшее украшеніе Телавы. Цвѣтущій садъ посреди башенъ, вотъ истинное выраженіе Кахетіи, во дни послѣднихъ ея Царей. Тутъ собирается теперь все общество Телавское, чтобы подышать лѣтнимъ воздухомъ и насладиться, съ высоты стѣнь, очаровательными видами на долину Кахетіи. Для меня видъ изъ Телавы показался еще лучше Сигнахскаго, хотя не имѣлъ той же обширности. Это двѣ противоположныя точки долины Алазанской: она вся открывается изъ Телавы, расширяясь по мѣрѣ удаленія, но горы гораздо ближе

и живописиѣ теченіе рѣки. Въ Сигнахъ панорама, а въ Телавѣ картина въ окраинѣ горъ; особенно пріятна зелень деревъ, освѣжающихъ всю окрестность, и самыя горы теряютъ свою дикость; на ихъ первыхъ лѣсистыхъ уступахъ бѣлѣютъ роскошныя за-алазанскія селенія, Греми, Шильда и Кварели, и нѣсколько древнихъ церквей висятъ надъ ними на утесахъ. Но лучшимъ украшеніемъ долины бѣлый соборъ Алавердскій, высокій, стройный, какъ нѣкій памятникъ, одиноко поставленный ради великаго событія, и дѣйствительно здѣсь сосредоточилась вся слава Кахетіи при гробѣ ея Царей.

АЛАВЕРДСКІЙ СОБОРЪ.

Не напрасно манилъ насъ издали храмъ Алавердскій; потому что и вблизи достойно удивленія его величественное зданіе. На разстояніи 18 верстъ отъ Телава, его высокій куполъ не терялся отъ нашихъ взоровъ, изъ за купы деревъ, его окружавшихъ, и по мѣрѣ приближенія росъ передъ нами, все выше и выше, доколѣ наконецъ не предсталъ, въ полной красѣ своей, вѣнецъ всѣхъ храмовъ Иверіи. Крѣпкая нѣкогда ограда, съ круглыми башнями, его охраняла; еще стоятъ ея толстыя стѣны и высокія врата открываютъ съ за-

пада входъ на дворъ монастырскій. Отсюда только можно восхищаться легкости зодчества, во вкусъ совершенно Грузинскомъ, но съ размѣрами самыми стройными и пріятными для глазъ. Остроконечный куполъ, съ длинными просвѣтами оконъ, легко возносится, какъ бы нѣкая башня, на 32 сажени, ни сколько не подавляя собою самаго зданія; оно простирается на 27 сажень въ длину и на половину сего размѣра въ ширину, что и даетъ ему много правильности. Острые гребни и карнизы крыши, расположенной уступами, легкія впадины въ стѣнахъ, обозначенныя изваянными дугами, и льпныя украшенія, съ узорочными крестами, необходимая принадлежность архитектуры мѣстной, положили своенравную печать свою на соборъ Алавердскій. Открытая паперть на столбахъ служитъ входомъ, но къ сожалѣнію уничтожили, въ началъ нынѣшняго вѣка, двѣнадцать малыхъ придѣловъ, пристроенныхъ смаружи къ стѣнамъ, отъ которыхъ стройно расширялось основаніе пирамидальной церкви.

Владѣтель Кахетинскій Кирикъ, основатель Телавы, соорудилъ въ исходѣ IX вѣка сей великолѣпный соборъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ нынѣ, на мѣсто прежней церкви Великомученика Георгія; она же была здѣсь основана, вмѣстѣ съ кафедрою епископскою, еще въ V столѣтїи, Св. Іосифомъ, однимъ изъ тринадцати Сирскихъ отцевъ. Сильное землетрясеніе опрокинуло куполь въ 1530 году, и славный Палестинскимъ своимъ походомъ, Царь Леонъ, упокребилъ много денегъ на возстановленіе храма. Въ половинѣ минувшаго столѣтїя, уже при послѣднихъ Царяхъ Кахетинскихъ, опять обрушился куполь, въ виду Царицы Тамари, супруги Теймураза II; она увидѣла изъ Телавы страшное сіе паденіе, и въ ту же минуту, въ сопровожденїи всего двора и народа, поспѣшила въ Алаверди очистить собственными руками помость церковный отъ обломковъ. Немедленно устроенъ былъ куполь, но уже не изъ камня, а изъ негниющаго дерева: таково было благочестїе сихъ державныхъ.

Взойдите во внутренность храма, и вы еще более удивитесь стройности всѣхъ его частей и легкости купола. Шесть массивныхъ столбовъ, обставленныхъ полуколоннами, поддерживаютъ и образуютъ боковыя углубленія трансезы; два полукружія выдаются по обѣимъ сторонамъ въ средней части церкви. Въ лѣвомъ изъ нихъ гробовая плита самаго основателя, Епископа Іосифа, котораго житіе утрачено для земли, но записано въ книгѣ жизни. Одно только извѣстно, что вмѣстѣ съ Стефаномъ Хирскимъ и Авивомъ Некресскимъ, который утвердилъ каведру свою за Алазанью, обратилъ онъ къ Христіанству всю долину Кахетіи, и даже дикихъ жителей Кавказа.

На три части раздѣленъ олтарь, и въ одной изъ нихъ, гдѣ теперь ризница, былъ некогда приделъ. Главный престолъ отъ самаго начала праздновалъ Великому ченюку, по такъ какъ, послѣ принесенія изъ Іерусалима животворящаго креста Царемъ Леономъ, къ празднику Воздвиженія болѣе началъ стекаться народъ, то бывший Эмсархъ Митрополитъ Іона устроилъ на хорахъ новый при-

дѣль Св. Георгія, а самый храмъ освятилъ во имя честнаго креста. Одно только непріятно для глазъ: при послѣднемъ его обновленіи совершенно забылена была вся его стѣнная живопись, и эта бѣлизна не соответствуетъ Византійскому величію храма. Иконостасъ высокій и нарядный пожертвованъ недавно, усердіемъ поселившихся въ Москвѣ Царевича Ираклія, сына Георгіева, и Архіепископа Грузинскаго Досіея. Но въ немъ еще сохранились четыре весьма древнія иконы: двѣ мѣстныхъ Великомученика, во весь рѣстъ, и двѣ малыя надъ ними, Богоматери, перенесенныя изъ другихъ упраздненныхъ монастырей. Особенно замѣчательна та икона Св. Георгія, что съ лѣвой стороны, одѣтая въ позлащенную ризу, однимъ изъ настоятелей Алавердскихъ, Княземъ Челокаевымъ въ 1721 году. Она перенесена изъ Бочармскаго монастыря, который теперь въ развалинахъ.

Великомученикъ изображенъ во всеоружіи, съ поднятыми къ небу руками, пѣшимъ, какъ онъ писался въ древности, а

не на конѣ, потому что непріятно видѣть изображеніе лошади на иконѣ; подъ его выпуклымъ щитомъ, надломаннымъ снизу, большая часть его мощей, по очертанію конхъ вылитъ самый щитъ; нигдѣ не видалъ я столь древней и вмѣстѣ столь пріятной для глазъ иконы Св. Георгія, высокаго Византійскаго письма. Другая его икона, что напротивъ, уступаетъ ей древностию и красотою, хотя также весьма замѣчательна. Но первая храмовая икона Великомученика, принесенная изъ Сиріи Св. Іосифомъ, истреблена была Шахъ-Аббасомъ, который собственными руками ее обнажилъ и роздалъ драгоценныя украшенія своимъ приближеннымъ.

Нечестивый Шахъ оставилъ по себѣ горькую память во всей Грузіи и Кахетіи, опустошеніемъ ея святилицъ. Но онъ же, самъ того не вѣдая, подарилъ величайшее сокровище храму Алавердскому, которое теперь покоится въ олтарѣ подъ главнымъ его престоломъ: это мощи Св. мученицы Кетевани, Царицы Кахетинской, въ новѣйшее время не уступившей своимъ страда-

ніями первымъ исповѣдникашъ, и даже Великомученику, коего храмъ старалась украсить при жизни. Умилительная повесть о сей царственной страдальцѣ, собрана очевидцами и засвидѣтельствована близкими ей по крови, сыномъ Теймуравомъ и Царемъ Арчиломъ и Католикосомъ Антоніемъ, написавшимъ ей похвальное слово. Но ближайшими свидѣтелями ея страданій были иновѣрные миссіонеры Латинскіе, которые даже похитили ея мученическіе останки изъ Персіи, будучи поражены величіемъ подвига.

Она происходила изъ знаменитаго рода Багратионовъ-Мухранскихъ и славилась необычайною красотою. Еще въ юныхъ лѣтахъ родители выдали ее за Царевича Давида, сына Кахетинскаго Царя Александра, и внука великаго Леона, не подозревая что вѣнецъ царскій, котораго искали для своей дочери, долженъ былъ обратиться въ болѣе свѣтлый, но мученическій, ибо ея высокая доля сдѣлалась виною всѣхъ ея страданій. Это была страшная эпоха, когда новый властитель Персіи Шакъ Аб-

басъ, какъ туча, висѣлъ надъ обреченными ему жертвами Грузіи и Кахетин, и ихъ трепещущіе обладатели не знали куда обратиться за помощью. Царь Александръ искалъ ее въ Россіи и частыми грамотами убвждалъ Царя Бориса Годунова, осѣнить мощнымъ крыломъ своимъ бѣдствующую страну. Горькая участь ожидала Александра; онъ убилъ брата, и вотъ изъ собственнаго его дома послано ему наказаніе. Сперва старшій сынъ его Давидъ возсталъ на отца; воспользовавшись тяжкою его болѣзнію, онъ объявилъ себя Царемъ и послалъ требовать отъ него знаменія царской власти. Не долго однако похититель владѣлъ престоломъ, хотя и любилъ его народъ за добродѣтель супруги. Болѣзненный старецъ, едва поднявшись съ одра, вбвжалъ въ соборную церковь, босой и безъ одежды, и всенародно проклялъ непокорнаго сына. Скоро исполнилась надъ нимъ клятва родительская. Давидъ умеръ въ страшныхъ мукахъ отъ нечаянной болѣзни, оставивъ по себѣ юную вдову и младенца Теймураза. Мстительный дѣдъ послалъ его въ

заложники Шаху, какъ будущаго Царя, а самъ раздѣлилъ бремя правительственное со вторымъ сыномъ своимъ Георгіемъ, удержавъ при себѣ юную вдову Давидову. Но у него былъ третій сынъ Константинъ, съ юныхъ лѣтъ отправленный заложникомъ въ Персію и тамъ измѣнившій вѣрность отцу. Онъ сдѣлался орудіемъ казни для всего своего дома.

Между тѣмъ войска Русскія, вызванныя Александромъ, двинулись вдоль поморія Каспійскаго, и Тарки, столица Шамхала, была первою твердынею Кавказа, падшею предъ оружіемъ нашимъ, въ 1605 году. Посоль Годунова Татищевъ отправленъ былъ въ Кахетію и Грузію, для дружественныхъ и даже брачныхъ переговоровъ съ ихъ властителями, но сдѣлался тамъ свидѣтелемъ ихъ кончины. Еще Александръ находился въ Персіи по зову Шаха; Георгій управлялъ вмѣсто отца; чтобы отразить Турковъ, которые съ другой стороны терзали несчастную страну, онъ испросилъ себѣ въ пособіе сорокъ стрѣльцовъ, у посла Русскаго, и съ ними разбилъ полчища От-

томанскія: впервые раздался за Кавказомъ побѣдоносный громъ оружія Русскаго. Наконецъ Александръ возвратился изъ Персіи, съ сыномъ Константиномъ, котораго Шахъ объявилъ властителемъ Ширахскимъ, и велѣлъ ему собрать лучшихъ воиновъ своей земли, чтобы овладѣть Шемахою. Многочисленная дружина Шаха сопровождала отступника; наружно онъ, казалось, ласкалъ отца и брата. Напрасно предупреждалъ ихъ умный посолъ нашъ, не довѣрять измѣннику; они не смѣли изъявить подозрѣнія, чтобы не разгнѣвать могущественнаго Шаха.

Скажу здѣсь печальную повѣсть, словами знаменитаго исторіографа: готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру, Татищевъ вдругъ слышитъ стрѣльбу во дворцѣ, крики, шумъ битвы, посылаетъ своего толмача, узнать что дѣлается? и толмачъ входя во дворецъ, видитъ Персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями, на землѣ кровь, трупы и двѣ отсѣченныя головы лежали подъ Константиномъ, головы его отца и брата. Будучи только орудіемъ Аб-

басовой мести и плакавъ всю ночь предъ совершеніемъ отцеубійства, уже объявленнѣй Царемъ Константинъ старался успокоить посла нашего: «родитель мой, говорилъ онъ, сдѣлался жертвою междоусобія сыновняго, несчастіе весьма обыкновенное въ нашей землѣ. Самъ Александръ извелъ отца своего, убилъ и брата. Я тоже сдѣлалъ, не знаю къ добру ли, къ худу ли для свѣта; но крайней мѣрѣ буду вѣрнымъ моему слову и лучше заслужу милость Государя Русскаго.» — Сколько ужаса въ этой рѣчи отцеубійцы, надъ свѣжими трупамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое страшное наказаніе, если дѣйствительно Александръ былъ втайнѣ виновенъ противу своего отца, какъ онъ явно умертвилъ своего брата! Посолъ удалился нарушивъ всякое общеніе съ извергомъ.

Юная Кетеванъ бѣжала подъ кровъ отеческій, оплакивать тамъ вдовство свое и плѣтъ сыновній. Неистовства Константина скоро вызвали ее изъ мирнаго уединенія опять на царственное поприще. Весь народъ Кахетинскій обратился къ ней, какъ

къ единственной своей заступницѣ, умоляя спасти христіанское наследіе ея сына, отъ Царя магометанина. Тронулась плачемъ народнымъ Кетеванъ, слабая жена облеклась въ доспѣхи ратные, двинулась съ вѣрною дружиною противу хищника. Молитвою приготовлялась она къ битвѣ и по ея примѣру всѣ ея воины приобщились святыхъ таинъ. Прежде нежели началась сѣча, на берегахъ Алазани, первую жертвою палъ самъ отступникъ, и въ ужасѣ разбѣжалось все его войско. Епископы и Князья провозгласили Царицею Кетеванъ; она же отправила пословъ къ Шаху, умолять о выдачѣ сына. Устрашился Аббасъ нежданнаго успѣха, и чтобы не возбудить войны, когда предстояла ему опасность со стороны Султана, отпустилъ на царство шестнадцатилѣтняго отрока Теймураза, который сохранилъ въ плѣну вѣру отцевъ своихъ; онъ былъ торжественно въичанъ въ храмъ Бодбийскомъ, надъ гробомъ Св. Нины. — Это была самая блестящая эпоха жизни Кетевани: все о чемъ лишь только мечтада, все чего не смѣла даже надѣ-

аться, сбылось! — Спасительница царства она побѣдила убійцу ея присныхъ, она не только Царица, но и мать: неумолимый Шахъ возвратилъ ей предметъ ея долготѣльныхъ слезъ, и вотъ онъ вмѣстѣ съ нею на престолѣ. Оттолъ единственная цѣль ея жизни—украшать храмы Божіи и призирать нищихъ; по всей Кахетіи благословляется ея имя, какъ и теперь память ея по всей землѣ Иверской. Такъ протекли десять лѣтъ, краткое время отдыха давленное ей раздаятелемъ вѣнцевъ мученическихъ, чтобы подкрѣпить ее къ новымъ подвигамъ.

Все измѣнилось: Шахъ Аббасъ, устроивъ дѣла свои съ Турціею и опасаясь вліянія Россіи на подвластную ему Грузію, рѣшился однимъ ударомъ сокрушить въ ней Христіанство, выселить жителей, истребить храмы и такимъ образомъ укрѣпить ее навсегда въ рабствѣ Персидскомъ. Уже нѣкоторые изъ Царей Карталинскихъ принуждены были наружно исповѣдывать Магомета, хотя внутри своего сердца таили вѣру своего отечества; лучшее ихъ сокрови-

вище и щить посреди обуръвавшихъ бѣдствій. Шахъ искалъ только предлога войнѣ и вскорѣ нашелъ. Моуравъ Саакадзе, недовольный юнымъ Царемъ Карталинскимъ Луарсабомъ за то, что по данному обѣщанію не женился на его дочери, бѣжалъ въ Персію и открылъ ея владѣтелю безсиліе своего отечества. Чтобы еще болѣе возбудить сладострастнаго Шаха, онъ описалъ ему удивительную красоту сестры Луарсаба, Хорошани, уже помолвленной за Царя Кахетинскаго Теймураза. Шахъ послалъ требовать руки Царевны, а между тѣмъ коварными письмами возбуждалъ обонхъ Царей, другъ противъ друга, обѣщая каждому свое покровительство. Луарсабъ не уstraшилъ отказать могущественному властителю Персіи, и вспыхнула жестокая война, въ теченіи четырнадцати лѣтъ, опустошившая совершенно несчастную Грузію, ибо и Турки были призываемы на помощь и снова вторгались Персы. Разрушенія кончились только смертію Шаха Аббаса, но во многихъ мѣстахъ онъ не изгладились и доселѣ.

Часть I.

8

При первомъ слухѣ о нашествіи Персовъ, Теймуразъ хотѣлъ защищаться, но малодушіе овладѣло Князьями Кахетинскими; они собрались къ Царю и умоляли не навлекать ужасовъ войны на ихъ цвѣтушія долины, умоляли и Царицу мать быть ихъ заступницей предъ жестокимъ Шахемъ, въ той надеждѣ, что слезы женскія съ богатыми дарами смягчатъ его сердце. Колебалась Царица, но ради неотступности народа, рѣшилась пожертвовать собою для спасенія многихъ тысячъ, ибо тайно предчувствовала, что уже болѣе не возвратится. Она взяла съ собою младшаго внука Александра и простилась на вѣки съ сыномъ и родиною: это былъ первый подвигъ ея мученичества. Въ Ганджѣ, Елисаветполь, встрѣтила завоевателя Кетеванъ. Онъ принялъ ее съ необычайною почестью, посадилъ близъ себя и угостилъ трапезою, для прикрытія своихъ коварныхъ замысловъ. Шахъ спрашивалъ для чего не пришелъ самъ Теймуразъ, заключить дружескаго союза противъ Луарсаба, и потребовалъ въ заложники старшаго сына его

Леона. Когда же цѣль сія была достигнута и Царевичъ Леонъ находился въ рукахъ его, жестокой Шахъ сослалъ Царину съ ея обоими внуками во внутренность Персіи, въ Ширазъ, гдѣ отроковъ ожидала ранняя смерть, а бабуку ихъ мученической вѣнецъ послѣ долгаго томленія.

Тогда увидѣли Князья Кахетинскіе всю безразсудность своего поступка, и убѣдились въ необходимости брачнаго союза Царя своего съ сестрою. Дуарсаба, такъ какъ уже не оставалось ему наследниковъ отъ перваго супружества. Теймуразъ поспѣшилъ въ Тифлисъ и подъ грозою воинскою торжествовалъ бракъ свой. Кровавою местию закипѣло сердце Шаха; онъ видѣлъ что нельзя одолѣть обманомъ враговъ и двинулся противъ нихъ, со всеми своими полчищами изъ Ганджи. Дуарсабъ мужественно выступилъ ему на встрѣчу и преградилъ завалами тѣсныя проходы въ ущельяхъ. Тогда, по совѣту вѣроломнаго Моурава, Аббасъ перешелъ Куру и устремился съ огнемъ и мечемъ въ предѣлы Кахетинскіе; первая пострадала пустыня Га-

реджійская, и безоружные инокѣ сдѣлались жертвою ярости Шаха. На мирную долину Кахетіи излилось потомъ его мщеніе: Телавъ и Алаверди испытали весь ужасы опустошенія, ибо свирѣпое сердце Аббаса искало узвить противника своего Теймураза, въ томъ что было близко и дорого его сердцу. Пламя пожаровъ и потоки крови приближались къ предѣламъ Карталинскимъ; оба Царя, не видя ни откуда спасенія, бѣжали въ Имеретію, искать помощи у ея властителя Георгія и отъ болѣе сильныхъ сосѣдей, Турковъ. Шахъ остановилъ на время свое опустошеніе, какъ опытный ловчій, разставляющій сѣти для уловленія добычи. Онъ писалъ ласковое письмо къ Луарсабу, убѣждая его возвратиться, какъ будто бы личная вражда его была только противъ Теймураза. Хотя будущій мученикъ предчувствовалъ участь, какая его ожидала, но движимый тѣмъ же самоотверженіемъ, котораго благій примѣръ подала ему Кетеванъ, онъ хотѣлъ спасти народъ свой, добровольнымъ пожертвованіемъ, и предалъ себя въ руки Шаха.

Великолѣпный пріемъ ожидалъ его въ Тифлисъ; Аббасъ торжественно утвердилъ его на престолѣ предковъ и далъ ему, знаменіемъ власти и своей пріязни, алмазное перо, какъ вѣнокъ, коимъ вѣнчали жертвы прежде ихъ закланія. Но спустя нѣсколько дней коварный Шахъ сталъ искать предлога къ удаленію Луарсаба изъ его царства. Онъ велѣлъ похитить у него богатый даръ свой, и когда явился къ нему юный Царь безъ сего украшенія, притворно разгнѣванный Шахъ, удержалъ его подъ своимъ шатромъ, какъ бы для того чтобы розыскать похитителей; потомъ, пригласивъ за свою трапезу, предложилъ ему вкусить рыбу въ великій постъ. Отказался Луарсабъ, нарушить постановленія церковныя и мужественно сказалъ Шаху: «если теперь я разрышу въ угожденіе тебѣ на рыбу, завтра ты потребуешь отъ меня, чтобы я ѣлъ мясо, развѣ ты не знаешь что я Христіанинъ?» Раздраженный Шахъ сослалъ его въ заточеніе въ Ширазъ, надѣясь обратить его тамъ, долгимъ томленіемъ, къ Магометанству, а на мѣсто его

назначилъ одного изъ отступниковъ той же царственной династїи Багратъ Мирзу.

Тогда пострадали отъ руки завоевателя и знаменитыя обители въ окрестностяхъ столицы; но Шахъ не смѣлъ коснуться Мцхетскаго собора. Желая прикрыть личиною прїязни свои честолюбивые замыслы, чтобы не навлечь на себя оружіе Россїи, онъ послалъ въ даръ Царю Михаилу Феодоровичу и Патріарху отцу его, ризу Господню, обрѣтенную имъ въ драгоцѣнномъ ковчегѣ, въ соборной ризницѣ Мцхетской. Когда же возвратился въ Персію и услышалъ что ѣдетъ къ нему посольство Русское, съ ходатайствомъ о несчастномъ Царѣ Луарсабѣ, онъ поспѣшилъ задуть его въ Ширазѣ, а между тѣмъ извинялся предъ нашими послами, будто нечаянно приключилась ему кончина, въ то время какъ онъ удилъ рыбу надъ водоемомъ, и обѣщалъ строго разыскать съ неосторожныхъ его приставовъ. Въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ своихъ, послѣ семилѣтняго заточенія, Луарсабъ мученически предалъ душу свою Богу, имъ исповѣданному

предъ лицомъ гонителя; Церковь празднуетъ святую память его 21-го Іюня, вмѣстѣ съ другимъ царственнѣмъ мученикомъ Арчиломъ, Царемъ Иверскимъ, который пострадалъ въ VIII вѣкѣ также за вѣру Христову, еще во времена владычества Халифовъ Арабскихъ.

Второе нашествіе Шахъ-Аббаса на Грузію было для нее еще губительнѣе, когда Теймуразъ, приведя съ собою полчища Турецкія, временно изгналъ правителей Персидскихъ; но онъ скоро принужденъ былъ бѣжать изъ своихъ предѣловъ, отъ мощнаго врага. На сей разъ еще болѣе разыгралось мщение Шаха; онъ уводилъ съ собою въ плѣнъ цѣлыя селенія, чтобы совершенно опустошить страну, и потому доселѣ являются около Испагани родственныя для Грузіи имена Марткопи и другихъ мѣстъ, гдѣ еще говорятъ Грузинскимъ нарѣчіемъ, уже Магометанскіе жители. Но жестокій Аббасъ хотѣлъ лично отмстить Теймуразу и началъ съ беззащитныхъ дѣтей его, Леона и Александра, которыхъ велѣлъ оскопить; они не вынесли мучи-

тельной боли и вскорѣ скончались. Оставалась Царица Кетеванъ, которая уже десять лѣтъ томилась въ плѣну.

Надъ нею повторились все искушенія и самый образъ страданія первыхъ мучениковъ, при началѣ Христіанства, какъ бы для того, чтобы возбудить теплоту вѣры въ сердцахъ остывшихъ къ такимъ подвигамъ; царственнымъ своимъ саномъ и женскою немощію, въ которой проявилось столько духа, она сдѣлала еще болѣе свѣтлымъ мученической вѣнецъ свой. Началось съ обольщеній: Шахъ послалъ увѣрять Царицу, чрезъ избранныхъ своихъ клеветовъ, въ глубокомъ уваженіи къ ея добродѣтелямъ, и предлагалъ раздѣлить съ нею брачное ложе, но почитать ее какъ мать и совѣщаться съ нею въ дѣлахъ государственныхъ: сына же ея Теймураза обѣщалъ признать своимъ собственнымъ, и возвратитъ ему утраченное царство, все сіе если только оставитъ она вѣру отцевъ своихъ и обратится къ его вѣрѣ. «Вся сія дамъ ти, аще надши поклонишися мнѣ;» говорилъ некогда искушитель Тому, въ чье имя увѣро-

вала Царица, и тѣмъ же отвѣтомъ былъ отраженъ новый искушитель: «иди за мною. «Сатано, писано есть: Господу своему по-«служиши и тому единому поклониши.» Чего инаго требовалъ, что другое предлагалъ и царственной Великомученицѣ Екатерины тиранъ Максиминъ? Иное смѣлѣйшее обольщеніе слѣдовало за первымъ, и отъ кого же? отъ того лица, которое дотоле было посредникомъ между Богомъ и ею, отъ единственнаго священнослужителя и духовника ея, раздѣлявшаго съ нею горькую участь плѣненія, въ теченіи столькихъ лѣтъ! Страхомъ смерти совращенный къ лжеученію Магомета, недостойный дерзнулъ придти отъ имени Шаха, увѣщавать бывшую духовную дочь свою къ измѣнѣ Господу своему и Богу. Ужаснулась Кетеванъ, но не поколебалось ея мужественное сердце. Она подняла къ небу руки и воскликнула словами Пророка Иліи: «Господи избилъ твоихъ Пророковъ, разрушилъ олтари твои, осталась я одна и мою душу ищутъ погубить!» Она употребила все свое Христіанское краснорѣчіе, чтобы возвратить погившаго на путь спа-

сенія , но видя что пристрастіе временной жизни погасило въ немъ сознание вѣчной, изгнала недостойнаго отъ лица своего, и призвавъ посланныхъ Шаха, объявила имъ свою непремѣнную волю, сохранить вѣру отцевъ.

Напрасно старались они поколебать ея твердость, обѣщаніями милостей Шаха и ужасами казни. Царица оградила себя знаменіемъ креста и съ улыбкою имъ сказала: снли не знаетъ пославшій васъ нечестивецъ, что в малыя дѣти и невѣжды посмѣются его предложенію? меня ли обольститъ, обвѣщанію въ силу Христову? — онъ разворилъ мое царство, изгналъ моего сына, изувѣчилъ тѣлесно и духовно моихъ внуковъ, раскитилъ и поругалъ всю святыню, близкую моему сердцу, и еще хочетъ меня умертвить! что же приобрететъ мою смертью? не пусть поразить. — Отрицаюсь Магомета и всѣхъ дѣлъ его, и всей гордыни его! вѣрую во Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную. Молю Распятаго за насъ и его пречистую

Матерь, укрѣпннть меня въ часъ истязаній, въ твердемъ исповданіи моеѣ вѣры, дабы я удостоилась вѣнца мученическаго. Вотъ я предъ вами, дѣлайте что хотите.»

Посланные, чтобы устрашить исповѣдницу, велѣли готовить предъ нею орудія казни; она же, не теряя духа, просила только нѣсколько минутъ для приготовленія, и удалилась во внутренніе свои покои, гдѣ въ молитвенной хранилѣ хранилась вся ея домашняя святыня, соблюденная во время долгаго пѣвна. Царица стала на коленн предъ иконою пречистой Дѣвы, съ предвѣчнымъ ея Младенцемъ; она облила ее горячими слезами и произнесла тихую молитву: «Господи Іисусе Христе! призри на рабу твою въ день сей, въ который ищутъ души моеѣ за имя твое. Да не восрепятствуютъ въ подвигъ грѣхи мои, но по слову твоему, пришедшую къ Тебѣ не изжени: вошь! Дай мнѣ уста и премудрость и Духъ Отца небеснаго цюль говорить во мнѣ; не лиши меня твоеѣ помощи, . спрячти избранникамъ твоимъ; будь утвержденіемъ немощи моеѣ

женской, и да прославится мною имя твое; возстающіе же на тебя да пострамятся!» Пламенно молилась Царица и о сынъ своемъ и о царствѣ, дабы смертію ея освободились отъ тяжелой неволи, и услышана была ея молитва; даже вное царство перешло временно въ родъ ея, освященный кровію мученицы. Тогда, по неимънію при себѣ пресвутера, со страхомъ вынула она изъ ковчега запасные дары, всегда ею хранимые на случай насильственной смерти, и сама съ благоговѣшемъ приобщилась пречистыхъ таинъ, какъ это бывало въ первыя времена гоненій. «Господи Исусе Христе, молилась она, услыши молитву мою, и сподоби и меня соединиться съ пострадавшими за тебя.»

Такимъ образомъ, соединившись съ Господомъ своимъ, она вышла опять къ мучителямъ и, съ свѣтлымъ лицомъ свѣши противъ нихъ, сказала: «теперь я готова, исполняйте что повелѣно вамъ.» Ее вывели на площадь, чтобы весь народъ былъ свидѣтелемъ мученической смерти; съ воелемъ стекался народъ, оплакивая участь

святой Царицы, уважаемой всеми за ее добродѣтель. Правитель Шираза, Имамъ Кули-Ханъ, удалился изъ города, чтобы не быть участникомъ беззаконнаго дѣла. Исполнители казни совлекли одежды съ царственной мученицы, распростерли ей руки и раскаленными щипцами стали терзать нѣжное ее тѣло и сосцы питавшіе Царя. Она же, какъ неподвижная скала, стояла безъ содроганія и вопля, произнесла только тихую молитву: «Господи Иисусе Христе, не медли взять душу мою!» На ее растравленные раны положили еще горячія уголья, наковецъ раскаленнымъ котломъ накрыли царственную голову и, подъ этимъ новымъ вѣнцемъ, предала она Господу духъ свой: Силы небесныя возрадовались ее явленію у престола Вышняго. До вечера святое тѣло мученицы Кетевани лежало обогрѣнное кровію посреди площади, и никто не смѣлъ приступить къ ней, хотя рыдалъ вокругъ народъ; но Господь возвеличилъ подвигъ пострадавшей за него Царицы: отъ вечера и до утра яркій свѣтъ осіялъ брошенные ее останки и просвѣтилъ.

сердца многихъ ко спасенію. Нѣкоторые изъ увѣровавшихъ, презрѣвъ страхъ мучителя съ благоговѣніемъ помазывали себя кровію ея, пролитою за Христа, и предали тѣло ея землѣ въ малой церкви, гдѣ уже погребены были двѣ ея рабыни, скончавшіяся во время плѣна. Подвигъ страдальницы поразилъ самыхъ иновѣрцевъ. Миссіонеры Латинскіе, ордена бл. Августина, жившіе въ Ширазѣ для проповѣди слова Божія, тайно похитили изъ церкви тѣло мученицы и съ великою честью поставили у себя на олтарѣ домашней церкви, а между тѣмъ частыя исцѣленія начали истекать вѣрующими отъ мощей ея, и даже отъ того мѣста, гдѣ она страдала.

Вскорѣ скончался болѣзненною смертію мучитель Шахъ-Аббасъ, и свергли съ себя тяжкое иго Грузія и Кахетія. Жители обоихъ царствъ убили Магометанскихъ намѣстниковъ, хотя изъ рода своихъ Царей, и признали надъ собою владычество одного Теймураза: онъ явился съ войскомъ изъ Имеретіи, завоевалъ весь городъ Гру-

зи, кромѣ Тифлиса, и вѣнчался въ Мцхетѣ Царемъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ. Гори сдѣлались временною его столицею, хотя не долго продолжалось его благосостояніе, и новыя испытанія ему предстояли. Въ Гори принесли Теймуразу миссіонеры Латинскіе часть мощей его матери, главу ея, правую руку и немного сгущенной крови, собранныя ими въ Ширазѣ; нѣкоторыя частицы посланы уже были въ Европу и донныя хранятся въ Белгійскомъ соборѣ Намура. Утѣшенный Царь щедро одарилъ миссіонеровъ и позволилъ имъ основаться въ Гори: это было началомъ ихъ проповѣди въ предѣлахъ Грузіи. Самъ онъ, съ великимъ торжествомъ духовнымъ, съ Католичесомъ Захаріею, вѣрни Епископомъ и синклитомъ, встрѣтилъ грядущую къ нему въ образѣ мученицы мать, и столь же торжественно проводилъ до мѣста упокоенія своихъ предковъ, въ соборѣ Алавердскій. 13-го Сентября, въ день обновленія храма Иерусалимскаго, святыхъ мощи Кетевани поставлены были на престолѣ храма, ибо въ этотъ день пострадала она.

за Христа, и сіе число доселъ празднуется какъ память ея духовнаго рожденія.

Мужъ ученый Іоаннъ Епископъ Алавердскій, посланъ былъ въ Ширазъ, чтобы принести оттолъ остальные части мощей мученицы; онъ также положены были подъ главный престолъ собора, и доселъ почиваютъ тамъ во утверженіе Церкви Иверской. Самъ Теймуразъ и временно заступившій мѣсто его Арчилъ Имеретинскій, описали въ прозѣ и стихахъ житіе Царицы, и кому же ближе какъ не сыну было воспѣвать подвиги матери? Но еще не была вычерпана для него вся чаша золь, и краткій отдыхъ данъ былъ ему только, какъ бы для прославленія мученицы. Сынъ Шахъ Аббаса Софи, вооружилъ магометанскаго наследника Царей Карталинскихъ, Рустумъ Хапа, противъ своихъ единоплеменниковъ, и Теймуразъ потерявъ, въ битвѣ за Алазанью, послѣдняго сына Давида, вынужденъ былъ опять бѣжать изъ своего царства. Долго скитался онъ по землямъ единовѣрнымъ и иноувѣрнымъ. Приемъ его, при дворѣ Царя

Алексѣя Михайловича, былъ ознаменованъ обидою, нанесенною Патріарху Никону въ лицѣ его боярина, и сдѣлаея въ послѣдствіи виною его паденія. Преемникъ Теймураза Арчилъ, сынъ Вахтанга Шахъ Наваза, Царя Карталинскаго, принужденъ былъ также искать покровительство въ Россіи отъ набѣга Турковъ, а сынъ его Царевичъ Александръ, сражаясь въ рядахъ нашихъ, умеръ въ плѣну у Шведовъ. Какая странная участь для влестителей Иверскихъ!

Что касается до Теймураза, то послѣ многихъ странствованій, Вахтангъ Шахъ Навазъ выманилъ его изъ Имеретіи, когда онъ еще однажды искалъ возвратиться на родину, ибо туда влекло его сердце къ праху своихъ предковъ. Вахтангъ послалъ его вѣнникомъ въ Персію; принятый тамъ съ честью онъ заболѣлъ отъ старости и скончался въ Астрабадѣ, въ 1663 году. Исполнилось благочестивое его желаніе и если не царство, то по крайней мѣрѣ обрѣлъ онъ себѣ могилу въ бывшемъ своемъ царствѣ, близъ гроба матери и предковъ. Но ввукъ его Ираклій, получилъ опять утра-

ченную дядомъ державу, а правнукъ Теймуразъ, по избранію Шахъ Надира, соединилъ на главъ своей обв короны Карталини и Кахетіи и передалъ ихъ славному сыну Ираклію II. Такъ исполнились надъ ними благословія мученицы. Какая страшная и вмѣстѣ трогательная драма — весь этотъ рядъ Царей Кахетійскихъ, начиная отъ великаго Леона, вонгеля Іерусалимскаго, который одинъ только скончался въ мирѣ!

Если мученица Кетеванъ торжественно покоится подъ самымъ престоломъ, ради ея подвиговъ, то подъ свнію того же собора нашли себѣ упокоеніе и единокровныя ей жертвы семейныхъ междоусобій: Царь Александръ съ сыномъ своимъ Георгіемъ, умерщвленные извергомъ Константиномъ, и съ ними пострадавшій Епископъ Руставскій Павелъ, который тщетно старался удержать руку отцеубійцы. Тутъ же, въ числѣ прочихъ Святителей храма сего, и еще одинъ закланный на самомъ олтаре Лезгинами, въ 1480 году, Юаннъ Алавердскій, и другой Юаннъ, принесшій изъ Персіи

мощи Кетевани, и Епископъ Зиновъ, паломникъ, противъ своей воли недошедшій до Иерусалима и вмѣсто того посѣтившій Россію. Тутъ и многострадальный Царь Теймуразъ великій, съ сыномъ своимъ Давидомъ, погибшимъ въ битвѣ противъ Рустума; ими кончается въ Алаверди царственная династія Кахетинская, ибо сынь Давида Ираклій, вынужденный принять магометанское имя Назаръ-Али-Хана, лишился чести погребенія между предковъ, а преемникъ его Теймуразъ II, искавшій себѣ покровительства при дворѣ Императрицы Елисаветы, умеръ на обратномъ пути въ Астрахани и тамъ похороненъ. Въ соборъ еще покоятся двѣ Царицы Анны, супруги перваго Ираклія и втораго Теймураза, и двѣ Царевны, Елена, дочь Ираклія, и дочь Теймураза, инокиня Макрина, знаменитая своими писаніями; ея канонъ въ честь святаго Юсифа Алавердскаго, доселѣ поется въ день его памяти 15-го Сентября. Такимъ образомъ три праздника слѣдуютъ въ немъ одинъ за другимъ: воздвиженіе честнаго креста, а

прежде и послѣ его память святыхъ Кетевани и Иосифа. Но торжествомъ воздвиженія обязана обитель Алавердская великому Царю Леону, потому что онъ принесъ изъ Иерусалима большую частицу животворящаго креста, которую получилъ въ даръ отъ Патріарха Германа, за обновленіе храма Воскресенія Христова. Надпись о его благодарности существовала на Голгоѣ до послѣдняго пожара Иерусалимскаго. Крестъ сей, оправленный въ золото, воздвигается на праздничной всенощной и служитъ главнымъ предметомъ стеченія богомольцевъ, даже изъ числа Лезгинъ.

Я поклонился ему въ ризницѣ соборной и нашелъ тамъ много драгоценной утвари и древнихъ иконъ, которыя утаены отъ взоровъ по случаю опустынія храма: ибо, съ упраздненіемъ епархіи Алавердской, уничтожилась мало по малу и обитель иноковъ около собора, по нездоровому климату сего низменнаго мѣста. Теперь одинъ только инокъ посылается каждую недѣлю, изъ ближней обители Шуамтинской, только для богослуженія и охраненія сокровищъ Ала-

вердскихъ; его убогая келлія прильпилась къ развалинамъ бывшихъ архіерейскихъ палатъ. Между семи сокровищами сохраняется ветхое на престольное евангеліе, писанное въ IX вѣкѣ на пергаментѣ и обложенное золотыми досками. Оно принадлежало Кацскому храму въ Имеретіи и неизвестно когда перенесено въ Кахетію, вѣроятно по случаю какого либо брачнаго союза, но по надписи видно, что выкуплено было послѣ Шахъ-Аббаса, изъ плѣна Персидскаго, настоятелемъ Алавердскимъ Зеведеемъ. На лицевой сторонѣ его образъ Спасителя осыпанный жемчугомъ, съ частицами святыхъ мощей, а на другой сторонѣ образъ Божіей Матери столь же драгоценный. Есть еще богатая икона Царя Леона и супруги его Тиватины, которыхъ имена подписаны съ молитвою, о спасеніи царства ихъ отъ Агарянъ; молитва выражаетъ эпоху, а богатство вклада благочестіе дателей. Спаситель изображенъ въ золотой ризѣ, и на другой сторонѣ иконы вѣлланъ животворящій крестъ, съ 58-ю частицами святыхъ мощей.

Не менѣе драгоценная икона Божіей Матери была пожертвована несчастнымъ сыномъ Леона, Александромъ, и онъ же украсилъ иной древній образъ пречистой Дѣвы, стоящей съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, временъ Царя Давида возобновителя; на складняхъ ея изваяны благовѣщеніе и лики Апостоловъ. Замѣчательна надпись сей иконы, что точно такая же послана была въ даръ Царю Алексѣю Михайловичу Теймуразомъ 1-мъ; но гдѣ она находится теперь въ Москвѣ, не извѣстно. Память великаго Леона ознаменовалась въ соборѣ Алавердекомъ, еще богатою иконою Николая Чудотворца, и наперстнымъ крестомъ съ мощами, который также принесъ съ собою изъ Іерусалима и постоянно имѣлъ при себѣ, въ теченіи пятидесятилѣтняго своего царствованія, озарившаго лучемъ славы Кахетію и Палестину.

ИКАЛЬТО И ШУАМТА.

Мы спѣшили оставить соборъ Алавердскій, потому что уже вечеръло и провели ночь въ Икальто, селеніи князей Манасыхъ, изъ дому конхъ былъ Митрополитъ Юаннъ Бодбель. По давнему обычаю страны гостепріимный ховлигъ, въ лучшей своей одеждѣ и на лучшемъ конѣ, проводилъ насъ на слѣдующее утро въ соседній монастырь Икальтскій, мѣсто погребенія его предковъ. Положеніе обитали весьма живописно, на лѣсистыхъ холмахъ; только недавно обновилъ ее старецъ Митрополитъ,

ради памяти Св. Зинова, одного изъ Сирскихъ отцевъ, ее основавшего и въ ней почиющаго. Нѣкогда славилась она своею ученостію и многолюдствомъ братіи, ибо тутъ устроилъ свое знаменитое училище духовникъ Царя Давида возобновителя, игумень Арсеій, который самъ былъ въ Палестинѣ, собралъ всѣ житія святыхъ Грузинскихъ и для многихъ составилъ службы. Около его обители основалось по окрестнымъ горамъ, до шестидесяти малыхъ скитовъ и церквей, коихъ остатки еще видны въ лѣсахъ, и даже сохранилась народная пословица: «въ Икальто шестидесять церквей безъ одной.» Развалины обширнаго училища Арсеніева, откозъ вышли многіе свѣтильники Церкви Грузинской, просіявшіе и на святой горѣ Аѳонской, доселѣ видны на дворѣ монастырскомъ:

Соборный храмъ не великъ, но пріятнаго зодчества и современенъ Св. Зинову; празднуетъ же нерукотворенному образу Спасову, ибо сію икону принесъ изъ Сиріи одинъ изъ тринадцати отцевъ, Св. Антоній Маркопскій, хотя съ тѣхъ поръ не

сохранилась самая икона, но списки ея повторяются во всѣхъ почти церквахъ Грузіи, по глубокому къ ней уваженію народа; Съ благоговѣніемъ поклонился я гробу святаго основателя Зинона, житіе коего намъ не сохранилось, равно какъ и житія его сподвижниковъ Іосифа Алавердскаго и Стефана Хирскаго; но храмы ихъ служатъ живою летописью ихъ дѣяній, вмѣстѣ съ испѣленіями, доселѣ истекающими отъ ихъ раки, потому что одна только проповѣдь блаженныхъ отцевъ утвердила Христіанство въ сихъ нѣкогда дикихъ предѣлахъ. Надъ гробомъ Зинона устроена недавно рѣзная сѣнь, усердіемъ Митрополита Бодбійскаго, а у ногъ его избралъ себѣ мѣсто успокоенія другой великій труженикъ, Авва Арсеній, много подвизавшійся ко благу своей родной Церкви. Какъ умилительно должно было видѣть Царя возобновителя, въ промежуткѣ браней, смиренно слушающаго пазиданія святаго отшельника, въ сей мирной обители, посреди многочисленной братіи, когда въ то же время бѣжали отовсюду Сарацины, предъ побѣдо-

Часть I.

9

носнымъ оружіемъ царственнаго ученика Арсеніева.

Не болѣе трехъ верстъ отъ Икальто до Шуамта; дорога спускается въ дикое ущеліе, поросшее лѣсомъ, гдѣ видны на скалахъ слѣды пустынныхъ келлій. Потокъ шумитъ на днѣ ущелія, проникающаго до сердца горъ Гамборскихъ, и на скатъ лѣсистаго холма возвышается обитель съ башнями и оградой, которыя защищали отъ хищниковъ Лезгинскихъ великолѣпное зданіе Царицы Тинатины, супруги Леоновой. Молнія недавно разбила колокольню; паперть, бывшая около собора съ боковыми придѣлами, уничтожена при последнемъ обновленіи, какъ и въ Алаверди, хотя она служила не только украшеніемъ, но и опорю для стѣнъ; уцѣлѣлъ одинъ только придѣлъ во имя Архангела. Но не смотря на то красуется еще своимъ зодчествомъ храмъ Богоматери, въ маломъ видѣ напоминающій Алавердскій. Внутренность церкви столь же пріятна для глазъ какъ и наружность: два столба посерединѣ поддерживаютъ высокіе своды, на коихъ еще со-

хранилась стѣнная живопись, и даже чѣмъ выше тѣмъ ярче. Иконостасъ новый недавно прислагъ изъ Москвы, Царевичемъ Иракліемъ. Храмовая икона Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, въ золотомъ жемчужномъ окладѣ, есть списокъ чудотворной иконы Хахульской, которая доселѣ чествуется въ Гелатскомъ монастырѣ Имеретіи. Надпись на ней свидѣтельствуегъ, что она пожертвована Царемъ Леономъ и его супругою, въ исходѣ XVI вѣка, а серебрянные подсвѣчники предъ иконостасомъ принесены въ даръ, благочестіемъ двухъ послѣднихъ Царей Грузіи.

Олтарь раздѣленъ на три части, и съ правой стороны существовалъ малый придѣлъ Святителя Николая. Всѣ стѣны внутри святилища расписаны символически, соответственно его назначенію, но лики Святыхъ исколоты Лезгианами. На горнемъ мѣстѣ умовеніе ногъ, ради непрестанной памяти смиренія пастырскаго, и болезненная молитва Господа на Элеонѣ, въ три разныя ея минуты, какъ я это видѣлъ въ Венеціанскомъ соборѣ Св. Марка: первое

моленіе Господа о чашѣ, да мимо идетъ, потомъ совершенно простертъ онъ долу, съ каплями кроваваго пота, и наконецъ укрѣпляется Ангеломъ человѣческая его природа. Внизу четыре Іерарха, образователи литургіи, съ хартіями въ рукахъ, на конхъ начертаны возгласы эктеній, и между ними Господь, въ образъ жертвы на дискосѣ, и два Ангела, его осѣняющіе рипидами. Надъ дверьми въ жертвенникъ и придѣлъ также Святители со свитками, гдѣ вписаны молитва проскомидіи: «Боже, дающій «намъ хлѣбъ небесный» и предшествующая Херувимской пѣсни: «никто же достоинъ отъ связавшихся земными сластями;» а на аркѣ олтарной львиныя головы въ арабескахъ, одинъ изъ символовъ Серафимовъ, или быть можетъ напоминаніе имени создателя Леона.

Внѣ олтаря, на стѣнахъ, событія евангельскія отчасти уже стерты: Закхей на деревѣ, желающій видѣть Господа, вѣроятно въ память утѣшительныхъ словъ Спасителя: что «отнынѣ пришло спасеніе дому сему», ради его пожертвованія. Воз-

несеніе Господне, снятіе со креста и сошествіе Святаго Духа, еще можно ясно различить. Давидъ и Соломонъ, родоначальники племени Багратионовъ, еще нѣсколько пророковъ и мучениковъ изображены на столбахъ, а надъ арками со входа представлена Божія Матерь, сидящая между Херувимовъ, къ которой подводятъ Ангелы съ одной стороны отшельниковъ, а съ другой лики дѣвъ. Поверхъ западныхъ вратъ Спаситель окруженъ ликами Ангельскими, по обычаю Византійскому; нѣсколько выше Ангелъ возвѣщаетъ блаженную кончину Божіей Матери, на горѣ Элеонской, и самое ея успеніе на Сіонъ, — преданія мѣстныхъ, которыя вѣроятно почерпнулъ въ Іерусалимѣ благочестивый Царь Леонъ, во время своего похода. Тутъ же и храмоздатели Св. града Константинъ и Елена; быть можетъ и основатели сей обители были также написаны на противоположной стѣнѣ, но уже время стерло ихъ царственные лики.

Гробъ основательницы Царицы Тинатины находится съ лѣвой стороны, внутри

церкви, и такъ велико уваженіе народное къ сей достойной супругъ Леона, что и до нынѣ, каждую Пасху, ставятъ лампаду въ погребальный склепъ ея, какъ бы для того чтобы она, вмѣстѣ со всѣми, наслаждалась радостнымъ свѣтомъ воскресенія. Дочь Владѣтеля Гурійскаго Мамін, Тина-тина, не уступала супругу своему въ щедрости къ обителямъ, и оба покоятся въ созданныхъ ими храмахъ, раздѣленные телесно, но соединенные духомъ: Царица здѣсь, въ соборъ Рождественскомъ, а великій Леонъ въ великолѣпномъ нѣкогда храмъ Архангеловъ, который соорудилъ онъ за Алазалью, въ бывшей своей столицѣ Греми. Прежде, по уваженію къ Царю, никто даже изъ царственнаго рода, не погребался въ ея обители. Первая удостоилась сей чести Княгиня Чавчавадзе, надъ которою любящій ея сынъ написалъ трогательную эпитафію:

«На терніяхъ сего міра скончавшейся,
даруй на цвѣтахъ царствія твоего, пробудиться мнѣ, Господи!»

Когда я читалъ стихи сіи, скоро надѣ-

ялся познакомиться съ тѣмъ, кто ихъ написалъ; но вмѣсто того отъ меня потребовали слова и для егогробовой плиты; я указалъ на слова 29 псалма, соответствующія мысли собственныхъ его стиховъ: «вечеръ водворится плачь и завтра радость.»

Обитель Шуамтинская, въ смутныя эпохи царства, была укрѣплена, и въ стѣнахъ ея не рѣдко спасались окрестные жители отъ Лезгинъ, для коихъ ущеліе Гамборское было большею дорогою въ Грузію. Въ стѣнахъ монастырскихъ обиталъ нѣкоторое время и посолъ Царя Бориса Годунова Татищевъ, доколѣ наконецъ, вызванный несчастнымъ Царемъ Александромъ, на Царскіе колодцы, сдѣлался тамъ свидѣлемъ бѣдственной его кончины. Шуамта и до сихъ поръ, при общемъ упадкѣ монашества въ Грузіи, почитается однимъ изъ лучшихъ монастырей, и должно отдать справедливость ревности настоятеля Архимандрита Христофора, который, при скудныхъ средствахъ и маломъ числѣ братіи, старается поддержать древнюю обитель. Онъ хотѣлъ, чтобы мы видѣли прежнее мѣсто, отколѣ

перенесла ее Царица, и далъ намъ въ сопровожденіе одного изъ своихъ иноковъ.

На разстояніи четверти часа отъ монастыря, въ самой чащѣ лѣса, гдѣ развѣсистыя вѣтви и опрокинутыя деревья безпрестанно пересѣкаютъ дорогу, увидѣли мы на скатѣ холма три церкви, одну подлѣ другой, обросшія не только вокругъ но и сверху; большія деревья утвердили столѣтніе свои корни на священномъ подножій, на крышѣ обители, и представляются какъ перья исполинскаго шелома. Замѣчательно внутреннее устройство сихъ церквей, свидѣтельствующее ихъ глубокую древность: алтарь совершенно отдѣленъ отъ жертвенника и не имѣетъ другихъ дверей кромѣ царскихъ. Онъ поднятъ на двѣ ступени отъ помоста; четыре витые столбика съ лѣпными украшеніями на аркахъ, вхъ соединяющихъ, поставлены на низкой каменной стѣнкѣ вмѣсто иконостаса, такъ что насквозь можно бы видѣть всю службу. Мѣстныхъ иконъ не было, но на фронтонѣ аркъ сохранились яки Спасителя, Божіей Матери и Ангеловъ, а на горнемъ

вмѣстѣ шесть Святителей уже полустертыхъ. Жертвенникъ стоялъ совершенно особо въ углубленіи и сообщеніе съ олтаремъ было только черезъ церковь, а съ правой стороны, въ каждой изъ трехъ церквей, видны малые придѣлы, хотя онѣ сами были очень не велики и даже одна служила колокольнею. Такимъ образомъ въ Грузіи существуютъ три совершенно различныя устройства олтаря, и весьма древнія: одно какъ у насъ, гдѣ жертвенникъ, хотя и отдѣльный, сообщается съ олтаремъ; другое, гдѣ нѣтъ внутренняго сообщенія между ними, а третіе, только въ тѣсныхъ придѣлахъ, гдѣ престолъ и жертвенникъ слѣплены вмѣстѣ на одномъ камнѣ, какъ у Св. Нины и въ Моцамети.

Когда мы возвратились въ обитель и посѣтили келліи настоятеля, я былъ пораженъ очаровательнымъ видомъ съ балкона. Въ горной лѣсистой рамѣ открылся мнѣ просвѣтъ, въ долину Кахетіи и на величественные верхи Кавказа. Ближе ко мнѣ, на противоположныхъ скалахъ ущелія Шуамтинскаго, сіяли пещерныя келліи уже оставленной обители Св. Шіо. Во

глубинъ долины, окрашенной синевою отдаленія, бѣлѣть какъ призракъ соборъ Алавердскій, основное звѣно Кахетинской славы, и гораздо дальше за Алазанью, уже на предгоріи Кавказа, мелькалъ чуть видный храмъ Св. Георгія, предметъ богомолія самихъ Лезгинъ. Дико и сумрачно подымались горы, кончая собою горизонтъ сей чудной картины, и выше всѣхъ горъ на солнцѣ своими спѣгами, въ голубой оправѣ небесъ, лучший алмазъ этой цѣпи — Казбекъ. Изумленный долго стоялъ я и всматривался въ необычайное зрѣлище, которое будто бы только мелькнуло предъ очами, и казалось готово было уступить мѣсто другому, какъ эти подвижные виды фантазнагоріи, скользящіе одинъ за другимъ, на бѣломъ покрывалѣ, по манію волшебнаго фонаря. Такъ простился я съ очаровательною Кахетіею.

Лѣсистое ущеліе, вверхъ по теченію потока, путемъ разбоевъ Лезгинскихъ, привело насъ на высоты Гамборскія, богатая напѣщами и своею растительностію; коегдѣ, на неприступныхъ утесахъ, видѣлись

башни, куда уже тепеь не восходитъ нога человѣческая. Однажды только, говорили мнѣ, съ незапамятныхъ временъ, въ одной изъ такихъ башенъ показался дымъ, но никто не разгадалъ доселѣ, что могло быть его причиною. Пусть будетъ это лучше оуміамъ тайнаго кадила, которіи поднялся къ небу, при вечерней молитвѣ какого либо невѣдомаго отшельника: ибо еще и доселѣ множество великолѣпныхъ развалинъ разсыяно по пустыннымъ мѣстамъ. Кто знаетъ, не спасается ли, между сихъ обломковъ, забытый міру и забывшій его отшельникъ? Приближаясь къ Гамборамъ мы увидѣли, на одипокомъ утесѣ, обрушенныя бойницы и башни, еросшіяся со скалою, до такой степени, что нельзя было различить гдѣ кончается природа и гдѣ начинается искусство. Это былъ замокъ Царя Вахтауга Гургъ-Аслана, и много такихъ замковъ разсыяно по горамъ, давно уже брошенныхъ людьми, но куда еще заходятъ дикіе олѣни слагать весеннее бремя своихъ роговъ, какъ бы въ даръ великимъ геніямъ сихъ развалинъ.

Самый радушный приемъ ожидалъ насъ въ Гамборахъ, у начальника артиллерійской бригады, которая тамъ еще расположена со временъ Ермолова, для прекращенія набѣга горцевъ. Отрадно было отдохнуть, послѣ пятидневнаго труднаго странствованія, въ пріятномъ обществѣ, и встрѣтить, при выходѣ изъ горъ, военную семью, связанную взаимною любовію и уваженіемъ къ своему достойному начальнику. Густые лѣса окружаютъ Гамборы, наполненные кабанами и ольнями. Это любимое мѣсто охоты, гдѣ отважные гоняются за ихъ дикими жителями, отдыхая такимъ образомъ отъ своихъ лѣтнихъ походовъ, противъ болѣе дикихъ обитателей Кавказа. Рано утромъ поднялись мы въ путь, и при выѣздѣ изъ ущелія Гамборскаго, посѣтили еще одну опустѣвшую обитель Самебельскую или Святый Троицы; она еще недавно была каедрою одной изъ двадцати епархій Грузинскихъ; послѣдній ея Епископъ умеръ въ Москвѣ, куда выѣхалъ съ Царемъ Вахтангомъ.

Величественно зданіе храма, складеннаго

изъ дикаго камня: восемь столбовъ поддерживаютъ его высокіе своды: она носитъ отпечатокъ лучшихъ временъ Грузинской Церкви: стѣнная живопись мѣстами сохранилась. Два ближайшіе къ олтарю столба служили опорой для иконостаса: въ нихъ, есть еще мѣста для иконъ, въ родѣ кивотовъ съ разными украшеніями; напротивъ, въ двухъ другихъ столбахъ, изсѣчены мѣста для Епископа и Князя, какъ въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ древнѣйшихъ храмовъ; въ самомъ престолѣ выдолблено мѣсто для храненія ладана. Съ правой стороны олтаря существовалъ придѣлъ, съ лѣвой отдѣльный жертвенникъ, на которомъ нашелъ я олвьи рога, принесенные въ даръ окрестными жителями, изъ числа Пшавцевъ и Тушинцевъ. Они сохранили въ горахъ христіанство, хотя и смѣшенное съ нѣкоторыми повѣртіями языческими, и почитаютъ священнымъ долгомъ, приносить вмѣсто жертвы свою добычу на олтари Св. Георгія, яскони ими уважаемаго по преданію предковъ. Еще сохранилась ограда кругомъ храма, съ башнею на воротахъ,

и домъ архіерейскій уже въ развалинахъ посреди двора, съ другою башнею, которая служила теремомъ. Стада паслись около пустынной обители; дикій пастухъ Тушинскій, съ ружьемъ вмѣсто посоха, долго провожалъ насъ глазами отъ воротъ ея, гдѣ нѣкогда ласковый приемъ духовнаго пастыря встрѣчалъ усталаго богомольца.

Нѣсколько далѣе, на другомъ берегу рѣчки Грязной, увидѣли мы опустѣвшую обитель женскую во имя Успенія: начало ея восходитъ быть можетъ до первыхъ временъ христіанства Грузіи, потому что она основана въ виду селенія Уджармы, гдѣ воздвигнутъ былъ одинъ изъ четырехъ крестовъ Св. Нины. Еще и теперь видно много остатковъ древности въ этомъ селеніи, на берегахъ рѣки Юры. Когда я взшелъ въ малую обитель Успенскую, одинъ только образъ стоялъ на обнаженномъ иконостасѣ, это былъ образъ Владимірской Божіей матери. Приятно было для меня такое явленіе въ пустынь, какъ бы привѣтствіе Московскаго собора въ сонминой ему обители Иверской, посреди безмолвія ея развалинъ.

Я спросилъ какъ могла зайти сюда икона Русская? Мнѣ сказали, что ее пренесла одна благочестивая поселанка, изъ сосѣдняго селенія Хашмы, которая обновила, сколько могла, церковь скудными своими средствами, и хотѣла при ней постричься, чтобы устроить опять обитель инокинь, но ей отказали; она же, вѣрная своему обѣту, не отходила отъ храма, доколѣ не легла на вѣчный покой у его преддверія. Какое высокое самоотверженіе, и какъ пріятна такая жертва Богу! Съ умиленіемъ поклонился я гробу невѣдомой старицы, которой имя конечно вписано между именами первыхъ отшельницъ Христіанскихъ.

Въ селеніи Хашма, гдѣ еще сохранилась вокругъ древней церкви ограда съ бойницами, противъ нападений Лезгинскихъ, мы переѣхали опять шумную рѣку Юру и, чрезъ пустынные поля Марткопскія, достигли желанной цѣли нашего путешествія Тифлиса. Ни откуда не открывается онъ такъ величаво, какъ съ дороги Кахетинской отъ горы Навтлуга. Грозно встаютъ на скалахъ двѣ его крѣпости, другъ про-

тивъ друга, Метехъ, на обрывъ утеса надъ Курою, и на противоположной горѣ древній оставленный замокъ, Килиси, съ своими обвалившимися башнями и длинною грядою стѣнъ по каменистому гребню. У подножія горы быстро течетъ шумная Кура, 'усыпанная роскошными садами на своихъ островахъ, вдоль по дорогѣ къ Эривани. На право отъ Метехскаго замка живописно расположенъ весь городъ, по другую сторону рѣвки, около собора Сіонскаго, сосредоточившаго вокругъ себя большую часть его храмовъ, а вдали, на высокой горѣ Св. Давида, видна одинокая пустынная церковь, орлиное гнѣздо отшельника Гареджійскаго, осѣняющаго собою древнюю столицу Грузіи.

МЦХЕТЪ.

Я поспѣшилъ въ Мцхетъ, чтобы встрѣтить тамъ Экзарха, на обратномъ пути его изъ Ахалциха, и присутствовать при его соборномъ служеніи, на праздникъ хитона Господня. Мнѣ хотѣлось, въ первый разъ, привѣтствовать добраго пастыря Церкви Грузинской, въ виду главнаго святилища Грузин, и слышать первыя его молитвы, о благѣ своей паствы, въ томъ мѣстѣ, откогда возсіяло христіанство цѣлой странѣ Иверской. День уже склонялся къ вечеру; я перѣхалъ Куру, по новому мосту, заступившему мѣсто Римскаго, разобраннаго по ветхости. Онъ былъ построенъ во вре-

мена Помпея, когда великій полководец преслѣдовалъ не менѣе великаго врага Римлянъ Митридата. Здѣсь нѣкогда и блаженная Нина, встрѣтила Царя Мириана, когда шелъ онъ на поклоненіе своимъ идоламъ и, увлеченная вслѣдъ за нимъ толпою народа, сокрушила идоловъ. Сколько воспоминаній на первомъ шагу, при самомъ вступленіи въ пустынный нынѣ Мцхетъ!

Мнѣ отвели келлію, внутри ограды соборной, и я успѣлъ только воспользоваться послѣднимъ, слабымъ мерцаніемъ вечера, чтобы войти во внутренность храма. Кончалась вечерня; какъ бѣлыя тѣни выходили, изъ мрачной глубины его, набожныя Грузинки, въ своихъ волнообразныхъ чадрахъ или покрывалахъ; нѣсколько болящихъ лежали въ преддверіи, чаевшіе исцѣленія, какъ нѣкогда движенія водъ въ купели Силоамской. Внутри святилища мелькали какъ звѣзды, проявляющіяся вечеромъ на тверди небесной, одинокія свѣчи предъ мѣстными иконами. Множество свѣтильниковъ, слитые вмѣстѣ, горѣли на помостѣ предъ тѣмъ столбомъ, подъ которымъ хра-

нился хитонъ Господень. У подножія столба лежали нѣсколько усердныхъ молитвенницъ, бѣлизною своихъ чадръ, умножая тутъ скопленіе свѣта. Не надобно было спрашивать, гдѣ завѣтная святыня храма? она была указана, какъ бы лучемъ, возсіявшимъ нѣкогда отъ сего мѣста для блаженной Нины, и съ благоговѣніемъ поклонился я подножію священнаго столба.

Мѣстное, благочестивое преданіе, переходившее изъ рода въ родъ, и записанное царственными лѣтописцами Грузіи, Вахтангомъ и Вахуштіемъ, сохранило трогательную повесть о хитонѣ Господнемъ. Давно уже, со временъ пльненія Вавилонскаго, поселилось въ Мцхетъ общество Еврейское, потомки коего существуютъ и теперь, въ нѣкоторыхъ Грузинскихъ семействахъ, Эліозовъ, Гедевановыхъ и еще другихъ, такъ какъ и царственный родъ Багратионовъ ведетъ свое начало отъ Царя Давида, ибо все отзывается въ Грузіи незапамятною древностію. Когда молва о чудесахъ Снаестеля достигла дальнѣйшій Иверіи, Евреи Мцхетскіе, ежегодно посылавшіе отъ

себя на Пасху въ Іерусалимъ избранныхъ мужей, послали на сей разъ Эліоза, происходившаго отъ племени Левитовъ, изъ рода Первосвященника Илія. Мать Эліоза, благочестивая старица, умоляла сына, не принимать участія въ совѣтахъ незаконныхъ, противъ того Свѣта, который явился во спасеніе языковъ. Она даже сочувствовала страданіямъ Искушителя; ибо въ страшную минуту мрака и землетрясенія, бывшихъ при его распятіи, воскликнула: «нынѣ паденіе царства Израилева!» и съ этимъ словомъ испустила духъ. Эліозъ присутствовалъ при распинаніи Господа, и пріобрѣлъ, отъ одного изъ воиновъ Римскихъ, доставшійся ему по жребію невѣнный хитонъ. Когда же возвратился на родину, сестра Эліоза Сидонія, проникнутая послѣдними словами матери, выбѣжала къ нему на встрѣчу, вырвала изъ рукъ его священный хитонъ и, прижавъ къ груди своей драгоценную одежду Богочеловѣка, отъ котораго отрекся ея народъ, упала мертвою предъ лицомъ брата. Никакая человѣческая сила, не могла выр-

вать изъ ея объятій священнаго залога, котораго никто, кромѣ ея, не былъ достоинъ, по своему невѣрiю, и вмѣстѣ съ Сидонiею, похоронили хитонъ, въ царскомъ саду Адеркiя, одного изъ Арсакидовъ, властвовавшихъ тогда въ Иверiи. Величественный кедръ выросъ надъ ея могилой и на долгое время укрылъ святое мѣсто, отъ изысканiй человѣческихъ.

Авиааръ, правнукъ сего Элиоза, первый принялъ ученiе Св. Нины и за то едва не подвергся казни отъ своего народа: онъ открылъ ей, какая святыня хранится подъ завѣтнымъ кодромъ и съ тѣхъ поръ приходила Нина, каждую ночь, молиться въ священной тѣни его; здѣсь посѣщали ее таинственныя видѣнiя, предзнаменовавшiя будущую славу мѣста. Однажды видѣла она, какъ стая черныхъ птицъ, поднявшаяся изъ царекаго сада, омылась въ водахъ протекавшей мимо Арагвы, (символь крещенiя народа Иверекаго) и потомъ, убѣленные какъ снѣгъ, съли онъ на вѣтвяхъ кедра, и огласили вертоградъ райскими пѣснями; видѣла страшное паденiе

окрестныхъ горъ Армаза и Задена, съ идолами ихъ осквернявшими, и объ рѣки, Куру и Арагву, выступившія изъ береговъ и готовыя затонить Мцхетъ; слышала звуки брани и вопли полчищъ бѣсовскихъ, въ образъ воителей Персидскихъ, какъ бы уже вторгшихся въ столицу, и страшный голосъ, будто Царя Хозроя, повелѣвающій все истребить. Но Св. Нина подняла знаменіе креста, тихо произнесла: «престало владычество ваше, ибо вотъ побѣдитель!» и все исчезло.

Когда же, по гласу блаженной Нины, обратился Царь Миріанъ, онъ пожертвовалъ садъ свой, для сооруженія въ немъ перваго храма, ибо хотѣлъ, чтобы чувственный его вертоградъ былъ вертоградомъ духовнымъ, и тогда другія видѣнія посѣтили Нину. Срубленъ былъ таинственный кедръ и вырѣзано изъ него семь основныхъ столбовъ для дома Божія. Нинъ является дивный мужъ, опоясанный огненнымъ поясомъ, говорить ей таинственныя слова, которыя никто не могъ уразумѣть, кромѣ сей блаженной дѣвы, и въ то же время,

руками Ангеловъ, огненный столбъ становится на томъ корнѣ, съ котораго былъ срубленъ кедръ. На слѣдующее утро главный столбъ, долженствовавшій служить опорой всему храму и который не могли сдвинуть наканунѣ, поставленъ былъ надъ корнемъ бывшаго кедра, и непрестанныя исцеленія, вмѣстѣ съ мѣромъ, начали истекать отъ него вѣрующимъ. По сему Царь Миріанъ, рѣшился оградить Св. мѣсто, внутри создаемаго имъ храма; съ тѣхъ поръ, оно было всегда предметомъ глубочайшаго уваженія народнаго, даже язычниковъ и Магометанъ, и сохранилось, не смотря на всѣ раззоренія столицы и храма. Церковь Грузинская учредила празднованіе хитона Господня 1-го Октября, хотя самый храмъ, былъ сооруженъ, по примѣру Цареградскаго, во имя дванадцати Апостоловъ.

Деревянная церковь Царя Миріана, освященная Патріархомъ Антиохійскимъ, была черезъ 50 лѣтъ замѣнена каменною, по усердію Царя Тиридата, внука Миріанова; когда же она пришла въ ветхость, могу-

щественный Царь Вахтангъ Гургъ-Асланъ, воздвигъ въ исходѣ V вѣка великолѣпный соборъ Мцхетскій, на мѣстѣ древняго, и учредилъ тамъ кафедру Католикосовъ Иверскихъ, уже не зависѣвшихъ отъ Патриарховъ Антиохійскихъ. Землетрясеніе истребившее храмъ сей въ 1318 году, побудило Царя Георгія VI возобновить завѣтное святилище своихъ предковъ; но сто лѣтъ спустя завоеватель Тамерланъ разрушилъ его почти до основанія; нужно было все усердіе великаго Царя Александра, который обладалъ еще нераздѣльнымъ царствомъ, чтобы вновь соорудить святилище въ XV вѣкѣ. Замѣчательно однако благоговѣніе самихъ завоевателей къ мѣсту, гдѣ хранился хитонъ, ибо и Тамерланъ не коснулся священнаго столба и Шахъ-Аббасъ опустошивъ Грузію, удержанъ былъ отъ разоренія святилища собственными имамами. «Это домъ молитвы, сказали они, котораго не касалась рука человѣческая.» Шахъ, вложилъ въ ножны губительный мечъ свой, слѣзъ съ коня у самаго моста, обошелъ съ благоговѣніемъ храмъ

и помолившись предъ столбомъ, далъ Католикошу утвердительную грамоту, на владѣніе всеми церковными имѣніями въ Кахетіи и Карталинѣ. Невольно обращенный въ Магометанство, Царь Ростомъ, изъ дома древнихъ властителей Грузіи, по просьбѣ супруги своей Маріамы, дочери Дадіана, обновилъ украшенія столба и куполь, который обрушился вскорѣ послѣ Шаха-Аббаса, въ половинѣ XVI столѣтія. Еще два обновленія храма были при Царѣ Вахтангѣ, бѣжавшемъ въ Россію, и при Католикошѣ Антоніи старшемъ.

Едва только успѣлъ я возвратиться изъ собора въ свою келлію, какъ послышался звукъ колокольчика и Экзархъ въѣхалъ на дворъ монастырскій. Онъ остановился, не въ домѣ Католикосовъ, который только что былъ обновленъ и еще не устроенъ, а въ жилищѣ Архимандрита Мцхетскаго. Я поспѣшилъ принять его благословеніе, ибо давно уже пользовался знакомствомъ, когда преосвященный Исидоръ былъ еще Викаріемъ Московскимъ; съ тѣхъ

поръ онъ долго находился въ энархiяхъ западныхъ, гдѣ оставилъ по себѣ благую память, кроткаго и благочестиваго пастыря. Мы взаимно обрадовались другъ другу на чужбинѣ, и прiятное впечатлѣнiе сего перваго свиданiя, осталось мнѣ на все время пребыванiя моего въ Тифлисъ, ибо я могъ пользоваться его опытными совѣтами, въ краю для меня незнакомомъ, гдѣ уже успѣлъ онъ прiобрѣсти общую любовь. Но послѣ того скромнаго благолѣшiя, которое обыкновенно окружаетъ нашихъ Архiереевъ, какъ странно было мнѣ видѣть Экзарха Грузiн, заступившаго мѣсто ея Католикосовъ-Царевичей, въ убогой келли, безъ пола и безъ стѣнъ, съ бумажными окнами, и гдѣ же? въ виду кафедральнаго собора Мцхетскаго, величайшей святыни Грузiн.

На другой день мы хотѣли посѣтить въ горахъ, развалины монастыря Юанна Зедазнiйскаго, главы Сирскихъ отцевъ; однако рано утромъ я уже былъ въ соборѣ, и питалъ душу воспоминанiемъ столькихъ столѣтiй славы и бѣдствiй. Хотя го-

ворять, что Царь Александръ I воздвигнулъ почти съ основанія храмъ сей, послѣ опустошенія Тамерланова, нельзя однако предполагать, чтобы ничего не оставалось отъ древняго зданія Вахтангова; безъ сомнѣнія уцѣлѣли стѣны, хотя безъ купола, потому что и Шахъ-Аббаса удержали отъ раззоренія удостовѣреніемъ, что мѣсто святое никогда не было разрушаемо. Последнее обновленіе собора, лишило его боковыхъ папертей, съ шестью ихъ придѣлами; хотя не правильны были сіи разновременныя пристройки, но онѣ составляли одно цѣлое съ главнымъ зданіемъ, которое само по себѣ, разнообразно и не требовало строгой симметріи; между тѣмъ паперти служили опорой для стѣнъ, такъ что большихъ стоило усилій, чтобы сокрушить прочность камня.

Величественна наружность Мцхетскаго собора, хотя не имѣетъ онъ легкой простоты Алавердскаго, но за то превосходитъ оный обширностію. Его строгія формы, остроконечный куполь, крыша изъ
10°

тесаныхъ камней и легкія арки по стѣнамъ, съ лѣпными украшеніями, дѣлають изъ него совершенный типъ перкви Грузинской, которая много заимствовала изъ Византійскаго зодчества, но имѣла ничто и своего. Одинъ изъ посѣтителей горной Сванетіи говорилъ мнѣ, что ничто столько не напомнило ему образъ церкви Грузинской, какъ исполинскій Эльборусъ, видимый отъ своей подошвы въ верхнихъ долинахъ Сванетскихъ. Если это справедливо, то сама чудная природа Кавказа, дала великолѣпный образецъ зодчества тѣмъ, которые прислонились къ его вѣковому хребту, и конечно нельзя было искать другаго образца, болѣе свойственнаго странѣ, осѣненной вершинами Казбека и Эльборуса.

На входной паперти меня встрѣтила родственная икона Влахернской Божіей Матери, напоминающая нашу Печерскую; она есть почти необходимая привратница всѣхъ храмовъ Грузіи и не напрасно имя Вратарницы, осталось собственно Иверской иконѣ, ибо ея покрову любили вѣрять исходы свои и входы благочестивые жи-

тели Иверин. Когда же взошелъ я опять въ священную внутренность храма, (который простирается на 30 сажень до иконостаза и раздѣленъ столбами на три части) я былъ пораженъ колоссальнымъ ликомъ Спасителя, на горнемъ мѣстѣ; онъ видѣнъ былъ изъ за стѣны олтарной, и въ сравненіи его, всѣ прочіе лики казались второстепенными: быть можетъ это впечатлѣніе было цѣлю такого изображенія. Священный столбъ, предъ которымъ я поклонялся наканунѣ, привлекъ прежде всего мое вниманіе, съ правой стороны; онъ стоитъ отдѣльно, огражденный рѣшеткою, и не имѣетъ никакой наружной красоты. Самая колонна, воздвигнутая надъ хитомомъ, обнесена четырьмя стѣнками съ отверстіями на верху, и легкою крышею или сѣнью. На сихъ стѣнахъ изображены грубыми фресками событія, относящіяся къ воздвиженію столба; надъ самымъ отверстиемъ, гдѣ источилось миро, образъ Св. Троицы; съ правой стороны страсти Господни и сошествіе во адъ: позади ослѣпленіе Царя Миріана на горѣ и подъятіе

Ангелами столба; съ лѣвой стороны Патріархъ Антиохійскій Евстаѳій подаетъ евангеліе Царю Миріану и освящаетъ соборъ Мцхетскій, а подъ свѣцію, въ маломъ куполѣ, благословляющій Спаситель; это вѣроятно живопись времяпъ Царя Ростома, обновившаго сію святыню.

Иконостасъ деревянный возвышается четырьмя ярусами, съ рѣзными украшеніями, и устроенъ Царемъ Иракліемъ, но иконы его совершенно новыя и безъ окладовъ. На ряду съ мѣстными иконами изображены верховные Апостолы, Предтеча и, вмѣстѣ съ Іоанномъ Богословомъ, первый Епископъ Римскій Линъ, изъ числа семидесяти Апостоловъ. Тутъ же и Ангелъ, держащій хитонъ Господень, и Пророкъ Ілія, бросающій мвлоть свою Елисею, потому что, по мѣстному преданію, не одинъ лишь хитонъ Спасовъ хранился въ соборѣ, но и верхняя риза пророческая утаена была въ сокровищницѣ храма; только недавно упраздненъ съ правой стороны придѣлъ во имя Іліи Пророка. Двадцать четыре именитыхъ Іерарха Церкви Восточной и За-

надной, двѣнадцать праздниковъ и страсти Господни, написаны въ трехъ прочихъ ярусахъ, и по краямъ иконостаса, поставлены двѣ древнія иконы Божіей Матери, со многими частицами Св. мощей.

Предъ самымъ олтаремъ, по обѣмъ сторонамъ амвона, гробовыя плиты двухъ послѣднихъ Царей, Ираклія и Георгія, которые положены какъ бы на стражъ святилища и чтобы ближе внимать спасительнымъ глаголамъ евангельскимъ, возглашаемымъ съ сего амвона. Нельзя было избрать мѣста болѣе приличнаго и умилительнаго для обоихъ властителей, заключившихъ собою тысячелѣтній рядъ Багратидовъ, которые уже не въ силахъ были охранять царство и вѣру свою отъ меча Агарянскаго. Подлѣ гроба Иракліева еще свѣжая могила, покрытая золотою парчею: это мѣсто упокоенія послѣдней его дочери Царевны Феоды, вѣжно любившей отца, которая сдержала данное ему слово, не разлучаться съ нимъ и за могилою. Противъ гроба Иракліева, у праваго столба, существуетъ еще во всей древней простотѣ, мѣсто Католи-

косовъ Грузинскихъ, каменное съ сидвнѣмъ внутри, подъ малымъ куполомъ: оно не похоже на каедрю, но мысль патріаршества выражена на немъ, внутри и снаружи, ибо здѣсь представлены образы трехъ первыхъ Патріарховъ Еврейскихъ, событіями ознаменовавшими преимущественно характеръ каждаго: Авраамъ приноситъ въ жертву сына своего, образецъ высочайшей жертвы Христовой; Исаакъ, на старости лѣтъ, благословляетъ Иакова вмѣсто Исава, указывая тѣмъ на духовное предназначеніе Израиля, и самъ Иаковъ видитъ во снѣ лѣстницу, восходящую къ небу, по которой сходятъ Ангелы къ человѣкамъ, залогомъ соединенія неба съ землею. Благовѣщеніе также изображено на каедрѣ, съ которой должно было благовѣствоваться слово Божіе, и на аркахъ три Святителя, учредившіе литургію, которую совершали здѣсь Католикосы, по древнему чину православія; въ куполъ Спаситель съдвигій, а съ боку самъ Католикосъ Іоаннъ, соорудившій каедрю, передъ иконою Божіей Матери. Подлѣ каедрю изображено

на стѣнѣ, вѣнчаніе на царство Царя Ираклія I-го, однимъ изъ Католикосовъ. Но другія замѣчательныя фрески, выражавшія не только мысли и чувства создателей, но и самую исторію церкви и царства, были стерты и забылены совершенно потому что уже приходили въ ветхость. Такимъ образомъ изчезли все портреты Царей Грузинскихъ и Католикосовъ, которыхъ цѣлый рядъ тянулся по стѣнѣ; едва только успѣли списать нѣкоторые изъ нихъ для Академіи.

Не много удивляло стѣнной живописи и въ олтарѣ надъ горниломъ мѣстомъ икона Спасителя, которая, какъ я уже сказалъ, порвала медя своею колоссальностію при самомъ входѣ. Онъ сидитъ на огненныхъ колесахъ Херувимскихъ, по видѣнію Пророка Іезекіиля, ибо въ святилищахъ Грузинъ любилъ олицетворять Херувимскую дѣсью въ рукахъ его евангеліе, съ Греческими словами: «Азъ есмь пастырь добрый.» Письмена сія знаменуютъ глубокую древность, ибо конечно въ позднѣйшее время ихъ написали бы по Грузински, но ликъ Спас

сителя носитъ горькіе слѣды опустошенія Лезгинъ, которые не разъ врывались въ святилище и цѣлю стрѣлъ своихъ избрали очи Господни; только недавно вынуты были изъ нихъ лезвія нечестивыхъ стрѣлъ. Язвы сіи, въ самыхъ очахъ Господа, не выражаютъ ли вполне характеръ Востока, гдѣ доселѣ ослѣпленіе есть обычная казнь, и бѣдственное положеніе Грузинъ, которая не могла защитить отъ поруганія Агарянскаго, даже главную свою святыню. Подъ иконою Спасителя изображена Божія Матерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ, одиннадцать по сторонамъ Апостоловъ и Духъ Святый надъ ними.

Замѣчательно самое устройство олтара, иконостасъ нѣсколько отступилъ отъ стѣны, такъ что съ боку народъ можетъ видѣть богослуженіе. Горнее мѣсто сохранилось во всемъ его іерархическомъ достоинствѣ: на нижней ступени сидѣли пресвитеры кругомъ всего олтара, на второй Епископы, для конхъ сдѣланы были шестнадцать углубленій въ полукругіи стѣнѣ; высшая ступень предназначена была для

одного Католикоса. По словам ливонки Грузинской, Царь Вахтангъ Гургъ-Асланъ, одинъ изъ величайшихъ властителей Грузинъ, былъ учредителемъ ея церковнаго быта; онъ испросилъ у Патриарха Константинопольскаго Католикосовъ, не зависящихъ отъ престола Антиохійскаго, и самостоятельность кафедръ Иверской, признана была соборно, по свидѣтельству ученаго Вальсашона и Кодина, въ его списокъ епархій православныхъ. Вахтангъ, стараясь о распространеніи Христіанства въ своихъ предѣлахъ и между дикими племенами, основалъ 12. Епархій въ Карталиннѣ и 12 въ Кахетинѣ, кромѣ Имеретинѣ и Сомхетинѣ; по сему устроено было имъ въ соборъ Мцхетскомъ много мѣстъ Епископскихъ, кромѣ кафедръ Католикоса, для соборнаго съ нимъ служенія.

Если взглянуть за остатками жившей въ олтаря, то не много ихъ сохранилось для любителей древности. На правой сторонѣ изображено, чертами Апокалипсиса, общее возстаніе мертвыхъ: земля и морѣ возвращаютъ изъ нѣдръ своихъ все, что

поглотили отъ начала вѣка; Цари и Святители несутъ на рукахъ своихъ Церковными охраняемую; одежды Грузинскія, но надписи Греческія, и уже невозможно разобрать ихъ. Къ сѣв. картинѣ прислоненъ бывшій тронъ царскій, съ легкою сѣмью на мраморныхъ столбикахъ. Въ главномъ куполѣ виднѣнъ еще ликъ Господа Саваоа съ небесными Силами, а между оубо Апоптолы. Есть еще не много живописи на аркахъ, соединяющихъ основные столбы храма: на одной сторонѣ Богъ Отецъ, съ проявляющимся въ лонѣ его Сыномъ и символами Евангелистовъ вокругъ; вверху тайная и граница Авраамова; а нѣсколько по выше, Благовѣщеніе; на другой сторонѣ Константинъ и Елена, воздвигающіе крестъ, съ таинственною картиною, которую я не могъ разгадать: Спаситель изображенъ спящимъ и надъ главою его Греческія буквы не позволяютъ усумниться въ его лицѣ; подлѣ Божія Матери; а сверху Ангель, который держитъ знамя и туль же стоитъ Пророкъ Исаія. Не есть ли это олицетвореніе его пророчества: «въ той день воз»

станеть знамя Кудсево и будетъ владѣть
языками, и будетъ покой Его честь.»
Изъ подарковъ дарящихъ, кромѣ коро-
нованія Иракліева, указывалъ еще на стол-
бѣ, подлѣ Патриархаго мѣста, портрета Ца-
рицы Маріамъ, супруги Магометанскаго
Царя Востома, которая обновила купель
соборный, и сына ея Луареаба, въ отроч-
ество убитого на охотѣ, въ стѣнкахъ Карай-
скихъ; оба они инокоронены близъ се-
го столба. Горестна была участь Марі-
амъ, дочери Дадіановъ; неволью была она
выдана за Магометанина; и всю надежду
полагала на своего отрока, котораго во-
спитала въ вѣрѣ отеческой; и вотъ онъ
бывъ случайно погубъ на долахъ. Когда же
окончался первый супругъ ея, Царь Во-
стомъ, Шахъ началъ требовать къ себѣ всю
владу; Маріамъ послала къ нему моленъ
свѣтъ, явись слонки, умоляя не лишати
ее отчизны и утѣлосивидся Шахъ. Но
это не спасло ея отъ втораго брака съ
Вактанпомъ, Княземъ Мухранскимъ, оцять
Магометаниномъ, который вступивъ на пре-
столъ долженъ были взятьъ вѣру и Хри-

стіанское свое имя, на Персидское Шахъ-Наваза.

Говорить ли о всѣхъ именитыхъ усопшихъ, которыми устланъ помостъ Мцхетскаго храма? — но кто укажетъ летописный рядъ ихъ, послѣ столькихъ разореній святилища. Особенно пострадалъ помостъ его, потому что Персы и Лезгины искали подъ нимъ удовлетворить своей хищности и, поруганіемъ праха Царей, оскорбить подданныхъ. Изъ всей династїи Сассанидовъ указываютъ только мѣсто могилы перваго Христіанскаго Царя Миріана, который велѣлъ положить себя подлѣ священнаго объ втѣлба. Грораго основателя храма, Вахтанга Гургъ-Аслана, недалеко отъ царскаго мѣста подлѣ стѣлба, на коемъ былъ написанъ портретъ его, теперь уже стертый, но никогда не сотрется слава Царя завоевателя и учредителя гражданскаго быта своего царства. Династія Багратидовъ, начавшаяся въ Абхазїи, тамъ собирала кости свои подлѣ костей своихъ предковъ, а съ тѣхъ поръ какъ великій возобновитель Давидъ основалъ обитель Ге-

латскую, большая часть изъ его преемниковъ избрала себѣ сію славную обитель, мѣстомъ упокоенія. Однако въ замогильныхъ спискахъ Царей, погребенныхъ въ соборъ Мичетскомъ, воспоминается цѣлый рядъ ихъ, начиная отъ Георгія VI или блистательнаго, который озарилъ послѣдними лучами славы царство Иверское: но гдѣ искать ихъ праха, послѣ разоренія Тамерлана? Обновитель собора Александръ, въ XV вѣкѣ, по глубокому смиренію не смѣлъ возлечь на покой подъ его свѣтлою; онъ соорудилъ для себя малый отдѣльный приделъ во имя Архангеловъ, съ сѣверной стороны храма. Это видно изъ его завѣщательной грамоты, въ которой учреждая вѣчное по себѣ помяновеніе говорить, что не хотѣлъ по примѣру своихъ предковъ избрать себѣ усыпальницею самый храмъ. Но при последнемъ обновленіи приделъ Архангеловъ, равно какъ и пять другихъ, пристроенныхъ къ собору, были уничтожены. Безъ сомнѣнія, по примѣру великаго Александра, Карталинскіе его преемники до Муарсаба, устроили себѣ такіа же

надгробныя церкви, по сторонамъ собора. Сынъ Луарсаба, Симонъ великій, скончался въ пльну Турецкомъ, а внукъ его Св. мученикъ Луарсабъ, въ пльну Парсовъ, однако первый перенесомъ въ Микетъ; Цари же Магометанскіе, хотя изъ трѣхъ же династій, увозились для погребенія въ Ардебиль. Еще два Христіанскіе Царя, уже изъ послѣднихъ, Вахтангъ лютодисецъ и Бакаръ, мнвоженный Теймурадомъ, скончались въ Россіи. Такимъ образомъ много праздныхъ мѣстъ царственныхъ осталось въ соборѣ Микетскомъ и многія надписи стерты.

Родъ Багратионовъ Мухрадскихъ до селъ сохранилъ право хоронить своихъ усопшихъ въ лѣвомъ крылѣ собора. Мы всегда трогательнымъ казался обычай древнихъ родовъ Грузіи, собираться на вѣднѣй попой подле гробовъ своихъ предковъ; чтобы вмѣстѣ воспрянуть, по гласу вселенской трубы. Лишиться могилы между отцовъ считалось величайшимъ безчестіемъ и многіе, какъ Теймуравъ великій Царь Кахетинскій, послѣ бурной дождоулетной

жизни, истомленный въ изгнаніи, одного только жаждалъ, быть погребеннымъ подъ родственною стѣною Алавердскаго храма; самые его гонители, Персы, уважили его благочестивое желаніе. Католикосы Иверскіе погребаемы были также подъ сводами своего кафедральнаго собора, и еще тамъ видно нѣсколько безимянныхъ гробницъ: одна высокая, острокопечная, стоитъ въ правомъ крылѣ соборномъ подлѣ ризницы, быть можетъ Доментія или Виссаріона; но Антоній старшій, обновившій номость, велѣлъ положить себя подлѣ амвона и тутъ доселѣ видна его гробовая плита.

Есть еще одинъ именитый усопшій въ соборъ Мцхетскомъ, но онъ внутри святилища подъ престоломъ, потому что положенъ былъ въ утвержденіе храма: это одинъ изъ тринадцати Сирскихъ Отцевъ св. Авивъ, Епископъ Некресскій. Эпархія его была за Алазанью, но въ окрестностяхъ Мцхетскихъ окончилъ онъ свой евангельскій подвигъ. Маги огнепоклонники, раздраженные противъ ревнителя истинной

вѣры, потребовали отъ вождя Персовъ, воевавшаго тогда въ Карталиннн противъ Грековъ, чтобы онъ вызвалъ къ себѣ на судъ Святителя. На пути встрѣтился ему инокъ Антіохійскій, посланный отъ Св. Симеона столпника, и вручилъ пастырскій жезлъ, долженствовавшій служить ему напутствіемъ къ вѣчной жизни. Сподвижникъ его, Св. Шію, спасавшійся около Мцхета, испросилъ себѣ позволеніе видѣть друга своего, прежде мученической его кончины. Камнями побили праведника, послѣ долгихъ истязаній, за смѣлое обличеніе идолопоклонства, предъ лицомъ самихъ Маговъ; тѣло его было брошено на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ. Но Св. Шію, съ учениками своими, поднялъ нетлѣнные останки и, въ присутствіи Католикоса, положилъ ихъ подъ алтарь Мцхетскаго собора. Церковь совершаетъ память Св. Авива, 29 Ноября, на канунъ праздника Первозваннаго просвѣтителя странъ Закавказскихъ.

СИРСКІЕ СВ. ОТЦЫ.

Но говоря столько разъ о Св. отцахъ Сирскихъ, не время ли сказать и о томъ: какъ и когда пришли они въ страну сію, для которой были вторымъ источникомъ спасенія, послѣ равноапостольной Нины? По сбивчивости Грузинскаго лѣтосчисленія или хроникона, который слѣдуетъ солнечнымъ индиктамъ и возобновляется каждые 532 года, есть разность въ цѣломъ столѣтїи между историками Грузинскими и Греческими, касательно пришествія Св. отцевъ. Въ лѣтописи Кедрина сказано, что во время Императора Θεодосїа младшаго св. Симеонъ столпникъ, какъ яркій свѣтильникъ, поставленный на свѣщникъ, разливалъ лучи свои

повсюду: Иверы, Армяне и Персы, ежедневно приходившіе, принимали отъ него Св. крещеніе. И въ житіи Св. Давида Гареджійскаго, одного изъ Сирскихъ отцевъ, стольже ясно указано на эпоху, ибо онъ посѣтилъ Іерусалимъ, уже на исходъ своего земнаго поприща, при Патріархъ Иліи, который какъ извѣстно по исторіи скончался въ одинъ годъ съ Императоромъ Анастасіемъ, въ началъ VI вѣка; слѣдственно пришествіе Сирскихъ отцевъ въ Грузію, должно быть необходимо въ теченіе V вѣка. Не сохранились житія всѣхъ, а только болѣе именитыхъ: начальника и учителя ихъ Іоанна Зедазнійскаго, Давида пустынника Гареджійскаго, Шіо пещерника Мгвимскаго, такъ названнаго отъ своей пещеры, и Іессея, поставленнаго Епископомъ въ городъ Цилканъ. Но вотъ имена и другихъ, которыя свято сохранила Церковь Грузинская, празднуя нѣкоторыхъ отдѣльно и совершая имъ общую память седьмаго Мая: Св. Авивъ святительствовалъ въ Некресахъ за Алазанью, Іосифъ по сю сторону Алазани въ Алаверди;

Стефанъ Хирскій и Зиновъ Икальтскій, основали свои обители въ той же долинь Кахетіи, а св. Антоній Марткобскій, принесшій съ собою чудотворный образъ Спаса, поселился ближе къ Тифлису на горахъ. Вообще Св. отцы раздѣлились такимъ образомъ, что шесть изъ нихъ были въ Кахетіи и шесть въ Карталиннѣ, въ числѣ коихъ, кромѣ упомянутыхъ Іессея и Шію, еще четыре: Исидоръ Самтавійскій, Фаддей Степанъ-цминдскій, Пирръ Бретскій, и Михаилъ Улумбійскій. Они такъ названы отъ мѣста своего жительства; глава же Отцевъ основался въ Кахетіи, на горѣ Зедазенской, съ вѣрнымъ діакономъ своимъ Илією. Трогательна повѣсть, какъ былъ онъ посланъ на божественную проповѣдь въ Иверію.

Въ предѣлахъ Антиохійскихъ просіялъ блаженный Іоаннъ, какъ нѣкое свѣтило, по выраженію писателя его житія, но не указано мѣсто его пустынныхъ подвиговъ. Многіе годы провелъ онъ въ уединеніи, и опять многіе годы посреди собранныхъ имъ учениковъ, когда было ему внуше-

ніе свыше, какъ некогда Аврааму, оставить землю отцевъ своихъ и идти въ страну ему невѣдомую, гдѣ должно было отъ него возникнуть новое духовное сѣмя. По благоговѣйному преданію народа Грузинскаго, Матери Божіей досталась жребіемъ страна Иверская, при раздѣленіи вселенной для проповѣди Апостоловъ, и она не оставила своего удѣла, воздвигнувъ послѣ равноапостольной Нины новыхъ проповѣдниковъ слова истины. Въ сонномъ видѣніи явилась она Іоанну и повелѣла ему, избравъ двѣнадцать изъ числа учениковъ своихъ, идти съ ними утверждать Христіанство въ Иверіи. Собралъ Авва свое духовное стадо, открылъ чудное видѣніе и велѣлъ каждому, написавъ имя свое на отдѣльной хартіи, положить ее на престолъ, чтобы никого не оскорбить произвольнымъ избраніемъ. Ночь провели въ молитвахъ, на разсвѣтъ принесена была всѣми іереями безкровная жертва и вся братія приобщилась Св. таинъ; потомъ всѣ, по гласу Іоанна, подняли руки къ небу, тихо зывая: Кириелейсонъ! и тихо сошелъ, къ яц-

ку земныхъ Ангеловъ, небесный, взявъ съ престола двѣнадцать именъ и, предъ лицомъ всѣхъ, вложилъ ихъ въ руки Іоанну.

Тогда блаженный Авва созвалъ вокругъ себя долженствовавшихъ остаться на мѣсть его прежняго жительства, горько плакавшихъ о предстоявшей имъ вѣчной на землѣ разлукѣ, и сказалъ: «дѣти невозможно противиться волѣ Божіей; съ той минуты какъ вы меня избрали своимъ учителемъ, ни кого изъ васъ не предпочиталъ я другому по лицепріятію, но всѣхъ любилъ одинаково отъ всего сердца: свидѣтель Богъ, нынѣ повелѣвающій мнѣ васъ оставить. Всѣ мы пришельцы и странники, какъ и отцы наши, говоритъ Св. Писаніе, иду и я провести остатокъ дней моихъ тамъ, гдѣ указалъ мнѣ Богъ. Вы же будьте ему вѣрны и не скорбите объ отшествіи собратій вашихъ, но съ радостію покоритесь горней волѣ, дабы вамъ не явиться ея противниками.» Онъ поставилъ имъ вмѣсто себя настоятелемъ Евенмія, долго молился надъ ними, съ поднятыми къ небу руками, каждою благословилъ отдѣльно,

плача самъ и умоляя не плакать, и поручивъ ихъ Богу исторгся наконецъ изъ ихъ объятій, съ избранными двѣнадцатію.

Кто былъ сей Евѳимій, которому Іоаннъ ввѣрилъ свое стадо, неизвѣстно. Судя по времени можно бы принять его за великаго Евѳимія Палестинскаго, котораго ликъ часто встрѣчается въ обителяхъ, устроенныхъ Сирскими отцами въ Иверіи. Но Евѳимій основалъ лавру свою въ долину Іорданской, обитель же Іоаннова была въ предѣлахъ Антиохійскихъ. Въ то время великій столпникъ, Симеонъ старшій, свѣтилъ всему Востоку, съ высоты уединеннаго столпа своего, и къ нему стекались всѣ окрестныя страны. Авва Іоаннъ посетилъ его дорогою съ учениками, чтобы укрѣпиться его благословіемъ.

Не безвѣстнымъ оставилъ Господь пришествіе отцевъ Сирскихъ, и въ новой странѣ, предназначенной для ихъ евангельскихъ подвиговъ. Ангелъ явился во снѣ Католикосу Евлавію въ Мцхетѣ и сказалъ: «вотъ идетъ къ тебѣ рабъ Божій Іоаннъ, съ учениками своими, пресвѣщать страну»

сію, какъ некогда святая Ница; встань и прими ихъ съ любовію, ибо они посланы Богомъ и внутренній человекъ ихъ украшенъ духовно.» Всталъ изумленный Евлавій и повинулся горнему вельнію, съ духовнымъ соборомъ, пошелъ на встрѣчу, не вѣдая самъ кому, спрашивая каждого: не видалъ ли кто рабовъ Божіихъ? И вотъ идуть наконецъ, по дорогѣ отъ полудня, тринадцать отцевъ, убогіе съ виду, босые и въ рубищахъ, но въ клобукахъ иноческихъ по обычаю Палестинскому, и уразумѣлъ духомъ Католикось, что о нихъ возвѣстилъ ему Ангель. «Благо пришелъ ты къ намъ, святыи отче,» сказалъ онъ съ любовію старшему изъ нихъ; Іоаннъ же повергся къ ногамъ его, воздавая почеть святительскому сану, и воскликнулъ: «благословенъ Богъ, удостоившій насъ поклониться твоей святынѣ.» Примѣру учителя послѣдовали и всѣ ученики, простершись на землю предъ Католикосомъ.

Въ минуту благословенія пастырскаго разрѣшились уста Іоанновы и знаніе языка Иверскаго даровано ему было, какъ въ

Чатъ I.

11

когда, при сошествіи Святаго Духа, Апостоламъ. «Владыко святыи, сказалъ онъ Католикосу, ты подражаешь Господу Иисусу въ °смирениі, и мы благодаримъ даровавшаго намъ пастыря, которому всѣ тайны открыты. Отнынѣ ты будешь руководить убогихъ ко спасенію, ибо при твоёмъ благословеніи разрышились уста наши и языкъ чуждый сдѣлался намъ приснымъ.» Радостно возвратился Католикосъ, съ новою своею дружиною, прямо въ соборъ къ священному столбу, воздвигнутому надъ хитономъ Господнимъ, и тамъ многія слезы и молитвы потекли, изъ очей и сердца пришельцевъ Сирійскихъ. Евлавіи убѣждалъ ихъ при себѣ остаться, ибо лице ихъ было для него какъ лице Ангеловъ; болящіе получали отъ нихъ исцѣленіе, немощныя духомъ утверждались въ вѣрѣ; Царь и вельможи приходили слушать ихъ поученія, и вся Картагинія просвѣтлалась ихъ проповѣдію. Они обходили селенія, гдѣ Нина святая проповѣдывала, поклоняясь мѣсту, гдѣ стояли ноги равноапостольныя; наконецъ сами обратились съ молитвою къ

Богу, да укажетъ имъ мѣсто нстояннаго жительства, для подвиговъ иночества.

Однажды видитъ Іоаннъ, какъ бы тучу нависшую за Арагвою, на вершинѣ горы Заденской, и слышитъ воюли полчищъ бѣсовскихъ, хвальныхя овладѣть на всегда мѣстомъ. Авва собираетъ учениковъ своихъ и говоритъ имъ: «смотрите сила демонская вооружается противъ насъ, потому только что я задумалъ избрать мѣсто сіе жилищемъ, но съ нами сила Христова» и обратясь къ духамъ тьмы повелѣлъ имъ: «да никогда не явятся они тамъ, гдѣ только слышны будутъ имена убогаго Іоанна и его собратій.» Потомъ просилъ онъ Католикоса, позволить ему поселиться на горѣ той, доколѣ Богъ не укажетъ имъ иного мѣста. «Безотраднa гора сія, отвѣчалъ Католикосъ, ибо тутъ стоялъ мерзкій идолъ Задена, и доселѣ исполнено злыхъ духовъ, бывшее требище.» Но Іоаннъ настоятельно просилъ его благословенія и, получивъ оное, собрался съ учениками идти въ гору. Это было десною, когда рѣка Арагва, въ полномъ разливѣ, кипѣла

въ берегахъ своихъ. Католикось съ духовенствомъ вышелъ провожать отшельниковъ до рѣки; не было никакого средства человѣческаго перейти ее, но что могло удержать такихъ путниковъ? блаженный Іоаннъ обращается къ старшему изъ учениковъ своихъ Шію и говоритъ: «помолись, отче, да проведетъ насъ Господь безопасно на тотъ берегъ,» и Шію, всегда покорный своему учителю, безъ малѣйшаго сомнѣнія или возраженія, обратился лицомъ къ востоку, трижды простерся на землю, и, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ шумныя волны, произнесъ: «вода, повелѣваетъ тебѣ отецъ нашъ, удержать твое теченіе, доколѣ не преидемъ мы на тотъ берегъ!» Стала рѣка, какъ нѣкогда Іорданъ при гласъ Навина, и по суху перешли ее святые отцы, предъ лицомъ цѣлаго народа, прославившаго Бога за столь благодатную силу рабовъ его.

Съ большимъ затрудненіемъ могли они подняться на крутую гору, поросшую густымъ кустарникомъ; когда же достигли вершины, Іоаннъ обошелъ ее всю и, най-

дя малую пещеру, обратилъ ее въ церковь. Вокругъ сего пустыннаго святилища устроили они себѣ лиственныя жилища, и стали подвизаться въ иноческихъ трудахъ, витаясь однѣми дикими травами, претерпѣвая голодъ и ненастье. Едва только разнесся слухъ, о водвореніи отцевъ на горѣ Заденской, дотогѣ неприступной, благочестіе народное открыло къ нимъ дорогу, сквозь мѣста непроходимыя, и всякаго рода болящія, бѣснующіеся, хромыя, слѣпые и увѣчныя, которые были приводимы на гору, возвращались уже сами исцѣленными.

Однажды Католикосъ, съ своими Епископами, пришелъ посѣтить земныхъ Ангеловъ. Еще издали увидѣли Св. отцы духовное къ нимъ шествіе и, устремившись на встрѣчу, пали къ ногамъ Святителя, чтобы испросить себѣ благословеніе. Епископы хотѣли взаимно благословиться отъ отцевъ. Католикосъ съѣлъ подлѣ пещеры, служившей церковію, и глава отшельниковъ сказалъ ему: «Богъ богатый милостями своими, да наградитъ васъ, пасты-

ри и отцы, за трудъ вашъ въ посвященіи насъ недостойныхъ; но скажите намъ причину благодатнаго вашего пришествія.» «Мы хотѣли слышать отъ тебя назидательное слово,» отвчалъ ему Католикось, и смиренный, долго отказываясь говорить при Святителяхъ, которымъ болѣе подобало учить, наконецъ сказалъ имъ высокое поученіе, о Словѣ жизни; ибо уста его источали премудрость, какъ неизчерпаемый источникъ.

Такъ какъ въ это время, за смертію Епископовъ, праздно были двѣ епархіи: Цилканская близъ Мцхета и Некресская за Алазанью, то Католикось совѣщался съ Епископами, поставить кого либо изъ Св. отцевъ на опустѣвшія кафедры, и положилъ назначить тѣхъ, которые будутъ приносить предъ лицемъ ихъ безкровную жертву. Литургію же совершали въ тотъ день, Авивъ пресвитеръ и Иессей діакопъ. По окончаніи божественной службы Католикось, взявъ правою рукою Авива а лвою Иессея, поцѣловалъ перваго и сказалъ: «радуйся Авивъ Епископъ Некресскій!» потомъ по-

цѣловалъ Иессей съ тѣми же словами: «ра-
дуйся Иессей. Епископъ Цилканскій!» Не-
ожиданность избранія изумила и опечалила
избранныхъ; со слезами умоляли они изби-
рателя, не возлагать на нихъ столь тяжка-
го ига, но онъ возразилъ имъ: «живъ Го-
сподь нашъ Іисусъ Христосъ, не возвращу
слова, объявленнаго вамъ по волѣ Божіей!»
«Дѣти мои, говорилъ и блаженный Іоаннъ
ученикамъ своимъ, не сопротивляйтесь во-
лѣ святительской; для того и пришли мы
въ страну сію, чтобы въ разныхъ мѣ-
стахъ трудиться во славу единого Бога.»
Не прекословили болѣе избранные и послѣ-
довали за Католикосомъ въ Микетъ, гдѣ
посвящены были, каждый на свою эпар-
хію; они послужили тамъ ко спасенію
многихъ, ибо свѣтъ проповѣди евангель-
ской осіялъ все предгоріе Кавказа и даже
проникъ во внутренность его, сокрушая
повсюду идоловъ словомъ истины и укрѣ-
пая, силою чудесъ, новокрещаемыхъ.

Между тѣмъ число монашествующихъ
около Аввы Іоанна безпрестанно увеличи-
валось, такъ что самая гора, служившая

имъ жилищемъ, лишилась непроходимыхъ нѣкогда лѣсовъ своихъ. И вотъ блаженному Іоанну являюся опять, въ сонномъ видѣніи, Божія Матерь, пославшая его на дальній подвигъ, и съ нею равноапостольная просвѣтительница страны сей Нина, и повелѣваютъ, чтобы онъ разослалъ учениковъ своихъ, по всемъ предѣламъ Карталинніи и Кахетіи, для утвержденія слова Божія. Проснулся Авва, собралъ учениковъ и велѣлъ имъ готовиться исполнить небесную волю, идти туда, куда каждому изъ нихъ укажетъ путь Духъ Святой, руководившій ихъ въ Иверію. Это была вторая горькая ихъ разлука съ любимымъ учителемъ, и уже въ краю чуждомъ; тяжело было разставаться, но никто не смѣлъ противорѣчить волѣ Божіей. Самъ Іоаннъ представилъ ихъ Католикосу, открылъ чудное свое видѣніе и просилъ благословить ихъ на новые подвиги; потомъ отпустилъ ихъ съ молитвою, давъ каждому въ сопровожденіе по одному иноку. Одинъ только Св. Шію, какъ любитель одинокой жизни, просилъ блаженнаго Авву, благословить

его на жизнь отшельническую, и получилъ его согласіе.

Распустивъ такимъ образомъ учениковъ своихъ, пришедшихъ съ нимъ изъ Сиріи, онъ велѣлъ одному изъ нихъ Фаддею, бывшему потомъ настоятелемъ Степанцминдскимъ, соединить все множество оставшихся братій въ одну обитель, у подошвы горы Зедазенской; а самъ уединился на вершинѣ, съ однимъ только вѣрнымъ ему діакономъ Иліею, который служилъ опорой его старческой немощи. Безводна была сія вершина и, въ потъ лица, трудился ежедневно ученикъ Аввы, возносить на нее воду отъ подошвы. Сжалился надъ нимъ блаженный учитель и слезами своими испросилъ у Господа живую струю. Однажды ученикъ святаго, подошедши къ источнику, увидѣлъ прямо противъ себя, медвѣдя необычайной величины, и съ ужасомъ бѣжалъ къ своему учителю; Авва вышелъ изъ пещеры и сказалъ звѣрю: «пей если жаждешь и иди, но тебѣ говорю: отнынѣ никому не смѣй вредить на горѣ сей,» и смиренно повиновался дикій звѣрь, достиг-

шему высоты духовной перваго челоуѣка которому повиновались всѣ звѣри сельные въ раю. Но что удивительно, по словамъ писателя житія Іоаннова: заповѣдь блаженнаго отца доселѣ соблюдается, чрезъ столько лѣтъ, ибо никогда не слышно какихъ либо несчастій отъ звѣрей сихъ на горѣ, хотя теперь они суть единственные жители опустѣвшей обители.

Непрестанныя чудеса истекали отъ великаго старца: привели къ нему разслабленнаго всѣми членами и зывали къ нему о помилованіи; тяжкимъ казалось Аввѣ такое всенародное испытаніе его смиренія; однако движимый состраданіемъ онъ произнесъ слова Господни къ разслабленному Капернаума: «возстань, возьми одръ твой и ходи, ибо исполняетъ тебя Господь нашъ Іисусъ Христосъ,» и воспрянулъ болящій. Въ другой разъ представили ему отрока, одержимаго духомъ нѣмымъ и глухимъ; великій старецъ воззвалъ къ связавшему его врагу челоуѣческому: «Душе злый! за чѣмъ терзаешь ты твореніе рукъ Божіихъ? Именемъ Господа нашего Іисуса Христа

изыди изъ него и бѣги въ мѣста пустынные и непроходныя!» и внезапно проговорилъ отрокъ, какъ нѣкогда исцѣленный самимъ Господомъ. Авва же сказалъ изумлявшимся людямъ: «не удивляйтесь проявленію величія Божія, ибо не я врачую, а имя Господа нашего Іисуса Христа, который пришелъ спасти родъ человѣческій отъ силы діавольской, и говорилъ ученикамъ своимъ: вѣрующій въ меня, не только сотворитъ дѣла, какія я творю, но и больше сихъ сотворитъ, такъ что вы изумитесь.»

Кто исчислитъ все чудеса Іоанновы, какъ въ Сиріи, такъ равно и въ новомъ его отечествѣ? Приняло наконецъ ему время, упокоиться отъ многихъ трудовъ своихъ. Онъ пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ учениковъ Сирскихъ и новыхъ, поселившихся у его горы, и сказалъ имъ: «дѣти близокъ часъ мой, боюсь и при послѣдней минутѣ, чтобы мнѣ не отклониться отъ спасительнаго пути; вы же непрестанно бодрствуйте, ибо ходитъ, яко левъ, врагъ душъ нашихъ, ищущій кого бы по-

глотить. Прошу васъ непрестанно обо мнѣ молиться и вспоминать меня предъ престоломъ благодати.» Такъ велико было смиреніе Аввы, помнявшаго заповѣдь евангельскую: «аще и вся соблюдете и тогда, яко раби неключими, о себѣ мните.» Строго заповѣдалъ онъ ученикамъ, погребсти его на мѣстѣ подвига, въ той пещерѣ гдѣ много лѣтъ спасался и, причастившись Божественныхъ таинъ, пришелъ какъ бы въ нѣкій восторгъ; онъ созерцалъ вокругъ себя безплотное воинство, которое срътало раба Божія, прославившагося на землѣ Ангельскимъ житіемъ своимъ. Когда же предалъ Господу чистую свою душу, ученики не исполнили завѣта старца, ибо почитали недостойнымъ для него гробомъ убогую пещеру, на недоступной горѣ. Съ великимъ торжествомъ положили они блаженнаго Іоанна въ ракъ, для него приготовленной въ нижней обители. Но смиренному не угодно было такое непослушаніе: живою и по смерти, онъ сильно изъявилъ имъ волю свою и страшное колебаніе земли около обители, привело въ ужасъ непо-

корныхъ. Они вспомнили заповѣдь старческую и открыли Католикосу послѣднюю волю усопшаго. Повиновался Католикосъ, съ духовнымъ соборомъ поднялъ Св. мощи Іоанновы и перенесъ ихъ торжественно, въ убогую пещеру освященную долгимъ его тамъ пребываніемъ. Тогда успокоилась земля и множество исцѣленій еще болѣе ознаменовали святость угодника Божія. По прошествіи многихъ лѣтъ Католикосъ Климентъ построилъ надъ этой пещерою церковь во имя Св. Іоанна Крестителя, бывшаго Ангеломъ блаженнаго подвижника и остатки ея доселѣ существуютъ на пустынной горѣ, поросшей опять густымъ лѣсомъ, ибо она возвратилась къ прежнему своему безмолвію.

ГОРА ЗЕДАЗЕНСКАЯ.

Когда мы вышли из соборной ограды Мцхета, чтобы вхать въ обитель Зедазнійскую, намъ встрѣтилась, на пустотѣ бывшей столицы, женщина красоты замѣчательной, хотя видъ ея былъ болѣзненный, въ черной иноческой одеждѣ, съ посохомъ въ рукахъ, и за нею до девяти монахинь, весьма убогихъ по одѣянiю. Я любопытствовалъ узнать отъ своего спутника: кто сія посвятившія себя на служеніе Богу, посреди развалинъ древней столицы? и онъ сказалъ мнѣ; «это знаменитая нѣкогда, красотою и приключеніями своей жизни, Княжна Мингрельская Дарія, кото-

рая бѣжала дома родительскаго и узъ брачныхъ, чтобы посвятить себя иночеству; съ нею ея духовныя сестры, ибо досель не утверждена обитель женская въ Мцхетъ. Посѣтимъ ихъ убогое жилище, по возвращеніи съ горы Зедазенской.»

На берегу Арагвы мы сѣли на лошадей, чтобы переѣхать въ бродъ быструю рѣку. Она раздѣлялась на многіе рукава, по каменистому руслу, и быстрина ея увеличивалась отъ сильныхъ дождей; нельзя было смотрѣть на бурное теченіе водъ, потому что голова начинала кружиться; до такой степени ослѣпительно было стремленіе волнъ. Надобно имѣть большой навыкъ, для переправы чрезъ горныя рѣки; но лошади ступали твердо и вѣрно въ самой глубинѣ. Пустынная дорога предстояла намъ на противоположномъ берегу, сперва довольно отлогая, потомъ все болѣе и болѣе крутая, по мѣрѣ возвышенія. Отъ такъ называемой площадки Католикосовъ, гдѣ вѣроятно отдыхали они на пути въ обитель, труднѣе сдѣлался восходъ и чаще кустарникъ; зрѣлыя ягоды дикаго кизиля

осыпали насъ багровымъ градомъ, когда мы съ усиліемъ раздвигали нависшія вѣтви, останавливаясь отъ времени до времени, чтобы освѣжиться ихъ сладкимъ сокомъ. Туманная погода не благопріятствовала путешествію, потому что тамъ, гдѣ кончалась всякая стезя, скользкая крутизна между деревъ затрудняла восходъ; съ большимъ трудомъ мы подвигались въ гору, уже пѣшіе, хватаясь за вѣтви, чтобы не скатиться назадъ. Настоящая дорога на гору Зедазенскую пролегаетъ съ другой стороны, отъ селенія Авчалъ, но мы избрали кратчайшую отъ Мцхета, по которой восходилъ и самъ блаженный Іоаннъ. Самое слово Зедазенъ столькоже происходитъ отъ бывшаго тутъ кумира Задена, сколько и отъ выраженія мѣстности, ибо оно означаетъ верхъ на верхъ, что дѣйствительно приличествуетъ горѣ сей, высшей изъ всѣхъ окрестныхъ. Наконецъ, послѣ двухъ часоваго пути и частыхъ паденій, достигли мы узкой тропинки, которая привела насъ, по гребню горы, къ остаткамъ обители.

Сквозь развалившіяся ворота, уже несуществующей ограды, вошли мы на бывший дворъ монастырскій, поросшій въковыми деревьями. Намъ представилась между ними довольно обширная церковь, вся изъ дикаго камня, обитая плетеницами столь же дикихъ травъ и осыренная вѣтвями древесными. Малый придѣлъ, съ южной стороны, служилъ преддверіемъ и надъ его престоломъ еще сохранился ликъ Влахернской Божіей Матери между Ангеловъ: ея храненію посвящены были всѣ святилица Иверіи, ибо она вездѣ встрѣчается при входѣ. Внутри самаго храма, довольно высокаго своими сводами, уцѣлѣлъ каменный иконостасъ, съ одними только царскими вратами, какъ и въ древней Шумтинской обители. Еще видна на немъ стѣнная живопись: Спаситель между Божіею Матерью и Предтечею, надъ царскими вратами, а по сторонамъ ихъ, въ малыхъ кругахъ, лики Апостоловъ. Тамъ гдѣ обыкновенно бывають мѣстные иконы, съ лѣвой стороны, совершенно уцѣлѣлъ изваянный образъ Св. Симеона столпника, до

половины выходящаго изъ своего столпа; образъ сей встрѣчается во всѣхъ обителяхъ, устроенныхъ его учениками въ Грузіи, и если бы не извѣстно было, что церковь сія была посвящена Претечѣ, обновителемъ оней Католикосомъ Доментіемъ, можно было бы принять ее, судя по мѣстной иконѣ, за храмъ Симеона столпника. Въ олтарь стоитъ еще престолъ, но уже несовершается на немъ жертвы. Съ лѣвой стороны, въ углубленіи гдѣ стоялъ жертвенникъ, остроконечное возвышеніе знаменуетъ гробницу: это послѣднее упокоеніе блаженнаго главы отцевъ Сирскихъ Іоанна и вѣрнаго ему, за предѣлами гроба, діакона Иліи.

Горькое чувство наполнило мою душу, когда простерся я предъ гробницею великаго мужа брошенной посреди позабытыхъ развалинъ храма, гдѣ теперь обитаютъ дикіе медвѣди, ибо слѣды ихъ видны внутри святилища. О святой Авва! когда ты шелъ изъ дальней Сиріи, утвердить Христіанство въ странѣ тебѣ чуждой, думалъ ли ты, не смотря на все твое сми-

реніе и на последнюю твою волю, быть убого погребеннымъ въ пещерѣ, что твоя усыпальница будетъ берлогою дикихъ звѣрей, которымъ запретилъ ты оскорблять приходящихъ къ тебѣ на гору для молитвы!— Образъ великомученика Георгія, символъ Грузин, доселѣ освѣняетъ твою гробницу, на стѣнѣ храма, какъ бы охраняя посмертный покой твой. Вотъ и этотъ источникъ, или лучше сказать водоемъ, извѣщенный въ скалѣ, который ты испросилъ своими слезами, или какъ бы наполнилъ ими, и ему доселѣ сохранилась чудотворная сила, мгновенно изведшая его изъ камня. Даже самые медвѣди, которымъ ты еще при жизни позволилъ вить изъ него, но не касаться людей, доселѣ помнятъ твою заповѣдь, хотя они поселились уже внутри самаго святилища, оставленнаго людьми, по опустошеніямъ другихъ людей, болѣе жестокихъ нежели звѣри, ибо Лезгинны, раззорившіе обитель, ни кого не щадили.

Пусть глубокіе испытатели природы объяснятъ, какъ умвють, страшное, по

ихъ высокому, а по нашему болѣе смиренному мнѣнію, чудное явленіе водоема блаженнаго Іоанна; но вотъ что я видѣлъ самъ и слышалъ отъ очевидцевъ. Никогда въ немъ не бываетъ воды, исключая только одного времени года, седьмого Мая, когда собирается туда все множество богомольцевъ, на праздникъ Св. Іоанна и съ нимъ тринадцати Сирскихъ отцевъ. Тогда лиются даже со стѣнъ храма водяныя струи, для утоленія жажды благочестивыхъ молитвенниковъ, и это явленіе происходитъ не отъ весенняго времени, потому что нѣтъ уже тогда снѣга на горѣ Зедазенской, а водоемъ на самой ея вершинѣ и подъ сводомъ церкви; во все же остальное время года нѣтъ тамъ ни капли воды, не смотря ни на какія дожди. Мы сами были на горѣ осенью, въ дождевую погоду, которая продолжалась уже нѣсколько дней. Вся гора была покрыта густымъ туманомъ и земля проникнута влажностію, но не было воды, а спутникъ мой, нѣсколько разъ уже посѣщавшій пустынную обитель, въ самый праздникъ, увѣ-

рялъ меня, что водоемъ бываетъ тогда наполненъ и всѣ пользуются водою съ избыткомъ.

Остатки обширныхъ зданій, келлій и другихъ церквей, съ обрушенною оградой, свидѣтельствуютъ, какъ была некогда населена обитель, искателями спасенія по слѣдамъ Юанна. Все истребили Лезгины, въ продолженіи столѣтнихъ постоянныхъ набѣговъ на бѣдственную Грузію, когда опустились руки ея Царей послѣ походовъ Шахъ-Аббаса. Одною только не могли они лишити сіе чудное мѣсто, — очаровательнаго вида на всю окрестность, къ Тифлису и Мцхету и вверхъ по Арагвѣ, но это зрѣлища похитилъ у насъ густой туманъ. Мы стояли въ облакахъ, повитые ихъ влажною пеленою, и смотрѣли подъ себя, съ обрыва горы, какъ въ хаосъ, — и вотъ внезапно яркій лучъ солнца разорвалъ съ одной стороны туманную завѣсу: намъ мелькнулъ какъ призракъ древній Мцхетъ, съ своими соборами и мгновенно исчезъ; его застигла гряда облаковъ. Но съ другою стороны прорвалась чудная ткань ихъ

и, во всемъ блескъ полуденнаго солнца, засверкала Арагва въ своей обширной долинь. Мы стояли такъ высоко и такъ низко ходили подъ нами облака, что по странной оптической игрѣ, рѣка какъ будто падала въ долину съ вершины облаковъ, вытѣсненная изъ ихъ влажнаго сердца, давленіемъ сдвинувшихся тумановъ; это зрѣлище было поразительно своею необычайностію, но и оно не долго тѣшило наши взоры; все опять погрузилось въ тотъ же хаосъ.

Отъ пустынной горы Зедазенской спустились мы, по тѣмъ же крутымъ обрывамъ, въ густой чащѣ деревъ, къ площадкѣ Католикосовъ, и продолжали путь по вершинамъ горнымъ, къ уединенной церкви честнаго креста, которая такъ живописно виситъ на утесѣ, въ виду Мхета, надъ бездною Арагвы. Здѣсь нѣкоторое время обитала Св. Нина, избѣгая почестей просвѣщеннаго ею народа, и здѣсь первый Епископъ Иверскій Іоаннъ поставилъ, въ память ея, одинъ изъ четырехъ крестовъ, сдѣланныхъ имъ изъ кедра, который ростъ

надъ мѣстомъ хитона Господня: Зданіе нынѣшней церкви относится къ временамъ гораздо позднѣйшимъ Стефана Патриція, который не носилъ титула царскаго, не будучи утверждёнъ ни властителемъ Персовъ, ни Императоромъ Греческимъ, и палъ въ битвѣ противъ Ираклія въ началѣ VII вѣка. Съ трехъ сторонъ храма изображенъ онъ, лѣпною работою на стѣнахъ, преклонившимъ колѣна предъ Спасителемъ, съ Ангеломъ его руководящимъ. Главный входъ былъ съ южной стороны, ибо тутъ есть остатки кельій и богато изваянный порталъ. Вся церковь складена изъ большихъ плитъ дикаго камня, своды ея чрезвычайно высоки, а форма крестообразна, съ выдающимися углами между каждой вѣтви креста, что даетъ ей подобіе распутившагося цвѣтка, ибо все ономечности округлены. Весьма замѣчательна внутренность: на томъ мѣстѣ гдѣ былъ воздвигнутъ крестъ Св. Нины, обширный амвонъ занимаетъ почти всю середину церкви, а на западной его части устроена арка, въ углубленіи коей изображенъ Спаситель, сидящій

въ темницѣ. Тамъ видно мѣсто престола, и только съ этой стороны можно было подыматься на амвонъ. Я никакъ не могъ разгадать, что хотѣли выразить симъ возвышеніемъ? подобіе ли Св. гроба въ Іерусалимѣ, или чудотворнаго столба Мцхетскаго, или только чтобы нога человѣческая не касалась мѣста, гдѣ былъ водруженъ крестъ? Олтарь существуетъ, но въ немъ нѣтъ богослуженія, такъ какъ обитель опустѣла во времена Царя Георгія. Нынѣшній Экзархъ хочетъ возстановить оное, изъ уваженія къ святынь мѣста. Съ сѣверной стороны, на самомъ обрывѣ скалы, пристроенъ придѣлъ, изъ котораго можно было опускаться въ нижнюю часть зданія, куда теперь уже обвалился сходъ.

Но какіе очаровательные виды открываются изъ окна, на слияніе Куры и Арагвы, въ пронасть, надъ которою виситъ церковь, напоминающая Кіевскую Апостола Андрея, по своей мѣстности. Бурно стекаются обѣ рѣки, кипяція сердатыми волнами, которыя сверкаютъ на солнцѣ

какъ чешуйчатая броня двухъ исполиновъ, здѣсь состязавшихся на жизнь и смерть; царственный Мцхетъ избранъ свидѣтелемъ страшнаго ихъ боя; онъ рѣшитъ участь: кому изъ нихъ быть или не быть? роскошной ли Арагвъ которая величаво течетъ по обширной долинь, усѣянной виноградниками, объемля ихъ своими рукавами, какъ бы въ объятіяхъ нѣжной матери, или дикой Куръ, которая, какъ хищный горецъ, подстерегла Арагву, у скалъ Саркинетскихъ и вдругъ бросилась поперегъ ее однимъ бурнымъ порывомъ? Она ворвалась въ самую середину широкихъ водъ, и хотя увлечена сама направленіемъ соперницы, но поглотила ее въ себя и съ торжествомъ понеслась мимо скалъ, по захваченному руслу. Нѣтъ болѣе Арагвы; отселѣ Кура стремится къ Тифлису; но древній Мцхетъ, уступившій ей славу родственной рѣки своей, и самъ долженъ будетъ уступить царственное свое достоинство новому сопернику, котораго взлелеять побѣдосная Кура, на голыхъ берегахъ своихъ. Такъ одно пораженіе вле-

веть за собою другое, и дикая природа всегда одолеваетъ разслабленную нѣгою.

Когда мы спустились съ крестовой горы на берегъ Арагвы, воды ея до такой степени уже поднялись, отъ дождей и тумановъ, что трудно было переѣхать ее верхомъ. Мы воспользовались арбою буйволовъ, которая по счастью плыла намъ на встрѣчу, и на такомъ живомъ паромъ переправились черезъ бурную рѣку, почти у самаго мыса, гдѣ еще сохранились остатки древней церкви Фаворской. Она была основана, вѣроятно въ память сокрушенія идоловъ, ибо это событіе случилось въ день преображенія Господня, и есть еще на берегу Куры, противъ мѣста крещенія народнаго, пещера съ развалинами церкви, посвященъ громкое имя Виселема. Видны также на горѣ другіе обломки малага храма, ссыважаго Голговою. Имя ея сии повторяются въ Тифлисъ, и въ другихъ мѣстахъ Грузіи, ибо сердце Царей Иверскихъ лежало къ воспоминаніямъ святой земли, откогда пришла къ намъ просвѣщеніе духовное.

Мы воспользовались остаткомъ дня, чтобы посетить Самтаврскую великолѣпную церковь, мѣсто первыхъ подвиговъ Св. Нины и первую митрополию Иверскую, которая устояла сквозь пятнадцативѣковую бурю, непрестанно свирѣпствовавшую около древней столицы. Преданіе говоритъ, что храмъ сей основанъ былъ, въ началѣ IV вѣка, Царемъ Миріаномъ и священъ Патриархомъ Аптіохійскимъ Евстаѣемъ, посланнымъ для крещенія Грузіи. Нельзя однако вреднолагать, чтобы не подвергся онъ многимъ обновленіямъ, въ теченіе столѣтій вѣковъ, потому что вытѣшнія его украшенія слишкомъ изящны. На стѣнахъ легкія арки, съ лѣпною работою; все окны и двери обиты изящными арабесками; но уже куполъ ветхъ и требуетъ исправленія; южная сторона, откуда входятъ въ храмъ, болѣе другихъ украшена. Не очень обширна внутри самая церковь, которой высокіе своды опираются на четырехъ столбахъ; каѳедры, архіерейская и настоятельская, еще сохранились у двухъ первыхъ столбовъ и видно мѣсто храмовой

иконы преображенія, съ правой стороны иконостаса. Жертвенникъ отдѣленъ отъ алтаря и существовалъ еще особый при-дѣлъ.

Горнее мѣсто о пяти ступеняхъ и надъ нимъ остатки стѣнной живописи: Спаситель сидящій на престолѣ, ниже его Апостолы и Святители и съ боку воскресеніе Лазаря, а въ главномъ куполѣ видѣнъ Господь Саваоѣ, окруженный небесными Силами; между оконъ Апостолы и Пророки; все прочее стерлось. Ограда и остатки палатъ около храма совершенно обрушились, но еще свидѣтельствуютъ о прежнемъ значеніи сего мѣста, ибо тутъ была отдѣльная кафедра Митрополитовъ Мцхетскихъ, не смотря на то что и Патріаршая, самихъ Католикосовъ, утверждена была при главномъ соборѣ.

Съ восточной стороны существуетъ еще одна малая церковь, на томъ мѣстѣ гдѣ была куша Св. Нины, въ которой совершилось столько исцѣленій. Здѣсь молилась она, предъ винограднымъ крестомъ своимъ, и здѣсь творила онымъ великія знаменія.

Какъ священна должна быть убогая сія храмина для всей Грузіи! Стѣны ея исписаны подвигами равноапостольной просвѣтительницы, но писмо и иконостасъ совершенно новые. Здѣсь только совершается богослуженіе, потому что соборъ Самтаврскій грозитъ паденіемъ купола, и здѣсь приютилась малая семья Св. Нины, княжна Дарія, съ своими убогими сестрами и юными воспитанницами. Подъ свѣцію св. Нины многіе годы укрывалась сія единственная женская община Грузіи, и уже начинали истощаться нравственныя и физическія силы, по совершенному оскудѣнію всякихъ средствъ, когда наконецъ, съ благословеніемъ Равноапостольной, учреждается теперь обитель. Настоятельница ввела насъ въ свою келлію, выстроенную подлѣ самой церкви: это были два сарая, верхній и нижній, гдѣ помещалась она съ сестрами; но крыша не защищала отъ непогоды, и холодъ вмѣстѣ съ сыростію подвергалъ частымъ болѣзнямъ добровольныхъ труженицъ. Внимательный Экзархъ предложилъ имъ на время собственные, недавно отдѣланные покои

въ Мцхетъ, и занялся устройствомъ обителн.

Мы возвратились въ наше жилище, устроенное изъ остатковъ бывшихъ палатъ царскихъ, которыя образуютъ своими развалинами южную часть соборной ограды, и нашли весь дворъ наполненный богомольцами. Отовсюду они сходились, предводимые старшинами селеній и некоторыми изъ князей, при звукъ барабановъ и пронзательной для слуха зурны, ибо безъ сей пародной музыки никакого торжества не можетъ быть въ Грузіи. Еще спускаясь съ горы крестной, мы уже издали слышали и видѣли сіе торжественное шествіе, какъ будто бы воинскіе отряды, подъ звукъ полковой музыки, сходились къ назначенному мѣсту. Къ вечеру умножился шумъ, отъ возраставшей безпрестанно толпы, и начались пѣсни и пляски; предъ самымъ преддверіемъ храма, плясали дикую лезгинку, съ громкимъ біеніемъ въ ладоши и рѣзкими гиками, которые возбуждали пляшущихъ къ болѣе сильнымъ прыжкамъ; странное увеселеніе напомнило мнѣ пляски

Арабовъ въ храмъ Иерусалимскомъ, наканунѣ Пасхи, и не дало уснуть цѣлую ночь.

Должно полагать однако, что дикія шрица, въ такой близости отъ святилища, допущены были уже въ то время, когда безпрестанная опасность отъ Лезгинъ не позволяла народу веселиться въ открытомъ полѣ, и необходимо было укрываться въ оградѣ монастырской. Не смотря на то нельзя не замѣтить, что весьма страненъ обычай праздновать на канунъ, а не послѣ духовнаго торжества, какъ это бываетъ у насъ. Есть ли возможность стоять съ благоговѣніемъ утренню, когда вся ночь протекла въ пляскахъ, отъ которыхъ не было покоя не только пирующимъ, но и тѣмъ которые бы хотѣли встрѣтить нравникъ благоговѣйно? А что сказать еще о кулачныхъ бояхъ, которые на память стараго удалства, нѣкоторые изъ князей стараются возбуждать въ народѣ, предводительствуя сами бойцами? что сказать также о жертвоприношеніяхъ, которыя набожные Грузины изъ простаго народа, полагаютъ не-

обходимыми въ большіе праздники? Они закалаютъ барана, на прагѣ церковномъ, съ молитвою и раздають мясо священнослужителямъ и богомольцамъ. Желаніе оправдать сей обычай, увѣряють будто въ немъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и что это есть ничто иное, какъ милостыня нищимъ принесенная Богу, ибо ею питаются и убогіе, собравшіеся на праздникъ. Духовное начальство старается сколько можно прекратить злоупотребленіе.

Съ первымъ звономъ утренняго колокола прекратилась дикая пляска около собора и, кто былъ въ состояніи присутствовать при богослуженіи, явился въ церковь; мало было однако богомольцевъ на утренни. Но торжественно было служеніе Экзархомъ божественной литургии, съ четырьмя архимандритами и семью священниками. Обширный алтарь наполнился духовенствомъ въ богатыхъ облаченіяхъ; особенно величественно было зрѣлище соборнаго ихъ сидѣнія на горнемъ мѣстѣ, во время чтенія Апостола. Что же это долженствовало

быть въ прежніе времена славы Грузинской, когда шестнадцать Епископовъ служили съ Католикосомъ и каждый имѣлъ свою кагалу на возвышеніи, а у ногъ ихъ сидѣли столько же пресвитеровъ! О бывшемъ великолѣпнѣ храма Микетосаго свидѣлствуютъ грамоты Царей, доселѣ въ немъ хранящіяся, въ конкхъ упоминается о золотѣ и серебрѣ вѣсомъ, и о священныхъ вкладыхъ иконъ и мощей, дарованныхъ Царямъ Изерскими Императорами Греческими. Всѣ они были расхищены въ смутныя времена, или отданы на сохраненіе первостепеннымъ вельможамъ, и съ тѣхъ поръ начавши; нѣкоторыя еще находятся въ глуши, въ какихъ либо сельскихъ церквахъ, гдѣ были родовыя имѣнія сихъ вельможъ, иногда же въ подземельяхъ, если хранителемъ святыни одблался народъ.

Мнѣ сказывали, что недалеко отъ Ти-
фанса, около Душета, есть въ одномъ се-
леніи древняя церковь, гдѣ только одна-
жды въ годъ, въ храмовой праздникъ, яв-
ляются драгоценныя иконы: временъ Ца-

рицы Тамари. Особенные деканасы, какъ они слывутъ въ народѣ, изъ числа старшинъ, приставлены для ихъ храненія, и наканунѣ, съ величайшею тайною, извлекають они свѣтлыи изъ подземелья, ибо сами связаны страшною клятвою. Тотъ, кто имъ это сказывалъ, старался распространить у одного нетрезваго деканаса, гдѣ хранится завѣтная святаяня? Когда вино развесело языкъ, онъ объявлялъ, что для достиженія тайнаго склена, надобно спуститься сивозъ тѣсный проходъ, изъ одной пещеры въ другую, верхомъ по скользкому бревну, и тамъ отвалить камень, лежащій надъ ямою, но никакъ не согласился указать въ горахъ устье первой пещеры. Народъ едва не побилъ камнями пытливаго посетителя сельскаго правдника, за то что онъ хотѣлъ списать древнїя надписи съ иконъ. Вотъ до какой степени онъ не доступенъ образованному міру, равно какъ и многія церковныя книги и грамоты, охраняемыя народомъ, съ такою же строгою ревностію къ древней святости своихъ предковъ.

ШИОМГВИМСКАЯ ПУСТЫНЬ.

Послѣ скромной трапезы въ келліи Экзарха, мы повхали верхомъ, въ другую знаменитую обитель Св. Шію, которую основалъ онъ подлѣ своей пещеры, за 10 верстъ отъ Мцхета, и потому осталось ей народное названіе Шіомгвимской или пещерной. Туда пролегала дикая дорога по лесистымъ оврагамъ, сбывавшимъ въ глубокую долину Куры. На одной изъ горныхъ вершинъ, противулежащаго берега, еще видны были остатки Римскаго укрѣпленія и

древяго города Армаза, и одинокой церкви Св. Нины, гдѣ сокрушила она идоловъ. Недалеко отъ обители крутая гора преградила намъ путь, заслонивъ собою глубокую лощину, въ которой основалъ Св. Шіо свое пещерное жилище; съ трудомъ поднялись мы на ея вершину, оперенную лѣсомъ; она увѣнчана древнею церковью Св. креста, которая недавно упразднена и еще сохранила остатки стѣнной живописи. Подлѣ нее, подъ обрывомъ скалы, таится пещера, гдѣ еще недавно спасался подвижникъ Виссаріонъ. Памятуя строгое житіе прежнихъ отшельниковъ Мгвнскихъ, онъ не хотѣлъ поселиться въ обители съ прочею братією, и не согласился жить въ новомъ Преображенскомъ монастырѣ, который въ то время основался въ Тислѣхъ. Два раза извлекали его изъ любимого уединенія и дважды бѣжалъ онъ обратно; наконецъ удалился въ горы Осегин и тамъ, какъ слышно, былъ убитъ дикими жителями.

Съ каменистаго гребня, отдѣляющаго пустынь Св. Шіо отъ всего мірскаго, открывается величественный видъ на даль-

нее теченіе Кури и въ глубину долины, которую избрали себѣ убывающему земные Ангелы и небесные челоуки, следовашіе по стопамъ Сирскаго отца своего. До тысячи келлій, какъ гнѣздо птицъ, вѣсчены по всей поверхности горы, отъ вершинныя ея и до подошвы, гдѣ смиренно прислонилаеь обитель Св. Шіе; это дикое уединеніе, брешенное и забитою людьми въ объемъ утесовъ, сильно гласитъ о вѣчности челоуческому сердцу. Первые отшельники умѣли выражать внутреннее ихъ влеченіе, даже самымъ мѣстомъ своего подвига, и отъ того такъ дѣйствениа бываетъ проповѣдь, изъ глубины ихъ вертепъ, гдѣ самая прарада служить сѣ отголоскомъ. Начинаю вечереть, когда мы спустились съ горы, такъ что едва только оставалось намъ время осмотрѣть обитель; но тишина вечерняя, соединенная съ тишиною самаго мѣста, удвоила впечатлѣніе тихой пустыни, гдѣ казалось вовсе не было жизни; три только шюка, какъ тѣни; вышли къ намъ на встрѣчу; одинъ изъ нихъ едва уже бродилъ отъ старости;

но болѣе другихъ ревновалъ намъ пока-
зать свою родную святыню. Онъ былъ
рода княжескаго, и какъ болѣе видѣть,
что это княжеское почитаніе иконовъ
угасаетъ въ древнихъ обителяхъ Гру-
зін.

Черезъ обвалившуюся ограду, которая
однако не равнѣ останавливала неприятелей
въ смутныя времена царства, взойшли мы
на дворъ монастырскій; ограда пересѣкала
ущелье съ южной стороны, ибо не было
пристѣна съ другихъ, и даже теперь мог-
ла бы приносить пользу, потому что неда-
вно нѣсколько вооруженныхъ Осетинъ,
взошедши къ беззащитнымъ старцамъ,
отняли у нихъ послѣднее малое ихъ досто-
яніе. Наперть соборной церкви Успенія
украшена была башнями, теперь уже об-
рушенными. Царь Давидъ возобновитель,
вызвавшій изъ запустѣнія большую часть
храмовъ своего царства, былъ соорудите-
лемъ и сего собора, который замѣчате-
ленъ по широтѣ своей и громадности стол-
бовъ, поддерживающихъ его смѣлые све-
ды; вода нѣтъ. Иконостасъ складенъ изъ

капня, съ одними лишь царскими дверьми, безъ боковыхъ, и съ фресками вместо иконъ, какъ въ горной обители Здавленской. На немъ изображены Девусъ, Апостолы, великомученику Георгій и Димитрій и святые Феоданъ и Нина; ои послѣдняя икона, писанная на доскѣ, Греческой работы, и едва ли не старше всѣхъ изображеній равноапостольной жены, въ странѣ ея просвѣщенной. Есть и другая древняя икона, входъ въ Иерусалимъ; но самыя богатые изъ тѣхъ, которыя принадлежали обители, взяты были подъ сохраненіе Князьями Амилახваровыми и находятся теперь въ ихъ селеніи Чала, по дорогѣ въ Имперію. Жервенникъ отдѣленъ отъ алтаря: соответствующій ему приделъ Святителя Николая, ураздненъ, ибо едва только совершается богослуженіе на главномъ престолѣ, по недостатку братіи.

Гораздо ниже, у входа въ монастырь, стоитъ церковь рождества Претечи, современная святому Шю, съ четырьмя подпайшими приделами, направленными къ ней.

пристроенными, во имя сорока Мучениковъ, Св. Марины и Св. Георгія; четвертый не извѣстенъ. Иконостасъ такой же какъ въ соборѣ, съ фресками вмѣстѣ икопъ, но имѣеть северную дверь. Въ нижнемъ его ярусѣ сохранились три весьма древнія иконы, навапныя на камень: распятіе Господне, притча о омовеніи, и Симеонъ столпникъ благословляющій, съ вершины столпа своего, главу Сирскихъ отцевъ Іоанна. Иконы сіи могутъ быть современны основателю, ибо онъ совершенно подобны той, которая еще сохранилась въ обители Зедаземской. Четвертая икона Святой Троицы, вынута была изъ иконостаса и поставлена при входѣ въ церковь, на вратахъ убогой колокольни, которая сама едва держится отъ ветхости, какъ и самая церковь, если не подадутъ ей скорую помощь. Въ западной оконечности храма, тѣсное отверстіе, какъ въ Римскихъ катакомбахъ, служить устьемъ той пещеры, куда добровольно заключилъ себя святой подвизникъ. Шю въ отколѣ, по свидѣтельству Церкви Грузинской, чуднымъ образомъ явилось его свя-

тыя мощи, ибо онъ былъ погребенъ на мѣстѣ подвига. Шахъ Аббасъ, взявшій съ собою святыню сію, принужденъ былъ ее возвратить, по странному видѣнію и, во свидѣтельство своего благоговѣнія къ преподобному, устроилъ каменные двери въ его пещеру, которыми и теперь въ нее входятъ.

Давно уже былъ открытъ сей болѣе удобный входъ въ гробовую келлію, куда прежде нельзя было иначе спускаться, какъ по веревкѣ. Благочестивый Католикосъ Николай, изъ Царевичей Кахетинскихъ, бывшій въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нашимъ Патріархомъ Іовомъ, соорудилъ, предъ входомъ въ пещеру, обширную трапезную церковь, во имя преподобнаго, которая вся была расписана; но теперь уже и это величественное зданіе приходитъ въ ветхость, а въ верхнемъ храмѣ бываетъ только служба, въ день памяти Святаго, 9 Мая. Тогда ставятъ на его могилу свѣчу, которая сіяетъ изъ глубины вертепа, въ знаменіе его свѣтлыхъ подвиговъ. Съ умиленіемъ взошелъ я въ сію пещеру, которая

такъ живо свидѣтельствовала, о благодатной нобѣдѣ человека надъ тлѣннымъ міромъ, и помолился надъ гробовой плитою земнаго Ангела Шію. Житіе его полнѣе другихъ намъ сохранилось, ибо оно была описано, преподобнымъ Мартиріемъ Грекомъ, который сперва находился при Св. Іоаннѣ постникѣ, Патріархѣ Цареградскомъ, а потомъ долгое время снисался въ пустынной обители сего блаженнаго Аввы.

Сынъ богатыхъ родителей, въ славной нѣкогда Ангіохин, Св. Шію съ юныхъ лѣтъ почувствовалъ влеченіе къ духовной жизни; еще въ отрочествѣ изумлялъ онъ всѣхъ, глубокимъ знаніемъ священнаго писанія, такъ что родители начали опасаться за его житейскую будущность. На двадцатомъ году возраста благочестиваго юноши возсіяло яркое свѣтило въ соседней пустынѣ, Св. Іоаннѣ, и къ нему тайно пришелъ Шію, чтобы принять наставленіе духовное. Глава Сирскихъ отцевъ, духомъ провидѣлъ святость будущаго отшельника и назвалъ его по имени. Пораженный благодатнымъ явленіемъ великаго Аввы, Шію уже не хо-

тъль его оставлять, но не зная, какимъ образомъ убѣдить къ тому своихъ родителей. Іоаннъ успокоилъ его предсказаніемъ, что они сами облечутся въ образъ иноческій и тѣмъ дадутъ ему свободу слѣдовать влеченію своего сердца.

Однажды, въ день воскресный, Св. Шіо пригласилъ отца своего, подойти подѣ евангеліе, которое возглашалъ съ амвона діаконъ и они услышали: «нѣтъ никого, кто бы оставилъ домъ, или родителей, или жену, или дѣтей, для царствія Божія, и не получилъ бы болѣе во время сіе и въ вѣкъ будущій, жизни вѣчной.» (Лук. XVIII 19). Глубоко занало слово сіе въ душу старца; во время домашней трапезы, онъ сталъ разсуждать съ женою и сыномъ, что готовъ все оставить, еслибы только была устроена участь единственнаго ихъ наследника, счастливымъ бракомъ. Шіо обѣщався вступить въ бракъ, если будетъ пользоваться совершенною свободою, и, убѣдивъ родителей немедленно постричься, самъ отвелъ каждаго изъ нихъ въ различные обители, гдѣ простился съ ними на вѣки. Тогда, будучи полнымъ властелиномъ

богатаго имущества, освободилъ всѣхъ своихъ рабовъ, продалъ земли и роздалъ все достояніе нищимъ, сохранивъ себѣ одно только евангеліе, и съ симъ единственнымъ сокровищемъ, пошелъ въ пустыню къ Аввъ Іоанну. Тамъ, не теряя времени, принялъ отъ него схиму, и добродѣтель его рано просіяла; ибо до такой степени привыкъ онъ повиноваться своему учителю, что безъ малѣйшаго сомнѣнія исцѣлялъ всякаго рода недужныхъ, какихъ посылалъ къ нему Іоаннъ.

Протекли такимъ образомъ двадцать лѣтъ, въ непрестанномъ постѣ и молитвѣ; блаженный Шіо въ полномъ возрастѣ духовномъ, послѣдовалъ за своимъ учителемъ въ дальнюю Иверію, и съ нимъ поселился на горѣ. Когда же разсѣялась братія его, по дальнимъ предѣламъ для проповѣди слова Божіе, Св. Шіо испросилъ себѣ позволеніе основаться въ пустынь подлѣ Мцхета, для совершеннаго безмолвія. Іоаннъ предвидя, что скоро пустыня сія обратится въ многочисленную лавру, велѣлъ ему идти принять благословеніе отъ Католикоса, и поселился въ дикомъ ущелѣ.

ліи Шіо, одинъ со звѣрями, не касавшимися праведника. Онъ былъ однако тревожимъ непрестанно духами нечестыми, которые, подъ видомъ дикихъ звѣрей, не отступали отъ него, доколѣ сильно на нихъ не вооружился знаменіемъ креста. Именно Христовымъ отразилъ ихъ отшельникъ отъ своей пустыни, послѣ шестидневнаго поста, ибо сей родъ, по словамъ Господнимъ, изгоняется только молитвою и постомъ: тогда удостоился видѣть утѣшительное явленіе. Сама Божія Матерь носила его, съ Предтечею и ликами Ангельскими, предсказала будущую славу мѣста сего и обѣщала труженику, чудно питать его, какъ некогда Пророка Ілію, въ дикомъ уединеніи, куда не заходила нога человѣческая. Обильный источникъ воды заструился близъ пещеры святаго, и голубь, замѣнившій врана пророческаго, сталъ приносить ему ежедневную пищу, доколѣ не собралась къ нему многочисленная братія, ибо не хотѣлъ Господь, чтобы оставался подъ спудомъ такой свѣтильникъ.

Первымъ пришельцемъ былъ Евагрій,

юноша рода именитого, который увлекся лав-
лею въ дикое уединеніе и обрѣлъ въ пе-
щерь старца. «Кто ты человекъ Божій?»
съ ужасомъ спросилъ онъ дивнаго мужа и
услышалъ скромный отвѣтъ: «странникъ
восхваляющій Бога, вдали отъ мірской
суеты, дабы сдѣлаться ему приятнымъ.»
Воспламенился юноша и воскликнулъ:
«живъ Богъ и жива душа твоя! отнынѣ не
оставлю тебя и не возвращусь въ домъ мой!»
Старецъ, судя по его молодости и роско-
шной одеждѣ, не почиталъ его готовымъ
къ подвигу и совѣтовалъ возвратиться. Опе-
чалился Евагрій, онъ увѣрялъ, что луч-
ше готовъ умереть при ногахъ старца, не-
жели идти опять въ міръ. Тогда Св. Шю,
чтобы лучше испытать его вѣру и промы-
селъ о немъ Божій, далъ ему свой посохъ
и велѣлъ, на пути въ домъ свой, ударить
по водамъ, дабы по суху пройти ихъ, въ
знаменіе изволенія Божія къ подвижниче-
ской жизни: ни мало не сомнѣваясь немед-
ленно Евагрій данное ему повелѣніе.

Вельможа возвратился никуда; въ крат-
кій промежутокъ времени успѣлъ онъ

раздать все свое имущество нищимъ, сохранивъ себѣ одинъ только посохъ Аввы, съ коимъ чудно перешелъ рѣку. Онъ сдѣлался начеткомъ той братіи, которая постепенно собралась около старца; не часто однако наслаждалась братія его лицеархіемъ, ибо только по воскреснымъ днямъ выходилъ изъ пещеры Шію, для назиданія. Увидѣвъ однажды, какъ горько плакалъ одинъ изъ послушниковъ, надъ разбившимся сосудомъ воды, которую долженъ былъ носить ведалака, онъ тут же извелъ молитвенно живую струю изъ камня, по указанію явившагося ему Ангела. Когда соединились около святаго до двадцати пяти учениковъ, они стали просить его, чтобы устроилъ для нихъ церковь; Шію привычій, отъ первыхъ дней своей юности, испытывать всегда волю Божию, прежде нежели что либо предпринять, созвалъ всѣхъ учениковъ и возвелъ ихъ на гору, изъ востоку отъ своей пещеры. Тамъ молитвенно воскурилъ онъ енциамъ, вмѣсто каддила на собственной рукѣ, не qualлемой вѣшнымъ огнемъ, отъ избытка

внутренней пламенной любви къ Богу, и когда поднялся благовонный дымъ отъ сего живаго кадила, Авва послѣдовалъ за свѣтлою струею, до того мѣста гдѣ она остановилась и поднялась столбомъ облачнымъ къ небу. На трехъ различныхъ мѣстахъ указалъ онъ посохомъ чертежи трехъ храмовъ, во имя пресвятыя Троицы, Богоматери и Предтечи. Для совершенія же оныхъ ожидалъ помощи свыше и она ему пришла столь же неожиданно, какъ и все что случилось съ нимъ въ продолженіи его жизни.

Царь Фарасманъ скорбѣлъ на своего вельможу Евагрія, за то что посвятилъ себя жизни иноческой, пришелъ однако посѣтить его въ пустынь; тамъ увидѣлъ божественнаго учителя и припавъ къ ногамъ старца, сложилъ предъ нимъ царскій вѣнецъ свой; но смиренный отшельникъ поднялъ Царя, возложилъ опять вѣнецъ на главу его и утѣшилъ назидательнымъ словомъ. Властитель Иверіи предлагалъ ему исполнить всѣ его желанія, а старецъ предоставлялъ все на волю самаго Царя; Фарасманъ,

услышавъ отъ Евагрія, о трехъ предназна-
ченныхъ имъ храмахъ, съ ревностію хри-
стіанскою и съ могуществомъ царскимъ,
послѣдшилъ соорудить ихъ; вмѣстѣ съ Ка-
толикосомъ Макаріемъ и главою Отцевъ
Сирскихъ Іоанномъ, присутствовалъ онъ
при торжественномъ ихъ освященіи. Ника-
кія мольбы не могли однако убѣдить сми-
реннаго Авву, бывшаго уже діаконемъ въ
Сиріи, принять на себя санъ пресвитерскій,
вмѣстѣ съ настоятельствомъ обители. Онъ
указалъ для умножившейся братіи еще од-
но пустынное мѣсто, чтобы тамъ устроили
лавуру, а самъ продолжалъ спасаться въ
пещерѣ и ископалъ себѣ другое подзем-
ное жилище, подъ новою церковью Пред-
течи.

И звѣри сельные слушались гласа из-
бранника Божія, получившаго надъ ними
первобытную власть праотца Адама, ради
своей праведности. Братія, приставленные
смотрѣть за выючнымъ скотомъ богомоль-
цевъ, жаловались, что хищные звѣри без-
престанно пожираютъ сихъ мирныхъ жи-
вотныхъ, а сами они остаются въ отвѣт-

ственности предъ нихъ хозяевами. Опечалился Авва и помолился Богу, чтобы всѣ звѣри сей пустыни предстали къ его пещерѣ; едва кончилъ онъ свою молитву, какъ увидѣлъ предъ собою все дикое население окрестной пустыни, даже съ дѣтницами, которыхъ самки принесли въ пасти или на хребтѣ: всѣ они смиренно ожидали его повелительнаго гласа. Онъ же съ кротостію сталъ увѣщевать ихъ, какъ бы подобныхъ себѣ человѣковъ, ибо любви его не было чуждо ни какое твореніе Божіе. «Слушайте что скажу вамъ, говорилъ онъ, въдаетъ Господь, что и о васъ болитъ мое сердце, хотя вы и дикіе звѣри; но Богу угодно, чтобы пустыня сія наполнилась людьми, а потому, возлюбленные, удалитесь отсюда, и изберите себѣ другое какое либо мѣсто, для вашего жилища; но отходя не дѣлайте никому вреда, и одинъ изъ васъ пусть останется здѣсь, пасти ословъ братій моей, чтобы тѣмъ удовлетворить за частыя ваши похищенія.» Сказавъ и, при словѣ отшельника, всѣ звѣри быстро убѣжали съ дѣтницами своими за Куру; остался

однѣ волкъ, избранный имъ для храненія скота, и ему повелѣлъ онъ довольствоваться тою же пищею, какою питалась братія. Шестъ лѣтъ покорно исполнялъ должность пастырскую, бывшій хищникъ овецъ, и каждый вечеръ смиренно приходилъ въ свое логовище, къ пещерѣ Аввы, доколѣ однажды не подвергся нареканію отъ одного изъ иноковъ, въ похищеніи имъ осла, который однакоже обрушился въ пропасть. Обвиненный зверь, съ смѣтливостію домашняго пса, повлекъ несправедливаго инока къ пропасти, гдѣ лежалъ его оселъ, и когда послѣдовавшій за ними старецъ увидѣлъ правоту звѣря, онъ отпустилъ его на свободу, въ вознагражденіе за претерпѣнную имъ клевету. Такова была справедливость святаго, даже въ отношеніи безсловесныхъ; а между тѣмъ всякаго рода исцѣленія непрестанно истекали по его молитвѣ, приходившимъ въ его пустынь.

Настала послѣдняя эпоха подвижничества Св. Шію, къ которой онъ готовился въ теченіе цѣлой жизни, долгою борьбою

противъ самаго себя. Глава отцевъ Іоаннъ пожелалъ, прежде своего отшествія, видѣть ближайшихъ учениковъ своихъ и посѣтилъ лавру Мгвимскую; тамъ его собственная святость и каждаго изъ нихъ обнаружила въ чудныхъ дѣяніяхъ. Въ послѣдній разъ проводили его ученики, на высокую гору Зедазенскую, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ прожили первые четыре года страннической своей жизни въ Иверіи. Св. Шіо, бросившись съ дѣтскою покорностію къ ногамъ блаженнаго учителя, умолялъ его, позволить ему довершить начатый подвигъ безмолвія, добровольнымъ заключеніемъ въ недрахъ пещеры, и не усомнился Іоаннъ, благословить его на сіе крайнее самоотверженіе; онъ зналъ силу души его и что еще болѣе возсіяетъ свѣтъ его міру изъ глубины пещеры. Онъ только велѣлъ испросить согласіе Католикоса и съ горькими слезами они простились, предчувствуя, что уже во временной жизни видѣлись въ послѣдній разъ. Не воспротивился Католикосъ пламенному желанію Аввы и сказалъ ему въ напутствіе: «иди, отче, по сей во-

вой и тѣсной стезь, которую не многіе искали для достиженія вѣчной жизни; да будетъ тебѣ избранная тобою пещера лѣствицею къ небу, и мракъ ея водителемъ къ невечернему свѣту, а временный недугъ начаткомъ вѣчнаго покоя и радости нескончаемой, которая есть наслѣдіе пожившихъ во благихъ дѣлахъ.»

Труднѣе было Аввъ убѣдить братію свою, къ произвольной съ нимъ разлукѣ, въ столь близкомъ отъ него разстояніи. Съ любовію привѣтствовалъ ихъ Св. Шіо, и открылъ имъ свое намѣреніе; горькія слезы были ему отвѣтомъ. Напрасно представляли ему, что оставляя ихъ сирыми беретъ на себя тяжкую отвѣтственность, и что уже довольно великъ собственный его подвигъ, не сходя еще за живо въ могилу. Старецъ напомнилъ имъ въ свою очередь, о величайшихъ подвижникахъ Антонію и Макарію, которые, въ минуту своего исхода, еще сомнѣвались въ правотѣ своей жизни, и, не дерзая сравнивать себя съ ними, страшился осужденія, если хотя въ послѣдніе дни не усугубитъ покаянія.

Онъ молилъ братію испроить у Бога, чтобы избранная имъ пещера послужила поконцемъ окаянному его тѣлу, и предоставилъ имъ избрать себѣ настоятеля; братія же не хотѣла сама себѣ назначить начальника при его жизни. Тогда Св. Шіо вручилъ посохъ свой старшему изъ учениковъ Евагрію и передалъ писменно поученія свои братіи, дабы и послѣ не были лишены его назидательнаго слова. Потомъ пришелъ со всѣми въ церковь Предтечи, внутри коей находился спускъ въ глубокую пещеру, имъ избранную для послѣдняго жительства. Тамъ въ послѣдній разъ помолился посреди учениковъ, благословилъ и поцѣловалъ каждого изъ нихъ, и сѣвъ надъ устьемъ пещеры, какъ бы на краю могилы, сказалъ имъ еще заживо послѣднее трогательное слово, о томъ, какъ они должны готовить себя къ вѣчности. Тогда погрузился предъ лицемъ всѣхъ, въ пещеру, и уже съ той поры они болѣе не видали своего блаженнаго Аввы. Одинъ только инокъ ежедневно спускалъ ему въ отверстіе скудную пищу, которой однако

никогда не доканчивалъ затворникъ , ибо жилъ уже почти какъ безплотный, проводя всѣ свои дни на молитвѣ, и пѣніемъ псалмовъ возбуждая себя къ ежечасному бдѣнію. Тѣло его почернѣло отъ поста, кости, по выраженію псалмовъ, ссохлись какъ сушила, но духъ бодрствовалъ до послѣдней минуты. Когда же, по откровенію Божію, почувствовалъ, что приближается кончина, онъ призвалъ священника, который спустился въ пещеру и приобщилъ его святыхъ таинъ. Простерши къ небу руки, на колѣняхъ, предалъ онъ Богу праведную свою душу, завѣщавъ погребсти тѣло свое въ пещеръ, и братія исполнила его послѣднюю волю; мощи его служатъ доселѣ огражденіемъ обители, которая одна изъ немногихъ уцѣлѣла, посреди частыхъ опустошеній Грузіи.

Поздно вечеромъ мы возвратились въ Мцхетъ, и только на другой день утромъ могли ѣхать обратно въ Тифлисъ, откуда мнѣ предстояло другое, болѣе пространное путешествіе въ Арменію.

ЛѢТОПИСЬ ГРУЗИИ.

Когда видишь столько великолѣпныхъ памятниковъ, теперь уже обрушенныхъ или забытыхъ въ пустынь, невольнымъ образомъ приходитъ на мысль, вникнуть въ лѣтопись той поэтической земли, которая доселѣ ихъ носить, на гребнѣ своихъ скалъ, или во мракѣ своихъ дубравъ и на берегу горныхъ потоковъ. Но къ несчастію однѣ только сіи каменные скрижали сохранились вмѣсто лѣтописи, ибо царство возникло, процвѣло и увяло, безъ исторіи, хотя еще доселѣ много неразрытыхъ грамотъ и отрывковъ лѣтописей хранится въ храмахъ

Михета и Гелата, и по другимъ монастырямъ. Правда Царь Карталинскій Вахтангъ VI, окончившій дни свои въ Россіи, старался, въ началъ минувшаго столѣтія, составить нѣчто цѣлое изъ сихъ отрывковъ; но слишкомъ поздно царственная рука коснулась преданій отечественныхъ, когда до него не были они своевременно записаны, какъ у насъ сказанія Нестора и его продолжателей. Сынъ Вахтанга, Царевичъ Вахуштій, сократилъ уже въ Россіи, начало лѣтописи родителя и дополнилъ ее подробнымъ описаніемъ четырехъ послѣднихъ столѣтій, но и его трудъ неудовлетворителенъ, по неуказанію на источники; онъ основывается на словъ царскомъ Вахтанга, а Вахтангъ смѣшиваетъ баснословныя преданія съ истинными, глухо ссылаясь на монастырскія грамматы, да и трудно писать исторію давно-минувшаго, чрезъ столько вѣковъ.

Лѣтописи Грузіи, какъ и всѣхъ древнихъ племенъ Азіи, начинается почти отъ потопа, ибо Таргамось, чрезъ сыновей своихъ Гайка и Картлоса, общій родоначальникъ Армянъ и Грузинъ, былъ правнукомъ Ноя.

Страшно вдаваться въ такую туманную дѣль, или сходить по всемъ патриархальнымъ и царственнымъ ступенямъ, Картлоса, Мцхетоса, Уплоса, которые дали имена свои цѣлому народу, и столицѣ Карталинской и пещерному городу Уплисхихе, до времени болѣе намъ знакомыхъ завоевателя Македонскаго, Персовъ и Римлянъ. Замѣчательно, что самое названіе Грузію или Георгію неизвѣстно ея народу, который зоветъ себя Картлами, и усвоено ему только въ средніе вѣка, отъ Арабовъ и Турковъ, быть можетъ по глубокому уваженію всего народа Грузинскаго къ памяти великому-ченика Георгія, или отъ Арабскаго названія рѣки Куры, Джуръ, отчего происходитъ слово Джуржистанъ. Нашествіе Скивоовъ изъ-за Кавказскаго хребта, 600 лѣтъ до Р. Х., поселеніе ими Мидійскихъ колоній, Яссовъ или Осетинъ, въ горахъ Кавказа; иное переселеніе Евреевъ въ предѣлы Грузію, послѣ разоренія ихъ царства Навуходожосоромъ; походы Кира и, въ слѣдствіе ихъ, пришествіе нѣсколькихъ семействъ Китайскихъ или Туранскихъ, подѣ

предводительствомъ Орбеліановъ; иго Персовъ и завоеваніе царства потомковъ Ноевыхъ Александромъ великимъ: — все это, огромными тѣнями, падаетъ на древнюю землю Иверскую и, въ хаосъ всолянскихъ событій, мелькаютъ только нѣсколько великихъ именъ.

Послѣ витязя Македонскаго, возстаетъ опять прежняя династія потомковъ Картлоса, въ лицѣ Фарнаваза, который освобождаетъ страну свою отъ чуждыхъ властителей и утверждаетъ въ ней огненоклонство; но уже сынъ его долженъ уступить болѣе сильной династіи Арсакидовъ или Паравъ, которые въ одно время заняли престолы Персін, Арменіи и Грузіи, и вотъ являються новые завоеватели: Помпей съ Римскими легіонами, которыхъ навлекла на дальнюю Иверію война съ союзникомъ Митридата, со всемірными владыками. Мирзанъ и Аршакъ, послѣдніе изъ племени Картлосова, возсѣли опять на тронъ предковъ; съ началомъ Христіанской эпохи Арсакиды водворились въ Грузіи и отъ Адеркія, или Фаразмана, венчавшагося въ годъ Рождества Христо-

ва, до Асфагура сына Мирдатова, въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій, они удержали за собою царство. Переменная династія въ Персіи измѣнила ее и въ Грузіи; Сассаниды заступили мѣсто Арсакидовъ, которые держались еще нѣкоторое время только въ Арменіи. Сапоръ I-й овладѣвъ Мцхетомъ и поставилъ тамъ сына своего Миріана, женивъ его на дочери послѣдняго Царя.

ДИНАСТІЯ САССАНИДОВЪ. МИРІАНЪ.

318 Сему Миріану суждено было содѣйствовать равноапостольной Нинѣ, и память его донынѣ осыпается благословеніями. Онъ вступилъ въ родственную связь съ великимъ Тиридатомъ, Царемъ Армянскимъ, который въ то же время просвѣтился Христіанствомъ: но въ Арменіи начало его ознаменовалось кровію невинныхъ дѣвъ и мученіями Святителя Григорія; въ болѣе же кроткой Иверіи одно евангельское слово плѣнницы Нины, подвигло Царя и весь народъ на путь спасенія. Сынъ Миріана Бакуръ, рассказавшій въ Іерусалимѣ лѣтописцу

Руфину о просвѣщеніи родной земли, на-
слѣдовалъ престолъ родителя и утвердилъ
начатое имъ дѣло спасенія, сооруженіемъ
многихъ храмовъ. Отъ него и до Вахтан-
га Гургаслана или волко-льва, такъ про-
званнаго по своимъ воинскимъ доблестямъ
и по украшенію шелома, слабое царство
Иверское боролось со всею силою Персовъ,
которые угнетали въ немъ Христіанство;
равно какъ и въ Арменіи, для того чтобы
опять водворить языческое поклоненіе огню.
Но Вахтангъ, прославившійся своими похо-
дами въ Индію и Іерусалимъ, свергнулъ на
время его Персидское, укрѣпилъ вѣру Хри-
стову на прочныхъ основаніяхъ, умножилъ
до 12 число епархій и испросилъ себѣ не-
зависимаго Католикоса, отъ Патріарха Ца-
реградскаго. Бракъ его съ Еленою, до-
черью Греческаго Императора Льва, не
мало послужилъ къ успѣху его церков-
ныхъ дѣйствій; это было въ исходѣ V 499
столѣтія. Великолѣпный соборъ Мцхета и
Метехскій въ Тифлисъ суть памятники
славы Вахтанга; онъ основалъ и новую сію
столицу, которая похитила древнюю славу

Михета. Сынъ его Арчиль перенесъ туда престолъ и съ тѣхъ поръ начинается упадокъ царства, обуреваемого Персами, слабо защищаемаго Императорами.

535 При его правнукѣ Фаразманѣ VI, тринадцать Сирскихъ отцевъ пришли въ Грузію и были вторыми ея просвѣтителями послѣ святой Нины, ибо они основали уединенныя обители и заняли кафедры епископскія, въ мѣстахъ наиболее подверженныхъ вліянію язычниковъ, и сильно противодѣйствовали Магамъ Персидскимъ. Лѣтосчисленіе Грузинское не сходно съ Греческимъ, о времени ихъ пришествія, относя оное почти на цѣлое столѣтіе впередъ, какъ и всѣ событія сей эпохи, по сбивчивости принятой эры: она считаетъ годы съ возмѣствія Багратитовъ на престолъ Грузин, т. е. съ 780 года, такъ называемыми хрониконами, которые состоятъ каждый изъ 532 лѣтъ: это есть число большаго пасхальнаго круга, или индикта; на такіе хрониконы разбито все лѣтосчисленіе Грузинское; а Вахуштій считаетъ такимъ образомъ даже отъ сотворенія міра. Отъ того про-

исходить частыя ошибки, ибо въ граматахъ и надписяхъ не бываетъ указано, какой именно круговращается хрониконъ? и не рѣдко надобно отгадывать эпоху, по современнымъ событіямъ.

Шестое столѣтіе и начало седьмого тягостны были Грузинъ, кровопролитными войнами могущественныхъ Хозроевъ Персидскихъ съ полководцами Императора Лустиана и потомъ съ самимъ Иракліемъ; поприщемъ ихъ были Имеретія, Иверія и Арменія. Въ это время преехлась царственная династія Сассанидовъ, въ лицѣ Бакурія сына Фаразманова, и новая Багратидовъ, ведущая родъ свой отъ Царей Іудейскихъ, вступила на престолъ Картлоса и Миріана. При Бакуріѣ были и послѣднія гоненія отъ огнепоклонниковъ Персовъ, и царственная Сусанна пострадала отъ мужа своего Князя Васкена, за твердое исповѣданіе вѣры Христовой. Съ тѣхъ поръ другія гоненія, уже не отъ язычниковъ, а отъ Магометанъ, какъ бы въ огненномъ горнилѣ, испытывали чистоту вѣры обуреваемого народа Гру-

зинскаго, сохранившаго вѣру отцевъ и сохраненнаго ею.

Трудно разобрать родословіе знаменитой фамиліи Багратидовъ, которая старается доказать непрерывное свое происхожденіе отъ Царя Пророка, и уже славилась симъ священнымъ родствомъ, въ первыя времена Христіанства. Императоръ Константинъ Багрянородный свидѣтельствуесть о томъ въ X столѣтіи; а предшествовавшіе ему историки Армянскіе и всѣхъ древнѣйшій Моисей Хорренскій говорятъ: что одинъ изъ знаменитыхъ плѣнниковъ Іудейскихъ, освобожденный Навуходовосоромъ по ходатайству Царя Армянскаго, поселился при дворѣ своего благодѣтеля, еще за полтора ста лѣтъ до Р. Х. Вагаршакъ, первый изъ рода Арсакидовъ, предоставилъ Баграту и его потомству исключительное право вѣнчать на царство властителей Арменіи. Весьма вѣроятно, что для полученія такого преимущества должно было имѣть что-либо священное въ своихъ семейныхъ преданіяхъ, ибо на Востокъ свыше всего уважается древность рода. Съ тѣхъ поръ уси-

лились Багратиды и приобрѣли нынѣшнія области Карса и Эрзерума; тамъ пользовались они почетными титулами Эмировъ, Куроналатовъ и Патриціевъ, отъ Царей Персидскихъ, Халифовъ и Императоровъ, доколѣ наконецъ, въ лицѣ великаго Ашота, не воцарились на престолѣ Армянскомъ, въ IX столѣтіи. Здѣсь есть несогласіе между лѣтописью Армянскою и Грузинскою: Армяне производятъ властителей Иверскихъ, отъ одного корня съ своими Царями, такъ что по ихъ лѣтосчисленію Ашотъ и Багратъ, воцарившіеся въ одно время, были между собою братья въ четвертомъ колѣнѣ, происходя отъ Сембата и Васака, сыновей общаго ихъ родоначальника Ашота. Но царственный лѣтописецъ Вахтангъ, вѣроятно по взаимной нелюбви обоихъ народовъ, не указываетъ на такое начало, а темно выводитъ родъ свой отъ семи братьевъ Еврейскихъ, будто бы происходившихъ, въ 58 колѣнѣ, отъ Царя Пророка, и въ V вѣкъ пришедшихъ изъ Палестины въ южную часть Иверіи, къ нѣкоей Царицѣ Рахили, гдѣ приняли святое крещеніе; третій изъ

нихъ Гурамъ женился на внуку Вахтанга Гургъ-Аслана и поселился въ предѣлахъ Карса.

Внукъ его, также Гурамъ, первый поставленъ былъ на царство Иверское, въ исходѣ VI вѣка, Императоромъ Маврикіемъ, по малолѣтству дѣтей Бакаровыхъ; онъ былъ основателемъ въ Тифлисѣ собора Сіонскаго, который такимъ образомъ носитъ на себѣ печать рода Багратидовъ. Но по смерти великаго отца, Стефанъ не смѣлъ воспріять титула царскаго, ибо не кому было утвердить его, по возникшей войнѣ между Иракліемъ и Хозроемъ; услышавъ о первыхъ успѣхахъ Хозроя, овладѣвшаго святымъ градомъ, онъ поспѣшилъ ему покориться. Ираклій, освободивъ Іерусалимъ, хотѣлъ наказать властителя Иверскаго, за его непостоянство, и овладѣлъ Тифлисомъ, послѣ долгой осады горнаго замка. Тогда же возвратилъ онъ сыну Бакурову Адарнасу, или Аванасію, царственное наслѣдіе его предковъ и, по согласію Патріарха Антиохійскаго, предоставилъ Католикосамъ Иверскимъ самостоя-

тельное ихъ избраніе, безъ дальнѣйшаго утвержденія; но, съ этого времени теряется ихъ лѣтописный порядокъ и вѣроятно прекратилось самое преемство, по смутнымъ обстоятельствамъ, ибо наступила самая горькая эпоха для Грузіи. Посреди ея разгрома явились новые завоеватели Арабскіе, которые съ огнемъ и мечемъ проповѣдали Коранъ, тамъ гдѣ еще дымились слѣды губительнаго огнепоклонства.

Стефанъ, сынъ Адарнасіевъ, принужденъ былъ удалиться въ Мингрелію; сыновья его, Миръ и Арчилъ, остались охранителями царства и горько запечатлѣли именами своими бѣдственную сію годину на будущія времена. Родственный Магомету, Халифъ Мурванъ, прозванный глухимъ отъ того, что не внималъ никакому прекословію, однимъ опустошительнымъ нашествіемъ разорилъ всю Иверію, Имеретію и Черное море. Напрасно воспротивились ему князья витязи Аргветскіе, Давидъ и Константинъ: мучениками нали они въ Кутаисѣ. Напрасно державный Миръ хотѣлъ съ нимъ бороться слабыми своими силами; онъ по-

лучилъ въ битвѣ смертельную рану и поручилъ царство свое брату Арчилу, подъ покровительствомъ Императора Константина, который прислалъ ему за подвиги вѣнецъ царскій. Но Арчила ожидалъ, послѣ многихъ испытаній, иной болѣе свѣтлый вѣнецъ мученической. Нѣсколько лѣтъ спустя, намѣстникъ Халифа, взявъ его въ плѣнъ, отсѣкъ голову за мужественное исповѣданіе имени Христова; церковь Грузинская совершаетъ память мученика 718
ря, 21 іюня. Дѣти его Іоаннъ и Джуанширъ, остались слабыми правителями слабой державы, отовсюду обуреваемой врагами внѣшними и внутри еще раздѣлившейся на удѣлы. Различныя отрасли Багратидовъ властвовали въ южныхъ предѣлахъ Таосскихъ, около Ахалциха и Карса; Абхазія повиновалась наследственнымъ воеводамъ Греческимъ, утверждаемымъ отъ Императоровъ, съ титулами Патриціевъ и Куропалатовъ; въ Кахетіи были свои особые властители изъ племени Сассанидовъ, между коими болѣе всѣхъ прославился Кирионъ, основатель Алавердскаго собора.

Тифлисъ сдѣлался на четыреста лѣтъ мѣстомъ пребыванія намѣстниковъ Арабскихъ, которые иногда отлагались отъ верховной власти Халифовъ и тѣмъ навлекали новыя опустошительныя нашествія, на страждущую отъ нихъ страну; совершенное ея безначаліе отзывалось всеми ужасами междоусобій.

ДИНАСТІЯ БАГРАТИДОВЪ. АШОТЬ.

Тогда опять возникаетъ могущественный родъ Багратидовъ. Въ исходѣ VIII вѣка Ашотъ Куропалатъ, владѣтель Кларджетскій, правнукъ Царя Гурама Багратіона и самъ женатый на дочери слабаго Джуншпира, съ помощію зятя своего Феодосія, властителя Абхазскаго, изгналъ Эмира Сарацынскаго изъ Тифлиса и побѣдилъ союзнаго ему владѣтеля Кахетин, Поддерживаемый Греками, онъ до тридцати лѣтъ властвовалъ въ предѣлахъ Иверіи, щастливо сражаясь съ Сарацинами: но подъ конецъ ему измѣнилось счастье, и преследуемый врагами, умерщвленъ былъ въ стѣ-

нахъ своей крѣпости Артануждской. Малолѣтныя сыновья его держались нѣкоторое время въ ущеліяхъ Ахалцихскихъ; однако родъ Ашота утвердился на престолѣ, хотя и продолжались междоусобія. Халифъ Махметъ, сынъ Валида, вступивъ въ Грузію для покоренія возмущившагося эмира 841 Тифлисскаго, призналъ Царемъ Баграта I, сынъ Ашотова, и во все время жестокихъ раззореній Эмира Буги, слабый владѣтель держался въ своей наследственной области, которую передалъ по себѣ сыну Давиду. Давидъ сей памятенъ только основаніемъ храма, въ честь иконы Хахульской Божіей Матери въ Кларджетъ: война съ владѣтелемъ Абхазіи Георгіемъ и единокровными ему князьями почти заняла, все его царствованіе; онъ былъ наконецъ убитъ-однимъ изъ нихъ Нерзесомъ, и титулъ царскій перешелъ сыну его Адарнасію. Но сей новый властитель укрѣпился на царствѣ, одолевъ всѣхъ своихъ соперниковъ и вступилъ въ тѣсный союзъ съ Царемъ Армянскимъ Сумбатою: оба они взаимно вѣчали другъ друга, по праву,

предоставленному съ давнихъ лѣтъ роду Багратидовъ.

Опустошительное нашествіе эмира Абул-каси́ма, посланнаго Хамфомъ противъ Буги, разорило еще однажды бѣдствующую Грузію, и пало много жертвъ его ярости. Въ числѣ подвижниковъ, увѣнчавшихся вѣнцомъ мученій, Церковь Грузинская празднуетъ память святаго Або, который пострадалъ въ Тифлисѣ за свое обращеніе, изъ ирака Магометанскаго къ свѣту Христову, и князя Михаила Габрова. Мужественно защищая въ Кахетин свой родовой замокъ, онъ былъ обезглавленъ эмиромъ, ибо не хотѣлъ отречься отъ Господа Иисуса. По удаленіи жестокаго Абул-каси́ма, Царь Адарнасі́й заключилъ союзъ съ владѣтелями Кахетин Киріономъ и Абхазин Константиномъ, чтобы впредь противустоять подобнымъ нашествіямъ, но всѣ три скончались вскорѣ послѣ союза. Слабый Сумбатъ заступилъ мѣсто Адарнасі́я, безъ титула царскаго; владѣтель Абхазскій Георгій, овладѣлъ предъ его глазами Карталинсію и провозгласилъ тамъ сына своего

Константина; но мѣстомъ пребыванія сихъ непрочныхъ властителей былъ пещерный городъ Уплисцихе, а не Тифлисъ, постоянно занятый эмирами.

938 Столь же слабый сынъ Сумбатовъ, Давидъ, прослывшій юродивымъ и названный Багратомъ, въ отличіе отъ своего знаменитаго дяди Куропалата Давида, получилъ царственное наслѣдіе тревожимое сильными удѣльными князьями; но помощникомъ его былъ сей великій Давидъ, истинный Мономахъ Багратидовъ, мирившій между собою князей и силою одолевавшій непокорныхъ. Не имѣя дѣтей, онъ усыновилъ внука царскаго Баграта, которому суждено было соединить на главѣ своей вѣнцы Карталиннн и Абхазіи, ибо Куропалатъ объявилъ его, при жизни дѣда, Царемъ Карталинскимъ и уступилъ ему свою наслѣдственную область Таосскую; а когда умеръ послѣдній владѣтель Абхазіи, слѣпой Феодосій, Давидъ поставилъ тамъ Царемъ того же Баграта, такъ какъ по матери онъ былъ его племянникомъ. Отецъ юнаго Царя, Гургентъ, не любимый своимъ юродивымъ

родителемъ, назначенъ былъ въ соправители сыну и на краткое время наследовалъ престолъ отца. Памятью втораго Баграта остался донинѣ величественный соборъ Сіонскій, въ Атенской долинѣ, ибо около сихъ мѣстъ была родовая его область. По смерти же Гургена и великаго Давида всѣ удѣлы, бывшіе во власти Багратидовъ и Князей Абхазскихъ, достались въ 1008 году одному Баграту, третьему по списку Царей сего имени. Отъ сего времени начинается собственно исторія Грузіи и періодъ ея славы, продолжавшійся до трехъ столѣтій, хотя и со многими перемѣнами счастья, и сему періоду принадлежатъ всѣ лучшіе памятники ея зодчества.

ПЕРІОДЪ СЛАВЫ. БАГРАТЪ III.

Царствованіе Баграта III протекло въ усмиреніи сосѣднихъ владѣтелей Кахетіи и Ганжи, или области Ранской, горскихъ князей, и единокровныхъ ему Багратидовъ, еще не привыкшихъ къ единовластію; опасные соперники вставали для его по-

Часть I.

14

томковъ и въ Орбельянахъ, властителейъ Тріалетскихъ. Мощная рука Баграта все держала подъ своимъ скиптромъ и намятникомъ его свѣтлаго царствованія остался великолѣпный соборъ, основанный имъ въ Кутаисъ, куда перенесъ онъ свою столицу. И въ дальнемъ Іерусалимѣ отозвалась его слава, ибо тамъ соорудилъ онъ обширную обитель честнаго креста, для многочислен-
1014 ныхъ богомольцевъ Грузинскихъ. Сынъ его Георгій имѣлъ опаснаго непріятеля, въ Императоръ Греческомъ Василіѣ Вулгаротонѣ, который хотѣлъ покорить власти своей Царей Абхазскихъ и принудилъ его дать себѣ въ заложники юнаго сына, Баграта. Но время его пребыванія въ Царьградѣ послужило въ пользу будущему его царству, ибо юноша пріобрѣлъ тамъ образованіе Византійское и въ послѣдствіи вступилъ въ родственную связь съ Императоромъ. Романъ выдалъ за него дочь свою Елену и почтилъ титуломъ Куроналата. Много древней святыни, какъ во дни Миріана и Вахтанга Гург-аслана, принесено было опять въ Грузію, благочестивою ца-

ревшою, и съ нею вмѣстѣ пришли художники Греческіе довершить соборъ Кутанскій.

Полувѣковое царствованіе четвертаго 1027 Баграта почитается самымъ цвѣтущимъ для словесности Грузинской, которая развилась подъ благодатнымъ дыханіемъ Византіи. Еще во дни втораго Баграта, именитый воевода области Таосской, Іоаннъ Торникій, который оказалъ много услугъ Греческой имперіи, удалился во святую гору Аѳонскую и основалъ тамъ обитель Иверскую; вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Евиміемъ; за ними послѣдовали и другіе почетные мужи Грузіи. Они исключительно посвятили себя предложенію святаго писанія на родственный языкъ и образовали его по примѣру Греческаго, переводами духовныхъ пѣсней и твореній великихъ Отцевъ Церкви Восточной. Пятдесятъ лѣтъ спустя, въ полномъ блескѣ уже была обитель Иверская на Аѳонѣ, славившаяся своимъ ученымъ братствомъ и обширною бібліотекою; выходцы Аѳонскіе приходили просвѣщать свою родину, и въ числѣ ихъ наиболее прославились Іоаннъ Хахульскій,

прозванный Златоустомъ своего времени, Иоаннъ Патрикій, неподражаемый по красоте слога, и Георгій Святгорецъ, окончательно исправившій переводъ святаго писанія. Можно бы назвать еще до двѣнадцати иноковъ современныхъ, ознаменовавшихъ себя въ разныхъ отрасляхъ наукъ, богословіи, философіи и словесности. Это золотой вѣкъ просвѣщенія Иверскаго, котораго послѣдніе поэтическіе отблески достигаютъ царствованія Тамари, правнучки Багратовой, и потомъ гаснутъ среди бѣдственныхъ переворотовъ родной страны. Церковь причла древнѣйшаго изъ всѣхъ Иларіона, Евѳимія и Георгія Аѳонскихъ, къ лику святыхъ.

Не мирно протекло однако долгое царствованіе великаго Баграта: Кахетія и Ганжа часто нарушали спокойствіе; самый Тифлисъ продолжалъ быть столицею Эмировъ, хотя дважды подвергался осадѣ Царя; но онъ оставлялъ его въ рукахъ Турковъ, обращаясь для усмиренія близкихъ къ нему Орбелянцовъ. Собственный братъ его Димитрій, поддерживаемый Греками и Липаридомъ Орбеляномъ, подымалъ про-

тивъ него знамя бунта, и однажды Багратъ, разбитый ими, принужденъ былъ удалиться въ Абхазію, а потомъ въ Царьградъ; тамъ снискалъ себѣ довѣренность Императора Константина Мономаха и съ помощію его покорилъ возмущившихся. Дмитрій умеръ въ Анакопи, а малолѣтній сынъ его скрылся въ горахъ Осетин, отколь потомки его взошли опять на престолъ Грузіи. Тогда новая ужасная гроза нахлынула на царство Баграта: сильные Султаны Сельджукидовъ, Тогруль-бекъ и братъ его Альпъ-арсланъ, одинъ за другимъ вторглись въ Арменію и южные предѣлы Грузіи, съ огнемъ и мечемъ, все разоряя предъ лицемъ своимъ, и принудили Баграта сдѣлаться на время ихъ данникомъ; сосѣдніе ему владѣтели не имѣли силы воспротивиться губительному нашествію, а роскошныя долины Арменіи и Грузіи манили къ себѣ дикихъ завоевателей; послѣдній же Царь Армянскій Гагикъ находился пѣвникомъ въ Царьградъ; его бѣдствующая столица Ани подверглась всѣмъ ужасамъ разоренія и отдана была Султанами во владѣніе Магометанскому Эмиру.

1072 Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ окончили дни свои Багратъ, оставивъ сыну своему и преемнику, Георгію II, опустошенное царство, въ ожиданіи новыхъ губительныхъ нашествій и не менѣе гибельныхъ междоусобій, ибо сынъ Липарида, Іоаннъ, и Кахетинскій владѣтель доходили даже до Кутанса. Явился новый завоеватель изъ тогоже сильнаго племени Сельджукидовъ, Мелекъ-Шахъ, и дважды наступалъ на области Грузіи; дважды отразилъ его Георгій; пользуясь краткимъ отдыхомъ, приобрьлъ онъ отъ Грековъ оставленныя имъ области Армянскія, съ столичнымъ городомъ Ани; но третіе нашествіе Мелекъ-Шаха было бѣдственнo для Георгія. Обращенный въ бѣгство, онъ принужденъ былъ спасаться въ Абхазіи и потомъ идти въ дальнюю Испанію искать милости у Шаха; а между тѣмъ все его царство было разоряемо ордами Турецкими; города и обители преданы запустѣнію, жители бѣжали въ горы и пепломъ развалинъ покрылась страждущая земля Иверская; Георгій преждевременно скончался.

ДАВИДЪ ВОЗОБНОВИТЕЛЬ.

Тогда, посреди избытка золъ, возсіялъ 1089 лучъ спасенія, и пятнадцатилѣтній юноша Давидъ, воцарившись на мѣсто отца, сдѣлался возобновителемъ своего царства, которое совершенно поднялъ изъ развалинъ и поставилъ на высокую степенъ благоденствія. Стодвадцатилѣтній періодъ, отъ начала Давидова до кончины правнуки его Тамари, есть время могущества Грузіи, и это можетъ объясниться тѣмъ, что въ сіе самое время крестовые походы отвлекли отъ нее полчища Турецкія къ югу и дали развернуться собственнымъ сллямъ отдохнувшей страны.

Не вдругъ однакоже и не такъ легко отвыкали Сельджукиды отъ частыхъ своихъ наваденій на беззащитную дотолѣ Грузію, и ея освобожденіе стоило много крови имъ и Давиду. Онъ долженъ былъ еще сразиться со всеми полчищами Мелекъ-Султана, шедшаго по слѣдамъ отцевъ, и потомъ опять съ болѣе сильною ратію, собранною противъ него по волѣ Халифа;

ибо ему жаловались магометанскіе власти-тели на возрастающее могущество Христіанъ Иверскихъ. Не менѣе заботы было великому возобновителю, избавить страну свою отъ постоянного въ ней жительства ордъ Турецкихъ, которыя, со времени Тогруль-Бека, приходили селиться въ южныхъ плодородныхъ долинахъ Арменіи, или кочевать въ нихъ со стадами, какъ бы въ собственныхъ предѣлахъ. Давидъ, всюду присутствуя своимъ неутомимымъ гениемъ, внезапно являлся тамъ, гдѣ наименѣе его ожидали и малымъ числомъ поражалъ тысячи: то воевалъ онъ въ горахъ съ непокорными племенами, то; испросивъ помощь у тестя своего Князя Кивчакскаго, поселялъ горныхъ Осетинъ въ опустошаемыхъ Турками равнинахъ и тѣмъ обращалъ ихъ къ Христіанству. Всѣ пути Кавказа были ему отперты, со стороны Абхазіи и Дарьяла; но и въ Дербентѣ сломилъ онъ желѣзные врата, устроенныя тамъ со временъ халифата; такъ отъ моря Чернаго до моря Каспійскаго, все покорилось его владычеству.

Къ нему обратилась и бѣдствующая Ар-

менія, умоляя освободить столицу Ани отъ владычества Сарацынъ ; смѣлый витязь устремился на зовъ угнетенныхъ Христіанъ и власть его распространилась къ югу до Арарата. Но, освобождая чуждыя столицы, не потерпѣлъ онъ, чтобы древнее мѣсто-пребываніе Царей Грузія, четыреста лѣтъ уже бывшее подъ игомъ невѣрныхъ, оставалось долге въ рукахъ ихъ. Онъ осадилъ и взялъ Тифлисъ, который съ его времени получалъ опять царственныя права свои, хотя Кутаисъ и Абхазія были любимыми мѣстами жительства Багратидовъ. Такъ протекло въ битвахъ сорокалѣтнее царствованіе, на каждомъ шагу ознаменованное побѣдами и сооруженіемъ храмовъ и обителей. Но славно владѣя мечемъ, не чуждъ былъ Царь обновитель и просвѣщенія духовнаго, которое процвѣло подъ его сѣнію, какъ во дни великаго Баграта, ибо отшельники Иверскіе продолжали приходить съ Аѳона, участвовать на его соборахъ, и собственный духовникъ его Арсеній былъ покровителемъ наукъ. При началъ своего царствованія созвалъ благочестивый Давидъ со-

боръ всѣхъ Епископовъ Иверскихъ и Абхазскихъ, для возстановленія порядка въ дѣлахъ церковныхъ, и при исходѣ соединилъ опять многочисленное ихъ собраніе, чтобы примирить новыхъ своихъ подданныхъ Армянъ съ Церковію Православною, хотя и не имѣлъ въ томъ успѣха. Отъ его времени начинается опять рядъ Католиковъ Иверскихъ, знаменитымъ Іоанномъ III, котораго ликъ встрѣчается на стѣнахъ многихъ древнихъ обителей Грузин, имъ обновленныхъ съ помощію Царя.

1150 Рано скончался Давидъ къ несчастію своего государства; преждевременная смерть застигла его во всей силѣ мужескаго возраста; но онъ оставилъ умирную державу сыну Димитрію, болѣе благочестивому нежели доблестному, хотя столь же удачно отражавшему враговъ. Наскучивъ двадцатилѣтнимъ своимъ властвованіемъ, Димитрій измѣнилъ мантию царскую на рясу иноческую, и, еще при жизни, имѣлъ огорченіе видѣть раннюю кончину воцареннаго имъ сына Давида IV, за которымъ самъ вскорѣ послѣдовалъ въ могилу. Другой его сынъ

Георгій III, мужествомъ напоминавшій великаго дѣда, сдѣлался правителемъ царства, во время малолѣтства племянника своего Димитрія и, вопреки всѣхъ правъ, объявлялъ себя Царемъ. Все его правленіе протекло также въ битвахъ съ Сарацинами, ибо Султаны Сельджукидовъ и Хорасана, соединясь съ полчищами Халифа, хотѣли однимъ ударомъ сокрушить Христіанъ Иверскихъ, которые препятствовали имъ успешно дѣйствовать противъ Крестоносцевъ. Георгій, овладѣвъ сперва древнею столицею Армянскою Двиномъ, гдѣ уже давно жили Эмиры Сарацинскіе, но принужденъ былъ въ свою очередь выдержать долгую осаду въ Ани; однако немовѣрною храбростію, съ малымъ числомъ воиновъ, одолѣвъ несмѣтные полки враговъ и поддерживалъ славу Грузинъ. Горькое междоусобіе возникло внутри государства, когда юноша Димитрій, чувствуя свое право, помыслилъ отнять престолъ у могущественнаго дяди. Князья Орбельяны покровительствовали законному наследнику, памятуя клятву вѣрности данную его отцу, и вмѣ-

ствъ съ Димитріемъ заключились въ крѣпкихъ стѣнахъ Лори. Но побѣжденные Георгіемъ, который сокрушилъ ихъ твердыни, принуждены были бѣжать отъ гнѣва его въ Персію, и тяжкое изгнаніе пало на весь ихъ родъ, до царствованія Тамари. Несчастнѣйшій юноша заплатилъ жизнью за свое честолюбіе; но самъ Георгій не оставлялъ по себѣ мужескаго наследника. Ближніе вельможи, зная царственныя доблести его единственной дочери, убѣдили Георгія провозгласить ее царемъ, и Царь-Тамаръ, такъ прозванная въ лѣтописяхъ Грузинскихъ, озарила вѣчною славою престолъ Ваханговъ, Багратовъ и Давидовъ.

ЦАРЬ ТАМАРЬ.

1174   Есть свѣтлыя минуты въ исторіи каждаго народа, которыя остаются навсегда памятными у дальнихъ потомковъ, и къ нимъ любятъ они возвращаться мысленно въ печальные дни свои, чтобы утѣшаться минувшею славою: таково царствованіе Тамари, высшая точка славы Иверинъ, послѣ

которой начала она постепенно упадать, и что достойно вниманія: женщина олицетворила собою ея лучшую эпоху. Двадцати четырехъ лѣтъ наслѣдовала Тамарь престолъ родительскій и обнаружила доблести истинно царскія, при всѣхъ добродѣтеляхъ женскихъ. Въ самомъ началѣ смирила она превозношеніе вельможъ, надѣявшихся управлять подъ ея именемъ, и съ твердостью мужескою взяла бразды правленія. Избраннымъ воеводамъ распредѣлила Царица обширныя свои области и главнымъ изъ нихъ, или Атабегомъ, поставила въ Ани Армянскаго князя Саркиса Аргутинскаго, котораго дѣти, Иванъ и Захарія, сдѣлались лучшими ея вождями, въ битвахъ противъ Сарацынъ. Католикось, со всѣми Епископами и сановниками, умоляли Царицу избрать себѣ супруга, чтобы не прекратилась съ нею царственная династія Багратидовъ: долго отрекалась Тамарь, чуждавшаяся узъ брачныхъ, отвергла Царевича Греческаго, изъ рода Комниновъ, и наконецъ согласилась дать руку Князю Русскому Георгію, сыну Боголюбскаго, кото-

рый лишень былъ удѣла, дядею Всеволодомъ, и скитался по востоку; но къ сожалѣнію Георгій не оправдалъ громкаго имени и довѣренности Грузин, хотя и отличался храбростію въ битвахъ. Развратное его поведеніе принудило Тамаръ удалить его отъ себя и Католикось, расторгнувъ бракъ объявилъ Царицу свободною вступить во второе супружество. Опять отрекалась Тамаръ, уже испытывшая однажды тяжесть супружества; но ее убѣдили настоятельныя мольбы всего духовенства; бояръ и народа, которые страшились паденія царства, при ея бездѣтной кончинѣ.

Одинъ за другимъ начали являться, ко двору Абхазскому, новые искатели руки Царицы, и если бы сама Тамаръ не сдѣлалась предметомъ двухъ знаменитыхъ поэмъ: это одно обстоятельство могло бы служить обильнымъ источникомъ вдохновенія, для современныхъ ей повтовъ. Въ числѣ жениховъ были: сынъ Императора Греческаго Мануила и Князь Боэмундъ Антиохійскій, и два Осетинскіе Князя, изъ коихъ одинъ скончался отъ печали, когда

былъ отвергнуть. И Магометанскіе владытели не уступали Христіанскимъ въ искательствѣ ея руки. Сынъ Султана Испанскаго отрекся, по любви къ Тамари, отъ вѣры предковъ и былъ за то заключенъ въ темницу отцемъ; владытель Ширванскій предлагалъ также сына своего, но ни на кого изъ нихъ не палъ выборъ Царицы; всѣхъ отпустила она съ честію и богатыми дарами, чтобы не раздражить сильныхъ сосѣдей. Наконецъ единокровный ей Князь Осетинскій, правнукъ Дмитрія, который возставалъ нѣкогда противъ великаго Баграта, Давидъ Сосланъ, воспитанный въ горахъ, удостоился чести быть супругомъ Тамари, и на сей разъ вполне оправдалъ ея выборъ. Не остался однако спокойнымъ первый мужъ, котораго съ честію отпустила въ Царьградъ; онъ возвратился съ помощію Грековъ, возмутилъ противъ нее южныя области, и доходилъ даже до Кутанса. Сама Царица принуждена была выдти въ поле противъ Князя Русскаго и побѣдивъ на сраженіи, привлекла къ себѣ милостями всѣхъ его приверженцевъ. Вто-

рично удаленный изъ предѣловъ Грузіи, съ тѣмъ же великодушіемъ, онъ уже болѣе не возвращался: рожденіе сына Георгія Ласы, или прекраснаго, и дочери Русудани, успокоило подданныхъ великой Царицы.

Между тѣмъ Давидъ Сосланъ съ успѣхомъ воевалъ противъ Сарацынъ, сокрушая племена ихъ въ окрестностяхъ Эрзрумскихъ, а братья Аргутинскіе покоряли остальную часть Арменіи около Арарата. Сынъ Султана Хорасанскаго Эмиръ Миръ, съ владѣтелемъ Ширванскимъ, искали покровительства Тамари, противъ могущественнаго Бубакара, который овладѣлъ наслѣдіемъ братьевъ, въ предѣлахъ Персіи, и наступилъ на нихъ съ союзными полчищами Халифа. Онъ уже доходилъ до Шамхора: Тамарь послала противъ него супруга, съ знаменіемъ честнаго креста и, въ виду минарета Шамхорскаго, бѣжали полчища враговъ, какъ въ наши дни, на томъ же полѣ, разсыялись Персы; знамя Халифа и ожерелье Султана посвящены были Царицею иконѣ Хахульской Богоматери, въ обитель Гелатскую.

Могущественный враг крестоносцев Нуреддинъ, Султанъ Алепа, двинулся также противъ славной Царицы Иверской, съ многочисленнымъ войскомъ, и былъ разбитъ въ кровопролитной битвѣ, Давидомъ Сосланомъ: пока ратовалъ ея супругъ, Тамаръ молилась и видимо содѣйствовалъ имъ Архангелъ Михаилъ, по словамъ летописи Грузинской; ибо его свѣтлый ликъ узнали плѣнники Сарацынскіе, на иконѣ поверхъ престола Тамари, когда предстали своей побѣдительницѣ. Такъ велика была къ ней довѣренность Магометанъ, что когда былъ захваченъ Турками городъ Карсъ и, послѣ жестокой осады, долженъ былъ опять сдаться Христіанамъ; жители его одной только Царицѣ соглашались вручить ключи воротъ, и она пришла исполнить ихъ желаніе. Вліяніе ея распространялось далеко въ Осетіи и за хребетъ Кавказскій; непокорные горцы смирялись предъ ея великимъ именемъ и толпами принимали Св. крещеніе; церкви и кресты на непреступныхъ скалахъ, внутри самыхъ дикихъ долинъ, на поморіи Черномъ и Каспійскомъ и да-

же по ту сторону хребта, досель свидѣтельствуя о Христіанской ревности Тамари, которой громкое имя не напрасно огласило всю страну, ибо и теперь охраняетъ великолѣпныя развалины, въ мѣстахъ давно забытыхъ. Кончина нѣжно любимаго супруга огорчила послѣдніе годы великой Тамари; она возвела съ собою на тронъ юнаго сына Георгія, и не умолкала слава ея оружія, ибо, подъ предводительствомъ Атабегевъ, войска Грузинскія заняли Таврисъ и доходили до внутреннихъ предѣловъ Хорасана, а Крестоносцы ожидали отъ нея сильной помощи противъ Султана Саладина. Но уже наступило для Тамари завѣтное время ея отшествія въ другое болѣе свѣтлое царство, послѣ долгаго славнаго на землѣ владычества. Церковь Грузинская, не причитая ее гласно къ лику святыхъ своихъ заступниковъ, какъ предка ея Давида возобновителя, ублажаетъ однако ея память, въ недѣлю Муроносиць.

ИГО. МОНГОЛЬСКОЕ. РУСУДАНЫ.

Все изменилось съ кончиною Тамари, какъ будто она увесла съ собою благословеніе родной земли. Юный Царь Георгій Даса, предавшись разврату, удалилъ отъ себя благоразумныхъ совѣтниковъ матери и раздѣлилъ власть недостойнымъ юношамъ. Никакія убѣжденія не могли принудить его вступить въ супружество и, продолженіемъ рода Багратидовъ, остался у него одинъ только отрокъ Давидъ, плодъ незаконной любви. Но наследственная отвага не изменяла и Георгію; онъ удачно бился съ ближайшими врагами, доколь внезапно не омрачила весь горизонтъ Грузии невиданная дотоль туча Монголовъ. Это былъ только передовой отрядъ страшнаго полчища Чингисъ — Ханова, который обходилъ кругомъ Каспійскаго моря, чтобы извѣдать силы обреченныхъ ему народовъ; но опустошеніе царства и бѣдственное пораженіе Грузинскихъ войскъ, въ жеревной борьбѣ съ ордою языческою, до такой степени сакрушили Георгія, что онъ

скоропостижно умеръ отъ печали, оставивъ царство и малолѣтняго сына любимой сестрѣ своей Русудани.

1211 Славная красотою не менѣе матери, она не умѣла подражать ей въ добродѣтели, испорченная примѣрами брата, и предавшись страстямъ уронила славу своего царства. Сперва, по просьбѣ вельможъ, согласилась вступить въ бракъ съ однимъ изъ потомковъ Сельджукидовъ, который принялъ Христіанство: но родивши отъ него сына Давида и дочь Тамарь, пренебрегла своимъ мужемъ и заключила его въ горномъ замкѣ, гдѣ и скончался; тогда уже ничто не останавливало влеченія ея пылкаго сердца. Явился новый могущественный искатель ея руки, домогавшійся раздѣлить съ нею престолъ Грузіи, Султанъ Хорасанскій Джелалъ-Эддинъ; но Русуданъ отвергла его предложеніе и навлекла мщеніе его на свое царство. Завоевателемъ вступилъ бывший женихъ въ предѣлы Грузіи, прошелъ ихъ съ огнемъ и мечемъ, и послѣ жестокой осады взялъ приступомъ столицу Тифлисъ; тамъ измѣлъ

на несчастныхъ жителей всю свою ярость противъ ихъ Царицы. Снявъ куполь съ Сионскаго собора, онъ воздвигъ его себѣ вмѣсто трона, у Метехскаго моста, какъ гласитъ мѣстное преданіе, и съ вершины сей каедры принуждалъ жителей, невольно переходившихъ чрезъ мостъ, ругаться надъ иконою Сіонской Богоматери; большая часть предпочла смерть святотатству, и до ста тысячъ погибла въ волнахъ мимотекущей Куры: Церковь совершаетъ ихъ мученическую память 29 Сентября. Русуданъ бѣжала въ Имеретію и утвердилась въ Кутансѣ, предоставляя всю Грузію и Кахетію во власть Джелалъ-Эддина. Она искала помощи у Сельджукидовъ и предложила дочь свою въ супружество Кіаздину-Султану, отпустивъ съ нею и ненавистнаго ей племянника Давида, съ тою цѣлю, чтобы уже не возвратился въ отечество. Но рука Провидѣнія спасла Царевича, не смотря на злобу тетки и на коварныя противъ него замыслы Султана, хотя многіе годы провелъ онъ въ заточеніи и подвергался частой опасности.

Между тѣмъ, таже гроза собиралась съ Востока и опять хлынула на Грузію, во всей своей силѣ. Чингисъ-Хана не стало, но преемникъ его Гаюкъ-Ханъ, раздѣливъ несмѣтныя полчища на четыре орды, наводилъ ими Азію: Индія, Персія, Хорасанъ, все покорилось страшному завоевателю. Джелалъ-Эдинъ выступилъ противъ нихъ и, оставленный своими друзьями, былъ убитъ въ бѣгствѣ; Сельджукиды, союзники Русудани, искутали на себѣ тяжкій гнѣвъ побѣдителей. Она сама, видя опустошенія своего царства, раздѣленного между четырьмя Ноннами, или правителями Монгольскими, укрылась въ горахъ Имеретин и послала просить мира, обещая и дань, съ тѣмъ только, чтобы признали Царемъ сына ея Давида-Нарина (пришельца) вмѣсто племянника Давида Со-слана.

Нонны, принявъ милостиво Царенка, отправили его сперва въ Золотую орду Кипчакскую, къ Хану Батю, а Батый еще далѣе, въ сердце Азіи, Харахорумъ, къ главному Хану Мангу. Но болѣе Гру-

зинскіе, участвовавшіе въ походахъ съ Монголами и храбростію пріобрѣтшіе себѣ ихъ уваженіе, представили Ноинамъ права другаго Царевича Давида, сына Георгіева, и испросили его изъ заточенія у Султана Сельджукидовъ. Чармаганъ, старшій между Ноинами, радуясь радъленію, принялъ съ одинаковою милостію и сего Давида, но также отправилъ его въ Золотую и потому большую орду. Русуданъ, скорбя о удаленіи сына и возвращеніи племянника, скончалась отъ печали, или отъ яда, какъ полагаютъ нѣкоторые, послѣ двадцати пяти лѣтняго правленія, ознаменованнаго ужасами двухъ нашествій; царство было управляемо старшими вельможами, до рѣшенія Ханскаго.

Мангу послалъ обонхъ соперниковъ къ 124-сильному Гулагу-Хану, шедшему на Багдадъ, который прохода мимо Грузіи, благосклонно принялъ Католикоса Николая и далъ ему охранительную грамоту, со многими дарами. Ханъ нарменовалъ обонхъ Царями и оба, радостно встрѣченные вельможами, короновались въ Тмолисъ и

дружно вступили въ управленіе царствомъ, но Сосланъ болѣе занимался Грузіею, а Наринъ Имеретіею. И такъ, послѣ славнаго царствованія Давида и Тамари, возведенная ими держава не только лишилась своей независимости, подъ игомъ Монголовъ, но даже раздѣлилась, ибо вскорѣ Давидъ Наринъ отложился отъ двоюроднаго брата и вѣнчался опять Царемъ въ Кутансѣ; это первое раздѣленіе продолжалось около ста лѣтъ, до Георгія Свѣтлаго, временно соединившаго оба царства, но оно далеко пустыло свои корни, ибо въ послѣдствіи потомки Нарина окончательно отдѣлили для себя царство Имеретинское.

Иго Монгольское не тяготѣло на Грузіи, опустошеніями, какъ владычество Персовъ и Турковъ, ибо Монголы, будучи язычниками, не питали фанатизма магометанскаго противъ Христіанъ, но они истощали ихъ данью и безпрестанными походами, въ которыхъ принуждены были участвовать Цари, съ цвѣтомъ своего юношества. Давидъ Сосланъ считался лучшимъ воеводою Гулагу-Хана, бился съ

нимъ противъ Султановъ Египетскихъ и Хановъ, отложившихся отъ его власти, и — странная участь! былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствователемъ при паденіи халифата, который нѣкогда нанесъ столько золъ собственному его царству, во времена своей славы. Кровь мученическая Царя Арчила и князей Давида и Константина, пролитая Халифомъ Мирваномъ, и кровь мучениковъ Або и Михаила Габрова, умерщвленныхъ намѣстникомъ Халифовъ, со столькими тысячами Христіанъ, ими побитыхъ, пала на главу послѣдняго Халифа, обезглавленнаго за вратами раззоренной его столицы, предъ лицомъ Давида, который первый вторгся въ Багдадъ съ своими войсками, и казнь сія была какъ бы удовлетвореніемъ Грузин, за всѣ ужасы халифата.

Но и Давиду предстояли многія испытанія, отъ безпрестанныхъ притязаній Нониновъ Монгольскихъ, внутри собственныхъ его владѣній; онъ принужденъ былъ опять ходить въ золотую орду Батыеву, гдѣ встрѣчался съ нашими Великими Князьями, ко-

Часть I.

15

торые подверглись той же жалкой участи. Тамъ не одинъ только союзъ вѣры, но и единство плѣна, сближали между собою царственныхъ данниковъ могущества Монгольскаго: но Цари Грузіи принуждены были еще относиться и къ южной великой ордѣ, которая кочевала въ предѣлахъ Персіи. Супруга Гулагу-Хана, дочь Императора Трапезондскаго, покровительствовала единовѣрнымъ Царямъ при дворѣ ханскомъ, и часто обращала въ ихъ пользу дѣла, возникавшія противъ нихъ отъ крѣпости Ноиновъ, а между тѣмъ отвага Грузинская въ битвахъ располагала къ нимъ Монголовъ. Давидъ не подражалъ благочестію предковъ, ибо кровь Георгія Ласы не напрасно текла въ его жилахъ: онъ оставилъ первую неплодную свою супругу, для Осетинской княжны, чтобы имѣть отъ нея сына, который однако не достигъ совершеннолѣтія; потомъ Царь еще женился на вдовѣ Атабега Авака; отъ нея родился ему наконецъ желанный наследникъ Дмитрій, и онъ вступилъ на престолъ родительскій, съ согласія Хана Абаги, послѣ смерти отца своего.

1269

Наринъ Давидъ продолжалъ еще мно-
гіе годы держаться въ Имеретин, не смо-
тря на всѣ покушенія Ноинновъ, уловить его
черезъ посредство подвластныхъ ему князей
и представить узникомъ Хану.—Димитрій,
покорный Монголамъ, подобно отцу, участво-
валъ въ ихъ походахъ и вмѣстѣ съ ними
претерпѣлъ сильное пораженіе отъ Султана
Египетскаго; самъ онъ едва спасся отъ
пльна, и посѣтивъ дорогою Іерусалимъ, съ
честію и дарами отпущенъ былъ отъ Ха-
на на родину. По мѣрѣ ослабленія Монго-
ловъ начинала отдыхать Грузія и возникало
мало по малу прежнее ея благоденствіе; но
вмѣстѣ съ тѣмъ пострадала ея нравствен-
ность, отъ безпрестаннаго обращенія съ
язычниками, ибо нравы ихъ отчасти про-
никли въ общество христіанское, и много-
женство стало дѣломъ обычнымъ. Самъ
Царь подавалъ гибельный примѣръ развра-
та: кромѣ законной жены своей, Царевны
Трапезундской, отъ которой родились ему
Давидъ и Вахтангъ, онъ взялъ за себя
еще двухъ женъ, изъ коихъ одна была
дочерью языческаго Поина. Напрасно бла-

гочестивый Католикосъ Николай убъждалъ Царя, не нарушать правилъ церковныхъ, угрожая ему за то небеснымъ мщеніемъ: Святитель принужденъ былъ удалиться въ пустыню, гдѣ и скончался, а слова его сбылись надъ непокорнымъ. Страшныя землетрясенія были первымъ знакомъ гнѣва Божія: поколебался соборъ Мцхетскій и куполь Ацкурскаго храма, обрушившись въ часъ богослуженія, накрылъ собою чудотворную икону Богоматери, не повредивъ ее. Перемена Хавовъ Монгольскихъ имѣла вліяніе на судьбу Дмитрія.

Аргунъ, сынъ Абаги-Хана, поставленъ былъ на мѣсто жестокаго Ахмата, и казалось благопріятствовалъ Царю; но его оклеветали недоброжелательные Нойны и совѣтовали Хану, передать престолъ Вахтаугу сыну Нариннову, чтобы въ немъ опять соединить оба царства. Аргунъ вызвалъ къ себѣ Дмитрія и, хотя предчувствовалъ онъ ожидающую его участь, однако, проникнутый чувствомъ раскаянія о своихъ грѣхахъ, рѣшился идти на смерть, чтобы непокорностию не навлечь бѣдствія своему народу.

Со всемъ семействомъ явился Димитрій предъ лице грознаго Аргуна, подвергся позорному біенію и нѣсколько дней спустя былъ обезглавленъ. Народъ, забывъ его прежнюю нечистую жизнь, хотя и не смѣлъ провозгласить мученикомъ, назвалъ его однако Самопожертвователемъ, Тавтадебули; ибо онъ дѣйствительно принесъ себя въ жертву за людей своихъ, и памятнымъ осталось благодеяствіе его пятнадцатилѣтняго правленія. Католикось Авраамъ спасъ его дѣтей въ ордѣ, но Вахтангъ, сынъ 1289 Нариновъ, воставленъ былъ Царемъ въ Тифлисъ. Младшему же его сыну Георгію Свѣтлому, рожденному отъ третьяго незаконнаго брака съ дочерью Атабега, суждено было опять прославить царство Иверское.

Не болѣе трехъ лѣтъ царствовалъ Вахтангъ и вслѣдъ за нимъ сошелъ въ могилу Давидъ Наринъ, удрученный годами и горемъ о смерти сына. Междоусобія двухъ 1293 его дружескихъ сыновей, Константина и Михаила, наполнили Имеретію, но не болѣе отрадное зрѣлище представляли дѣла Грузіи. Давидъ VII, сынъ Димитрія, поста-

вленъ былъ на царство за воинскія услуги, оказанныя имъ Монголамъ, которыхъ держава уже начинала распадаться отъ междоусобія Хановъ. Братъ Аргуна былъ умерщвленъ сыномъ Ахмата, Тукаломъ, и Тукалъ въ свою чреду, преслѣдуемый болѣе сильнымъ Ханомъ Казаномъ, сыномъ Аргуна, искалъ себѣ спасенія въ Грузіи. Цари ея уже сдѣлались покровителями Хановъ, но превратности дѣлъ человѣческихъ. Давидъ долго не соглашался выдать гостя своего новому Хану, и самъ не хотѣлъ идти на зовъ его, памятуя участь родителя, ибо имѣлъ сильныхъ враговъ между Ноинами, хотя и былъ женатъ на сестрѣ Казана. Разгнѣванный Ханъ объя-
1301 вилъ Царемъ Вахтанга III, брата Давидава, котораго держалъ у себя въ заключеніи, а бывшій Царь бѣжалъ въ горы и, съ помощію Осетинъ, сталъ разорять родную страну, болѣе думая о утраченномъ престолѣ, нежели о своихъ подданныхъ; голодъ и болѣзни опустошали бѣдствующее царство. Пользуясь сими обстоятельствами, усилился владѣтель Самцхетскій

Бека, дѣдъ и воспитатель Георгія , малолѣтняго сына Димитріева.

Благочестивый Вахтангъ былъ только свидѣтелемъ золъ своего отечества, но не могъ отклонить ихъ. Подвигами воинскими онъ старался также заслужить милость ханскую, но уже магометанскіе проповѣдники успѣли овладѣть умами Монголовъ , сокрушителей халифата, и внушили Хану Карбагъ , сыну Казана, уничтожить Христіанство въ Грузіи, ибо оно одно составляло всю силу ея воинственнаго народа. Убѣдился Ханъ и послалъ одного изъ своихъ Нонновъ исполнить гибельное предпріятіе. Тогда Вахтангъ, вспомнивъ мужественный примѣръ отца своего Димитрія, смѣло явился къ Хану и, сосланный имъ сперва въ заточеніе, вскорѣ былъ умерщвленъ со всѣмъ семействомъ. Къ счастью Грузіи, гонитель Ханъ умеръ въ одно время съ пострадавшимъ отъ него Царемъ Вахтангомъ, и новый Ханъ Олджатъ милостивѣе былъ расположенъ къ Христіанамъ. По ходатайству Атабеговъ благосклонно принялъ онъ воспитаннаго ими Царевича Георгія, и хотя призналъ

1508 Царемъ другаго Георгія, малолѣтнаго сына изгнаннаго Давида, однако назначилъ дялю правителемъ царства; но во славу его свѣтлаго правленія изчезъ незамѣтно племянникъ, скончавшійся въ отроческихъ лѣтахъ.

СВЕРЖЕНИЕ ИМЯ. ГЕОРГІЙ СВѢТЛЫЙ.

Георгій VI остался единственнымъ Царемъ и былъ прозванъ Свѣтлымъ, ибо возсіялъ какъ нѣкое свѣтило на омраченномъ горизонтѣ Грузіи; онъ напомнилъ собою лице возобновителя Давида, хотя и не могъ сравниться съ нимъ въ святости; но подобно Давиду совершенно освободилъ царство свое отъ враговъ внѣшнихъ и покорилъ внутри всѣхъ отдѣльныхъ владѣтелей, такъ что отъ моря и до моря опять возстановилось единодержавіе. Обстоятельства внѣшнія благопріятствовали ему какъ и Возобновителю: тогда крестовые походы отвлекли Сельджукидовъ отъ разоряемой ими Грузіи; при томъ же прекратилось владычество Монголовъ, ибо послѣдній Ханъ ихъ, Мусандъ, убитъ былъ въ

малолѣтствѣ своими Ноинами, которые раздѣлили между собою распавшіяся области и чрезъ то ослабили могущество бывшей исполнческой державы.

Георгій воспользовался паденіемъ Орды, чтобы совершенно свергнуть ненавистное ему: замѣчательно, что это случилось почти въ то время, когда нашъ Донской вѣтвь разсѣялъ полчища Мамаевы. Нѣкоторые изъ Ноиновъ и сильнѣйшій изъ всѣхъ Адербиджанскій, думали смирить нещокорнаго силою оружія, но были отражены съ урономъ; не болѣе имѣли успѣха противъ него Султаны Отоманскіе, утвердившіеся въ Малой Азій. Но побѣдивъ съ честью враговъ внѣшнихъ, не такъ совѣтливо поступилъ Георгій съ внутренними. Онъ собралъ въ Кахетіи на пиршество всѣхъ удѣльныхъ властителей и умертвилъ тѣхъ, которые были ему враждебны; прочіе же, движимые страхомъ или уваженіемъ, покорились безусловно. Потомъ, съ оружіемъ въ рукахъ, прошелъ онъ всю область Ширванскую и Дагестанъ до вратъ Дербентскихъ, сокрушая всюду скопища

Лезгинъ; горные Осетины въ ущельяхъ Дарьяла, испытали надъ собою его силу, и ключи Кавказа достались опять въ руки Царей Иверскихъ. Еще непокорна была Имеретія, гдѣ заключился въ Кутансѣ юный Баграть, внукъ Давида Нарина; Георгій осадилъ вышгородъ и принудилъ его слаться, но принялъ съ честію родственника и съблалъ его Эриваномъ Шаропанскимъ. Тогда и всѣ западные владѣтели поморія Чернаго: Ширвашидзе Абхазскій, Мамія Дадіанъ и Гурьель, съ Князьями Сванетовъ, поспѣшили признать надъ собою власть Георгія; онъ возвеличилъ надъ всѣми санъ Атабеговъ, правителей Самцхетскихъ, у которыхъ провелъ годы своего дѣтства, и далъ удѣлы внукамъ воспитателя своего Беки; съ тѣхъ поръ усилился родъ Атабега Кварквара, имѣвшій столь сильное вліяніе на дѣла Имеретіи, послѣ раздѣленія царства.

Подражая предку своему Давиду, Георгій повсюду создавалъ храмы и обители, и возстановлялъ разрушенные во время долгаго ига; онъ заботился о гражданскомъ

устройство покорныхъ ему племенъ, вызвалъ изъ горъ старшинъ Осетинскихъ и написалъ для нихъ законы, которые вошли потомъ въ составъ общаго уложенія Царя Вахтанга VI. Георгій старался предпочтительно избирать старшинъ для Горцевъ изъ числа Христіанъ, чтобы утвердить между ними вѣру православную, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, и съ помощію Католикоса Василія занялся устройствомъ быта церковнаго, пострадавшаго въ періодъ Монголовъ. Созванный имъ соборъ уничтожилъ многие безпорядки и запретилъ нарушеніе каноновъ. Въ такихъ славныхъ дѣяніяхъ протекло его сорокалѣтнее царствованіе; онъ оставилъ совершенно умирненную державу сыну своему Давиду VIII, которому столь 1346 же безусловно покорились всѣ удѣльные владетели, Атабеги, Дадіаны, Гуріели и Ширвашидзе, ради памяти великаго отца, потому что всѣ желали спокойствія и, послѣ четырнадцатилѣтняго мирнаго правленія, прочный престолъ Давида перешелъ его сыну Баграту IV.

НАШЕСТВІЕ ТАМЕРЛАНА. БАГРАТЬ VI.

1560   Казалось многострадальной Грузіи дано было отдохнуть отъ ея золь, не болѣе какъ на два человѣческихъ возраста, только для того чтобы собраться съ силами, для перенесенія новыхъ испытаній, ибо ей готовилось нашествіе страшнѣе Монгольскаго: Тамерланъ явился на горизонтъ испуганной Азіи. Протекло болѣе двадцати лѣтъ царствованія Баграта, который твердо сидѣлъ на престолѣ отеческомъ, назначая по произволу покорныхъ ему удѣльныхъ властителей; онъ старался изгладить слѣды мороваго повѣтрія, опустошившаго его державу, и вотъ внезапно настигло его иное бѣдствіе. Издали приближалась гроза, сокрушавшая дальнія и ближнія царства, Индію, Персію, Оттомановъ; уже Султанъ ихъ Баязидъ сидѣлъ въ клеткѣ Тимура; наконецъ онъ наступилъ и на Грузію. Баграць приготовился къ сильному отпору и, отпустивъ сына Георгія въ Имеретію, самъ заключился въ Тифлисъ. Кровопролитна была полугодовая осада, но сила наконецъ одолѣла мужество; Царь, съ

1587

своимъ семействомъ, плѣнникомъ былъ приведенъ въ станъ Тимура; милостиво принялъ его побѣдитель; но, не смотря на все убѣжденія и угрозы, не хотѣлъ отречься Багратъ отъ Господа своего и Снага, и узникомъ послѣдовалъ за станомъ ратныхъ, разорявшихъ его достояніе. Пройдя съ огнемъ и мечемъ весь Дагестанъ, Тимуръ покорилъ Лезгинъ и поселилъ у подножія Кавказа магометанскія племена, чтобы ихъ вліяніемъ удержать въ зависимости обширный край; съ тѣхъ поръ стало угасать тамъ Христіанство, съ такимъ успѣхомъ проповѣданное при Давидъ и Тамари.

Георгій основался въ Имеретіи, воевавшимъ убійницъ Царей при нашествіи завоевателей, и покорилъ тамъ возмущавшагося Эриваста, отъ племени Давида Нарина. Наконецъ Батратъ, наскучивъ долгимъ плѣномъ, притворно принялъ Магометанство и испросилъ себѣ дружину у Тамерлана, будто бы для того, чтобы проповѣдывать Исламизмъ въ своемъ царствѣ; на встрѣчу ему вышелъ сынъ Георгій и, общими силами, истребили они Татарскихъ

пришельцевъ. Раздраженный Тимуръ вторично наступилъ на Грузію, со всеми своими полчищами; въ окрестностяхъ Тифлиса закипѣла опять жестокая битва, которая стоила много крови обѣимъ сторонамъ, ибо отчаяніе замѣняло силу. Уже Багратъ не хотѣлъ болѣе заключаться въ стѣнахъ разоренной столицы, но при каждой неудачѣ удалялся въ горы, откуда опять нападалъ на враговъ; туда укрылось все народонаселеніе. Татары разсыялись по опустѣвшимъ предѣламъ, сокрушая повсюду оставленные города и храмы: соборъ Микетскій разоренъ былъ почти до основанія и многія церкви съ тѣхъ поръ не возставали изъ развалинъ: такъ памятно еще доселѣ дикое нашествіе Тимура; насильственная проповѣдь его обратила многія тысячи къ Магометанству, особенно въ Дагестанѣ.

Но Багратъ спасся отъ всѣхъ поисковъ и царствовалъ еще два года, посреди дымящихся развалинъ. Долгое, тридцатипятилѣтнее его правленіе, и краткія двухъ его сыновей, Георгія VII и Константина, хотя и ознаменованныя многими бѣдствіями, не

безъ славы однако протекли для Грузіи; ибо подъ ихъ руководствомъ воинственный народъ отважился отразить шесть нападеній грознаго завоевателя, которому безусловно покорилась вся Азія и страшные для всей Европы Султаны Оттомановъ.

Не успокоился Тамерланъ смертію Ба- 1395
грата, разгнѣванный тѣмъ, что Георгій воцарился безъ его воли, и требовалъ его къ себѣ; «Я наследственный Царь, а Тимуръ пришлецъ,» гордо отвѣчалъ Георгій, и приготовился къ битвамъ; собравъ всѣхъ своихъ подвластныхъ князей и Осетинскихъ воиновъ, онъ мужественно отразилъ Тимура подъ Тифлисомъ, и хотя одолѣли опять несмѣтные полчища Востока, дорого обошлась имъ побѣда, а Грузіи твердость ея Царя: опустошенія распространились по всей странѣ; между тѣмъ Эриванскій Имеретинскій Константинъ объявилъ себя Царемъ. Уже Георгій хотѣлъ просить мира, но освобожденный имъ Султанъ Джелатскій убѣдилъ не покоряться неумолимому врагу, и въ четвертый разъ наступилъ на Грузію Тамерланъ, со стороны запада отъ Ахалцы-

ха, потому что все прочее было разорено. Въ Манглись остановился онъ на время, ожидая покорности, и не дождался; онъ послалъ схватить въ горахъ Георгіа, но Царь заключился въ неприступную дотоль крѣпость Эрнджанскую, и хотя взята была твердыня, опять избѣжалъ плѣна. Видя однако бѣдственное положеніе своей земли, онъ послалъ наконецъ брата Константина съ богатыми дарами къ завоевателю; благосклонно принялъ его Тимуръ, но самъ пошелъ еще однажды разорять Грузію и Дагестанъ, чтобы отмстить Горцамъ за помощь оказываемую ими Георгію; всеми силами старался онъ водворить тамъ вѣру магометанскую, которая съ тѣхъ поръ превозмогла Христіанство въ тѣхъ предѣлахъ. Возмущеніе Курдовъ отвлекло на время завоевателя отъ Грузіи; но онъ опять возвратился, не смотря на милостивое обѣщаніе мира Георгію, потому что дѣлю его было конечное обращеніе всей земли въ Магометанство. Тамерланъ послалъ объявить о томъ Царю, угрожая поставить на его мѣсто Греческаго Царевича

изъ Трапезунда; но Георгій отвергъ недостойное предложеніе и велѣлъ народу своему укрываться въ горахъ, чтобы избѣжать позорнаго ига. Шестое и послѣднее опустошеніе постигло Грузію; но уже близкая кончина ожидала въ Самаркандѣ суроваго завоевателя, и послѣ него распалась его исполинская держава, какъ обыкновенно всѣ подобныя колоссы, столь непрочныя въ Азіи.

Георгій вздохнулъ свободно и веснользовался краткимъ отдыхомъ, чтобы укрѣпить за собою царство, поколебавшееся отъ непрестанныхъ нашествій: всѣ удѣльные князья, уважая его мужество, охотно ему покорились. Тифлисъ былъ имъ очищенъ отъ непріятеля; но повсюду разсыланныя толпы Татаръ, остатки полчищъ Тамерлановыхъ, собрались еще однажды противъ Георгія, и хотя онъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, однако самъ заплатилъ жизнью за свой послѣдній подвигъ. Братъ его Константинъ продолжалъ начатое имъ освобожденіе царства отъ татарныхъ. Гонимые отовсюду Тата-

ры обратились къ покровительству Султановъ Оттоманскихъ, и Беглербегъ Анатолийскій, получилъ повелѣніе отъ Султана Мусы защитить своихъ единовѣрцевъ. Это было первое большое сраженіе Грузинъ съ Оттоманами, которые должны были въ послѣдствіи покорить ихъ: кровопролитная битва, въ предѣлахъ Кларджетскихъ, кончилась паденіемъ мужественнаго Царя, но и Турки принуждены были отступить. Тѣ-
1417 ло Константина погребено съ честію въ пещерной церкви Вардзійской, гдѣ были некогда палаты Тамары, и потому нѣкоторые принимаютъ его могилу, за гробъ великой Царицы.

ЦАРЬ АЛЕКСАНДРЪ I. ВЕЛИКІЙ.

Александръ, сынъ Георгія, вступилъ на престолъ, и его двадцатипятилѣтнее царствованіе было послѣднею эпохою славы Грузинской, ибо послѣ него рассталась обширная держава, и уже никогда не возстановлялось прежнее единство. Имя возобновителя дано было потомствомъ сему

Александру, какъ нѣкогда святому предку его Давиду, потому что и онъ, странствуя въ конца въ конецъ по всемъ своимъ предѣламъ, старался обновить падшее и стереть слѣды опустошеній Тамерлановыхъ. Возстановленіе собора Мцхетскаго наиболее возвеличило память его, ибо всегда близки сердцу народа благодотворители святлищъ, къ которымъ искони устремлено его благоговѣніе. Куда ни являлся Александръ, вездѣ водворялся миръ его присутвіемъ. Владѣтели Мингрелии и Абхазіи враждовали между собою, и первый палъ жертвою своего честолюбія; Царь поставилъ сына Маміи, Липарида, Дадіаномъ, но смирилъ и Ширвашидае, который принялъ его съ честію и дарами; Гуріель и Сванеты признали надъ собою его владычество. Одинъ только Атабегъ Ахалцихскій, превозносясь могуществомъ своего рода, колебался идти на встрѣчу Царю. Между тѣмъ Александръ, вступивъ въ Имеретію, къ общему утѣщенію жителей, поставилъ въ Кутансѣ Эривастомъ Дмитрія, племянника того Константина, который

провозгласилъ себя Царемъ при его отцѣ, но не былъ ему страшенъ, такъ какъ самъ Александръ былъ женою на сестрѣ его и пользовался любовію народною; Имеретин же пріятно было видѣть у себя потомка славнаго сына Русудани, Давида Нарина, долго правившаго ихъ отдѣльнымъ царствомъ. Однакоже, такое назначеніе сдѣлалось въ послѣдствіи гибельнымъ для единства Грузіи, при слабыхъ преемникахъ Александра, ибо Имеретія, вспомнивъ прежнюю независимость, совершенно отложи-лась.

Дошла очередь до Атабега, который отважился состязаться съ Царемъ своимъ, и побѣжденный въ битвѣ, плѣнникомъ послѣдовалъ за Государемъ, но умолилъ его возвратить ему наследственную область. Такимъ образомъ, все владѣтели, утверждаемые въ своемъ престолонаслѣдіи Царями, искали однако избѣгать сей зависимости и воспользовались ею, при первомъ удобномъ случаѣ, ибо они уже достаточно укрѣпились потомственными владѣніемъ, каждый въ своей области. Устроивъ

дѣла гражданскія, великій Александръ озаботился и благочиніемъ церковнымъ; онъ созвалъ Католикоса со всеми Епископами на соборъ, для учрежденія порядка и для обновленія раззоренныхъ святилицъ, какъ бы предчувствуя, что уже послѣ него некому будетъ заняться ихъ созиданіемъ. Турки съ одной стороны, потомки Тамерлана съ другой, хотѣли также испытать силы свои надъ отдохнувшюю Грузією, и отражены были одни оружіемъ, другіе же мирными условіями, но безъ дани, а возмутившіеся сосѣди усмирены.

На концѣ дней своихъ утомился однако великій дѣятель, царственными заботами, и пожелалъ мира душевнаго: онъ поставилъ вмѣсто себя Царемъ сына своего Вахтанга IV, а самъ уединился въ обит. 1442 тель, принявъ санъ иноческій, и молитвенно отошелъ къ сонму благочестивыхъ предковъ. Неизвѣстно какая обитель приняла его молъ мирную свою: въ пустынь Гареджійской показываютъ могилу Царя-инкоа Александра, невѣдомо какого, и очень можетъ быть сего великаго, хотя и

въ грамотахъ Мцхетскаго собора записано, что Царь Александръ, по смиренію устроилъ для себя особый погребальный приделъ, не смѣя возлечь въ обновленномъ имъ соборѣ; но тогда еще, быть можетъ, онъ не думалъ окончить дни инокомъ. Черезъ три года послѣдовалъ за нимъ и сынъ его Вахангъ, который успѣлъ однако, въ краткое свое царствованіе, отразить нашествія сильнаго властителя Персіи Джаганъ-
1445 Шаха. Георгій VIII, второй сынъ Александра вступилъ на престолъ отца и былъ свидѣтелемъ горькаго распаденія своего царства, въ теченіе двадцати шестилѣтняго правленія, менѣе слабаго нежели несчастнаго, ибо онъ не лишенъ былъ царственныхъ и воинскихъ доблестей, но только ни въ чемъ ему не было успѣха.

РАЗДѢЛЕНІЕ ЦАРСТВА. ГЕОРГІЙ VIII.

Первый примѣръ отпаденія подали всѣмъ другимъ Атабеги, слишкомъ возвеличенные свѣтлымъ Георгіемъ, который возросъ подъ ихъ покровительствомъ: Кваркваръ, завистливый дядя кроткаго Атабе-

га Акбуги, старался происками исхитить у него родовую область и, по просьбѣ своего племянника, смиренъ былъ оружіемъ Царя, у котораго долго потомъ находился плѣнникомъ. Георгій еще имѣлъ довольно силы и власти, чтобы отразить нападенія Турковъ отъ Чернаго поморія, и заставить, на берегахъ Каспійскихъ, Хана Ширванскаго платить ему дань, потому что въ первые пятнадцать лѣтъ его правленія, всѣ удѣльные владѣтели безусловно ему покорялись; но онъ неблагоразумно утвердилъ Кварквара Атабегомъ, по смерти его бездѣтнаго племянника, и это было виною распаденія царства.

Какъ только скончался Димитрій, Эриванъ Имеретинскій, и на его мѣсто поставленъ былъ отъ Царя сынъ его Багратъ, коварный Атабегъ вступилъ въ заговоръ съ Дадіаномъ, Гуріелемъ, Князьями Абхазіи и Сванетовъ, и началъ возбуждать юношу, чтобы онъ объявилъ себя независимымъ Царемъ и далъ имъ чрезъ то полную свободу. Блескъ вѣнца обольстилъ предприимчиваго Баграта: безъ всякой помощи отъ

своихъ новыхъ союзниковъ, одинъ онъ выступилъ въ поле противъ Георгія и разбивъ его, короновался въ Кутансъ: отъ него начался непрерывный рядъ Царей Имеретинскихъ до послѣдняго Соломона. Георгій устремился въ Ахалцихъ, чтобы наказать виновнаго Атабега и, по старой привыченности жителей къ власти царской, легко овладѣлъ его землями, но принужденъ былъ удалиться, услышавъ о нечаянномъ нападеніи, на собственные владѣнія, Шаха Персидскаго; этимъ воспользовался Кваркваръ, ибо не было не сей разъ успѣха Георгію противъ Персовъ. Атабегъ, съ помощію Баграта, изгналъ намѣстниковъ царскихъ и укрѣпилъ союзъ съ прочими удѣльными Князьями, отложившимися по его примѣру. Георгій, послѣ пораженія Персидскаго, собралъ остатокъ силъ и еще однажды выступилъ противъ Атабега; но едва самъ не сдѣлался жертвою измѣны, ибо враги ночью хотѣли умертвить его въ станѣ. Вѣрный ему бояринъ Зегденидзе, провѣдавъ о заговорѣ, легъ вмѣсто Царя на его ложе и, вольною смертію, избавилъ Георгія отъ

ножалованъ княжескимъ достоинствомъ, съ званіемъ Эмиръ-Ахора или конюшаго, отчего произошла фамилія князей Амилахваровыхъ. Кваркваръ воспользовался смятеніемъ, чтобы напасть на станъ царскій и захватить въ плѣнь самаго Царя. Недолго пользовался своею измѣною Атабегъ, ибо скончался въ томъ же году; Георгій оставался плѣнникомъ у сына его Баадура, а между тѣмъ Багратъ вторгся въ Карталинію и овладѣлъ ею.

Тогда племянникъ Царя, Давидъ, сынъ убитаго на ловлѣ брата его Дмитрія, жившій въ Кахетіи, былъ провозглашенъ Царемъ у Кахетинцевъ, которые боялись подпасть ягу Багратову, и такимъ образомъ нечаянно возникло третіе независимое царство, коего три послѣдніе Царя владѣли даже престоломъ Карталинскимъ. Атабегъ Баадуръ, въ свою очередь испуганный успѣхами Баграта, рѣшился освободить царственного узника своего, чтобы самому не сдѣлаться данникомъ Имеретіи; онъ принудилъ Георгія признать его независимость и далъ ему помощь, для освобожденія сво-

его царства и покоренія Кахетин. Давидъ бѣжалъ въ горы къ Дидойцамъ, но какъ только скончался Георгій, удрученный годами и печалію о распаденіи царства, онъ возвратился въ Кахетию и не хотѣлъ признать надъ собою власти сына Георгіева, Константина III, равно какъ и всѣ прочіе удѣльные владѣтели, сдѣлавшіеся независимыми.

1469 Одиѣ только Епископы собрались въ Тифлисъ, со всѣхъ епархій бывшаго обширнаго царства, для коронованія Царя, уже лишеннаго достоянія предковъ; такимъ образомъ раздѣлилась держава Давида и Тамары на три отдѣльныя царства, Карталинн, Имеретин и Кахетин, и на пять особыхъ княжествъ, коихъ владѣтели, кромѣ Князей Сванетовъ и Абхазин, изъ рода Ширвашидзе, носили наследственное титуло Атабеговъ, Дадіановъ, и Гуріелевъ, обратившея имъ въ фамилію. Отсель исторія края теряетъ свое достоинство, отъ непрестанныхъ междоусобій, хотя и бывали иногда вроблески минувшей славы.

Долгое царствованіе Константина III бы-

ло зародышемъ многихъ золь, въ его время возникшихъ внутри и снаружи государства. Хотя и отразилъ онъ сперва полчища властителей Персiи Узунъ-хана и Якуба, но не могъ однако спасти своей столицы отъ меча сего послѣдняго, и при немъ многочисленное народонаселенiе магометанское водворилось, въ южныхъ предѣлахъ Борчалинскихъ. При немъ также возникла, въ лицѣ Шаха Измаила, по-1496
вая сильная династiя Софiевъ Персидскихъ, изъ Ардебиля, который данъ былъ Тамерланомъ въ удѣлъ ученому ихъ родоначальнику Софiю, по глубокому уваженiю къ его мудрости. Шахъ Измаиль держался раскола Шитовъ, которые отдѣлились отъ главнаго исповѣданiя Суннитовъ, послѣдователей того же Корана, и распространилъ мнѣнiе свое по всей Персiи, вмѣстѣ съ жестокою враждою противъ Турковъ, ревнителей ученiя ему противнаго. Война между обоими народами часто отзывалась горькими послѣдствiями для Грузiи, которая невольно признала надъ собою покровительство сильнаго Шаха Измаила, и мно-

го пострадала въ послѣдствіи отъ него и его преемниковъ. Безсиліе раздѣлившейся державы было виною позорнаго ига, ибо не было согласія между ея властителями и не возставало болѣе такого, который опять, мощною рукою, могъ бы соединить всѣ части въ одно цѣлое. Имеретія съ Чернымъ поморіемъ составляла особую систему, на которую имѣла вліяніе Турція; Кахетія большею частию подвергалась одной участи съ Карталиніею, подъ страхомъ Персовъ.

ИГО ПЕРСИДСКОЕ. ДАВИДЪ ІХ.

1505 Двадцатилѣтнее царствованіе Давида ІХ, сына Константинова, ознаменовалось для Грузіи бѣдствіями, которыя напомнили ей времена Тамерлана. Въ первые годы однако ему удалось соединить оба царства, когда Александръ Кахетинскій, наследовавшій первому Царю Давиду, былъ умерщвленъ нечестивымъ сыномъ своимъ Авъ-Георгіемъ, или Злымъ; недолговѣчный убійца оставилъ по себѣ малолѣтняго сироту, ибо на главу его пала кровь родителя. Но Давидъ, понадѣ-

явшись на свои силы, хотѣлъ отложиться отъ Персін, и разгнѣванный Шахъ, двинувшись противъ него, призналъ юнаго Льва Царемъ Кахетинскимъ. Шахъ Измаилъ овладѣлъ Тифлисомъ, въ 1518 году, раззорилъ церкви, бросилъ въ рѣку священную икону Божіей Матери Сіонской, сохранившуюся отъ ярости Тамерлана, и построивъ въ городѣ первую мечеть, оставилъ въ горномъ его замкѣ сторожевое войско. Услышавъ о смерти завоевателя, Давидъ возвратился въ раззоренную столицу и, выгнавъ стражу Персидскую, старался возстановить городъ изъ развалинъ; но истомленный столькими бѣдствіями, постригся въ обители Тифлисской, оставивъ престолъ брату своему Георгію.

Сей Георгій былъ сподвижникомъ Ца- 1524
ря Кахетинскаго Льва, который заслужилъ титуло великаго и прославился походомъ своимъ въ Іерусалимъ, когда, по зову Султана Солimana, ходилъ освободить Св. градъ, отъ временнаго нашествія невѣрныхъ. По лѣтописи Грузинской, Льву содѣйствовали въ крестовомъ походѣ: Атабегъ Кваркваръ,

Багратъ Царь Имеретинскій и Георгій IX Карталинскій. Крестовый походъ сей, несомнѣнный потому, что имя великаго Леона записано было на мраморѣ Голговы, сомнительно однако по его изложенію въ летописи Вахуштія. Султанъ предложилъ тремъ Царямъ освободить святой градъ отъ невѣрныхъ; но въ то время сами Турки обладали Іерусалимомъ послѣ Мамелуковъ; имя же невѣрныхъ могли они относить только къ Франкамъ или Персамъ: быть можетъ Султанъ подразумѣвалъ Сирійскаго владѣтеля Джанберди, поднявшаго противъ него знамя бунта? Цари дружно совершили походъ, разбили непріятелей, которые на нихъ вышли изъ стѣнъ города, и, осыпавъ своими благодареніями святыя мѣста, со славою возвратились въ отечество.

1534 Десять лѣтъ царствовалъ Георгій, и удалившись также въ обитель, оставилъ престолъ племяннику Луарсабу, сыну Давидову, прозванному великимъ между Царями Карталинскими. Нѣсколько разъ мужественно отражалъ онъ Турковъ и Пер-

совъ и, въ продолженіе двадцати четырехъ лѣтъ, былъ щитомъ своей земли. Временно покорялась ему и Кахетія, послѣ смерти великаго Льва, который въ преклонныхъ лѣтахъ облекся въ иноческій образъ, утомленный долголѣтнимъ царствованіемъ. Но при Луарсабъ опять бѣдственное раззореніе постигло Тифлисъ: Шахъ-Тамазъ, преемникъ Иманна, наступилъ съ своими полчищами и предалъ городъ огню и мечу. Пользуясь удаленіемъ врага, Луарсабъ овладѣлъ на краткое время столицею, и еще разъ вторгся въ Грузію завоеватель Персидскій; Тифлисъ оставался во власти Шаха. Луарсабъ принужденъ былъ удалиться въ горы, отколѣ не преставалъ воевать съ Персіянами, доколѣ смерть не постигла его въ битвѣ.

Симонъ наследовалъ отцу и перенесъ 1538 тяжкія испытанія, вмѣстѣ съ своимъ царствомъ, въ тѣ сорокъ лѣтъ, въ которыя носилъ горькій вѣнецъ Грузинъ; но сила его духа, посреди бѣдствій, заслужила и ему имя великаго у потомства. Братъ его Давидъ, принявшій Магометанство, былъ ему со-

перникомъ и, подъ сѣнію Персовъ, властвовавъ въ Тифлисъ. Симонъ, изгнавши отступника изъ наслѣдія православныхъ предковъ, по чрезвычайной своей отвагѣ, самъ достался въ плѣнъ Шаху Персидскому Худабендѣ, и многіе годы провелъ въ Ширазѣ. Когда же Турки воспользовались сиротствомъ его державы, чтобы овладѣть ею, и знаменитый Лала-Паша, покоривъ Тифлисъ и Эривань, принудилъ Шаха уступить Турціи всѣ завоеванные города, Шахъ выпустилъ изъ плѣна Царя Грузинскаго, и Симонъ быстро освободилъ все свое царство отъ ига Турецкаго. Это было время первыхъ сношеній нашихъ съ Царемъ Кахетинскимъ Александромъ, который призналъ надъ собою покровительство Россіи, для защиты отъ Шамхала и Персовъ. Съ неудовольствіемъ смотрѣлъ Шахъ Аббасъ, сынъ Худабенды, на такое сближеніе единовѣрцевъ, однако до времени терпѣлъ, по причинѣ войны своей съ Турками; когда же одолѣвъ ихъ у себя въ Азербиджанѣ, онъ укрѣпилъ Ганджу, чтобы оттолѣ быть всегда готовымъ къ нападенію на Грузію.

Царь Симопъ, не предвидя коварныхъ его замысловъ, содѣйствовалъ Персамъ противъ болѣе страшныхъ тогда Турковъ; онъ двинулся на сильнаго вождя ихъ Джафаръ-Пашу, но былъ разбитъ и плѣнникомъ уведенъ въ Царьградъ, гдѣ и скончался. Сынъ его Георгій X искалъ родственной связи 1600 съ Россією и послалъ племянника Хозроя, просить руки Царевны Ксеніи, дочери Годунова; но внезапная кончина Бориса разрушила предполагаемый бракъ. При Георгіѣ X одна изъ лучшихъ областей, бывшей державы Иверской, принадлежавшая Атабегамъ, завоевана была Турками: Ахалцихъ сдѣлался мѣстопробываніемъ Пашей, которые имѣли съ тѣхъ поръ сильное вліяніе на Имеретію и часто вторгались въ Грузію.

Луарсабъ святой или мученикъ насль-1603 довалъ отцу, но прежде подвиговъ мученичества прославился доблестями воинскими; онъ отразилъ Хана Крымскаго Гирея, опустошавшаго Грузію по волѣ Султана, и соединившись съ Теймуразомъ Кахетинскимъ, затемъ своимъ, не утратилъ вы-

ступитъ въ поле противъ великаго Шаха
1605 Аббаса. Оставленные подданными, кото-
рые не дерзали сражаться противъ завое-
вателя, оба удалились къ Имеретинскому
Царю Георгію; но Луарсабъ повѣрилъ льсти-
вому предложенію Шаха и, явившись въ Тиф-
лисъ, былъ измѣннически увезенъ въ Пер-
сію; тамъ скончался мученикомъ за исповѣ-
даніе имени Христова, въ одно время
съ другою великою исповѣдницею Цари-
цею Кетеванію, матерью Теймураза, и ихъ
обоихъ причла Церковь Иверская къ лику
1615 своихъ святыхъ. Съ Луарсабомъ прекра-
тилась прямая линія Царей Карталинн и
владѣтели ея даже перестали быть Христіа-
нами. Багратъ Мирза, изъ дома Кахетин-
скаго, Магометанинъ, поставленный Шахъ-
1619 Аббасомъ, и Симонъ II, двоюродный братъ
Луарсаба, избранный Грузинами и потомъ
умерщвленный Эриваномъ Арагвскимъ, Зу-
рабомъ, не долго держались на престо-
1623 лѣ. Пользуясь междоусобіями и вліяніемъ
Зураба, на краткое время, овладѣлъ Карта-
линнею великій Теймуразъ; но изгнанный
опять Персіянами, бѣжалъ въ родовую свою
область Кахетію.

Это была самая несчастная эпоха для Грузии: двукратное нашествіе Шаха не уступало ни въ чемъ ужасамъ Тамерлановымъ. Завоеватель Персидскій имѣлъ ту же цѣль — искоренить Христіанство, чтобы на всегда овладѣть землею, которую охраняла вѣра ея народа; но вмѣсто того чтобы поселять Магометанъ, у подножія Кавказа и въ Дагестанъ, какъ дѣйствовалъ Тамерланъ, Шахъ Аббасъ напротивъ того разорялъ города и обители, и силою переселялъ Христіанъ во внутренность Персіи; до сихъ поръ, около Испагани, есть много деревень Грузинскихъ и Армянскихъ, жители которыхъ, утративъ вѣру, соблюли языкъ своихъ предковъ. Съ другой стороны, Турки обратили въ Магометанство почти всю область Атабеговъ и часть Гуріи, а въ горахъ и Дагестанъ само собою укрѣплялось ученіе Корана; такимъ образомъ отовсюду тѣснимое Христіанство, держалось только въ вѣхъ умаленныхъ царствахъ, безпрестанно обуреваемое врагами. Чтобы еще болѣе его поколебать, Шахъ Сефи, сынъ Шахъ-Аббаса, поставилъ въ Тифлисъ Царемъ

1634 Ростомъ, хотя отъ племени Багратидовъ, ибо онъ былъ внукъ великаго Луарсаба по сыну его Давиду, но Магометанина, рожденнаго въ Персїи отъ незаконнаго брака.

**ЦАРИ МАГОМЕТАНЕ ДИНАСТІИ КАРТАЛИН-
СКОЙ, РОСТОМЪ.**

Ростомъ не притѣснялъ Христіанъ, въ продолженіе двадцати-четырёхлѣтняго своего правленія. При немъ Армяне получили нѣсколько опустѣвшихъ церквей въ Тифлисѣ и, въ числѣ ихъ, прекрасный соборъ Виолеемскій на горѣ, такъ что числомъ храмовъ они не только сравнялись, но даже превзошли Грузинъ въ собственной ихъ столицѣ; однако Маріамъ, супруга Царя изъ дома Дадіановъ, старалась поддержать своихъ единовѣрцевъ. Ростомъ, преданный Персамъ, страшенъ былъ для Турковъ; они не смѣли при немъ тревожить его государства. — Кахетія, осиротѣвшая безъ Теймураза, который разбитъ былъ въ крово-

пролитной битвѣ и лишился послѣдняго сына Давида, повиновалась также Ростому; а между тѣмъ Теймуразъ искалъ себѣ помощи въ Россіи и Турціи, послалъ внука своего ко двору Московскому и самъ посѣтилъ дальнюю нашу столицу; но нельзя было подать ему помощи въ трудную для насъ эпоху; взятый наконецъ въ плѣнъ Вахтагомъ, онъ окончилъ дни свои въ Персіи; только внукъ его Ираклій получилъ опять достояніе отеческое. Царь Ростомъ укрѣпилъ древній вынгородъ Тифлиса и обновилъ столицу послѣ столькихъ опустошеній; онъ выстроилъ въ ней великолѣпный дворецъ, на берегу Куры, и обширный караванъ-сарай, который доселѣ носитъ его имя; соорудилъ также и знаменитый Красный мостъ, на рѣкѣ Храмъ, по дорогѣ въ Персію, который, хотя и лишенъ своихъ роскошныхъ караванъ-сараявъ, однако доселѣ свидѣтельствуетъ о величіи Царя.

Чувствуя приближеніе кончины, Ростомъ 1658 назначилъ по себѣ преемникомъ Вахтаंगा, Князя Мухранскаго, изъ младшей линіи Ца-

рей Карталинскихъ , которая происходила отъ Баграта, сына Константина III. Но, по жалкому обычаю того времени , Вахтангъ, прежде нежели сделаться Царемъ, долженъ былъ принять магометанство, и подъ именемъ Шахъ-Наваза вступилъ на престолъ, взявъ за себя и вдову Ростому Маріамъ. Къ соблазну Христіанъ, на дворъ царскомъ, мечеть стояла недалеко отъ придворной церкви, и хотя Вахтангъ, какъ и некоторые изъ его преемниковъ, были только номина Магометанами, однако они должны были исполнять наружно все обрядовыя обязанности корана. Осьмнадцатилѣтнее правленіе Вахтанга было столь же щастливо какъ и Ростомово для Грузін, отдохнувшей на полвѣка. Турки трепетали его оружія; временно соединилъ онъ подъ своимъ скипетромъ все три царства, поставивъ сына Арчила сперва Царемъ Имеретинскимъ, на мѣсто изгнаннаго Баграта, а потомъ Кахетинскимъ, когда Багратъ опять возвратился въ Кутансъ; Арчилъ, три раза возродимый отцемъ своимъ, столько же разъ былъ низлагаемъ приверженцами Баграта, но Ка-

хетія оставалась ему вѣрною при жизни отца.

Съ кончиною Вахтанга V опять нахлы- 1676
нули на его царство все ужасы междоусобій и злыхъ войнъ. Сынъ его Арчиль, не удержавшійся при жизни отца на престолѣ Имеретивскомъ, не могъ послѣ него утвердиться и на Карталинскомъ, и удалился съ семействомъ въ Россію, искать себѣ мирной кончины, послѣ бурной жизни и трехъ вѣнцовъ, ему измѣнявшихъ. Магометанскій братъ его, Георгій XI, вступилъ на шаткій престолъ по волѣ Шаха Сулеймана, который не хотѣлъ видѣть Христіанина Арчила на престолѣ; но и онъ возмечталъ освободиться отъ ига Персидскаго, и былъ вызванъ въ Персію Шахомъ Гуссейномъ. Внука великаго Теймураза, 1688
поставилъ онъ Царемъ, подъ магометанскимъ именемъ Назаръ-Али-Хана; Георгій же принужденъ былъ жить въ Персіи и тамъ сражался за невѣрныхъ, съ возмущившимся противъ Шаха Султаномъ Авганскимъ, который въ послѣдствіи умертвилъ Царя за мирною трапезою. Но внукъ Тей-

мураза не хотѣлъ управлять чуждымъ ему
наслѣдіемъ и Шахъ поставилъ намѣстни-
1703 комъ Вахтанга, племянника Георгіева. По
смерти Георгія, братъ его Левъ, былъ
провозглашенъ Царемъ, но Вахтангъ про-
должалъ управлять. Когда же, съ кончи-
ною родителя, ему достался престолъ,
Шахъ-Гуссейнъ требовалъ отъ него отрече-
нія отъ Христіанства и Вахтангъ пред-
почелъ пльнъ ввроотступничеству. Братъ
1714 его Иессей, болѣе равнодушный, измѣнилъ
вѣрѣ отцевъ и воцарился на краткое вре-
мя; наконецъ поколебался и Вахтангъ и
1719 получилъ престолъ предковъ. Таково бы-
ло бѣдственное положеніе Грузіи въ ея по-
слѣдніе годы. Сей Вахтангъ VI, по по-
рядку Царей сего имени, оставилъ однако не
себѣ громкую память, хотя и мало царство-
валъ, долго отсутствуя въ Персіи. Онъ
составилъ полное уложеніе законовъ Гре-
ческихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ, из-
давна бывшихъ въ употребленіи, которое
доселѣ носить его имя и уважается не
только Христіанами, но и Магометана-
ми; онъ же, послѣдній Царь династіи

Карталинской, какъ бы предчувствуя скорый исходъ своего царства, самъ потрудился собрать его многовѣковую лѣтопись.

Между тѣмъ Ираклію, уступившему престолъ законнымъ властителямъ дома Карталинскаго, наследовалъ въ Кахетіи сынъ его Константиъ также Магометанинъ, и воевалъ съ Вахтангомъ. Онъ призвалъ себя на помощь дикія шайки Лезгинъ, которые съ тѣхъ поръ начали наводнять Кахетію и Карталинію, ибо имъ сдѣлались извѣстны всѣ пути и безсиліе обоихъ царствъ. Константиъ (иначе Магометъ-али-Ханъ) овладѣлъ Тифлисомъ и предалъ его хищности Лезгинъ. Вахтангъ бѣжалъ въ Гори и призвалъ къ себѣ на помощь Турковъ изъ Ахалциха, которые быстро занявъ всѣ его области, заставили удалиться Али-Хана. Въ то же время сильный Султанъ Аваганскій Махмутъ овладѣлъ Персією и умертвилъ Шаха Гуссейна, со всемъ его родомъ, угрожая распространить далѣе свои завоеванія. Смятенный Вахтангъ, видя себя между оружіемъ Тур-

ковъ и Авганцевъ, рѣшился удалиться въ Россію; Императрица Екатерина милостиво приняла Царя, со всемъ его семействомъ, какъ и дядя его Арчилъ нашелъ себѣ пристанище, при дворѣ великаго Петра.

1724 Оять Іессей былъ поставленъ Царемъ, но уже отъ Турковъ, съ новымъ измѣненіемъ вѣры, ибо изъ Шита сдѣлался Суннитомъ; въ Кахетіи же провозгласили они Теймураза II, брата умерщвленнаго ими Али-хана; но не долгое время владычество ихъ тяготѣло надъ Грузією.

До какой степени вѣра, и одна только вѣра поддерживала бѣдствующую страну, посреди ея междуособій внутреннихъ и нападений вѣшнихъ, и какъ она была сильна въ пастыряхъ Церкви Грузинской, — тому свидѣтельствомъ можетъ служить слѣдующее событіе, достойное первыхъ временъ Христіанства. Юноша Грузинъ, защищаясь противъ Турка, который хотѣлъ его ограбить, умертвилъ врага и скрылся; подозрѣніе пало на другаго и онъ приговоренъ былъ къ смерти. Настоящій убійца,

видя что за него погибаетъ невинный и самъ явля семейство, исповѣдалъ духовному отцу грѣхъ свой и что удержи-ваетъ его открыть вину. Какъ же поступилъ духовникъ? Памятуя слово евангельское, что пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы своя, онъ явился на судилище Турецкое и просилъ пощадить осужденнаго невинно. — Кто же виновенъ? спросили его судьи. Не онъ и не я, отвѣчалъ мужественный пастырь, но только клянусь именемъ Божиимъ, что осужденный на смерть не есть убійца. На- 1724
врасно судьи угрозами хотѣли принудить его открыть виновнаго; они наконецъ исполнили надъ нимъ приговоръ казни, освободивъ невиннаго.

**НАДИРЪ-ШАХЪ. ДИНАСТІЯ КАХЕТИНСКАЯ,
ТВЙМУРАЗЪ II.**

Славный Шахъ-Надиръ, сокрушивъ Авагановъ въ Персіи, овладѣлъ престоломъ Софіевъ и двинулся противъ Турковъ; онъ

разбилъ ихъ подъ Эриванью, выгналъ изъ всѣхъ предѣловъ Грузіи и поставилъ своихъ намѣстниковъ въ Тифлисъ и Гори. Спустя нѣсколько времени, въ знакъ благодарности Теймуразу, за то что схватилъ одного изъ самозванцевъ, которые выдавали себя за дѣтей Шаха Гуссейна, и представилъ къ нему чрезъ сына своего Ираклія, завоеватель провозгласилъ его Царемъ Карта-
1744 лискимъ. Не забылъ онъ и заслугъ юнаго Ираклія, вѣрно ему служившаго въ блистательномъ походѣ противъ Индіи, и провозгласилъ его Царемъ Кахетинскимъ. Походъ Надиръ-Шаха въ Грузію не оставилъ по себѣ столь страшнаго воспоминанія, какъ нашествіе Шахъ-Аббаса, потому что онъ былъ направленъ противъ Турковъ; однако пострадала опять страна, отъ опустошительнаго пребыванія Персовъ. Но если бы продлилось владычество Надира, возобновились бы прежнія бѣдствія, ибо завоеватель началъ требовать съ обоихъ Царей сильной дани и войска, для усмиренія собственныхъ подданныхъ.

Теймуразъ, не будучи въ состояніи

уплатить такой дани, укрылся съ семействомъ въ крѣпкій замокъ Анапуръ, а народъ бѣжалъ въ горы. Общее запустѣніе страны принудило Царя идти просить милости у Шаха, но дорогою онъ услышалъ о его убіеніи, Магометъ-Ханомъ Каджарскимъ. Родственникъ Надира сталъ властвовать надъ Персією, подъ именемъ Адиль-Шаха, и женился на дочери Теймураза, но скоро новый Шахъ ослѣпленъ былъ братомъ своимъ Ибрагимомъ. Внутреннія смутенія Персіи дали отдохнуть Грузіи и, во время отсутствія родителя, Ираклій сильною рукою управлялъ его царствомъ. Бывшій правитель Тифлиса Али-Ханъ утвердился въ Ганджѣ и провозгласилъ тамъ самозванца сыномъ Шаха Гуссейна; онъ хотѣлъ принудить Ираклія къ союзу съ нимъ, но былъ отраженъ отъ Тифлиса. Ираклій побѣдилъ и другаго соперника, магометанскаго сына послѣдняго Царя Іессея, который надѣялся овладѣть отцовскимъ наслѣдіемъ. Давно уже Грузія не видала витязя подобнаго Ираклію на своемъ престолѣ. Полчища Лезгинъ, не по-

дозрѣвая его ратной отваги, приблизились къ столицѣ, но были имъ истреблены на поляхъ Марткопскихъ. Между тѣмъ Царь Теймуразъ возвратился изъ Персін и столь же мужественно сражался съ общими врагами. Жители Эривани просили у него помощи противъ Авганцевъ, осадившихъ ихъ крѣпость, и, по волѣ отца, Ираклій ходилъ освободить Эривань.

Сосѣдняя Ганджа не хотѣла платить условленной дани Грузіи; Ханъ Шекинскій, съ войсками Дагестана и Ширвана, двинулся къ Тифлису и требовалъ дани отъ самаго Теймураза; но какъ молнія налетѣлъ Ираклій и разсѣялось все вражеское скопище. Наступилъ съ сѣвера Ханъ Аварскій, съ своими Лезгинами, и испыталъ такое же пораженіе. Въ это время Ираклій принудилъ Татарскія орды, перекочевавшія изъ южныхъ предѣловъ Грузіи въ область Эриванскую, возвратиться на прежнее жительство, чтобы не опустѣла страна. Опять собрались шайки Лезгинскія и съ двухъ сторонъ напали на Грузію: Ираклій испросилъ себѣ помощь, у великаго Соломона Царя

Имеретинскаго, и разбилъ на голову хищниковъ. Междоусобіе на время утихло въ Персіи: Керимъ-Ханъ одолгьлъ всѣхъ своихъ соперниковъ и былъ милостивъ къ Царямъ Грузіи; но несогласіе возникло между Иракліемъ и отцемъ его; Теймуразъ принужденъ былъ удалиться въ Россію и скончался въ Астрахани, а сынъ его сдѣлалъ 1762 ея единственнымъ обладателемъ царства. Тогда явился ему новый соперникъ изъ Россіи, Бакаръ, сынъ удалившагося туда Царя Вахтанга, и нашелъ себѣ приверженцевъ въ Тифлисѣ, ибо тамъ еще свѣжа была память старшей династіи Картлинской; но искатель престола принужденъ былъ бѣжать въ Россію; жестокая казнь ожидала всѣхъ его единомышленниковъ; до сихъ поръ показываютъ въ предмѣстіи Авлабарскомъ песчаный берегъ, гдѣ пылали ихъ костры.

ЦАРСТВОВАНИЕ ВЕЛИКАГО ИРАКЛІА.

Ираклій приобрѣлъ себѣ благоволеніе Керимъ-Шаха, выдавъ ему его соперника

Авганскаго, бѣжавшаго въ Грузію. Имя Царя было уже столь славно повсюду, что къ его покровительству прибѣгали сосѣдніе властители; а между тѣмъ, сильною рукою, непрестанно отражалъ Ираклій нападенія Курдовъ и Лезгинъ. Возмущеніе Эристава Рачи противъ Царя Имеретинскаго и нашествіе Турковъ, побудили Соломона просить покровительства Россіи; Графъ Тотлебенъ посланъ былъ, съ малымъ отрядомъ, на помощь къ Царю; но, еще прежде его прихода, Соломонъ одолѣлъ непокорныхъ и, съ дружиною Русскихъ, выгналъ Турковъ изъ своихъ предѣловъ. Военачальникъ Русскій, соединившись съ Иракліемъ, двинулся къ Ахалциху, но возникшее между ними несогласіе остановило на пути Графа. Не смутился Ираклій; съ горстію храбрыхъ напалъ, въ ущеліи Боржумскомъ, на полчища Турковъ и Лезгинъ, раздѣленныхъ Курою, и истребилъ мосты, одержалъ надъ ними блистательную побѣду. Ираклій же продолжалъ походъ и раззорялъ предѣлы Ахалциха и Карса, доколѣ, съ разрѣшенія Шаха, не заключилъ славнаго мира съ Султаномъ Турецкимъ.

Такъ протекало, въ непрестанныхъ битвахъ, воинственное царствованіе послѣдняго витязя Грузіи: когда мирно было со стороны Персіи и Турціи, Дезгини не давали ему покоя и сдѣлались еще предприимчивѣе, подъ предводительствомъ Омаръ-Хана Аварскаго, котораго имя записано кровавыми чертами въ лѣтописи сей эпохи. Съ юга безпрестанно тревожила мятежная Ганджа, такъ что Ираклій овладѣлъ наконецъ городомъ и временно поставилъ тамъ своихъ намістниковъ; онъ принудилъ и Гуссейнъ-Хана Эриванскаго платить ему обычную дань. Такъ дѣйствуетъ геній одного великаго мужа, ибо не было у Ираклія ни сильныхъ войскъ, ни денежныхъ средствъ, для поддержанія столькихъ войнъ; но никогда не измѣняло ему мужество и всегда бѣжали предъ нимъ враги.

По смерти Керимъ-Шаха, родственникъ его Али-Муратъ требовалъ покорности отъ Царя, но онъ не хотѣлъ болѣе подчиняться непрочнымъ властителямъ Персіи и предпочелъ подданство Россіи. Ираклій, 1784

Часть I.

17

послалъ въ Георгіевскъ, князей Мухранскаго и Чавчавадзе, заключить условія подданства съ полномочными Великой Екатерины, и Генералъ Потемкинъ, съ малымъ отрядомъ, перешелъ горы для охраненія Грузіи. Омаръ-Ханъ бѣжалъ отъ союзниковъ; смятенная Ганджа умолила Царя возстановить у нее прежній родъ ханскій; но Турки, раздраженные покровительствомъ Россіи, вооружились противъ Ираклія и были опять имъ разбиты, съ помощію Русскихъ. Соломонъ великій умеръ и воцарился въ Имеретіи двоюродный братъ его Давидъ; но племянникъ, того же имени, внукъ Царя Ираклія по матери, убѣдилъ дѣда доставить ему престолъ, на который имѣлъ болѣе правъ. Онъ достигъ цѣли и, оружіемъ Грузинъ, возшелъ на царство съ именемъ Соломона II; но это произвело междоусобіе, въ которое вмѣшались Турки и Лезгины; Изгнанный Давидъ бѣжалъ въ Ахалцихъ и не безъ кровопролитія принудили его отказаться отъ престола.

Но великому Царю, уже достигшему

маститой старости, еще предстояли на конецъ дней тяжкія испытанія, отъ внутреннихъ раздоровъ многочисленнаго семейства. Вахтангъ, сынъ его отъ перваго брака, скончался; Георгію, рожденному отъ втораго, сѣдовалъ престолъ; но Ираклій женился въ третій разъ на дочери Дадіана, Дареджани, и шесть сыновей отъ сего супружества завистливо смотрѣли на многочисленное семейство Георгія, состоявшее изъ девяти сыновей, которые отстраняли ихъ отъ престола. Имя Дареджани или Даріа ознаменовано было многими бѣдствіями, въ лѣтоисяхъ Имеретіи и Абхазіи; не болѣе счастья принесло оно и Грузіи. Честолюбивая супруга Ираклія, имѣвшая на него сильное вліяніе, старалась доставить престолъ старшему сыну своему Іулону, послѣ Георгія, который не обещалъ быть долговѣчнымъ; она убедила Царя, въ благовременно раздать удѣлы лѣтямъ, потому что не ожидала милости отъ его наследниковъ: это было виною несласій и разоренія столицы, свирѣпымъ Ага-Магомедъ-Ханомъ Персидскимъ.

Оскопленный Надиръ-Шахомъ, который умертвилъ его дѣда, Хана Гялянскаго, Ага-Магометъ возвысился послѣ кончины Керимъ-Шаха и, съ помощію храбраго своего племянника, будущаго Фетъ-Али-Шаха, получилъ перевѣсъ надъ прочими удѣльными властителями Персін. Желая соединить все царство подъ свою державу, онъ пошелъ съ войсками на Карабахъ и послалъ племянника осадить Эривань; но Царь Ираклій спасъ сію крѣпость, скороымъ приходомъ, и тѣмъ навлекъ на себя оружіе Персовъ. Предвидя опасность, онъ сталъ на рѣкъ Храмъ, у Краснаго моста, и просилъ себѣ помощи отъ Царя Соломона, разславъ повелѣнія къ дѣтямъ, сѣзънить съ войсками къ Тифлизу, изъ своихъ удѣловъ; но къ нему явились только пять тысячъ Имеретинъ съ Царемъ своимъ, а сыновья медлили; Ираклій, услышавъ о приближеніи сорокатысячной арміи Персовъ, принужденъ былъ отступить къ столицѣ.

При страшной вѣсти о нашествіи вра-

говъ, смятенный народъ собрался предъ дворцемъ и умолялъ Царя, не оставлять города на истребленіе Персамъ, обѣщая битися до послѣдней капли крови; Царь далъ также обѣтъ умереть съ своимъ народомъ, и поставлены были стражи у всѣхъ воротъ, чтобы никого не выпускать. Но малодушествовала Царица и, по совѣту присныхъ, испросила позволеніе себѣ и десяти почетнымъ семействамъ выѣхать изъ Тифлиса. Какъ только узнали о томъ жители, они подумали, что Царь, спасая семейство, не надѣется защитить столицу, по недостатку войска, и толпами бѣжали во всѣ стороны, оставляя дома свои и святыню на произволъ врагамъ. Ираклій, не зная о бѣгствѣ народа, мужественно встрѣтилъ Персовъ на Эриванской дорогѣ и отразилъ первое нападеніе; на другой день возобновилась битва предъ самыми воротами города, и опять Персы принуждены были уступить неодолимому мужеству обонхъ Царей, и малой дружинѣ Имеретинской, хотя изнуренной болѣзнями. Уже Шахъ хотѣлъ ѣхать, полагая, что къ

Ираклію собрались всѣ силы Грузин, когда внезапно разсѣялся густой туманъ, укrywавшій отъ него малочисленность непріятеля. Тогда, съ новою яростію, устремились Персы на приступъ, и уже некому было отразить ихъ въ тѣсныхъ улицахъ Тифлиса, потому что все было пусто.

Едва могъ уйти самъ Ираклій, черезъ мостъ Авлабарскій въ Кахетію; Соломонъ съ Имеретинами бѣжалъ черезъ городъ ко Мцхету, гдѣ былъ тогда Католикосъ Антоній. Митрополитъ Тифлисскій Досноей, напрасно ожидавшій лошадей отъ Царицы, для спасенія святыни, заключился съ духовенствомъ въ соборъ Сіонскомъ. Но Персы выломали двери, сожгли иконостасъ, рашитали святыню, избили священниковъ и самаго старца Митрополита сбросили въ быструю Куру, съ виноградной терасы его собственнаго дома; спасся одинъ только ключарь, заблаговременно бѣжавшій съ иконою Иверской Божіей Матери. Великолѣнный дворецъ Царя Ростома преданъ былъ пламени, какъ и весь городъ, такъ

что одно только печальное пенелище осталось отъ бывшей столицы. Ага-Магометъ-Ханъ предложилъ миръ Ираклію на ея развалинахъ; но Царь, горящій мщеніемъ, уже шелъ на него изъ Кахетіи со всеми войсками. Въ свою очередь бѣжалъ Ханъ и сломалъ за собою одну арку Краснаго моста, чтобы спастись отъ погони. На обратномъ пути въ Персію, онъ былъ умерщвленъ за жестокость, однимъ изъ рабовъ своихъ, и на мѣсто его воцарился племянникъ Фетъ-Али-Шахъ.

Осмидесятилѣтній воитель Ираклій еще однажды явился, съ Русскими войсками, подъ стѣнами Ганджи и покорилъ ее; но уже удрученный годами и скорбію о раздорахъ семейныхъ и утратѣ столицы, онъ видимо клонился ко гробу. Последніе два года провелъ въ Кахетіи, сражаясь противъ Лезгинъ и, послѣ шестидесятилѣтняго царствованія, скончался въ Телавѣ, который сдѣлался мѣстопребываніемъ царскимъ съ разоренія Тифлиса. Тѣло Царя оставалось тамъ шесть недѣль, по причинѣ мо-

роваго повѣтрія и внутреннихъ сматеній, до погребенія въ Мцхетъ. Тамъ воцарился и послѣдній Царь Георгій XII, (или XIII по иному счисленію) который провелъ трехлѣтнее царствованіе въ смутахъ воинскихъ, раздорахъ семейныхъ и болѣзняхъ. Царица Дарія, поселясь въ предмѣстіи Авлабара, сильно противодѣйствовала Царю въ Тифлисѣ, и воинственные сыновья ея, разсѣявшіеся по удѣламъ, не признавали надъ собою никакой власти. Старшій сынъ Царя, Давидъ, признанный наследникомъ престола, не могъ надѣяться получить его, ибо Царевичи домогались провозгласить старшаго брата своего Іулона и искали себѣ покровительства въ Персіи. Тогда Георгій, чтобы умирить тревожное царство, вступилъ окончательно въ подданство Россіи, по примѣру отца своего Ираклія, и испросилъ себѣ Русскія войска, для отраженія страшнаго Омаръ-Хана Лезгинскаго; потомъ же, чувствуя приближеніе кончины, совершенно уступилъ царство свое единовѣрному Императору, который одинъ только могъ спасти Грузію,

отъ всѣхъ крамолъ внутреннихъ и вѣшнихъ. Со смертію Георгія заключилась тысячелѣтняя летопись Багратидовъ и ихъ многострадальной державы, которая является, какъ Іовъ, между всѣми царствами.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Кавказъ	1
Грузія	39
Натлисмцемели, обитель Претечи	55
Пустыня Гареджийская	80
Лавра Св. Давида	104
Сигнахъ, гробница Св. Няны	117
Телавъ	145
Алавердскій соборъ	156
Икальто и Шуамта	191
Мцхетъ	209
Сирскіе Св. Отцы	335
Гора Зедазенская	254
Шіомгвинская пустынь	275
Льтопись Грузіи	294

ГРУЗИЯ

И

АРМЕНИЯ.

Часть II.

С. П. Б.

1848.

• Трузія и Арменія.

ГРУЗИЯ

и

Д Р М Е Ш Т Я.

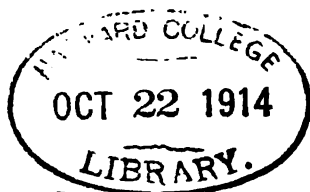

Ч а с т ь II.

С. П. Б.

Въ тип. III отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1 8 4 8.

Treat fund

Отъ Санктпетербургской Духовной Цензуры печатать позволится, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ законное число экземпляровъ Октяб. 10 дня, 1847 года.

Цензоръ Казанскаго собора Протоіерей,

Тимофей Никольскій.

АРМЕНИЯ.

Живописно ущелие Дилижанское, гдѣ бурный потокъ Акстафы; на разстояніи сорока верстъ, шумно несется по камнямъ въ роскошной долинь. Она стѣсняется все болѣе и болѣе, по мѣрѣ подъема; иногда крутые обрывы скалъ едва оставляютъ мѣсто для узкой дороги, подъ навѣсомъ другихъ утесовъ, а внизу кипитъ Акстафа, какъ Терекъ въ Дарьяль; иногда только слышится шумъ ея невидимыхъ водъ, подъ развѣсистой тѣнію ивъ, разросшихся вдоль береговъ. Посреди сей богатой растительности природы, мечтаешь быть въ саду

Часть II.

1

гдѣ опытная рука начертала своенравныя стези и, подѣ оболочкою дикости, утаила свое искусство. Но еще живописнѣе былъ для меня, на концѣ ущелія, перевалъ чрезъ горный хребетъ. Обширное Гогчинское озеро внезапно открылось предо мною, кипящее лучами утренняго солнца, какъ бы огромный щитъ, вставленный въ окравну горъ; горы кругомъ него, уже покрыты снѣгами, сіяли въ утреннемъ свѣтѣ, самымъ нѣжнымъ румянцемъ. Близко отъ берега чернѣлъ, на утесистомъ острову, древній монастырь Севанскій и Армянское селеніе Чубуклы раскинулось около озера.

Когда я сталъ спускаться съ горы, ко мнѣ на встрѣчу понеслись сорокъ челоуѣкъ Армянской конницы, въ ихъ восточномъ нарядѣ и вооруженіи; этотъ нечаянный привѣтъ, на берегахъ живописнаго озера, посреди утренней картинны горъ, произвелъ на меня впечатлѣніе сильное и пріятное. Дикая, пустынная Арменія, исполненная поэтическихъ развалинъ своихъ городовъ и обителей, представилась мнѣ полною дѣйствительной жизни, какъ будто все ея слав-

ное миновавшее внезапно обратилось въ настоящее. Окруженный блестящими всадниками, я продолжалъ путь вдоль по берегу, до того мѣста, откуда можно было переплыть въ монастырь. Сильный вѣтеръ долго препятствовалъ слышать наши крики и выстрѣлы, на острову Севанскомъ, который отстоитъ за двѣ версты: наконецъ медленно двинулся оттолкъ паромъ, единственное средство сообщенія съ берегомъ. На цѣломъ озерѣ нѣтъ ни одной лодки, хотя въ его окружности, устьяной селами, считается до трехъ сотъ верстъ и болѣе шестидесяти въ понеречникъ; но трудность водянаго пути полезна была, во времена владычества Персидскаго. Не осудилъ и я убогаго парома, потому что его толстыя бревна, лучше дощатой лодки, противустояли напору волнъ, и менѣе чувствовалась томительная качка на волнахъ.

Основаніе Севанской обители восходитъ до времени великаго Просвѣтителя Арменіи, который тамъ соорудилъ первую церковь Воскресенія Христова, на мѣстѣ древняго языческаго капища. Островъ, по

своей неприступности, издавна служивъ крепостью, для первой династіи Гайканской, и подъ водами озера еще видны остатки стѣнъ. «Айсъ-эванъ!» вотъ монастырь, сказалъ Просвѣтитель, и оттого произошло названіе Севанга. Дважды былъ онъ разоренъ въ VIII вѣкѣ, полчищами Лезгинъ и полководцемъ Арабскимъ Мурваномъ; два вѣка спустя обитель сія послужила убѣжищемъ одному изъ Царей Армянскихъ, властвовавшихъ въ Ани, Ашоту, прованному желѣзнымъ, изъ династіи Багратидовъ. На десяти плотахъ, съ семидесятью отборными воинами, не утратился онъ напасть на многочисленное войско намѣстника Халифовъ, который стерегъ его на берегу, и бѣжали непріатели.

При выходѣ на островъ меня поразила малочисленность братіи, хотя однако здѣсь ихъ болѣе, чѣмъ въ прочихъ обителяхъ Арменіи, вообще скудныхъ монашествующими. Мнѣ сказали, что Архіепископъ, бывший Елисаветпольскій, который управлялъ монастыремъ, вызванъ въ Эчмиадзинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми монахами,

конхъ считается до двадцати. Они ведутъ жизнь самую пустынную, чему можно повѣрить, по уединенному положенію острова. Это была первая обитель Армянская, которую я посетилъ; мнѣ любопытно было внутреннее устройство малыхъ келлій, можно сказать обгипленныхъ около нижней церкви; онѣ раздѣлялись между собою узкимъ переходомъ и примыкали къ нижней трапезѣ. Самая церковь, гдѣ обыкновенно бываетъ богослуженіе, празднуетъ успенію Божіей Матери, какъ большая часть церквей Армянскихъ, и не представляетъ въорамъ никакого благолѣпія. Она построена была въ исходѣ IX вѣка, дочерью Царя Ашота, Маріаміею, супругою князя Сунійскаго, которая сама искала спасенія съ дѣтьми, на пустынномъ острову, отъ жестокости правителя Арабскаго; но всѣ иконы новыя и отзываются живописью западною.

Мы поднялись на вершину острова, гдѣ стоитъ древняя церковь Св. Апостола, сооруженная въ 884 году, тою же благочестивою Царивною; говорятъ, что верхов-

ные Апостолы сами указали мѣсто бывшему тогда настоятелю обители, а въ послѣдствіи Патріархомъ, Мастоу. Обновленіе сего храма, въ половинѣ минувшаго вѣка, стерло съ него слѣды древности, но еще сохранились двѣ замѣчательныя двери чугунныя, съ рѣзными фигурами и крестами: западная дверь, проще и древнѣе. сдѣлана усердіемъ Князя Князей Армянскихъ Курда, въ 1176 году, какъ свидѣтельствуемъ надпись, а южная устроена въ XVI вѣкѣ; на ней изображены: Господь, сидящій по срединѣ символовъ Евангелистовъ, воздвиженіе креста, сошествіе Святаго Духа и два Святителя, изъ коихъ одинъ долженъ быть самъ великій Григорій. Третія церковь, во имя Предтечи, того же времени и также изъ дикихъ камней, пристроена, въ видѣ придѣльной, съ сѣверной стороны храма Апостоловъ.

Нѣсколько келлій прилегаютъ къ паперти, но онѣ пусты; только въ одной изъ нихъ спасается послушникъ, по имени Малкъ, изъ зажиточныхъ гражданъ Тифлискихъ, который ведетъ жизнь самую стро-

гую и, отвергая всякое подаяніе, трудами рукъ своихъ, старается поддержать, осыпающіеся камни ветхаго зданія. Мнѣ сказали, что онъ боится людей и будто помѣшанъ; но взойдя въ его убогую келлію, я увидѣлъ много древнихъ рукописей; предъ нимъ на полу лежало раскрытое житіе Св. Ефрема Сирина. Такъ не безумствуютъ, подумалъ я, и пожелалъ благочестивому отшельнику добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовомъ, которое столь пламенными чертами описываетъ Св. Ефремъ.

Дорога въ Эриванъ пролегла нѣсколько верстъ, по берегу озера, изъ котораго выходятъ рѣка Занга; недалеко отъ ея источника, на выдавшемся мысу, расположилось новое селеніе Малаканское. Я рѣшился провести ночь на станціи Ахтинской, но воспользовался остаткомъ дня, для посѣщенія великолѣпныхъ развалинъ древней обители Кечаруской. Она лежитъ за десять верстъ отъ станціи, между лѣсистыхъ горъ, въ живописномъ ущельи Дарачичахъ, которое славится своими цвѣтами и служитъ лѣтнимъ становищемъ для жителей

Эриванскихъ. Обиліе лѣса и вода , и близость Завги , шумящей подъ навѣсомъ скаль у входа въ ущелье, дѣлають это мѣсто очаровательнымъ , особенно въ знойные дни, и нельзя было выбрать лучшаго пріюта для безмолвія иноческаго.

Григорій Магистръ соорудилъ обитель, въ эпоху горькую для народности Армянской, когда пала, вмѣстѣ съ столичнымъ городомъ Ани, третья царственная династія Багратидовъ, и Греческій Императоръ Константинъ Мономахъ держалъ у себя плѣнникомъ послѣдняго Царя Гагика. Весьма замѣчательно, въ лѣтописяхъ Армянской Церкви, лице основателя, имя коего связано почти съ каждымъ великолѣпнымъ зданіемъ своей родины, ибо вездѣ онъ оставилъ по себѣ благочестивую память. Григорій происходилъ отъ знаменитаго рода Паглавуні, которому принадлежалъ и самъ великій просвѣтитель Арменіи. Отецъ его Васакъ былъ славнымъ воеводою и сокрушилъ полчища Турковъ, когда они вторглись въ малую Азію, подъ предводительствомъ Тогрула, родоначальника Султановъ

Оттоманскихъ. Григорія оклеветали приближенные Царя Гагика, въ преданности Императору Греческому, и принудили искать покровительства въ Царьградѣ, гдѣ получилъ онъ въ дѣтствѣ высокое образованіе. Императоръ сдѣлалъ его правителемъ Месопотаміи, съ почетнымъ титуломъ Магистра, ибо Григорій уступилъ ему свои родовыя владѣнія въ области Араратскоѣ, которую однако не переставалъ украшать храмами. Прославившись одинаково, подвигами воинскими и учеными твореніями, онъ скончался въ глубокой старости, въ 1058 году; гробница его доселѣ существуетъ въ Каринскомъ монастырѣ Богоматери. Сынъ его Ваграмъ, подъ именемъ втораго Григорія, былъ въ послѣдствіи Католикосомъ, и отъ него опять пошло поколѣніе Іерарховъ Армянскихъ, сродниковъ великаго Просвѣтителя. Рассказываютъ о Магистрѣ, что однажды, въ Константинополѣ, имѣлъ онъ преніе съ ученымъ Агаряниномъ Мануче, о превосходствѣ Евангелія надъ Кораномъ. Противнику его казалось, что стихотворное сочиненіе Магомета заключало въ се-

бы больше вдохновенія, нежели простой разсказъ учениковъ Бога Слова. Магистръ, чтобы доказать ослышанному суетному мудростію, какъ легко было бы Евангелистамъ изложить, въ иномъ видѣ, тоже Божественное слово, съ помощію Божіею, въ нѣсколько дней переложилъ всѣ четыре Евангелія на стихи, необычайные по своей красотѣ, и пораженный, симъ чудомъ Агарянинъ, немедленно принялъ святое крещеніе.

Григорій основалъ обитель Кечарускую въ 1033 г., во имя великаго своего предка, тамъ гдѣ уже существовала церковь, построенная за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ княземъ Армянскимъ Апаротомъ. Обѣ еще существуютъ донынѣ, и третья малая церковь стоитъ между ними, но Григоріева далеко превосходитъ величіемъ Апаротову. Внѣшнія стѣны ея покрыты изваяніями и рѣзными крестами, въ которыхъ истощилось искусство каменосѣчцевъ того времени. Надпись надъ южными вратами свидѣтельствуешь, что Григорій Магистръ соорудилъ ее въ царствованіе Гагика, ибо онъ еще числился, даже и въ плѣну, между

Царями Арменіи, и во дни святительства Саркиса или Сергія, дабы святыня сія предстательствовала у Бога, за него и за чадъ его и за его Владыку: кто прочтетъ, да помянетъ меня во храмъ.» Прочія надписи, какъ внутри такъ и снаружи, которыми исписаны всѣ стѣны, напоминаютъ только имена великихъ земли, поступившихъ въ число братства Кечарускаго, или пожертвовавшихъ ему свои имущества. Внутренность храма соответствуетъ его наружности: четыре высокія арки, складенныя изъ дикаго камня, поддерживали легкій куполъ, который обрушился отъ землетрясенія, въ 1827 году, и завалилъ своими обломками помость. Обширная трапеза, также изъ дикаго камня, прилегаетъ съ западной стороны къ церкви; еще уцѣлѣлъ въ ней куполъ, на четырехъ гранитныхъ столбахъ; онъ весь украшенъ искусною рѣзьбою, которою особенно отличаются церкви Армянскія. Извнѣ алтаря стоятъ высокія гробовыя плиты, съ надписями и узорочными крестами, ибо на кладбищахъ Армянскихъ, по восточному обычаю,

не довольствуются класть на могилу камни, но и воздвигаютъ ихъ надъ могилою. На некоторомъ разстояніи къ западу отъ трехъ церквей, Магистра и Апирота, возвышается еще одна, въ видѣ колокольни; но сохранившейся надписи видно, что она сооружена гораздо позже въ XIII вѣкѣ, во имя Воскресенія Христова, на память всѣхъ усопшихъ. Остатки келліи и стѣнь, раскинутые по всему пространству холма, свидѣтельствуютъ о прежнемъ населеніи обители.

На другой день, около полудня, достигъ я Эривани; она еще сохранила свой Персидскій характеръ, съ колоннадами тенедей, которые поднимаются изъ за низменныхъ оградъ, и съ зеленью садовъ, раскинутыхъ по берегу Занги. Первое ея впечатлѣніе пріятно, съ окрестныхъ высотъ Канагира, но внутри города, посреди тѣсныхъ и грязныхъ улицъ, исчезаетъ очарованіе; самая крѣпость, хотя и громкая въ военной исторіи сего края, не представляетъ по наружности ничего величественнаго. Я остановился въ одну

ствѣшемъ дворецъ Сардаря Эриванскихъ, который уже почти не можетъ быть обитаемъ, отъ безпрестанныхъ землетрясеній, поколебавшихъ его слабыя стѣны; онъ весь въ трещинахъ, и знаменитая зеркальная зала Сардаря приходитъ день ото дня въ большій упадокъ; безпрестанно осыпаются ея зеркальныя украшенія и цвѣтныя стекла, тускнѣетъ позолота и карминъ ея арабесковъ. Не шумитъ болѣе легкій фонтанъ по среди мраморнаго помоста, отражавшій въ водахъ своихъ радужныя окны залы, и предъ нею высохъ широкій водоемъ, освѣжавшій ее въ знойные дни, подъ навѣсомъ шелковыхъ тканей; онъ разорванъ теперь какъ снасти разбитаго корабля. Фетъ-Али-Шахъ, Аббасъ Мирза, самъ бывшій Сардаръ и братъ его Гусейнъ, яркими красками написаны на стѣнахъ, въ восточномъ вкусѣ, вмѣстѣ съ Ростомомъ и другими баснословными героями славной поэмы Фирдауси Шахъ-Наме; уныло смотрятъ они на запусьбіе своей Альгамбры, которую сокрушаютъ время и Ара-ратъ.

Мнѣ рассказывали романтическое событіе, случившееся въ виду сей залы, которое отзывается новѣстями тысячи одной ночи. Однажды Сардаръ взялъ къ себѣ въ гаремъ прекрасную Армянку, уже обрученную жениху, за нѣсколько дней до ихъ свадьбы. Отчаянный любовникъ, пренебрегая опасностью, пришелъ въ лунную ночь на противоположную скалу крутоберегой Занги, чтобы еще однажды взглянуть, хотя издали, на блестящую тюрьму своей невесты. Сидя на скалѣ, заплѣвъ онъ унылую пѣснь и въ тишинѣ ночи, сквозь ропотъ водъ, услышался голосъ его въ гаремъ; она выглянула въ окно, она узнала друга своего сердца, и все позабывъ, въ радостномъ восторгѣ, бросилась къ нему изъ окна, не взирая на высоту стѣнъ и утесовъ, не думая о томъ, что ихъ раздѣляетъ рѣка и наблюдаетъ за ними стража. По щастію она упала на дерево и широкими одеждами повисла на вѣтвяхъ; любовниковъ схватили и привели къ Сардарю, и что же? тронулось его суровое сердце такою нѣжною любовью; онъ осыпалъ ихъ дарами и отпустилъ.

Я всталъ до разсвѣта и сѣлъ на удивительномъ балконѣ тѣхъ покоевъ, гдѣ провелъ одну ночь самъ великій Обладатель испоминской державы, простирающейся отъ Ледовитаго моря до Арарата. У ногъ моихъ шумѣла неумолкающая Загга, между утесистыхъ береговъ, на обрывѣ которыхъ висѣли дворецъ и гаремъ и обветшавшая крѣпость. По другую сторону раскинулись виноградники Эриванскіе и роскошный садъ Сардаря, весь обросшій тополями. Каменистая дорога подымалась, по крутому берегу рѣки, въ Эчмиадзинъ; уже по ней шли ранніе путники, и тянулся караванъ верблюдовъ, и гнали стада свои Курды. Холмъ Ираклиевъ, такъ названный въ память воевавшего здѣсь Грузинскаго Царя, преграждалъ дальнѣйшіе виды; но высоко подымался исполинъ Арменіи, двуглавый Араратъ, весь въ радужныхъ лучахъ восходящаго солнца, и самъ, какъ радуга, оставшійся намъ памятникомъ вѣтопа. Сѣдое чело его, убѣленное въковыми оузыгами, достойно было служить подножіемъ ковчегу, въ которомъ сохранился человѣчскій

родъ. Рядомъ съ великимъ, малый Араратъ, подымаетъ свою остроконечную вершину, осыпанную также снѣгомъ, какъ бы первый шатеръ, раскинутый родоначальникомъ нашимъ, на пустотѣ вселенной; а кругомъ таже пустыня, какою представлялся мѣръ послѣ потопа, и дальній хребетъ горъ, которыя заимствуютъ свое названіе отъ Арарата, свидѣтельствуя правильность выраженій Святаго писанія: «и ста ковчегъ на горахъ Араратскихъ.» Здѣсь, съ благоговѣніемъ, должно прочесть страшную библейскую картину потопа.

Еще недавно, на скатъ горы, древняя обитель Св. Іакова Низивійскаго, обозначала то мѣсто, гдѣ выходецъ ковчега Ной насадилъ первую лозу виноградную. Но внезапно потрясенъ въ основаніяхъ своихъ възковой Араратъ, какъ бы предвѣщая новую бурю вселенной, ибо только для всемирныхъ знаменій одиноко стоитъ онъ на попріищѣ потопа, и погибла селеніе, обитель и самая ихъ долина. Страшно и замѣнательно! — Гора, воспріявшая на себя ковчегъ, отъ бурныхъ волнъ потопа, какъ бы

младенца возрожденнаго отъ купели, сама кипитъ внутри вулканическими огнями, и глухіе порывы ея бурнаго сердца безпрестанно потрясають всю окрестность. Что же хочешь ты изглаголатъ намъ, въщій старецъ Араратъ, стихійнымъ гласомъ своихъ потаенныхъ бурь?—Засвидѣтельствовать ли слово Апостольское: что какъ первый міръ погибъ предъ лицомъ твоимъ, въ волнахъ потопа, такъ и обновленный міръ Ноевъ гоговится къ иному истребленію огненному, послѣ котораго явятся новыя небеса и новая земля, вѣчныя обители правды? (И. Петр. III. 6, 7.) Говори старецъ, тебѣ должны внимать твои дѣти, вшедшія изъ твоей пустынной колыбели.

СВ. ГРИГОРІЙ ПРОСВѢТИТЕЛЬ.

Дорога отъ Эривани въ Эчміадзинъ лежитъ по широкому полю, кое гдѣ лишь оживленному селеніями, тамъ гдѣ есть потоки воды; но уже однообразіе сей пустынной равнины не прерывается до самой подошвы горъ, ее окружающихъ. Издали видны куполы обители Эчміадзинской и трехъ смежныхъ съ нею церквей, отъ которыхъ она заимствовала свое Турецкое названіе: Учъ-келеси. Селеніе Вагаршапатъ, бывшее некогда столицею Царей Армянскихъ, прилегаетъ къ вратамъ монастырскимъ. Но прежде нежели вступить въ

древнюю ограду Эчмиадзинскую, исполненную памяти великаго Просвѣтителя Арменіи и святыхъ дѣвъ, съ нимъ пострадавшихъ за Христа, необходимо сказать, хотя вкратцѣ, кто былъ Святитель Григорій? ибо здѣсь, на каждомъ шагу, встрѣчается его имя, ключъ Христіанской исторіи Арменіи; безъ сего священнаго имени темны будутъ всѣ рассказы о святыни Эчмиадзинской.

Въ преданіяхъ Армянской Церкви, Апостолы Вареоломей и Фаддей были первыми ея проповѣдниками и принесли съ собою два священные залога въ просвѣщаемую ими страну: одинъ чудотворную икону Богоматери, писанную Евангелистомъ Лукою, но теперь уже утраченную; другой священное копіе, произшедшее на крестѣ ребро нашего Искупителя. Потому и пишутся они почти всегда, на дверяхъ олтарныхъ, съ сими двумя знаменіями въ рукахъ, если только не замѣнили ихъ, по вліянію Папѣ, уже довольно поздному, верховные Апостолы Петръ и Павелъ. Но въ теченіи первыхъ трехъ столѣтій, Хри-

стіанство едва едва держалось въ Арменіи, хотя по мѣстнымъ преданіямъ не прерывался рядъ Епископовъ, начиная отъ Ааддея, рукоположеннаго Апостолами, до Леонтія Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія, который въ свою чреду посвятилъ великаго Просвѣтителя.

Григорій происходилъ отъ Парейнскаго рода Царей Арсакидовъ, и зачатъ былъ въ утробѣ материнской, близъ той обители, гдѣ почиваютъ мощи Апостола Фаддея, когда отецъ его Анакъ переселялся изъ Персіи въ Арменію; тяжкими страданіями надлежало ему искупить нечестіе отца своего и духовное спасеніе отечества.

Въ то время Арташиръ или Артаксерксъ, родоначальникъ династіи Сассанидовъ, свергнулъ съ престола Персидскаго древнюю династію Арсакидовъ, и домогался уничтожить ее и въ Арменіи, гдѣ она водворилась за полтораста лѣтъ до Р. Х. Хозрой, Царь Армянскій, былъ сильнѣйшій соперникъ Арташира и сей новый властитель послалъ родственника царскаго Анака, умертвить его, ибо не надѣялся

иначе одолеть. Измѣнникъ Анакъ, какъ бы избѣгая гоненія новой династїи Персской, укрылся къ Хозрою и, дружески имъ принятый, два года искалъ случая совершить злодѣйскій умыслъ. Воспользовавшись наконецъ одиночествомъ Царя на ловлѣ, близъ столичнаго города Арташата, умертвилъ его и хотѣлъ бѣжать чрезъ Араксъ, но оруженосцы царскіе погнались за убійцей и онъ утонулъ въ водахъ разлившейся рѣки. Хозрой, движимый мщеніемъ, успѣлъ еще, при послѣднемъ издыханїи, приказать истребить весь родъ измѣнника Анака; только особенное усердіе брата кормилицы Григоріевой, при содѣйствїи благодати Божїей, спасло двухлѣтняго младенца отъ руки кровоместниковъ. Его унесли въ Кесарїю и на пути таинственно наречено было Ангеломъ, имя Григорїа, освротъвшему потомку Царей Пароянскихъ. Новые родители воспитали его въ правилахъ христіанскаго благочестїя и сочетали бракомъ съ дочерью одного изъ именитыхъ князей Армянскихъ. Вартанъ и Арстагесъ были плодомъ сего

брака. Но Григорій, еще въ юныхъ лѣтахъ, почувствовалъ влеченіе къ жизни отшельнической и убѣдилъ супругу, отпустить его въ пустыню. Она сама, съ младшимъ сыномъ, послѣдовала его примѣру, предоставивъ старшему продолжать собою царственное и вмѣстѣ священное племя Григоріево, которое еще полтораста лѣтъ послѣ него, украшало Іерархами Церковь Арменіи.

Между тѣмъ Царь Персовъ, пользуясь смертію Хозроя, овладѣлъ его державою и старался истребить весь его родъ; но вѣрные вельможи спасли двухъ его младенцевъ, и укрывъ дочь въ неприступной крѣпости Ани, увезли сына Тиридата ко двору Кесарей Римскихъ, коренныхъ враговъ племени Сассанидовъ. Тамъ прославился доблестями воинскими юный Тиридатъ, въ царствованіе Діоклитіана, жестокаго гонителя Христіанъ. Предъ лицемъ его сразилъ онъ на поединкѣ исполна Готескаго, который вызывалъ на бой самаго Императора, и Кесарь въ знакъ благодарности, облекши его порфирой, отпу-

ствѣ на царство. Доблестный юноша исторгъ оудѣ свое родовое наслѣдіе изъ рукъ Персовъ. Но не одинъ возвратился Тиридатъ въ отечественную область: съ нѣкотораго времени не отлучно находился при немъ ревностный служитель, близкій его сердцу, хотя и невѣдомый родомъ, на коего возлагалъ онъ всю свою довѣренность. Это былъ самъ великій Григорій; услышавъ о подвигахъ юнаго Царя, при дворѣ Кесарей, онъ оставилъ пустыню, что бы загладить предъ нимъ вину преступнаго отца. Тайная рука Провидѣнія, спасающая его отъ меча Хозроева, привела путемъ страданій и къ высшей цѣли, ему указанной.

Грекъ Агаоангелъ, ближайшій письмоводитель Тиридата, сохранилъ намъ, въ лѣтописи своей, повѣсть многообразныхъ страданій Св. Григорія, въ которыхъ его поддерживала сверхъестественная сила Божія, и записалъ назидательныя рѣчи, которыя онъ исповѣдывалъ Христа Ісуса, посреди самыхъ жестокихъ мукъ. Въ первый годъ царствованія, Тиридатъ хотѣлъ при-

нести торжественную жертву Артемидѣ или Діанѣ, главному божеству Армянскому, и съ негодованіемъ увидѣлъ, что изъ всѣхъ его приближенныхъ, одинъ только Григорій, отказывался участвовать въ требищѣ идольскомъ. «Я вѣрно служу Царю моему земному, сказалъ Григорій, хочу соблюсти вѣрность и небесному.» Тиридатъ, надѣясь одолѣть твердость его мученіями, не лишая однако жизни, изобрѣталъ и умножалъ ихъ, но мѣръ изумительнаго терпѣнія святаго мужа, въ продолженіи многихъ дней. Услышавъ изъ устъ Григорія пространное исповѣданіе Божества Христова, предъ лицемъ всего двора своего, разгнѣванный Царь велѣлъ бить его по устамъ, давить тисками грудь и тяжестями рамена; въ такомъ положеніи водили его сперва по всему городу а потомъ подняли на крышу палатъ, и тамъ привязали къ столбу на семь дней. Тщетнымъ оказалось первое испытаніе; также проповѣдь, о суетѣ идоловъ, огласила дворъ Царя. Еще болѣе раздраженный, приказалъ онъ повѣсить Святаго за ноги и предать

бієнію, въ продолженіи другихъ семи дней, но промежду ударовъ слышались только Христіанскія рычи, о сотвореніи человека, его наденіи, искупленіи и будущемъ судѣ. Новыя мученія ожидали неповадника Христова, послѣ третьяго отрицанія служить идоламъ. Ему стиснули руки и ноги, такъ что кровь выступила изъ подъ ногтей, его притводили къ полу и потомъ повлекли, терзали желѣзными когтями, бросали обнаженнаго на терны, сжали голову въ столбчатомъ станиѣ, надели на него мѣшокъ съ известью и сѣрой, чтобы привести въ безсмысленство, и хотя въ такомъ положеніи принудить поклониться идоламъ. Въ уста его дали уксусъ, горькую воду, и растопленное олово, напеченецъ обляли имъ все тѣло, и правую тяжесть къ ногамъ, чтобы разъединить сотрясеніемъ изъ членны, встлнули его веревками, за связанныя на спячъ руки, на высокой столбѣ; въ такомъ положеніи опять держали нѣсколько дней. — Но сколь ни сильны были мученія, изобрѣтаемыя людьми, еще сильнѣе было покровительство Деміа „

Часть II.

2

блюдавшее святаго для спасенія цѣлаго народа; ибо немощное Божіе криче чело-
вѣковъ, говоритъ Апостоль, и сила Божія
совершается въ немощи человеческой. Не
утомился мученикъ, утомился мучитель;
узнавъ отъ одного изъ вельможъ своихъ,
что Григорій есть сынъ измѣнника Анака,
онъ велѣлъ бросить, измученнаго столько-
ни пытками, въ глубокую яму, наполнен-
ную ядовитыми животными, въ крѣпости
Арташатской, куда обыкновенно ввергали
преступниковъ; но и тамъ промыслъ Божій
не оставилъ Святаго. Благочестивая вдови-
ца, жившая подлѣ сей темницы, ежеднев-
но бросала ему въ малое отверстіе скуд-
ную пищу; такимъ образомъ провелъ 14
лѣтъ, въ непрестанной молитвѣ, будущій
просвѣтитель Арменіи, до времени своего
явленія міру. Оно должно было ознамено-
ваться новымъ пролитіемъ крови Христи-
анской, ибо на достяхъ мученическихъ
основалась Церковь распятаго Сына Бо-
жія.

Еще царствовалъ жестокій Диоклитъ-
анъ, убійца столько мучениковъ; туд-

стенному властителю пришло на мысль: избрать себѣ въ супруги ту изъ дѣвъ своей необъятной державы, которая была бы всехъ плѣнительнѣе красотой. Въ Римѣ, подъ руководствомъ благочестивой старицы Галины, спасалось пятьдесятъ дѣвъ, посвятившихъ себя исключительно служенію Христову; изъ нихъ одна, происхожденія царскаго, Рипсимма, отличалась своею наружностію и на нее палъ выборъ сановниковъ Кесаря. Испуганныя дѣвы, вмѣстѣ съ наставницею, тайно отплыли въ Далматію и тамъ, на святомъ гробѣ Искупителя, Рипсимма обрекла себя небесному жениху.—Божественное видѣніе внушило ей, удалиться въ Арменію, ибо имъ надлежало кровью засвидѣтельствовать о Христѣ, въ странѣ языческой. Онѣ достигли, послѣ долгаго пути, Армянской столпцы Вагаршавата и тамъ, поселившись въ убогомъ домѣ близъ виноградника, проводили время въ молитвахъ, питаясь трудомъ рукъ своихъ. Изъ числа ихъ Св. Нина, проникла далѣе въ предѣлы Иверіи и сдѣлалась просвѣтительницею народа Гру-

звискаго; другая же по имени Мана, съ нѣсколькими подругами, предчувствуя ближающее гоненіе, подворилась въ пустынныхъ пещерахъ области Таронской, гдѣ въ послѣдствіи основалась знаменитая обитель Преподѣи.

До слуха Кесаря достигла наконецъ вѣсть, о мѣсть убавища Рипсикъ дѣвъ; онъ писалъ Тирдату, предоставляя на его волю: или выслать къ нему Рипсиму, или взять ее съ собою въ супруги; Царь предпочелъ послѣднее, но богатые дары его были отвергнуты, набравшаго собою небеснаго жениха. Раздраженный искалъ силою одолеть упорство и остался побѣжденнымъ ея твердостью. Но будучи ильнень чудною красотою дѣвы, хотѣлъ еще однажды, прежде мученій, испытать все средства убѣжденія, и приказалъ наставникъ Ганкъ, внушить своей наголицѣ покорность земному владыкѣ. Восдвигшая Рипсиму млекотъ ученія Христова, могла ли такъ жестоко противурчать себѣ самой? Латинская беседа духовной матери съ дочерью подслушана была клеветами Царя. Рипсима еще однажды, освященная

Ангельскимъ покровомъ; превозмогла страстные порывы Тиридата; тогда начались истязанія. Ей отрезали языкъ, выкололи глаза; веревками растянули нижние члены ея къ четыремъ столбамъ и развели подъ нею малый огонь, чтобы жечь по немногу; когда же довольно испеклась мученица, набросали на животъ ея камни, такъ что отъ нихъ тягости проторглась вся внутренность; потомъ уже разсѣкли на части сию чистую жертву, принесшую себя во всесожженіе Богу. Тридцать двѣ подружки царевны, пришедшія собрать ея мученическія останки, набиты были мучителями на томъ же мѣстѣ; одну изъ нихъ, по имени Маріамну, оставившуюся на болѣзненномъ одрѣ, умертвили въ собственномъ ихъ жилищѣ. На другой день дошла очередь мученій до наставницы Гаяны и еще двухъ съ нею жившихъ въ уединеніи дѣвъ. Онѣ подверглись почти одинаковой казни съ Рипсимую, но вмѣсто того, чтобы жечь ихъ огнемъ, съ нихъ содрали кожу, и еще дышущимъ отсѣкли головы. Тѣла всѣхъ 37 мученицъ бросили на създеніе птицъ и

звѣрей; но звѣри, болѣе милостивые нежели люди, не смѣли коснуться ихъ останковъ.

Скоро небесная казнь постигла мучителей. На шестой день, звѣрской сердцежъ Тиридатъ и его ближайшіе сановники; подверглись участи Навуходеносеровой. Обезумѣль неистовый властитель, давно уже вышедшій изъ предѣловъ человѣческой природы, и подобно вепрю сталъ скитаться съ дикими звѣрями; съ ними вмѣстѣ бѣсновались исполнители его казней, терзая собственное тѣло и наполняя страшными воплями окрестности Вагаршата. Ужасъ объялъ столицу; сестра Царева, Хосровидухтъ, имѣла тайное видѣніе, что одинъ только узникъ, Григорій, можетъ исцѣлить бѣснующихся. Царевна открыла свое видѣніе сановникамъ; но оно должно было повториться нѣсколько разъ, прежде нежели увѣровали ея словамъ. Старшій изъ вельможъ, по имени Ода, посланъ былъ въ Арташата, и не вѣря самъ, чтобы еще могъ быть въ живыхъ Григорій, послѣ четырнадцати-лѣтняго забвеніи

въ ядовитой ямѣ, возгласилъ надъ ея устьемъ. «Григорій, если ты еще живъ, обвей вокругъ себя веревку, и мы извлечемъ тебя изъ ямы.»—«Богомъ моимъ я живъ!» отвѣчалъ изъ глубины рва мученикъ и, къ общему изумленію, невредимый вышелъ изъ смертной темницы; его облекли въ свѣтлыя ризы и въ радостномъ торжествѣ повезли въ Вагаршапатъ, гдѣ какъ спасителя встрѣтилъ его народъ.

За нѣсколько миль отъ города, Царевна и весь синклитъ, пали къ его ногамъ; въ то же время, привлеченные неодолимою силою, бѣнующіеся сановники и самъ звѣровидный Царь устремились къ святому и, простершись предъ нимъ, дикими воплями какъ бы умоляли его разрешить ихъ. Григорій немедленно исцѣлилъ царедворцевъ, менше виновныхъ, но возвративъ самосознаніе Тиридату, не тотчасъ отъялъ звѣрскаго образъ, въшнее выраженіе внутреннихъ его страстей, дабы онъ болѣе вникнулъ въ самага себя и почувствовалъ всю мерзость своего состоянія. «Не мнѣ поклоняйтесь, говорилъ святой

мужъ воишь припадевшии къ ногамъ его, ибо я только человекъ вамъ подобострастный; но поклоняйтесь Создателю неба и земли и насъ человѣковъ, который выишь испъльгъ насъ.» Потомъ таинственно спросилъ: «гдѣ Божии сѣрны?» разумъя подъ симъ имеемъ невинныя жертвы, пострадавшія за Христа, и когда указалъ ему мѣсто избіенія дѣвъ, онъ собралъ нетлѣныя останки, сохранившіеся невредимо въ теченіи столькихъ дней, обвилъ ихъ въ собственныя одежды, отвергнувъ какъ недостойныя богатыя ризы, принесенныя язычниками. Въ томъ самомъ вертоградѣ, куда собралъ на время святыя мощи мученицъ, остался онъ провести надъ ними ночь, въ удивленной молитвѣ.

Тамъ посетило его свыше страшное видѣніе, послужившее къ основанію первопрестольнаго храма Арменіи. Въ полночь увидалъ онъ развершіея небеса и лучъ свѣта, сходящій на землю, по направленію коего стремились тмы Ангеловъ, а яредъ земли мужъ высокій, грозный видомъ, съ златымъ молотомъ въ десницѣ. Быстрые

орла летѣлъ онъ прямо къ Вагаршанату и сильно ударилъ молотомъ въ землю: застонала земля, потряслись горы, отъ гула громовъ, и изъ пѣдръ земли слышались страшныя вопли ада. Потомъ во срединѣ города, близъ царскаго дворца, внезапно воздвиглось круглое золотое подножіе, на подобіе алтаря, и на немъ огненный столбъ, а сверху облачный куполъ съ вѣнчающимъ его крестомъ. Вокругъ поднялись сами собою четыре другія столба, изъ коихъ три, на мѣстѣ избіенія святыхъ дѣвъ, увѣнчанныя также крестами; сводъ изъ облаковъ освѣтилъ все это чудное зданіе, озаренное сіяніемъ крестнымъ. Изнутри его вышелъ внезапно обильный источникъ, на подобіе Эдемскаго, и оросилъ собою все поле окрестъ, сколько лишь могли обнимать оное взоры. Ангелъ Господень предсталъ смятенному Григорію и объяснилъ ему видѣніе: «Страшный мужъ, поразившій молотомъ землю, самъ Господь; огненный столбъ, на златомъ основаніи, соединенный крестобразно съ другими столбами подъ облачнымъ сводомъ, есть святая

соборная Церковь, основанная на незыблемомъ камени Христѣ, и всѣхъ объемяющая подъ свѣтъ креста, ибо на немъ принесъ себя въ жертву самъ Единородный Сынъ Божій, помазанный Отцемъ своимъ, въ Первосвященника вѣчнаго. Да будетъ и сіе мѣсто домою молитвы и престоломъ священства! Свѣтъ, просіявшій между четырьмя столбами, и пронаведшій тотъ обильный источникъ, который напоилъ всю землю, есть образъ Божественнаго крещенія, истекающаго изъ соборной Церкви для обновленія человечества. Благословенъ предъ симъ знаменіемъ, даннымъ тебѣ отъ самаго Господа, и здѣсь сооруди ему храмъ.»

Когда умолкъ Ангелъ, еще разъ поколебалась земля, и съ наступающимъ утромъ исчезло чудное видѣніе. По сему мѣсту сіе названо было сначала Шогакатъ, т. е. изливающимъ свѣта, а въ послѣдствіи Эчмиадзиномъ, т. е. сошествіемъ Единороднаго; и доселѣ такъ именуется первопрестольная церковь Армянская.

На другой день Царь, со всемъ синклитомъ и народомъ, посѣтилъ святаго въ его

вертеградъ, и простершись къ ногамъ его опять молилъ о прощениі, дабы Господь не осудилъ ихъ за грѣхи. Великій Григорій началъ проповѣдывать имъ слово Божіе, но утанъ въ трудное свое видѣніе; въ теченіи шестидесяти дней продолжалъ онъ огласительную проповѣдь, а между тѣмъ указалъ и оградилъ мѣсто, гдѣ видѣлось ему Божественное явленіе, и, водрузивъ на немъ знаменіе преста, положилъ основаніе тремъ другимъ престоламъ, на мѣстѣ избіенія Рипсимы, Маріамны и Гаяны, съ ихъ по-другами. Потомъ приступилъ къ созиданію самыхъ храмовъ, на предположенныхъ мѣстахъ, въ чемъ ревностно ему содѣйствовали Царь и вельможи; самыя жеши носили для строенія камни въ драгоценныхъ своихъ одеждахъ. Когда же приготовлены были гробницы для Св. дѣвъ, Тиридатъ еще однажды палъ къ ногамъ Святаго, умоляя совершенно разрѣшить его отъ тяжкаго наказанія и, во молитвъ угодника Божія, возвращенъ ему былъ прежній образъ. Расказавшійся Царь болѣе всѣхъ трудился для достойнаго погребенія своихъ жертвъ,

и великій Григорій съ честію. наложивъ тѣла ихъ подъ сводами трехъ церквей. Тогда исключительно занялся сооруженіемъ первопрестольной, и въ то же время разрушалъ окрестныя капища, исцѣлялъ болящихъ и непрестанно проучалъ народъ спасительными истинами Христіанства.

Между тѣмъ Царь и весь его синклитъ единодушно положили избрать себя пастыремъ Григорія и послать его для посвященія къ Архіепископу Кесаріи Леонтію, первенствовавшему въ области Армянской. Долго отрекался смиренный мужъ отъ почести высокаго званія, но ему явился Ангелъ и повелѣлъ принять предопредѣленное Богомъ. Торжественно было шествіе великаго просвѣтителя Арменіи. Царь отпустилъ его на собственной колесницѣ, въ сопровожденіи старшихъ вельможъ и почетной стражи, съ богатыми дарами для церквей Греческихъ, лежавшихъ на пути. Столь же торжественна была встрѣча и въ Кесаріи, куда уже достигла молва, о его мученическихъ подвигахъ и чудномъ обращеніи цѣлой страны къ свѣту Христову.

Леонтій рукоположилъ Григорія въ Епископа всей Арменіи, и далъ ему часть мощей Предтечи и мученика Аснанога, пострадавшаго при Діоклетианѣ, въ основаніе новой церкви. Святитель, на обратномъ пути, повсюду истреблялъ идоловъ, въ предѣлахъ вверенной ему области, и близь горъ Таршескихъ, на границѣ малой и великой Арменіи, сокрушилъ знаменитое капище Аферодиты. Тутъ, по божественному внушенію, остановившись на время, крестилъ онъ всѣхъ ему сопутствовавшихъ, въ числѣ двадцати тысячъ, и положилъ въ основаніи имъ церкви мощи Предтечи. Въ послѣдствіи устроилась близь сего мѣста знаменитая обитель Крестителя, называемая Мушъ, которая до нынѣ привлекаетъ въ Эрзерумъ множество богомольцевъ. Далѣе, на берегахъ Евфрата, встрѣтилъ Святителя самъ Тиридатъ, со всемъ своимъ домоу; Григорій преподалъ имъ святое крещеніе въ водахъ рѣки, освященной воспоминаніемъ рай, и сдѣлалъ причастникомъ иници Эдемской, отъ новаго древа жизни, уже не охраняемаго мечемъ Хору-

вима. Но прежде принятія ихъ въ число Христіанъ, наложили краткій приготовительный постъ, который соблюдается донынѣ въ Церкви Армянской, на память о пророчествіи. Святитель водворился въ царственномъ Вагаршапатъ и рукоположилъ двенадцать Епископовъ, въ различные города своей первою області. Тридцать лѣтъ продолжалъ святитель родити своей волости Григорій, словомъ истины и благимъ примвромъ, но отъ времени до времени удалялся въ пустыню, для созерцательной молитвы.

Преданіе Церкви Армянской говоритъ, что по зову великаго Константина, ходилъ онъ однажды съ Царемъ Тирлатомъ въ Царьградъ, гдѣ принять былъ съ чрезвычайною почестью. Но, избѣгая славы челоувеческой, Святитель послалъ вмѣсто себя, на первый вселенскій соборъ въ Никеею, младшаго сына Аристагеса, котораго не задолго предъ тѣмъ рукоположилъ во Епископа. Аристагесъ, принеся съ собою правила соборныя, вмѣстѣ съ символомъ Никейскимъ, и они были приняты, съ вели-

никъ уваженіемъ, просвѣтителемъ Арменій. После вселенскаго собора Григорій, видя, что уже достаточно утверждена имъ вѣра Христова въ отечествѣ, рѣшился совершенно оставить міръ; онъ поставилъ на кафедру сына своего Аристагеса, а самъ удалился въ дикую пещеру области Таронской, гдѣ спасалась некогда одна изъ спутницъ Царевны Рипсимы. Тамъ окончилъ на молитвѣ труженическое поприще, и тамъ однажды сосѣдніе пастухи, обрѣвши невѣдомое имъ тѣло, погребли его въ пустынь. Только чрезъ многіе годы, открыто было, по небесному видѣнію, нѣкому отшельнику, мѣсто погребенія Святителя, и его нетлѣнные остатки перенесли съ честью въ селеніе Тарганъ, гдѣ также устроилась обитель. Дальвѣйшая участь мощей его неизвѣстна, ибо въ пятмъ вѣкѣ, при Императорѣ Зенонѣ, ихъ перенесли въ Царьградъ, а оттолъ, частію въ Италію, частію обратно въ Арменію. Глава святаго теперь находится въ Неанолъ, лѣвая рука въ Сисъ, гдѣ существовала долго патриаршая кафедра Армянская, во дни кресто-

выхъ походовъ и доселѣ держится одинъ изъ титулярныхъ Патріарховъ, а правая рука въ Эчміадзинѣ служитъ для посвященія его пресмнниковъ.

ЭЧМІАДЗИНЪ.

Мимо древнихъ церквей Рипсимы и Шогакать, лежавшихъ въ право отъ большой дороги, я провхалъ чрезъ селеніе Вагаршапатъ, къ главнымъ воротамъ обители Эчміадзинской. Безпрестанныя нападенія Турковъ и Персовъ побудили окружить ее двойною оградю, съ многими баптиями, на основаніи изъ тесанныхъ камней. Между внѣшней и внутренней ограды мнѣ представился крытый базаръ, гдѣ хранили

свои сокровища жители Вагаршаната, въ смутныя времена, и гдѣ до сихъ поръ провадится ихъ торговля, подлѣ сѣнныя обители.— Потомъ, сквозь двойныя ворота, вошелъ я на главный дворъ ея, посреди коего возвышается первопрестольная церковь Св. Григорія, испытанная столько бурь и бѣдствій, отъ временъ великаго просвѣтителя. Она была открыта и я тамъ воспользовался, чтобы помолиться у средняго алтара, во имя сошествія Единороднаго, гдѣ явилось чудное явленіе Григорію. Изъ средняго двора меня провели, сквозь нѣмныя двери, на другой дворъ, собственно Патриаршій, съ малымъ посреди егѣ садомъ и фонтанами; разноцвѣтныя окна лѣтняго и зимняго жилья Патриарховъ обращены были на этотъ дворъ.

Нересѣ обиталъ еще въ лѣтнихъ покояхъ, которыя состояли изъ двухъ пріемныхъ залъ, совершенно въ восточномъ вкусѣ, раздѣленныхъ между собою только арками изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Вся наружная стѣна образовала одно окно, какъ бы въ теплицѣ, и горѣла лучами солнца,

которые рисовали на полу яркіе узоры. Портретъ Государя Императора, во весь ростъ, занималъ одну стѣну узкой залы, а вокругъ него, по другимъ стѣнамъ, вѣшали портреты древнихъ Царей Армянскихъ, начиная отъ родоначальника Гайкана и современника Господня Авгара, до великаго Тирдата и славныхъ между Хозроми. Въ другой залъ устланной Персидскими коврами, которая служила пріемною, стоялъ на возвышеніи рѣзной тронъ Патріарха, присланный ему изъ Индіи, а на стѣнахъ, расписанныхъ арабесками, изображены были въ кругахъ въ разнообразныя страданія пресвѣтителя Арменіи. Покамѣсть разсматривалъ я восточное убранство сихъ покоевъ, я не слышалъ какъ, но мягкимъ коврамъ, кто-то подошелъ сюда; положивъ руку ко мнѣ на шею, онъ дружески пригнулъ мою голову себя на грудь: — это былъ самъ Патріархъ Нерсесъ. «Здравствуй любезный, сказалъ онъ мнѣ съ свойственною ему пріятливостію, вспомни гдѣ мы видѣлись съ тобою и гдѣ ты теперь». — «Подъ вашею отеческою стѣною; отвѣчалъ я, и

радуясь, что сдержалъ данное слово, посвятить насъ; въ первопрестольной обители вашей. Ласковый пріемъ Патріарха, въ краю отдаленномъ и чуждомъ; былъ мнѣ особенно пріятенъ. Я и нивалъ щастіе познакомиться съ нимъ; за два года предъ тѣмъ, въ Петербургъ, когда онъ только что поднялся съ болѣзненного одра необычайно исцѣленный; и мало по малу оживалъ. Мы вспомнили обстоятельство того времени, и видно было, что онъ съ удовольствіемъ чувствовалъ себя въ своемъ престольномъ Эчмиадзинѣ, во главѣ отечественной Церкви; пламенно и въ любимой, и въ свою очередь, глубоко уважающей своего верховнаго пастыря.

Впрочемъ управленіе Церковью Армянскою, не есть вещь новая для Патріарха Нерсеса. Онъ былъ къ этому приготовленъ съ юнаго возраста, и даже ему какъ бы указано было его высокое назначеніе. Мѣстомъ его рожденія было селеніе Апшаракъ, (за 20 верствъ отъ обители Эчмиадзинской) откуда уже произошелъ одинъ изъ Католикосовъ, носившихъ имя Нерсеса, особенно щастливое въ лѣтописяхъ Армянской

Церкви. Прозваніе Антаракаго усвоено было второму Нерсесу, чтобы отличить его отъ трехъ другихъ : перваго или Великаго, Стрениеля и Благодатнаго. Нынешній Нерсесь пятый по численію іерархическому. Одинъ опытный старецъ, руководившій его въ молодости, какъ бы по тайному внушенію, переименовалъ его Нерсесомъ, говоря что и онъ, будучи родомъ изъ Антарака, будетъ великимъ строителемъ; съ самыхъ юныхъ лѣтъ, по чрезвычайнымъ своимъ способностямъ, онъ уже былъ употреблемъ въ дѣлахъ церковныхъ Католикосомъ Лукою, и посланъ имъ въ Смирну и Царыградъ. Въ послѣдникъ годахъ минувшаго столѣтія Нерсесь, возвратившись въ Арменію, засталъ Католикоса при послѣднемъ издыханіи. По смерти его и Исифа, изъ дома Князей Аргутинскихъ, который былъ назначенъ въ северней столицѣ нашей, возникли смуты отъ соперничества двухъ Католикосовъ. Давидъ Цароградскій избранъ былъ общимъ голосомъ народа, а Давида Тифлискаго насильственно поставилъ Сардаръ

Эриванскій. Нерсесъ терпѣлъ некоторое время заключеніе темничное, вмѣстѣ съ Давидомъ, но былъ вызванъ въ Россію, Архіепископомъ Ефремомъ, будущимъ Католикосомъ, и возвратился въ Эчмиадзинъ тогда только, когда, по вліянію нашего правительства, низложенъ былъ Давидъ и Давидъ утвердился на кафедрѣ Армянской. Годъ спустя скончался благочестивый пастырь и все бремя правительственное пало на рамена Нерсеса. Пользуясь особеннымъ расположеніемъ Аббаса Мирзы, не смотря на провоки Давида, шесть лѣтъ управлялъ онъ дѣлами церковными, доколѣ не пріѣхалъ въ Эчмиадзинъ новый Католикосъ. Ефремъ, избранный ради своего благочестія, былъ однако чловѣкъ слабый по характеру. Нерсесъ видя, что люди неблагонамѣренные начали имѣть вліяніе и что ему самому угрожала опасность, отъ тайныхъ покушеній на его жизнь, просилъ удалиться изъ Эчмиадзина и былъ назначенъ Архіепископомъ въ Тифлисъ. Тамъ завелъ онъ училище, собственными средствами, по любви своей къ образованію

духовному, и когда наступила година военная, участвовалъ въ походахъ Князя Паскевича, подъ Эриванью, какъ уже однажды находился въ станѣ Русскихъ при Князѣ Цициановѣ. Посланный въ 1829 году въ Кишиневъ, въ санѣ Архіепископа всѣхъ Армянъ проживающихъ въ Россіи, Персесъ избранъ былъ, послѣ смерти Католикоса Іоаннеса, главою Церкви Армянской, общимъ голосомъ всѣхъ ея сыновъ, разсыянныхъ по Востоку.

Патріархъ приказалъ отвести мнѣ, на все время моего пребыванія въ обители, свои зимніе покои и, пригласивъ къ трапезѣ, познакомилъ меня съ членами Синода Эчмиадзинскаго и другими тамъ живущими Епископами; приемъ ихъ былъ столь же пріятельскій какъ и Патріаршій; но взаимное незнакомство языка препятствовало намъ бесѣдовать между собою. Напротивъ того какъ отрадна была для меня бесѣда съ самимъ Патріархомъ, хотя онъ и не свободно владелъ языкомъ Русскимъ. Онъ ловилъ слова и угадывалъ зачастую смыслъ рѣчи, но понималъ быть можетъ въ подрѣ-

ности каждого выраженія, и самъ умѣлъ вѣрно выразить собственную мысль, хотя нельзя было составить полной рѣчи изъ его усѣченныхъ словъ. Огненными глазами договаривалъ онъ то, чего не могли выразить уста, и тутъ я понималъ, какъ много участвуетъ въ бесѣдѣ выраженіе лица и взора, въ которыхъ отражается тайная мысль человека. Мы проводили въ разговорахъ дѣльные вечера и многое напечатлѣлось въ моей памяти, ибо я старался узнать все, что относилось до внутренняго и внѣшняго быта Церкви Армянской. При первомъ моемъ посѣщеніи, оставался я только два дня въ Эчмиадзинѣ, потому что спѣшили осмотрѣть окрестныя обители и Арарать, доколѣ еще благопріятствовала осенняя погода.

Прежде всего привлекъ мое вниманіе соборный храмъ Эчмиадзина. Столько разъ былъ онъ разоренъ и такъ долго оставался въ запустѣніи, что нельзя искать въ немъ много древностей. Преданіе мѣстное утверждаетъ однако, что не смотря на дѣсь блд стѣн, перытаница обители, самая древняя

сохранила основанія свои, высоту и весь размеръ, данные ей великимъ Григоріемъ, хотя въ послѣдствіи обновлены были стѣны. Первые два разрушенія постигли ее, отъ руки Персовъ, скоро послѣ просвѣтителя, въ теченіи полутора ста лѣтъ, и оба раза возобновляло ее усердіе знаменитаго рода Князей Мамигонскихъ. Тогда, какъ полагаютъ, вставлены были снаружи въ обверную ея стѣну, два изваянія Св. Апостола Павла и великомученицы Феклы, досель видимыя, и крестъ съ Греческою надписью, ибо еще не были истреблены Месробомъ бунзы Армянскія. Можно еще разобрать полустертая слова около креста. «Господи, воими всякому. возмощуся въ цркви сей», а внизу: «Господи, спаси раба твоего Данила»; остальныя рѣчи непонятны. После втораго обновленія Княземъ Варханомъ, въ 483 году, уже болѣе не были сокрушаемы стѣны, хотя самая каменобра перенесена Католикосомъ Мелетіемъ въ тридцать лѣтъ впадъ рѣкъ, въ столичный городъ Двинъ, и не ранѣе 1441 года утвердилась опять въ Эчмиадзинѣ, во дни

Католикоса Кирилла. Въ сію долгую эпоху освѣтѣнія, двое только изъ числа Католикосовъ, Комитасъ въ 615 году и Нерсесъ строитель, въ 705 году, обратили вниманіе на багдскую кафедру Св. Григорія. Первый замѣнилъ деревянный куполъ болѣе великоколѣннымъ, изъ ликаго камня, а Нерсесъ обвелъ всю церковь и этимъ заслужилъ быть можетъ громкое имя Стрателя. Но позднѣйшія украшенія собора начинаются гораздо послѣ обратнаго перенесенія кафедры въ Фуміадзинъ, ибо въ теченіи двухъ столѣтій, отъ Кирилла до 1023 года, ничего не говорится въ лѣтписяхъ Армянскихъ; а какіе либо перемѣны внутри или внѣ храма. Въ началѣ XVII вѣка обитель подверглась чрезвычайной опасности при вшествіи Шанъ-Аббаса; едва не разрушилъ ее до основанія основатель Перемасій; когда, разоривъ богатый городъ Джульфу на Араксѣ, гдѣ, процвѣтала торговля Армянская, рѣшился перенести оную Персію, вмѣстѣ съ жителями. Насамьтврине, селѣхъ; оны; навуъ Джульфу; / близъ Исфагану; и пвддумаль

основать тамъ новый Этміаданнъ, чтобы
на всегда привязать сердца народа къ но-
вому отечеству. Ходатайство старшимъ Ар-
мянскихъ спасло обитель отъ конечнаго
разрушенія; Шахъ удовольствовался взять
только нѣсколько камней, изъ четырехъ
угловъ собора и отъ главнаго алтаря, что-
бы положить ихъ въ основаніе новаго хра-
ма Ионатанскаго. Однако, послѣ наше-
ствія Шахъ-Аббаса, обитель оставалась въ
такомъ бѣдственномъ положеніи, что Ка-
толицъ Моисей принужденъ былъ, въ
1629 году совершенно обновить помянутъ и
даже утвердить самыя стѣны, изъ концы
выпадали камни. Преемники его Филиппъ
и Іановъ, воздвигли общими силами вели-
чественную колокольню, а Елеазаръ въ по-
слѣднихъ годахъ XVII вѣка, довершилъ
внѣшнюю красоту храма, тремя малыми
остроконечными куполами. Много потру-
дился онъ и для внутренняго украшенія
церкви, и ему обязаны сооруженіемъ сред-
няго престола во имя Единороднаго. —
Такимъ образомъ внутреннее убранство
храма, не восходитъ далѣе XVII вѣка;

остроугольная крыша вновь устроена, изъ тесаного камня, послѣднимъ Католикомъ **Фермомъ**.

Не смотря однако на одновременныя перестройки, величественнымъ представляется въ цѣломъ все зданіе, напоминающее своими пятью главами нѣчто Византійское, хотя и съ собственнымъ отпечаткомъ влуса Армянскаго или Грузинскаго. Восьма нарядна трехъ-ярусная колокольня, украшенная рѣзными арабскими по своимъ легкимъ аркамъ: верхній ярусъ ея прорѣзчатый, на осьми малыхъ столбикахъ, по подобію прочихъ куполовъ, а въ среднемъ есть престолъ во имя Архангеловъ. — По сторонамъ колокольни погребены два новѣйшіе Католикаса **Даниль** и **Іоаннесъ**, а на самой ея паперти два **Александра**, управлявшіе Церковью Армянскою въ XVIII вѣкъ. Надъ входными вратами, которыя вычеканены изъ бронзы, съ крестами и арабскими, изображены, стѣнною живописью, видѣніе и мученіе св. **Григорія**, сооруженіе собора **Эммануиловскаго** и крещеніе **Тиритака**. По обѣимъ сторонамъ здания

вратъ лии верховныхъ Апостоловъ, Петра и Павла, свидѣтельствуютъ, какъ я уже замѣтилъ однажды, вліяніе Рима на Церковь Армянскую. Почти въ каждомъ храмѣ вы встрѣтите обоихъ Апостоловъ, или у входныхъ вратъ, или на главномъ олтартѣ, хотя они никогда не проповѣдывали въ предѣлахъ Арменіи, и имъ часто уступаютъ свое законное мѣсто дѣйствительные проповѣдники сей страны Апостолы Варсоломей и Фаддей. — Такое сближеніе съ Римомъ изъясняется изъ самой исторіи края, ибо со времени крестовыхъ походовъ; когда кафедра Католиковъ и престолъ послѣдней династіи Рупенидовъ утвердились по соседству Сиріи и Кипра, начались частыя сношенія между властителями Армянъ и Франковъ, и вліяніе Римское распространилось въ Малой Арменіи. Съ тѣхъ поръ проникло много обычаевъ и обрядовъ западныхъ въ самое богослуженіе, хотя преданность Риму возбуждала смуты народныя и стоила жизни некоторымъ изъ Царей. Но в тогдѣ нѣтъ перенесена была кафедра святъ въ Дживанд

зинъ, не совершенно угасло вліяніе Римское, ибо нѣкоторые изъ Католиковъ XVI, XVII, и даже послѣдняго столѣтія, въ смутныхъ обстоятельствахъ обращались къ Папамъ; иные же принимали отъ нихъ дары, которые досель сохранились въ соборъ Эчмиадзинскомъ, какъ на примѣръ, богатая кафедра, присланная Папою Иннокентіемъ XI, Католику Іакову.

Чувство благоговѣнія проникаетъ въ душу, при входѣ въ древнее святилище Св. Григорія, высокое но мрачное, освѣщенное двѣнадцатью узкими окнами купола, и одинокою лампадою средняго престола; онъ стоитъ между четырехъ столбовъ, поддерживающихъ куполь, и сердце невольно влечетъ васъ къ подножію сего престола, гдѣ просвѣтителю Арменіи явилось чудное видѣніе и отколъ дѣйствительно, какъ изъ лучезарнаго источника Шогакатъ, пролилось духовное просвѣщеніе на цѣлую страну. Такія мѣста, орошенныя молитвеннымъ потомъ и слезами подвижниковъ, особенно дѣйствуютъ на душу, и по свидѣтельству преподобнаго отца нашего Несто-

ра, служить болѣе криккимъ основаніемъ для созидаемыхъ надъ ними храмовъ, нежели всѣ богатства человѣческія, Здѣсь молился Св. Григорій, и здѣсь же, чрезъ пятнадцать вѣковъ послѣ него, еще приходятъ молиться и принести безкровную жертву, не смотря на бурю временъ и народовъ, разрушительно пронесшихся мимо его первопрестольной обители. Благоговѣніе еще умножится, если вспомнить преданіе, что престолъ Единороднаго стоитъ на мѣстѣ перваго алтаря, гдѣ принесъ благодарственную жертву праотецъ Ной, за спасеніе въ его семействѣ всего человѣческаго рода. Тогда объяснится самое видѣніе великаго Григорія: почему предпочтительно это мѣсто указано ему было, Единороднымъ Сыномъ Божиимъ, для приношенія безкровной его жертвы, тамъ гдѣ принесена была жертва образовательная Ноева.

Нынѣшній престолъ Единороднаго, съ четырьмя столбами изъ бѣлаго мрамора, которые поддерживаютъ его рѣзную сѣнь, устроенъ на мѣстѣ прежняго, Католико-

сомъ Асвадатуромъ или Богданомъ, въ началѣ минувшаго столѣтія; онъ же украсилъ мраморомъ и возвышеніе главнаго алтаря. Икона Божіей Матери на престолѣ Единороднаго, осыпанная драгоценными камнями, есть первое приношеніе вышшняго Католикаса Нерсеса храму Эчмиадзинскому, во время его управленія въ санѣ Архіепископа. Бронзовая рѣшетка окружаетъ престолѣ Единороднаго, поднятый на двухъ ступеняхъ отъ помоста; другая рѣшетка поперекъ всей церкви, прикрѣпленная къ основнымъ ея столбамъ, отдѣляетъ среднюю часть ея отъ входной или трансезы; что весьма стѣснительно для народа; во время богослуженія, тѣмъ болѣе, что уже самъ по себѣ не обширенъ соборъ. По лѣвую сторону престола стоитъ у столба ризной, весьма нарядный тронъ, изъ драгоценнаго дерева, присланный Папою Иннокентіемъ. Тутъ обыкновенно становится Патриархъ, ибо ежедневное богослуженіе, утреннее и вечернее, бываетъ предъ среднимъ престоломъ.

Въ северной и южной частяхъ собора,

гдѣ у насъ бывають обыкновенно врата, сооружены усердіемъ Католикоса Елвазара, два престола, во имя Архидіакона Стефана и Предтечи: оба однако обращены къ востоку, и сдѣланысь необходимыми для посвященія архіерейскаго. Алтарь Предтечи поднять отъ помоста, на трехъ крутыхъ ступеняхъ, и стоитъ подъ сънію, въ углубленіи стѣны, на которой написаны Святители Греческіе и верховные Апостолы. Тутъ обыкновенно приготавливаютъ новопоставляемаго Архіерея къ посвященію, и собираются около него свидѣтели духовнаго сана, долженствующіе засвидѣтельствовать предъ лицемъ Церкви, о чистотѣ его жизни и служенія. Противуположный престолъ Архидіакона, совершенно одинаковаго устройства, возвышается на семи ступеняхъ, и вокругъ него написаны на стѣнѣ Католикосы Армянскіе, собственно изъ рода великаго Григорія, которіе были ближайшими его преемниками: два сына его, Аристагесъ и Вартагъ, и два великихъ правнука, Нерсесъ и Исаакъ. Подлѣ сего престола ставится, въ день посвященія ар-

хірейскаго, кафедрѣ Католикоса и по сторонамъ его садятся двѣнадцать Епископовъ, что-бы выслушать исповѣданіе вѣры рукополагаемаго; онъ идетъ къ нимъ, или лучше сказать ползетъ на колѣняхъ, отъ самаго престола Предтечи, и подымаясь также на колѣняхъ, по ступенямъ Стефанова, на каждой изъ нихъ произноситъ особенную молитву; но самое рукоположеніе совершается во время литургіи, на главномъ алтарѣ, послѣ Херувимской пѣсни. На престолѣ Архидіакона готовится также проскомнія, если служитъ самъ Католикосъ, и тамъ происходитъ посвященіе іереевъ и діаконовъ, если не самъ онъ ихъ рукополагаетъ, ибо таково преимущество Католикосовъ. Священниковъ и діаконовъ, вопреки каноновъ соборныхъ посвящаютъ нѣсколько вдругъ, на одной литургіи, по обычаю заимствованному у Римлянъ. Достоинству вниманія и то, что хотя есть еще три другихъ, такъ называемыхъ Патріарха, въ Церкви Армянской, а именно въ Константинополѣ, Іерусалимѣ и Цесѣ, которые мало по малу приобрѣли себѣ титулы и права,

ни кто изъ нихъ однако не можетъ посвя-
тить Епископа; а если бы и посвятилъ,
рукоположеніе не будетъ признано закон-
нымъ, ибо оно должно совершаться только
въ Эчміадзинѣ, отъ руки Католикоса, равно
какъ только имъ однимъ можетъ освя-
щаться муро: эта необходимость, сосре-
доченная въ обители Св. Григорія, слу-
житъ крѣпкою связью, не только вѣръ, но
и народности Армянской. Въ бытность
мою Патріархъ Нерсесъ едва согласился
признать одного Епископа, посвященнаго
въ Цисъ во время между патріаршества, и
призналъ потому только, что Цисскій при-
слалъ рукоположеннаго имъ въ Эчміадзинѣ,
испросить ему утверженіе, извиняясь въ
своемъ поступкѣ необходимостію.

Есть еще два престола, во имя Просвѣти-
теля Григорія и Апостоловъ, братьевъ Зеве-
деевыхъ, которые устроилъ по обѣимъ сто-
ронамъ главнаго алтаря, Католикось Авра-
амъ; но они, по тѣснотѣ своей, неудобны
для богослуженія; на нихъ большею частію
совершается только проскомидія, когда бы-
ваетъ служба на главномъ. По особенному

чинположенію Церкви Армянской, рѣдко находится жертвенникъ при главномъ престолѣ, если есть другой въ томъ же храмѣ, ибо въ такомъ случаѣ, онъ заступаетъ мѣсто жертвенника. Главный престолъ Эчмиадзинскаго собора празднуетъ усненію Божіей Матери, какъ и большая часть храмовъ Арменіи, предпочтительно посвященныхъ Пречистой Дѣвѣ, и это весьма замѣчательно. На Востокъ вообще, болѣе чествуется день усненія, особенно въ соборахъ и обителяхъ, на память собора Апостольскаго, сошедшагося отъ концевъ вселенной, для торжественнаго погребенія Богоматери; но въ Арменіи даже рѣдко можно найти церковь, празднующую иному дню. Нѣтъ слишкомъ богатыхъ украшеній на престолѣ; вся лучшая утварь расхищена была въ смутную эпоху войнъ Персидскихъ и Турецкихъ, когда Эчмиадзинъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и Шахи заставляли Католикосовъ платить тяжкую дань, за свое избраніе или соперничество. Иконостасъ, вставленный въ углубленія поперекъ престола, пожертво-

ванъ недавно усердіемъ Смирскихъ Армянъ; онъ искусно вырѣзанъ изъ дерева и на немъ расположены въ четыре яруса, малыя иконы, въ серебряномъ окладѣ, изображающія Праотцевъ и Апостоловъ, страсти Господни и видѣніе Св. Григорія. На вершинѣ его стеклянный образъ Божіей Матери, принесенъ изъ Индіи Католикомъ Ефремомъ.

Позади есть тѣсное пространство, гдѣ совершается ходъ съ евангеліемъ, во время литургіи, ибо этотъ престолъ не приклоненъ къ стѣнѣ какъ прочіе; по сторонамъ его двѣ двери открываются въ перегородкѣ, украшенной иконами, которая разделяетъ поперегъ все возвышеніе алтаря и представляется въ видѣ иконостаса. На холстѣ его изображены, весьма грубою кистию, успеніе, вѣчаніе и взятіе на небо Божіей Матери; на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ Апостолы Вареоломей и Фаддей, а впереди, на аркѣ алтарной, Святители Николай и Василій, Исаакъ Парявинъ и Месробъ, изобрѣтатель буквъ Армянскихъ. Возвышеніе алтаря, называемое

по Армяиски бемъ, отъ Греческаго слова
вима, на которое можно взойти толь-
ко съ боковъ, украшено съ лицевой сто-
роны мраморомъ, съ изображеніемъ двѣ-
надцати Апостоловъ и двухъ діаконѡвъ,
первомученика Стефана и Филиппа. Предъ
алтаремъ, у лѣваго столба, поставлена дру-
гая каеэдра рѣзная, оклеенная перламу-
тромъ, съ раззолоченною сѣнію; ее устроилъ
Католикосъ Аствацатуръ, и такую же рѣзь-
бою съ перламутромъ отличаются двери
обѣихъ ризницъ, по сторонамъ главнаго
алтаря. Въ одной изъ нихъ хранятся свя-
тыя мощи, а въ другой облачаются свя-
щеннослужители. Весь соборъ росписанъ
внутри не весьма давно, при Католикосъ
Лукъ, и не отличается хорошою живо-
писью. Тутъ совокуплены лики всѣхъ ве-
ликихъ святыхъ Церкви Армянской, начи-
ная съ Просвѣтителя; тутъ же и два Гри-
горія, прославившіеся своими учеными тру-
дами, Татевскій и Нарекенскій, и дѣтопи-
сецъ Мойсей Хорренскій, и два Нерсеса,
Благодатный и Ламбронскій, вмѣстѣ съ
пустынно-жителями и сенмомъ благочести-

выхъ Царей, каковы Константинъ и Θεодосій, Авгаръ и Тиридагъ. Надъ западными вратами написанъ Апостолъ Θома, влагающій руку свою въ божественное ребро, пронзенное копіемъ, въ знаменіе того, что ово хранится въ соборъ Эчміадзинскомъ. Старыхъ же иконъ, прославленныхъ чудесами, не встрѣтилъ я нигдѣ, въ видѣнныхъ мною обителяхъ Армянскихъ, когда напротивъ того Греческія и Грузинскія церкви, доселѣ славятся ими, какъ лучшимъ своимъ сокровищемъ.

Обширный дворъ около собора, средоточіе всего монастыря, окруженъ съ трехъ сторонъ покоями Патріаршими и келліями Епископовъ и Архимандритовъ, составляющихъ братство Эчміадзинское, ибо тамъ нѣтъ почти іеромонаховъ. Двойная длинная трапеза, лѣтняя и зимняя, болѣе чѣмъ на двѣсти человекъ, съ каменными скамьями и столами, тянется вдоль южной стѣны двора, свидѣтельствуя о прежнемъ многолюдствѣ. Еще три двора, кромѣ патріаршаго, прилегаютъ съ юга и востока къ главному, и тамъ помѣщаются, въ мно-

гочисленныхъ келліяхъ, приходящіе богомольцы, училище и службы монастырскія. Источникъ свѣжей воды проведенъ подь основаніе собора: образуя малый водоемъ на гостинномъ дворѣ, выходитъ онъ, подь именемъ Кан-кана, или текущей воды, въ близъ лежащій садъ монастырскій, весьма скудный зеленью. Не богата ею и самая обитель; нѣсколько развѣсистыхъ ивъ, и особеннаго рода яворовъ, на среднемъ дворѣ и на патриаршемъ, немного виноградныхъ лозъ, взбирающихся по стѣнамъ архіерейскихъ келлій: вотъ все что утѣшаетъ взоръ внутри ограды, въ палящіе дни, когда можно найти себѣ облегченіе только въ прохладѣ собора. Кругомъ стѣнъ монастырскихъ, пустая равнина, не представляетъ никакого развлеченія или прогулки, исключая одного довольно пространнаго виноградника, подлѣ церкви Св. Рипсимы.

ГАЯНА, РИПСИМА, ШОГАКАТЬ.

Въ первый день моего прїезда я вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ за южную ограду, къ которой прилегаетъ братское кадище, осѣненное деревьями. Вечеръ былъ тихій и очаровательный; солнце склонялось за Араратъ; пурпурный паръ наполнялъ всю необъятную равнину, простертую у его подошвы, и всѣ окрестныя горы облеклись необычайнымъ свѣтомъ: это придавало особенную торжественность картинѣ, уже и безъ того величественной, по всемірнымъ воспоминаніямъ потопа. Сосѣдняя обитель Гаяны приняла

мешать свою мирную ограду. Основанная великимъ Григоріемъ, она попыталась столько же бурьъ воинскихъ, сколько и его престольный храмъ, и была разрушена Персами; въ первое столѣтіе своего существованія. Ее подымалъ изъ развалинъ Католикосъ Эдра, близкій намъ по общенію, котораго искалъ съ православными, во время походовъ Императора Ираклія противъ Персовъ. Католикосъ Филиппъ, оставившій по себѣ благу ю память, обновилъ обитель въ половинѣ XVII вѣка, и тридцать лѣтъ спустя Елеазаръ построилъ въ ней паперть, съ двумя придѣлами во имя верховныхъ Апостоловъ. Портретъ его написанъ на столбѣ сей паперти, близъ его гроба, и въ память усопшаго насѣченъ на стѣнѣ узорный крестъ съ арабесками. Католикосы Армянскіе, послѣднихъ трехъ столѣтій, предпочтительно избирали себѣ усыпальницею паперть блаженной Гаяны, вѣроятно по ея близости къ обители. Эчмиадзинской и къ общему кладбищу братіи. Здѣсь погребень и Лазарь, испытанный многими бѣдствіями, при Шахъ-Надирѣ, и уважа-

емый за свою добродетель Іановъ, Симеонъ и Лука, при которыхъ процвѣтала обитель, и возмутившіе ее своими происками Іосифъ Аргутинскій и Давидъ. Предпоследній Католикосъ Ефремъ, по смиренію, просилъ, чтобы его погребли на общемъ кладбищѣ, и досель туда ходятъ многіе поклониться его праху.— Внутри самой церкви не представляется ничего замѣчательнаго; четыре столба поддерживаютъ куполь, стѣны обнажены, алтарь украшенъ новыми иконами. Главный престолъ празднуетъ также успенію Божіей матери, и съ правой стороны есть въ углубленіи малый приделъ, во имя мученицы Гаяны, изъ котораго спускаются, чрезъ тѣсное отверстіе, въ подземелье; тамъ положены были, великимъ Григоріемъ, мученическіе остатки сей блаженной наставницы и двухъ съ нею пострадавшихъ дѣвъ; гробовая келлія ихъ внушаетъ благоговѣніе, напоминая собою подземелья Палестинскія, исполненные костями святыхъ.

На другой день вышелъ я изъ сверныхъ воротъ Эчміадзіна, по направленію

двух обителей, Рипсимы и Шогакать. Онѣ лежатъ за версту отъ царственнаго селенія Вагаршапатъ, которое сохранило только слѣды восточной стѣны бывшаго города. Ближе къ нему обитель св. Маріамны или Шогакать, имѣющая одно названіе съ Эчмиадзиномъ, потому что съ сего мѣста видѣвъ Св. Григорій, какъ падали лучи свѣта на мѣсто престола Единороднаго. Церковь сія болѣе другихъ пострадала и Католикосъ Наганеть, избравшій ее для своего погребенія, выстроилъ совершенно новую на развалинахъ прежней, въ 1697 году. Она менѣе прочихъ, и въ ней нѣтъ подземелья, но съ правой стороны алтара показываютъ въ предѣлахъ гробницу блаженной Маріамны. На главномъ алтарѣ есть замѣчательный по своей древности складной образъ страстей Господнихъ, письма Греческаго, подобныя которому я не видалъ въ церквахъ Армянскихъ. Не далеко отъ ограды остатки церкви, сооруженной по преданіямъ, на самомъ мѣстѣ жительства блаженныхъ дѣвъ.

Обитель Св. Рипсимы отстоитъ на вер-

жеміе камня отъ Шогакатъ, и по своему зодчеству мало уступаетъ собору Эчміадзискіекому, будучи также украшена пятью главами и колокольнею. И она много пострадала отъ времени и враговъ, послѣ великаго своего основателя. Правнукъ его, Исаакъ Парояннъ, обновилъ ее въ послѣднихъ годахъ четвертаго вѣка; но двѣсти лѣтъ спустя опять перестроилъ ее Католикосъ Комитасъ и, найдя въ подземельи мощи святыхъ дѣвъ, съ печатью просвѣтителя на ихъ ракъ, приложилъ къ нимъ и собственную; а въ половинѣ XVII вѣка благочестивый Филиппъ, видя совершенный упадокъ обители, еще однажды обновилъ ее. Оба они погребены посреди церкви. Съ лѣвой стороны главнаго престола Богоматери есть спускъ, изъ темнаго придѣла въ подземелье, гдѣ погребена была царица Ринсима, съ тридцатью двумя подругами; на гробницѣ еще показываютъ тѣ камни, которые брошены были на мученицу, когда снизу испекалась она малымъ огнемъ. Издавна глубокое благоговѣніе привлекало многихъ

богомальцевъ въ подземелье Св. Рипсимы; но во время шествія Шахъ-Аббаса, два миссіонера Латинскіе, пользуясь запустѣніемъ обители, ночью взошли въ церковь и, выломавъ камни главнаго алтаря, извлекли изъ подъ него мощи Царевны. Два монаха Дчміадзинскіе застали ихъ въ минуту святотатства, и силою привели съ собою въ монастырь; но Католикесъ Мелхиседеи съ равнодушіемъ смотрѣлъ на похищеніе святыни и уже, безъ его воли, другіе Елисафы отняли у миссіонераго голову Царевны, которая съ тѣхъ поръ хранится въ ризницѣ соборной. Остатки мощей отобранны были у нихъ въ Испагани, но приказанію Шаха; однако онъ уступилъ имъ, цѣнное золото, въ некоторую часть ихъ.

Церковь Армянская почитаетъ блаженную Царевну Рипсиму начаткомъ своего спасенія и потому совершаетъ въ память ея первый понедѣльникъ, цѣль отданія праздниціи сошествія Св. Духа, и въ субботу за нею воспоминается, во вторникъ, наставленію ея Цядну. Такъ какъ каждая среда исключи-

только посвящена Божіей матери, равно какъ каждая пятница честному кресту а воскресенью самому Господу, и къ сѣмъ дни уже не блавасть у Армянъ празднованіа святымъ, то намять Маріамны и прочихъ девъ, перенесена на четвергъ той же недѣли. Ближайшая суббота' празднуеть великому просвѣтителю Арменіи, а слѣдующее за ней воскресенье называется собственно Цюганатъ, т. е. изліяніе свѣта Христова на всю Церковь, и потому это ёсть общее торжество, какъ собора Эміадзинскаго, такъ равно и всѣхъ церквей Армянскихъ, хотя, какъ я уже сказалъ, большая часть ихъ празднуеть успенію Богоматери.

За двѣ версты отъ монастыря Рипсимы къ востоку, сохранились еще развалины храма, на томъ мѣстѣ, гдѣ синклитъ и народъ и самъ Царь Тиридатъ, взрѣтали святаго Григорія, послѣ его четырнадцатилѣтняго заточенія. Нерсесь III, строитель, основалъ тутъ церковь Архангеловъ, во дни Императора Константіа, внука Иракліева, и положилъ подъ основаніе каждаго изъ четырехъ столбовъ ея, по частицѣ

мошей Просвѣтителя, принесенныхъ имъ изъ Царьграда. Но святыня сія не спасла храма отъ конечнаго разрушенія; и теперь еще на пустынномъ холмѣ, посреди обширной равнины Араратской, предъ лицемъ первопрестольной обители, видны печальныя развалины, которыя слывутъ въ народѣ подъ именемъ обрушенной церкви. Я просилъ Патріарха Нерсеса, оградить пространство между остатками четырехъ столбовъ, подъ коими мѣстное преданіе предполагаетъ мощи Святителя, и водружить по срединѣ каменный крестъ, на память великаго Просвѣтителя Арменіи.

ЛИТУРГІЯ АРМЯНСКАЯ.

Въ церкви Армянской не полагается совершать божественной литургіи, въ первые пять дней недѣли, какъ это бываетъ у насъ только во время великаго поста. Армяне изъясняютъ такое отсутствіе утѣшительнаго таинства евхаристіи, чрезвычайнымъ къ нему уваженіемъ, и дозволяютъ себѣ служить обѣдню только по субботамъ и воскресеньямъ, если не случится въ теченіи недѣли, какого либо большаго праздника Господа и Богоматери; въ прочіе же дни, въ замѣнъ литургіи, читаются у нихъ часы, т. е. третій, шестой и девятый, со-

единенные вмѣстѣ. Когда наступила суббота, я просилъ Патриарха, дать мнѣ случай видѣть богослуженіе Армянское, съ возможною отчетливостію, и вмѣстѣ съ тѣмъ позволить приложиться къ святымъ мощамъ, которыя хранятся въ сокровищницѣ Эчмиадзинской. Милостиво принявъ онъ мою просьбу и велѣвъ Епископу, служить обѣдню на среднемъ престолѣ Единороднаго, чтобы я могъ удобнѣе наблюдать за ходомъ службы, а членамъ Синода показать мнѣ святыню, ибо они только одни имѣютъ это право.

Прежде начатія Литургіи, я уже нашелъ собраніе Синода предъ боковымъ престоломъ Св. Григорія, на которомъ расположена была драгоценная святыня. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія поклонился я предъ сими залогамъ первыхъ временъ Христіанства, которые чудно уцѣлѣли по-среди столькихъ бѣдствій, церковныхъ и гражданскихъ. — На возвышеніи алтаря, покрытомъ богатою парчею, стояло священное копіе, которымъ произнесено было некогда божественное ребро нашего Искупителя,

Часть II.

4

и сердце мое, проникнутое радостнымъ чувствомъ вѣры, не хотѣло подвергать холодному испытанію копіе, какъ нѣкогда испытуемое ребро; я облобызалъ со страхомъ орудіе, источившее намъ во спасеніе кровь и воду, изъ произеннаго имъ ребра, какъ будто бы самъ видѣвшій и свидѣтельствовавшій о томъ Апостоль, указывалъ мнѣ на сіе копіе. Мнѣ бы хотѣлось, въ ту минуту, слышать или произнести предъ нимъ тѣ пѣснопѣнія, которыми оно чувствуется въ Церкви Армянской.

«Радуйся крылатый мечъ Господній, обоюду острое лезвіе вѣры, ключъ неисповѣдимыхъ благъ, источившій намъ воду и кровь, которыми крестимся и приобщаемся, дабы въ насъ уготовилась обитель пресвятыя Троицы; тобою Христа да восхвалимъ, утвержденіе Церкви.»

«Радуйся цвѣтъ всехвальный, окрашенный кровію Господа Іисуса, искореняющій всѣ недуги и грѣховныя болѣзни; тобою явилъ себя Распятый, Богомъ и человекомъ, истинно мертвымъ и живымъ; чрезъ тебя увѣровалъ сотникъ, засвидѣтельство-

навъ его Божество; тобою Христа да восхваляемъ, утверждеиіе Церкви.»

Преданіе Церкви Армянской гораздо древнѣе Римскаго, относящаго обрѣтеніе честнаго копія въ Антиохіи, ко временамъ крестовыхъ походовъ. Оно говоритъ, что Апостолъ Фаддей принесъ святыню сію въ Эдессу, къ испѣденному имъ Царю Авгарю, вмѣстѣ съ нерукотворенною иконою Спасителя, и что съ тѣхъ поръ копіе всегда оставалось въ предѣлахъ Арменіи, болѣею частію въ обители Айриванкъ, а наконецъ перенесено въ первопрестольную обитель Эчмиадзинскую, при водвореніи въ ней опять каведры Католикосовъ. По тому же преданію, крестообразное знаменіе на лезвіи копія, прорѣзано въ немъ рукою самаго Апостола, въ память креста Господня, и даже древо прикрѣплено было гвоздями, никѣмъ другимъ, кромѣ Апостола. Богатый серебрянный кивотъ съ вычеканенными иконами, въ которомъ хранится теперь копіе, уже позлѣйшихъ временъ, ибо надпись на немъ свидѣтельствуеъ о усердіи могущественнаго Князя Ар-

мянскаго Проша, сына Васакова, пожертвовавшаго въ XIII вѣкѣ сію утварь обители Айриванкской.

По правую сторону сей первенствующей святыни стоялъ драгоценный крестъ, съ частию честнаго древа, даннаго великимъ Константиномъ Царю Тиридату. По лѣвую позлащенный кивотъ, въ которомъ хранились частицы мощей Предтечи и Апостоловъ, въ разныя времена собранныя. Глава блаженной Рипсимы и четыре серебряныя руки, лежали также на алтарѣ; ибо у Армянъ есть обычай, вкладывать священные останки въ изваянія такого рода, чтобы благословлять ими народъ, какъ бы руками самихъ Святителей. Въ числѣ ихъ была десница Просвѣтителя Арменіи, которую рукополагаются его преемники; она повсюду слѣдовала за ними, и въ Двинь, и въ Ани, и въ Цисъ, при перенесеніи ихъ каедръ, и недавно возвращена изъ Испаніи, куда увезъ ее одинъ изъ Католиковъ, послѣ разоренія Персидскаго. Тутъ же и руки Апостоловъ Фаддея, и сына великаго Григорія, Аристагеса, и родствен-

ника его Св. Іакова Низинійскаго, который былъ на Араратъ, и принесъ еще одно сокровище Церкви Армянской, доселѣ въ ней хранимое: это кусокъ отъ негниющаго древа ковчега Ноева. Преданіе мѣстное говоритъ, что Іаковъ желалъ взойти на вершину Арарата, дабы тамъ поклониться ковчегу, но никакъ не могъ достигнуть своей трудной цѣли, и подымаясь цѣлый день на гору, ночью обрѣтался опять на прежнемъ мѣстѣ. Наконецъ утомленному явился, въ ночномъ видѣніи, Ангелъ и, вручивъ кусокъ желаемого древа, велѣлъ оставить неудобноисполнимый помысль. Оно хранится въ серебрянномъ окладѣ, вмѣстѣ съ другими сокровищами. Были между ними и еще частицы святыхъ мощей, Апостольскихъ и Мученическихъ; но я видѣлъ только одну древнюю икону, весьма грубо вырѣзанную на деревѣ, которая изображала святіе со креста Господа, и, не знаю почему, приписывается свидѣтелю оного Евангелисту Іоанну.

Покамѣстѣ я прикладывался къ святынь, Епископъ, должествовавшій служить ли-

тургию, отслушавъ въ мантіи часы, у средняго престола Единороднаго, и я послѣдовалъ за нимъ въ тѣсную ризницу, по лѣвую сторону главнаго престола, гдѣ онъ сталъ облачаться; а между тѣмъ хоръ клириковъ сталъ противъ затворенныхъ дверей ризницы, и, во время облаченія, пѣлъ соответствовавшій оному гимнъ. Облаченія Епископовъ и священниковъ Армянскихъ различествуютъ одно отъ другаго, только митрою и омофоромъ; они суть смѣшеніе Греческаго съ Римскимъ, смотря потому какъ постепенно замѣтствовались различныя ихъ части, отъ той или другой Церкви. Но мнѣ показалось страннымъ, что прежде всякаго одѣянія, когда еще Епископъ не снималъ съ себя обычной рясы, на него надѣли и тотчасъ же сняли, нашу круглую митру, не какъ вънецъ святительскій, но во образъ шлема духовнаго, о коемъ упоминаетъ Апостоль Павелъ, въ посланіи къ Ефесеямъ. Мнѣ пришло на мысль, что когда Епископы Армянскіе приняли отъ Латинянъ новую остроконечную ихъ митру и уступили древнее свое

украшеніе священникамъ и даже діаконамъ, имъ не хотѣлось однако совершенно съ нимъ разстаться, и, въ память минувшаго они еще надѣваютъ прежнюю митру, хотя на одну минуту, при началѣ своего облаченія.

Въ слѣдъ за митрою имъ возлагаютъ на голову вакасъ или навыйникъ, если только позволено, по сходству предмета, назвать такимъ образомъ сію часть облаченія, собственно Армянскаго; онъ окованъ золотомъ, съ вычтенными на немъ ликами двѣнадцати Апостоловъ, и по окончаніи облаченія, спускается на шею и рашена, изображая, по толкованію Армянскому, нѣчто въ родъ эода, съ именами двѣнадцати колѣвъ Израилевыхъ, который носили Первосвященники. Но мнѣ кажется, что и это есть часть одѣянія Латинскаго, только болѣе украшенная, а именно то покрывало или *amictum*, которое каждый священникъ надѣваетъ себя, сперва на голову, а потомъ, въ видѣ кашпо-на, спускаетъ на плечи. Подризникъ, эпитрахий, поясъ и поручи Греческіе; вмѣсто палицы привязывается къ поясу шел-

ковый платъ, изъ котораго первоначально образовалась палица архіерейская. Епископы Армянскіе удержали въ своемъ облаченіи фелонь, то есть верхнюю ризу, ибо до нихъ не дошелъ позднѣйшій обычай Греческій, носить саккосъ, который употребляли сперва одни Патріархи Царьграда; но ихъ фелонь приняла форму Латинской ризы, *pluviale*, вмѣсто Греческой, и застегивается пряжкой на груди. Омофоръ однако совершенно Греческій и этому есть причина: на Востокъ онъ служитъ исключительнымъ знаменіемъ архіерейства, а на Западъ выражаетъ только милость Папы и дается однимъ старшимъ Архіереямъ; по этому младшіе не хотѣли лишиться своего существеннаго облаченія и удержали восточное. Что касается до митры, то она чисто Латинская, и какъ извѣстно по исторіи, первая была прислана въ даръ Папою Лукіемъ Католикосу Григорію IV, въ 1184 году, во времена крестовыхъ походовъ, а потомъ, равно какъ и перстень, сдѣлалась мало по малу достояніемъ всѣхъ Епископовъ.

Странно, почему предпочли они своему древнему украшенію, новое Латинское, тѣмъ болѣе что митра сія весьма неудобна, отъ двухъ принадлежащихъ ей и висящихъ позади лентъ, которыя надобно всякой разъ продвѣвать подъ вакасъ, при снятіи и надѣваніи митры.—Такимъ образомъ Церковь Армянская, желая удержать свою отдѣльность, непримѣтно измѣнила внѣшнее облаченіе священнослужителей. Какъ я уже сказалъ прежде, четвертая династія Королей Армянскихъ, властвовавшихъ въ Сисъ, много содѣйствовала къ введенію обычаевъ Римскихъ, по частымъ сношеніямъ съ Папами и Латинскими Королями Кипра, особенно въ XIII вѣкѣ. Гетунъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, нѣсколь-ко разъ оставлявшій волею и неволею престоль, управлялъ долгое время Армянскимъ народомъ, подъ рясою Францисканскаго монаха; нѣкоторые изъ его преемниковъ созывали соборы и старались насильственно водворить обряды западныя, хотя духовенство и Католикосы того времени бо-

лѣ расположены были къ сближенію съ Греками, по духу обоихъ Нерсесовъ, Благодатнаго и Ламбронскаго. Константинъ III, одинъ изъ послѣднихъ властителей Арменіи, заплатилъ даже жизнь, при возмущеніи народномъ, за свое неосторожное рвеніе къ обрядамъ Римскимъ, но тѣмъ не менѣе они проникли въ Церковь.

Казалось бы, литургія Армянская, заимствованная Св. Григоріемъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ духовнымъ, изъ Кесаріи, хотя и за нѣсколько лѣтъ до Василія Великаго, должна удержать его чиноположеніе, болѣе нежели Златоустово, или даже объ литургіи сихъ великихъ Іерарховъ могли бы сохраниться въ Церкви, которая была при своемъ началѣ, въ такомъ близкомъ сношеніи съ Кесаріею и Царьградомъ. Напротивъ того порядокъ обѣдни Армянской, хотя и близкій къ Греческому, имѣетъ свои особенности, перемѣшанныя съ нововведеніями Римскими. Въмѣсто трехъ литургій Православной Церкви, у Армянъ только одна, и въ ней есть много молитвъ Златоустовыхъ: ибо великій правнукъ Просвѣти-

тея, Исаанъ, содѣйствовавшій ученому Месробу, въ преложениі Св. писанія съ Греческаго на свой родной языкъ, вскорѣ послѣ Златоуста, старался сообразить чинъ литургіи Армянской съ Греческою; да и въ послѣдствіи, о томъ же прилагали стараніе, нѣкоторые изъ Католикосовъ и духовныхъ лицъ Армянскихъ. Литургія же, преждеосвященныхъ даровъ вовсе не существуетъ въ Армянской Церкви, хотя о ней упоминается на помѣстномъ Лаодикійскомъ соборѣ, не много позже перваго Вселенскаго.

Когда Епископъ облачится въ ризницѣ, онъ выходитъ на средину церкви, предъ главный алтарь, омыть себя всенародно руки, съ предварительными молитвами. Ему предшествуютъ діаконы въ стихаряхъ, съ ршцами и хоругвями, и между ними одинъ пресвитеръ или архимандритъ въ подризникѣ, съ эпитрахилью и въ митрѣ, но безъ ризы. Такое полуоблаченіе странно, тѣмъ болѣе, что пресвитеръ не имѣетъ никакой особенной должности, ибо онъ не содѣйствуетъ при литургіи, какъ у

насъ священники, при служеніи архіерейскомъ. У Армянъ Епископъ и даже Патріархъ совершаетъ служеніе всегда одинъ, съ своимъ протодіакономъ, также какъ и простые іереи, а прочіе стоятъ только по сторонамъ и поютъ иногда вмѣсто клира. Этотъ порядокъ напоминаетъ Латинскій, ибо должно отдать безпристрастную справедливость богослуженію Православному, что только, оно по высокому образованію древнихъ своихъ Іерарховъ, умѣло согласить, въ одно стройное цѣлое, разнообразіе частей. Послѣ умовенія рукъ Епископъ всходитъ на возвышеніе алтаря, для совершенія проскомидіи, и за нимъ задерживается большая завѣса, во всю ширину алтаря, а хоръ становится у его подножія и поетъ молитвенный гимнь.

Проскомидія, сама по себѣ, весьма коротка, ибо только приносятся на дискосъ опръсноки, по обычаю Римскому, вмѣсто кваснаго хлѣба, а не вынимаются, какъ у насъ, части изъ просфоръ за живыхъ и усопшихъ; въ чашу же вливаютъ одну

только вино, не растворенное водою, но обычно исключительно Армянскому, и что довольно странно, на этотъ разъ, главный престолъ служилъ жертвенникомъ. Предъ начатиемъ литургій, Епископъ, сопровождаемый и предшествуемый своимъ клиромъ, съ ршцадами и хоругвями, обходить и надить всю церковь, держа въ рукахъ животворящій крестъ, которымъ освящать оныя и во время обѣдни, при каждомъ возгласѣ до Херувимской пѣсни. Шествіе совершается противоположно нашему, то есть по солнцу, такъ какъ и крестное знаменіе Армяне полагаютъ одинаково съ Римлянами, сперва на лѣвое плечо а потомъ уже на правое.

Во время сихъ приготовительныхъ обрядовъ, Патриархъ взшелъ въ церковь, въ лиловой короткой мантии, и сталъ на свою кафедру, присланную изъ Рима Папою Иннокентіемъ. Въ продолженіе литургій, я следовалъ за ея ходомъ, по Русскому переводу бывшаго Католикосомъ Іосифа Аргутинскаго. Служащій Епископъ сталъ на ступени средняго престола Единороднаго;

протодіаконъ и прочіе клирики стояли по правую сторону, пѣвчіе же за рѣшеткой въ церковной трапезѣ. Божественная литургія началась, какъ и у насъ, благословеніемъ царства Пресвѣтѣя Троицы; вслѣдъ за тѣмъ лико воспѣли антифонъ: «Единородный Сынъ и Слово Божій», который въ нашей литургіи помѣщается гораздо позже, послѣ великой актеи и пѣнія избранныхъ псалмовъ. Такъ какъ торжественный гимнъ сей, сложенный Императоромъ Іустиніаномъ, вошелъ, въ числѣ антифоновъ, въ составъ литургіи, не ранѣе VI вѣка: то замѣтно, что Армянская Церковь затрудила, куда помѣстить его, и вставила при самомъ началѣ. Это свидѣтельствуетъ однако, что еще сто лѣтъ послѣ Халкидонскаго собора, бывшаго камнемъ преткновенія и виною раздора, Армяне не боялись заимствовать свои молитвы отъ Грековъ. Краткая эктениа слѣдуетъ за симъ гимномъ, но предъ каждымъ возгласомъ, оканчивавшимъ таинную молитву Епископа, діаконъ предварялъ словами: «благослови Владыко» и ованценослужащій, съ желаніемъ мира, осенялъ

крестомъ. Такия естества повторяются часто въ продолженіи литургій. Должно замѣтить также, что краткія прошенія эктении произноситъ діакоуъ, а болѣе пространныя, имѣющія видъ молитвы или гимна, читаются или поются: всею клиромъ священниковъ и діаконовъ.

Праздничныя антифоны слѣдуютъ въ первую краткую эктению, и евангеліе обносится діакономъ вокругъ престола, при молитвѣ Епископа: о входѣ святыхъ Ангелъ съ сослужащими въ олтарь. Она взята изъ нашего служебника, хотя тутъ собственно не бываетъ никакого входа: Епископъ остается на мѣстѣ, а діакоуъ только обходитъ престолъ, съ рипидами и свѣтилниками; но такъ какъ это есть подражаніе малому входу, бывающему въ нашей литургіи, то и молитва употребляется также.

Не смѣю утверждать, потому что для этого надобно имѣть вѣрныя доказательства, но такого рода молитвы и самое расположеніе олтарей, которые по необходимости принуждены были удержать завѣсу, даютъ поводъ думать, что и у Армянь

они вначалѣ были также заграждены; только теперь у нихъ иконостасы отодвинуты и стоятъ на одной линіи съ престоломъ, носему и замѣняются завѣсою. Здѣсь также подвѣствовало вліяніе Римлянъ; ибо достойно вниманія то, что у Коптовъ и Сиріянъ, равно какъ у всѣхъ Восточныхъ исповѣданій, удержаны иконостасы. Нынѣшняя смѣсь ихъ облачений церковныхъ, полувосточныхъ полузападныхъ, и новизна всѣхъ иконъ, писанныхъ на холстѣ, по обычаю западному, съ ликами верховныхъ Апостоловъ, свидѣлствуетъ въ пользу моего предположенія, которое однако не могу выдавать за совершенно истинное. Сверхняя и нижняя двери сего иконостаса, въ томъ видѣ, какъ онъ теперь находится по обѣимъ сторонамъ престола, и положеніе жертвенника за иконостасомъ, въ тѣхъ церквахъ, гдѣ по неизмѣнно другому престола, дѣлается необходимымъ особый жертвенникъ, обличаетъ также прежнее устройство оларей. Да и можно ли предпологать, чтобы великіе сзательники, каковы были Григо-

рин и Нерессы, приняла беззачетно въ чинъ своей литургіи, молитвы, которыя видимо противурѣчаютъ существенному устройству ихъ церкви, тѣмъ болѣе что не всѣ молитвы Греческія, а только нѣкоторыя, вошли въ составъ литургіи Армянской?

Все сіе говоритъ доселѣ въ пользу древняго сеюва и сходства обнѣхъ Церквей; но вотъ гдѣ является разность: въ прославленіи неизреченнаго имени Божія, Трисвятею пѣсню! — Она возглашается торжественно, послѣ хода съ евангеліемъ вокругъ престола, при потрясеніи риндѣ, которымъ знаменуется трепеть крыль Серафимовъ, воспѣвающихъ славу Трисвятаго Бога, и этотъ шумъ серебряныхъ риндѣ, хотя и странный для непривычнаго слуха, не былъ мнѣ неприятенъ. Но горько было слушать прибавленіе словъ: «распятый за насъ» къ славословію Пресвятыя Троицы. Знаю, что мнѣ скажутъ Армяне: «мы относимъ пѣснь сію ко второму Лицу, а не ко всей Троицѣ; мы не полагаемъ, что Божество страдало, и даруемъ, что человѣческая только природа Божечеловѣка терпѣ-

ла за насъ мученіе. Если угодно принимаю сіе объясненіе, но тѣмъ не менше сожалѣю о разногласіи, когда это у нихъ не догматъ, а только старинный обычай.

Но если этотъ обычай, или лучше сказать одно слово, бросаетъ на нихъ неперіятную тѣнь сомнѣнія и смущаетъ всю Церковь, равно Восточную и Западную, которая искони привыкла восхвалять сію ижею во славу Святыя Троицы: то прилично ли однимъ Армянамъ держаться сего прибавленія, которое служитъ камнемъ преткновенія, когда мы видимъ, что они приняли многіе обряды отъ Грековъ и отъ Латинъ? Не хочу и не мѣсто здѣсь вкѣдуть въ богословское преніе о томъ, какое употребленіе правильнѣе, хотя свидѣтельство столькихъ вѣковъ и великихъ Церквей, показываетъ на чьей сторонѣ правда; но если сами Армяне утверждаютъ, что дѣло не въ догматѣ, а въ словахъ, то согрѣшая противъ братьевъ своихъ, по словамъ Апостола Павла, не грѣшатъ ли они противъ самаго Господа? Не такъ дѣйствовалъ Апостолъ, во исполненій любви, въ

вещихъ меньшей важности, что писалъ онъ къ Карниолнамъ? «Если пища соблазняетъ брата моего, не стану есть мяса во вѣки, что бы не соблазнить брата моего» (1. Кор. VIII. 13.) Здѣсь же дѣло не о тлѣнной пищѣ, но о единствѣ преславленія имени Божія, и тутъ ли мѣсто самолюбію или уперству, отъ которыхъ раздрается нещеземный китовъ Господа нашего Іисуса, когда одно отброшенное слово, не нарушая догмата, можетъ облизить разъединенное?

Несмотря на различіе въ славословіи, слѣдующая за нимъ молитва Епископа: «Боже святыи, иже во святыхъ почитамъ» опять взята изъ служебника Греческаго, и мудро не вѣрять, чтобы въ началѣ самое славословіе не было сходно съ нашимъ, если одинаковы предшествующія и послѣдующія ему молитвы. Великая эктѳонія, которая у насъ положена при началѣ литургіи, возглашается у Армянъ послѣ Тривѣитой пасхи, и за тѣмъ слѣдуетъ чтеніе двухъ паремій, Апостола и Евангелія. «Вонмѣнь» говоритъ діаконь, обращаясь съ Евангеліемъ въ народу, и лишь отвѣтствуетъ: «глаголетъ Божь.»

Туть повѣся, но Римскому обычаю, символъ вѣры, но не совершенно тотъ который былъ составленъ Св. Отцами, на вселенскихъ соборахъ въ Никей и Царьградъ, и принять всею Церковью, равномерно и Армянскою. Хотя она также называется его Никейскимъ, однако въ немъ есть прибавленія, православныя это правда, но не существующія въ подлинникъ. Подобно Никейскому оканчивается онъ анафемою противъ неправомудрствующихъ о Сынѣ Божіемъ, и тѣ же выраженія приимены къ искажающимъ догматъ о Духѣ Святомъ, чего однако нѣтъ въ Никейскомъ символѣ, ибо тогда не было еще сей ереси. Не знаю, какимъ образомъ и когда, возшелъ сей новый символъ въ Церковь Армянскую, которая приимлетъ однако правило третьяго вселенскаго собора Ефесскаго, строго запрещающее что-либо измѣнять въ символѣ. Что касается до времени его возглашенія, то Православная Церковь, охраняя тайны своего исповѣданія отъ невѣрующихъ и оглашенныхъ, благоразумно положила, прежде времени она-

го, изгонять ихъ и даже заключать двери церковныя, при чтеніи символа: Это знаменуется словами діакона: «двери, двери, премудростию вондемъ». Измѣнившіе же сей таинственный порядокъ въ литургіи Армянской, не вникли въ глубину созерцаній великихъ Святителей Василія и Златоуста, и нарушили постепенность священнодѣйствія, какъ въ этой такъ и въ другихъ частяхъ литургіи. Но возгласъ діаконскій: «двери, двери», сохранился и у нихъ, хотя уже безъ всякой мысли, какъ бы только для указанія того мѣста, откуда былъ вынутъ символъ.

Послѣ того діаконъ произноситъ эктению, составленную отчасти изъ тѣхъ прошеній, которыя у насъ отнесены ко второй половинѣ обѣдни: о мирномъ провозденіи дня, о Ангелѣ хранителѣ и пр. и ликъ отвѣтствуетъ, какъ и у насъ: «подай Господи». Тогда уже изгоняются оглашенные, маловѣрные, кающіеся и неочищенные, и ликъ востъ, довольно странно, когда еще не только не было освященія даровъ, но даже и перенесенія ихъ на

престоль: «тѣло Господно и кровь Спасителя предъ нами суть; небесныя Силы невидимо поють: святъ, святъ, святъ Господь съ насъ». Что же это означаетъ? Армяне слышали, какъ у Грековъ поють, на преждеосвященной обѣднѣ, когда переносятся дары, уже преждеосвященные: «имъ Силы небесныя съ нами невидимо служатъ, се бо входитъ Царь славы, се жертва тайная совершенна доручится» и они вставили у себя эту пѣснь, изменивъ ее по своему, предъ самымъ переносеніемъ даровъ, не видя, что у нихъ дары тогда еще не освящены, и что потому еще нельзя говорить: «тѣло Христово и кровь Спасителя предъ нами». Многіе изъ нихъ теперь объясняютъ, будто слова сей пѣсни относятся къ будущему. Не въ духъ обличенія и увѣщанія, но съ любовью уязвляю на это безпристрастнымъ судить.

Херувимская пѣснь не всегда поется на литургіи Армянской, а только въ случаяхъ торжественныхъ; въ обыкновенныхъ же службахъ замѣняется другими собственными ихъ гимнами; но тайная молитва

Епископа, при перенесеніи даровъ, во всей
княсти замѣстивана изъ служебника
Златоустава: «никто же достоинъ отъ свя-
занныхъ плетсавми похотыми или сласть-
ми, приходити или приближитися, или слу-
жити тебѣ Царю славы.» Если даже и не
Епископъ, а престоай іерей, совершаетъ
службу, онъ не отходить отъ престола за
дарами: это перенесеніе совершенно предо-
ставляется діаконамъ. Разность служенія
Епископа съ іерейскимъ состоитъ и въ
томъ, что до Херувимской пѣсни онъ осъ-
няеть народъ крестоу, а потому только
рукою, священникъ же всегда осъняеть
безъ преста; оба снимають въ это время и
до конца литургіи свои митры. Между
тѣмъ весь княрь, при пѣніи гална и каж-
денъ омиама, съ потрясеніемъ ринидъ,
участвовалъ въ перенесеніи даровъ, отъ
главнаго престола служивнаго жертвенни-
комъ изъ среднему, и это шествіе весьма
торжественно, не смотря на то, что пѣніе
Арапское непріятно для непривыкнаго
слуха. — Хоругви, лампы и ршцыи пред-
шествуютъ діакону, который несетъ лампаки

двѣкося на потиръ, покрытые воздухомъ, и, съ возвышенія алтаря, показываетъ ихъ народу; молитвенно пріемлетъ ихъ Епископъ и ставитъ на престолъ, безъ всякихъ поминovenій, а потомъ, омывъ себѣ руки, приступаетъ къ совершенію даровъ.

Трогательно возглашеніе діакона, или лучше сказать всего клира, который убѣждаетъ: «съ вѣрою и страхомъ стать на молитву, предъ святою транзеею, не съ сомнѣніемъ, но съ чистымъ умомъ и сердцемъ и добрыми дѣлами, дабы обрести благодать поминovanія, на второмъ страшномъ пришествіи Христовомъ.» Тогда, услышавъ привѣтствіе мира изъ устъ Епископа, онъ приглашаетъ всѣхъ цѣловать друга друга, а не могущихъ пріобщиться божественнымъ тайнамъ, изыти и видъ двери помолитися. Цѣлованіе идетъ отъ Епископа и діакона ко всѣмъ клирикамъ, которые обнимаются между собою говоря: «Христосъ посреди насъ явился.» Какое литургіи, то есть самый порядокъ освященія даровъ, сходенъ съ нашимъ, но духу тайныхъ молитвъ іерейскихъ, которая составлена, частью изъ

Златоуста и почти одинаковы въ воогла-
сахъ. Однако, вопреки общему уставу
литургій, равно Восточной и Западной, не
свидѣннодѣйствующій, а дѣаконъ внушаетъ
молчащимся: «возвысить горь умъ свой, и
благодарить Господа воемъ сердцемъ». По-
слѣ пѣнія: «достойно и праведно есть»,
почти совершенно водворяется порядокъ
литургій Православной, Серафимскою пѣ-
снью: «Святъ, святъ, святъ, Господь Сава-
оохъ,» и произношеніемъ словъ Господнихъ
надъ хлѣбомъ и чашею, и самымъ возно-
шеніемъ обонхъ: «Твоя отъ твоихъ тебѣ
привосяще, о всѣхъ и за вся», и наконецъ
тайныхъ на нихъ призываніемъ Св. Духа, съ
нѣкоторыми только измѣненіями въ словахъ.

Замѣчательно, что здѣсь Армяне не
уступили Римлянамъ и сохранили прежнее
православное освященіе даровъ, не сло-
вами Господа: «примите и ядите», не какъ
бываетъ у насъ, собственно призываніемъ Св.
Духа, для нихъ предложенія. Только ликъ,
крѣмъ обычнаго «аминь» поеть, прежде воз-
ношенія даровъ, уважительныя стихи: «Отче
небесный, иже даде Сына своего на смерть

за ны, яко должниши долговъ нашихъ, молимся тебѣ, ради изліанія крови его, помилуй сіе твое словесное стадо»; а послѣ возшептѣнія и освященія: «Душе святый, иже сходи съ небеси, совершающій таинство еославимаго съ тобою, руками нашими, изліаніемъ крови его, молимъ тя упокой души усопшихъ нашихъ».

Сія часть литургіи Армянской представилась мнѣ вавболѣе трогательною, по гласному поминовенію усопшихъ въ Бозѣ святыхъ. Почти такое же, но только тайное поминованіе, совершается въ то же время и у насъ, и еще прежде оное бываетъ на прескомидіи: потому и вставлено у нихъ здѣсь то что было пропущено при началѣ. Епископъ воспоминаетъ сперва пречисную Даву, но вмѣстѣ съ нею Прелкчу и, не знаю почему, мимо Апостоловъ, первоученика Стефана. Потомъ уже діаконъ, ставъ по правую сторону престола, воспоминаетъ Апостоловъ, Пророковъ, Мучениковъ, Патриарховъ и всѣхъ святыхъ Епископовъ, іереевъ и діаконровъ; и да будетъ...намятъ.

ихъ въ сей литургіи»; а хоръ ему отвѣтствуетъ: «помяни Господи и помилуй». Онъ называетъ далѣ первыхъ проповѣдниковъ Арменіи, Варооломея и Фаддея, великаго просвѣтителя ея Григорія и все его семейство до великихъ Нерсеса и Исаака, Месроба изобрѣтателя буквъ, Григорія Нарекенскаго и Нерсеса благодатнаго, и послѣдователей сего великаго мужа и его брата Григорія, много трудившихся для соединенія церквей. Пріятно также слышать имена святыхъ отшельниковъ, равно Греческихъ и Армянскихъ; и вѣрныхъ Царей Авгара и Константина, Тиридата и Феодосія. Наконецъ произноситъ молитву о всѣхъ вѣровавшихъ мужахъ и женахъ, старцахъ и младенцахъ, усопшихъ во Христѣ; а ликъ непрестанно возглашаетъ: «помяни Господи и помилуй».

Достойно особеннаго вниманія, что въ числѣ поминаемыхъ на каждой литургіи, всею Церковью Армянской, находится Св. Григорій, настоятель обители Нарекенской, прославленный своимъ благочестіемъ и образованіемъ духовнымъ въ X вѣкѣ, коего

гимны поются въ Церкви, и который былъ гонимъ противниками Халкидонскаго собора, за свою приверженность къ его догматамъ, какъ это видно изъ его житія. Онъ долженъ былъ бѣжать изъ столичнаго города Ани и одно только чудо, имъ совершенное предъ лицомъ обвинителей, спасло его отъ осужденія. О немъ говорить, какъ о Ангелѣ во плоти, другой благочестивый ревнитель союза, Нерсесь Епископъ Ламбронскій, уважаемый своею Церковью, и на него ссылается, въ доказательство единомыслія Армянъ съ Греческою. Да и Католикось Нерсесь благодатный, съ братомъ своимъ Григоріемъ, споспѣшествовавшіе къ церковному единству, во дни Императора Мануила, и послѣдователи ихъ, гласно поминаемые на литургіи, подъ именемъ Нерсесіянъ и Григоріянъ, не свидѣельствуютъ ли въ пользу мира?

Когда окончено поминовеніе усопшихъ, Епископъ воспоминаетъ тайно Апостольскую Церковь и всякое Епископство православныхъ, и гласно Императора со всеи Августѣйшии еѣ домои, и Католикоса.

Гайкавскаго народа; а клиръ, перейдя на лѣвую сторону престола, повторяетъ тоже самое, начиная съ Католикоса. Послѣ тайной молитвы Епископа, заимствованной въ кратцѣ изъ литургіи Св. Василія, о распространеніи благодатныхъ дѣйствій приносимой жертвы на всю Церковь, слѣдуетъ эктенія, составленная смѣшанно изъ нашихъ эктеній, и поется молитва Господня: «Отче нашъ». Тайная молитва Епископа, которой у насъ нѣтъ, весьма трогательно изъясняетъ самый возгласъ, о неосужденномъ призваніи нами небеснаго Отца. «Боже истинный и Отче милосердый, благодаримъ тебя, иже паче блаженныхъ праотцевъ, наше грѣшное естество почтилъ еси, яко имъ нарекъся еси Богъ, намъ же, по милости твоей, благоволилъ именоватися Отецъ».

По гласу діакона, всѣ преклоняютъ главы, и произносится молитва, отчасти сходная съ нашею; Епископъ, возвысивъ тѣло Христово, возглашаетъ: «Святая святымъ!» а хоръ отвѣтствуетъ: «Единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ», но тутъ

включены прибавленія, принадлежащія собственно литургіи Армянской. Епископъ произноситъ надъ дарами хвалу каждому лицу пресвятыя Троицы отдѣльно: «благословенъ Отецъ святой, Богъ истинный», и ликъ отвѣчаетъ: «аминь»; то же и въ тѣхъ же словахъ, о Сынѣ и Духѣ Святомъ, и наконецъ: «благословеніе и слава Отцу и Сыну и святому Духу»; ликъ повторяетъ то же. Тогда Епископъ, прочитавъ тайнѣ молитву, взятую изъ нашего служебника: «вонми Господи Иисусе Боже нашъ, отъ святаго жилища твоего» обмакиваетъ пречистое тѣло Господне, въ крови потира, и показываетъ оное народу, по обряду Латинскому, обратившись къ нему лицомъ, съ симъ умиленнымъ возваніемъ: «святаго, святаго, пречистаго тѣла и крови, Господа нашего и Спаса Иисуса Христа, вкусимъ со святынею: иже, съ небеси снишедъ, преподается посреди насъ, есть жизнь, надежда, воскресеніе, очищеніе и оставленіе грѣховъ».

Діаконъ возбуждаетъ пѣть псаломъ Господу и завѣса задергивается, для приоб-

щенія Епифана, но только одного, по обычаю Римскому, а не всѣхъ священнослужителей, какъ это положено въ чинѣ Православной Церкви; ибо что есть самая община, если не соединеніе вѣрующихъ съ Господомъ и между собою во единое тѣло; и если не всемъ безъ изъятія, то кому же преимущественно въ ней участвовать, какъ не священнослужителямъ, которые, по собственному значенію своего званія, суть достояніе Божіе? Не смѣю утверждать, но мнѣ кажется, что самые опръсненіи, употребляемые Армянами, вмѣсто кваснаго хлѣба, для святыхъ даровъ, могутъ также быть нововведеніемъ, хотя Армяне крѣпко стоятъ за ихъ древность, увѣряя, что употребленіе ихъ было безразлично съ хлѣбомъ отъ самаго начала. Можетъ ли быть однако, чтобы великій Григорій и правнукъ его Исаакъ, пріемля чинъ служенія Греческаго, когда оно уже совершенно установилось, ибо это былъ вѣкъ Василія и Златоуста, такъ резко отделились отъ своихъ блаженныхъ учителей, и приняли, вопреки имъ, для совершенія таинъ, ветхозавѣтные опръс-

сножи, вмѣсто новозавѣтнаго хлѣба, который благословилъ Господь, по окончаніи образовательной трапезы Пасхальной?

Между тѣмъ дикъ поетъ причастные стихи, приличные таинству, съ призывомъ аглигуя, на концѣ каждаго. Умилительны и тайныя молитвы причащающагося Епископа, который, подобно какъ у насъ, раздробляетъ на четыре части святое тѣло и влагаетъ въ потиръ говора: «исполненіе Духа Святаго». Послѣ приобщенія и благодарственныхъ молитвъ, отчасти заимствованныхъ изъ нашихъ, задергивается завѣса и диаконъ возглашаетъ: «со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите»; а Епископъ, взявъ чашу, обращается къ народу и приобщаетъ безъ ложки, вынимая перстами и раздробляя на части святое тѣло, что довольно неудобно, ибо честная кровь остается на пальцахъ. Какъ только освѣтитъ онъ народъ, завѣса опять задергивается, дабы священнослужачій могъ тайнѣ потребить святыя дары, на самомъ престолѣ, для большаго соблюденія святыни, и такая предосторожность похвальна.

Последняя эктенія діакона напоминаетъ нашу; ликъ поетъ благодарственный гимнъ Господу, напоставшему насъ отъ безсмертныя своея трапезы и даровавшему тѣло и кровь свои, во избавленіе міру, и животь душамъ нашимъ. Опять открывается завѣса, непрестанно свидѣтельствующая о необходимости оставленнаго иконостаса, и Епископъ сходитъ къ народу, читать нашу заамвонную молитву. Но когда ликъ пропоетъ: «буди имя Господне благословенно во вѣки» опять, по обычаю Латинскому, Епископъ начинаетъ читать первую главу евангелія отъ Іоанна: «Въ началъ бѣ Слово» и этимъ заключаетъ литургія, начатая по чину Греческому, конченная по Римскому. Не съ духомъ осужденія, изобразилъ я ходъ литургіи Армянской, но съ безпристрастіемъ, воздавая хвалу истинно всесовершенному въ еи молитвахъ и указывая только, откуда что заимствовано; дабы видѣти, какимъ образомъ именованъ былъ, въ среднѣхъ вѣкахъ, древній Восточный чинъ еи.

ЭРИВАНЬ. КЕГАРТЪ.

Въ тотъ же вечеръ оставилъ я Эривань, чтобы продолжать мое путешествіе по области Армянской. Патриархъ, исполненный благоволенія, отпустилъ со мною собственнаго кочевника, для того чтобы мнѣ все было открыто въ монастыряхъ. Смеркалось, когда спустился я въ ущеліе Занги, на крутой мостъ, переброшенный черезъ потокъ; сѣю стремли каменишки Греческія, двѣсти лѣтъ тому назадъ, во времена Шахъ-Аббаса. Какъ тѣни мелькнули предо мною пустыя палаты Сардаря, и даремъ и крѣпость; кое-гдѣ горѣли огни, въ

удлиненныя окна, наль рѣкою, и му-
чала Занга, въ вечерней тишинѣ; съ тру-
домъ могъ я выдать подъ темные наги-
бы вероугъ, бывшей Персидской твердыни.
На разсвѣтъ страдно мнѣ было слышать
украинное богослуженіе, въ соборѣ Эриван-
скомъ, весьма благозвучномъ. Тѣ же Гре-
ки, коперме строили мостъ, соорудили и
храмъ, для самихъ себя, какъ меня уве-
рили некоторые старожилы, но въ послед-
ствіи партоу была: отдамъ Туркамъ, для
ихъ исповѣданія Суннитскаго, а наконецъ
обращена въ пороховое хранилище. Тамъ
заслани съ войска наши и освятили въ
местѣ Дюкрова Богоматери, потому что въ
этотъ день сдѣлалъ сія сторожевая бойни-
ца: Персид, какъ и въиогда, въ тотъ же день,
наль твердыни Казаніи, предъ побѣдною
маршю Россіи.

«Мечеть, бывшая при дворѣ Сардаря,
теперь обращена въ арсеналъ, и нарядна
своими арабскими, въ разноцвѣтныхъ кир-
лицей: Замѣчательна и главная городская
мечеть, принадлежащая господствовавшему
исповѣданію Шитовъ; она окружена

базаромъ въ Кармансарани, на тѣхъ же дере-
 вяхъ, подъ которыми шумитъ сонгъ; он-
 но развислось на вѣсь широкой дѣверъ ш-
 чети; прізывая подъ тѣнь своею поклона-
 ковъ Али. Но я нашелъ Христианское об-
 провище въ Эривани; въ которомъ даже
 не знаютъ многие изъ Армянь; въ краѣ го-
 рода, въ удивительной церкви, посвященной
 Зераваръ т. е. святыню смальныхъ. Мозу-
 ри сего храма спускается въ подполье,
 подобное гробницамъ покойнъ Ривини и
 Галны, и тамъ гробница Св. Апостола Анд-
 ния, одного изъ семидесяти, котораго упо-
 шійся Господи, велѣлъ обрѣзать Сиски,
 избранный имъ сосудъ. Какимъ образомъ
 могли явиться мощи сего въ Эривани, о
 могъ я достоверно узнать; въ синодальномъ
 той церкви говорили мнѣ, что они веде-
 рены были еще великому Григорію. При-
 доподобнѣ думать, что всякая часть мнѣ
 досталась гораздо позже въ туль, или
 либо изъ Католическихъ или Церквей Армян-
 скихъ. Рядомъ съ гробницею Анднй есть
 другая неизвестная; въ томъ же подпо-
 мелье.

На следующее утро поехали и на знаменитую обитель Армянскую, в священный в синагогу; за прищипку вереть к восточную от Бразанк Тамь, с незамысловатым временем, кривилось. Сл / копю; которое поспешь из Эмидиань; имя Фетарту ботало обители от цовля; и поспешно ея устроило; было причиною другого названия: Амрианк; Дорога туда шла, и было от большой Персидской; споры по; путешествовать; пребывать до широкой долины Бангарин, где некогда существовал знаменитый город Ирма. Там, на обрыве утеса; востроил Царь Тиридат; долгиемлицей дворец, для доброй сестры своей Хесровидуть, и досель еще видны его остатки; слышало в народ; трепет; Тиридату; но колоссальные обломки базальтовых колонны, с шпигремадинами; поднимали в горного гранита; и с рыцарями; величавыми; Фенических ордена; славя; действовать более о; краин; по; вступил Профессор; немоли о; издавати; Поранения; с; гранитная; шпигрема; обломков; обрива; рукою; восточной; в; одну; груду;

на обрывѣ скалы, памятникъ его (соб-
 ственнаго могущества надъ ильдами русъ
 человеческихъ. Воображеніе народа, все-
 гда поэтическое въ обрядахъ, записавъ,
 образовало изъ сихъ развалинъ одну по-
 величскій тропь, на которой послышно
 вдалекую гдѣ любимаго Царя своего Ти-
 ридата. У его подножія сипитъ торная
 вода въ глубокомъ руслѣ; безчисленно
 русла стремятся, изъ доли живыя ка-
 ней, для прохлажденія быстрой царствен-
 ной усадьбы сестры Тиридатовой. Нака-
 лы ея ограждены были обсторона дла-
 ны, кривою стѣною, которой плиты еще
 уцѣлели, съ полуобрушенномъ аркою воротъ,
 сѣдиченныхъ знаменіемъ креста. Некогда
 развалившися первой разбросаны по
 долины, около вышшняго полукагарскаго,
 полуармянскаго селенія; и свидѣтельству-
 ютъ о прежнемъ величїи Карни. Въ одной
 дѣльникъ погребенъ алмазникъ, инокъ
 духовный Маттею, оставившій по себѣ бога-
 тое собраніе перловныхъ монетъ; это Децѣ-
 ливитъ народъ Армянскаго. Тутъ же близъ
 дачи селенъ, и могущае развалины: иже, Царя,

дальнейший герцог Карн, въ XIII вѣдѣ, когда уже негнрная династія Рупенидовъ, удержала дальній престолъ своей въ Карни; отъ сыновъ своихъ благоудѣлими обителъ Кегарна.

Дорога къ ней идетъ вверхъ по ущелью, которое суживается все болѣе и болѣе, дѣлая не упретъ наконецъ въ непреступныя скалы, откуда бьютъ бурный потокъ Карни. Только восемь верстъ отъ селенія до монастыря; но окрестныя горы видны развалены морзвей, но по мѣрѣ приближенія къ Кегарну, изчезаетъ всякое насчетаніе, и дикая природа вступаетъ въ свои права свои, расклавъ посюду неподвижныя грани утесовъ; одинъ изъ нихъ совершенно закрываетъ монастырь, и служитъ какъ бы преддверіемъ сей каменистой пустыни; гдѣ во времена ея слезы спасались нѣсколько овецъ и ошшадничковъ. Мы удивлялись удивительный колоколь престола, но желая увидѣть алтарь, и отойти мирной благоудѣсти, обрадованъ быть въ столь дикомъ ущельи. Два кольца плена выжили къ немъ на, потрѣну, потому что болѣе ихъ не бы

ло. Еще недавно пустою стояла древняя обитель, и обязана своимъ обновленіемъ усердію бывшего правителя области Армянской, Князя Вебутова, но и досель подвергается она разболямъ окрестныхъ жителей. Два года тому назадъ ее ограбили Мурды, и также два ивока, единственные стражи святилища, найдены были связанными въ оградѣ монастыря; такъ опасно нынѣ положеніе.

Основаніе Кегурта относится къ глубокой древности, но вѣроятнѣе Св. Григорій, и весьма естественно, что такое дикое ущелье могло привлечь къ себѣ любителей безмолвія, въ самую цвѣтущую эпоху шестства. По крайней мѣрѣ достоверно то, что правнукъ просвѣтителя, Исаакъ великій, любилъ тамъ уединяться, и около сего времени, должно шлофать, посвящены были некоторыя пещерныя церкви. Неприступность обители, посреди скалъ ее оградившихъ съ трехъ сторонъ, дѣлала изъ нея твердыню, въ которой спасались Католикосы и Владыки Армянскіе, отъ нашествій халифовъ; тамъ долго уира-

вался знаменитый по своей летописи, Католикосъ Іоаннъ VI, отъ жестокаго правителя Юсуфа. Безопасность мѣста вѣроятно побудила перенести въ Кегартъ священное копіе, когда сосѣдняя столица Двинь, сдѣлалась жилищемъ Эмировъ, и опустѣль Әчміадзинь, подвергавшійся безпрестаннымъ нападеніямъ. Сокровище сіе еще болѣе освятило монастырь, въ мнѣніи не только Армянъ, но и Магометанъ; народное преданіе рассказываетъ, что во время страшнаго нашествія Шахъ-Аббаса, когда, проникнувъ въ обитель, хотѣлъ онъ коснуться святыни копія, внезапный свѣтъ осіялъ все ущелье: оно наполнилось тьмами Ангеловъ, и въ ту же минуту обратились назадъ лица Персіанъ. «Геръ-гечь!» (видѣль, бѣги), воскликнулъ смятенный Шахъ, и первый подалъ примѣръ бѣгства; съ тѣхъ поръ названіе Геръ-гечь осталось обителя, въ устахъ Татаръ, вмѣствъ съ народною легендою.

Иноки ввели насъ сперва въ главную церковь Св. креста, не изсѣченную внутри угесовъ а пристроенную къ нимъ, уже въ

воздвѣнныя времена. Устройство ея подобно всѣмъ храмамъ Армянскимъ XII и XIII вѣка: высокія арки подпираютъ куполъ, алтарь возвышенъ, съ двумя ризницами по сторонамъ, молитвенныя келліи въ углахъ и никакихъ украшеній по стенамъ; иконы, совершенно новыя, писаны на холстѣ. На входныхъ дверяхъ, съ южной стороны, грубо изваяны голуби, между виноградныхъ лозъ, и два бодящихся тельца, символы чистоты и силы. Обширная трапеза, пристроенная къ церкви, великолѣпна рзвѣбою своихъ карнизовъ и открытаго купола, который опирается на четырехъ столбахъ. Она также носитъ отпечатокъ среднихъ вѣковъ, и надпись на заднихъ вратахъ свидѣтельствуетъ, что куполъ храма былъ сооруженъ въ 1214 году, трудами братіи, при настоятельствѣ пустычника Василія, во время Атабека Захарія, и сыновей его Шагинъ—Шаха и Авака. Северною стѣною для сей трапезы служитъ самая скала, и въ ней высѣчены другія церкви, изумляющія терпѣніемъ своихъ создателей.

Первая, во имя Св. Троицы, ближе къ за-
наднымъ дверямъ трапезы, она почти кру-
глая, со многими углубленіями въ стѣнахъ,
и украшена арабесками. Узорные кресты изъ-
сѣчены на скалѣ, съ надписями, которыя на-
зываютъ жертвователей, прибывшихъ подъ
сѣнь сего храма, и вѣроятно тутъ же погребенныхъ ради своихъ даяній. Изъ подъ сѣ-
верной скалы струится источникъ черной
воды, горькой и непріятной на вкусъ; въ
восточномъ углубленіи есть алтарь на коемъ
уже не бываетъ службы. Рядомъ съ пер-
ковою Св. Троицы изсѣчена другая, во имя
Виноземской Божіей Матери, но алтарь ея
несоразмѣрно малъ противъ самой церкви;
она освѣщена сверху оинами пробитыми
въ скалѣ; входъ въ нее изъ той же тра-
пезы, и въ ней течетъ также горькая вода
изъ подъ утеса. На этомъ утесѣ изсѣчены:
волчья голова, которая держитъ кольцо, и
къ нему два прикованные льва, а подъ ни-
зи орелъ несущій ягненка. На аркѣ ал-
таря Божіей Матери грубо изваяны двѣ
райскія птицы, а на дверяхъ ведущихъ въ
третью церковь Св. Григорія, Апостолы

Петръ и Павелъ. Сія послѣдняя всѣхъ выше и изящнѣе отдѣлкою; алтарь ся много поднять надъ помостомъ, и на немъ сохранилось кресло Епископское, высѣченное также изъ камня. Купель, необходимое условіе всѣхъ церквей Армянскихъ, выдолблена въ той же скалѣ, вбо только внутри храмовъ позволено совершать таинство крещенія у Армянъ. На возвышеніи алтаря, подлѣ каменнаго кресла, изваянь высокій крестъ, съ двумя Ангелами по сторонамъ, изъ коихъ одинъ съ трубою, а другой съ мечемъ. Какого собственно времени всѣ три церкви, изсѣченныя въ утесъ, неизвѣстно: но въ Визеямской, которая служитъ преддверіемъ Григоріевой, сохранилась на южной стѣнѣ надпись:

«Въ правленіе благочестиваго, боголюбимаго властителя Грузинскаго Авака и Шагинъ-Шаха, и сына его Захарія, я Прошъ, сынъ Васака, изъ Хохнава, купилъ отъ владѣтеля страны сей знаменитый сей Айри-ванкъ, вмѣстѣ съ горою и равниною, и всѣми постройками, какія были въ немъ, и выдолбилъ въ скалѣ домъ Божій, въ на-

мать мою, супруги и сына, и все вмѣстѣ съ ними, посвятилъ Св. копию.»

Годъ не выставленъ, но извѣстно, что князь Прошъ властвовалъ въ сихъ предѣлахъ, въ началѣ XIII вѣка, и можно предполагать, что онъ ископалъ въ скалѣ это Виелеемское преддверіе, и самую церковь Св. Григорія, и пристроилъ къ нимъ трапезу и соборный храмъ Св. креста; однако названіе Айри-ванкъ, употребленное въ подписи, свидѣтельствуетъ о прежнихъ пещерныхъ церквахъ, и дѣйствительно до сорока тѣсныхъ келлій, съ малыми внутри ихъ алтарями, пробиты въ скалахъ. Сынъ князя Проша, Папахъ, выдолбилъ въ 1288 году, еще одну обширную погребальную церковь для своего рода, надъ тремя первыми; тамъ однако не видно алтаря. Куполъ имѣлъ отверстіе сверху и опирается на четырехъ столбахъ, по образцу трапезной церкви. Тѣсная галлерей, украшенная крестами, служитъ входомъ въ сію каменную сокровищницу смерти, которая превесходитъ, дикимъ своимъ великолѣпіемъ, многія жилища людей, и напоминаетъ тѣщаніе

Фараоновъ Египетскихъ, о сохраненіи своего праха. Народное преданіе, которое любитъ оживлять самыхъ обителѣ смерти, говоритъ что гораздо прежде князя Папача, два труженника, братъ и сестра, движимые благочестивымъ усердіемъ, начали наскать, или что вѣроятнѣе обдѣлывать подземную хранилищу, въ которую спустились изъ верхняго отверстія, но уже не могли опять туда подняться. Они стали пробивать утѣсь, чтобы найти себѣ боковой выходъ, но потерявъ направленіе, долбили гору, вмѣсто того чтобы обратиться къ вышней сторонѣ скалы. Горестно заснувши узники, послѣ напрасныхъ трудовъ, ожидая голодной смерти, ибо уже истощились ихъ запасы, и вотъ ввечеру, невѣдомого рукою Ангела хранителя, труженническій молотъ ихъ перенесенъ былъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь устье подземной галереи. Пронувшись они пробили себѣ узкое отверстіе, и могли опять выйти на Божій свѣтъ, но доселѣ показываютъ начатую ими работу въ скалѣ.

... Надъ самымъ врышеномъ оборонной траншеи,

высечены три малых волли съ алтарями, мазиць много разсыяно по окрестнымъ утесамъ, а за оградою, у самаго входа, выдолблено въ отдельной скаль двухъ ярусное жилище, съ двумя церквами: во имя Божіей Матери. Стѣнная живопись отчасти сохранилась, и еще видно вербное торжество Спасителя; надпись на стѣнѣ говоритъ, что въ 1256 году обновлена сія церковь Богородицы, но имя неизвестно; последнее разрушеніе было при Лезгинцахъ, менѣе ста лѣтъ тому назадъ. Мѣстное преданіе гласитъ, что въ этихъ келліяхъ первоначально спасался великій Григорій, но достоверно это можно предполагать, что здѣсь жилъ праправнукъ его Католикосъ Исаакъ, ибо лѣтописи Армянскія упоминаютъ о его пребываніи въ обители. Напротивъ, черезъ цоколь Кирин, видно еще жилище въ неприступной скаль, гдѣ зацѣплялся князь Пронь окъ, нападена Сарациновъ. Бурно истощаетъ самый потокъ, изъ сердца скаль, насколько выше монастыря, и разбиваясь по камнямъ, образуетъ веселую величавую водопадъ, въ глубокомъ ущельи. Мы толь-

ко могли подливиться дикости мѣста избраннаго мною, но мнѣ говорили, что весною это ущелье обращается въ совершенный садъ, отъ множества душистыхъ кустовъ, разросшихся промежду скалъ, и малыя поляны, на берегу потока, благоухаютъ цвѣтами.

Такъ разнообразна своими красотами обильная природа и то, что намъ кажется мрачно въ ея осеннюю пору, какъ бы на склонѣ возраста человеческого, дышетъ опять райскою свѣжестью въ ея весенніе, для насъ невозвратные на землѣ дни. Когда мы окончили осмотръ храмовъ и пещеръ, уже солнце закатилось за горный горизонтъ и только послѣдніе лучи его, багровыми красками, сходивши съ каменистыхъ вершинъ; картина была великолѣпна, особеннымъ величіемъ облеклась дикость пустыни; еще долго горѣлъ пурпурный гребень скалъ, огненною чертою рисуюсь на темномъ небѣ востока, и вотъ встала другая очаровательница, луна, и серебрянымъ рогомъ своимъ одохла вечерніе розовые туманы. Ея темнымъ свѣтомъ внезапно поблѣднѣло ущелье,

какъ неблекшія лица его отшельниковъ, и дикая обитель представилась намъ въ болѣе свойственномъ ей образъ.

АРАРАТЬ.

Утромъ мы опять миновали селеніе Башкарни и долго слѣдовали по ущелію, къ долинь Аракса. Вся она почти заселена выходцами изъ Персіи и Турціи, ибо многія тысячи Армянскихъ семействъ устремились, по окончаніи войны, въ мирныя предѣлы древняго своего отечества. Прилично видѣть, отъ подошвы Алагеза до подошвы Арарата, всю обширную равнину, гдѣ величаво течетъ Араксъ, обращенную

Часть II.

6

въ зеленые сады, которые орошаются его живительными водами, ибо безъ искусственныхъ протоковъ, ничего не можетъ расти, на пламенной почвѣ Арменіи. Еще недавно, одни только рѣдкіе аулы Татарскіе, кое-гдѣ разсыяны были на пустотѣ равнины, на которой не смѣли селиться Христиане, изъ онасенія Курдовъ. Мы спустились къ селенію Двинь, которое получило свое громкое имя отъ близъ лежащихъ развалинъ, и увидѣли въ полѣ обширный двухъ ярусный холмъ, окруженный рвами: это была древняя столица Арменіи. Развалины ея простираются нынѣ между трехъ селеній, изъ коихъ два, Арташирь и Двинь запечатлѣны сами историческими именами, а третье, Топра-кале, означаетъ земляную крепость или насыпь, въ которую теперь обратилась могущественная некогда столица. Перенасское названіе Двинь, т. е. холмъ, совершенно соответствуетъ ея нынѣшнему состоянію, ибо одинъ только могильный мурганъ гласитъ о минувшемъ величій и блескѣ царства; а некогда оудьба всей Арменіи зависѣла отъ сего холма!

Сынъ Тиридата, младшій Хосрой, перенесъ сюда столицу изъ Арташата, которому предвѣдѣ болотными испареніями Аракса, и съ тѣхъ поръ Двинь, прозванный Востаномъ или Царьградомъ, посреди своей плодотворной равнины, сдѣлался сердцемъ Арменіи; чрезъ него текла вся богатая торговля Индіи съ Западомъ. Когда же въ V вѣкѣ пало, подъ игомъ Персовъ, царство Армянское, отсель поднялся витязь Варданъ Мамигонянинъ, съ горстью храбрыхъ, чтобы отразить долачица Ивдигерда и его Маговъ, которые усиливались ввести огнепоклонство. Варданъ перенесъ сюда столицу духовную изъ Вагаршата, съ каедрою Каголикосовъ, и они основались въ Двинь, почти на пятьсотъ лѣтъ, до возвеличенія новой столицы Ани, уже при династіи Багратидовъ. Самое лѣтосчисленіе Армянъ, которому донынѣ они слѣдуютъ, воспріяло начало въ Двинь; ибо Каголикосъ Моисей, исправивъ въ 551 году ошибку календаря, велѣлъ, довольно странно, начинать новую эпоку не отъ Рождества Христова, а отъ созданія имъ собора; гакимъ образомъ

Армяне отстаютъ, на 551 годъ, отъ всѣхъ Христіанскихъ лѣтоисчисленій.

Тяжкія раззоренія претерпѣлъ царствен-
ный городъ, отъ завоевателей Арабскихъ,
при самомъ разгарѣ ихъ ввры. Приступомъ
взять былъ Двинъ и разрушенъ почти до
основанія; двѣнадцать тысячъ жителей пало
на его пепелищѣ, сорокъ тысячъ уведено въ
плѣнъ и надобно было имѣть всю ревность
Нерсеса строителя, чтобы возстановить го-
родъ изъ его развалинъ. Нѣсколько лѣтъ
спустя бывшая столица Царей Армянскихъ
сдѣлалась мѣстопребываніемъ нашествниковъ
Халифа и, укрѣпленная ими въ началѣ
VIII вѣка, еще однажды провѣла подъ
ихъ владычествомъ; но она вскорѣ опять
подпала игу завоевателей Сарацнскихъ.
Еще ужаснѣе ихъ оружія, были для Двина
землетрясенія протекавшія отъ соседства
Арарата.

Въ исходѣ IX вѣка трехтысячное,
почти непрестанное колебаніе, сокрушило
въ немъ храмы и палаты, и жертвою она-
го сдѣлалась до семидесяти тысячъ жите-
лей. Съ тѣхъ поръ уже не возставала

Двинѣ въ прежней краѣ своей, хотя еще до XII вѣка, продолжалъ быть правительственнымъ, по жительству въ немъ Эмировъ. Мало по малу совершенно стерся онъ съ лица земли, и кто найдетъ теперь на пустынномъ холмѣ, мѣсто великолѣпнаго собора Св. Григорія, который воздвигнуть былъ витяземъ Вартаномъ, и палаты Католикоса Нерсеса, и слѣды бойницъ Эмира Абдалъ-Азиза? Не только зданій, нѣтъ даже и слѣдовъ ихъ!

Страшно стоять на развалинахъ, гдѣ до такой степени истребилось все человѣческое и время сгладило самые камни, оставивъ только черепки и прахъ! Здѣсь, болѣе нежели гдѣ-нибудь, чувствуется все наше ничтожество, особенно когда свободный взоръ, широко объемлетъ окрестныя вершины горъ, сихъ исполиновъ творенія. Одинъ Араратъ уже подавляетъ въ сердцѣ мелкое воспоминаніе частнаго разрушенія, вселенскимъ ужасомъ потопа. Сколько однако столицъ Армянскихъ, одна за другою, стерлись предъ лицомъ сего Арарата, въ одной области, искони носившей его имя

и нынѣ вдвинутой въ предѣлы наши? Двинѣ, и подлѣ него, на другомъ холмѣ, Арташатъ, и на равнинѣ Вагаршапатъ, и еще двѣ столицы, приникшія къ нашей грани на берегахъ Арпачая, Ерованташатъ и Ани, чудная въ самыхъ обломкахъ. Можно причислить къ столицамъ Арменіи еще одинъ городъ, процвѣтшій уже во время ея паденія, Джульфу на берегахъ Аракса, отъ которой осталось теперь исполнинское кладбище. Все это сокрушилось постепенно у ногъ Арабата, на той равнинѣ, гдѣ еще сохранилась тамъ память перваго поселенія человѣческаго послѣ потопа, въ самомъ имени Нахичевани, съ мнимою или дѣйствительною могилою втораго родоначальника Ноя.

Гостепріимный кровъ ожидалъ насъ на эту ночь, въ домъ начальника участка Зангибасарскаго, который распоряжался, по сосѣдству двухъ столицъ Армянскихъ, вмѣсто ихъ бывшихъ державныхъ влaстителей и Эмировъ: *sic transit gloria mundi!* Мнѣ сопутствовали нѣсколько служащихъ изъ Эривани, и въ числѣ ихъ Абовьянъ, ко-

төрый соединягъ образованіе Дерптскаго университета съ мѣстными познаніями края: онъ былъ неутомимымъ спутникомъ Паррота и Абиха на Араратъ. Утромъ мы были уже опять на коняхъ, по направленію чудной горы сей, и быстрый Араксъ принягъ насъ въ свои завѣтныя воды. Не легкое дѣло отыскать бродъ Аракса, который безпрестанно измѣняетъ свое теченіе, и заставляеть иногда путешественниковъ дорого платить за свою отвагу. Опытный казакъ указывалъ намъ путь по водамъ; мы слѣдовали за его длинною струею на искось рѣки, чтобы не быть увлеченными ея теченіемъ.

За нами нѣсколько семействъ Курдовъ, которые возвращались съ лѣтняго кочевья, стали переправлять стада свои; они брали себѣ на плеча молодыхъ ягнятъ, напоминающая образъ благаго Пастыря, хотя увы! не принадлежать сами къ его избранному стаду. Не только въ этомъ, но и въ другихъ случаяхъ, я удивлялся отчетливости, съ какою Евангельскія притчи списывали природу. Привыкнувъ видѣть, у насъ въ

полъ, пастуха слѣдующаго за разсыяннымъ стадомъ, я не понималъ Евангельскаго выраженія, которое такъ часто поражало слухъ мой: «и егда своя овцы ижденеть, предъ ними ходить, и овцы по немъ идутъ, яко слышать гласъ его; по чуждемъ же не идутъ, но бѣжать отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа.» (Иоан. X, 4, 5). Но посреди пастушеской жизни кочующихъ Курдовъ, разрѣшилась мнѣ сія притча, когда я увидѣлъ овецъ ихъ, одна за другою, слѣдующихъ по узкой тропѣ за своимъ пастыремъ, и дѣйствительно знающихъ его голосъ. Курды сіи, которые цѣлыми семействами переходили Араксъ, еще не совершенно возвращались на свои зимовья; но, спустившись съ высотъ Алагеза, временно останавливались на равнинѣ Аракса, потому что могли находить тамъ еще не много корма для скота. Переселеніе ихъ представляло живую картину патриархальнаго быта: жены и дѣти сидѣли въ корзинахъ на ослахъ; коровы и даже собаки были навьючены домашнимъ скарбомъ; подозрительно падали на пришельцевъ взо-

ры смуглыхъ пастуховъ. Время ихъ перекочеванія есть самое опасное для одинокихъ путниковъ, по частымъ разбоямъ, которые трудно остановить, потому что большая часть Курдовъ переходитъ за границу или передаетъ похищенное своимъ единоплеменникамъ, въ Персін и Турціи, получая отъ нихъ взаимно тѣ же услуги.

Но между сими дикими скитальцами, есть одно племя, болѣе кроткое, по древнимъ воспоминаніямъ Христіанства; это Іезиды, встрѣчающіеся наиболѣе у подошвы Арарата, въ нашихъ предѣлахъ, хотя однако довольно въ маломъ числѣ, потому что при усмиреніи Курдовъ, нынѣшнимъ Визиремъ Порты, Решидъ-Пашею, на нихъ особенно, какъ на иновѣрцевъ, обращено было его оружіе. Ихъ называютъ въ простонародіи поклонниками діавола, Иблиситами, потому что они всегда отзываются о немъ съ осторожностью, говоря: «не надобно проклинать его; онъ можетъ покаяться, и его проститъ Богъ.» Къ какой собственно сектѣ Христіанской принадлежали Іезиды, нельзя достовѣрно дознать,

но нѣтъ сомнѣнія, что они были нѣкогда Христіанами, и будучи отвержены Церковью за ересь, одичали въ своемъ одиночествѣ, и утратили основные догматы; сохранилась однако, въ ихъ темныхъ преданіяхъ, нѣкоторая слабая тѣнь Христіанства. Такъ напримѣръ у нихъ есть двѣ степени священства, какъ бы пресвитеры и клирики (шейхи и пирь), для которыхъ существуетъ особенное посвященіе, съ общественными молитвами, и даже съ облаченіемъ, на подобіе черной ризы поверхъ хитона. Они служатъ свидѣтелями при бракахъ, хотя совершаютъ оныя, равно какъ обрѣзаніе и погребеніе, по обычаю Магометанскому, ибо все перемѣшано у Іезидовъ. Они забыли крещеніе, но еще помнятъ таинство приобщенія, боятся уронить каплю вина на землю, когда пьютъ, потому что почитаютъ его священнымъ напиткомъ, и однажды въ годъ, въ великую Пятницу, ихъ духовные старшины молитвенно раздаютъ народному собранію хлѣбъ и вино, говоря: «тѣло Христово, кровь Христово.» По сему Іезиды не ли-

тають къ Христіанамъ той ненависти, какою исполнены къ нимъ фанатическіе Курды; напротивъ того, они уважають духовенство Армянское, принимаютъ отъ него благословеніе, посѣщаютъ иногда церкви и соблюдаютъ нѣкоторые посты на память святыхъ, особенно Георгія и Сергія. Вообще они гораздо мягче нравами и честище Курдовъ, хотя не менѣе воинственны: вотъ каково благое вліяніе вѣры Христовой, даже и въ столь искаженномъ ея видѣ. Почитая Господа Иисуса Христа своимъ Пророкомъ, они называютъ его Свѣтомъ Божиимъ, явившимся отъ Дѣвы Маріи, но не имѣютъ яснаго понятія о искупленіи, и полагають, какъ Магометане, что Господь, позволивъ распять себя на крестъ, вознесся съ него на небо. Странное народное повѣрье сохранилось между ними, будто бы, во время распятія, одинъ изъ ихъ племени, желая облегчить Господа, похитилъ гвоздь изъ его ноги, и за то вріобрѣлъ для всего народа право похищать, но только безъ насилія. Всѣ сіи свѣдѣнія о Іезидахъ сообщены мнѣ были Абовъ-

яновымъ, которъй самъ слышалъ ихъ отъ Армянскаго священника, долго жившаго между ними.

Приближаясь къ подошвѣ Арарата, мы переѣхали по мосту рѣчку Карасу, не широкую, но чрезвычайно глубокую, которая внезапно выходитъ изъ подъ земли, у подошвѣ горы. Она дала поводъ естествоиспытателямъ думать, что изъ внутренности горы, скопились въ ней одной всѣ водяные ключи, ибо на поверхности Арарата нѣтъ почти нигдѣ источниковъ, хотя вершина его постоянно бываетъ покрыта снѣгомъ. По сему нѣкоторые приписывали самый обвалъ, истребившій селеніе Ахуры, не вулканическому изверженію, а только прорыву воды, накопившейся въ пустотѣ горы; но безпрестанныя землетрясенія, которыя, начинаясь отъ Арарата, колеблютъ всю окрестность, свидѣтельствуя объ огненной бурѣ, возмущающей сердце сего древняго свидѣтеля потопа, хотя и не открыто жерло его подобно Везувію. Съ казачьяго поста Аралыхъ, куда намъ должно было возвратиться для

ночлега, мы взяли свѣжихъ лошадей и конвой, потому что граница наша, пролегающая между вершинами малаго и большаго Арарата, дѣлаетъ необходимую такую предосторожность. Проводникомъ служилъ для насъ самъ престарѣлый старшина Армянскаго селенія Ахуры, который только съ семью человѣками спасся изъ его страшнаго разрушенія. Оно случилось 20 Іюня 1840 года, въ шесть часовъ вечера, и пять тысячъ человѣкъ сдѣлались жертвами обвала. Я просилъ старца, рассказать мнѣ о своемъ бѣдствіи, и съ трудомъ сталъ онъ объясняться предо мною, какъ человѣкъ, который, по сильному выраженію Данта, въ одно время и плачетъ и говоритъ:

«Come colui che piange e dice»

«Насъ было до пяти сотъ семействъ въ Ахуры, мы жили счастливо и богато, въ одной моей семьѣ считалось двадцать двѣ души, братьевъ и сестеръ, сыновей и дочерей, и невѣстокъ и внуковъ!» и одинокій залился слезами. «Жена моя была на пастбищѣ на горѣ, и какъ бы предчувствуя бѣду, присылала дважды, въ тотъ

горькій день, звать меня къ себѣ; только вечеромъ могъ я собраться. Семилѣтній любимый внукъ мой, присталъ ко мнѣ: дѣдушка возьми меня съ собою, пожалуйста возьми.» . . . . голосъ старика опять замеръ. Ты взялъ его?—«Ахъ я его не взялъ!» и долго рыданія заглушали рѣчь, такъ что мнѣ совѣстно было распрашивать далѣе. Когда же успокоился, онъ самъ продолжалъ: «вы увидите мѣсто селенія; оно лежало въ малой ложбинѣ, какъ бы въ ущельи и посрединѣ текъ ручей; дома стояли по скату оврага. Солнце уже спускалось къ горѣ, и казалось все ясно; но только ступилъ я на край оврага, вдругъ что то страшно завывало въ горѣ, и вихремъ дунуло изъ нея вдоль ущелья, такъ что, въ одно мгновеніе, день сдѣлался ночью, и я безъ памяти упалъ на землю. Не знаю сколько я пролежалъ, казалось мало, но тутъ ушла вся моя жизнь. Я всталъ, перекрестился: будто ясно, а ничего не вижу; все есть а селенія нѣтъ, приноминаю гдѣ я? сады видны, а селенія нѣтъ, и монастыря нѣтъ; вся долина за-

сыпана камнемъ и землею, я опять упалъ и не хотѣлъ болѣе вставать; что мнѣ одному было жить на свѣтъ? Солнце стало садиться; тутъ я вспомнилъ, что у меня есть жена, и что она меня къ себѣ звала; хочу итти, вижу идутъ три женщины блѣдныя и говорятъ, что онѣ только что хотѣли спуститься въ селеніе, какъ ихъ опрокинула буря, а кто шелъ впереди тотъ обрушился; и стада не хотѣли итти въ долину, но пастухи силою вогнали и все пропало. Мы стали плакать, да что въ слезахъ; страшно было! Я пошелъ въ гору къ женѣ; она встрѣтила меня, какъ будто ничего не случилось, слышала страшную бурю, но бури бываютъ въ горахъ, и громъ гремитъ и молніи разятъ; она только видѣла, что я какъ мертвый, а того не знала, что изъ всей ея семьи одинъ лишь я живой! Когда услышала не вѣрила, когда же повѣрила, едва не умерла сама. Ночь мы прорыдали, утромъ пришли Курды и отняли последнее мое стадо; если можешь, возврати мнѣ это стадо; я просилъ много и нѣтъ успѣха!... вѣдь у меня боль-

ше ничего не осталось, а я былъ богатъ и старшиною, у насъ было двадцать двѣ души! и жена моя умерла съ горя».

Горько опять зарыдалъ старикъ. «Кто же еще спасся?» спросилъ я. «Изъ бывшихъ въ селеніи только семь душъ: я, да четыре женщины, да два мальчика. Одинъ изъ нихъ, двѣнадцати лѣтъ, былъ полузасыпанъ землею на краю оврага. Курды, узнавъ о нашемъ бѣдствіи, какъ волки нахлынули на другой же день, и отрыли мальчика, но и они сжалились и отвели его въ ближнее селеніе; онъ и теперь живъ. Тѣже изъ Курдовъ, которые пришли раскапывать церковь, чтобы ее ограбить, сами погибли подъ ея развалинами, потому что буря возобновлялась въ продолженіи нѣсколькихъ дней, хотя не столь ужасно, но камни не преставали летать, а каковы эти камни, вы увидите по дорогѣ; они были больше заваленныхъ ими домовъ.» Я спросилъ старика: гдѣ онъ теперь живетъ? и онъ отвѣчалъ: «когда постепенно собрались жители Ахуры, бывшіе въ полѣ, или у стада, или на промыслѣ,

мы хотѣли раскопать наше вешелище, чтобы опять на немъ поселиться; но не возможно было разрыть этой груды камней, да и къ тому же изсякъ единственный источникъ, который, проходя черезъ селеніе, орошалъ наши сады; а сады были лучшіе во всей окрестности, и теперь еще кое-гдѣ обгорѣлые торчатъ изъ земли: тутъ и огонь и вода все соединилось чтобы истребить насъ. Чудотворный источникъ Св. Іакова, изъ котораго разносили воду по всей Арменіи, для истребленія саранчи, чуть чуть каплетъ теперь подъ скалою, а монастыря его нѣтъ и слѣдовъ. Что намъ было дѣлать безъ воды? Мы поселились недалеко, у самой подошвы горы, въ новомъ Ахуры, но уже стараго не воротишь! Да и насъ не болѣе ста человекъ, а тамъ было нять тысячъ: такъ покаралъ насъ Господь, за грѣхи наши!»

Селеніе, которое такъ горько оплакивалъ осиротѣвшій старикъ, лежало на сѣверной покатости Арарата, и подъ новымъ, искаженнымъ названіемъ Ахуры, таило древнее Арх-ури, которое свидѣтельство-

вало о древности поселения. Ард-ури значитъ собственно по Армянски: «насадилъ виноградъ», и незапамятное преданіе указываетъ на мѣсто сіе, славившееся своими виноградниками, какъ на то, гдѣ действительно пророкъ Ной насадилъ первую лозу.—Гора Масисъ, одна изъ Араратскихъ, наименованныхъ въ книгѣ Бытія, искони означена была памятью ковчега, и это не какое либо частное преданіе Армянское, но общее всего Востока, освященное Святцами Церкви. Современникъ паденія Иерусалима, Юсифъ Флавій, въ книгѣ своей о древностяхъ Иудейскихъ, ссылается на болѣе древняго писателя Халдейскаго, Вироса жившаго за много вѣковъ до Р.Х., который говоритъ, что около горъ Кордуанскихъ или Курдскихъ, въ Арменіи, еще существуетъ часть ковчега; жители отрываютъ отъ него смолу, и дѣлаютъ изъ нея амулеты, почитаемыя заветными, противъ волхвованія. Писатель церковный Евсевій, говоря о ковчегѣ, указываетъ на тѣже мѣста Арменіи, а Св. Епифаній Кипрскій прямо говоритъ, въ книгѣ о ересяхъ (противъ

Назревша, ересь XVII в. 4.) что остатки ковчега доселъ показываются въ горахъ Курдовъ.

И такъ не должно извѣщаться страшнымъ, если Св. Іаковъ Низинскій, почти современникъ ученыхъ Евсевія и Епифанія, движимый благочестіемъ, ходилъ нарочно въ область Араратскую и подымался на Масису, чтобы тамъ видѣть остатки ковчега. И что дивнаго, если кто изъ Ангеловъ, посылаемыхъ Богомъ для служенія человѣкамъ, съ недоступныхъ вершинъ Арарата, действительно принесъ ему желанное дерево? Быть можетъ, Ангелъ принесъ его, и во свидѣтельство будущимъ невѣрующимъ родамъ, дабы не сомнѣвались въ истинѣ; не только потопа, о которомъ гласитъ всемирное преданіе, но и спасительнаго ковчега, который, по словамъ Амостола, былъ образомъ Церкви. На томъ мѣстѣ, гдѣ Св. исповѣдникъ, имѣлъ свое чудное видѣніе, основана была обитель во имя его, Католикосомъ Армянскимъ Анастасіемъ, въ началѣ VII вѣка, ибо онъ самъ былъ родомъ изъ селенія Арх-ури; вероятно онъ же

соорудить тамъ и церковь, которая, какъ мыъ говорили, напоминала содчествомъ своимъ церковь одновременную Св. Рипсимы, что близъ Эчмиадзина. Теперь уже нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ церкви и монастыря, указываютъ только ихъ мѣсто.

Можно считать около двадцати верстѣ отъ Аралыка до Ахуры, и на разстояніи пятнадцати отъ бывшаго селенія, вся пекатость горы усѣяна вулканическими камнями. Нѣкоторые изъ нихъ уже рассыпались на куски, но другіе еще стоятъ исполинскими массами, возбуждая невольное удивленіе: какимъ образомъ внутренность горы могла извергнуть или оторвать отъ ребрь своихъ такіа громады, чтобы бросить ихъ за пятнадцать верстѣ! Каковы же были порывы этой страшной бури, столь далеко разметавшей свои каменные перуны? Эти камни служатъ теперь, по выраженію псалма, приближищемъ зайцамъ, ибо ихъ нѣсколько поднялось изъ за утесовъ и за ними понеслись всадники наши, по скату Арарата. Немного выше, показались одинокіа деревья, какъ бы опаленныа и за-

осыпанная землею, остатки тѣхъ богатыхъ садовъ, коворыми славилась Ахуры. Мнѣ это это служило лѣтнимъ пребываніемъ, для Сардаря и жителей Эривани, и складочнымъ, для заграничной торговли съ пашалыкомъ Баландскимъ и ханствомъ Макинскимъ, а иногда и таило въ себя награбленную Курдами добычу, и быть можетъ за сіе нечистое, но безъ крови добываемое стяжаніе, подверглось Божію гнѣву. Мы подвѣхали съ лѣвой стороны, по глыбамъ камней къ оврагу, въ которомъ лежало и погребено селеніе, и по трудной тропѣ спустились въ его средину, гдѣ еще сохранилась лужайка съ абрикосовыми деревьями, которые пощадила буря. Тутъ протекла некогда руней, скудный лѣтомъ, но обильный зимними снѣгами: за горами слытъ видѣть слѣды его, гдѣ теперь струится дождевая вода. Съ большимъ трудомъ поднялись мы, по скаламъ, къ тому мѣсту, гдѣ стояла некогда обитель Св. Іакова, и уже не могли идти далѣе къ его источнику, отстоявшему еще за версту, ибо каждый шагъ дорога намъ стоилъ, по остріямъ осыпавшихся камней.

Еще видна высокая площадка монастырская, на правой сторонѣ оврага, но уже нельзя распознать гдѣ была церковь, гдѣ ограда. Старшина указывалъ ихъ по остаткѣ, и я вспомнилъ о погибшихъ на развалинахъ, надъ местомъ видныя Іакова. Говорятъ, что послѣдній Архимандритъ обители, старецъ почтенный, чрезвычайно скорбѣлъ о преждевременной потерѣ своего племянника, и безпрестанно прикидывалъ плакать надъ могилкою юноши, не предвидя своей бездвѣцной кончины. Ахъ! какъ часто мы сами скорбимъ, въ слезы своей, о тяжкихъ разлукахъ, называемыхъ вѣчными, когда бы надобно было благодарить Бога, за благовременное предохраненіе взятыхъ насъ, въ лоно свое, въ сей горькой юдоли плача. Отъ монастыря мы опять спустились въ селеніе, къ церкви, которую можно узнать по оставшимся на камняхъ крестамъ. Курды унесли мало по малу всю утварь, равно какъ и все что только могли найти, въ разбитыхъ ими домахъ. Тутъ же, подлѣ церкви, старшина со слезами повелѣлъ намъ

мѣсто своего дома, и поклонился до земли семейному праху. За годъ предъ тѣмъ мнѣ случилось видѣть Помпею, занесенную пещломъ Везувія; но здѣсь другую Помпею, Араратскую, указывалъ мнѣ одинъ изъ ея жителей, и не вѣрилось, что только шесть лѣтъ а не столѣтія, протекли надъ нею, какъ надъ первою, и что еще живое существо можетъ такъ ужасно водить, по могиламъ всего своего семейства. И что еще страшнѣе: буря истребившая живыхъ, пощадила мертвыхъ; цѣлое кладбище, расположенное на краю оврага, въ нѣсколькихъ только шагахъ отъ церкви, уцѣлело съ своими надписями и крестами. Такимъ образомъ древніе мертвецы имѣютъ каждый свою отдѣльную могилу, а новые все только одну.

Съ горькимъ чувствомъ возвращаясь изъ Ахуры; солнце уже спустилось за высокую вершину большаго Арарата, покрытую снѣгомъ, и ярко озарило предъ нами всю необозримую равнину Аракса и противулежащія горы Алагеза. Бѣлѣла дальняя Эривань на скалахъ Занги, и будто бы ви-

днѣлась обитель Эчмиадзинская; но не земля, а небо, поразило меня своимъ зрѣлищемъ, въ сію вечернюю торжественную минуту. По глубоко синему небу, какимъ оно бываетъ только на югѣ, перекинулась свѣтлая полоса, въ видѣ радуги, отъ самой вершины Арарата до противоположныхъ горъ. Это было отраженіе одного солнечнаго луча на снѣжной главѣ иссолина, и оно странно распространилось чрезъ все небо, на подобіе млечнаго пути; мнѣ же напомнило ту завѣтную радугу, которая впервые утѣшила обновленный міръ послѣ потопа, когда воспріята была Богомъ благодарственная жертва праотца Ноя. Сія небесная дуга сопутствовала намъ до самаго ночлега, доколѣ не воцарилось въ небѣ серебристое свѣтило ночи и не зажглись мириады звѣздъ, которыя такъ поэтически называлъ одинъ изъ Св. Отцевъ, мозаикою неба.

ХОРВИРАБЪ И АРТАШАТЪ.

Съ разсвѣтомъ мы поднялись; сопровождавшіе насъ всадники, изъ Армягъ и Татаръ, затѣяли скачку на широкихъ лугахъ, омываемыхъ Араксомъ; ловкія ихъ движенія, нарядная одежда и быстрота коней пріятны были для глазъ. Мы ѣхали по направленію утесовъ Арташата, которые возвышались какъ островъ посреди равнины, на другомъ берегу рѣки, и опять неровнились мы въ бродъ черезъ ея глубокія воды. Не далеко отъ древней столицы Армянской, надобно было еще перѣзхать малый лиманъ Аракса, который образуетъ

Часть II.

7

болотистое озеро съ западной стороны города. Это было любимое мѣсто ловли, Царей Арсакидовъ; здѣсь нечестивый Анакъ умертвилъ Царя Хосроя, и самъ былъ убитъ его оруженосцами, когда хотѣлъ спастись бѣгствомъ черезъ Араксъ, и въ виду сего мѣста, какъ бы для возмездія за вину отца, святой сынъ его Григорій четырнадцать лѣтъ томился во рву Арташата.

Артаксерксъ I, изъ рода Царей Пароянскихъ, основалъ сію столицу по совѣту врага Римлянъ, Аннибала, искавшаго у него пріюта. Артаксерксъ II ее украсилъ, и собралъ въ ней все кумиры своего царства, устроивъ тамъ и капище огня. Когда же знаменитый полководецъ Римскій Корвулонъ, овладѣлъ твердышею Аннибала, онъ назвалъ ее Неронією въ честь Императора. Много разореній испытала столица Арменій, послѣ того какъ отложила она отъ новой династїи Сассанидовъ Персидскихъ. Побѣдитель отступника Юліана, Сапоръ разорилъ до основанія городъ, недавно обновленный великимъ Тиридатомъ, и увелъ въ плѣвъ до пятидесяти тысячъ

его жителей. Быть может это разореніе, не менѣ вреднаго климата, побудило Хосроя младшаго, сына Тиридатова, перенести столицу свою въ Двинъ, нѣсколько отдаленный отъ Аракса. Полчища Издигерда, сына Сапорова, вторично опустошили Арташаты, и нужно было все усердіе великаго исповѣдника Вартана, князя Мамигонскаго, чтобы возстановить падшую столицу; онъ спасъ отечество свое и вѣру отъ тяжкаго гоненія Персовъ. Здѣсь соединился и соборъ Епископовъ Армянскихъ, вивсъ съ Католикосомъ Іосифомъ, чтобы мужественно исповѣдать Христа предъ Царемъ огнепоклонниковъ, сперва на хартіи, а потомъ на дѣлѣ, мученическою смертію. Нерсесъ III, прозванный строителемъ, обновилъ, сто лѣтъ спустя, нѣкоторые изъ опустѣвшихъ храмовъ бывшей столицы, которая мало по малу вѣчевала, и сдѣлалась загороднымъ селомъ Патріаршимъ. Но и оно было отнято у нихъ Эмирами Сарацинскими, когда нашествники Халифовъ водворились въ соседнемъ Двинѣ. Такова горькая участь Арташата, на разва-

линахъ коего уцѣляла теперь одна обитель Хорвирабская.

Она явилась намъ на гребнѣ утесовъ, окруженная еще довольно крѣпкою оградю. Пышкомъ поднялись мы, по крутой стезѣ къ узкой двери, которая служила единственнымъ входомъ, ибо по бѣдственнымъ обстоятельствамъ края, монастырь былъ часто опустошаемъ, и только со времени владычества Русскаго опять населенъ; но по обыкновенной скудости братіи, въ монастыряхъ Армянскихъ, ее представителемъ здѣсь былъ одинъ Архимандритъ, и тотъ отлучился въ ближнее селеніе Давалу. Мы послали за нимъ коннаго эсалу, а между тѣмъ сторожъ монастырскій отперъ намъ церковь Св. Григорія, собственно Хорвирабъ, или глубокую яму, гдѣ онъ такъ долго томился; ключи отъ другой церкви унесъ съ собою Архимандритъ, потому что въ ней была ризница. Объявлены послѣ долгаго запустѣнія, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія, благочестивымъ настоятелемъ ихъ Давидомъ, могила коего при входѣ въ церковь

Хорвираба. Она была сооружена, надъ самою ямою Св. Григорія, въ память его страданій, сестрою Царя Тирidata, и послѣ двукратнаго раззоренія Персидскаго, возстановлена славнымъ вождемъ Арменіи Ваганомъ, княземъ Мамигонскимъ, въ послѣдствіи же Католикосомъ Нерсесомъ строителемъ, который избралъ ее мѣстомъ своего упокоенія. Рядомъ съ нимъ, внутри церкви, гробъ пустынника Вартана, много уважаемаго за святость жизни. Стѣны храма совершенно обнажены, иконы алтаря новы и убоги, но подъ нимъ скрывается сокровище: та глубокая яма, въ которой четырнадцать лѣтъ страдалъ Велико-мученикъ.

Сквозь тѣсное отверстіе можно спуститься, по двадцати восьми ступенямъ деревянной отвѣсной лѣстницы, на дно священной ямы; она была засыпана до половины, для удобства богослуженія. Что же было во дни Св. Григорія, который наслѣдовалъ ее послѣ львовъ и тигровъ, посланныхъ въ амфитеатры Римскіе, и раздѣлялъ ее съ ядовитыми гадами? Ее об-

ложили въ послѣдствіи тесанымъ камнемъ, внутри и снаружи, потому что однимъ краемъ она касалась обрыва утесовъ. Малый престолъ вставленъ въ ея восточномъ углубленіи и подъ нимъ положена часть мощей Св. Григорія, однимъ изъ его славныхъ потомковъ, Григоріемъ Магистромъ; другая часть находится, какъ говорятъ, подъ камнемъ, на коемъ видны еще слѣды колѣнъ исповѣдника: такъ неотступно молился онъ о спасеніи своего народа, доколь не исполнилась его молитва. Страданія его изображены надъ алтаремъ, и нигдѣ не производятъ они болѣе впечатлѣнія, какъ въ этой могильной ямѣ, свидѣтельница его томленія и прославленія. Еще видно то слуховое окно надъ алтаремъ, въ которое благочестивая старица бросала ему нищу. Выходъ изъ ямы еще труднѣе чѣмъ спускъ, потому что устье ея такъ тѣсно, что въ иномъ мѣстѣ нельзя даже согнуть ноги и перенести ее выше на другую ступень; но трудъ вознаграждается утѣшительнымъ созерцаніемъ мѣста страдальческихъ подвиговъ великаго просвѣтителя Арменіи.

Соборный храмъ, посреди двора монастырскаго, основанъ Нерсесомъ строителемъ во имя успенія, тамъ гдѣ по мѣстному преданію, Апостолы Фаддей и Варсоломей, поставили некогда первую церковь въ честь Богоматери, ибо она сама имъ явль въ видѣннхъ и благословила мѣсто, отколь долженъ былъ возсіять свѣтъ въры во всю Арменію. Нѣсколько крестовъ, съ благочестивыми надписями, изсѣчены на витѣнныхъ стѣнахъ, а на алтарной изваянь Св. Григорій спящій въ ямѣ, подъ сѣнью Господа и трехъ Ангеловъ, которые не допускають до него ползущей змѣи. Ожидая Архимандрита мы вышли изъ монастырскаго ограды, и кругомъ ея, по обрыву скаль, поднялись на вершину утеса, на которомъ стоялъ некогда вышгородъ Артаксата, и гдѣ еще видны слѣды зданій. Три утеса, сросшіеся въ своихъ основаніяхъ, составляли собственно городъ, и около него ясно обозначается черта крѣпостнаго вала съ угловыми башнями. Предмѣстіе выдавалось къ востоку и было также обнесено стѣнами. Сѣверная часть города,

менѣ защищенная природою, болѣе была укреплена; съ запада прилегало болотистое озеро, доходившее до Аракса, и протокъ рѣки проникалъ въ низменную часть города. Здѣсь можно подивиться съ какою воинскою опытностію, избралъ это мѣсто Аннибалъ, для крѣпости и столицы, отовсюду огражденной: ибо если съ востока нѣтъ природной защиты, подъ самымъ городомъ, то на разстояніи десяти верстѣ смыкались горы: Шарурское, или такъ называемое волчье ущелье, могло остановить въ своихъ тѣснинахъ полчища враговъ, и вмѣстѣ съ Араксомъ прикрыть всю долину Араратскую. Кромѣ проточной воды были внутри Арташата цистерны, изъ коихъ одна, весьма глубокая, о пятидесяти ступеняхъ, совершенно въ Римскомъ вкусѣ, еще сохранилась у подошвы обители Хорвирабской. На одномъ изъ утесовъ, недалеко отъ ограды, два грубо изсѣченные креста, слывуть въ народѣ крестами ночлега, ибо знаменуютъ то мѣсто, гдѣ оба Апостола, сошедшись, послѣ многотруднаго странствія, провели на мо-

литвѣ ночь, и разошлись опять для мученическихъ подвиговъ. Какъ драгоценны такія народныя преданія, и какъ расположено сердце принимать ихъ съ любовью къ памяти ближайшихъ свидѣтелей Христовыхъ !

Возвратившись въ обитель, въ ожиданіи настоятеля, я сѣлъ у воротъ на обрывѣ утеса, и полный созерцаній мнувшаго, долго смотрѣлъ къ востоку, на развивавшуюся предо мною картину. День былъ солнечный, жаркій; вся обширная равнина Араратская сіяла въ полной красѣ своей, усѣянная селами Армянскими и Татарскими. Широко кипѣлъ Араксъ по каменистому руслу, безпрестанно измѣняющій свое теченіе, и вѣрный только подножію исполина, который стережетъ его со временъ потопа. Надъ нимъ, двуглавый Араратъ, посѣдѣвшій снѣгами, смотритъ какъ бы въ иной міръ допотопный. Въ эту минуту его опоясало яркое облако, отдѣливъ бѣлыя вершины отъ темнаго основанія, какъ и самъ онъ принадлежитъ двумъ эпохамъ и двумъ

поколѣніямъ челоуѣчества. Съ лѣвой стороны тянулась отрасль Даръ-Алагеза, съ красною горою впереди хребта, и снѣжными вершинами Гокчи позади его на горизонтѣ. Отдѣльные утесы Давалу, подобно Арташатскимъ, брошены были пустыннымъ островомъ на равнину, и далѣе ихъ сходились горы въ ущеліе Шарурское, на сквозь котораго есть тѣсный проходъ къ Нахичевани, первому населенію Ноя и его гробу. Позади меня возвышались стѣны обители Хорвирабской, на мѣстѣ древней столицы Артаксерксовъ, основанной геніемъ врага Римлянъ: и что же? яма мученика Григорія оказалась прочнѣе твердынь Аннибаловыхъ!

Не болѣе года какъ я былъ въ Римѣ, и видѣлъ тамъ гробницу его соперника Сципіона: и вотъ уже я подъ сѣнію Арарата, на развалинахъ Артаксата, имъ укрѣпленнаго, быть можетъ съ тайною мыслію, чтобы воздвигнуть хотя одно мощное царство на Востокъ, противъ вседосягавшей руки Римлянъ, которая, и въ глубинѣ Азіи, гнала его изъ области въ область! И вмѣстѣ съ памятію Анниба-

ла, противоборствовавшего здѣсь всемірной державѣ языческаго Рима, тутъ же и колыбель Христіанства Арменіи, во рву Св. Григорія, и второе начало человечества въ лицѣ Ноя, исшедшаго изъ своего чуднаго ковчега, на пустынную вершину Арарата. Какое смѣшеніе воспоминаній, объемлющихъ весь звѣкъ и предѣлы міра! Пренеполненный думъ, я въ нихъ терялся, забывая настоящее: все было пусто и тихо кругомъ; слышны были только пронзительный крикъ журавлей, стаю поднявшихся съ озера Арташатскаго, а внизу, у подошвы утеса, томное гнѣніе нѣсколькихъ погребателей, хоронившихъ въ сію лѣтосисную землю, одного изъ своихъ присныхъ на соседнемъ кладбищѣ. Облако пыли давно уже несло по долину отъ Давалу, скоро раздался топотъ копытъ подъ самымъ утесомъ Хорвираба: — это былъ настоятель.

Но привидѣ его мало принесъ намъ пользы, потому что и безъ него мы уже все видѣли, а внутри соборной церкви, перестроенной со временъ Католикоса Нерсеса, не представлялось ничего замѣчатель-

наго. Все въ ней было ново, исключая быть можетъ одной купели, устроенной въ стѣнѣ, по обычаю Армянскому, съ изваяннымъ сверху Херувимомъ. Отблагодаривъ настоятеля мы поѣхали обратно, въ то же селеніе Камарлу, гдѣ ожидалъ насъ ночлегъ. Хорвирабъ и Арташатъ были крайнею точкою моего путешествія въ южной части Арменіи.

Мнѣ хотѣлось проникнуть сквозь Шарурское ущелье, чтобы видѣть Нахичевань и Джульфу, и поклониться гробу Ноеву, или по крайней мѣрѣ мѣсту его погребенія. Какъ я слышалъ, оно находится внѣ города, подъ сводомъ засыпаннымъ сверху землею, который изнутри поддержанъ однимъ столбомъ и освѣщенъ нѣсколькими лампадами, убогимъ приношеніемъ всѣхъ исповѣданій и племень, чествующихъ своего родоначальника. Недавно общество Армянъ Нахичеванскихъ предложило Патріарху выстроить, на свое иждивеніе, церковь на могилѣ Ноя, съ тѣмъ однако же, чтобы не измѣнилось нынѣшнее устройство гробоваго свода. Неизвѣстно

до какой степени справедливо преданіе о могилѣ праотца, но во всякомъ случаѣ оно освящено давностью и согласіемъ разноплеменныхъ поклонниковъ. Гробъ жены Ноевой, Маранда, показываютъ въ предѣлахъ Персидскихъ, за Араксомъ. Но отъ Хорвираба до Нахичевани мнѣ оставалось еще около ста пятидесяти верстъ; я не рѣшился предпринять дальняго пути, потому что спѣшилъ въ Эчміадзинъ, на праздникъ муроваренія, и хотѣлъ еще прежде осмотрѣть нѣсколько окрестныхъ обителей.

По дорогѣ въ Эривань остановился я для слушанія литургіи, въ селеніи Айсоровъ или Халдеевъ, которые въ 1838 году перешли въ наши предѣлы, въ числѣ четырехъ сотъ душъ, изъ Персидской области Урміи. Съ ними былъ полный церковный причтъ, священникъ, діаконъ и чтецъ; всѣ они, оставивъ заблужденіе Несторіево, приняли Православіе, и съ помощію правительства устроили себѣ малую церковь въ селеніи Кайсохоръ, за двадцать верстъ отъ Эривани. Греческій Архимандритъ при-

шедшій изъ Турціи, съ другими православными поселенцами, послѣ блестящихъ походовъ Князя Паскевича, дажь былъ наставникомъ новообращеннымъ. Онъ перевелъ для нихъ богослуженіе, сперва на Татарскій, а потомъ и на Халдейскій, съ помощью причетника, который довольно образованъ, потому что объѣхалъ почти всю Европу и жилъ долго въ Римѣ. Недавно присоединились къ нимъ тридцать новыхъ семействъ изъ Урміи, откуда охотно отпускаетъ ихъ Несторіянскій Епископъ въ наши предѣлы; они привели съ собою еще одного священника, гораздо болѣе образованнаго нежели первый, потому что онъ имѣлъ сношенія съ миссіонерами Англійскими въ Сиріи. Трудно однако одолѣть невѣжество прежняго клира и самаго народа, и приучать ихъ къ обрядамъ православнымъ; прежде они имѣли три свои литургіи, много различествующія отъ нашихъ, которыя носятъ имена: Несторія, Феодора, вѣроятно Мопсуестскаго, и Адея или Апостоловъ.

Церковь сооружена во имя Св. Кири-

ка и Улиты, конхъ мощи положены подъ престоломъ; литургія произносилась на Греческомъ, Халдейскомъ и Славянскомъ языкахъ; но если пріятно было слышать соединеніе сихъ трехъ языковъ, столь разнообразныхъ, во славу Господа собравшаго всѣхъ во едино, не утѣшительно было видѣть, какъ мало еще успѣха сдѣлали Айсоры на пути православія, ибо священникъ и діаконъ часто ошибались, и народъ не оказывалъ большаго вниманія къ службѣ, ему почти незнакомой. Къ тому же и благосостояніе новыхъ пришельцевъ еще не упрочено, такъ какъ они не получили до сей поры земель, для надлежащей осѣдлости. Но когда со временемъ все придетъ въ благоустроенное положеніе, особенно при новомъ священникѣ, тогда и сіи новые сыны Православной Церкви не уступятъ въ усердіи старшимъ своимъ братіямъ.

ОКРЕСТНОСТИ ЭЧМІАДЗИНА.

Не болѣе одного дня оставался я въ Эривани, чтобы только не лишиться воскресной службы, и возвратился въ Эчміадзинъ. Еще оставалось нѣсколько дней до праздника Армянскаго, и мнѣ хотѣлось видѣть замѣчательныя окрестности. Патріархъ предложилъ мнѣ посѣтить, за двадцать верстъ, родину его, селеніе Апгарахъ, около котораго есть много опустѣвшихъ храмовъ. Дорога шла трезъ знаменитое въ лѣтописяхъ Армянскихъ мѣстопробываніе Князей Мамигонскихъ, Ушаганъ. Тамъ жилъ и погребенъ великій освободитель

своей родины, Ваганъ, достойный преемникъ исповѣдника, Князя Вартана, который положилъ кости свои за отечество, чтобы избавить его отъ огнепоклонства. Ваганъ создалъ туъ церковь и похоронилъ въ ней священные останки великаго Месроба, который изобрѣлъ буквы Армянскія и преложилъ все Св. Писаніе съ Греческаго на родной языкъ. Погребальная церковь Месроба, обнесенная баннями и оградой, доселѣ высится на скалахъ Абарани; бурно кинитъ потокъ, подъ аркою смѣло наброшеннаго моста. Съ благоговѣніемъ вошелъ я во внутренность полуразрушеннаго храма, исполненнаго памятью двухъ величайшихъ благодѣтелей своего отечества. Западная часть сводовъ уже обвалилась и достроена кирпичемъ, но еще крѣпки середина и куполъ, опирающійся на высокихъ столбахъ; стѣны совершенно обнажены и новый иконостасъ не утѣшителенъ для взоровъ, но подъ его помостомъ гробница блаженнаго Месроба. Я спустился пятью ступенями въ подземелье, освѣщенное лампадами.

Пятое столѣтіе, ознаменованное: столѣтними бѣдствіями, для народа Армянскаго, и паденіемъ его царства съ пресвщеніемъ рода Арсакидовъ, было однако высшею эпохою его славы военной и церковной. Тогда великіе потоки просвѣтителя Григорія, Католикосы Нерсесъ и Исакъ, управляли царствомъ, посреди безначалія князей и малодушія послѣднихъ Арсакидовъ; тогда Католикосъ Іосифъ, съ пресвтеромъ Леонтіемъ и его дружиною, запечатали кровію вѣру свою въ Персію, а два славныхъ вождя Мамигонскихъ, Вартанъ и Ваганъ, свергли иго Персовъ; въ то же время, образовались цѣлыя общины Студитовъ, т. е. ученыхъ иноковъ, которые занимались переводами Св. Отцевъ, и возникли, изъ учениковъ Исаака, посланныхъ имъ для образованія въ Грецію, знаменитые писатели: Моисей Хоренскій, Елисей и Мамврій, но какъ яркое светило возсіялъ между ними блаженный Месробъ. Первые годы юношескаго возраста провелъ онъ при великомъ Нерсесѣ, и послѣ смерти его удалился въ пустыню, гдѣ

изнурялъ тѣло свое подвигами поста. Сыно́ великаго отца, Исаакъ, вступивъ на кнезедру, вызвалъ нѣтъ удивленія Месроба, и воспользовался его духовнымъ образованіемъ, для просвѣщенія своего народа. Давно уже чувствовали необходимость буквъ, собственно Армянскихъ; ибо дѣтвхъ поръ употреблялись Греческія и Сирскія, не выражавшія достаточно всѣхъ звуковъ чуждаго имъ языка. Услышавъ, что въ Сиріи, нѣкто Епископъ Давидъ, изобрѣлъ новыя буквы, Месробъ хотѣлъ примѣнить ихъ къ своему нарѣчію, но нашелъ неудовлетворительными. Святитель Исаакъ послалъ его къ знаменитымъ риторамъ Греческимъ, въ Самосъ и Эфесъ, но и тамъ не обрѣлъ онъ желаемаго; то чего искалъ внезапно раскрылось внутри его собственнаго сердца, когда однажды, въ ночномъ видѣніи, напечатлѣлись въ немъ очерки первыхъ буквъ алфавита Армянскаго; проснувшійся составилъ полную грамоту. Не своему только народу оказалъ Месробъ сію важную услугу, но тамъ же объявилъ ему и Грузиннаго. — Когда вполне образовалась грамота

Армянская, Католикосъ послалъ его въ Царьградъ, съ письмами къ Императору Аркадію и Патріарху Аттіку, чтобы они содѣйствовали ему своимъ покровительствомъ, для предложенія Св. писанія, съ Греческаго на Армянскій, и Месробъ съ учениками своими совершилъ сіе великое дѣло, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Не смотря на смутную эпоху пятидесятилѣтняго святительства Исаака, который безпрестанно принужденъ былъ переходить изъ Персидской Арменіи въ Греческую, оба они, сильною рукою, двинули просвѣщеніе своего края, и сему времени принадлежатъ почти всѣ лучшія творенія словесности Армянской. Когда же скончался престарѣлый Католикосъ, съ которымъ пресѣклась мужеская отрасль Св. Григорія, Месробъ заступилъ его мѣсто, и не будучи самъ Католикосомъ, полгода управлялъ дѣлами церковными до своей блаженной кончины. Князь Мамигонскій Ваганъ, бывшій въ теченіи сорока лѣтъ правителемъ освобожденной имъ Арменіи, испросилъ себя, у сонма Епи-

скоповъ, тѣло усопшаго Месроба. Съ чрезвычайными почестями перенесъ онъ священные его останки, изъ Эчмиадзина въ свое родовое помѣстье Ушаганъ, соорудилъ надъ ними величественный храмъ Богоматери, и самъ ради смиренія, велѣлъ погребсти себя, въ одной изъ башенъ ограды: тамъ и доселѣ прахъ его.

Недалеко отъ селенія уже начинаются сады Аштаракскіе, вдоль рѣки Абарани, самые знаменитые во всей окрестности; но всѣ ручьи ихъ орошающіе обратились, отъ непрестаннаго дождя, въ одинъ шумящій потокъ, который стремился намъ на встрѣчу, по тѣснымъ улицамъ между садовъ. Необходимость заставила отложить до другаго дня дальнѣйшее путешествіе, и остаться на ночь въ Аштаракъ. Тутъ была вѣкогда крѣпость и видны остатки башенъ на самомъ обрывѣ скалъ, гдѣ теперь жилище Патріаршее надъ рѣкой. Ученый Епископъ Іоаннесъ Шехатуновъ, описавшій всѣ древности Араратской области, ожидалъ меня въ сосѣдней обители Мугни, Св. Георгія; но услышавъ что я остал-

ся въ Аштаракъ, поспѣшилъ ко мнѣ на встречу, и я провелъ вечеръ въ полезной для меня бесѣдѣ. Утромъ прояснилась погода; мы поспѣшили, мимо Мугия, прямо къ развалинамъ древняго монастыря Сергіева, близъ Татарскаго селенія Уша, за восемь верстъ отъ Аштаракъ. Онъ былъ основанъ блаженнымъ Месробомъ, который перенесъ туда изъ Персін останки глубоко уважаемаго въ Арменіи мученика, воеводы Саркиса.

Монастырь сей выстроенъ на скатъ горы, у подошвы Алагеза, и запустѣлъ только со времени нашествія Шахъ-Аббаса, которое оставило гибельные слѣды по всему краю, но еще доселѣ его развалины свидѣтельствуютъ о прежнемъ величїи. Зданїя должно отнести къ двумъ различнымъ эпохамъ: обширная церковь, съ обвалившимся куполомъ, принадлежитъ XIII вѣку, ибо она во вкусъ Армянскихъ зданїй сего времени. Красота зодчества состоитъ въ громадности камней и въ высотѣ аркъ, престообразно пересѣкающихъ другъ друга; низкіе столбы, прислоненные къ стѣнамъ

поддерживаютъ арки; изъ готическаго окна открывается очаровательный видъ на дальнюю окрестность, къ Антараку и горамъ Алагеза. Ръзные кресты и многочисленные надписи, о бывшихъ пожертвованіяхъ, украшаютъ стѣны; одна изъ нихъ, надъ дверями, свидѣтельствуетъ что въ 1220 году, Князь Іоаннъ Курдъ пристроилъ сію церковь къ прежней, когда ее обрушило землетрясеніе.

Но древняя церковь Месроба, V вѣка, достойна особеннаго вниманія, хотя она совершенно въ развалинахъ; отъ нее уцѣлѣла только алтарная стѣна, съ полусводомъ горняго мѣста; подобной я не встрѣчалъ въ Арменіи, и даже полагалъ сперва, что она была некогда Греческою, потому что стѣнная живопись напоминаетъ наши православные соборы. Влахернская Божія Матерь написана съ Ангелами въ полукуполѣ; во ниже двѣнадцать соборно возсѣдающихъ Апостоловъ, съ стоящимъ позади каждаго Ангеломъ; еще ниже, въ малыхъ углубленіяхъ, изображены восемь стоящихъ Святителей, въ облаченіяхъ Греческихъ, съ евангеліемъ въ рукахъ; изъ числа ихъ мож-

но разобрать только по Гречески имя одного Папы Сильвестра, прочія стерлись; на боковыхъ дверяхъ, со стороны новаго храма, сохранилась еще икона Влахернская, съ предстоящими ей Ангелами. Ничто не можетъ столько доказывать древняго чиноположенія Греческаго въ церквахъ Армянскихъ, какъ сія живописная развалина, ибо тутъ устройство алтаря, и облаченія Святителейъ православныя. Въ послѣдствіи я слышалъ, что много такихъ церквей, еще не давно существовало въ Арменіи. Что касается до иконостасовъ и облаченій, мнѣ говорили: будто въ Нахичевани на Дону, куда переселились изъ Крыма давніе выходцы Армянскіе, бѣжавшіе отъ разоренія Ани, сохранилось много ризъ, совершенно Греческаго покроя; самая завѣсъ, доселѣ виситъ тамъ на аркъ бывшихъ царскихъ дверей, ибо иконостасъ болѣе выдвинутъ впередъ, и потому священнодѣйствіе можетъ совершаться какъ бы въ алтарѣ.

Куполъ древней церкви Сергіевой обрушился отъ землетрясенія, въ 1827 году, и камнями завалилъ гробницу мученика, ко-

торая находилась съ лѣвой стороны. Имя сего многоуважаемаго Святаго перкви Армянской служитъ камнемъ преткновенія между Греками и Армянами, по нелѣпой легендѣ, которая возникла уже довольно поздно, отъ взаимной ненависти обоихъ народовъ, ибо Сергій жилъ гораздо прежде раздѣленія. По чети-миней Армянской онъ былъ славнымъ воеводою Императора Константія, сына великаго Константина; когда же возстановилось язычество, при отступникѣ Іуліанѣ, роздалъ имущество свое бѣднымъ и, съ юнымъ сыномъ Мартиріемъ, бѣжалъ въ Арменію. Царь Арташиръ принялъ его съ честью, но уstraшенный походомъ Іуліана, совѣтовалъ Сергію удалиться изъ его предѣловъ, къ болѣе могущественному Сапору. Властитель Персіи обрадовался пришествію столь славнаго вождя, и съ помощію его разбилъ полчища Іуліана. Сергій, воинствуя въ рядахъ огнепоклонниковъ, возгорѣлся ревностію обратить ихъ къ истинному свѣту; по его сильному слову, многія тысячи крестились во имя Господа Іисуса. Съ гнѣвомъ

Часть II.

8

услышалъ о томъ ненавистникъ имени Христа, Сапоръ, но опасаясь вліянія Сергіева на дружины, послалъ къ нему юнаго сына его Мартирія, пригласить ко двору воеводу. Мартирій на пути взятъ былъ въ плѣнъ, и чудесно освобожденъ молитвами отца: потому и пишется всегда вмѣстѣ съ нимъ на конѣ, въ отроческомъ образѣ. Тяжкія мученія ожидали, вмѣсто почести, ревностнаго исповѣдника Христа, при дворѣ огнепоклонника, и онъ, вмѣстѣ съ сыномъ, кровію своею запечатлѣлъ вѣру во Христа. Тѣло его, преданное землѣ въ городъ Аміантъ, перенесено было сто лѣтъ спустя, блаженнымъ Месробомъ въ Арменію, и съ тѣхъ поръ воевода Сергій, наравнѣ съ великомученикомъ Георгіемъ, сдѣлался предметомъ особеннаго уваженія Армянъ, и пишется на боковыхъ дверяхъ алтаря, напротивъ Георгія. Память его совершается въ субботу недѣли Мытаря и Фарисея, которая у насъ бываетъ сплошною, т. е. безъ всякаго поста, какъ бы нѣкоторое облегченіе ради предстоящихъ подвиговъ великаго. У Армянъ же напротивъ не-

для сія вся постная, потому ли что они почитаютъ ее преддверіемъ чотырдесятницы, или какъ некоторые объясняютъ, въ память первоначальнаго поста, возложеннаго просвѣтителемъ Григоріемъ на весь народъ, когда приготовлялъ его къ Св. крещенію. Но по странной, ни чѣмъ не изъяснимой выдумкѣ, изъ Армянскаго слова арчивуръ т: е: предшествующій, которымъ называется у нихъ этотъ постъ, Греки произвели слово Арцивуръ, и увѣряютъ будто такъ называлась собака одного же-монаха Сергія, который волхваніями устрашалъ всю страну, и былъ особенно извѣстенъ по сему спутнику. Когда же однажды его разтерзали другія собаки, Сергій наложилъ постъ на всѣхъ окрестныхъ жителей; и этотъ постъ будто бы принятъ былъ Церковью Армянскою.

По моему мнѣнію непростительно изобрѣтать такіа сказки, и повторять ихъ безотчетно, въ теченіе столькихъ вѣковъ; а между тѣмъ раздражается ими цѣлый народъ, безъ всякой пользы, ибо можно ли допустить, чтобы увѣреваніе въ спаситель-

ное имя Христово, если бы даже въ чемъ и погрѣшили, до того забылись, что учредили постъ въ память собаки, предъ великою четыредесятницею, которую они одинаково съ нами содержатъ, ради сорокодневнаго подвига общаго нашего Искупителя? Можно правильнѣе укорить Армянъ за то, что произвольно измѣнили нѣкоторые посты: такъ на примѣръ они сократили, и довольно странно, постъ Рождественскій, хотя сами называютъ его пятидесятницею: одну недѣлю постятся, другую разгавливаются, и такъ продолжаютъ до самаго Богоявленія; Успенскій постъ состоитъ у нихъ изъ одной только недѣли, вмѣсто двухъ. Армяне еще соблюдаютъ четыре пятидневные поста, называемые по временамъ года, въ подраженіе Римскимъ: весенній тотчасъ послѣ Пятидесятницы, когда у насъ Церковь празднуетъ восемь дней сошествіе Св. Духа; лѣтній недѣлю спустя, въ честь самаго просвѣтителя Григорія, обрѣтеніе мощей коего празднуется въ субботу; осенній или Георгіевскій установленъ на память великомучаника и обрѣтенія креста Св. Рип-

симы; зимний постомъ называютъ первые пять дней Рождественскаго; отъ Пасхи же и до Вознесенія не держатъ поста, даже въ среды и пятки. Должно однако отдать справедливость Армянамъ, что они строго соблюдаютъ посты, не позволяя себѣ употребленія рыбы, хотя впрочемъ ихъ монашествующіе разрѣшаютъ въ обыкновенные дни на мясо.

Нѣсколько выше развалинъ Сергіевыхъ виднѣнъ на Алагезѣ, другой монастырь Благовѣщенія, оставленный со временъ Шахъ-Аббаса; но мы не рѣшились подыматься на гору, и чрезъ селеніе Карпи, нѣкогда богатѣйшее во всей окрестности, а теперь разоренное, направились къ знаменитой обители Предтечи, Охана-ванкѣ. Она опустѣла только недавно, со временъ Царя Грузинскаго Ираклія, когда онъ, подступивъ къ Эривани, увелъ съ собою жителей сихъ мѣстъ, для поселенія ихъ въ Грузію. Нынѣшній Патріархъ еще помнитъ монастырь населеннымъ, и что туда на разрѣшеніе не разъ посылали изъ Эчмиадзина, затруднительные вопросы церковныя.

Обширная ограда съ башнями, и величественная церковь Предтечи, уцѣлѣвшая кромѣ купола, свидѣтельствуесть о прежнемъ величїи. Начало обители относятъ къ великому Григорію и доселѣ совершается богослуженіе въ малой церкви Провсвѣтителя, къ которой въ послѣдствїи была пристроена новая. Тамъ положили онѣ часть мощей Предтечи, принесенныхъ имъ изъ Кесарїи, и меня увѣряли что доселѣ сохраняются они или подѣ престоломъ, или подѣ гробовой плитою, съ правой стороны церкви. Мнѣ кажется однако, что эта могила кого либо изъ знаменитыхъ настоятелей сего монастыря, въ которомъ, по описанїямъ Армянскимъ, хранился некогда самый убрусъ Господа.

Главная церковь во имя Предтечи, построена была не ранѣе XIII вѣка, Княземъ Армянскимъ Ваче, изъ рода Пахлавуни. Она совершенно во вкусъ зданїй сего вѣка, и замѣчательна высотой сводовъ изъ тесаннаго камня. Предѣ церковью обширная трапеза, на четырехъ низкихъ столбахъ, съ арабесками по окранны ея

кунола, который прозраченъ, подобно Эч-
миадзинскимъ, и легко держится на двѣ-
надцати колоннахъ. Спаситель, посреди
мудрыхъ и юродивыхъ дѣвъ, грубо изва-
янь надъ дверями, и кресты съ надпися-
ми изсѣчены на стѣнахъ. Показываютъ
обломки одного каменнаго креста, съ изо-
браженіемъ Спасителя, и говорятъ что
этотъ крестъ былъ мѣрою роста Святите-
ля Григорія. Должно полагать, что причи-
ною основанія обители во имя Предтечи,
была самая мѣстность, на дикомъ обрывѣ
пустынной Абарани, ибо подъ всею цер-
ковью простирается обширная пещера; она
напоминаетъ Палестинское жилище вели-
каго проповѣдника покаянія, и тамъ ви-
дѣнь еще тайный подземный спускъ къ
самой рѣкѣ. Жители увѣряютъ, будто от-
сюда перенесены были мощи Св. Георгія,
въ новую обитель Мугни, оттого что, при
стеченіи богомольцевъ, часто обрывался
въ рѣку народъ, по тѣснотѣ мѣста, но
это не правдоподобно. Вся окрестность бо-
гата была прежде обителями; въ виду Ю-
анновой, нѣсколько выше до Абарани, вид-

на Сіонская, устроенная тѣмъ же Княземъ Ваче, и еще далѣе въ горахъ находятся развалины Сагмоса-ванкъ, или псаломной обители, куда удалялся на лѣто Св. Григорій, особенно любившій пустынные мѣста сіи.

Что касается до монастыря Св. Георгія или Мугни, (ибо слово сіе, не знаю почему, всегда выражаетъ церковь Великомученика), я не нашелъ въ ней ничего замѣчательнаго. Не ранѣе XVII вѣка построена обитель и приписана къ Эчміадзину. Зданіе весьма обыкновенно: въ ризницѣ показываютъ часть мощей Св. Георгія, въ серебряной рукъ благословляющей, по обычаю Армянскому, черепъ Евангелиста Матѳея, и частицу животворящаго креста. Въ придѣлѣ съ лѣвой стороны есть гробовая плита, подъ которою, говорятъ, поклолось все тѣло Великомученика, принесенное изъ Никомидіи великимъ Нерсесомъ; но географъ Армянскій Варганъ свидѣтельствуетъ только о черепѣ святаго. Мѣстное преданіе утверждаетъ, будто бы за двѣсти лѣтъ предъ симъ, одинъ изъ Царей Грузіи вы-

просилъ себѣ мощи Св. Георгія въ Тифлисъ, только для исцѣленія болящаго сына, и далъ за нихъ аманатами первыхъ бояръ своихъ; но такъ какъ не исцѣлился сынъ его, Царь не хотѣлъ болѣе возвратить мощей и положилъ ихъ въ Бочарскую обитель; оттуда перенесли ихъ, вмѣстѣ съ иконою святаго, въ соборъ Алавердскій, гдѣ и до нынѣ находятся. Однако Мугни не перестаетъ быть мѣстомъ осенняго стеченія богомольцевъ, не только Армянъ, но даже и Татаръ, которые, въ продолженіи семи недѣль, всякую субботу собираются въ обитель, для праздника Св. Георгія. Мы возвратились, въ Аштаракъ, мимо опустѣвшихъ зданій женскаго монастыря Кизильванкъ, или Краснаго, которымъ нѣкогда славилось это селеніе, бывшее городомъ во время славы Князей Мамигонскихъ.

Съ терасы Патріаршаго дома, гдѣ была прежде крѣпость Аштарака, долго любовался я живописнымъ ущельемъ, изъ котораго стремится шумный потокъ Абарани, подъ три арки древняго моста. Солнце яркими лучами отражалось въ скачущихъ

волнахъ, и на лоснящихся камняхъ, и на пожелтѣвшихъ листьяхъ деревь. Золотыми столбами подымались тополи по утесамъ и плакучія ивы склонялись къ шумящему потоку. Во глубинѣ ущелья, отъ самаго моста, еще живописнѣе представилась таже картина, вся проникнутая солнцемъ и отъѣненная сумракомъ старыхъ башенъ на вершинѣ скалъ. Отъ Абарани поднялись мы, утесистою тропою, на голыя высоты, усыянные мѣлкимъ камнемъ и кочующими стадами, до самой равнины Эчмιάдинской. Намъ открылось поприще славы Русской, на тѣхъ же поляхъ, гдѣ за тринадцать вѣковъ предъ тѣмъ, могущественный воевода Мамигонскій Ваганъ, разбилъ полчища Лезгинскія.

Здѣсь, въ 1827 году, храбрый Генералъ Красовскій, съ четырьмя тысячами войска, поспѣвая на помощь къ Эчмιάдину, выдержалъ весь напоръ шестидесяти-тысячной арміи Персидской, подъ личнымъ предводительствомъ Аббаса-Мирзы, и побѣдителемъ вышелъ изъ неровнаго боя. Онъ имѣлъ неосторожность ночевать подлѣ

Аштарака, вмѣсто того чтобы продолжать ночью походъ свой къ монастырю, и дорого заплатилъ за свою ошибку. Войска Персидскія преградили ему дорогу; въ самый жаркій день, 8-го Августа, воины наши должны были сражаться съ томительною жаждою и съ непріятелемъ, которому безпрестанно подвозили воду на верблюдахъ. Аббасъ-Мирза, стоявшій въ садахъ Аштарака, перешелъ Абарань, по Ушаганскому мосту, и ударилъ съ тылу на наши обозы, которые прикрывала малая горсть храбрыхъ. Отважный воевода Персидскій, Джафаръ-Кули-Ханъ, оспаривалъ спереди каждый шагъ на безводной пустынь, и устроилъ батарею на курганъ, который господствовалъ надъ всею окрестностью: здѣсь былъ самый жаркій бой, и однако ни что не могло удержать мужества Русскихъ. Съ паденіемъ Хана началось замѣшательство въ его рядахъ. Еще немного, и полки наши увидѣли передъ собою Эчміадзинъ, хотя въ дали, но тѣмъ не менѣе оживилось ихъ сердце, до самой равнины они уже не дрались, а только пре-

слѣдовали непріятеля, отбиваясь въ то же время съ тыла и отъ Аббастъ-Мирзы; но тяжкій уронъ ожидалъ побѣдителей у самой цѣли. Около садовъ Эчміадзинскихъ Персіане нарочно пустили, къ изнуреннымъ войскамъ нашимъ, живительную струю воды, которою поливались поля; солдаты бросились толпою къ канавѣ, и въ это время нахлынули Персіане: нѣсколько сотъ нашихъ погибло надъ самой канавою; жаждущіе, припикнувъ устами къ текущей струѣ, не приподымали даже головы, когда надъ нею занесена была шашка Персидская, и головы катились въ воду. Здѣсь нужно было все хладнокровіе Генерала Красовскаго, чтобы возстановить бой. Съ терасы Эчміадзинскаго собора, Архіепископъ Нерсесъ увидѣлъ бѣдствіе Русскихъ войскъ, и выслалъ имъ на помощь слабый гарнизонъ. Персіане бѣжали и болѣе не возвращались въ наши предѣлы.

Остатокъ героевъ торжественно вступилъ въ ограду; ихъ приняли какъ освободителей первопрестольной обители Армянской. Лице военачальника было такъ

спокойно, рассказывает досель свидѣтель событія, Патріархъ Нерсесъ, что казалось онъ возвращался съ пріятной прогулки. Утѣшительно слышать рассказъ сей, послѣ двадцати лѣтъ, изъ устъ столь знаменитаго очевидца. Высокій обелискъ сооруженъ былъ на полѣ битвы, Патріархомъ Ефремомъ, въ память падшихъ воиновъ, за три версты отъ обители, надъ тою бѣдственною канавою, которая была причиною ихъ мученической кончины; ежегодно, 8 Августа, совершается туда крестный ходъ Армянскаго духовенства, для поминовенія избіенныхъ во брани православныхъ воиновъ. Гдѣ же ты, самъ воевода храбрыхъ, память коего столь священна для народа Армянскаго? Преждевременная кончина застигла тебя, не на ратномъ полѣ, но въ мирномъ жилищѣ, въ Кіевѣ, подъ обломками обвалившагося дома. Вотъ гдѣ иногда встрѣчается печальная смерть воиновъ, смѣло ей смотрѣвшихъ въ глаза, тамъ гдѣ она царствуетъ между трупами! Миръ праху твоему добрый воинъ Христовъ Аемнасій! Ты поконился у входа въ дальнія пещеры

отшельниковъ Печерскихъ, часто поминаемый любившими тебя въ Кіевѣ, и твой престарѣлый участникъ въ освобожденіи Эчмиадзина, уже въ санѣ Патріарха, приходилъ также молиться на твою могилу.

День склонялся къ вечеру, когда мы стали спускаться въ равнину Эчмиадзинскую; солнце было закрыто облаками, и черная туча подвигалась отъ Арарата; сверкали молніи, глухіе раскаты грома страшнымъ эхомъ раздавались по горамъ. Намъ открылись, въ одно мгновеніе, три славныя некогда столицы Армянскія, на необъятной равнинѣ: ближе всѣхъ Вагаршанатъ, теперь убогое селеніе вокругъ престольной обители, съ разсыянными около церквами, Гяны, Рипсимы и Шогакатъ; на лѣво, у подножія Арарата, въ чуть видной дали, двойной утесъ обозначалъ древній Артаксатъ, основанный Аннибаломъ; вправо, на самомъ горизонтѣ, подъ горою Кульпе, возвышался остроконечный холмъ Армавира, бывшаго некогда сердцемъ языческой Арменіи, какъ Эчмиадзинъ сдѣлался сердцемъ Христіанской.

Кое гдѣ, на равнинѣ мелькалъ вѣющійся Араксъ, не разлучный со всеми славными и горькими событіями народа Армянскаго, какъ и древній блюститель ковчега Араратъ. Предъ нами, у самаго начала равнины, какъ призракъ, стоялъ обелискъ Русскихъ воиновъ. Уже начиналась буря и капалъ крупный дождь. Мы сопутствовали два Армянскихъ Епископа; мы остановились подлѣ обелиска и совершили безмолвную молитву на память усопшихъ. Гостепріимная обитель, за которую они шли, укрыла насъ отъ непогоды; старецъ Нерсѣсъ досказалъ мнѣ видѣнное мною, живымъ языкомъ сердца.

ТОРЖЕСТВО МУРОВАРЕНІЯ.

Я опять возвратился къ уединенному образу жизни Эчміадзинской, и проводилъ большую часть времени въ разговорахъ съ Патріархомъ. Поучительна бываетъ всегда бесѣда старцевъ, прошедшихъ сквозь долгое поприще жизни; тѣмъ занимательнѣе она, когда престарѣлый труженикъ шелъ по вершинамъ а не по удолью сего поприща, и свѣтлымъ умомъ съ высока наблюдалъ мимотекуція событія. Многое рассказалъ мнѣ Нерсесь, о частныхъ случаяхъ своей дѣятельной жизни, и о тѣхъ переворотахъ, гражданскихъ и церковныхъ,

которыхъ былъ свидѣтелемъ, сообщилъ и о нѣкоторыхъ подвигахъ, истинно мученическихъ, которые въдаетъ одинъ только небесный раздаятель въицею. Всего болѣе тронуло меня произшествіе, случившееся при глазахъ Нерсеса, когда онъ былъ еще Архимандритомъ въ Смирнѣ: одинъ дервишъ, тридцать лѣтъ скитавшійся по улицамъ города, въ послѣдніе три года постоянно просилъ у всехъ Христіанъ, вмѣсто милостыни, только молитвъ. Когда же наконецъ созрѣло благочестивое желаніе его сердца, онъ явился въ судылице Магометанское, и явно исповѣдалъ себя Христіаниномъ. По приговору судей, съ воплями повлекла его раздраженная чернь, на мѣсто казни. Нерсесъ, увидѣвъ съ терасы своего дома необыкновенное движеніе, спросилъ проходящихъ и услышалъ о чудномъ обращеніи дервиша. Греки, свидѣтели мученической кончины, собирали кровь его въ платки и нѣкоторые едва не сдѣлались сами жертвою ярости народной: они не влекли однако изъ моря брошенное тѣло страдальца, и тайно отправили его въ Венецію.

Я спрашивалъ Патріарха: какимъ образомъ, находясь безпрестанно между Персіанами и Турками, не только избѣгалъ онъ ихъ мести, за свою преданность Россіи, но даже приобрѣлъ ихъ довѣренность? — «Онъ вѣрилъ моему слову, отвѣчалъ Нерсесъ, потому что между Азіатцами первая добродѣтель есть твердое исполненіе даннаго обѣщанія. Къ тому же Персіане имѣли всегда уваженіе къ святынь Эчміадзинской, а я пользовался особеннымъ расположеніемъ Аббаса-Мирзы. Дважды посѣщалъ онъ обитель, во время моего управленія, и всегда благоговѣйно въ ней обращался; ему понравились двѣ иконы Богоматери, принесенныя изъ Персіи Патріархомъ Симономъ, и онъ хотѣлъ взять ихъ съ собою; но я сказалъ, что нельзя оставить безъ украшенія алтарь, и Аббасъ-Мирза удовольствовался одною, которую хранилъ у себя съ большею честью. Когда же, по смерти Патріарха Даниїла, и въ отсутствіи избраннаго нами Ефрема, Давидъ, бывшій прежде Патріархомъ, возобновилъ свои конны, и меня позвалъ въ станъ Персидскій,

подъ Хорвирабъ, я смѣло ему воспротивил-
ся предъ лицомъ Аббастъ-Мирзы. Давидъ
имѣлъ на своей сторонѣ Сардаря Эриван-
скаго и семь Хановъ, но я сталъ между
ними и спросилъ Царевича Персидскаго:
какое участіе могутъ имѣть Хань въ из-
браніи Патріарха чуждой имъ вѣры? развѣ
сами хотятъ принять ее? — Справедливо ли
имъ вступаться въ дѣло столь святое для
насъ, тѣмъ болѣе что уже имѣемъ закон-
наго Патріарха? Если же кто либо изъ
Хановъ, или самъ Давидъ, имѣетъ что ли-
бо противъ меня, пусть теперь же обвиня-
етъ въ лице, и никто изъ нихъ не рас-
крылъ противъ меня уста. Тогда Аббастъ-
Мирза не только принялъ меня благосклон-
но, но по моей просьбѣ двѣ недѣли остал-
ся подъ монастыремъ Хорвирабскимъ, ожи-
дать прибытія новаго Патріарха Ефрема,
который вхалъ изъ Россіи.»

Во свидѣтельство уваженія Персовъ къ
Католикосамъ Армянскимъ, Патріархъ при-
водилъ мнѣ примѣръ Шахъ-Надира, кото-
рый требовалъ, чтобы Католикосъ Авраамъ
опоясалъ его мечемъ, по примѣру Султановъ

Турецкихъ, возводимыхъ такимъ образомъ на царство. Однажды Шахъ пригласилъ его къ столу и замѣтивъ, что старецъ ничего не ѣсть по причинѣ носта, велѣлъ немедленно приготовить другую пищу, и съ тѣхъ поръ всегда наблюдался этотъ порядокъ для его гостя. Когда же, послѣ смиреннаго Авраама, взошелъ на каеэдру горделивый Лазарь, чрезвычайно любившій пышность, не умѣлъ онъ заслужить расположенія Шаха. Однажды владѣтель Персіи, встрѣтивъ цѣлый рядъ навьюченныхъ лошаковъ, подъ роскошными попонами, спросилъ какому Сардарю принадлежитъ караванъ? Когдаже услышалъ что Патріарху, прогнѣвался, и велѣлъ взять въ казну все выюки, говоря: «не таковъ былъ добрый отецъ нашъ Авраамъ.»

Мнѣ любопытно было знать: какимъ образомъ исчезли все богатства, которыми славилась Эчміадзинская обитель, дозволено убогая нынѣ? Патріархъ сказалъ: «лучшимъ временемъ для Эчміадзина было минувшее столѣтіе, когда послѣ нашествія

Шахъ-Аббаса, опять возстановилось благоденствіе. Помню, при Патріархахъ Симеонъ и Лукъ, богатство наше, церковное и хозяйственное; мы имѣли цѣлыя стада верблюдовъ и табуны конскіе, а теперь нѣтъ почти лошадей на дворъ Патріаршемъ. Разрушеніе началось въ послѣдніе годы Патріарха Луки, когда Ага-Магометъ-Ханъ Персидскій воевалъ съ Царемъ Иракліемъ. Патріархъ, думая лучше сохранить сокровища церковныя, раздѣлилъ ихъ на четыре части; двѣ отправилъ къ дружественнымъ Пашамъ Карса и Баязида, въ предѣлы Турецкіе, одну въ Тифлисъ, гдѣ надѣялся крѣпко на защиту Ираклія, и одну утаилъ въ Эчміадзинъ, приготовляясь къ нашествію Персидскому. Но расчеты человѣческой мудрости оказались совершенно невѣрными, и вопреки всѣмъ ожиданіямъ, только та часть спаслась, которая хранилась въ Эчміадзинъ; ибо Ага-Магометъ-Ханъ, миновавъ монастырь, почти до основанія разрушилъ Тифлисъ, а мнимые союзники удержали у себя ввѣренное имъ добро. Послѣ кончины Патріарха, когда начались искательства

Давида Тифлискаго, для пріобрѣтенія каедръ, много израсходовалъ онъ, дабы преклонить на свою сторону Сардаря Эриванскаго и, услышавъ о приближеніи Руесскаго отряда, приготовилъ нѣсколько вьюковъ съ сокровищами церковными; Давидъ надвѣлся бѣжать съ ними въ Эривань, но спасся только одинъ, а вьюки его были захвачены и исчезли. Въ это смутное время, когда не было почти никакого управленія въ обители, расхищена была ея драгоценная библіотека, потому что каждый бралъ изъ нее что хотѣлъ, и лучшія книги продавались за безцѣнокъ.»

Я пожелалъ видѣть остатки сей библіотеки, и дѣйствительно нашелъ ее въ жалкомъ состояніи. Она имѣетъ теперь не болѣе семи сотъ книгъ, печатныхъ и рукописныхъ, наиболѣе Армянскихъ, которыя расположены въ трехъ небольшихъ покояхъ, поверху жилья Патріаршаго. Что касается до иностранныхъ, то никто не можетъ разобрать ихъ, по незнанію, духовными лицами Армянскими, какого-либо

языка кромѣ собственнаго. Богословскія и историческія сочиненія, съ истолкованіемъ Св. Отцевъ Греческихъ и Армянскихъ, составляютъ главное отдѣленіе въ этой библіотекѣ, и многое можно бы извлечь изъ нихъ, какъ для исторіи народа, такъ и для догматовъ, но кто займется симъ ученымъ дѣломъ? Между рукописями я не нашелъ слишкомъ древнихъ, восходящихъ далѣе XII вѣка, и это понятно, ибо только, въ половинѣ XIV вѣка, кафедра Католиковъ перешла опять изъ Циса въ опустѣвшій Эчмиадзинъ, и вѣроятно библіотека начала собираться съ того времени. Самое древнее Евангеліе, VII вѣка, по Армянскимъ сказаніямъ, увезено было однимъ изъ Католиковъ въ Испагань, и теперь Нерсесъ требуетъ оное обратно. Но я тамъ нашелъ три пергаментныя рукописи: творенія Нерсеса благодатнаго, и сношенія его съ Императоромъ Греческимъ Мануиломъ, для соединенія Церквей, писанныя менѣе ста лѣтъ послѣ его смерти, т. е. въ XIII вѣкѣ. Тамъ же и вѣрный списокъ, хотя не подлинный,

собора бывшаго въ Румъ-кале при его премникъ Григоріѣ IV, въ 1177 году, ради общенія съ Церковью Православною.

Наступилъ наконецъ вечеръ субботній, предъ торжествомъ мѣросвященія, которое на сей разъ совпадало у Армянъ съ другимъ праздникомъ, обрѣтенія креста Царицею Еленою. Торжественная вечеря была началомъ воскреснаго служенія; все духовенство, въ облаченіи, встрѣтило Патріарха у дверей его дома, съ рипидами, кадилами и свѣчами. Онъ вышелъ въ короткой лиловой мантии, съ посохомъ въ рукѣ; старшій изъ Архіепископовъ облекъ его въ багряную мантию, поверхъ лиловой; діаконъ понесъ предъ нимъ покрывало, особенное отличіе Патріаршаго сана у Армянъ, знаменующее по ихъ толкованіямъ то, которое лежало на главѣ Моисея. Изъ исторіи видно, что такое покрывало, вмѣстѣ съ посохомъ, прислано было отъ Папы Иннокентія II, въ 1141 году, Католикосу Григорію III; но я никакъ не могъ понять настоящаго значенія сей утвари, которой нѣтъ ни на Западъ, ни на

Востокъ. Сами Армяне употребляютъ ее только при помазаніи своихъ Католико-совъ, остѣняя ихъ, въ ту минуту, покрываломъ. Здѣсь, въ первый разъ, увидѣвъ я и діаконовъ въ митрахъ, что мнѣ показалось весьма страннымъ, потому что это головное украшеніе, какъ знаменіе власти, принадлежитъ Епископамъ и только по снисхожденію, дозволяется Архимандритамъ, но во всякомъ случаѣ несвойственно низшимъ служителямъ Церкви. Что касается до свѣщниковъ, то вмѣсто нашихъ трикирій и дикирій, которые символически знаменуютъ Св. Троицу и двоякую природу Богочеловѣка, у Армянъ они возжены четырьмя свѣчами, безъ всякаго таинственнаго смысла.

Шествіе Патріарха, отъ своихъ покоевъ до собора, подъ сѣнію балдахина, въ сопровожденіи всего духовенства, при звукѣ колоколовъ, было весьма торжественно, и краткая вечерня, совершавшаяся въ храмъ, посреди общаго безмолвія, произвела на меня впечатлѣніе благоговѣйное; но за то послѣдующія служенія, утрення

Часть II.

9

и самая литургія, были весьма тягостны для сердца, отъ безчинія народнаго. Незная ни языка, ни богослуженія Армянскаго, я не могъ слѣдовать за ходомъ службы, и только нарѣдка ловилъ нѣкоторые гимны и молитвы, сходные съ нашими, которые въ послѣдствіи мнѣ объяснили. Такимъ образомъ за вечернею, послѣ чтенія первыхъ псалмовъ и краткой эктениі, предъ алтаремъ Единороднаго, весь ликъ возгласилъ умилительную пѣснь: «Свѣте тихій, святая славы,» которая, по своей глубокой древности, перешла изъ Іерусалима во все народы; пѣты были и вечерніе стихи псалмовъ: «Господи воззвахъ къ тебѣ, услыши мя, и да исправится молитва моя.» Патріархъ облачился въ фелонь съ митрою, а хоръ воспѣлъ протяжно трисвятую пѣснь, и послѣ нѣсколькихъ стихирь, въ честь креста, служеніе окончилось чтеніемъ евангелія, которое самъ Нерсесъ принесъ съ главнаго престола на середину церкви.

Нѣсколько часовъ спустя начались отходныя ко сну молитвы, съ повечеріемъ

и полуощицею, отдѣльно отъ утренни; ибо старецъ, не надѣясь на свои силы, предоставилъ себѣ краткій отдыхъ между долгими служеніями. Часа въ четыре до разсвѣта началась утрення; съ трудомъ можно было проникнуть въ церковь, въ которой народъ занималъ только третью часть, ибо служба совершалась предъ алтаремъ Единороднаго, на срединѣ. Отъ говора и шума нельзя было слышать ни одного слова; служилъ же самъ Патріархъ, потому что по чиноположенію церкви Армянской, всякій Епископъ долженъ совершать утренню какъ простой священникъ, ежели готовится къ обѣднѣ; но Патріарху прислуживали Епископы, какъ діаконы, то облачая его, то подавая различную утварь. И то и другое не сходно съ православнымъ чиномъ, гдѣ такъ строго опредѣлена должность каждаго, и Епископъ не вступаетъ въ обязанности іерейскія, а только на литію и полувеліе исходитъ изъ алтаря, на средину церкви, съ своимъ клиромъ; колыми паче, не только Епископы, но даже и пресвитеры, не

исполняют и предъ лицомъ Патріарха, ни какихъ служебныхъ дѣйствій, предоставленныхъ однимъ діаконамъ, какъ служителямъ по самому значенію ихъ сана.

Утомительно было бы объяснять весь порядокъ полунощной и утренней службы, во многомъ сходной съ нашею и наполненной безпрестаннымъ чтеніемъ псалмовъ. Скажу только вкратцѣ, что никогда не читаютъ болѣе двухъ или трехъ псалмовъ одинъ за другимъ; псалтырь у Армянъ раздѣлена иначе на каонзмы нежели у насъ, и вмѣсто двадцати считаютъ ихъ только восемь. То что у насъ называется канономъ и положено во второй половинѣ утренни, бываетъ у нихъ въ концѣ полунощницы; на утренни же поются болѣею частью трипѣсницы, составленные изъ пѣсней трехъ отроковъ Вавилонскихъ, и гимны Нерсеса благодатнаго; вечернія молитвы его чрезвычайно умиленны, и во всѣхъ его твореніяхъ проявляется высокая душа его.

Патріархъ, стоявшій во все время служенія, противъ алтаря Единороднаго, или

подлѣ своей каведры, трижды облачался для чтенія евангелія: въ первый разъ на концѣ полунощницы, чтобы послѣ канона въ честь креста, возгласить о страстяхъ Господнихъ; вторично посреди утрени, на полвелеѣ, который совершенно напоминаетъ намъ, выходомъ священнослужителей на средину церкви, для чтенія воскреснаго евангелія, и пѣніемъ хвалебныхъ псалмовъ. Память усопшихъ совершается всегда на воскресной утрени, и ради сего читается евангеліе, которое на этотъ разъ было замѣнено крестнымъ за полунощницею, по случаю праздника, если только не ошибаюсь. Величаніе Богоматери (т. е. пѣснь ея: величитъ душа моя Господа) предшествуетъ полвелею, который называется у Армянъ чиномъ мѣроносиць, вероятно по случаю пѣнія воскресныхъ тропарей, упоминающихъ о ихъ пришествіи ко гробу, и вскорѣ послѣ того начинается, посреди церкви, торжественное пѣніе: «слава въ вышнихъ Богу.» Предъ самымъ окончаніемъ утрени, Патріархъ читалъ въ третій разъ евангеліе, о женѣ помазавшей мѣ-

ромъ ноги Іисусовы, по случаю наступившаго торжества муроваренія.

Возвращеніе Патріарха въ его покои совершилось безъ особеннаго торжества, равно какъ и выходъ его къ обѣдин, хотя встрѣчало опять все духовенство; но толпа народная была столь велика, что самъ онъ едва могъ пройти въ церковь. Вся чернь собралась изъ окрестностей Эривани, и не было принято никакихъ мѣръ для водворенія порядка. Покамѣсть Патріархъ облачался въ одной ризницѣ, а двѣнадцать Епископовъ приготовлялись къ служенію съ нимъ, въ другой, волненіе народа дошло до высочайшей степени; всѣ стремились черезъ перегородки къ главному алтарю, чтобы ближе быть къ Св. мурѣ. Армяне полагаютъ, что оно чуднымъ образомъ варится само собою. Серебряный котелъ, подъ нарчевымъ покровомъ, поставленъ былъ на возвышеніи алтаря, и уже за шесть недель прежде въ немъ приготовлено было муро, но только не освящено; каждый день, очередной священникъ долженъ былъ прочесть надъ нимъ все евангеліе. Торжество муроваренія, со-

вероятно, довольно редко, почитается самым главнымъ въ Церкви Армянской, такъ какъ Св. миро разсылается повсюду, изъ одного лишь Эчмиадзина, и можетъ быть освящено только Католикосомъ, а потому служитъ союзомъ единства для всей Церкви Армянской. Молва о чудъ привлекаетъ богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Арменіи; но на сей разъ позднее время года и недавно бывшее торжество, по случаю посвященія Нерсеса, удержали почетныхъ посетителей отъ вторичнаго прихода. Замѣчательно однако, что Церковь Армянская исполненная такого благоговѣнія къ Св. мурѣ, опустила, въ смутную эпоху своихъ гражданскихъ переворотовъ, другое спасительное помазаніе олеемъ болящихъ, хотя оно считается въ числѣ семи таинствъ, равноярно на Западъ какъ и на Востокъ.

Патріархъ приступилъ къ служенію литургіи на главномъ алтарѣ, совершенно по тому же чину какъ я видѣлъ священнодѣйствіе Епископа или Архимандрита, но съ тою разницею, что по сторонамъ его

безгласно стояли облаченные Епископы, вмѣстѣ съ прочими клирошъ. Для совершенія проскомидіи, ходилъ онъ къ алтарю первомученика Стефана, въ сѣверное отдѣленіе храма, гдѣ приготовлена была святыня мощей. Во время Херувимской пѣсни, все духовенство пошло съ хоругвями и рипидами за Св. дарами, къ алтарю Стефанову, и въ качествѣ діакона понесъ ихъ Епископъ Іоаннесъ Шехатуновъ, на главный престолъ, кругомъ всей церкви. Вслѣдъ за нимъ прочіе Епископы несли честные крестъ и копіе и мощи съ ароматами, которыми должно было совершиться освященіе муръ. Шествіе было торжественно, не смотря на вопли народа; величественно и самое освященіе, но отъ шума нельзя было слышать ни одного слова, не смотря на то что я находился подлѣ алтаря. На срединѣ его возвышенія, передъ серебрянымъ котломъ стоялъ Патріархъ, и съ глубокимъ благоговѣніемъ читалъ молитвы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на бурю народную, кипѣвшую у подножія алтаря; по сторонамъ его двѣнадцать

Епископовъ держали въ рукахъ святыню, которую постепенно ему подавали, и все пространство алтаря было наполнено клиромъ, въ богатыхъ ризахъ.

Вмѣстѣ съ молитвами освященія, три евангелія, Маттея, Луки и Іоанна, читались надъ предуготовленнымъ мвромъ, (какъ мнѣ въ послѣдствіи объяснялъ Патріархъ), всѣ три о женѣ помазавшей мвромъ поги Іисусовы; читали также два посланія Іоанновы, о духовномъ помазаніи, и рѣчь Петрову изъ книги дѣяній, о помазаніи Христа на спасеніе міра, и нѣсколько паремій, изъ пророчествъ Исаи и Захарія, изъ пѣсней Соломона и изъ книгъ Исхода и Бытія, о помазаніи Первосвященника Аарона и о голубицѣ Ноевой, принесшей сличную вѣть. Между каждымъ чтеніемъ возглашались антифоны, и Епископы вслѣдъ за Патріархомъ, одинъ за другимъ, читали продолжительныя молитвы. Самъ онъ произнесъ послѣднюю, въ которой приглашалъ всѣхъ единодушно испросить сошествіе Духа Святаго на предлагающее мвро. Потомъ Патріархъ влилъ

въ него благовонные соки травъ, масти и ароматы, съ драгоценнымъ масломъ и остаткомъ прежняго освященнаго мѹра, и осьнилъ крестообразно сей новый благовонный составъ, животворящимъ крестомъ и копіемъ, и десницами святыхъ, Апостола Ѳаддея и просвѣтителя Григорія, сына его Аристагеса и Іакова Низивійскаго. Это самая торжественная минута, ибо здѣсь ожидаютъ совершенія чуда: кипѣнія мѹра внутри котла; шумъ и вопли умножились до чрезвычайности, такъ что многіе падали, отъ нахлынувшей толпы. Окончателная эктенія діакона и молитва Патріарха надъ Св. мѹромъ, заключены были чтеніемъ евангелія отъ Марка, о посланіи Господомъ своихъ учениковъ, съ властью исцѣлять болящихъ, при помазаніи ихъ елеемъ.

Послѣ освященія мѹра задернулась завѣса, потому что утомленный Патріархъ хотѣлъ нѣсколько отдохнуть и переменить облаченіе. Литургія продолжалась обыкновеннымъ порядкомъ, отъ возгласа: «цѣлуйте другъ друга цѣлованіемъ мира.» Между тѣмъ народъ началъ прикладываться къ серебрян-

ному котлу, въ которомъ находилось священное миро, и всѣ съ благоговѣніемъ осязали его теплоту. Почти нельзя было стоять подлѣ алтаря, отъ натиска толпы; съ трудомъ могъ выйти самъ Патріархъ по окончаніи литургій, уже безъ всякаго церемоніала. Гостепріимная трапеза, для всего духовенства и почетныхъ посѣтителей, ожидала насъ въ его восточныхъ покояхъ и, не смотря на свое утомленіе, радушный старецъ привѣтливо председательствовалъ за нею.

На другой день я долженъ былъ оставить Эчміадзинъ, но мнѣ хотѣлось сохранить въ памяти моей впечатлѣніе его исторической равнины и окрестныхъ горъ. Я взошелъ на плоскую крышу Патріаршаго дома, чтобы насладиться оттоль сею величественною панорамой. Это было при закатѣ солнца; оно спускалось за дальній хребетъ горъ Араратскихъ, и ярко озарило двуглавое чело исполина, отъ котораго начиналась горная цѣпь. Пурпурнымъ свѣтомъ исполнилась опять вся равнина, какъ въ первый вечеръ моего прѣзда, будто

что-то багровое плавало въ воздухѣ, и такимъ румянцемъ горѣли всѣ окрестныя вершины. Казалось, въ первый вечеръ обновленнаго міра, когда вышелъ праотецъ нашъ изъ своего потоннаго дома, не могло отраднѣе представиться ему лице земли, согрѣтой лучами всеоживляющаго солнца: такъ все кипѣло жизнью и свѣтомъ вокругъ! Я просилъ взшедшаго со мною Епископа Іоаннеса, назвать мнѣ окрестныя горы и радостно изумился ихъ лѣтописнымъ именамъ: Кегамъ и Арамъ и Арангъ къ востоку, запечатлѣны именами первыхъ родоначальниковъ племени Гайканскаго, и между ними Семирамида оставила также свое громкое имя одной изъ горъ, въ память войны Ассиріянъ съ отринувшимъ ихъ Царицу вождемъ Аранломъ. Но вотъ и новѣйшія варварскія названія заступили мѣсто библейскихъ. Тупая вершина Алагеза подымается напротивъ остроконечнаго Арарата, ограждая съ сѣвера его равнину, и отъ него бѣжитъ къ полдню низменная отрасль Даръ-Алагеза, доколь не сливается на небосклонѣ съ пустынею Аракса.

Два темныхъ утеса этой цѣпи указываютъ мѣсто Кегарта, обители конія: холмъ Артаксата къ полудню, а къ сѣверу холмъ Армавира, означаютъ дальнія грани сей лѣтописной равнины, гдѣ протекла, подобно Араксу, двадцати-вѣковая слава царства Армянскаго, и оставила по себѣ одну только духовную столицу Св. Григорія, Эчміадзинъ. Отъ Ноя до Артаксерковъ и Хосроевъ, отъ Просвѣтителя Григорія, до нынѣшняго Патріарха Нерсеса, какое необъятное поприще для глубокихъ думъ, начинающееся волнами потопа, и непрестанно растущее, въ неизсякаемомъ потоцѣ вѣременъ и событій!

Трогательно для меня было прощаніе съ Эчміадзиномъ, по тому вниманію, которое не преставалъ мнѣ оказывать почтенный старецъ до послѣдней минуты моего отъѣзда. Мимоходомъ зашелъ я въ открытый соборъ, чтобы помолиться у алтаря Единороднаго, и цѣлью моей молитвы было присоединеніе Церкви Армянской къ Вселенскому союзу. Епископы, со мною бывшіе въ храмъ, конечно не подозревали, что въ сію

минуту я о нихъ молился, хотя и они проводили меня съ любовію до воротъ обители. Множество собравшагося народа, по случаю торжества муроваренія, наполнило площадь Вагаршаната; воспоминаніе Эчміадзина оставило пріятное впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ.

О НЕСОГЛАСІИ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ.

Ознакомившись такимъ образомъ, съ верховною іерархією, святынею и богослуженіемъ Армянской Церкви, что могу сказать о ея отдѣленіи отъ Церкви Православ-

ной, въ которомъ она находится уже столько вѣковъ? — Надобно только вздохнуть, о произвольномъ недоразумѣніи, и вспомнить слова одного изъ величайшихъ, ея свѣтильниковъ, Персеса Архіепископа Ламбронскаго: «Изъ за чего мы раздѣляемся? если разсмотримъ дѣло безпристрастно, то не имѣемъ никакого основанія противиться великой Церкви Греческой. Мы говоримъ: Христосъ есть Богъ и человекъ; они же: Христосъ имѣетъ двѣ природы; разность въ словахъ, а не въ самомъ дѣлѣ. Праздники и обряды возникли отъ любви: по сему неприлично, ради соблюденія свойхъ праздниковъ, уничтожить любовь, для коихъ они были учреждены. Церковь Греческая есть источникъ и начало Христіанской вѣры, отъ которой Армяне заимствовали все что имѣютъ, и она это сохранила неизмѣнно, допуская улучшеніе только во славу Божию. И такъ примемъ предложенныя намъ условія съ любовью, какъ завѣты предшественниковъ нашихъ, а не какъ принесенныя намъ отъ чужихъ». Такъ говорилъ, въ исходѣ XII вѣка, просвѣщен-

ный мужъ предъ соборомъ Епископовъ Армянскихъ, соединившихся для мира церковнаго по зову Католикоса.

Но не такъ судили первые нарушители мира въ V вѣкѣ, и не всегда такъ рассуждаютъ донынѣ тѣ, которымъ бы надлежало внимать Ламбронскому проповѣднику. Нѣтъ, болѣе памятно имъ жестокое слово Католикоса Моисея, который отвѣчалъ, на миролюбивый зовъ Императора Маврикія, въ VI столѣтін: «того не будетъ, чтобы я перешелъ когда либо рѣку Азотъ, и вкусилъ бы евхаристію, совершаемую на квасномъ хлѣбѣ, и пилъ бы отъ чаши растворенной водою!» Какъ далека эта рѣчь, отъ проникнутой Христовою любовью рѣчи Персеса, хотя она болѣе прощительна была въ то время, нежели теперь.

Тогда, по смутнымъ обстоятельствамъ гражданскимъ, не могли участвовать Армяне на соборѣ Халкидонскомъ, ибо рушилось ихъ царство подъ оружіемъ Хосроевъ и Персидское иго тяготѣло надъ одною половиною нѣкогда цвѣтущей державы. Должно съ безпристрастіемъ ска-

зять, что и Греческіе Императоры, обладавшіе западною половиною Арменіи, не искали пріобрѣсти любви своихъ подданныхъ, часто являясь между ними съ огнемъ и мечемъ. Когда же опять возстановилось царство Армянское, подъ скипетромъ Багратидовъ, Греки были виною его паденія, захвативъ новую столицу Анн и послѣдняго Царя Качика. Гораздо прежде сего печальнаго событія, еще около времени Халкидонскаго собора, энотиконъ или согласительная грамота Императора Зинона, отвергавшаго соборъ сей, и указъ его преемника Анастасія, который запрещалъ даже говорить о немъ, чтобы прекратить волненіе возникшее на Востокъ, могли служить извиненіемъ для Армянъ, особенно когда ближайшіе къ нимъ Епископы Сирійскіе возставали противъ собора. Это побудило Католикоса Армянскаго Бабкеша, въ 491 году, на частномъ соборѣ Эчмиадзинскомъ, глухо отринути Халкидонскій, не вникая въ его догматическія опредѣленія.

Камнемъ преткновенія для Армянъ служило то, что въ Халкидонѣ не обратили

вниманія на три такъ называемыя статьи или сочиненія, собственныхъ или сошедшихъ къ нимъ Епископовъ, Феодора Мопсуестскаго, Иваса Едесскаго и Феодорита Кирскаго, которые у нихъ были оглашены за приверженцевъ ереси Несторіевой. Сими обстоятельствамъ воспользовались люди недоброжелательные и внушили Армянамъ, будто бы Вселенскій соборъ, осуждая ересь Евтихія, впалъ въ противоположную ересь Несторія. Евтихій сливалъ въ лицъ Господа Иисуса Христа, Божество его и человечество въ одну природу, такъ что отъ сего ученія подвергалось страданію самое Божество; а Несторій напротивъ того признавалъ въ Искупителѣ двѣ природы, Божескую и человеческую, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлялъ его на два отдѣльныя лица, нелагая что послѣ рожденія отъ Пречистой Дѣвы, соединилось Божество съ человечествомъ. Церковь же Православная отвергая ту и другую хулу, учитъ, что еще въ дѣвственной утробѣ пречистой своей Матери, Слово стало плотию, по изреченію Евангелиста, и родился отъ нея совершен-

ный Богъ и совершенный человекъ, въ одномъ лицѣ своемъ соединяющій двѣ природы, божественную и человеческую. Не совершенство языка Армянскаго, не измѣняющее утонченности Греческаго для выраженной богословскихъ, не мало препятствовало къ разъясненію истины, ибо нельзя было отличить на ономъ опредѣлительно: слово иносѣ, т. е. лице, отъ слова естество или природа. Такимъ образомъ когда Греки говорили, что въ Господь Иисусъ Христъ двѣ природы, Армяне принимали это за два лица, и сами на оборотъ, желая выразить въ немъ одно лице, выражали одно естество, къ соблазну Грековъ.

Но какъ никогда не бываетъ безвреднымъ отъщечіе вѣтвей отъ корня къ возраставшаго, такъ и отпаденіе Церкви Армянской отъ Вселенскаго союза съ Церквами Царьграда, Кесаріи и Іерусалима, отколъ заимствовала свое просвѣщеніе духовное, отозвалось въ послѣдствіи для нее погрѣшностями. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ разрыва, приваля она отъ Петра Фулова или Гнафея (бѣльчаника),

неправильно вторгшагося на патриаршую кафедру Антиохіи, неправильное славословіе. Церковь Армянская отнесла къ единому лицу Господа Иисуса трисвятую пѣснь: «Святый Боже, Святый Кръпкій, Святый Безсмертный,» которую вся Церковь воспѣваетъ въ честь Святыя Троицы; и хотя, при такомъ изъясненіи, слова: «распныйся за ны,» и другія, прибавляемыя ею къ сей пѣсни, не заключаютъ собственно ереси, ибо и Господь намъ есть Богъ, святый, крѣпкій, и безсмертный: однако такое отклоненіе Армянъ отъ вселенскаго согласія, возбудило противъ нихъ нареканіе въ ереси Евтихіевой, приписывающей страданіе Божеству. Апостоль же внушаетъ намъ добровольно отказываться отъ предметовъ, соблазняющихъ братьевъ нашихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ свои особые посты, праздники и обряды, невольныо возникли отъ долгаго отчужденія Церкви Армянской, сиротливо забытой на Востокъ, среди воинскихъ бурь, и малое въ началѣ отдѣленіе умножилось до такой степени, что народное имя Армянъ сдѣлалось выраженіемъ особаго исповѣданія и

предметомъ нареканій, часто неправильныхъ.

Надобно сказать правду, Греки не щадили Армянъ и распространяли о нихъ многія неабыности, какъ на примѣръ: сказку о постѣ Арцывура, почитая ихъ зараженными всякою ересью. Не менѣе вражды нитали къ нимъ и Армяне, не примѣчая, что уже не столько догматы въры, сколько самая ихъ народность, легко смѣшиваемая съ религіею на Востокъ, у народовъ лишенныхъ самобытности, положила между ними рѣзкую и по несчастію враждебную черту. Упорно отвергали они соборъ Халкидонскій, отиудь не вникая въ его догматы и, какъ бы позорнымъ именовемъ, клеймили прозваніемъ Халдиконца тѣхъ изъ благонамѣренныхъ своихъ Епископовъ, которые легче видѣли истину. Это тѣмъ болѣе непростительно, что послѣ пятого Вселенскаго собора, уже не было имъ причины чуждаться общенія съ Церковью Православною: ибо при великомъ Императорѣ Іустиніанѣ, сто лѣтъ послѣ собора Халкидонскаго, торжественно осуждены были

три сомнительныя для нихъ статьи. Что же касается до шестаго и седьмаго Вселенскихъ соборовъ, то ихъ опредѣленія согласны были съ догматами Армянской Церкви, о двухъ воляхъ Божественной и челоувѣческой, въ одномъ лицѣ Господа, Иисуса и о чествованіи святыхъ иконъ.

Случалось однако по временамъ, что она находилась въ союзѣ съ Православною, потому что Императоры Греческіе неоднократно старались о возстановленіи мира; но естли благонамѣренныя икъ Католиковъ, принимали общеніе, то народъ, возбуждаемый фанатиками, при малѣйшей возможности, опять отторгался отъ союза. Мало дѣйствовалъ благой примѣръ соседней Церкви Грузинской, которая твердо держалась единства съ Православною; Католикосъ ея Кириѣнъ, въ 580 году, терпѣливо провозгласилъ соборъ Халкидонскій, вопреки проклятіямъ Католикоса Армянскаго Авраамія, на еге Давидскомъ соборѣ, и Католикоса Моисея, уверно отвергавшаго миролюбивыя приглашенія Императора Маврикія. Однако, въ XII вѣкѣ,

Нерсесъ Ламбронскій унезываетъ своимъ единоверцамъ на благодѣтельный примѣръ Церкви Грузинской, которая процвѣтала, сохранивъ союзъ свой съ Цариградомъ, когда напротивъ того осиротѣвшая Церковь Армянская держалась на слабой вѣткѣ, и волновалась всякимъ вѣтромъ бурь всенскихъ и церковныхъ.

Первый примѣръ желаннаго мира съ Православіемъ подалъ мудрый Католикосъ Эдра, въ началѣ VII вѣка, когда пришелъ на соборъ въ Феодосіополь, нынѣшній Эрзерумъ, по зову Императора Иракліа, который воевалъ противъ Хосроя Персидскаго. Не силою оружія убѣдился Эдра, но требовалъ отъ Императора наложенія вѣры и, увѣрившись въ догматахъ Православія, принялъ исповѣданіе Халкидонское. Съ тѣхъ поръ многія тысячи Армянъ, жившихъ въ предѣлахъ Греческой Арменіи приняли обряды Православной Церкви, издѣланныя и вѣсты, и евхаристію стали совершать на квасномъ хлѣбѣ, съ чашею вина раствореннаго водою. Остатки сихъ православныхъ Армянъ доселѣ существуютъ

въ Анатолиі, около города Севасты или Сиваса, въ числѣ двѣнадцати селеній, и они известны подѣ именемъ Хайхорумъ, которое составилось изъ производнаго слова Гайко-Румъ т. е. Армяно-Грековъ. Но благочестивый Эадра подвергся ненависти, будучи обвиняемъ въ пристрастіи къ Грекамъ, и тоже испыталъ одинъ изъ величайшихъ его преемниковъ, Нерсесъ строитель, за то что сообщился на литургіи съ внукомъ Ираклія, Императоромъ Константіемъ. Онъ принужденъ былъ даже оставить свою кафедру, отъ беспорядковъ гражданскихъ, и ею овладѣлъ жесточайшій противникъ Православія, Іоаннъ Маназгердскій. Сей Іоаннъ созвалъ, не въ столичномъ Двинѣ, но въ маломъ городѣ своемъ Маназгердѣ, нѣсколько Епископовъ и, въ самыхъ непріязненныхъ выраженіяхъ, предалъ анафемъ соборы Халкидонскій и Эрзерумскій.

Не такъ поступилъ яроткій преемникъ Нерсеса, Іоаннъ Философъ, который однако держался преданія отечественной Церкви. Онъ соединилъ новый соборъ въ Двинѣ.

нъ, возстановилъ порядокъ церковный и даже обряды собственно Армянскіе, не согласные съ Греческими, но не коснулся собора Халкидонскаго, ибо самъ былъ воспитанъ при святомъ отшельникѣ Феодорѣ Трихивѣ; когда же начала водворяться въ Арменіи ересь Фантастиковъ, учениковъ Іуліана Галикарнасскаго, который почиталъ воплощеніе Христово за призракъ, Іоаннъ написалъ противъ нихъ сильное возраженіе, въ коемъ признавалъ рвительно двѣ природы во Христв. Такъ сильно было однако предубѣжденіе Армянъ, что одинъ изъ ихъ извѣстныхъ писателей, Вартанъ, называетъ неправославными весь рядъ Католикосовъ отъ Эадры до сего Іоанна, за союзъ ихъ съ Греками, чѣмъ собственно доказываетъ ихъ Православіе. Ошибочно смѣшиваетъ онъ дѣянія жестокаго Іоанна Маназгердскаго съ дѣяніями Іоанна Философа, называя его возстановителемъ правъ и догматовъ своей Церкви и врагомъ Халкидонцевъ. Не должно смѣшивать его и съ другимъ Католикосомъ Іоанномъ, равно именитымъ но неблагопріят-

нымъ Церкви Православной, который жилъ сто лѣтъ спустя, и болѣе известенъ подъ именемъ Историка, но современной лѣтописи имъ составленной. На шестомъ и на седьмомъ Вселенскихъ соборахъ присутствовали, по сознанию самихъ Армянъ, нѣкоторые изъ ихъ Епископовъ, следовательно не имѣютъ они причины, не признавать Вселенскаго ихъ достоинства.

Патріархъ Фотій старался возстановить нарушенное единство, чрезъ посланнаго въ Ани, Архіепископа Никейскаго Іоанна, и напелъ себѣ сотрудника въ Католикосъ Захаріи, хотя сильно было противудѣйствіе Епископовъ Армянскихъ. Іоаннъ принужденъ былъ разъяснять догматы Халкидонскаго собора и они приняты были съ такою оговоркою: «еслии кто полагаетъ ихъ противурѣчащими Апостольскимъ преданіямъ, и по какому либо потворству не отвергаетъ, тотъ самъ отверженъ; еслии же напротивъ кто знаетъ, что Халкидонскій и послѣдующіе за нимъ соборы, согласны съ правилами трехъ первыхъ, но дерзаетъ клеветать на нихъ или прокли-

нать, тотъ самъ себя промѣняетъ.» Но это не прямое соглашеніе, не произвело ни какого союза и, сто дѣтъ спустя, иной ревнитель Православія, изъ Католикосовъ Армянскихъ, Ваганъ, былъ лишенъ кафедръ, по суду своихъ Епископовъ, за приверженность къ догматамъ Греческимъ. Впрочемъ такое враждебное чувство Армянъ противъ Грековъ понятно въ ту эпоху, потому что вскорѣ послѣдовало паденіе царства Багратидовъ, подъ мечемъ Императора Константина Мономаха.

Замѣчательное явленіе въ Церкви Армянской!—Великій просвѣтитель Григорій заимствуетъ отъ Грековъ просвѣщеніе духовное, и доводъ благочестивый родъ его держать нормою святительское, паства его соблюдаетъ союзъ Православія; послѣдній Католикосъ изъ его племени, Исаакъ великій, посланіемъ своимъ обличалъ три статьи, не осужденныя на соборѣ Халкидонскомъ, и онѣ отвергнуты на пятомъ Вселенскомъ соборѣ. Вотъ лучшее свидѣтельство, что четвертый соборъ не долженъ былъ служить камнемъ преткновенія для

Армянь, естли бы они лучше вникли въ сущность дѣла. Послѣ Исаака великаго, въ теченіе шести сотъ лѣтъ, разнородныя Католикосы восходятъ на кафедру Св. Григорія, и кромѣ нѣкоторыхъ именитыхъ изъ ихъ числа, они въ разрывѣ съ Церковью Православною.

Григорій Магистръ, изъ царственнаго дома Паглауни, которому принадлежалъ и Св. Григорій, получаетъ въ управленіе отъ Кесарей Месопотамію и благопріятствуетъ Православію. Племянникъ его, Католикосъ Григорій мучениколюбецъ, такъ прозванный, потому что собиралъ житія и кости мучениковъ, восходитъ опять въ XI вѣкѣ на кафедру святаго своего предка и управляетъ ею въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Мнѣніе его о двухъ природахъ во Христѣ Іисусѣ, было столь православно, что онъ собственноручно скрѣпилъ свидѣтельство о томъ же, въ книгѣ Іоанна Философа, съ осужденіемъ противъ мудрствующихъ иначе. Племянникъ его, также Католикосъ Григорій, вступаетъ въ сношеніе съ Императоромъ Мануиломъ о мирѣ церковномъ. Братъ Григорія Персесъ

благодатный продолжаетъ сѣм сношенія, и тройнымъ изложеніемъ вѣры старается оправдать себя предъ Церковью Православной, употребляя правильныя выраженія о двухъ природахъ. Нѣкоторые изъ Армянъ упрекаютъ его въ честолюбіи, будто бы желалъ онъ патріаршества; но хотя ни онъ, ни его предшественники и послѣдователи, не носили собственно сего титула, усвоеннаго Патріархамъ Греческимъ, развѣ достоинство Католикоса, т. е. главы отдѣльной Церкви, не поставляло его на равнѣ съ ними? Современники лучше оправдали благія намѣренія Нерсеса, усвоивъ ему имя благодатнаго и причисливъ къ лику святыхъ. Преждевременная смерть не позволила ему довершить начатаго: но его племянники, Католикосъ Григорій младшій и Нерсесъ Архіепископъ Ламбронскій, довершили подвиги мира на соборахъ Тарса и Румъ-Кла, не смотря на сопротивленіе многихъ изъ числа своихъ вельможъ. Тамъ послѣдовало разрѣшеніе недоумѣній и тридцать три Епископа, Великой и Малой Арменіи, единодушно подписали со-

гласіе подѣ актомъ соборнымъ, соединявшимъ Церковь Армянскую съ Православною. Смерть Императора Мануила воспрепятствовала довершенію желаннаго союза, ибо за нею послѣдовали беспорядки въ имперіи и взятіе столицы крестоносцами. Но что же послѣ? — еще одинъ, изъ рода Паглауни, возсѣлъ на каѳедру Св. Григорія, а за нимъ слѣдовали опять разнородные Католикосы, и Церковь Армянская, отклонясь отъ Православія и частію отъ собственныхъ преданій, начала одно время сближаться съ Латинскою, подѣ вліяніемъ крестоносцевъ; она даже измѣнила самое облаченіе и устройство своихъ храмовъ въ угожденіе Риму.

Тогда явился еще одинъ ревнитель Православія въ великой Арменіи, Захарія изъ рода Аргутинскихъ, знаменитый воевода или Спасаларъ Царицы Тамари, правитель столичныхъ некогда городовъ Ани и Лори, братъ коего Іоаннъ принадлежалъ къ Церкви Православной. Захарія, чувствуя беспорядки собственной Церкви и тягость раздѣленія, при безпрестанныхъ своихъ

сношеніяхъ съ народомъ Грузинскимъ, писалъ о томъ въ Цисъ къ Царю Армянскому Леону и Католикосу Іоанну VII. Омъ просилъ, чтобы ему позволено было, подобно Грузинамъ, имѣть во время похода богослуженіе въ шатрѣ, и чтобы оно всегда совершалось съ приличнымъ благолѣпіемъ, при содѣйствіи діаконовъ, которые почти совсѣмъ были уничтожены въ Церкви Армянской. Захарія просилъ еще, что бы тамъ, гдѣ Армяне находились вмѣстѣ съ Греками и Грузинами, имъ позволено было въ то же время совершать праздники успенія и воздвиженія.

Царь и Католикосъ соборно опредѣлили: богослуженіе всегда совершать торжественно а не скрытно или тайно, по искаженному истолкованію слова таинство, и чтобы на литургіи не только вспоминать живыхъ, но и усоншихъ, ибо начало вкрадываться заблужденіе, о бесполезности молитвы за упокой. Разрѣшено также было воеводѣ праздновать успеніе и воздвиженіе вмѣстѣ съ Греками, имѣть при себѣ священнослуженіе въ шатрѣ,

подтверждено иконопочитаніе и строгое наблюденіе, чтобы не посвящался никто на высшія степени церковныя, мимо низшихъ, а монашествующіе безвыходно пребывали бы въ обителяхъ. Дѣянія сего собора по-казываютъ въ какомъ упадкѣ находился тогда порядокъ церковный въ Арменіи.

Воевода Захарія, не смотря на опредѣленія собора Цисскаго, не рѣшился однако принять ихъ безъ, утвержденія собственныхъ Епископовъ, ибо тогда съверная или великая Арменія находилась подъ владычествомъ Царей Грузинскихъ, и составляла какъ бы особенную область церковную. Въ Лори созданы были верховные Епископы древнихъ столицъ Ани и Двина, Карса и Албаніи, съ предстоятелями славныхъ обителей Ахпата и Самагина. Это было въ 1205 году; большая часть отцовъ Армянскихъ изъявили согласіе на опредѣленія своего Католикоса, но суровый родственникъ воеводы, Григорій Татевскій настоятель Ахпата и Самагина, съ нѣкоторыми другими, отвергли соборъ и разошлись по своимъ мѣстамъ, стараясь по-

всюду возбуждать себя приверженцевъ. Захарія, несмотря на ихъ сопротивленіе, исполнилъ рѣшеніе соборное, и велѣлъ, въ своемъ присутствіи, совершить первую торжественную литургію. Онъ хотѣлъ водворить новыя правила и въ обителяхъ Ахпата и Самагина; но Григорій вооружился противъ него не только словомъ но и мечемъ, и отразилъ отъ своихъ монастырей посланныхъ воеводою; потомъ же, въ свою очередь, принужденъ былъ бѣжать и удался въ Карабахъ, въ славную обитель Татевскую, давшую ему свое имя. Оттолкъ не преставаель онъ возставать противъ всякаго сближенія Католиковъ съ Православіемъ, проклиная соборъ Халкидонскій; его творенія и пѣсни церковныя доселѣ ходять между Армянами, возбуждая въ нихъ не доброжелательство къ Православію, хотя впрочемъ это не есть мнѣніе всей ихъ Церкви, представляемой Католикомъ и соборомъ, но выражаетъ только заносчивость одного лица, которое вышло изъ повиновенія Церкви, по смутнымъ обстоятельствамъ времени.

Сношенія Императора Греческаго Ма...

нула, о мирѣ церковномъ, съ благонамѣренными Католиками, Нерсесомъ и Григоріемъ, достойны особеннаго вниманія. Они изда ны были въ свѣтъ, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, въ книгѣ о древнихъ писателяхъ (*Veterorum scriptorum*), и теперь дополнены новыми актами, которые изда ны въ Римѣ Кардиналъ Анжело Маіо; въ нынѣшнемъ году явился, въ Русскомъ переводѣ, съ Армянскаго подлинника, нѣкоторые изъ сихъ любопытныхъ актовъ, вмѣстѣ съ окружающимъ посланіемъ Нерсеса благодатнаго; но весьма жаль, что при этомъ опущены самыя переговоры философа Греческаго Феоріана съ Католикомъ, объявляющіе весь ходъ дѣла.

Зять Императора Алексій, обозрѣвая области Армянскія вступилъ въ прѣжіе, съ братомъ Католика Григоріа, Нерсесомъ, и просилъ его отвѣчать письменно на нѣкоторые вопросы, касавшіеся догматовъ: о двухъ природахъ во Христѣ, Трехълѣтней пѣсни, о празднованіи Рождества вмѣстѣ съ Богоявленіемъ, опрыскалахъ и вины, не растворенномъ водою при евхаристіи, и о

востахъ Церкви Армянской, разнствующихъ съ православными. Нерсесъ, благоразуми-емъ своихъ отъговъ, возбудилъ въ Императоръ желаніе вступить въ ближайшее сношеніе съ Церковью Армянскою, чтобы возобновить согласіе. Онъ писалъ о томъ Католикосу Григерію, въ 1160 году, но уже письмо его застало на каведрѣ Нерсеса благодатнаго, и онъ вторично написалъ о тѣхъ же предметахъ въ Манунгу, въ выраженіяхъ еще болѣе согласныхъ съ Православи-емъ. Говоря о догматѣ воплощенія, такъ отзывался Католикосъ: «единое существо и единое лице, въ двухъ естествахъ, въ единомъ Иисусъ Христѣ, соединены неслитно и неизреченно.» Справедливѣе не могла бы выразиться и самая Церковь Православная, хотя въ другихъ мѣстахъ случалось Нерсе-су, употреблять и свойственныя Армянамъ нареченія; о единой природѣ, по сбивчиве-му ихъ понятію о ипостаси и естествахъ. Сіе вторичное наложеніе вѣры, еще болѣе возбудило ревность благочестиваго Импе-ратора и онъ послалъ, для личныхъ съ нимъ свиданій о вѣрѣ, ученаго ижека

Феоріана, прозваннаго философомъ, которому далъ въ спутники, вѣроятно для языка, Армянскаго монаха Іоанна Утмана, изъ монастыря Македонскаго.

Обращая вниманіе только на главные предметы, служившіе виною раздора, Феоріанъ избралъ, въ основаніе своихъ бесѣдъ, самое посланіе Нерсеса, и началъ съ догмата о двухъ природахъ, отвергаемаго Армянами. Будучи глубоко проникнутъ чтеніемъ Св. Отцевъ, Феоріанъ приводилъ во свидѣтельство Католикосу изреченія самыхъ великихъ учителей Церкви, и зная, что главною опорою противникамъ служатъ слова Св. Кирилла Александрійскаго: «единая природа Слова воплощеннаго», старался убѣдить, что это ни сколько не выражаетъ понятія Армянскаго, о единой природѣ во Христѣ, а напротивъ сходно съ изреченіемъ евангельскимъ: «Слово плоть бысть»: то есть что Божественная природа приняла человѣческую и воплотилась; по сему не сказано: «Христосъ, но Слово плоть бысть,» и въ сихъ краткихъ словахъ ясно выражено лице Богочеловѣка. Фео-

ріанъ старался доказать Католицизму, что нѣтъ никакого отношенія между православнымъ догматомъ Халкидонскимъ, о двухъ природахъ во Христѣ, и еретическимъ ученіемъ Несторія, раздѣлявшаго на двое единое лице Господа; но Нерсесъ крѣпко держался словъ Кирилла: «единая природа Слова воплотившаяся.» Онъ говорилъ, что такъ какъ во времена сего святаго, не было никакой ереси противоположной сему ученію, то и не было ему ни какой причины употребить такое выраженіе, если бы внутренно не былъ убѣжденъ въ его истинѣ. Тогда Феоріанъ доказалъ ему, изъ тѣхъ же книгъ отеческихъ, что въ этомъ случаѣ Св. Кириллъ основывался на словахъ Св. Афанасія великаго, который употребилъ ихъ противъ ереси Арія, такъ какъ сей отличалъ Слово Божіе, внутреннее, несозданное, принадлежащее существу Божію, отъ Слова созданнаго, канимъ почиталъ онъ Иисуса Христа. По сему Св. Афанасій, отвергая такое различіе говорилъ опредѣлительно, что онъ признаетъ: «единую природу Слова воплотившуюся.» Это

такъ сильно подѣйствовало на Матолликоса Нерсеса, что онъ сказалъ: «теперь я успокоился касательно сихъ словъ, потому что увидалъ первоначальную ихъ причину, которая доселѣ мнѣ была сокрыта». Когда же пришелъ къ нему Сирскій Епископъ и упрямалъ въ согласіи съ Греками, Нерсесъ прямо отвѣчалъ, что не покорился бы воля Патріарха или Императора, если бы самъ не убѣдился въ истинѣ, и потому не можетъ противиться ученію Отцевъ. О если бы теперь, смирненное сознаніе Нерсеса благодатнаго, нашло себѣ подражаніе въ его единовѣрцахъ, ради мира церковнаго!

Чтобы совершенно уничтожить всякое недоразумѣніе, Θεоріанъ предлагалъ слѣдить догматы Халкидонскаго собора съ ученіемъ Отцевъ, особенно Св. Кирилла, болѣе уважаемаго Армянами, и нельзя было найти въ его выраженіяхъ, ни одной черты не слодной съ исповѣданіемъ Халкидонскимъ. Нерсесъ благодатный опять сказалъ Θεоріану: «я ничего не нахожу въ семъ опредѣленіи противнаго православнои

вѣрь, и удивляюсь, почему наши предшественники такъ безответно оное нормали. Думаю однако, что такъ какъ сей святой соборъ вооружился противъ многихъ ересей, то врагъ спасенія будучи пораженъ амъ въ самое сердце, воздвигъ противъ него столь многихъ враговъ». Были искреннія и благочестивыя слова сн, которыя можетъ быть не находится въ рукописяхъ Армянскихъ, но взяты однако изъ современныхъ актовъ Феоріана, покажутся для иныхъ сомнительными, то пусть они прочтутъ, опять у себя, изложеніе вѣры Нерсеса, который прямо исповѣдывалъ во Христв: «два впроды въ одномъ существѣ или ипостаси, то есть лица Господнемъ»; а если такъ вѣрвалъ Нерсесъ, то остается только сожалѣть о долгомъ и напрасномъ разрывѣ.

Когда такимъ образомъ разрешено было главное недоумѣніе, не много труда стоило Феоріану, разрешить вопросъ, и о двухъ воляхъ, необходимо истемающихъ отъ двухъ впродъ, Божественной и человеческой; отвѣтъ долгать не встрѣтилъ сопротивленія,

накъ потому что нѣкоторые Армянскіе Епископы присутствовали на шестомъ Вселенскомъ соборѣ его утвердившемъ, такъ и отъ того что предубѣжденіе падало только на одинъ Халкидонскій. Не такъ легко было согласить Католикоса, исключить изъ Трисвятой пѣсни, неправильное прибавленіе: «распныйся за ны». Нерсесь оправдывалъ еей обычай, тѣмъ что Армянская Церковь относитъ пѣснь сію, не ко всей Троицѣ, а только къ лицу Сына, и потому прибавленіе не заключаетъ въ себѣ никакой ереси; Феоріанъ представлялъ ему напротивъ примѣры отеческіе и обычай всей Церкви Вселенской. Однако Нерсесь, не сказавъ ничего рѣшительнаго, предложилъ перейти къ другому предмету; въ послѣдствіи же писалъ къ Католикосу Іаковитовъ, налагая ему требованія Императора: «перемѣнить нѣкоторые обряды и признать двѣ природы для насъ удобно, но отказаться отъ прибавленія къ Трисвятой пѣсни мы не можемъ». Видя, съ какою искренностію я привожу слова Нерсеса, равно благопріятныя и неблагопріятныя Церкви Православной, Армяне

не могутъ упрекнутьъ меня въ пристрастїи. Причина же, по которой Нерсесъ затруднялся отложить сіе прибавленіе, весьма понятна: догматъ о двухъ природахъ былъ недоступенъ большей части народа; напротивъ того Трисвятая пѣснь, которую такъ торжественно воспѣваютъ Армяне на литургіи, была въ устахъ у каждаго; и потому обычай сей слишкомъ глубоко устоялъ свои корни. Однако Нерсесъ, въ первомъ посланіи къ Императору писалъ: «что если бы существовало согласіе между обѣими сторонами, то и это бы можно было устроить съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, то есть, чтобы въ первый разъ пѣніе Трисвятаго относилось къ Богу Отцу, во второй къ Сыну, а въ третій къ Духу Святому».

Праздники Рождества и Богоявленія, совершаемые у Армянъ въ одинъ день, по древнему преданію, были также предметомъ разсужденія. Католики ссылались на давность обычая и старались доказать, изъ словъ Евангелиста Луки, разчисленіе дней. Феоріанъ указывалъ на разность мѣсяцевъ

лунныхъ и солнечныхъ, наближающихся самыя дни, и основывался на рѣчи Златоуста, который выводилъ расчетъ дней, отъ переписи народной бывшей во время Августа, и говорить что въ Римѣ, откуда происходилъ сей обычай, можно справиться по актамъ, о днѣ рожденія Господа. Нерсесъ намѣтуетъ, что и въ празднованіи Пасхи, жители Азій, не смотря на давность своего обычая, принуждены были уступить общему порядку Церкви Вселенской, охотно соглашались уступить въ этомъ предметѣ, лишь бы только согласились въ другихъ важнѣйшихъ.

Обращено было вниманіе и на то, изъ чего составлялось въ Арменіи святое муро, ибо тамъ, по недостатку въ маслѣ, употреблялся елей изъ сочевицы. Странно почему не было разсуждаемо о томъ, что Армяне не растворяли вина водою при Евхаристіи и служили на ошрѣснокахъ, хотя Нерсесъ касался довольно пространно сихъ предметовъ въ своемъ посланіи. Однако и тамъ выражался онъ весьма миролюбиво: «Господь требуетъ отъ

насъ правую вѣру и непорочныя дѣла, а не то чтобы мы, на квасномъ или безквасномъ хлѣбѣ, совершали таинство; то же скажемъ и о вишѣ: съ водою ли совершаютъ или безъ воды, ни тѣмъ, ни другимъ не умножается похвала, но напротивъ прославляются тѣ, которые приносятъ дары Богу съ чистымъ сердцемъ». Когда происходилъ сѣи бесѣды, случай подалъ поводъ къ новому вопросу: Армянскіе священники начали совершать обѣдню, по своему обычаю внѣ церкви. Католикосъ старался объяснить Феоріану, что по ихъ преданію одна только литургія можетъ совершаться внутри церкви, а народъ всегда долженъ находиться внѣ оной, ради благоговѣнія къ святому мѣсту и сознанія своей грѣховности; но Феоріанъ доказалъ ему, изъ словъ отеческихъ, что стояніе внѣ церкви почиталось степенью наказанія; Католикосъ отвѣчалъ, что и это отступленіе легко исправить.

По окончаніи бесѣды Нерсесъ сказалъ трогательную рѣчь Феоріану, въ которой нельзя усомниться, но той отчетливости

съ какою записалъ онъ каждое слово, и потому что рѣчь Католикоса совершенно соответствовала благодатному духу его посланія къ Императору: «Христіанская душа ваша, писалъ онъ Мануилу, желала чтобы совершилось соединеніе Церкви и, въ единомудшіи чадъ ея, прославлялась. Святая Троица, вмѣсто существовавшей до нынѣ взаимной хулы святой вѣры и преданій. Мы же, съ своей стороны, столько готовы участвовать въ этомъ дѣлѣ, что не только обращаясь въ живыхъ, но даже изъ гроба, если бы это было возможно, явились подобно Лазарю, по призванію вашему, на богоугодное дѣло. (Слова сіи находятся въ подлинникѣ Армянскомъ). Опасаюсь однако, что въ настоящее время, усердной моей готовности представится значительное затрудненіе, и я долженъ бояться, чтобы островъ нашъ, окруженный солеными водами невѣрія, не былъ поглощенъ различными волнами крамолъ, какія могутъ подняться; но мы вѣримъ милости Божіей, ибо въ васъ возбуждена ревность предковъ вашихъ, великихъ Константина и Феодосія, которые

не столько заботились о временномъ своемъ царствѣ, сколько о твердости вѣры. Богъ шестн сотъ лѣтъ, какъ раздѣлялись члены Христовы; теперь нужно употребить много духовныхъ врачеваній любви, чтобы смягчить ожесточеніе, и это послѣдуетъ, если вы внушите вашему духовенству и народу, отложить о васъ враждебный образъ мыслей, всякія упоризны и хулы; но прежде всего издайте повелѣніе, чтобы во всехъ перекрахъ имперіи вашей, принесено было молебствіе Господу Богу, о благомъ окончаніи благаго дѣла, какъ и мы предписали сіе возмъ церквамъ нашимъ, да изречетъ Господь, послѣ столь долговременной распри, милостивое довольно.»

Такъ писалъ Католикосъ Государю, и столь же умирительно говорилъ Феоріану: «Я бы самъ желалъ быть анаемомъ ради моей братіи, по словамъ Апостола Павла, ибо добрый пастырь долженъ положить душу свою за овцы своя, чтобы когда либо сказать дерзновенно на судъ: се азъ и дѣти яже ми даде Богъ. Я уже писалъ къ Епископамъ моимъ, чтобы собрались на

совѣщаніе и предложу имъ всѣ тѣ свидѣтельства, на которыхъ думаютъ утвердиться, и тѣ канціи ты мнѣ представишь. Самъ я съ начала буду дѣйствовать въ пользу моихъ, потомъ мало по малу уступать истинѣ и отерывать заблужденія, и надѣюсь что овцы мои гласа моего послушаютъ. Если же и не всѣ соберутся, то я, вмѣстѣ съ единомышленными, отправлю въ царствующій градъ вѣрительныхъ для соединенія съ Церковью Православною.» Потомъ, удаливъ всѣхъ, со слезами заклиналъ онъ Θεоріана: убавить Императора, дабы повелѣлъ Патріарху, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, возгласить съ амвона соборной церкви, умиротворительныя молитвы, о спасеніи Армянъ, не только живыхъ но и усопшихъ, дабы пало средоствнне вражды и уничтожилось столько проклятій, скопившихся въ теченіе многихъ вѣковъ.» При прощаніи Католикосъ вручилъ два письма къ Императору, одно тайное, въ которомъ прямо высказывалъ свое искреннее желаніе соединиться съ Церковью Православною, и

то, что онъ принимаетъ Халкидонскій соборъ, наравнѣ съ тремя первыми; но въ открытомъ письмѣ, Нерсесъ старался только смягчить черты различія въ вѣрѣ и обрядахъ, между Греками и Армянами, и даже защищалъ нѣкоторыя свои мнѣнія и обычаи. Онъ писалъ, что доселѣ ихъ болѣе раздвляло недоумѣніе, нежели действительная разность: ибо Армяне, заключа по словамъ нѣкоторыхъ обитателей Чернаго моря, называвшихъ себя Греками, почитали всѣхъ Грековъ единомышленниками Несторія, а Греки, судя по словамъ не добрыхъ выходцевъ изъ Арменіи, клеветавшихъ на свое отечество, принимали ихъ всѣхъ за единомышленниковъ Евтихія. Въ изложеніи же догмата, о двухъ природахъ, избѣгалъ определенности выраженій, вѣроятно чтобы согласоваться съ тѣмъ, какъ онъ хотѣлъ потомъ действовать на соборѣ, изъ опасенія крамолъ; исповѣдывалъ однако и двѣ природы, основываясь на свидѣтельствѣ святыхъ Отцевъ, но иногда старался удержать исповѣданіе единой, будто бы по словамъ Св. Кирил-

ла, дабы съ самаго начала не устрашить своихъ. Онъ поступалъ такъ не съ дурною цѣлю, хотя однако послѣдствія не оправдали сего образа дѣйствія, ибо въ предметахъ вѣры, должно столь же прямо говорить какъ и дѣйствовать.

Когда Феоріанъ возвратился въ Царьградъ, тамъ сперва не хотѣли вѣрить, чтобы Католикось былъ дѣйствительно такъ склоненъ къ Православію, и полагали, что онъ только на словахъ соглашался слѣдовать святымъ Отцамъ. Императоръ, желая оправдать его въ глазахъ духовенства, рѣшился открыть всей Церкви искреннее желаніе Нерсеса и, обнаруживъ его тайное письмо собору, немедленно отвѣчалъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ, на оба его посланія. Въ отвѣтъ на тайное, выхваляли они его ревность къ Православію; въ открытомъ же письмѣ, просили уклоняться, при изложеніи догматовъ вѣры, отъ неопредѣленныхъ выраженій. Патріархъ собственно писалъ, что хотя его изложеніе вѣры исполнено мудрости и не чуждо Православія, однако нѣкоторыя выраженія приводятъ

въ соблазнъ читающихъ; а такъ какъ у Православныхъ яснѣе определено ученіе, о двухъ природахъ во Христвъ, то желательно, чтобы и Католикосомъ оставлены были обоюдныя изрѣченія и замѣнены подлинными Халкидонскаго собора. Всѣ сіи обстоятельства не находятся въ книгѣ недавно изданной на Русскомъ языкѣ; умолчено тамъ и о вторичномъ посольствѣ Теофіана, съ условіями мира.

Отъ Армянъ требовалось: произнесенія проклятій противъ Евтихіа, Севера и Элугра, рѣшительное признаніе двухъ природъ въ единомъ лицѣ Господа Іисуса, принятіе Халкидонскаго собора наравнѣ съ прочими Вселенскими, отложеніе въ Трисвятой пѣсни неправильнаго прибавленія «распныйся за ны», совершеніе Евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ и смѣшеніе воды съ виномъ, употребленіе масличнаго мѣра, отправленіе не только литургія, но и прочихъ церковныхъ службъ, внутри храма и въ присутствіи народа; къ этому присоединено было еще одно условіе, относившееся до самаго Католикоса, но

оставленное на его произволъ: что если преемники его хотять пользоваться покровительствомъ имперіи, пусть предоставятъ свое избраніе Императору.

Феоріанъ прибылъ вторично въ Арменію въ 1172 году, и хотя еще не были созваны Епископы, однако Нерсесъ рѣшился открыть совѣщаніе съ тѣми, которые были около него; дѣйствуя по плану прежде условленному, онъ сталъ защищать ученіе, о единой природѣ въ лицѣ Господнемъ; Феоріанъ, съ своей стороны, опровергалъ ученіе Армянъ, и обѣ стороны упорно защищали свое мнѣніе. Но какъ ни осторожно дѣйствовалъ Нерсесъ, не скрылась отъ Армянъ тайная его мысль, ибо еще прежде совѣщанія разнесся слухъ, что Католикосъ соглашается перейти въ Церковь Греческую, и уже писалъ о томъ Императору. При этомъ спутникъ Феоріана, Армянскій инокъ Іоаннъ, сдѣлалъ важную ошибку, ибо въ полномъ собраніи Епископовъ, напомнилъ Нерсесу о его письмѣ, говоря: что они пришли къ

нему, не для споровъ, а для окончательнаго рѣшенія дѣла.

Тогда недовольные Епископы явно возстали противъ своего Католикоса и онъ приведенъ былъ въ самое непріятное положеніе; преніе о двухъ природахъ отложено до полнаго собора; начали говорить о предметахъ меньшей важности, какъ то о разности въ праздникахъ, о матеріи мѣра, и о томъ, что у Армянъ не растворяется вино съ водою при Евхаристіи. Нерсесъ защищалъ сей обычай, неправильно опираясь на слова Златоуста противъ еретиковъ, называемыхъ Идропарастатами, которые употребляли одну только воду для таинства. Феоріанъ изъяснилъ ему сію ошибку и привелъ во свидѣтельство древнѣйшую литургію Іакова брата Божія, въ которой уже упомянуто, о соединеніи вина съ водою.

Пренія ни чѣмъ не окончились, но не смотря на то Нерсесъ не оставилъ намѣренія, созвать всѣхъ своихъ Епископовъ, и извѣстилъ о томъ писменно Императора и Патріарха, прося ихъ быть снисхо-

дательными къ различію обрядовъ, не составлявшихъ сущности вѣры. Особенно убѣждалъ онъ Патріарха Михаила, чтобы вознесены были въ церквахъ молитвы, о мирѣ церковномъ, и созванъ для совѣщаній соборъ въ Царьградъ, въ тоже время какъ онъ самъ созоветъ свой въ Арменіи.

Не суждено было однако Нерсесу благодатному, видѣть соединеніе Армянъ съ Церковью Православною, для котораго столько трудился; онъ скончался въ слѣдующемъ 1173 году. Не смотря на то Императоръ не оставилъ начатаго дѣла, и продолжалъ сношенія съ племянникомъ Нерсеса, Григоріемъ IV, заступившимъ его мѣсто. Изъявляя сожалѣніе о потерѣ, какую претерпѣли Армяне и особенно Григорій, онъ убѣждалъ не прекращать сношеній для достиженія желаннаго мира.

Собрались наконецъ Епископы и ученые мужи Армянскіе, въ городъ Рум-кла, въ 1179 году. Епископовъ было тридцать три и сверхъ того присутствовали многія лица, какъ духовныя такъ и свѣтскія; Католикось Сирскій прислалъ отъ себя пове-

ренныхъ; Католикосъ Албанскій находил-ся тутъ лично. Собору Армянскому предложены были условія, не задолго предъ-тъмъ постановленные на соборъ Констан-тинопольскомъ и, по вліанію Нерсеса Ар-хіепископа Ламбронскаго, они были приня-ты. Такъ рассказываютъ намъ вкратцѣ это событіе Греческіе акты, и они кажутся со-гласными съ ходомъ всего дѣла и прежнею перепискою Католикосовъ. Но не совсѣмъ такъ представляютъ оное акты Армян-скіе, писанные неизвѣстно кѣмъ, а по мнѣ-нію нѣкоторыхъ самимъ Нерсесомъ Лам-бронскимъ; такъ напримѣръ, при самомъ началѣ Императоръ, сокрушаясь о кончи-нѣ Католикоса Нерсеса, будто бы велѣлъ воспоминать имя его по праздникамъ, въ числѣ первыхъ Святыхъ. Церковь Право-славная никогда не сопричисляла такъ лег-ко къ лику Своихъ Святыхъ; если бы Нерсесъ поступилъ въ число ихъ, то че-ствовался бы и понынѣ, но о немъ нигдѣ не упоминается въ святцахъ Греческихъ.

Въ тѣхъ же актахъ Императоръ пи-шетъ утѣшительное посланіе Католикосу

чрезъ Θεоріана, а получаетъ отвѣтъ чрезъ нѣкоего священника Константина, родомъ изъ Грековъ, котораго проситъ Григорій, чтобы посвятили въ Архіепископы Іеранольскіе, въ предѣлахъ Арменіи.

Католикосъ писалъ, что требованія Императора и собора отвращаютъ нѣкоторыхъ отъ мира, по причинѣ закоснѣлыхъ въ нихъ привычекъ, и кромѣ того, есть многіе, съ коими нельзя разсуждать какъ съ духовными, ибо ихъ еще должно питать млекою подобно младенцамъ; ради нихъ просилъ онъ смягчить нѣкоторыя изъ предложенныхъ условій, Это весьма правдоподобно но далѣе, въ самомъ разсказѣ событій, сказано нѣчто странное, будто всѣ условія были уступлены Армянамъ: «Католикосъ былъ весьма обрадованъ отвѣтнымъ письмомъ Императора и собора (которое однако не помѣщено), потому что вмѣсто девяти статей, о коихъ настояла рѣчь при Католикосѣ Нерсесѣ, и которыя казались намъ обременительными, ограничились только требованіемъ отъ насъ существеннаго единогласія на счетъ вѣры: по изъ-

слѣдованіи же дѣла находили вѣру нашу православною и согласною съ преданіями Св. Отцевъ.»

Естьли бы таково было мнѣніе Церкви Православной, то не о чемъ было бы и прежде спорить, и созывать соборы или предлагать условія. Феоріанъ же, какъ видно изъ предыдущаго, уступая въ предметахъ меньшей важности, настоятельно требовалъ однако исповѣданія двухъ природъ во Христѣ и торжественнаго признанія собора Халкидонскаго, ибо, послѣ шести сотъ лѣтняго разногласія, надобно же было быть логическимъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не глухо сказать: «примираюсь», а объяснить, почему ссорились и на чемъ мирились.

Вмѣсто того, изъ актовъ Армянскихъ явствуетъ, что на соборѣ въ Рум-кла, по изслѣдованіи предметовъ, заключавшихся въ письмахъ Императора и Патріарха, все въ нихъ найдено Православнымъ, касательно догмата о воплощеніи Господа, и все множество Епископовъ, съ готовностію подписались, въ принятіи всего въ нихъ

изложеннаго, обѣщая сохранить неизмѣнно, чѣмъ положенъ конецъ злой распри; а за тѣмъ написанъ отвѣтъ, отъ лица всего собора, изъясляющій согласіе безъ всякаго прекословія и объясняющій исповѣданіе Армянское.

Что же тутъ излагается? — Въ письмѣ къ Императору, прежде всего ссылаются на посланіе Католикоса Нерсеса и изчисляются три первыхъ Вселенскихъ собора, съ клятвою на Арія, Македонія, Несторія и даже Евтихія, противъ котораго былъ собранъ четвертый Халкидонскій; но ни слова не сказано объ этомъ соборѣ, хотя его признаніе было основнымъ камнемъ мира; потомъ пространно излагается ученіе святыхъ Отцевъ о Божествѣ и чловѣчествѣ Господа, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя прямо не относятся къ существу предмета; въ такомъ же духѣ приводятся тексты изъ Св. писанія: «соображая всѣ сіи доводы, пишетъ соборъ Армянскій, усматриваемъ, что Св. Отцы говорили не о единомъ еществѣ, но о двухъ соединенныхъ, которыя дѣйствіемъ и волею

совершали дѣянія, иногда Божескія, иногда человѣческія, въ единомъ лицѣ, и потому да вѣдаете, что мы не уклоняемся отъ богословскаго ученія Св. Отцевъ.» Это православно, но замѣтно уклоненіе, если не отъ самаго догмата, то отъ опредѣленности припятахъ Церковію выраженій, хотя тутъ же сказано: «вѣруемъ сердцемъ въ правду и устами исповѣдуемъ истину, во услышаніе всей Церкви Православной, о таковомъ исповѣданіи всей нашей Церкви.»

Въ письмѣ къ Патріарху Теодору, преемнику Михаила Анхіальскаго, тѣ же неопредѣленныя выраженія о главномъ догматѣ; болѣе говорится о мирѣ и любви, и воздается хвала Императору и усопшему Святителю, за ихъ ревность къ Церкви. «Примите отъ насъ отвѣтъ сей, пишутъ Епископы Армянскіе, какъ вы отцы собора, такъ и ты, избраніемъ Божиимъ, избранный на первый престолъ вселенной. Изъ православнаго посланія вашего, мы ясно уразумѣли, что всеблагому Богу благоугодно было, чрезъ посредство.

ваше въ настоящее время, устарѣлую вражду между Церквами обратить въ миръ и, всемъ вообще соборомъ нашимъ, воздали мы честь истиннымъ богословскимъ разсужденіямъ вашимъ, яко согласнымъ съ преданіемъ древнихъ Св. Отцевъ. Сѣмъ испѣлились мысли наши отъ клеветъ и, съ распростертыми объятіями любви, приняли мы писаніе ваше. Знаемъ, что мудрости вашей не нужно пространное объясненіе, для удостовѣренія, но мы желаемъ тѣмъ дать мудрости мудрыхъ поводъ судить о согласіи нашемъ, на православное исповѣданіе.» Но въ этомъ исповѣданіи замѣтно также многословіе, желающее уклониться отъ требуемыхъ выраженій догмата. Умалчивая собственно, о прибавленіи къ Трисвятой пѣсни, соборъ исповѣдуетъ однако, что ею прославляется вся Пресвятая Троица (а не одно лице Сына Божія). Не упоминая о соборѣ Халкидонскомъ, Епископы говорятъ, что исповѣдуютъ, согласно съ Православною Церковію, во Христѣ, неизреченное соединеніе двухъ естествъ и двѣ воли, но о празд-

никахъ и обрядахъ нѣтъ ни слова; на-
последокъ они такъ заключаютъ свое по-
сланіе: «Если же кто вздумаетъ несообраз-
ное говорить вамъ о тайнствѣ вѣры на-
шей, такового отженайте, яко отступаю-
щаго отъ истины: ибо мы имѣемъ похва-
лу во свидѣльствѣ совѣсти нашей, и вы
устарѣлую ненависть обратите на главу
человѣконенавистника врага, а къ собра-
тіямъ утвердите миръ и любовь; самъ же
Богъ мира и любви да пребудетъ съ ва-
ми, аминь.»

Замѣчательны подписи соборныя, по
множеству Епископовъ, коихъ считается
до тридцати трехъ и по важности за-
нимаемыхъ ими епархій; ибо тутъ, кромѣ
двухъ Католиковъ Григорія и Стефана
Албанскаго, собраны имена Архіеписко-
повъ всѣхъ древнихъ столицъ Армянскихъ:
Ани, Двина, Эдессы, Карса, Киликіи, и
городовъ Антиохіи, Иерусалима, Кесаріи.
Слѣдственно тутъ участвовала вся Церковь
Армянская и этотъ полный и единодушный
соборъ весьма утѣшительно выражалъ, хотя
не совершенно точными словами, но во край-

ней мѣръ благорасположеннымъ духомъ, стремленіе свое къ Православію; неопредѣленность же выраженій объясняется словами самаго Католикоса Григорія: «что, по причинѣ закоренѣлыхъ привычекъ, многіе отвращаются отъ возстановленія мира, и съ ними надобно обращаться какъ съ дѣтьми.» Должно отдать полную справедливость переводчику актовъ Армянскихъ, что книга его много объяснила недоумѣній и содѣйствуетъ къ взаимному сближенію. Желательно, чтобы она болѣе и болѣе дѣлалась извѣстною, равно Православнымъ и Армянамъ, ибо она можетъ принести благіе плоды.

Рѣчь просвѣщеннаго Архіепископа города Тарса, Нерсеса Ламбронскаго, которая возбудила всѣхъ къ миру церковному, на соборѣ въ Рум-кла, разительнo выражаетъ пагубныя послѣдствія разрыва и драгоцѣнна духомъ любви ее проникающимъ: «Если разсмотреть дѣло безпристрастно, говоритъ Нерсесъ, то намъ нѣтъ причины спорить; Христосъ есть Богъ и человекъ, тоже значитъ что и сказать: Христосъ имѣ-

еть два естества. Но почему же доселъ такъ не объясняли сихъ выраженій? почему говорили намъ даже противное? Богу принадлежитъ судить о томъ. Однако многіе изъ нашихъ такъ исповѣдывали, по примѣру древнихъ святыхъ. Для чего мы опустили здѣсь безъ вниманія слова философа и Католикоса Іоанна, который ясно сіе подтверждаетъ свидѣтельствомъ Отцевъ? Для чего забыли о согласіи съ симъ ученіемъ Католикоса Эадры и его собора? о согласіи съ великою Греческою Церковію Католикоса Вагана и князей и учителей, приставшихъ къ его мнѣнію? Изъ числа сихъ послѣднихъ былъ одинъ, божественный и между многими превосходный, Ангелъ въ образъ человека, Григорій Нарекенскій. Для чего забыли о сношеніяхъ, по случаю нынѣшняго собора, Св. отца нашего Персеса, котораго вы видѣли собственными очами, вы вѣрные ученики его, созидающіе на основаніи, имъ положенномъ? Всѣ сіи мужи имѣли и проводили въ исполненіе настоящее намѣреніе, которое вы должны довести до цѣли, и этимъ возвеселить

Церковь Божию. Были на сторонѣ нашей многіе другіе отцы и начальники нашего народа, достаточно известные ученымъ мужамъ, которые знакомы съ ихъ писаніями.»

«Но были въ тоже время и такіе, которые съ нами спорили? и я знаю сихъ людей, понимаю силу ихъ словъ. Но хотя и могъ бы признавать ихъ мудрыми и святыми, однако же не могу согласиться, чтобы они нослѣдовали закону любви. Съ своими мечтательными помятіями, они не считали преступленіемъ, нарушить единство Церкви Христовой и погрѣшили упорствомъ. Богъ да проститъ имъ, по молитвамъ вашимъ, сіи тяжкіе грѣхи и заблужденія, и да не помянетъ имъ, какъ они усиляли сіе зло.»

«Напоенная Павломъ Греція процвѣла; она именуется матерью мудроств. Священное Писаніе, которое мы имѣемъ, отъ нихъ и Отцами ихъ передано намъ. Иисусъ Христосъ, по свидѣтельству Апостола, поставилъ престолъ ихъ царства, столпомъ и утвержденіемъ Христіанской вѣры. Но хотя бы и ихъ временное владычество пало, цар-

ство Христово пребудеть непоколебимо. Они строго и неизмѣнно сохраняють достоинство духовныхъ постановленій, или, если допускають какія либо измѣненія, то приличныя во славу Божию. Напротивъ того мы, какъ извѣстно изъ исторіи, съ начала имѣли нѣсколько неразумныхъ правителей. Примемъ же, изъ предложенныхъ намъ условій тѣ, которыя можемъ принять; примемъ ихъ съ любовію, какъ завѣты нашихъ предшественниковъ, а не какъ принесенныя намъ отъ чужихъ; примемъ охотно съ кротостію, ко славы Божіей.»

Наконецъ, въ числѣ прочихъ побужденій къ соединенію, выставляетъ Нерсесъ и бѣдственное положеніе своего отечества: «Вспомните, что наша колеблющаяся Церковь держится на слабой розгѣ, и что мы, въ нашемъ бѣдственномъ положеніи, должны призвать на помощь себѣ столицу міра. Вѣрьте, что въ нашихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ получимъ утѣшеніе отъ Императорской щедрости, и что наше странствование найдетъ покой въ благоохраняемой пристани.»

Однако, не смотря на рѣчь Нерсеса и на единодушный соборъ своихъ Пастырей, въ томъ же невѣдательномъ положеніи находится и до нынѣ Церковь Армянская, хотя чувствуетъ свое сближеніе съ нами; изъ устъ ея членовъ исторгается невольное сознаніе, что вѣра ихъ одинакова съ Православною, но недостаетъ у нихъ духа сказать рѣшительное «пріемлю». Господь же Іисусъ Христосъ, желающій всемъ человѣкамъ спастися и въ разумъ истины прійти, да устроитъ желанное примиреніе, во славу своего имени.

РАЗВАЛИНЫ АНИ.

Я возвращался изъ Эчміадзина въ Тифлисъ, по другой дорогѣ на Александрополь, потому что имѣлъ намѣреніе посвятить, на берегахъ Арпачая, великолѣпныя развалины Ани, бывшей столицы Багратидовъ. Мнѣ сопутствовалъ начальникъ крѣпости Эриванской, у котораго въ домѣ я нашелъ болѣе гостепріимный кровъ, нежели въ опустѣвшихъ палатахъ Сардаря, съ ихъ зеркальными залами. Путь нашъ лежалъ черезъ бывшую Персидскую крѣпость Сардаръ — Абадъ, которая менѣе Эриванской заслуживаетъ это громкое названіе. Вдали, съ лѣвой стороны, видны были холмъ Армавира, и гора Кульпы,

славящаяся соляными розсыпями, близ которой, по преданіямъ Армянскимъ, разбиты были Персами полчища отступника Юліана. Мы направились къ сѣверу и, проѣхавъ еще верстъ пятнадцать по равнинѣ, стали подыматься на первыя высоты горъ Талынскихъ. На вершинѣ утеса, показались развалины церкви и бойницы, слывшія черными въ народѣ. Когда же поднялись на гору, увидѣли самую крепость Талынскую, складенную изъ тесаныхъ камней, и достроенную кирпичимъ; въ ней долго обитали Персидскіе правители сей области.

Внутри первой ограды, еще видна цитадель и тройная башня изъ краснаго камня, съ глубокими погребами но уже обрушенными сводами; странною своею формою, она напоминала болѣе феодальный нежели восточный замокъ; надъ дверями грубо изваяна фигура человѣческая, обезглавленная временемъ, которую жители почитаютъ стражемъ сокровищъ, утаенныхъ въ башнѣ; подлѣ, есть развалины малой церкви Армянской. Смерклось, пока мы

обходили крѣпость Талынскую, а намъ еще оставалось болѣе десяти верстѣ до селенія Мастары, въ горахъ; съ темнотою настигъ насъ первый октябрскій снѣгъ, и на каждомъ шагу труднѣе становилась дорога; наконецъ мы совершенно ее потеряли и только, по лаю собакъ, могли угадать селеніе. Утромъ поразителенъ былъ крутой переходъ изъ осени въ зиму: вся высокая площадка между горъ Мастары, покрылась глубокимъ снѣгомъ, и свѣжимъ его румянцемъ горѣли на зарѣ окрестныя вершины. Нѣкоторые изъ всадниковъ нашего конвоя пустились на порошу, отыскивать свѣжіе слѣды зайцевъ и лисицъ. После двадцати верстѣ, конной дороги, спустились мы къ рѣкѣ Арпачаю, и намъ открылось, на противоположномъ берегу, обширное поле развалинъ; еще за пять верстѣ отъ Ани, исполинскія врата уже отверзали пустынный входъ къ ея чуднымъ останкамъ. Армянская Пальмира красовалась вдали, сонмомъ своихъ храмовъ и мечетей, минаретовъ и бойницъ, какъ будто люди еще ее не покинули на жертву времени.

Мы приближались къ ней по лѣвой сторонѣ рѣки, и увидѣли, подѣ береговыми скалами, знаменитый монастырь Кошаванкъ, богато обстроенный, гдѣ погребены внуки просвѣтителя Григорія, Католикосы Іосифъ и Данилъ, и многіе изъ Царей Багратидовъ. Съ казачьего поста, расположеннаго на горѣ противъ Ани, предстала во всей красѣ своей древняя столица.

Неужели дѣйствительно пусты Ани?—но этотъ величественный соборъ, который господствуетъ, по срединѣ города, надъ всеми зданіями, развѣ не готовъ выпустить, изъ подѣ своихъ сводовъ, толпы народа? Отъ чего же, по сторонамъ его, два минарета? Одинъ изъ нихъ, совершенно уединенный, еще бы можно принять за колокольную соборную, хотя въ восточномъ вкусѣ; но отъ чего къ другому пристроена мечеть, на обрывѣ утесовъ? неужели, въ царственной столицѣ Багратидовъ, поклонники Магомета такъ близки съ исповѣдниками Господа Іисуса? Кто объяснитъ такое противорѣчіе, по среди мертвой тишины сего какъ бы очарованнаго города, гдѣ не вид-

но не только людей, но даже и призрака человеческого? Но вотъ опять церкви, разсыянные вправо отъ собора, и одна изъ нихъ круглая, на подобіе башни, а за нею тянется цѣлая ограда исполинскихъ твердынь, изъ краснаго камня, какъ бы облитыхъ кровью, хотя уже нѣтъ ни осаждающихъ ни осажденныхъ! Что за пустынный холмъ возвышается влѣво отъ собора, съ полуаркадами и полусводами, которые или не довершили люди, или обрушило время? Это вышгородъ столицы, это бывшія палаты Багратидовъ! Теперь я вижу, что Ани пусты, и что рука времени ихъ также коснулась, хотя многое оцѣпѣло, въ страшномъ сжатіи сей роковой руки, и еще будто живо! Вышгородъ обличаетъ мертвенность Ани; съ палатъ царскихъ началась страшная жатва смерти, но еще есть довольно на этой каменной нивѣ. Напрасно стоятъ повсюду храмы: нѣтъ въ нихъ болѣе молитвы! Если есть еще пустынные церкви на окрестныхъ горахъ, или вѣн ограды, на пространствѣ поля, бывшаго некогда городомъ: то это лишь памятники

минувшей славы; нѣтъ болѣе Ани! Изъ всѣхъ ея оконъ зѣлетъ смерть; это одна постоянная гостя стольныхъ жилищъ; она встрѣчаетъ путника во всѣхъ вратахъ и храмахъ и чертогахъ? Если вы не хотите нарушить очарованія, возбужденнаго чуднымъ зрѣлищемъ опустѣвшей столицы, окиньте быстрымъ взоромъ всѣ ея каменные сокровища, и не вникайте въ грустные подробности развалинъ. Если же хотите вникнуть въ ихъ плачевную повѣсть, онѣ вамъ отзовутся минушею жизнью.

Ани, ничтожная крѣпость Тиридата, процвѣла только при династїи Багратидовъ, когда она утвердилась въ области Ширакской. Удивительна судьба сего знаменитаго рода, который въ одно время занялъ царственные престолы Арменїи и Грузїи, и можетъ состязаться древностью со всеми царскими родами Европы и Азїи; не даромъ въ гербъ Багратидовъ, вмѣстѣ съ хитовомъ Господнимъ, праща и всалтырь предка ихъ Царя Пророна! По древнѣйшимъ лѣтописямъ Арменїи и Грузїи, на которыя ссылаются и писатели Грече-

скіе, они ведутъ свое начало отъ плѣнниковъ Еврейскихъ, племени Давидова, посланныхъ Навуходоносоромъ въ Царю Армянскому. Еще до Р. Х. при династїи Пароянскої, уже они имѣли исключительное право, возлагать вѣнецъ на влѣстителей Арменїи. Послѣ паденїя Арсакидовъ, когда славный родъ Князей Мамигонскихъ уже не въ силахъ былъ оградить свою родину, отъ нашествїя Персовъ и Арабовъ, племя Багратидовъ наследовало его могуществу и сдѣлалось душою бѣдствующей Арменїи. Начиная съ седьмого вѣка, все болѣе возрастала слава Сумбатовъ и Ашотовъ, которыхъ имена передавались изъ рода въ родъ, вмѣстѣ съ почетными титулами Патриціевъ и Магистровъ, отъ Императоровъ Греческихъ. Халифы избирали ихъ своими намѣстниками, доколѣ мученическая кровь исповѣдника Сумбата, не окрасила пурпуромъ царскимъ его мантию для потомства. Знаменитый сынъ его Ашотъ почтенъ былъ титуломъ Шагинъ-Шаха, или Князя-Князей, и въ то же время Императоръ Греческій Василїй прислалъ

ему царскую корону; но еще тогда городъ Багарать, близъ Аракса, былъ столицею обновленнаго царства. Сынъ и преемникъ Ашота, Сумбатъ мученикъ, достойный внукъ исповѣдника, утвердился въ городъ Шурагели, тойже области Ширагской; но междуособіе князей Армянскихъ стоило ему вѣнца и жизни: онъ предалъ самъ себя въ руки жестокаго намѣстника Халифовъ и кровью своею запечатлѣлъ вѣру во Христа. Сыновья мученика, Ашотъ желѣзный и Аббасъ, поддержали колеблющееся царство, но слава Ани начинается только съ сыномъ Аббаса, Ашотомъ III или милостивымъ, который перенесъ туда столицу.

При немъ соорудились всѣ лучшіе ея памятники; супруга его Хосрови-духтъ, не уступая въ ревности Царю, соорудила два знаменитые монастыря, Санагинъ и Ахпачъ, пережившіе славу столицы; а сынъ Ашота, Гургенъ, началъ новую династію отдѣльныхъ властителей Лори, на берегахъ Бомбака. Сумбатъ III Шагинъ-Шахъ, продолжалъ начатое отцемъ украшеніе новой столицы, которая при немъ получила

громкое названіе Ани, о тысячи церквахъ, и слово сіе обратилось въ священную клятву для народа. Сумбать соорудилъ крѣпкую стѣну изъ краснаго камня, съ башнями необычайной толщины, которыя доселѣ поражаютъ взоры, и обвелъ виѣшній городъ стѣною, съ глубокимъ рвомъ; она простиралась до нынѣшнихъ пустынныхъ воротъ, что за пять верстъ отъ Ани. Сынъ его Гагикъ I построилъ великолѣпную соборную церковь посреди столицы, и убѣдилъ Католикосовъ переселиться въ Ани; ему приписываютъ и строеніе обители Св. Григорія, на подобіе Эчмиадзинской. Это было самое блестящее время для города и династїи Багратидовъ; тогда процвѣтало въ Ани и другое славное племя Пахлавунское, давшее Арменїи великаго воеводу Ваграма и Григорія Магистра. Саркисъ, первый изъ Католикосовъ основавшихся въ Ани, соорудилъ близъ своихъ палатъ богатую церковь, въ честь святой Рипсимы, и оставилъ по себѣ кафедру Петру, которому суждено было испытать много бѣдствій, въ теченіе долгаго своего

правления, ибо благоденствіе Ани кончилось съ Царемъ Гагикомъ. Малодушный сынъ его Іоаннъ сдѣлался игралищемъ князей ему подвластныхъ и сильныхъ сосѣдей. Царь Грузіи Георгіи II овладѣлъ его столицей и, подъ конецъ слабаго царствованія, Іоаннъ вынужденъ былъ дать письменное обѣщаніе Императору Греческому Роману, по которому отказывалъ ему по смерти все свое царство. Императоръ потребовалъ исполненія завѣщанія, но воевода Ваграмъ вооружился противъ Грековъ и воцарилъ племянника царскаго, юношу Гагика. Удачны были его первыя битвы противъ Грековъ и Турковъ, но внутреннія смятенія побудили его идти въ Царьградъ, на зовъ Императора Мономаха, и онъ уже болѣе не возвращался въ Ани. Это случилось въ 1045 году; войска Императора заняли столицу, и Мономахъ принудилъ Гагика отречься отъ престола предковъ. Тридцать пять лѣтъ влачилъ онъ еще бѣдственную жизнь въ предѣлахъ имперіи, и наконецъ былъ умерщвленъ по частной враждѣ. Родственникъ его Ру-

пень, или Рувимъ, бѣжалъ въ Киликію и тамъ основалъ новое царство, которое сблизилось съ крестоносцами и держалось до ихъ наденія. Туда перешла въ послѣдствіи и катедра Католикосовъ; она озарилась новымъ блескомъ, когда опять возсѣлъ на нее родъ великаго Просвѣтителя. А между тѣмъ оставленная столица Ани предана была горькой своей участи, отъ совершеннаго безначалія, посреди непрестанныхъ нападеній Персовъ и Турковъ, Грековъ и Грузинъ, состязавшихся другъ съ другомъ въ предѣлахъ бывшаго царства Армянскаго.

Нѣсколько разореній послѣдовали одно за другимъ, когда еще живъ былъ послѣдній Царь Галикъ, до котораго доходили горькія вѣсти о бѣдствіяхъ его столицы. Прежде всѣхъ вторглись въ нее Персы, вскорѣ послѣ покоренія Греческаго, и славный воевода Ваграмъ палъ жертвою любви къ отечеству, которое уже не могъ защитить. Не много лѣтъ спустя, сильный Султанъ Сельджукидовъ, Кизиль-Арсланъ, вошелъ въ 1064 году, въ предѣлы Арменіи

12'

и осадилъ Ани. Послѣ долгой осады и кровопролитнаго приступа, онъ овладѣлъ городомъ и все въ немъ предалъ огню и мечу; не было пощады ни какому возрасту и полу, кровью жителей окрасились воды Арпачая; духовенство наиболѣе подверглось истязаніямъ и святыня храмовъ была расхищена; большая часть жителей уведена въ плѣнъ и многіе изъ нихъ бѣжали въ Польшу и Крымъ. Феодосія, Нахичевань и Ростовъ населились въ послѣдствіи выходцами изъ Ани.

Съ тѣхъ поръ, хотя и возстала опять Ани изъ своихъ развалинъ, но уже никогда въ прежней славѣ, и вѣшняя часть города почти совершенно истребилась. Фадлунъ, князь племени Турецкаго, испросилъ себѣ у Султана дымящіяся развалины Ани, и отдалъ ихъ внуку своему Мануче; новая династія магометанскихъ властителей, на краткое время, восстановила благоденствіе города; мечети, которыя доселѣ тамъ видны, принадлежатъ къ этой эпохѣ. Мануче покровительствовалъ Христіанамъ и позволилъ Католикосу Григорію поставить

себѣ намѣстника въ его столицу, а братъ владѣтеля, полководецъ Григорій, открыто исповѣдывалъ Христіанство. Слабый преемникъ могущественнаго отца, Абуласваръ, не въ силахъ былъ противустоять частымъ нападеніямъ ордъ Татарскихъ, и хотѣлъ уступить область свою Султану Малекъ-Шаху. Тогда Царь Грузинъ, Давидъ возобновитель, освободившій все свое царство отъ полчищъ иновѣрныхъ, вступилъ по просьбѣ жителей въ Ани, въ 1124 году, и возстановилъ тамъ царство Христіанское. Преданіе говоритъ, что когда Давидъ велѣлъ опять освятить церковь соборную, которая была основана его бабкою, супругою перваго Царя Гагика, и обращена въ мечеть при династїи магометанской, онъ подошелъ ко гробу Царицы и сказалъ: «радуйся Царица, Богъ избавилъ церковь твою отъ Агарянъ;» — внезапно послышался изъ гроба замогильный голосъ: «Богу благодареніе!»

По смерти возобновителя Давида, сынъ Абуласвара Фадлунъ, пользуясь ослабленіемъ царства Грузинскаго, овладѣлъ опять

городомъ Ани, и подобно дѣду, не только не преслѣдовалъ Христіанъ, но даже не отнялъ у нихъ и соборнаго храма; однако, во время его правленія, церковь сія повреждена была отъ сильнаго землетрясенія, которое много истребило въ Ани. Городъ перешелъ опять въ руки Грузинъ, при могущественномъ Царѣ Георгіѣ, отцѣ Тамари; онъ выдержалъ въ немъ сильную осаду Турковъ, временно принужденъ былъ его уступить и, снова овладѣвъ имъ, поставилъ тамъ воеводою великаго Саркиса, изъ рода Аргутинскихъ. Предѣлы Арменіи не преставали быть поприщемъ битвъ, между Грузинами и ордами Татарскими. Сыновья великаго Саркиса, изъ коихъ Захарія принадлежалъ исповѣданію Армянскому, а Іоаннъ Православному, и дѣти ихъ долго охраняли силою своего оружія вѣренную имъ область; но въ 1240 году, при сынѣ Шахинъ-Шаха, Захарія, нахлынули полчища Монголовъ и пробилъ роковой часъ для Ани. Избіеніе посланниковъ Монгольскихъ навлекло мщеніе. Долгая осада, голодъ и болѣзни изнурили гражданъ;

многіе бѣжали въ станъ непріятельскій, и коварные Монголы всѣхъ принимали ласково, чтобы скорѣе убѣдить къ сдачѣ; но когда, повѣривъ ихъ лъстивымъ обещаніямъ, сдался городъ, обнаружилась вся злоба варваровъ: Ани обратилась въ страшное пепелище, по которому навалены были трупы, изморенныхъ голодомъ и избитыхъ мечемъ; раззореніе Альпъ-Арсланово ничто было противъ Монгольскаго. Только малая часть жителей могла спастись въ нынѣшніе предѣлы наши и населила Астрахань. Имя опустошителя Чормагана, кровью напечатлѣлось на развалинахъ столицы. Когда рука человѣческая казалось уже излила на нее все, что только можетъ изобрѣсти дикая ярость, самыя стихіи вооружились противъ бѣдствующихъ остатковъ: страшное землетрясеніе выгнало въ 1319 году послѣднихъ жителей изъ Ани, и сокрушило въ ней остатки пышныхъ палатъ и храмовъ; но не смотря на то еще нѣкоторые стоятъ и свидѣтельствуютъ о древней красотѣ города. Что же долженствовали быть Ани во времена ихъ

славы? Не напрасно историкъ раззоренія, обращаетъ къ нимъ плачь благодатнаго Нерсеса, который горько сътовалъ о паденіи другой столицы Армянской, Эдессы: «Нѣкогда ты была подобна прекрасной невѣстѣ, подъ ея дѣвственнымъ покрываломъ, которою любовались близкіе и отдаленные желали ее видѣть; но какъ сонъ исчезла красота твоя, какъ убѣгающій потокъ, и кровожадный мечъ враговъ твоихъ не насытился, доколѣ не упился въ тебѣ кровью святыхъ, и не наполнились трупами ихъ стогны твои и святилища; олтари Божіи, предназначенные для иной безкровной жертвы, окрасились кровью исповѣдниковъ Христовыхъ!»

Когда мы довольно насладились пустыннымъ зрѣлищемъ Ани, и собрано было достаточное число провожатыхъ, для безопаснаго посѣщенія развалинъ, мы стали спускаться къ берегу Арпачая, по глубокому оврагу, гдѣ были также замѣтны остатки зданій. Древній Ахуреанъ или Арпачай, течетъ подлѣ Ани, между двухъ отвѣсныхъ скалъ, и надобно сходить къ

глубокому руслу, по каменной тропѣ, пробитой въ утесахъ. Пронзительный холодъ объялъ насъ подѣ сумрачнымъ ихъ навѣсомъ: Арпачай сердито кидѣлъ по камнямъ, не охотно открывая влажную стезю свою къ очарованной столицѣ. Геній тысячи одной ночи представилъ бы этотъ бѣшеннѣйшій потокъ, у подножя Ани, заколдованнымъ стражемъ сего таинственнаго города тысячи одной церкви: въ наименованіи его уже дѣйствуетъ воображеніе восточное, ибо оно умѣетъ, одною яркою чертою, резко обрисовать предметъ. Надобно было отыскать бродъ Арпачая, посреди его камней; опытный житель сихъ мѣстъ открывалъ намъ дорогу, строго напоминая, чтобы мы держались его струи, однако не безъ приключенія обошлась переправа: старшина Мастарскій, отклонившись у самаго берега отъ указаннаго пути, обрушился съ лошадыю въ глубокую подводную яму, и съ трудомъ могли извлечь его на прибрежные камни. Восходъ по утесамъ былъ также труденъ какъ и спускъ: когда мы поднялись на камени-

отый берегъ ущелья, намъ представилась еще гора, хотя уже не столь отвѣсная, по скату коей раскинуты были печальные остатки Ави.

Трехъ ярусная мечеть, какъ бы нѣкая бойница, стала на вершинѣ горы поперегъ малой ложбины; изъ пустаго ряда ея оконъ, казалось готовъ былъ посыпаться огненный дождь ядеръ. Надъ нею подымался высокій минаретъ, созданный воображеніемъ восточнымъ, чтобы стоять на стражѣ завѣтныхъ сокровищъ: ибо не напрасно, въ преданіяхъ Курдовъ и Армянъ, еще такъ свѣжи рассказы о тайныхъ кладахъ отжившаго города. Не возможно было идти прямо къ мечети по крутизнѣ; довѣряясь опытности нашего вожака, мы слѣдовали за нимъ вправо, по окраинѣ утесовъ; тамъ еще стояла высокая арка воротъ, отъ которыхъ перекинуть былъ нѣкогда смѣлый мостъ на противоположный берегъ; доселѣ видны остатки моста, будто готоваго перебросить чрезъ бездну свою обрушенную дугу, какъ человѣкъ, кото-

рый напрягается прыгнуть и еще не может на то рѣшиться.

«Я Багратъ, сынъ Заропа я Аркацуновъ, построилъ сѣи врата, для входа въ обитель Св. Григорія, въ лѣто. . . » Такъ написано было на сихъ одинокихъ вратахъ, уже не открывающихъ и не затворяющихъ никакого входа, ибо кругомъ просторный пустырь. Недалеко отъ нихъ, на самомъ обрывѣ скалы, дѣйствительно стоитъ бывшая женская обитель Св. Григорія, вся изъ краснаго камня, которую соорудилъ Царь Гагикъ I въ 1000 году, по образцу Эчмиадзинской, предназначивъ ее для усыпальницы своему роду. Еще сохранилась церковь, но уже обрушились всѣ окружавшія ее зданія; подъ нею видны келліи въ скалѣ и глубокія пещеры, а выше въ горѣ начало крытаго хода, который велъ мимо обители къ рѣкѣ; своды его теперь обвалились. Мы хотѣли спуститься къ монастырю, но проводникъ остановилъ насъ, указывая на солнце; я понялъ, что не много времени намъ оставалось, и что еще много такихъ каменныхъ сокровищъ въ Ани, и

подиновался нѣмому указанію . Нѣсколько да́лье развалины церкви осѣняли глубокое устье пещеры, которая слыветь безвыходною въ народѣ . Тутъ подымалась стезя на вершину горы, гдѣ были разбросаны Ани, покрытыя саваномъ снѣга, которымъ только наканунѣ ранняя зима повела сію мертвую Царицу пустыни .

Первая предстала намъ, на краю города, великолѣпная церковь, вся въ изваяніяхъ, съ чудными карнизамн изъ арабесковъ; нарядный портикъ ея легко опирался на одну порфиговую колонну, во вкусъ восточномъ . Надъ дверями изображенъ былъ Спаситель, а по сторонамъ его, снятіе со креста и одно сонное видѣніе, которое я не умѣлъ себѣ объяснить: въ головахъ спящаго стояла Божія Матерь, и надъ нимъ парили три Ангела; быть можетъ это самое видѣніе побудило къ основанію церкви . На вѣшней аркѣ, которую поддерживала красная колонна, странно начертаны были нагія женщины, обвитыя змѣями, вѣроятно Фуріи; но какъ могли миеологическіе символы найти мѣсто въ преддверіи Христіанскаго святилища? Я взо-

шелъ въ церковь и удивился православно-му ея устройству и стѣнной живописи: на горнемъ мѣстѣ видна была Влахернская Божія мать, съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ; Спаситель приобщалъ подь двумя видами Апостоловъ; а ниже его стояли двѣнадцать Святителей, между коими можно разобрать Греческія имена: Николая, Леонтія, Аристагеса, сына великаго Григорія; на боковыхъ стѣнахъ написаны входъ въ Іерусалимъ и успеніе Божіей Матери. Замѣчательно, что всѣ надписи или Греческія или Грузинскія; Армянскихъ вовсе нѣтъ. Это было бы довольно странно въ Армянской столицѣ, если бы сего не объясняла внѣшняя надпись, изсѣченная на алтарной стѣнѣ: «Церковь сооружена при Атабегъ Спасаларъ Шагинъ—Шахъ, въ 700 году Армянскаго лѣтосчисленія» (т. е. въ 1251 году,) слѣдственно въ то время, когда Ани были во владѣніи Грузинскихъ Царей. Атабегъ Спасаларъ Шагинъ—Шахъ, т. е. воевода, Князь Князей, есть титулъ, который даже обратился въ собственное имя внуку великаго Саркиса. Послѣ ран-

ней смерти отца своего Захаріи, онъ находился подъ опекою дяди Іоанна, который принялъ Православіе при Царицѣ Тамари и, подъ именемъ своего племянника соорудилъ церковь въ честь Богоматери: не самъ ли Іоаниъ изображенъ спящимъ подъ ея сѣнью? Время не позволяло мнѣ снимать всѣ надписи, трудныя для самихъ Армянъ; я довольствовался уловить хотя одно имя и годъ, и переходилъ такимъ образомъ, отъ памятника къ памятнику, на этомъ обширномъ полѣ смерти. Не далеко отъ церкви къ востоку кончался городъ, о чемъ свидѣлствуютъ остатки огромныхъ воротъ, съ прилегавшею къ нимъ стѣною.

Нѣсколько выше, на пустынной площади, возвышается другая круглая церковь замѣчательной архитектуры, которая отчасти напомнила мнѣ Іерусалимскую мечеть Омара: по двѣнадцати аркадъ въ каждомъ изъ ея двухъ ярусовъ, и еще сохранилась внутри стѣнная живопись. Тамъ гдѣ былъ престолъ, написанъ Спаситель, окруженный Архангелами, въ другихъ

углубленіяхъ четыре Евангелиста и двѣхъ святыхъ; надписи въ Армянскія и одна на вратахъ свидѣтельствуегъ, что церковь была сооружена въ патриаршество Петра, при Іоаннѣ Сумбатъ, сынъ Царя Гагика. Отъ этой церкви перешли мы, по грудѣ обломковъ, усыпавшихъ сію нѣкогда лучшую часть столицы, къ великолѣпному собору, который соорудили Царь Гагикъ и супруга его Грузинская Царевна. Зданіе отличается отъ всѣхъ прочихъ обширностію и характеромъ зодчества, собственно Армянскаго, потому что оно украшено рѣзбою по стѣнамъ вмѣсто живописи; куполь уже обвалился, но прочность стѣнъ устояла противъ землетрясенія. Здѣсь откликнулась нѣкогда мертвая Царица правнуку своему Давиду, когда онъ привѣтствовалъ ее съ освобожденіемъ храма изъ рукъ невѣрныхъ; но теперь не кому откликнуться въ цѣлой Ани на голосъ привѣта! Весь городъ одна могила; если же отозвались бы все его мертвые, дрогнули бы и пали остатки палатъ и храмовъ, какъ при звукъ послѣдней трубы!

Великолѣпныя палаты Царя Гагика на-

ходились подлѣ самаго собора: кто разбереть царскіе чертоги въ этой массѣ обломковъ, убыленныхъ снѣгомъ!—Одинокій минаретъ возвышается на ихъ мѣсть, свидѣтелемъ разрушенія; за нимъ видна еще одна уцѣлѣвшая церковь, круглая на подобіе Сумбатовой. Близко отъ собора, на самомъ обрывѣ горы, та великолѣпная мечеть, которою я любовался издали; она въ изящномъ Мавританскомъ вкусѣ; наружная стѣна ея покрыта надписями Куфическими, но ни кто изъ насъ не зналъ Арабскаго языка. Должно полагать однако, что ее соорудилъ не первый обладатель Ани, Эмиръ Мануче, потому что онъ обратилъ главный соборъ въ храмину своей вѣры, но внукъ его Фадлунъ, сынъ изгнаннаго Абуласвара, когда опять овладѣлъ городомъ и далъ обещаніе не касаться собора. Найденный мною въ послѣдствіи переводъ сей надписи подтвердилъ мое мнѣніе. Обвалившійся помостъ мечети не позволилъ спуститься въ два ея нижнихъ яруса, висѣвшіе надъ крутизною, но верхній являлъ слѣды чрезвычайнаго великолѣпія: шесть цѣльныхъ

столбовъ, изъ краснаго камня, посрединѣ храмины, и еще двѣнадцать прислоненныхъ кругомъ ея стѣнъ, поддерживали низкіе своды, которые испещрены шахматными плитами, краснаго и чернаго цвѣта. Множество арабесковъ изсѣчено по карнизамъ и капителямъ столбовъ; самый помостъ представлялся, изъ подъ груды обломковъ, въ видѣ шахматной доски, хотя другаго узора нежели своды. Очаровательный видъ открывался изъ пустыхъ оконъ, на утесистые берега Арпачая и въ дальнюю окрестность.

Солнце уже склонялось къ закату, а еще вышгородъ Ани, ярко озаренный его лучами, манилъ насъ къ себѣ, на южную оконечность столицы. Съ одной только стороны, можно было подойти къ вышгороду, и тутъ возвышались крѣпкія башни; одна изъ нихъ, уже почти обрушенная, стояла на стражѣ у входа. Я изумился крѣпкому положенію сего мѣста, когда увидѣлъ что другая рѣка, столь же крутоберегая, подступила съ этой стороны къ Ани: объ онѣ, Алаза и Арпачай, бурно стека-

ются на краю вышгорода, ограждая его поясомъ своихъ скалъ; тамъ, гдѣ наиболѣе кипятъ ихъ воды, выростаетъ одинокій утесъ, увѣчанннй обителю, которую не тронули люди, ради ея неприступности, и забыло время на пустынномъ острову. Окраина вышгорода обнесена была двойною стѣною съ башнями: онѣ обрушились, какъ бы ради своей бесполезности, ибо здѣсь природа оградила Ани, крѣпче руки человѣческой. Сохранились однако остатки трехъ церквей, расположенныхъ кругомъ ограды, въ залогъ иной болѣе прочной защиты; одна изъ нихъ, со стороны Арпатая, представляется въ видѣ воротъ, своею высокою аркою.—Холмъ вышгорода, весь обвѣпленный обломками, украшенъ былъ нѣкогда палатами Багратидовъ и Эмировъ; но отъ нихъ остались только три аркады: средняя въ два яруса, съ такими же украшеніями какъ и мечеть Фадлуна, и быть можетъ той же руки. Дикой очаровательный видъ открылся намъ, съ высоты царственнаго холма, въ ущелья обвѣхъ рѣкъ и на всю окрестность, не смотря на ея бѣ-

лое однообразное покрывало. Что то страшное въяло изъ ущелья, гдѣ уже побѣдителемъ стремился Арпачай, поглотивъ быструю Алазу; сумракъ, вмѣстѣ съ вечернимъ туманомъ, глубоко сходилъ въ это устье. Багровые лучи еще озаряли площадь, внутри стѣнь, и поле за стѣнами, гдѣ были Ани, но въ нихъ все было мертво.— Только мы, чуждые посѣтители, говоромъ своимъ оживляли могильную тишину сей многолюдной нѣкогда столицы, но и насъ самихъ изгоняла ночь изъ негостепріимнаго города, гдѣ уже ни для кого не было крова.—Какое ничтожество дѣлъ человеческихъ!

Мы бѣжали изъ вышгорода, чтобы удѣлать еще нѣсколько минутъ на развалины; когда же остановились на обрывѣ Алазы, у той круглой церкви, которая видна была отъ собора, внезапно поднялись на противоположномъ берегу, изрытомъ пещерами, вопли Курдовъ, жителей сихъ пустынныхъ мѣстъ. Изумленные появленіемъ странниковъ, въ столь поздніе часы дня, они скликали стада свои и прятались въ

подземелья. Встревоженный криками Курдовъ, вожатый спѣшилъ привести насъ на друую оконечность города, къ самымъ стѣнамъ, гдѣ сохранились одни великолѣпныя палаты; мимоходомъ мы обошли другія еще пространныя развалины, которыя слывутъ банями, но болѣе похожи на остатки дворца и церкви, соединенныхъ вмѣстѣ.— Не это ли мраморное святилище, которое соорудилъ, въ честь святой Рипсимы, Католикосъ Саркисъ, когда перенесъ каеэдру въ Ани и построилъ тамъ свои палаты? Пусть рѣшитъ этотъ вопросъ болѣе опытный посѣтитель. Зданіе, къ которому привелъ насъ вожатый, дѣйствительно заслуживало вниманіе, ибо это были единственные чертоги, которые уцѣлѣли промежду многихъ церквей. Они касались съ одной стороны городскихъ стѣнъ, а съ другой спускались многими ярусами, но отвѣсному берегу Алазы, усѣянному также развалинами. Фронтонъ ихъ былъ украшенъ шахматными плитами; большіе ворота открывали входъ во внутренность зданія, быть можетъ караванъ-сарая или жилища

какихъ либо вельможъ, но конечно не Царей, по сосѣдству городской стѣны. Мнѣ бы хотѣлось назвать его чертогами знаменитаго рода Пахлавуни, славнаго полководца Ваграма или племянника его Григорія Магистра, ибо пріятно одушевлять живыми именами безжизненность развалинъ.

Отъ сихъ пустынныхъ палатъ направились мы, вдоль городской стѣны, еще вооруженной грозными башнями Царя Сумбата, къ городскимъ воротамъ, потому что невозможно было долѣ медлить.—Еще багровѣе казались, при вечерней зарѣ, исполнены сіи, складенные изъ огромныхъ плитъ краснаго гранита; они стоятъ на стражѣ пустой столицы, какъ воинъ блюдетъ вѣренное его храненію, не испытывая: есть ли что подъ завѣтнымъ замкомъ? Царь Сумбатъ, воздвигшій сіи громады въ лучшую эпоху славы Багратидовъ, окончалъ ихъ глубокимъ рвомъ, доннынъ видимымъ, отъ крутаго берега Алазы до столь же отвѣсныхъ скалъ Арпачая, и сдѣлалъ неприступнымъ этотъ единственный входъ въ столицу. Но другая обширная стѣна, кото-

рою обнесъ оиъ вѣншній городъ или предместье, уже не существуетъ. На цѣломъ полѣ развалины стоятъ только одинокая церковь, изящной архитектуры, которую какъ говорятъ выстроилъ богатый пастухъ, но обѣту ради благоденствія стада своихъ, когда уже бывший городъ обратился въ пастбище: *sic transit gloria mundi!* Высокія врата, между двухъ круглыхъ башенъ, чрезвычайной толщины, открыли намъ выходъ изъ царственныхъ развалинъ Ани; солнце село, а намъ надлежало еще воспользоваться остатками вечера, чтобы проѣхать по полю до пяти верстъ, для сокращенія дороги, и найти болѣе удобный бродъ Арпачая.

Совершенно смерклося когда мы приблизились къ тѣмъ высокимъ воротамъ, которые видѣли утромъ, съ противоположнаго берега. Отъ нихъ тянулся остатокъ ограды вверхъ по рѣкѣ, и видно было, что тутъ находился главный спускъ, а вправо шла дорога въ древнюю обитель, Кошавангъ, и не доходя до нее стояли въ лошадь три опустѣвшія церкви. Самыя врата, чрезвы-

чайно высокія, состояли изъ двухъ круглыхъ столбовъ, въ видѣ башенъ или минаретовъ, соединенныхъ легкою аркою; на одномъ изъ нихъ уцѣляла вершина, на подобіе церковной главы, время сбило другую. Городъ, въ который нѣкогда они открывали входъ, исчезъ позади ихъ, такъ что нельзя угадать теперь, гдѣ лицевая сторона сихъ воротъ? Подумаешь, что это триумфальная арка, воздвигнутая въ честь какого либо побѣдителя, и дѣйствительно то были торжественныя врата, которыми время вошло въ Ани и срыло ихъ до основанія! Слишкомъ темно было, чтобы искать надписи; всѣхъ приличіе была бы для нихъ, созданная гениемъ Данта, для его Адскихъ воротъ:

*Per me si va nella citta dolente,
Per me si va nel eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente;
Lasciate ogni speranza voi ch'entrate.*

Черезъ меня въ плачевный городъ путь,
Черезъ меня въ плачь вѣчный дверь открыта,
Черезъ меня къ душамъ погубившии путь;
Входящія надежду отложите!

Надобно было имѣть всю опытность нашего вожатаго, старожилы этихъ мѣстъ, чтобы спуститься, по утесистой тропѣ, къ глубокому руслу Арначая и найти, или лучше сказать угадать, въ темнотѣ знакомый ему бродъ, чрезъ быстрыя воды. Я вздохнулъ свободно, когда мы вышли на нашъ берегъ, и еще болѣе остался доволенъ, когда достигли ближайшаго селенія для ночлега, потому что весь день почти не сходили съ лошадей. Сильный морозъ укрѣпилъ ночью выпавшій снѣгъ на берегахъ Арначая, вдоль котораго лежала дорога въ Александрополь. Частыя развалины видны были на противоположной сторонѣ: то сломанный мостъ, то какая либо одинокая церковь, или нѣсколько храмовъ вмѣстѣ, остатки древняго города Шурагеля (Ширакованъ), гдѣ основался Царь мученикъ Сумбатъ, прежде нежели внукъ его Ашотъ милостивый перенесъ столицу въ Ани.

ЛОРИ, САНАГИНЪ И АХПАТЬ.

Приятно было отдохнуть немного въ Александрополь; его новыя зданія, всѣ изъ тесанаго камня, кругомъ правильной площади, напомнили мнѣ уѣздные города Россіи. Великолѣпна гранитная крѣпость, съ изящною церковью во имя Царицы Александры; это залогъ царственной супружеской любви, которая измѣнила прежнее названіе мѣста Гимри, въ болѣе близкое для сердца, подобно тому какъ нѣкогда первая крѣпость, павшая за Кавказомъ предъ оружіемъ Русскихъ, Ганджа, получила имя Елисаветполя. Другая, весьма убогая церковь, привлекла мое вниманіе въ

Часть II. 13

Александрополь: она была основана Греками, которые последовали изъ Эрзрума, за славою нашего оружія. Священникъ ихъ привезъ съ собою много драгоценныхъ утварей и старинныхъ иконъ; между сею святынею особенно замѣчательно, по своей древности, одно Евангеліе, писанное золотомъ на пергаментъ, съ иконными заглавіями; оно можетъ восходить до первыхъ вѣковъ Христіанства. Подобное видѣлъ я, только въ Императорской библіотекѣ, которое пріобрѣтено изъ Греческаго монастыря Св. Георгія, въ предѣлахъ Требизондскихъ.

Я имѣлъ намѣреніе продолжать путешествіе черезъ Ахалцихъ, чтобы видѣть сію замѣчательную область, не давно пріобрѣтенную нами, основное гнѣздо Христіанства въ предѣлахъ Грузія; но ранніе снѣга покрыли хребетъ Ахалцихскій, и мнѣ надлежало ѣхать, по большой дорогѣ Тифлиской, на Караклисы. Не сожалѣлъ я однако о невольной перемѣнѣ моего пути, когда увидѣлъ очаровательное ущелье Бамбакское, съ тремя великолѣпными обите-

лями Санагина, Ахпата и Ахталы. Первая половина дороги отъ Александрополя, по такъ называемымъ мокрымъ горамъ, покрытымъ снѣгомъ, была чрезвычайно затруднительна въ коляскѣ, и переѣздъ черезъ Безобдалъ, на вершинѣ коего постоянно бушуютъ снѣжные мятели, стоилъ большихъ усилій. На самомъ перевалѣ горы, гдѣ какъ будто открываются ворота, между двухъ отроговъ, встрѣтила меня сильная непогода; невозможно было пробѣхать верхомъ сквозь это устье, вслѣдъ за коимъ начинался крутой обрывъ, занесенный снѣгомъ. Силою рукъ, на веревкахъ, спустили коляску, и разчищали для нее дорогу, извивавшуюся по скату горы; а между тѣмъ, на каждомъ шагу, еще затрудняла насъ встрѣча червадаровъ, со вьюками, и погонщиковъ съ ихъ волами. Но радушное гостепрїимство ожидало меня, по ту сторону Безобдала, въ домъ начальника батареи, расположенной въ Желалъ-оглу.

Зима уже водворилась на высокой плоскости Лори, какъ бы у насъ въ Россіи, хотя еще только начинался Ноябрь; неприят-

но было видѣть берега рѣки Каменки, такъ рано покрытыми снѣгомъ, въ краю полу-денномъ, прославляемомъ за свой климатъ. Посреди бывшаго землянаго укрѣпленія Джелаль-оглу, стоятъ убогая деревянная церковь, основанная однимъ изъ тѣхъ тайныхъ подвижниковъ, которые будучи невѣдомы міру, извѣстны Богу. Простой солдатъ, по имени Иванъ Бобырь, вѣрно отслуживъ Царю, хотѣлъ послужить еще Богу; онъ употребилъ до четырехъ сотъ рублей серебромъ собственныхъ денегъ, накопленныхъ въ продолженіи долговременной службы, на покупку лѣса и для платы работникамъ, и какъ одинъ изъ нихъ трудился самъ при сооруженіи церкви; когда же достигъ желанной цѣли, просился посѣтить святые мѣста Іерусалимскія; но не былъ допущенъ начальствомъ, такъ какъ еще не кончился срокъ его службы, а между тѣмъ его посѣтило тяжкое испытаніе: однажды, при рубкѣ дровъ, упало на него бревно и переломило ему крестецъ; съ тѣхъ поръ онъ лежитъ на одрѣ болѣзни, безъ всякаго движенія, въ

маломъ домикъ, который успѣлъ себя выстроить, въ виду основанной имъ церкви, и все его утѣшеніе состоитъ въ слышаніи духовнаго чтенія. Когда ему становится тяжело отъ болѣзни, онъ немного подымется на постели, посмотритъ въ окно на свою церковь, и ему сдѣлается какъ будто легче. Такъ протекаютъ для него дни и никогда неслышно отъ него ропота; но уже его мысли начинаются мѣшаться отъ постоянныхъ страданій, хотя мысль о Богѣ никогда его не оставляетъ.

Отправивъ коляску прямо въ Тифлисъ, самъ я рѣшился ѣхать верхомъ, по ущелию Бамбакскому, чтобы видѣть развалины и обители, разбросанныя по берегамъ потока Каменки. Первая представилась мнѣ Лори, за семь верстъ отъ Джелаль-оглу, древняя столица одной отрасли Багратидовъ Армянскихъ, которая началась сыномъ Ашота милостиваго, Гургеномъ, и известна подъ именемъ Коричанской. Сынъ Гургена Давидъ, прозванный безземельнымъ, потому что въ долгое воинственное свое царствованіе, никогда не могъ удѣр-

жать за собою завоеванныхъ имъ земель, прославилъ однако малое царство Лорійское, и нашелъ себѣ наконецъ участокъ земли въ обители Санагинской. При внукахъ его, Давидъ и Аббасъ, въ началѣ XII вѣка, постигло первое раззореніе ихъ столицу, когда полчища вождя Сарацинскаго Кизиль-Арслана, прошли огнемъ и мечемъ ущелье Бамбакское и опустошили въ одно время съ Лори, обители Санагинъ и Ахпаты. Скоро потомъ династія Кориціанская утратила родовое свое владѣніе, которое отняли у него Цари Грузіи, усилившіяся со времянь Давида возобновителя. Георгій III осаждалъ, уже въ подвластной ему Лори, воеводу своего Князя Ивана Орбеліана, хотѣвшаго возвести на тронъ его малолѣтнаго племянника. Потомки Давида безземельнаго едва держались, въ малой своей крѣпости Маднаспертской, и совершенно исчезли въ продолженіи XIII вѣка, уже на службѣ Хановъ Монгольскихъ. Было время, когда и Крестоносцы, изъ графства Эдесскаго, заходили въ Лори, но не могли тамъ основаться. Последнее ея раззореніе, послѣ ко-

того уже не возставала изъ своихъ развалинъ, было ей нанесено ордами Монгольскими, опустошившими весь окрестные предѣлы Лорійскіе.

Когда я посѣтилъ сію пятую изъ столицъ Армянскихъ, которыя встрѣчались на моемъ пути, столь близко одна отъ другой, она была занесена глубокимъ снѣгомъ, подобно какъ и Ани, и отчасти напоминала ея мѣстность. Хотя берега Каменки не такъ высоки какъ у Арпачая, однако крѣпость основана также на слияніи двухъ рѣкъ; устье Акзи-Бюка дѣлаетъ недоступнымъ остроконечный мысъ Лори, обнесенный со стороны земли крѣпкою стѣною. Бывшая твердыня въ большемъ упадкѣ, однако еще держится и весьма недавно, въ послѣднюю войну Персидскую, служила убѣжищемъ для всѣхъ окрестныхъ жителей. Но внутри боевой ограды, столь величественной снаружи, какое мирное поселеніе пріютилось посреди обломковъ! Пять семействъ Армянскихъ прилѣпили сакли свои, къ развалинамъ палатъ и бойницъ, и занимаются исклю-

чительно пчеловодствомъ, которому способствуютъ роскошные луга около Лори. Столица Давида безземельнаго обращена въ мирный пчельникъ и славится медомъ, вмѣсто оружія Багратидовъ:—о суета суетствъ и вслѣшеская суета! Посмотримъ что еще осталось внутри ея стѣнъ? Существуетъ церковь, болѣе Греческая нежели Армянская, по внутреннему устройству: низкіе своды поддержаны двумя столбами, три арки образуютъ наружный притворъ. Священникъ ближняго селенія приходитъ, по большимъ праздникамъ, совершать литургію для убогихъ жителей Лори. Другая церковь, слышущая Греческою, болѣе однако во вкусъ Армянскомъ и складена изъ гранитныхъ плитъ, съ крестообразными арками и высокимъ куполомъ. Отъ третьей церкви осталось только одно основаніе, подлѣ мыса, съ котораго былъ крутой спускъ къ рѣкѣ на самое устье. Лѣтомъ видъ съ этаго мѣста долженъ быть очарователенъ. Говорятъ, что слѣды палатъ царскихъ еще видны въ Лори, вмѣстѣ съ остатками башенъ, которыя служили мостовымъ укрѣпленіемъ, когда суще-

ствовавъ мостъ черезъ Каменку. Съ вершины стѣнь окинулъ я бѣглымъ взоромъ окрестность и видѣлъ на поляхъ много развалинъ церквей, болѣе Греческихъ, ибо здѣсь издавна было поселеніе Грековъ; мы проѣхали двѣ, еще населенныя деревни, по дорогѣ къ Санагину, и видѣли въ нихъ церкви, зодчествомъ своимъ свидѣтельствующія о прежнемъ благоденствіи сихъ мѣстъ, доколѣ не прошелъ тутъ мечъ Татарскій.

Широкая долина Лори, простиравшаяся въ длину болѣе нежели на тридцать верстъ, начала постепенно стѣсняться, когда бурный потокъ Бамбака, вырвался изъ своего каменистаго ущелья, чтобы слиться съ Каменкою или Дебедой. Противоположныя горы, сближавшіяся мало по малу, совершенно сошлись около селенія Узунларъ, а между тѣмъ, хотя мы подвигались къ сѣверу, тепло становилось чувствительнѣе и снѣгъ исчезалъ на поляхъ. Великолѣпная церковь, еще издали, поразила насъ своимъ необычайнымъ зодчествомъ въ Узунларѣ, хотя время коснулось ея наружныхъ портиковъ; упѣзли однако столпы и ар-

кады высокой наперти, окружавшей съ трехъ сторонъ церковь, совершенно во вкусь Греческомъ. Колокольня до половины обрушилась, и видны остатки ограды. Внутренность храма, хотя и обнаженнаго, еще носитъ славы прежняго величія и замѣтельна высотой сводовъ. Строителемъ его былъ знаменитый своею ученостію Католикосъ Іоаннъ, прозванный Философомъ, который родился въ Узунларъ, а погребенъ недалеко отъ своей родины въ Ардеви; тамъ существуютъ еще остатки двухъ великолѣпныхъ церквей, построенныхъ въ память его, славнымъ воеводою Захаріею. Іоаннъ управлялъ церковью Армянскою въ VII столѣтіи, послѣ Персеса строителя, и старался умирить внутреннія ея смутенія, возникшія отъ раззореній Персидскихъ. Лице сего Католикоса было предметомъ многихъ противорѣчій и нареканій, потому что его смѣшиваютъ съ современномъ ему Іоанномъ Маназгердскимъ; который созвалъ враждебный Православно соборъ, и слыветъ у нѣкоторыхъ также Философомъ. Но писанія истиннаго

философа до такой степени были въ пользу ученія Халкидонскаго, что ихъ принимали въ свидѣтельство, во время сношеній Императора Мануила съ Нерсесомъ благодѣтельнымъ, о союзѣ церковномъ.

По счастливому случаю мы напали, въ Узунларѣ, Греческаго старшину близъ лежащихъ мѣдныхъ заводовъ, и онъ вызвался быть нашимъ проводникомъ по ущелью; надобно было спѣшить къ ночи въ Самагитъ, ибо уже солнце садилось, а еще оставалось десять верстъ до монастыря и дорога предстояла каменистая. Близко отъ Узунлара спустились мы, по утесистой лѣстницѣ, съ камня на камень, на самое дно глубокаго ущелья Бамбакскаго, къ его кипящему потоку, и лѣтняя атмосфера дохнула намъ опять въ этой очарованной долины: въ одну минуту перешли мы изъ одного времени года въ другое. Тамъ не только не было снѣга, но даже плодovitыя деревья сохранили свои листья, и дикій виноградъ ласкался около ихъ развѣсистыхъ вѣтвей. Прыгалъ и пѣнился потокъ по камнямъ, не такъ какъ дикій Терекъ

въ Дарьягъ, наводящій ужасъ на свое мрачное ущелье, но какъ веселый ребенокъ, который вырвался на свободу и заигрываетъ со всеми, кто только встретится ему на пути. И скачущія воды и пожелтвшія листья деревъ, все было прозрачно и ярко, въ пурпуръ заходящаго солнца; оно будто гналось лучами вслѣдъ за потокомъ, по извивавшемуся ущелью, коегдѣ поражая струстаго бѣглеца, золотыми ударами своихъ лучей, если не успѣвалъ онъ укрыться подъ скалу, и ярко сіяли всѣ утесы, какъ бы въ вѣнцахъ, радуясь своему минутному блеску. Въ такомъ волшебномъ свѣтѣ представилось мнѣ это чудное ущелье, оттого ли что меня поразила внезапная перемѣна климата, или дѣйствительно красота его возбуждала невольный восторгъ. Легкая арка моста, смѣло перекинутая черезъ потокъ, довершила очарованіе, ибо только такой воздушный переходъ могъ соединять между собою фантастическіе утесы, которые, одинъ за другимъ, возставали предъ нами, отличаясь дикостію своихъ формъ.

Мнѣ довелось, въ теченіе трехъ дней, нѣсколько разъ подыматься и спускаться, по широкимъ ступенямъ сего моста, когда переходили мы съ берега на берегъ, изъ обители въ обитель. Грубо изваянные львы и человѣческія головы украшаютъ каменные перилы его тринадцати уступовъ; деревянная икона Саркиса, или Сергія, поставлена было у восхода, со стороны Узунлара, теперь же замѣнена изваяннымъ крестомъ. Надпись свидѣтельствуетъ, что Царица Нана, супруга Аббаса, Царя Лорійскаго, и сестра великаго воеводы Захарія, соорудила въ XII вѣкѣ каменный путь сей по водамъ, въ обитель, гдѣ почиваютъ ея предки. Двѣ дороги раздѣляются отъ моста: одна на лѣво вдоль потока, ведетъ въ монастырь Ахпатскій, отстоящій за семь верстъ, другая вправо на гору въ сосѣдній Санагинъ; но этотъ восходъ по утесамъ, при вечерней темнотѣ, былъ для насъ гораздо труднѣе спуска.

Пріятный и образованный настоятель обители, Архимандритъ Саркисъ, будучи предваренъ о моемъ пріѣздѣ, встрѣтилъ

насъ во вратахъ, съ малолѣтними своими питомцами, о коихъ заботится, какъ отецъ о дѣтяхъ; онъ самъ завелъ и содержитъ училище, добродѣтельными пожертвованіями, и по своей любознательности описалъ все монастыри и развалины Бамбанскаго ущелья и окрестныхъ мѣстъ. Приемъ его былъ чрезвычайно радушенъ и соединенъ съ свѣтскою привѣтливостью, которой не ожидаешь въ столь дикомъ уединеніи. Ночь мы провели въ его келліяхъ, а на утро, послѣ литургіи воскресной, занялись подъ его руководствомъ осмотромъ обители. Она была основана, по мѣстнымъ преданіямъ, въ IX вѣкѣ, монахами бѣжавшими отъ Императора Греческаго Романа, который принуждалъ ихъ принять соборъ Халкидонскій; но древность ея возводятъ гораздо выше, не только до временъ Просвѣтителя, но даже до Апостоловъ Варооломея и Фаддея, будто бы благословившихъ мѣсто сіе, освященное въ послѣдствіи Григоріемъ. Напротивъ того лѣтописцы Грузинскіе приписываютъ Царягъ своимъ основаніе Санягна и Ахната, такъ какъ они находятся въ

предѣлахъ Грузіи, а не Армешіи. Одно лишь то достовѣрно, что оба монастыря процвѣтали не ранѣе X вѣка, при династіи Багратидовъ, когда младшая вѣтвь ихъ властвовала въ Лори и Давидъ безземельный прославилъ свое царство. Обѣ соборныя церкви, въ Санагинѣ и Ахпатѣ, сооружены супругою Аннота милостиваго, матерью Царей Сумбата Анійскаго и Гургена Лорійскаго; потому оба Царя сіи вмѣстѣ изображены, на вѣшней алтарной стѣнѣ обоихъ храмовъ, держащими въ рукахъ церкви, воздвигнутыя ихъ матерью. Санагинѣ сдѣлался царственною усыпальницею династіи Лорійской и могущественныхъ Ата-беговъ, властвовавшихъ послѣ Царей въ Ани, и славнаго рода Пахлавуни, освященнаго великимъ Григоріемъ. Ахпатъ же, хотя и служилъ мѣстомъ упокоенія для нѣкоторыхъ царственныхъ особъ, однако не былъ собственно погребальнымъ монастыремъ, подобно Санагиню. Тамъ была учреждена въ послѣдствіи кафедрѣ архіепископская, почти не зависѣвшая отъ Католиковъ, которые не могли даже быть избираемы и по-

свящаемы, если при этомъ дѣйствии не участвовалъ Архіепископъ Ахпатскій, въ числѣ четырехъ главныхъ лицъ Іерархіи Армянской. Въ Ахпатъ Православіе встрѣтило сильный отпоръ, равно какъ и въ монастырь Татевскомъ, что въ Карабахъ, ибо тамъ соединялись частные соборы, подъ председательствомъ своихъ Архіепископовъ, чтобы осудить дѣйствія благонамѣренныхъ Католикосовъ.

Оружіе Султана Сельджукидовъ Кизиль-Арслана и Царей Грузіи, для которыхъ ущелье Бамбакское служило большою дорогою въ Арменію, страшное нашествіе ордъ Монгольскихъ Джагатая и частые набѣги Лезгинъ, хотя и оставили бѣдственные слѣды въ сихъ обителяхъ, однако каменная ихъ громада устояла противъ нападенія враговъ и дѣйствія времени. Но въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія временно опустѣли оба монастыря, когда безсиліе Грузіи открыло отважному Хану Лезгинскому Омару, свободный путь въ ущелье, и небыло ни какой возможности обитать въ сихъ предѣлахъ, отъ частыхъ

разореній. Только со времени владычества Русскаго, населились опять монастыри, хотя скудно въ нихъ число братіи, по обычаю Армянскому: исключая Эчміадзина, наполненнаго большею частію Епископами и Архимандритами, которые составляютъ Синодъ и дворъ Патріаршій, я нигдѣ не встрѣчалъ, собственно братіи, болѣе двухъ или трехъ иноковъ.

Архимандритъ Саркисъ показалъ намъ въ соборной церкви Св. Спаса, величественной по своему объему и по высотѣ стройнаго купола, драгоценную святыню, соблюдаемую въ ризницѣ: это часть животворящаго креста, и ухо Св. Апостола Фаддея, въ драгоценномъ ковчегѣ, которое принесъ изъ Индіи одинъ изъ Князей Орбеліановъ. Древній родъ ихъ, ведущій свое начало изъ Китая, будучи изгнанъ при Царѣ Георгіѣ III изъ Грузіи, властвовалъ въ XII вѣкѣ, подъ покровительствомъ Монголовъ, въ предѣлахъ Карабаха, Арарата и Лори. Обширная трапеза, изъ дикаго камня, пристроена къ церкви; она опирается на четыре столба, въ сооруженіи

конхъ участвовали четыре царевны Лорійскія, дочери Гургена; рядомъ съ нею сооружена другая изящная трапеза, или лучше сказать паперть, Ата-бегомъ Захаріею, предъ малою церковью Богоматери, которую построилъ Св. Григорій, на мѣстѣ благословенномъ Апостолами. Низменные своды сей паперти поддержаны по срединѣ шестью гранитными столбами. Обѣ онѣ служили усыпальницею, для великихъ мужей царства и церкви Армянскихъ. Тутъ и великій дѣдъ Григорія Магистра, отецъ полководца Ваграма, и самъ Ваграмъ и другія владѣтельные особы, управлявшія отдѣльными областями распавшагося царства. Тутъ же Григорій Архіепископъ Татевскій и сынъ его Іоаннъ, возобновившіе соборную церковь въ XII вѣкѣ, и нѣкоторые изъ знаменитыхъ церковныхъ учителей, какъ то: Нерсесъ философъ, Вартаанъ, Діоскоръ, бывшій краткое время Католикосомъ. Между обѣими церквами Спаса и Богоматери, которыя сообщаются только посредствомъ своихъ папертей, узкое пространство обращено было, Григоріемъ Магистромъ, въ такъ называемую Ака-

демію или школу, гдѣ преподавалось, подѣ свѣтлю храмовъ, духовное образованіе юношамъ. Еще видно, на восточной оконечности, мѣсто гранитной кафедры и выдолбленные вдоль стѣнъ сѣдалища для учениковъ, или быть можетъ для совѣщанія самихъ учителей, ибо ихъ неболѣе двѣнадцати. Снаружи сей галлерей, между двухъ выдавшихся алтарей, находилась гробовая палатка царственнаго племени Лорійскаго, но недавно взяты были камни ея и обнажились памятники перваго Царя Гургена и Давида безземельнаго; его прозваніе какъ будто хотятъ оправдать и по смерти, споривая у него послѣдній участокъ уступленной ему земли.

Еще одна малая церковь во имя Св. Григорія, построена отдѣльно отъ соборной связи къ востоку, и подѣ нее великолѣпная зала, служившая некогда библіотекою, а потомъ обращенная въ марапъ или винный погребъ. Она вся изъ гранита, съ рѣзными столбами, которые поддерживаютъ перекрестныя арки сводовъ; изваяныя арабески по всѣмъ карнизамъ. Кру-

гомъ стѣнъ видны углубленія, предназначенныя для книгъ; но книги были утасаны во времена Монголовъ, въ одной изъ пещеръ Бамбакскаго ущелья, а когда опять нашли ихъ, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія, бросили безъ вниманія въ сырой маранъ, и тамъ онѣ истлѣли. Въ оградѣ, стоитъ малая погребальная часовня, надъ могилою великихъ Ата-беговъ Ани: Саркиса сына Ваграмова, ихъ родоначальника, и дѣтей его Захаріи и Іоанна, и внуковъ Шагинъ-Шаха и Авака. Надъ крышею часовни, остатки открытыхъ престоловъ, сооруженныхъ для того, чтобы безкровная жертва, приносилась надъ самымъ прахомъ именныхъ усопшихъ. Тутъ же и узорочный крестъ, воздвигнутый надъ гробомъ Архіепископа Григорія, много трудившагося для обновленія обители при Царѣ Георгіѣ, отцѣ Тамари, а нѣсколько далѣе развалины малой церкви Іакова брата Божія.

По другую сторону монастыря есть еще часовня, во имя Сергія, съ великолѣпнымъ водохранилищемъ, которое было устроено

изъ дикаго камня, усердіемъ воеводы Захари, для снабженія обители Санагинской водою изъ горныхъ источниковъ; но теперь большая часть трубъ уже испорчены; вообще вся обитель держится только усердіемъ настоятеля и одного изъ Князей Аргутинскихъ, которому принадлежитъ малое селеніе близъ монастыря. По всему видно, что Санагинъ, равно какъ и Ахпатъ, были важными точками образованія и управленія духовнаго, для Великой Арменіи въ среднихъ вѣкахъ, когда каедре Католикосовъ находилась въ Малой и опустыль Эчмиадзинъ. Сосѣдство Грузин, могущественной въ XI, XII, XIII вѣкахъ, защищало оба монастыря отъ нападенія Магометанъ. Тѣмъ неспрiятнѣ видѣть теперь совершенный упадокъ сихъ обителей, въ такой близости отъ Тифлиса, гдѣ процвѣтаетъ торговля Армянская, ибо онѣ находятся на пути въ Эчмиадзинъ, и принадлежатъ богатѣйшей изъ всѣхъ епархій Тифлисской.

Не болѣе семи верстъ разстоянія отъ Санагина до Ахпата; но мы не спускались опять къ потоку, а избрали другую крат-

чайшую дорогу, хотя и весьма трудную, по верховью овраговъ, поросшихъ лѣсомъ. Еще деревья были покрыты листомъ, багровыя ягоды кизила сыпались на насъ съ густыхъ вѣтвей, заставлявшихъ дорогу и прохлаждали жажду, ибо день былъ совершенно лѣтній; яркими лучами оживлялось сіе романтическое уединеніе, какъ бы нарочно созданное для иноковъ. Издали представился намъ Ахпатъ на пригоркѣ, окруженный селеніемъ и садами, подъ навѣсомъ другихъ высокихъ горъ. Зданія его мнѣ показались еще величественнѣе Санагинскихъ, но и запустѣніе въ высшей степени. Въ воскресный день тамъ даже некому было служить обѣдни, если бы не совершалъ ее сельскій священникъ, хотя въ монастырѣ живетъ на поковъ Епископъ, но при немъ даже нѣтъ ни одного причетника. Столѣтній монахъ, почти при послѣднемъ издыханіи, лежавшій на смертномъ одрѣ, составлялъ вмѣстѣ съ симъ Епископомъ всю братію монастырскую, и гдѣ же это?—въ Ахпатъ, безъ согласія коего нельзя было избирать Католикосовъ! Въ Сана-

гнѣсть есть по крайней мѣрѣ три инока и училище, стараніемъ Архимандрита Саркиса.

Самъ онъ вызвался провожать насъ въ Ахпатъ и далѣе по ущелью; но Епископъ Аретюнъ не хотѣлъ уступить ему въ привѣтливости и ходилъ со мною по церквамъ своей обители. Послѣ Царницы Хозровъ-Анушь, супруги Ашота милостиваго, которая воздвигла соборный храмъ во имя честнаго креста, главнымъ благодѣтелемъ Ахпата, былъ его Архіепископъ Іоаннъ, племянникъ великаго воеводы Захаріи. Онъ пристроилъ къ собору великолѣпную паперть, какъ бы окованную гранитными перекрестными обручами; нарядная рѣзьба украшаетъ стѣны и своды. Двери были открыты въ соборъ, освѣщенный яркими лучами солнца: видъ дальняго алтаря, котораго свѣтильники едва мелькали и дымилась въ обильномъ изліяніи сихъ лучей, производилъ впечатлѣніе благоговѣйное, какъ будто что-то не земное проливалось отъ престола. Паперть сія избрана усыпальницею великихъ, и въ числѣ ихъ три Царевны, дочери Гургена Лорійскаго, со-

орудившія столбы въ обители Санагинской; но ревностный Архіепископъ Іоаниъ не захотѣлъ лечь далеко отъ своего племени, хотя вся жизнь его протекла въ Ахпатъ. Ему приписываютъ и строеніе библіотекъ, стольже изящной какъ въ Санагинѣ, складенной изъ гранита позади собора, которая обращена теперь также въ маранъ. Есть еще одна великолѣпная паперть или трапеца, вся въ рѣзныхъ украшеніяхъ, съ цвѣтами изваянными вокругъ открытаго купола: ее пристроилъ Епископъ Гамазаспъ, предшественникъ Іоанна, къ древней убогой церкви Богоматери, которую вѣроятно началась обитель. Онъ же соорудилъ и нарядную колокольню, вѣнчающую зданіа Ахпата; но эти каменные громады, надъ коими истощено было столько усилій человѣческихъ, теперь почти оставлены людьми, какъ будто, надѣясь на ихъ вѣковую прочность, не чувствуютъ они, болѣе нужды поддерживать исполнскаго дѣла рукъ своихъ.

А Х Т А Л А.

Ахпатъ былъ послѣдній монастырь Армянскій, который видѣлъ я на обратномъ пути моемъ въ Тифлисъ; хотя утѣшительны были для меня благосклонные приемы духовенства Армянскаго, однако сердце мое жаждало родственной стихіи Православія: трудно съ разборчивостію осматривать святыню, когда душа привыкла безотчетно ей поклоняться; тяжело думать, что близкое намъ чуждо другимъ и на оборотъ, и еще труднѣе описывать видѣнное, посреди взаимныхъ предубѣжденій; вотъ почему вздохнулъ я свободнѣе, когда встрѣтила меня опять родная святыня и притомъ Греческая.

Часть II.

14

Спустившись по каменной тропѣ, пробитой въ утесахъ, на дно ущелия, мы слѣдовали вверхъ по теченію Джебеды, до каменнаго моста Царицы Наны и, по другую сторону потока, поднялись оврагами къ Греческому селенію Маданъ или Алваръ. Оно раскинуто амфитеатромъ, по скату горы, и напоминало собою веселыя деревни острововъ Архипелага; мѣдная руда, добываемая жителями, служитъ источникомъ ихъ единственной промышленности; но мнѣ говорили, что жилы металла истощаются, какъ это уже случилось съ серебрянными рудниками Ахталы, по неопытности въ разработкѣ: всякой роетъ по своему произволу, не слѣдуя направленію жилъ, и оттого вода часто заливааетъ глубокія шахты, ископанныя въ видѣ колодцевъ.

Любопытно бы узнать достоверно, съ какого времени началось здѣсь населеніе Греческое, которое было многолюдно, судя по остаткамъ опустѣвшихъ деревень: теперь не болѣе шести составляютъ приходъ Греческій Мадана. Но еще недавно здѣсь существовала особенная епархія Гре-

ческая, каедрa коей находилась въ великолѣпной обители Ахталъской, за двадцать верстъ ниже, по тому же потоку. Туда приглашалъ меня настоятель Санагинскій, увѣряя, что все видѣнное мною въ его обители и въ Ахпатѣ, ничто въ сравненіи съ опустѣвшею церковію Ахталы, и я убѣдился на опытъ въ истинѣ его словъ. Но сколько ни старался я узнать, отъ мѣстныхъ старожиловъ, о началѣ епархіи Ахталъской, никто не могъ удовлетворительно отвѣчать мнѣ. Архимандритъ, занимавшійся описаніемъ этихъ мѣстъ, говорилъ, что еще Императоръ Греческій Ираклій, во время своихъ походовъ противъ Персовъ, въ VII столѣтіи, услышавъ о металлической рудѣ сего ущелія, послалъ для ея разработки рудокоповъ Греческихъ, и такое преданіе можетъ быть вѣроятно. Что касается до начала обители, то оно непременно должно восходить далѣе XII вѣка, ибо тотъ же Архимандритъ видѣлъ, въ развалинахъ одной церкви близъ Ахталы, надпись Армянскую на крестѣ: «воздвигнуть въ 1244 году, ради спасенія Авака, во дни аббат-

ства Гамазаспа и настоятельства Петра II. Авакъ былъ Ата-бекомъ Ани, и какъ сынъ православнаго воеводы Юанна, хотя и племянникъ Армянскаго Князя Захаріи, вѣроятно самъ исповѣдывалъ Православіе. Известно, что Гамазаспъ, будучи Епископомъ, настоятельствовавъ въ Ахпатъ, и по сему санъ его выраженъ Армянскимъ словомъ, тогда какъ настоятельство Петра выражено по Грузински, и безъ всякаго сомнѣнія относится къ Ахталъ, которую напрасно стараются присвоить себѣ Армяне. Такимъ образомъ, уже въ XIII вѣкѣ, видно преемство настоятелей Ахталы, а можетъ быть и Епископовъ, которые прекратились только въ наше время. Предпоследній Гедеонъ удалился въ Царьградъ, откуда былъ присланъ, а послѣдняго Іоакима торжественно посвящаль Католикосъ Антоній II, съ полнымъ соборомъ двѣнадцати Епископовъ Грузинскихъ, въ Сіонскомъ храмѣ Тифлиса; онъ скончался не позже 1821 года.

Я провелъ ночь въ Маданъ, подъ гостепримнымъ кровомъ одного изъ старшинъ Греческихъ, и рано утромъ собрался въ

путь къ Ахталя, опять черезъ тотъ же мость Наны и по берегу того же потока; ибо другая кратчайшая дорога, по горамъ, была непроходима отъ снѣга. Если бы кто посмотрѣлъ со стороны на многолюдный поѣздъ нашъ, по живописному ущелию, онъ показался бы необычайнымъ, по смѣшенію лицъ и одеждъ. Тутъ былъ и священникъ Греческій, и архимандритъ Армянскій, въ своемъ черномъ куколѣ вмѣсто клобука, и нѣсколько старшинъ Греческихъ въ нарядныхъ одеждахъ, и почетный конвой изъ Армянъ и Татаръ, вооруженныхъ по своему обычаю и вкусу. Эта конная толпа двигалась въ беспорядкѣ, между садовъ и утесовъ, съ шумомъ переходя горные ручьи, которые стремились въ бурный потокъ и умножали дикую красоту ущелия.

Подлѣ того мѣста, гдѣ подымалась крутая стезя къ Ахпату, миновали мы крепость Каяну, орлиное гнѣздо, приникшее къ вершинѣ утеса, которую выстроилъ Епископъ Ахпатскій Іоаннъ и разорили Монголы. Ущелие мало по малу расширялось,

по мѣрѣ приближенія къ Ахталѣ, не теряя впрочемъ красоты своей, ибо безпрестанно выдвигались уступами горы изъ за горъ, или открывались по сторонамъ малыя удолиа, съ тополями и виноградными садами. Но потокъ Каменки или Жебеда продолжалъ столь же быстро стремиться по каменистому руслу, своенравно упираясь въ горы и требуя, чтобы разступились, доколь наконецъ не проложитъ себѣ болѣе широкаго ложа уже по долинамъ; тамъ встрѣтитъ онъ бѣгущую къ нему на встрѣчу рѣку Храмъ, и промчавшись вмѣстѣ съ нею, подъ величественными арками краснаго моста Царя Ростомъ, окончитъ бурное свое теченіе въ не менѣе быстрыхъ волнахъ Куры.

Не далеко отъ ущелія Ахталы, мы переправились въ бродъ на лѣвую сторону потока, промежду камней, о которые шумно разбивались волны; нѣсколько саклей съ виноградниками раскинуты были на берегу и подлѣ протекалъ малый ручей. Русло его открыло намъ горную стезю къ обителямъ, а не далеко отъ устья крѣпкая

бойница приросла къ утесу, такъ что можно было принять башню за продолженіе скалы; тутъ же на долинь остатки той церкви, гдѣ списалъ Архимандритъ надпись о настоятеляхъ Ахталы. Не болѣе версты отъ устья ручья до развалинъ, которыя внезапно являются какъ нѣкое волшебное созданіе. Это выдавшійся гребень горы, съ трехъ сторонъ окруженный пропастями, поросшій вѣковыми деревьями и высеребранный, по голому темени, остатками брошенной руды. На металлической почвѣ встаетъ величественный храмъ, весь въ кружевныхъ арабескахъ, какъ бы въ царской одеждѣ, которою облекла его Тамарь, и рядомъ съ храмомъ, на окраинѣ скалъ, зияетъ своими пустыми окнами длинная стѣна ея палатъ; высокій фронтонъ ихъ смотритъ въ пропасть, поверхъ деревъ и бойницъ, какъ будто есть еще кому смотреть изъ его оконъ. Круглыя башни, сросшіяся съ утесомъ, одна за другою взбираются на гору, какъ бодрые воины подающіе другъ другу руку, чтобы одолѣть недоступную твердыню; а на тѣсномъ

гребень горы, по которому пролегает единственная стезя въ ограду, какъ бы по лезвію меча, громадныя ворота, съ зубчатыми бойницами, стоять еще на стражъ опустѣвшаго позади ихъ замка: они не хотятъ никому выдать священнаго залога, ввѣреннаго ихъ храненію. Прежде нежели проникнуть подъ заветныя своды, окиньте взорами окрестность и вы изумитесь бывшему ея населенію и нынѣшней пустотѣ.

По всемъ горамъ церкви или остатки церквей; въ сосѣднихъ скалахъ, дико поднимающихъ свои голыя вершины, видны человѣческія гнѣзда отшельниковъ, «обновленныхъ юностию орлею» по словамъ псалма, для подвиговъ свыше нежели человѣческихъ. Еще недавно одинъ изъ сихъ земныхъ Ангеловъ воспарилъ къ небу, на крыліяхъ своей молитвы. Къ востоку, на отдельной горѣ, противулежащей утесу Ахтаты, стоитъ уцѣлѣвшая церковь Св. Георгія, безъ оснѣненія коего ничто не можетъ быть твердо, въ землѣ просвѣщенной его родственницею Ниною. Въ долину, раздѣляющей объ горы, другая цер-

ковъ во имя Св. Троицы, ею проповѣданной. Къ западу, по ту сторону горы, опять совершенно уцѣлѣвшая церковь Св. Григорія Богослова. На самомъ гребнѣ противъ воротъ, какъ передовое укрѣпленіе духовной твердыни, стоитъ еще полуобрушенная церковь Златоуста, вся въ роскошныхъ узорахъ, какъ будто Тамаръ и преемники ея благочестія хотѣли украсить, каменными плетенницами цвѣтовъ, это священное преддверіе. И внутри самой ограды есть двѣ малыя церкви, изъ коихъ одна посвящена Св. Василю великому, чтобы дополнить тройственное число Вселенскихъ учителей; но что всего горестнѣе: посреди столь недавняго заустынія, никто не можетъ сказать: кто первый соорудилъ сіи храмы, въ которыхъ человеческое искусство достигло столь высокаго развитія, и кто разорилъ ихъ?

Греки рассказываютъ, будто Тамерланъ, выстрѣливъ съ горы Св. Георгія, въ окно алтарное, и пробилъ внутри храма ликъ Богоматери, но еще не было пушекъ во дни Тимура. Достовернѣе отнести это къ поз-

двѣйшимъ завоевателямъ, ибо многіе проходили, съ огнемъ и мечемъ, по Бамбакскому ущелію. Старожилы помнятъ еще населеніе Ахталы, опустѣвшей послѣ страшнаго нашествія Омаръ-Хана Лезгинскаго, въ 1784 году, когда истребилъ онъ всѣхъ жителей, укрывшихся внутри церкви. Греки питаютъ глубокое уваженіе къ сему мѣсту, и дважды въ годъ, на рождество и успеніе Богоматери, приходитъ сюда священникъ совершать литургію, посреди многочисленной толпы богомольцевъ всѣхъ исповѣданій. Таинственныя легенды о кладахъ и болѣе вѣрные рассказы о чудесахъ, которыя не престають совершаться на мѣстѣ посвященномъ Матери Божіей, еще живы въ народѣ. Не весьма давно дѣвочка, собиравшая кизиль на вершинѣ утеса, оборвалась съ него въ глазахъ родителей; отчаянные устремились искать ея трупъ у подошвы и увидѣли, что она, съ дѣтскою простотою, продолжала собирать ягоды, бывшія причиною ея паденія.

Таковы преданія Грековъ; Грузины же, и самые образованные, ничего не знаютъ о

Ахталъ; она даже не упомянута въ географіи Царевича Вахуштія. Нѣкоторые изъ нихъ, не довольствуясь Тамарью, приписываютъ основаніе обители полумиѳическому Царю своему Гургъ-Арслану; Армяне, которые любятъ воспоминанія древняго своего могущества, присвоиваютъ себѣ начало Ахталы, по случаю ея сосѣдства съ Ахпатомъ и Санагиномъ, хотя ничѣмъ не могутъ доказать такого притязанія. Еще иные говорятъ, что Ахтала знаменуетъ клятву и основана, послѣ губительной болѣзни, навлеченной проклятіемъ неизвѣснаго инопка. Но теперешніе владѣтели Ахталы, Князя Меликовы, увѣряли меня, что по преданію до нихъ дошедшему отъ ихъ отцевъ, Императоръ Ираклій выстроилъ сію церковь по обѣту: когда, во время похода его въ Персію, онъ услышалъ страшную вѣсть, что Скиѣы съ одной стороны, а Персы съ другой, подступили къ его столицѣ, онъ далъ обѣщаніе соорудить обитель Богоматери на томъ мѣстѣ, гдѣ услышитъ о спасеніи Царьграда, и радостная вѣсть сія пришла къ нему въ Ахталъ. По-

тому и написана, на вратахъ и на горнемъ мѣствѣ, икона Влахернскія Божіей Матери, такъ какъ предъ сею чудотворною иконою Патріархъ Сергій, во время осады, читалъ всю ночь несъдальную пѣснь, акаемствъ; это радостное событіе воспоминается повсемѣстно въ пятую субботу великаго поста, подъ названіемъ Похвалы Божіей Матери.

Съ какой стороны ни взглянешь на чудное зданіе Ахтальскаго собора, не знаешь откуда болѣе имъ восхищаться, ибо ничего подобнаго не встрѣчалъ я въ Грузіи, по изящности отдѣлки, и такое сокровище совершенно брошено и забыто! Главный очеркъ его напоминаетъ соборный храмъ Мцхета, хотя въ меньшемъ размѣрѣ: также возвышается средина церкви, съ остроконечною крышею, но уже обвалился куполъ. Палатъ состоитъ изъ трехъ аркъ, въ Византійскомъ вкусѣ, и каждая дуга отличается разнообразіемъ арабесковъ. Чтобы понять совершенно то, что усиливаюсь выразить словомъ, надобно видѣть; ибо одинъ только глазъ можетъ принять впе-

чатлѣннѣ всего, что извлекъ здѣсь геній
человѣческой изъ каменной массы: каждый
прямой очеркъ стѣны или крыши смяг-
ченъ узорчатымъ карнизомъ, каждая дуга
двери или оконъ, обвита каменною плете-
ницею цвѣтовъ; сердцевина малыхъ кру-
говъ и квадратовъ, разбросанныхъ въ ви-
дѣ украшеній по стѣнамъ зданія, пред-
ставляется тонкимъ кружевомъ, сплетен-
нымъ изъ камня; кресты, изваянные надъ
алтаремъ и на боковыхъ фронтонахъ, въ
высшей степени изящны. Въ нихъ отрази-
лось самозабвеніе людей, которые жерт-
вовали цѣлыми годами своей жизни, лишь
бы только ихъ произведенія были достой-
ны высокаго назначенія, а имя труженни-
ковъ вѣдомо одному Богу. Но если нѣтъ
словъ для описанія, есть сердце для сочув-
ствія, и конечно то безотчетное и глубо-
кое благочестіе, съ которымъ созда-
лись святилища лучшихъ временъ, есть
необходимая вина того невольнаго благо-
говѣнія, которое проникаетъ душу при
входѣ въ ихъ завѣтную внутренность; ибо
тамъ еще вѣетъ молитвою, даже и отъ

обнаженныхъ стѣнъ; тамъ сердце жаждетъ молиться, хотя бы и среди развалинъ, болѣе нежели въ новомъ великолѣпнѣи храмѣ, и глаза хотятъ плакать, и сами собою подгибаются колѣна, на вѣковомъ помостѣ, взрытомъ слѣдами лучшихъ молитвенниковъ.

Первое что поражаетъ взоры, внутри святилища, есть колоссальное изображение Божіей матери Влахернской, поверхъ низкаго иконостаса, на яркой лазури горняго мѣста. Она сидитъ съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, на пурпурномъ ложѣ, и свѣжесть красокъ достойна изумленія; но лице и грудь Пречистой Дѣвы пробиты ядромъ. Первое разореніе церкви относятъ къ временамъ, предшествовавшимъ не только Тимуру, но и Монголамъ; по мѣстному преданію, Царица Тамаръ только довершила снизу одинъ изъ двухъ столбовъ трапезы, который чудно висѣлъ на воздухѣ, съ тѣхъ поръ какъ разбили его основаніе, чтобы потрясти лежавшій на немъ сводъ; такъ прочно было зданіе, что оно удержалось и на одномъ столбѣ, доколѣ Тамаръ не подставила новое основаніе подъ дру-

гой. Куполь обрушенъ, не рукою враговъ, а отъ руки времени, и жалко видѣть великолѣпное зданіе безъ кровли, подверженное всѣмъ непогодамъ. Это не препятствуетъ однако совершать въ немъ литургію, и доселѣ существуетъ атласный иконостасъ, который былъ поставленъ въ церкви, въ началѣ нынѣшняго вѣка, при управленіи горною частию Графа Мусина-Пушкина. Гробъ послѣдняго Епископа Іоакима подъ открытымъ куполомъ, и съ глубокимъ уваженіемъ притекають къ нему Греки, помня своего добраго пастыря, послѣ коего совершенно опустѣла Ахтала.

Горнее мѣсто внутри алтаря на трехъ ступеняхъ, а надъ нимъ лики Апостоловъ и Святителей. Подъ иконою Влахернской Божіей матери, Спаситель, вдвойнѣ написанный какъ въ Софійскомъ соборѣ Кіева, приобщаетъ подъ двумя видами Апостоловъ, подходящихъ къ нему съ обѣихъ сторонъ, и около надписъ Греческая: «пійте отъ нея вси.» Ниже Вечери тайной представлены въ два ряда знаменитѣйшіе Святители, но въ ихъ расположеніи не замѣтно

строгой постепенности церковной. Такимъ образомъ Іаковъ, братъ Божій, написанъ въ среднемъ окнѣ, противъ Сильвестра, Папы Римскаго, а между оконъ Василій великій и Златоустъ; надписи вездѣ Греческія и Грузинскія. Въ нижнемъ рядѣ Святителей, начиная отъ лѣвой руки, можно разобрать имена Св. Апостола Тимофея, Акакія, Діонисія Ареопагита, Евсевія Самосатскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Іакова Низивійскаго, Аѳанасія великаго и другаго Кирилла, Амфилохія Иконійскаго, Григорія Акраганскаго, Фаддея Селунскаго, Павла Цареградскаго, Петра Александрійскаго и еще нѣкоторыхъ. На аркѣ алтарной діаконы, со свитками въ рукахъ, въ которыхъ, Грузинскими писменами, начертаны тайнодѣйственные молитвы. Умилительно стоятъ, посреди такого сонма угодниковъ Божіихъ, какъ будто съ нами и за насъ молящихся у престола Божія. Жертвенникъ и ризница, по древнему чину, отдѣлены отъ алтаря. Въ тайныхъ покояхъ, построенныхъ нѣсколькими ярусами надъ ризницей, укрылись несчастные жители Ахталы, во время наше-

ствія Омаръ-Хана; но вопль заключеннаго съ ними младенца открылъ ихъ убжище неистовымъ врагамъ, и всѣ сдѣлались жертвою ихъ ярости. Кругомъ всѣ стѣны церкви покрыты также живописью, хотя не столь хорошо сохранившеюся какъ въ алтарѣ, отъ дѣйствія непогоды чрезъ обвалившійся куполъ. Еще видны однако двѣ большія картины, рождества и успенія Богоматери, которымъ празднуетъ сія церковь, и замѣчательны между оконъ два Симеонова Столпника, старшій и младшій. Ихъ уединенные столпы образованы самимъ простѣнкомъ, а кругомъ написаны всѣ именитые отшельники, Греческіе и Грузинскіе; это свидѣтельствуетъ о пустынномъ назначеніи обители Ахталъской и о Греческихъ ея поселенцахъ. Многіе лики святыхъ уже стерлись, но еще сохранился, въ углу трапезы, свѣжій образъ Царицы Тамари, въ вѣнцѣ и порфирѣ, съ двумя ей близкими по сердцу, супругомъ Давидомъ и сыномъ Георгіемъ, которыхъ однако можно угадать только по смѣжности ихъ съ Царицею.

И такъ вездѣ, на всѣхъ уже забытыхъ памятникахъ древней Грузіи, въ пустыняхъ и лѣсахъ, въ дѣбряхъ и ущеліяхъ, гдѣ даже не думаешь встрѣтить творенія рукъ человѣческихъ, вездѣ печать величія Тамари, этой чудной жены, которая умѣла гениемъ своимъ сосредоточить въ себя всю предшествовавшую и всю послѣдующую славу ея царства! Отъ самаго избытка своей славы, она, какъ баснословный призракъ, носится доселѣ надъ всеми развалинами, одушевляя ихъ мертвенность жизнью своего имени.

Назовите Тамарь, и вамъ откликнутся всѣ горы и долины Иверіи, отъ моря и до моря, какъ бы волшебныя струны ея пѣвца Руставели; онъ будто передалъ свои живые звуки даже неодушевленнымъ предметамъ, дабы они всегда и согласно прославляли великую Царицу! Есть рѣдкіе Гении, въ коихъ олицетворилась вся ихъ эпоха, отъ совершеннаго ихъ созвучія съ каждымъ порывомъ, съ каждою мыслію, можно сказать съ каждымъ біеніемъ сердца своего народа!—Такова царственная Та-

марь, свѣтлая отрасль Царя Пророка и Царя обновителя Давида! Она стала на грани всего славнаго и всего горькаго, что посетило ея родину и, несмотря на свою женскую оболочку, мужескою рукою держала собранныя ею бразды всего царства. Если бы кто захотѣлъ изобразить символическое лице самой Грузин, сей царственной красавицы, подъ ея бѣлою чадрою, съ крестомъ и скиптромъ и мечемъ въ рукѣ, обогренными собственною ея кровію за Христа, и въ свѣтломъ вѣнцѣ, вмѣстѣ мученическомъ и царскомъ:— пусть изобразить сію земную дѣву, простертою предъ ликомъ небесной Дѣвы, которая избрала ее своимъ удѣломъ; но прежде, пусть всмотрится въ неизгладимыя доселѣ, во всѣхъ сердцахъ и на всѣхъ святилищахъ, черты Царицы и, въ образѣ Грузин, представитъ Тамарь!

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Арменія	1
Св. Григорій Просвѣтитель	18
Эчміадзинъ	40
Гаяна, Рипсима, Шогакатъ	64
Литургія Армянская	72
Эриванъ. Кегартъ	106
Араратъ	121
Хорвирабъ и Арташатъ	145
Окрестности Эчміадзина	160
Торжество муроваренія	184
О несогласіи Армянской церкви съ Православною	206
Развалины Ани	257
Лори, Санагинъ и Ахпатъ	289
Ахтала	313

ГРУЗИЯ

И

АРМЕНИЯ.

Часть III.

С. П. Б.

1848.

Грузія и Арменія.

ГРУЗИЯ

И

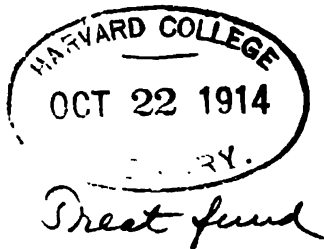
Д Р М Е Ш І Я.

Ч а с т ь І І І.

С. П. Б.

Въ тип. III отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1 8 4 8.

**Отъ Санктпетербургской Духовной Цензуры почта-
тать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи
представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Октяб. 10 дня, 1847 года.**

Цензоръ Казанскаго собора Протоіерей,

Тимофей Никольскій.

ОБИТЕЛЬ СВ. АНТОНІЯ МАРТ- КОВСКАГО.

Возвратясь въ Тифлисъ, послѣ пятине-
дѣльнаго странствованія по Арменіи, я на-
шелъ городъ оживленный присутвіемъ
Князя Намѣстника и его многочисленной
свиты, потому что уже окончились воен-
ныя дѣйствія и всѣ собрались на зиму въ
Тифлисъ. Черезъ нѣсколько дней Экзархъ
предложилъ мнѣ, ѣхать съ нимъ, за двад-
цать верстъ отъ города, въ пустынную
обитель Св. Антонія Мартковскаго, кото-
рую хотѣлъ онъ возстановить изъ разва-
ливъ и благословить лично начало работъ.

Хотя и не сохранилось житія Св. от-
Часть III. 1

шельника, одного изъ тринадцати Сирскихъ Отцевъ, но память его въ большемъ уваженіи у народа, по той нерукотворенной иконѣ Спасовой, которую онъ принесъ съ собою изъ Сиріи. Преданіе говоритъ, что она чудно отпечатлѣлась, отъ прикосновенія къ священному подлиннику Эдесскому, и для нея стекались въ обитель многочисленныя богомолцы, до временъ завоевателя Тамерлана. Испуганный его нашествіемъ, настоятель Марткобскій, Епископъ Георгій, закладъ чудотворную икону въ стѣнѣ и унесъ съ собою тайну о ней въ могилу, ибо самъ былъ убитъ въ разоренной обители; всѣ поиски остались тщетными. Послѣ Тамерлана возстановилась опять обитель, хотя и не въ прежнемъ великолѣпнѣ; но въ половинѣ минувшаго столѣтія ворвались въ нее Лезгины и умертвили всю братію; съ тѣхъ поръ она опустѣла; землетрясеніе въ 1827 году довершило бѣдствіе, паденіемъ купола надъ гробомъ отшельника. Однако не прекратилось усердіе народное къ святому мѣсту, и постоянно, въ день усненія Богоматери, бывшій

храмовымъ, и въ слѣдующій за нимъ праздникъ нерукотвореннаго Образа, граждане Тифлисскіе, равно Грузины и Армяне, толпами идутъ на пустынную гору святаго Антонія и многіе получаютъ исцѣленіе. Весьма недавно одинъ разслабленный, пролежавъ нѣсколько дней при гробѣ Святаго, возвратился съ обновленными силами. Это побудило Экзарха, съ помощію нѣкоторыхъ благотворителей, приступить къ возобновленію обители. Священный долгъ сей какъ бы лежалъ на Архипастырѣ Грузин, съ тѣхъ поръ какъ самый списокъ съ древней иконы, принесенной Антоніемъ, поставленъ былъ въ придѣлъ кафедральнаго собора Сіонскаго.

Не болѣе пяти верстѣ отъ селенія Марткоби, куда перенесена была кафедра послѣднихъ Епископовъ Руставскихъ, до развалинъ пустыннаго монастыря на вершинѣ горы, поросшей лѣсомъ; нельзя иначе туда подняться какъ верхомъ. Мѣсто сіе должно быть очаровательно лѣтомъ, отъ роскошной зелени; но уже листья опали при нашемъ посѣщеніи, и густой туманъ, об-

ложившій горы, лишилъ насъ прекрасныхъ видовъ, какъ бы для того, чтобы устремить все вниманіе къ самому святилищу. Приближаясь къ монастырю, еще отъ насъ закрытому горою, мы внезапно обрадованы были звукомъ малаго колокола, который только наканунъ повѣсили надъ остатками бывшихъ воротъ. Вся обитель, обширная нѣкогда, предстала намъ изъ тумана, на сей разъ, оживленная толпою народа, который собрался изъ окрестныхъ селеній, при вѣсти о пришествіи Экзарха. Архимандритъ Марткобскій съ сосѣдними священниками, въ полномъ облаченіи, встрѣтили своего пастыря, у входа въ развалины, и трогательно было видѣть, посреди обломковъ, церковное шествіе. Многіе прослезились, вспомнивъ древнюю славу обители, когда опять услышали священные гимны, почти сто лѣтъ не оглашавшіе своды храма, которые съ тѣхъ поръ успѣли обрушиться. Экзархъ, взойдя въ церковь, сталъ на колѣни подлѣ гроба Св. Антонія и, послѣ умиительнаго молебна нерукотворенному Образу и Преподобному, надѣлъ

на себя эпитрахиль одного изъ священниковъ и самъ прочелъ молитвы на обновленіе храма.

Въ числѣ молившихся были Греческіе каменщики изъ Трапезонда, которые немедленно должны были приступить къ работѣ, и по усердію три первые дня трудились безъ платы. Крестьяне сосѣднихъ селеній, принадлежавшихъ нѣкогда обителямъ, вызвались возить даромъ лѣсъ и кирпичъ на крутую гору для строенія. Плодомъ такого общаго усердія было то, что уже въ нынѣшнемъ году, на праздникъ успенія, освящена была придѣльная церковь во имя Св. Антонія, въ обширной трапезѣ, прилегающей къ собору. Такъ дѣйствительна была первая молитва о обновленіи святилища! Гробовая плита отшельника, покрытая на сей разъ парчевою пеленою, возвышалась подъ открытымъ небомъ, хотя и внутри церкви, лишенной купола, по лѣвую сторону иконостаса, низкаго и каменнаго, съ котораго уже стерлись его фрески. Онъ уцѣлѣли въ олтарь, особенно на лѣвой стѣнѣ, менѣе подвер-

гавшейся сырости; можно было разобрать на горнемъ мѣстѣ лики Богоматери, Апостоловъ и Святителей, между коими яснѣе видны Василій великій и Златоустъ. На стѣнахъ собора сохранились только Пророки Исаія и Авлій, Св. Екатерина и два царскіе лика, Вахтанга Гургъ-аслана и Давида возобновителя, изъ коихъ одинъ основатель, а другой обновилъ храмъ Марткобскій; тутъ же, на западной стѣнѣ, написанъ нерукотворенный образъ Спаса, поддерживаемый Ангелами, и около него выломаны камни, ибо здѣсь искали иконы утаенную икону.

Замѣчательно, что надъ нѣкоторыми иконами были надписи Русскія, потому вѣроятно, что они были писаны Русскими художниками, присланными вмѣстѣ съ іереями, отъ Царя Феодора Иоанновича, Царю Кахетинскому Александру, при посольствѣ Князя Звѣнигородскаго, въ 1586 году, ибо благочестивый Самодержецъ Русскій, заботился о возстановленіи благолѣпія церковнаго въ землѣ единовѣрной, пострадавшей отъ Персовъ.

Однако большая часть уцѣлвшихъ фресковъ должна подвергнуться разрушенію, при перестройкѣ храма, отъ сильныхъ трещинъ въ старыхъ стѣнахъ. Съ южной стороны церковъ виситъ надъ пропастью, но туманъ наполнялъ ее, такъ что мы, казалось, стояли въ облакахъ, а въ ясную погоду оттолкъ можно видѣть церковъ Св. Давида, на горѣ Тифлисской. Обширная ограда, съ остатками болѣе нежели пятидесяти келлій, свидѣтельствуетъ о прежнемъ населеніи обители. За версту отъ нея, у подошвы горы, уцѣлѣла въ лѣсу церковъ рождества Богоматери, сооруженная въ началѣ XVI вѣка, Епископомъ Руставскимъ Иларіономъ, а за версту отъ монастыря, на вершинѣ горы, существуетъ уединенный столбъ, на коемъ спасался великій подвижникъ, по примѣру Сирійскаго столпника Симеона.

Если одинъ завоеватель Востока раззорилъ обитель, то другой, покоритель Индіи и Персіи, воздалъ ей должную почесть. Шахъ-Надиръ, зная, что при всѣхъ нападеніяхъ на Грузію, Марткоби служило мѣ-

стомъ собранія ратниковъ, для защиты отечества, и что тамъ хранилась даже ихъ воинская хоругвь, пожелалъ видѣть пустынную обитель; это было только за десять лѣтъ до ея конечнаго разоренія Лезгинами, при настоятельствѣ старца Зинона, который пережилъ разрушеніе. Шахъ велѣлъ поставить шатеръ свой, у входа въ обитель, и совершилъ тамъ полуденную молитву; Цари Теймуразъ и Ираклій поздравили его съ исполненіемъ благочестиваго намѣренія. Почтенный видъ престарѣлаго настоятеля произвелъ сильное впечатлѣніе на Шаха; онъ посадилъ его и самъ погрузился въ глубокое молчаніе; ему представили и ту славную хоругвь, которая столько разъ въяла предъ полками храбрыхъ. Надиръ могъ спокойно на нее смотрѣть, ибо самъ способствовалъ Грузинамъ, изгнать Турковъ изъ ихъ предѣловъ. Надъ гробомъ преподобнаго Антонія спросилъ онъ: какой Царь положенъ въ храмъ? «не Царь, а отшельникъ», сказалъ ему Ираклій. — «Чье же знамя?» спросилъ Шахъ. «Во имя Святаго ополчался народъ, отвѣчалъ Ираклій, и

нынѣ знамя сіе осѣнило побѣдныя полки Ирана, союзныя Иверіи». Шахъ Надиръ, обратясь къ своимъ намѣстникамъ, тогда же повелѣлъ имъ уважать вѣру воинственнаго народа, никогда не колебавшуюся посреди потрясенія царства, и пожертвовалъ обители 200 тумановъ или червонцевъ Персидскихъ и двѣсти восточныхъ драгоцѣнныхъ камней, для украшенія иконъ и гроба Преподобнаго. — Какъ назидательна такая побѣда отшельника надъ завоевателемъ и вольная ему дань, собиравшаго въ Индіи дань съ великаго Могола! — Поздно вечеромъ возвратились мы въ селеніе Марткоби и на другой день въ Тифлисъ.

ТИФЛИСЬ.

Я уже ознакомился отчасти съ городомъ, въ первые дни моего прїѣзда, и хотя онъ заключаетъ въ себѣ немного замѣчательныхъ древностей, старался однако не оставить ихъ безъ вниманія. Тифлисъ, почти совершенно истребленный пожаромъ въ последнее нашествіе Персидское Аги-Магометъ Хана, много измѣнился со времени владычества Русскаго. Собственно старый городъ, заключавшійся внутри стѣнъ, которыхъ теперь уже нѣтъ, обитаемъ только старожилами, издавна имѣвшими тамъ свои дома, и оживленъ большимъ база-

ромъ, съ караванъ-сараями въ совершенно восточномъ вкусъ. Европейцу, проходящему по тѣснымъ изгибамъ сего базара, или подъ темными сводами караванъ-сарая, и еще не сроднившемуся съ Азіею, изумительно видѣть всю жизнь народную наружи: всякій ремесленникъ, въ открытой лавкѣ, занимается спокойно своимъ ремесломъ, не обращая вниманія на мимотекущую толпу и на караваны верблюдовъ и лошаковъ, вьюками своими задѣвающихъ за его лавку. Теплыя ванны минеральныхъ водъ, на краю стараго города, составляютъ одно изъ достоинствъ Тифлиса, и дали ему даже свое имя, ибо Тифлисъ значить теплый. Въ стараго города, тамъ, гдѣ были прежде виноградники царскіе и Кашветское кладбище Св. Георгія, новый городъ ежедневно украшается зданіями въ Европейскомъ вкусъ, съ болѣе правильными улицами. Домъ Князя Намѣстника, стоявшій долго одинокимъ на краю новаго населенія, теперь уже посреди Европейскаго Тифлиса; надъ нимъ живописно поднимаются, между садовъ, строенія по горѣ

Св. Давида и отъ него все болѣе и болѣе расширяется городъ къ заставѣ и рѣкѣ; площадь Эриванская служитъ центромъ.

Царь Георгій не узналъ бы теперь дворца своего, на берегу Куры, гдѣ болѣзненно провелъ три года своего царствованія, потому что прежній дворецъ его предковъ, внутри стараго города, представлялъ тогда одно печальное пепелище. Домъ послѣдняго Царя обращенъ теперь въ благоустроенное жилище начальника артиллеріи, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли палаты древнихъ Царей до Ираклія, выстроены надъ самой рѣкою домъ гражданскаго губернатора. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ города, потому что оно освѣжается водою и постояннымъ теченіемъ воздуха, по руслу рѣки. По совершенной простотѣ и даже убожеству княжескихъ жилищъ въ Тифлисѣ и вообще въ Грузіи, нельзя судить о бывшихъ палатахъ царскихъ, которыя украсились въ теченіе многихъ столѣтій, хотя иногда и были раззоряемы. Магометанскій Царь Ростомъ, особенно великолѣпный въ своихъ зданіяхъ, который об-

новилъ городскія стѣны послѣ нашествія Шаха-Аббаса, украсилъ съ восточною роскошью и дворецъ своихъ предковъ. Намъ сохранилось описаніе его пріемной залы, въ книгѣ одного западнаго путешественника, Шардена, который торговалъ въ Персіи драгоценными камнями и приведенъ былъ монахами Капуцинскими ко двору Вахтанга Шахъ-Наваза, преемника Ростомова.

«Дворецъ царскій, говоритъ онъ, конечно одно изъ лучшихъ украшеній Тифлиса; его обширныя залы обращены къ рѣкѣ и просторный садъ, ихъ окружаетъ. Тамъ есть особенное отдѣленіе для птицъ всякаго рода, и лучшее собраніе соколовъ; передъ дворцомъ, на четырехугольной площади, можетъ помѣститься до тысячи лошадей; она окружена лавками и примыкаетъ къ длинному базару напротивъ дворцовыхъ воротъ. Съ вершины сего базара весьма великолепенъ видъ на площадь и на левую сторону палатъ. Пріемная зала простирается на 18 сажень въ длину и на 7 въ ширину, и совершенно открыта, какъ галлерей, со стороны рѣки. Потолокъ ея,

убранный какъ бы мозаикою, опирается на множество тонкихъ позлащенныхъ столбовъ, отъ 6 до 7 сажень высоты, и весь помостъ устланъ богатыми коврами. Три малые камина согрывали залу, въ которой Шахъ-Навазъ принялъ путешественника, по ходатайству миссіонеровъ.» Замѣчательно, что говорятъ онъ о своихъ единовѣрцахъ, вслѣдъ за описаніемъ дворца.

«Не болѣе тринадцати лѣтъ, какъ ихъ послали изъ Рима, (а онъ пишетъ въ 1640 году) подъ именемъ врачей, что было причиною хорошаго ихъ приѣма. Они поселились въ Тифлисъ и Гори. Шахъ-Навазъ, Магометанскій Царь, далъ имъ дома въ обоихъ городахъ, съ полною свободою отправлять свое богослуженіе. Они принесли ему письма отъ Папы и пропаганды, съ богатыми дарами, ему, Царицѣ, Католикосу и первостепеннымъ вельможамъ, что повторяютъ каждые два года. Нѣсколько разъ уже хотѣли ихъ выгнать, за обращеніе въ свою вѣру; но они умѣли сдѣлать себя необходимыми, такъ какъ въ Грузинъ вовсе нѣтъ врачей и хирурговъ. Папа позволялъ

имъ пріобрѣтать деньги за леченіе, для своего содержанія, и имъ платять обыкновенно мукою, виномъ, скотомъ и молодыми невольниками; они же продають то, что имъ не нужно. Сверхъ того они получили и другія разрѣшенія, духовныя и свѣтскія, какъ напримѣръ: служить обѣдню безъ причетника, во всякомъ мѣстѣ и во всякой одеждѣ; разрѣшать всякіе грѣхи, одѣваться какъ заблагоразсудятъ, содержать лошадей и прислугу; имѣть невольниковъ, заниматься куплею и давать деньги въ ростъ: однимъ словомъ, они пользуются столь обширными преимуществами, что дѣйствительно никто изъ самыхъ привилегированныхъ сановниковъ Церкви не можетъ съ ними въ этомъ сравниться. (Не должно забывать, что Шарденъ говоритъ здѣсь, о самомъ строгомъ ордень Капуциновъ, которые въ Римъ ходятъ босыми). Не смотря однако на всѣ сіи хитрости и послабленія, они мало имѣють успѣха между Грузинами, ибо кромѣ своего невѣжества, народъ сей такъ упоренъ, что почитаетъ постъ главнымъ дѣломъ въ религіи и не

признаетъ Капуциновъ за Христіанъ, по разности ихъ поста, такъ что они сами принуждены соблюдать посты Грузинъ и сдѣлались, по внѣшности, какъ бы ихъ единовѣрцами. (Такимъ образомъ путешественникъ, думая укорить Грузинъ, воздастъ имъ невольную похвалу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обличаетъ, какія средства позволялъ себѣ употреблять Римъ, для своихъ совращеній).

«Сперва собиралось много народа въ церковь Капуцинскую въ Тифлисъ, ибо онъ былъ привлеченъ новостію богослуженія и малымъ хоромъ, составленнымъ изъ пяти голосовъ и двухъ инструментовъ; теперь же туда приходятъ не болѣе пяти или шести бѣдныхъ, получающихъ отъ церкви содержаніе. Инокѣ учредили школу, но и въ ней не болѣе осьми мальчиковъ и то бѣдныхъ, тоторые туда приходятъ менѣе для ученія, нежели для хлѣба, по признанію самихъ добрыхъ отцевъ. Они мнѣ часто говорили, что содержатъ свои миссіи, не ради какой либо значительной пользы, но для чести Римской Церкви, которая, по

словамъ ихъ, не была бы Католическою, если бы не имѣла своихъ служителей во всѣхъ частяхъ населеннаго міра». — Что сказать о такого рода миссіяхъ, столь безпристрастно описанныхъ? Мы обратимся опять къ палатамъ.

Дворецъ Вахтанговъ и Иракліевъ заключалъ въ себѣ до трехсотъ покоевъ, имѣлъ въ своей оградѣ четыре церкви и по несчастію одну мечеть, устроенную Ростомомъ, по невольному исламизму Царей, до Теймураза отца Иракліева. Еще видно на площади мѣсто, гдѣ стояла главная придворная церковь Св. Георгія, куда собирався весь дворъ въ торжественные дни. Другая малая, также во имя Великомученика, доселѣ существуетъ и служила придворною, при послѣднемъ Царѣ. Въ ней замѣчательна по своей древности и окладу икона Св. Георгія. Церковь была основана, въ 1710 году, Царевичемъ Симономъ, братомъ законодателя Вахтанга, и при ней обиталъ, въ сосѣднемъ домѣ, старшій сынъ послѣдняго Царя Давидъ. Старый дворецъ простирался, со всеми своими службами, до

самаго подворья Католикосовъ, у Анчисхатскаго собора, гдѣ они временно помещались, ибо настоящее ихъ жилище было въ первопрестольномъ Мцхетѣ. Католикосъ Доментій первый тутъ поселился, въ началѣ минувшаго вѣка, подлѣ дворца Князей Багратионовъ-Мухранскихъ, родственниковъ царскихъ, и по его примѣру тамъ обитали послѣдніе Католикосы Николай и два Антонія.

Особенно замѣчательно между ними лице старшаго Антонія или великаго, какъ онъ слыветъ въ народѣ, сына Магометанскаго Царя Иессея. Онъ былъ ревнитель просвѣщенія духовнаго и ему обязана Церковь Грузинская собраніемъ житій ея святыхъ и сочиненіемъ многихъ каноновъ, вмѣсто утраченныхъ въ бѣдственную эпоху раззореній Персидскихъ. Но частыя его сношенія съ миссіонерами, отъ которыхъ научился языку Латинскому и старался заимствовать просвѣщеніе, возбуждало противъ него подозрѣніе духовенства. Царь Теймуразъ воспользовался сею молвою, чтобы удалить непріязненнаго ему Католикоса, изъ

династіи Карталинской, и поставилъ на его мѣсто благочестиваго старца Юсифа, который однако не хотѣлъ принять на себя титула верховнаго пастыря Грузіи. Антоній удалился въ Россію, и оправдавшись предъ Св. Синодомъ въ нареканіяхъ, противъ него возникшихъ, получилъ въ управленіе епархію Владимірскую; тамъ еще болѣе приобрѣлъ познаній духовныхъ, но уже безукоризненныхъ для своего православія. Царь Ираклій, по смерти отца, вызвалъ опять Антонія и возвратилъ ему кафедру, ибо онъ всегда оставался съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ. Рассказываютъ, что смиренный пастырь, желая убѣдить въ своемъ православіи паству и духовника, его подозрѣвавшаго, при первомъ торжественномъ служеніи, въ присутствіи его и самаго Царя, провзнесъ громогласно символъ вѣры, на великомъ выходѣ, съ дискосомъ въ рукахъ. Потомъ, подошедши къ непреклонному духовнику, во свидѣтельство своей правоты, сталъ предъ нимъ на колѣни и всенародно умолялъ, оставить неправильное подозрѣніе и дать ему цѣлова-

не мира; но упорный старикъ ни слова не отвѣчалъ владыкѣ и даже отвернулся отъ него. Тогда Антоній, дѣйствуя уже какъ Католикосъ, самъ запретилъ ему священнослуженіе и удалилъ его изъ Тифлиса; родъ сего священника почитается неблагословеннымъ и доселѣ.

Соборъ Анчисхатскій, у котораго находилось подворье, празднуетъ рождеству Богоматери, и былъ сооруженъ въ VII вѣкѣ, при Царѣ Адарпасѣ, Католикосомъ Вавилою, послѣ котораго на долго прекратился рядъ Первосвятителей Грузин. Онъ называется Анчисхатскимъ, отъ древняго города Анчи, въ области Ахалцихской, гдѣ во времена иконоборства сокрытъ былъ образъ Спасовъ, нерукотворенный по преданіямъ Грузинскимъ, привезенный изъ Греціи. Послѣ завоеванія области Атабековъ Турками, Католикосы озаботились перенести святыню сію въ Тифлисъ. По мнѣнію благочестивыхъ, священная икона, чуднымъ образомъ, отпечатлѣлась на доскѣ, какъ и Марткобская, отъ прикосновенія къ подлиннику; но якъ больше обыкновеннаго

образа человеческого и много пострадалъ отъ времени, такъ что не ясны черты. Серебряный окладъ, съ драгоценными привѣсками, весьма древній; Грузинская надпись на иконѣ служитъ для нея историческимъ объясненіемъ:

«Благослови Боже Католикоса-Патріарха Доментія, обновившаго сей нерукотворенный образъ. Онъ сперва принесенъ изъ Эдессы въ Константиноградъ; но когда Левъ Исавръ и другіе иконоборцы появились, въ то время перенесли его въ Кларжети (западную Грузію, прилежащую къ Черному морю, нынѣ въ рукахъ Турокъ), и поставили въ епископской каедральной Анчійской церкви, по повелѣнію Царицы Тамари (значитъ, въ концѣ XII вѣка), которая приложила къ нему серебро и другія вещи для украшенія. Образъ сей оклеивалъ приличною ризою Іоаннъ Анчійскій (Епископъ). Когда же Самцхе (вся западная Грузія) обратилась въ Магометанство, тогда прибылъ туда Тифлисскій купецъ, купилъ его значительною цѣною и благоговѣнно представилъ дядѣ нашему, Католи-

жосу—Патріарху Дементію (II), который приобрѣлъ оный себѣ дорогою цѣною и поставилъ въ Тифлисской католической церкви, въ царствованіе дѣда нашего Царя Вахтанга. Но потомъ древо и риза весьма обветшали, и потому мы, «осъщеніе Царей всея Грузіи» Католикось—Патріархъ Дементій, паки возобновили и оковали ризою, образъ и кивотъ, съ прибавленіемъ драгоценныхъ камней и жемчуга. Христе Боже! Прости всѣ согрѣшенія мои, избави отъ видимыхъ и невидимыхъ мукъ, и удостои стоянія одесную тебя, и сохрани Царя Царей Грузинскаго Вахтанга Багратионова, и супругу его Царицу Русуданъ, и сыновей ихъ Баграта и Георгія и дочерей, и избави ихъ отъ искушенія. 1688 года».

Странно и вмѣстѣ замѣчательно: старый городъ, обнесенный стѣнами и слѣдственно охранявшій палаты царскія и главную святыню, и сокровища народной торговли, заключаетъ въ себѣ однако наибольше церкви Армянскія, а не Православныя; ихъ число еще уменьшилось, съ уничтоженіемъ трехъ придворныхъ, а казалось бы

столпца царства Грузинскаго должна имѣть болѣе храмовъ своего исповѣданія, нежели чуждаго. Теперь же, въ объемъ городскихъ стѣнъ, кромѣ соборовъ Сіонскаго и Анчисхатскаго, малой придворной церкви Св. Георгія и двухъ Греческихъ подворьевъ, изъ коихъ одно Синайское, а другое Иерусалимское Св. креста, есть еще одна Латинская, прочія же всѣ Армянскія. Подворье Иерусалимское основано было Вахтангомъ Гургъ-асланомъ и носило громкое имя Голгофы; уже около трехсотъ лѣтъ какъ оно пожертвовано, благочестіемъ Царей Грузинскихъ, святому гробу, вѣроятно Георгіемъ IX, послѣ его похода въ Иерусалимъ.

Въ числѣ замѣчательныхъ церквей Армянскихъ: Крестная, близъ площади дворцовой, сохраняющая въ ризницѣ своей часть главы первозваннаго Апостола, и недалеко отъ нее Могилы или Св. Георгія. Гораздо выше въ полугорь, на которой крепость, стоятъ древній храмъ Божіей матери, основанный въ XI вѣкѣ, вѣроятно при Давидѣ возобновитель, послѣ освобожденія имъ Тифлиса, и такъ называемый Петъ-

хаимскій, бывший Виелеемъ, который соорудилъ благочестивый Царь Вахтангъ, для воспоминанія священной мѣстности Палестинской. Нѣсколько ниже Виелеемскаго собора, устроенъ недавно дѣвичій монастырь Армянскій, а на одной высотѣ съ соборомъ сохранились остатки древняго языческаго капища огнепоклонниковъ. Оно четверугольное съ куполомъ, въ видѣ храма, и сложено изъ кирпича; по красному цвѣту издали можно отличить его отъ массы бѣлыхъ зданій, живописно подымающихся съ подошвы горы, почти до ея вершины, гдѣ нависли надъ ними голыя скалы, увѣнчанныя вышгородомъ. Крутыми уступами восходить на сію вершину древняя городская стѣна, укрѣпленная башнями, и упирается въ самый вышгородъ, испытанный столькими приступами.

Сооруженіе его предшествовало основанію самаго Тифлиса, но онъ былъ укрѣпленъ Вахтангомъ Гургъ-асланомъ въ V вѣкѣ, и Бакаръ, сынъ его, построилъ въ немъ церковь Святителя Николая, обновленную вмѣстѣ съ крѣпостію, при маго-

метанскомъ Царѣ Ростомѣ; доселѣ существуютъ ея развалины. Императоръ Ираклій взялъ приступомъ крѣпость, въ VII вѣкѣ, и это было первое ея паденіе; завоеватели Арабскіе, овладѣвъ столицей, укрѣпились въ вышгородѣ. Во время нашествія Сельджукидовъ Альшъ-арсланъ, раззорившій городъ, не пощадилъ и его твердыни, и большихъ усилій стоило Давиду возобновителю, исторгнуть ее изъ рукъ Турковъ. На краткое время овладѣлъ ею Султанъ Хорасанскій Желалъ-эддинъ, ознаменовавшій столькими ужасами свое владычество, и вскорѣ Царица Русуданъ должна была уступить Монголамъ развалины вышгорода и столицы; но хотя и подъ игомъ Монгольскимъ, завѣтная твердыня перешла опять въ руки природныхъ Царей, ибо Орда, тяготѣвшая всею массою своею на ихъ землѣ, не нуждалась въ сторожевыхъ бойницахъ. Иначе дѣйствовалъ свирѣпый Тамерланъ. Багратъ VI выдержалъ здѣсь кровопролитную его осаду и взятъ былъ въ орлиномъ гнѣздѣ своемъ; но сынъ его Георгій очистилъ опять вышгородъ отъ

Часть III.

2

полчищъ Татарскихъ. По усиленіи новой династіи Персидской Софіевъ, крѣпость Ти-флисская досталась въ руки Шахъ-Измаилу и Шахъ-Тамазу, при завоеваніи ими столицы, а Царь Ростомъ, избранный Шахъ-Аббасомъ, озаботился ея обновленіемъ: всѣ доселѣ стоящія башни воздвигнуты вновь или поддержаны его мощною рукою. Въ свою очередь овладѣли крѣпостью Турки, но они пренебрегли древнимъ вышгородомъ, на гребнѣ утеса, и основали новый Метехскій замокъ, у самаго моста черезъ Куру. Съ тѣхъ поръ старая твердыня стала приходить въ упадокъ: уже при послѣднемъ Вахтангѣ законодателѣ, въ началѣ минувшаго столѣтія, она была въ жалкомъ положеніи. Великій Царь Ираклій старался нѣсколько поддержать ее, но послѣ раззоренія Персидскаго, крѣпость была опять оставлена, какъ бесполезная, и служить теперь только для храненія пороха.

Нѣсколько разъ подымался я къ подошвѣ горнаго замка, по крутымъ стезямъ стараго города отъ Вмелеема, или съ противоположной стороны отъ ботаническаго

сада, и только однажды могъ проникнуть въ его внутренность, уже весною, передъ отъездомъ изъ Тифлиса, потому что ворота его всегда были заключены. Но трудное восхожденіе вознаграждалось чудными видами, особенно изъ садовой калитки на верху горы; нечаянность зрѣлища умножаетъ очарованіе и старожилы Тифлискіе любятъ изумлять ею прїѣзжихъ. По тѣснымъ улицамъ базара, они обведутъ васъ около подошвы горы, увѣнчанной замкомъ, по другую ея сторону, гдѣ разведенъ, подъ навѣсомъ башень и скалъ, поэтической садъ и, по уступамъ виноградныхъ терасъ, вы непримѣтно подыметесь къ городской стѣнѣ. Тогда отворятъ передъ вами калитку и, въ ея тѣсной рамѣ, внезапно представится чудное зрѣлище, раскинутого у ногъ вашихъ, Тифлиса и излучистой рѣки, и снѣжнаго хребта Кавказскаго, на дальнемъ горизонтѣ. Стѣна идетъ по самому гребню горы, какъ бы по лезвію меча, и потому никакъ нельзя ожидать за стѣною такого быстрого спуска и столь чудной панорамы.

Если же, съ вершины утесовъ, спуститься трудною стезею въ нижній городъ, на Метехскій мостъ, соединяющій его съ другою крѣпостію и предмѣстіемъ Авлабара: опять представятся взорамъ разнообразныя виды, исполненные воспоминаній историческихъ. Посмотрите къ полдню, куда мчится изъ-подъ моста бѣшеная Кура, съ шумомъ ударяя въ утесъ Метеха и потомъ въ противолежащій болѣе отлогій берегъ, испещренный домами и деревьями: очаровательна весною эта роскошная колоннада природы, изъ множества стройныхъ тополей и чинаръ, образуя нѣчто цѣлое, какъ бы нѣкія волшебныя палаты, у подножія стараго замка; сурово смотритъ на нихъ, съ недоступной вершины, сей каменный вѣнецъ Тифлиса, надвинутый рукою невѣдомыхъ Царей на острый гребень горы. Напротивъ его виситъ на скалѣ, надъ самой рѣкою, болѣе доступный замокъ Метехъ, освященный древнимъ храмомъ Богоматери, который стоитъ на краю пропасти, усмиряя собою бурное стремленіе водъ.

Посмотрите через арку другаго моста, смѣло переброшеннаго съ утеса на утесъ, ибо тутъ только можно было оковать бурную рѣку: какъ издали она мчится по широкому руслу, готовая сокрушить всѣ преграды и самую скалу, на которой утверждены оба моста. Съ обвѣхъ сторонъ широко раскинулись Тифлисъ и Авлабаръ, городъ и предмѣстье, одинъ украшенный древнею святынею своихъ храмовъ, другой, какъ бы еще въ младенчествѣ дикой природы, оживленный стадами верблюдовъ, которые съ крикомъ спускаются отъ горныхъ саклей на песчаный берегъ. Но болѣе величественное зрѣлище кончаетъ опять горизонтъ: тамъ дикій Кавказъ подымлетъ къ небу свои вѣковыя вершины и въ ихъ промежуткѣ сіяетъ, на синемъ эфирѣ двѣственными снѣгами, отовсюду видимый двуглавый Казбекъ. Посреди шумной суеты моста, по которому течетъ вся городская жизнь Тифлиса, невыразимо торжественна эта горная даль, ясная, тихая, какъ бы проблескъ вѣчности, сквозь разорванное покрывало времени.

Но что за часовня прилегла къ скалѣ Метехской, какъ бы таинственный входъ въ подземелье? — Это память священнаго подвига: тутъ пострадалъ Св. мученикъ Або за вѣру Христову, отъ намѣстника Халифовъ; здѣсь усѣкли его мечемъ и сожгли его останки, и бросили самый пепелъ въ мимотекущую Куру.

СВ. АБО И ШУШАНИКА.

Отъ Магометанскихъ Фродителей происходилъ Св. Або, но призванъ былъ благодатию къ свѣту истины и, научившись съ дѣтства составлять благовонныя масти, удостоился помазанія истиннаго мұра Христа. Юношей последовалъ онъ изъ Багдада, за

владѣтелемъ Иверскимъ Нересомъ, сыномъ Адарнасія, изъ царскаго племени Сасанидовъ, котораго по трехлѣтнемъ заключеніи отпустилъ Халифъ, правительствовать въ бѣдствующей землѣ своей. Въ обществѣ Христіанъ, мало по малу, позналъ Або весь заблужденіа своего закона и достоинство Христіанскаго. — Исповѣдуя его внутренно, онъ еще не рѣшался исповѣдать явно въ Тифлисъ, гдѣ тогда было мѣсто-пребываніе намѣстника Халифа; но когда новое нашествіе Арабское, принудило владыку его удалиться за хребетъ Кавказа, къ Царю Хозарскому, Або, вѣрный своему долгу, послѣдовалъ въ изгнаніе и внялъ въ странъ языческой, для него безопасной, небесному званію. Онъ крестился между Хозарами и, пришедши въ Абхазію вмѣстѣ съ Нересомъ, къ православному владѣтелю Греческому, свободно предался благочестивому влеченію своего сердца: строгій постъ и молитвы были постояннымъ его упражненіемъ.

Господь, котораго пламенно возлюбилъ юный подвижникъ, готовилъ ему свѣтлый

вѣнецъ предназначенный, по словамъ Апостола, всѣмъ возлюбившимъ его пришествіе. Племянникъ Нерсеса, Стефанъ, избранъ былъ отъ Халифа правителемъ Грузіи, и убѣдилъ дядю возвратиться съ семействомъ въ отечественные предѣлы. Напрасно Нерсесъ и самъ владѣтель Абхазіи, тронутые благочестіемъ юноши, умоляли его не подвергать себя опасности въ Тифлисъ, и довершить подвигъ молитвы въ Абхазіи: нѣкое тайное чувство влекло мученика на поприще, ему предназначенное; онъ какъ бы стыдился прежняго своего малодушія и мужественно последовалъ въ Тифлисъ за своимъ владыкою, гдѣ открыто сталъ исполнять всѣ заповѣди церковныя. Возгорѣлись яростію Магометане; они обвинили Або въ вѣроотступничествѣ предъ Эмиромъ, но еще при самомъ началѣ деньги и ходатайство владѣтеля Стефана извлекли его изъ темницы; оба Эристава опять убѣждали юношу удалиться въ Абхазію: Або остался непреклоннымъ и болѣе прежняго являлся ревностнымъ исполнителемъ истиннаго ученія, воспріятаго имъ отъ всего сердца.

Опять его представили на судилище Эмиру. «Размыслилъ ли ты о томъ, что предпринялъ?» спросилъ гнѣвный судія; «размыслилъ и есмь Христіанинъ, спокойно отвѣчалъ Або; если бы не вѣдалъ я, что творю, не былъ бы ученикомъ Христовымъ». — «Но знаешь ли, что тебя ожидаетъ смерть?» грозно возразилъ ему Эмиръ. — «Не умру, но живъ буду, отвѣтствовалъ юноша, ибо вѣрую, что если со Христомъ распнусь, съ нимъ и воскресну. Ты же твори, что умыслилъ надо мною; увѣщанія твои напрасны; пребуду непоколебимъ какъ та стѣна, къ которой ты прислонился.» — «Безумный, воскликнулъ Эмиръ, какую сладость находишь ты въ такомъ вольномъ самопожертвованіи?» — «Если хочешь познать сію сладость, вѣруй и крестись», отвѣчалъ юноша, и уже не было ему надежды на пощаду, послѣ такихъ обличеній.

Его отвели однако въ темницу на нѣсколько дней, чтобы дать время одуматься; ибо крайнимъ безчестіемъ было для Магометанъ, обращеніе ихъ единовѣрца къ

свѣту Христову; но сіи краткіе дни послужили ему только для приготовленія къ мученической кончинѣ; онъ провелъ ихъ въ непрестанной молитвѣ, бесѣдуя съ приходившими Христіанами, о предстоявшемъ ему подвигѣ. Наканунъ, предузнавъ день своей кончины, Або просилъ, чтобы всѣ пресвитеры города Тифлиса, принесли о немъ умиловительную жертву Господу, и продалъ верхнюю свою одежду, для покупки ладана и свѣчь. Въ самый день Богоявленія приобщился онъ тѣла и крови Христовой, которыя принесли ему изъ ближайшей церкви, и помазавъ главу свою благовоннымъ елеемъ, какъ бы на нѣкое торжество, сказалъ: «теперь я готовъ». — Въ ту же минуту явились воины и повели его къ Эмиру, для конечнаго исповѣданія имени Христова, и прямо изъ судилища на казнь. Радостно сталъ онъ на колѣни, сложилъ крестообразно руки и подклонилъ голову подъ мечъ, произнося молитву благоразумнаго разбойника: «помяни мя Господи во царствіи твоемъ.» Трижды ударили его тупою сторовою меча, надвѣясь устра-

нить, въ четвертый отдѣлялась голова. Закосялые враги спросили тѣло его у Эмира, чтобы не сдѣлалось оно предметомъ уваженія Христіанъ, и сожгли близъ Метехскаго моста, пепелъ же бросили съ ожесточеніемъ въ Куру; но свѣтъ небесный облисталъ рѣку, и явилъ святость мученика, врагамъ имени Христова.

Новая крѣпость Метехская возвышается на скаль, надъ мѣстомъ страданія мученика Або, и мимо ея теперь пролегаетъ дорога на Авлабаръ и въ Кахетію. Путешественникъ Шарденъ пишетъ, что она была устроена въ 1576 году, славнымъ вождемъ Турецкимъ Мустафой Пашею, при покореніи Тифлиса, со многими другими замками въ Грузіи, и что въ его время дорога пролегала въ Персію, чрезъ самую крѣпость. Подчиненные Шахамъ Цари Иверскіе принуждены были встрѣчать ихъ посланниковъ, за вратами города, и при малѣйшемъ подозрѣніи могли быть удержаны въ стѣнахъ крѣпости. Она и теперь служитъ мѣстомъ заключенія всѣхъ преступниковъ; зданія ея обновлены Царемъ

Иракліемъ и потомъ опять при Русскомъ правительствѣ. Археологи Грузинскіе производятъ названіе Метехъ, отъ слова знаменующаго обрывъ, что сообразно съ мѣстностію; другіе же отъ Греческаго слова метохи или подворье, хотя здѣсь однако никогда не было пристанища пришельцевъ Греческихъ. Древняя церковь Вахтанга Гургъ-аслана, пражднующая похвалъ Богоматери, и прозванная въ его время Геосманією, стоитъ на неровной скалѣ, какъ на ножнѣ, во всемъ величїи простаго, но смѣлаго зодчества. Долго находилась она въ запустѣніи, ибо магометанскій Царь Шахъ-Навазъ обратилъ ее въ пороховое хранилище, и такъ оставалась она до времени Ираклія, который обновилъ ее, когда свергнулъ его Персидское. Пострадавшая при нашествїи Аги — Магометъ — Хана, она опять была возобновлена благочестивымъ Царемъ Георгіемъ, и съ тѣхъ поръ постоянно совершается въ ней богослуженіе.

Куполь храма сооруженъ былъ Царемъ Димитріемъ самопожертвователемъ, послѣ

нашествій Хорасанскаго и Монгольскаго, отъ коихъ пострадали всѣ церкви Тифлисскія; но все прочее носитъ строгій характеръ временъ Вахтанга, и каменные видѣнія украшенія соответствуютъ стройности и величію высокихъ сводовъ; замѣчательно внутреннее устройство обширнаго алтаря, съ углубленіемъ горнаго мѣста и двумя отдѣленіями въ Греческомъ вкусѣ. Уже нѣтъ древней чудотворной иконы Богоматери Метехской, утраченной въ эпоху нашествій Персидскихъ; но въ бывшемъ диакониконѣ, гдѣ устроенъ былъ малый придѣлъ, возвышается доселѣ гробница, священная для народа Грузинскаго: тутъ почитается подъ спудомъ святая Царевна Шушаника или Сусанна, пострадавшая въ VI вѣкѣ за вѣру Христову отъ мужа огнепоклонника. Преданія Грузинъ и Армянъ несогласны между собою о ея происхожденіи, ибо Церковь Иверская, совершающая память ея 28 августа, называетъ Сусанну дочерью Грузинскаго Царя, не упоминая впрочемъ какого (судя по времени можетъ быть Вахтанга); Армяне же говорятъ въ

житіяхъ святыхъ, что она была дочь знаменитаго ихъ вождя Вардана, Князя Мамигонскаго, который освободилъ отечество свое отъ ига Персовъ. Но и тв и другіе единодушны въ описаніи мученій, какія перенесла она отъ нечестиваго Васкена, владѣтеля Ранскаго или Карабаха, который измѣнилъ Христіанству, изъ угожденія Царю Персовъ, и даже вступилъ при жизни жены, во второй незаконный бракъ съ его дочерью.

Услышавъ горькую вѣсть о двойной измѣнѣ мужа своего, святая Шушаника удалась съ дѣтьми изъ царскихъ чертоговъ и припавъ къ алтарямъ, умоляла Бога отцевъ своихъ, спасти ее и дѣтей отъ ярости мучителя. Васкенъ, надѣявшійся сперва обольстить ее ласковымъ словомъ, велѣлъ потомъ силою привлечь въ палаты и, въ присутствіи брата своего, за то что не хотѣла раздѣлится съ нимъ трапезы, осыпалъ ее жестокими побоями, такъ что повредилъ ей глазъ и разбилъ голову желѣзомъ. Вступившійся братъ спасъ ее отъ смерти; истерзанную заключилъ Васкенъ въ

темницу; но тамъ обрѣла она Христіанское утѣшеніе въ бесѣдѣ Католикоса Самуила и духовника своего; самые стражи тронуты были ея твердостію и доставляли ей пищу; сама же она чуждалась пищи, какъ отъ избытка печали, такъ и потому, что гнушалась получать ее отъ невѣрныхъ; едва согласилась узница вкусить немного хлѣба и вина изъ рукъ духовника. Война Персовъ съ Греками отвлекла на время Васкена отъ своей области, и страдающая могла выдти изъ заключенія, чтобы поселиться опять подлѣ церкви, въ убогомъ домѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ ея была молитва, въ теченіи великаго поста; но къ страстной недѣлѣ возвратился мужъ и новыми жестокостями отягчилъ ея участь.

Ругаясь надъ святынею и священнослужителями, которые хотѣли вступить за Царевну, онъ опять повлекъ ее изъ храма во дворецъ и оттолъ въ тюрьму, уже не только силою, но даже по землѣ и колючимъ терніямъ, которые раздирали ея одежду и нѣжные члены. Напрасно братъ его, однажды ее спасшій отъ ярости му-

жа, вступался за несчастную; онъ только могъ умолить мучителя, снять съ нея шестъ тяжелыхъ цѣпи, подѣ бременемъ коихъ она изнемогала; сама Царевна не захотѣла снять оковы съ ногъ своихъ, чтобы онѣ служили ей свидѣтельствомъ и оправданіемъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ. Шесть лѣтъ томилась она въ заключеніи, почти не вкушая пищи, посѣщаемая Епископами и подѣ конецъ свыше облагодатствованная даромъ исцѣленій, которыя источала другимъ, сама же покрытая ранами, дабы исполнилось надъ нею Апостольское слово, что сила Божія въ немощи совершается. Многихъ утверждалъ въ вѣрѣ чудный примѣръ ея, но не тронулось сердце мучителя, совратившаго дѣтей своихъ къ огнепоклонству, доколь не постигла его достойная казнь. Въ седьмой годъ предала она Богу праведную душу, напутствованная святыми дарами отъ руки Епископа Іоанна, и онъ съ честію похоронилъ ее въ той церкви, близъ которой она столь долго томилась. Когда же произошло отдѣленіе Церкви Армянской отъ Православной, Ка-

голикость Кирионъ перенесъ тѣло царственной мученицы въ Тифлисъ, въ Метехскій соборъ, и тамъ досель она почиваетъ во утверженіе града, крѣпче той скалы, на коей основанъ храмъ.

Нѣсколько выше Метехской крѣпости, стоитъ на обрывѣ башня бывшего дома Царицы Даріи, вдовы Ираклія; ея придворная церковь обращена, въ 1819 году, въ мужескую Преображенскую обитель, на мѣсто упраздненнаго монастыря Кавтаховскаго. Онъ былъ основанъ Греческою Царевною Ириною, супругою Давида возобновителя, въ лѣсистомъ ущеліи, за пятьдесятъ верстъ отъ Тифлиса, но опустѣлъ отъ безпрестанныхъ нападений Лезгинскихъ; теперь однако князья Тархановы усердствуютъ возобновить его на свое иждивеніе. Со времени упраздненія, святыня Кавтаховская перенесена была въ новую обитель и досель хранится въ ея церкви. Чудотворная икона Божіей Матери, прославленная многими исцѣлѣніями, обличеніемъ лже-свидѣтелей и примиреніемъ враждующихъ, ежегодно бываетъ носима для молебновъ

въ окрестныя селенія упраздненнаго монастыря, ибо отъ нея чають они плодоносія полей своихъ. Она украшена богатымъ окладомъ и драгоценными камнями и, судя по ея древнему высокому письму, конечно была принесена Царевною изъ Константинополя, вмѣстѣ съ прочею святынею; надпись на ней свидѣтельствуетъ только о позднѣйшемъ ея украшеніи:

«Облако свѣта, кивоте закона, купино неопальная, юже видѣ Моисей! мы, подѣ кровь твоя прибѣгая, великаго и славнаго Царя Георгія сопредстольница, трехъ государствъ сардаря Микеладзева дочь, Царица Хварешана, соизволили украсить тебя всѣхъ красоту, надежду нашу, Кавтаховская Богородица, которую мы, видѣвъ отъ разбойниковъ разграбленною, вторично и нынѣ украсили честно, да и ты помози намъ предѣ Сыномъ твоимъ и Царемъ нашимъ. Къ окончанію же украшенія сего прислѣла на насъ опредѣленная смерть, изъ ничтожнаго сего міра истребіе; я, по кончинѣ моей, избираю предѣ тобою покоище и здѣсь будетъ моя могила: Мати свѣ-

та, ты мнѣ помози. Отъ Адама 7203, отъ Р. Х. 1696. Скопчалась же Февраля 24, въ первомъ часу, въ день недѣльный».

Подлѣ иконы хранятся, въ деревянномъ кивотѣ, черепы Св. Апостола Фомы и Св. Михаила Маленна, и кость Великоученика Георгія, перенесенные также изъ обители; но лучшее ея сокровище поставлено въ другомъ кивотѣ, на горнемъ мѣстѣ алтаря. Это часть деревяннаго диска или блюда, послужившаго для Тайной вечери Христовой, которое, по благочестивому преданію, перенесено было изъ Иерусалима въ Царьградъ, а оттолѣ супругою Давида въ Грузію, и положено въ основанномъ ею монастырѣ Кавташевскомъ. При нашествіи Тамерлана, святыня сія закладена была, съ драгоценною утварію, въ пещерѣ близъ монастыря, и обрѣтена нечаянно при послѣднихъ нападеніяхъ Лезгинскихъ, иноками, которые хотѣли найти въ горѣ болѣе потаенное мѣсто, для сокрытія остальныхъ сокровищъ. Вѣхость блѣднаго дерева, какъ бы источеннаго временемъ, свидѣтельствуетъ о глубокой древности священнаго блюда: оно

обломано неправильно, имѣеть въ длину одинъ аршинъ, въ ширину же четверть, а въ толщину около полувершка, исключая выгнутого ободка, который нѣсколько толще. Все блюдо покрыто было, уже въ послѣдствіи, тонкимъ серебрянымъ листомъ съ позолотою, на которомъ вычеканены были цвѣты и фигуры: еще видно между ними крыло ангельское, и на ободкѣ въ кругахъ были лики Апостоловъ, но теперь уцѣлѣлъ только одинъ ликъ Апостола Петра; надпись Грузинская, слѣдственно украшеніе сдѣлано уже въ Грузіи.

Если, по давности времени и бѣдственнѣмъ обстоятельствамъ края, утрачены письменные документы о семъ сокровищѣ, или можетъ быть хранятся въ какомъ либо невѣдомомъ архивѣ монастырскомъ, то нѣтъ причины сомнѣваться въ благочестивомъ преданіи, сохранившемся до нашихъ временъ. Столько святыни Греческой перенесено было въ Грузію, черезъ супружество ея влестителей съ Царевнами, и сами Цари такъ ревностно пріобрѣтали подобныя сокровища, паче злата и сребра, что

нвтъ ничего невѣроятнаго и въ нахожденіи сей драгоценной святыни въ Тифлисъ. При начальномъ обращеніи страны, не были ли присланы изъ Царьграда гвозди и подножіе креста? При Багатѣ великомъ, Давидѣ и Тамари; весьма много священныхъ предметовъ досталось въ наслѣдіе Грузіи, и должно отдать ей справедливость, что она умѣла сохранить ихъ, не смотря на всѣ ужасы нашествій Монгольскихъ и Тамерлановыхъ и Персидскихъ; ради сихъ залоговъ сохранилась и она сама, посреди ея разгромовъ.

Говоря о сокровищахъ Кавташевскихъ, сохраняемыхъ въ Преображенскомъ монастырѣ, упомяну и о той святынѣ, которая еще уцѣлѣла въ Сіонскомъ соборѣ, послѣ всѣхъ его раззореній; должно однако сказать, что она перенесена была въ соборъ послѣ нашествія Персидскаго. Такимъ образомъ Провидѣніе спасло лучшее сокровище Грузіи: виноградный крестъ Св. Нины, возвращенный изъ Россіи, и списокъ съ нерукотворенной иконы Спасовой, взятый въ Сіонъ изъ подворья Мартковскаго. Не весь-

на давно поступила туда еще одна древняя икона Богоматери, съ ликомъ Св. Нины, на задней позлащенной доскѣ; она долго находилась въ кафедральной церкви бывшей Ниноцминдской епархіи, нынѣ упраздненной въ Кахетіи, и взята была оттолкъ послѣ паденія сводовъ древняго храма, устроеннаго изъ языческаго капища, при самомъ началѣ Христіанства въ Грузіи. Внутри сей складной иконы хранится еще болѣе драгоценное сокровище: довольно большая часть животворящаго креста, съ частицами мощей вокругъ него расположенныхъ: Великомученика Георгія, Св. Теодора, Евстаѳія, безсребренныхъ и сорока мучениковъ, Христофора и Параскевы, Евоиміи, Игнатія, Евгенія и Ермолая. Трогательная надпись, внутри и снаружи иконы, свидѣтельствуетъ о усердіи Царя Арчила, богато ее украсившаго въ 1678 году. Такова его молитва, начертанная кругомъ креста:

«О животворящее древо, не лиши меня жизни, какъ перваго отца нашего Адама, но буди мнѣ помощникъ и покровитель въ

сей в будущей жизни; равно и вы, все множество мучениковъ, будьте ходатаями предъ Богомъ Царю Арчилу». Хроникона годъ 365. И къ святой просвѣтительницѣ Нинѣ молитвенно онъ взываетъ: «Святая равноапостольная Нина, буди ходатаицею въ объ жизни, Царю Арчилу, который пожертвовалъ симъ, во спасеніе души своей, и, въ преслѣніе царства своего, украсилъ образъ твой».

Замѣчательны, въ ризницѣ Сіонской, нѣсколько древнихъ панагій и митръ, изъ коихъ одна, окованная золотомъ съ вѣнцемъ вокругъ, перенесена была изъ Алавердскаго собора, не смотря на завѣтную клятву на ней начертанную. Ее пожертвовала Царевна Елена, супруга несчастнаго Давида, падшаго въ битвѣ съ Царемъ Ростомомъ Магометаниномъ, въ Кахетин, предъ лицомъ великаго Теймураза отца своего, который бѣжалъ потомъ въ Россію. Туда удалась и Елена съ сыномъ своимъ Иракліемъ, впоследствии воцарившимся въ Тифлисѣ, и, какъ видно изъ надписи, устроила митру сію на Русскія деньги:

«Царя Царей Государя Теймураза и Царицы Цариць Хорошани, дщери Грузинскаго Государя, невѣстка, сына и первенца ихъ Царя Давида, супруга Елена Царица, дщерь Діасамидзева, пожертвовала Великомученику и побѣдоносцу Георгію Алавердскому, въ поминовеніе сихъ Государей и сына моего. Содѣлано въ воспоминаніе свѣтлѣйшихъ Царевичей Луарсаба и Георгія, и Царицы Нестарь-Дареджани, и во здравіе сына моего Царя Ираклія и семейства его, и во здравіе Царицы Кетевани и въ воспоминаніе души моея, въ то время, когда отъ великаго Государя Россійскаго я пріѣхала къ Шаху-Судейману въ Испагань, и тамъ заказала сдѣлать изъ всего мною пріобрѣтеннаго. Хроникона 371.»

ПРАЗДНИКИ. СВ. ГОРА ДАВИДОВА.

Около праздника Рождества Христова прївхалъ въ Тифлисъ Патріархъ Армянскій и всѣ почетные граждане устремились къ нему на встрѣчу, къ Эриванской заставѣ. Пышій, окруженный духовенствомъ, которое несло надъ нимъ балдахинъ, возшелъ онъ въ кафедральную обитель Пашаванкъ, гдѣ устроилъ себѣ жилище, когда еще былъ Архіепископомъ Тифлиса. Неизвѣстно когда и кѣмъ она основана, но, по Армянскому переводу слова, означаетъ мо-

Часть III. 3

настырь Паши; путешественникъ Шарденъ говоритъ, что есть преданіе о вѣкомъ Пашѣ, тронутомъ истинною вѣры Христовой, который далъ будто бы средства къ устройству обители. Положеніе ея на берегу рѣки живописно; она обнесена оградой и, кромѣ обветшавшей церкви Св. Іакова Низивійскаго, имѣетъ еще довольно обширный и величественный соборъ Богоматери, въ которомъ совершаются всѣ духовныя торжества Армянскія. Но престарѣлый Патриархъ не принималъ въ нихъ дѣйствительнаго участія, какъ по слабости здоровья, такъ и потому что не имѣлъ при себѣ довольно Епископовъ, для соборнаго служенія. Обыкновенно двѣнадцать Архіереевъ становятся по сторонамъ его у алтаря; въ Тифлисѣ же ихъ находилось съ ирѣжыми не болѣе четырехъ. Архіепископъ города, Карапетъ, который привелъ съ собою изъ Эрзерума многія тысячи Армянъ въ Ахалцихъ, послѣ славной войны Турецкой, совершалъ богослуженіе.

Сиротливъ для Армянъ всерадостный праздникъ Рождества Христова, потому что

держась стараго обычая, не хотятъ они праздновать день сей вмѣстѣ со всеми Христіанами, отдельно отъ Богоявленія. Это особенно было замѣтно въ Тифлисѣ: всѣ свѣтскія власти, прямо отъ Экзарха, послѣ литургіи соборной, почли обязанностію поздравить и Патріарха, съ столь великимъ шумомъ. Старецъ, окруженный своимъ домашнимъ клиромъ, принималъ ихъ поздравленія и потомъ самъ ѣздилъ всѣхъ поздравлять; а между тѣмъ день сей былъ даже постнымъ у Армянъ, по случаю приближавшагося праздника Богоявленія. Торжество крещенія совершалось у нихъ, съ возможнымъ великолѣпіемъ и съ обрядами, которые отчасти напоминали наши, ибо и у нихъ выходили также, съ крестами и хоругвями, на Іордань. Одно только казалось страннымъ, хотя это есть болѣе обычной народный, сдѣлавшійся обрядомъ, нежели постановленіе церковное: почетный гражданинъ избирается при торжествѣ, для воспріятія изъ воды освящающаго ее креста, какъ бы самаго крещаемаго Господа, и онъ даже называется въ этотъ день вос-

пріемникомъ, богатыми дарами вознаграждая церковь за такую вѣчность.

По распоряженію Экзарха, заботящагося о благолѣпін церковномъ, весьма величественно было шествіе духовенства православнаго изъ Кашветской церкви Св. Георгія, что на горѣ противъ дворца Намѣстника, къ рѣкѣ и черезъ мостъ, на ея противоположный берегъ. Тамъ устроена была Иорданъ и стояли войска, ожидавшія окропленія своихъ знаменъ; весь берегъ унизу былъ народомъ и особенно живописными представлялись утесы, близъ дома послѣдняго Царя Георгія, покрытые женщинами въ бѣлыхъ чадрахъ, какъ бы призраками. Когда духовная процессія проходила черезъ мостъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки, толпа всадниковъ проскакала по водамъ подъ мостомъ, подобно тому какъ у насъ припадаютъ на пути подъ иконы, чтобы принять ихъ осѣненіе; но въ воинственномъ народѣ Закавказскомъ и самыя обряды духовныя носятъ отпечатокъ ихъ ратнаго духа. При звукѣ колоколовъ и громѣ думекъ погружали животворящій

крестъ и множество народа устремилось въ рѣку, для купанія въ освященныхъ водахъ. День былъ ясный, хотя и холодный; вдали старецъ Казбекъ, въ свѣжномъ вѣнцѣ своемъ, смотрѣлъ изъ-за горнаго хребта, на сію великолѣпную картину.

Вскорѣ послѣ праздника пріѣхалъ изъ Мингреліи Владѣтель ея Давидъ Дадіанъ, недавно утвержденный въ наслѣдіи предковъ, грамотою Императорскою, послѣ кончины отца своего Левана. Въ домъ Князя Чавчавадзе, на прекрасной дочери коего онъ женатъ, имѣлъ я случай познакомиться съ симъ пріятнымъ и образованнымъ Княземъ, который любитъ чтеніе духовное и знаетъ нашу литературу. Іерусалимъ, постоянная цѣль его желаній, послужилъ для нашего сближенія, ибо въ частыхъ о немъ бесѣдахъ мы коротко узнали другъ друга. Владѣтель звалъ меня къ себѣ въ Мингрелію, и я пользовался его обширными знаніями отечественной древности, чтобы прояснить себѣ нѣкоторыя темныя мѣста лѣтописи сего края, особенно послѣднихъ временъ; ибо тамъ все основано на преданіи, кото-

рое наиболее соблюдается во владетельных домахъ. Иногда мы посѣщали вмѣстѣ святыню Тифлисскую, и однажды, въ день его Ангела, святаго Давида Возобновителя, 26 января, прямо изъ церкви Князя Намѣстника, пошли помолиться на гору Св. Давида Гареджийскаго.

Много было другихъ причинъ, кромѣ собственнаго праздника, причинъ болѣе близкихъ сердцу, которыя побуждали Дадіана идти на молитву въ гору: исцѣленіе любимой супруги, только что возвратившейся отъ вратъ смертныхъ, и рожденіе сына, наследника Мингреліа; но какъ никогда не бываетъ совершенною радость человѣческая, ибо по словамъ писанной церковныхъ: «кая житейская сладость бываетъ печали непричастна?» въ тотъ же день пришла ему горькая вѣсть, о кончинѣ ближайшаго родственника и друга. Медленно подымались мы, по крутой извилистой стезѣ, къ удлиненной церкви, ибо труденъ горный восходъ сей, какъ всякій путь ко спасенію. Мы шли и бесцѣвали, о подвигахъ отшельника Гареджий-

скаго, который здесь основалъ едрина ор-
дину египтадо свое, доколѣ клявета народ-
ная не побудила его оставить неблагодар-
ныхъ, не умѣвшихъ оценить его благодат-
наго между ними жительства. Когда мы
останавливались иногда, на поворотахъ кру-
той стези, для краткаго отдыха, глазамъ
нашимъ представлялась, очаровательная па-
норама ТиФлиса, и та изящная церковь
Кашветская Великомученика Георгія, ко-
торая была вновь сооружена, усердіемъ
Князей Амцахваровыхъ, на самомъ мѣ-
стѣ обличенія жены, оклеветавшей отшель-
ника.

Отъ подвиговъ первыхъ пустынножите-
лей; непримѣтнымъ образомъ, перенла на-
ша рѣчь и къ новымъ искателямъ спасе-
нія, трудною стезею иночества. Я гово-
рилъ Владѣтелю, о устрояемой въ Мцхе-
тѣ, послѣ многихъ годовъ ожиданія, оби-
тели женской, единственной во всей Гру-
зїи, при бывшей келліи равноапостольной
Нины, и спросилъ его: справедливо ли то,
что расказываютъ о настоятельница, такъ
важъ она происходитъ изъ нинѣскаго ро-

да Мингрелин, Пагава? Владѣтель подтвердилъ мнѣ сію трогательную повѣсть, достойную первыхъ времѣнь Христіанства, и она глубоко впечатлѣлась въ моему сердцу.

«Я самъ, говорилъ онъ, былъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ происшествіи, и первый открылъ ей убѣжище, а потому лучше всѣхъ могу засвидѣтельствовать истину. Вы видѣли остатки необычайной красоты, на измуренномъ лицѣ ея, уже въ зрѣлыхъ теперь лѣтахъ, и можете судить что она была прежде. Мать страстно ее любившая, на нее возлагала всю будущую надежду своего дома, и старалась заблаговременно найти ей именитаго жениха: но Богъ судилъ иначе, и вмѣсто земнаго она обручилась небесному. По обычаю нашей земли, Княжна была помолвлена еще въ дѣтствѣ, за Князя Сванетскаго, но онъ умеръ скоропостижно. Въ другой разъ обручили ее родители съ однимъ изъ почетныхъ Князей Мингрельскихъ; но и этотъ женихъ, по несчастному случаю, убитъ на охотѣ. Княжна приняла это за указаніе

промысла Божія и не хотѣла болѣе связывать себя узами брака, хотя мать сильно настаивала выдать ее за мужъ. Видя непреклонность дочери, протекавшую отъ нея чрезвычайной набожности, она отправила ее къ старшей замужней сестрѣ и, въ теченіе цѣлаго года, не велѣла пускаться въ церковь, чтобы развлечь ее благочестивую склонность. Но какъ обыкновенно бываетъ, гоненія за вѣру, только утвердили ее въ вѣрѣ.

Вѣсть о томъ дошла до моей матери, которая и прежде слышала о набожности молодой Княжны. Какъ Владѣтельница Мингрелин, она употребила свое вліяніе, чтобы освободить ее изъ заточенія; но хотя и поминалась Княгиня, однако же не переставала, домашними неприятностями, принуждать дочь свою къ замужству; уже найдены были и третій женихъ, также изъ Князей Мингрельскихъ: тогда рѣшилась бѣжать изъ дома родительскаго Княжна Дарія. Въ мужеской одеждѣ успѣла она ускользнуть изъ подъ строгаго надзора и, присоединившись къ арабикамъ, которые

везли свои товары въ Тнольскъ, достигая съ нани Михота, тамъ же путемъ и тамъ же съ людьми чуждыми, какъ нѣкогда пришла туда и блаженная Нина. При малой меланіи святой пресвятительницы нашей обитала тогда благочестивая старица, ей сомнѣнная, и съ нею нѣсколько неюстриженныхъ сестеръ, которыя питались трудами рукъ своихъ и воспитывали при себѣ малолѣтнихъ дѣвицъ, научая ихъ грамотѣ и рукодѣлю. Тутъ укрылась Княжна, рассказавъ старицѣ свои приключенія и какъ рѣшилась она наконецъ посвятить себя единственно на служеніе Богу. Не могла отказать ей въ пристанищѣ та, которая сама себя посвятила молитвѣ, и такъ протекло пять лѣтъ, въ теченіе коихъ жители убогаго селенія Михота, привыкли видѣть прекраснаго мальчика, который ходилъ иногда на базарь, для закупки мѣстныхъ припасовъ ихъ малой обители.

Между тѣмъ безутѣшно было семейство Княжны, ибо всѣ поиски о ней въ Мингрелии остались тщетными: ее уже объявляли какъ мертвую; но еще носилась од-

наше темная молва, будто она жила въ Карталинѣ. Я былъ тогда при особѣ Главнокомандующаго и мнѣ пришло на мысль, остановиться въ Мидхетъ, чтобы спросить у настоятельницы; не слыхала ли она что либо о Княжнѣ Мингрельской? При первомъ моемъ вопросѣ она смутилась и съ безпокойствомъ начала смотрѣть на одну изъ сестеръ, какъ бы спрашивая ее: открыть ли тайну? Когда же я сталъ настоятельнѣе требовать отъ нее признанія, добрая старшца рассказала мнѣ истину и доставила случай видѣть Княжну. Она обрадовалась мнѣ, но въѣсть испугалась, полагая что я хочу ее принудить возвратиться домой; но я ее успокоилъ и общалъ ходатайствовать у ея матери, чрезъ посредство моей; дѣйствительно Владѣтельница убѣдила Княгиню, не тревожить болѣе своей дочери, потому что уже прошло довольно времени для ея испытанія. Съ тѣхъ поръ она оставалась при настоятельницѣ Нинѣ, до ея кончины и заступила ея мѣсто.»

«Мнѣ пріятно дополнить вамъ эту тро-

гательную вѣсть, сказалъ я. До сихъ поръ одна только община, не утвержденная на правахъ монастырскихъ, находилась при келліи Св. Нины, скудно питаемая трудами рукъ овецъ. Теперь же, по благословенію Св. Синода, Экзархъ рѣшился устроить здѣсь настоящую обитель женскую, единственную во всей Грузіи: въ день Апостола Андрея Первозваннаго, просвѣтившаго нашу Мингрелію и отечество наше святомъ Христіанства, Княжна Дарія и шесть при ней сестеръ были пострижены въ соборъ Мцхета, настоятелемъ пустыни Гареджіѣской, благочестивымъ старцемъ Архимандритомъ Іоанномъ. Экзархъ уступилъ имъ собственный домъ Католикосовъ для жительства, пока обновится ихъ убогое жилище, и предполагаетъ обновить самый соборъ Самтаврскій, первую митрополию Иверіи, при которой будетъ находиться обитель иноковъ, возникшая подлѣ келліи Св. Нины».

Бесѣда такимъ образомъ мы непримѣтно достигли вершины горы, гдѣ вмѣсто убогой часовни, поросшей кустарни-

номъ, основана была, въ началъ вышшняго вѣка, церковь во имя Преображенія. Не было священника и потому не могли мы войти въ ея внутренность, но одна изъ старицъ, при ней живущихъ, отворила намъ желѣзную рѣшетку нещернаго склена подъ церковью. Тамъ юная и прекрасная вдова знаменитаго автора нашего, столь бѣдственно погибшаго въ Персїи, соорудила ему изящный памятникъ. Конечно она хотѣла изобразить себя, въ образъ молодой женщины, престертой, съ выраженіемъ скорби и некорности, у подножія распятаго Господа, и трогательна надпись на бронзовомъ мавзолѣ: «творенія твои сдѣлали тебя бессмертнымъ для твоего отечества; но для чего могла пережить тебя твоя Нина!»

Всякій четвертокъ исключительно посвященъ памяти Св. Давида, потому что въ четвергъ послѣ Пятидесятницы совершается его праздникъ, и отъ ранняго утра до поздняго вечера, можно видѣть здѣсь длинную вереницу богомольцевъ, особенно женщинъ, въ нѣхъ бѣлыхъ покрывалахъ; онѣ

макъ тѣни живописно поднимаются и спускаются по витой стезѣ, ведущей къ горной перели отшельника. Съ благоговѣніемъ приложились мы къ древней иконѣ Св. Давида Гареджійскаго, которая по случаю обновленія церкви, перенесена была въ подземельный склепъ; потомъ помолились и надъ прахомъ усопшаго, о спасеніи души его.

Я познакомился съ незабвеннымъ Грибѣдовымъ, въ цвѣтушіе годы молодости, посреди роскошной природы Крыма, и знакомство его оставило во мнѣ глубокое впечатленіе. Мы совершили съ нимъ нѣсколько пріятныхъ поѣздокъ, въ очаровательныхъ долинахъ Таврическихъ, и вмѣстѣ восходили на горный шатеръ Чатырдага. Онъ былъ тогда въ полномъ блескѣ своей литературной славы: его Горе отъ ума переходило изъ устъ въ уста и обратилось въ пословицу; но всѣ его мечты стремились въ Грузію, къ тому предмету, который одушевлялъ его восторги; онъ пламенно звалъ меня туда, за Черное, предъ нами разстлывшееся море, за снѣжные верхи Кавка-

ва. . . и вотъ я исполнилъ теперь давнее его желаніе, но я стоялъ уже надъ его могилей! — Три года спустя, я увидѣлъ его, на нѣскольکو минутъ въ Москвѣ, когда лѣтъль онъ курьеромъ, съ радостною вѣстію о заключеніи мира съ Персією; потомъ еще нѣскольکو минутъ, на обратномъ пути его въ Грузію, когда уже онъ былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при дворѣ Персидскомъ, и полный радостныхъ надеждъ видѣлъ предъ собою близкое ихъ исполненіе. . . онъ исполнился! — Но не прошло года, и въ Яссахъ достигла до меня горькая вѣсть о его ужасной кончинѣ. — Миръ тебѣ, кратко блеснувшей намъ гений! да успокоитъ и тебя, въ одной изъ многихъ своихъ обителей, всецѣлостивый Искушитель, къ ногамъ коего припала твоя плачущая вдова.

Я пригласилъ Князя войти въ пещеру, гдѣ изъ разсѣлины утеса струится вода, пропущенная молитвою Св. Давида. Накопился въ сердцѣ камней, въ природномъ водоемѣ, въ которомъ можно видѣть, словно пробитое отверстіе, всю ея кристальную

свѣжесть; она истекаетъ оттогь тонкою струею, какъ бы самыя слезы святаго отшельника, проливаемыя о своихъ грѣхахъ и всего міра; это тихое журчаніе, вмѣстѣ съ отрадною свѣжестію, внушаетъ сладкое чувство, подѣ неизменными сводами пещеры. Утѣшительно тамъ для души, хотя на краткую минуту, заключиться въ самой себѣ; если же и видѣть предѣ собою міръ, то не болѣе, какъ сколько открывається оубъ изъ сей уединенной келліи.

Что же представлялось намъ изъ устья пещеры, во глубинѣ разступившагося недѣ нами ущелія? Сперва нѣсколько виноградниковъ, уступами сбѣгавшихъ къ подошвѣ горы; потомъ, по мѣрѣ того, какъ расширялась горная развѣлина, открылась часть города, обогнутая крутою дугою серебрястой рѣки, какъ бы напряженною тетивою лука, готоваго выстрѣлить. Влажная дуга сія, блиставшая лучами солнца, простиралась отъ высокихъ тополей инженернаго сада, гдѣ погребенъ послѣдній магометанскій Царь Іессей, мимо монастыря Армянскаго, гдѣ обитаетъ нынѣшній Патріархъ

Нересъ, до собора Антисхатского, бывшаго подворьемъ Католикосовъ Грузинскихъ. Сколько воспоминаній на столь маломъ пространстве! Тутъ и послѣднее безчестіе Грузин, въ лицѣ ея невольнаго отступника Царя, зарытаго въ саду, вдали отъ гробовъ своихъ предковъ, которыхъ вѣрв онъ измѣнилъ. Тутъ и восточная обитель, главы духовной народа, нѣкогда сильнаго, уцѣлѣвшаго остатками своихъ столицъ, южные предѣлы наши. Тутъ же наконецъ, въ обители православныхъ Католикосовъ, одна изъ величайшихъ святынь Грузин, икона, по мѣстному благочестивому преданію, напечатлѣвшаяся отъ прикосновенія къ подлиннику Эдесскому! Ближе къ намъ красовалась бѣлая церковь Кашветская, стройнымъ своимъ станомъ выходившая изъ прочей массы зданій. Живописная груда Азіатскихъ и Европейскихъ домовъ, между концами тянулись, на подобіе древняго Римскаго водопровода, многочисленныя арки каравансарая, дополнили собою разнообразіе своеобразной картины; а вдали, позади раскинутаго по высотамъ предмѣстія Анла-

барского, пустынное кладбище, немнущая иль человеческой жизни, могилами своими камнями напоминало, чтобы не слишком увлекались взоры, красотами митейскими.

Наступила масляница и начались увеселенія, которыхъ не было въ течение нѣдой зимы. Блистательный балъ даць былъ Княземъ Намѣстникомъ, и конечно лучіе балы северной столицы должны уступить ему по оригинальности, ибо тутъ соединились Азія и Европа, со всеми очарованіями поэтическаго Востока. Царевны и Княжны Грузинскія, въ ихъ отечественной одеждѣ, и Армянскія почетныя дамы, владѣтельные и управленныя Ханы нѣкоторыхъ окрестныхъ ханствъ, Султаны отъ рода Гиреевъ Крымскихъ, живущіе между Черкесами, и Удми, происходящіе отъ Халифовъ, Беки Татарскіе, напоминающіе времена Монголовъ, и дикіе Горцы, Лезгинны, Осетины, Чеченцы и Кабардинцы, въ своихъ воинственныхъ нарядахъ, составляли нестройю, но величественную массу: они знаменовали собою вѣрутествіа Намѣстника.

Великаго Царя, котораго державою, какъ издавна отъ льдовъ Океана, простираемою до внутреннихъ пустынь Азии и небесной имперіи Китая. Нигдѣ болѣе, какъ въ Тифлисѣ, въ залахъ Князя Намѣстника, нельзя быть поражену, пыльнымъ разнообразіемъ столькихъ племенъ; поворныхъ манію елкого Владыки.

Привлеченіе обращеніе знаменитаго князя и его благородной супруги, одушевляя все сіе странное общество, соединяло его въ одно цѣлое. Должно сказать правду: внутреннее сознаніе своего достоинства и высокаго рода, которое никогда не можетъ уронить себя, потому что оно врождено и есть неотъемлемая собственность, внушало и здѣсь, радужнымъ косякамъ, снисходительность къ чуждымъ и вниманіе къ древнимъ родамъ, равно Христіанскимъ и Магометанскимъ; это самое приобретаемо имъ любовь сихъ представителей минувшаго величія своихъ предковъ, ибо никто не уважается столько на Востоку, какъ древность рода, восходящая часто до баснословныхъ временъ.

Посреди шумнаго вихря Европейскихъ танцевъ, внезапно дикіе звуки восточной музыки прерывали стройный оркестръ; звуки сіи, непріятныя для нашего слуха, имѣли особенную прелесть для Азіатцевъ, и замѣтно было какъ начинали сверкать ихъ огненные глаза, при первомъ сотрясеніи струнъ роднаго инструмента. Тогда составлялся тѣсный кругъ, на серединѣ обширной залы, и лучшіе плясуны, всякаго возраста и званія, являлись одинъ за другимъ на скользкое поприще, сперва робко озираясь во все стороны, а потомъ смѣлые и свободные въ своихъ движеніяхъ, какъ бы въ родномъ ущеліи предъ своимъ ауломъ. Лезгинны и Чоченцы плясали свою народную пляску, въ ея начальной простотѣ, и вотъ, вслѣдъ за ними выступали юноши и дѣвы Грузинскіе, которые уже примѣняли сію дикую пляску къ болѣе образованному духу своего общества; они смягчили, выраженіемъ болѣе низкихъ чувствъ, смѣлую отвагу тѣлодвиженій, которая выражала одно только стремленіе къ битвамъ. Здѣсь можно было разгадать начальное

происхожденіе пляски, у народовъ болѣе близкихъ къ первобытному ихъ состоянію, которая у насъ образованныхъ обратилась въ безцвѣтное и безотчетное увеселеніе. Когда же, при выходѣ изъ ослѣпительнаго блеска залы и ея душной атмосферы, васъ обивала благовонная прохлада Грузинской ночи и надъ вами сверкало яркое звездное небо: эта чудная природа будто упрекала человека, какъ можетъ онъ равнодушно жертвовать ея чистыми наслажденіями, для насильственно изобретенныхъ увеселеній, которыя по мѣрѣ образованія все болѣе и болѣе удаляютъ отъ природы.

Последніе дни масляницы были до такой степени благорастворены теплотою весеннею, хотя это было въ первыхъ числахъ февраля, что уже можно было ожидать полнаго развитія весны; но холодный мартъ, безумный, какъ его называютъ Грузины, своими порывистыми вѣтрами и дождями, напомнилъ намъ, что всякая страна платитъ дань своему климату. Почти весь великій постъ прошелъ въ такомъ монастырѣ, и это воспринимало мнѣ со-

вершить нѣсколько пезадекъ, въ Манглицъ и на развалины древней крѣпости Орбелляновъ въ Сомхетію. Однако, на шестой недѣль, возвратилось опять красное время и страстная недѣля особенно вознаградила за всѣ непогоды. Чувствуя уже въ себѣ болѣзнь, я пользовался, сколько могъ остатками силъ до Паски, чтобы исполнить Христіанскій долгъ говніи и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать, въ свободныя минуты, за богослуженіемъ Церкви Армянской, въ присутствіи ея Патріарха, какъ я это дѣлалъ и въ Римѣ предъ лицемъ Папы, ибо мнѣ не могъ представиться другой болѣе удобный случай.

Особенно трогателецъ показался мнѣ обрядъ Армянскій умовенія ногъ, хотя онъ и не столь близокъ, какъ у насъ, къ точному исполненію словъ евангельскихъ. Дѣйствіе сіе происходитъ во время вечерни и довольно продолжительно, ибо составлено изъ чтенія паремій, Апостола и Евангелія, отнесенныхъ къ предмету. Возвышеніе устроено было въ церкви, наравнѣ съ алтаремъ, и двѣнадцать стульевъ поставле-

ны по сторонамъ Патріаршаго кресла. На сей разъ самъ престарѣлый Персесъ принималъ участіе въ священнодѣйствіи. По недостатку Епископовъ, пресвитеры заступали ихъ мѣсто; Епископы были въ мантияхъ, а священники въ ризахъ; каждый изъ нихъ садился по очереди на патріаршее мѣсто; Патріархъ же, въ полномъ облаченіи, ради смиренія сидѣлъ на коврѣ, у подножія кресла, и омывъ ноги воссѣдавшаго на его кафедру, цѣловалъ ихъ; во мнѣ показалось страннымъ, что послѣ сего онъ ихъ еще помазывалъ масломъ, и не древеснымъ а керовымъ, котораго употребленіе несвойственно для церкви. Когда же окончилъ умовеніе, онъ сѣлъ на свою кафедру, и старшій изъ духовенства, Архіепископъ Тифлиса, облачившись въ свою чреду, омылъ ему ноги, въ знакъ почести, подобающей отъ учителя верховному учителю. Великолѣпнѣе одежды патріаршей, изъ Индѣйской парчи, к его митры, унизанной жемчугомъ, на которой вышиты подвиги святаго просвѣтителя Арменіи, соответствовало величавой наружности старца; онъ вполне былъ

проникнуть совершасмымъ дѣйствиємъ и винушалъ невольное благоговѣніе.

Менѣ торжественна была церемонія великаго пятка, на которой только присутствовалъ, а не дѣйствовалъ Патріархъ. По окончаніи паремій, четыре Епископа въ облаченіяхъ съ двѣнадцатью священниками, въ свѣтлыхъ а не черныхъ ризахъ, ходили съ возвышенія алтарнаго плащаницу, совершенно нашу, ибо на ней были вышиты и буквы Славянскія. Патріархъ, въ багряной мантии, съ посохомъ въ рукахъ, слѣдовалъ за ними, сопровождаемый почетными гражданами; весь дворъ былъ наполненъ народомъ, особенно женщинами въ бѣлыхъ покрывалахъ. Всякое погребальное шествіе умилительно, колыи паче Христова, по воспоминанію крайняго смиренія Божественнаго страдальца, ради насъ недостойныхъ. Старецъ, духовная глава народа, долженствующій представлять для него, своимъ саномъ Того, за чьимъ гробомъ онъ шелъ, возбуждалъ много благочестивыхъ думъ. Но самые обряды не имѣли желаннаго благолѣпія и нестройности тол-

пы безпрестанно нарушала порядокъ, ибо служба вечерняя довершалась внѣ храма, на площадкѣ предъ вратами; тутъ читано было евангеліе надгробное. Духовенство выстроилось въ два ряда, отъ дверей церковныхъ къ плащаницѣ, имѣя во главѣ Патріарха. Архіепископъ ходилъ нѣсколько разъ окадить плащаницу, клиръ и народъ, и когда приложился къ ней Патріархъ, шествіе возвратилось тѣмъ же порядкомъ въ церковь; но уже не бываетъ какъ у насъ ночнаго хода на утренни. Я даже слышалъ, что и самая плащаница не есть необходимость для богослуженія Армянскаго; вмѣсто нея носятъ обыкновенно крестъ, а на сей разъ, ради большей торжественности, употребили плащаницу, и при томъ Русскую, по ветхости или по неимѣнію въ ризницѣ собственной.

Мнѣ невозможно было присутствовать въ великую субботу, на поздней литургіи, которую совершалъ также Архіепископъ, по слабости Патріарха; она окончилась по захожденіи солнца, ибо соединена какъ у насъ съ вечернею, и наполнена чтеніемъ

Часть III.

4

паремій. Но у Армянъ она уже составляетъ начало торжества пасхальнаго, потому что, въ самую ночь Пасхи; нѣтъ у нихъ торжественной утренни нашей, столь возвышенной и глубокой, и самая литургія Пасхи не ознаменована никакимъ особеннымъ торжествомъ: оттого все болѣе усердствуютъ быть на литургіи субботней, и такъ какъ на оной возглашается евангеліе о воскресеніи, тоже что и у насъ, съ нѣкоторыми воскресными гимнами: то Армянская Церковь допускаетъ послѣ литургіи нѣкоторое послабленіе поста, то есть сыръ и яйца, хотя нѣтъ еще совершеннаго разрѣшенія до слѣдующаго утра.

Свѣтло было торжество пасхальное въ соборѣ Сіонскомъ, которое совершалъ Экзархъ, съ своимъ Викаріемъ и осмью Архимандритами, Греческими, Грузинскими и Русскими, въ присутствіи Князя намѣстника, всѣхъ властей и почетныхъ дамъ Тифлисскихъ. Послѣ крестнаго хода кругомъ собора, Экзархъ, окруженный всемъ клиромъ, при свѣтѣ безчисленныхъ свѣчъ и лунномъ сіяніи, сталъ на ступеняхъ крыль-

на и возгласилъ радостное «Христось воскресе!» и когда, при сихъ всеоживляющихъ словахъ, раскрылись врата храма, заблеставшаго внутри огнями: торжественность сего мгновения не могла сравниться ни съ какими впечатлѣніями земными: воистинну воскресъ Христось!

КАРТАЛИНІЯ. ЦИЛКАНЪ.

Приблизилось время моего отъезда, которому благопріятствовала ранняя Пасха, но печальная болѣзнь удержала меня еще на двѣ недѣли, и можно сказать, мимо меня пролетѣли первые ароматы полуденной весны, столь быстрой и душистой. Уже отцвѣли миндальныя деревья, начальныя вѣст-

ники пробужденія природы; всѣ сады Тифлисскіе одѣты были розовою целеной распустившихся абрикосовъ, яблонь и грушъ, такъ что самая ихъ зелень мало была приметна, подъ роскошью древесныхъ цвѣтовъ. Окрестные сады, по теченію Веры и Куры, начинали наполняться гуляющими; во мнѣ также горѣло сильное желаніе оставить городъ и подышать опять горнымъ воздухомъ, на пути къ отечеству, въ благословенныхъ долинахъ Имеретіи и Мингреліи. Владѣтель Мингреліи, давно уже звалъ меня къ себѣ; братъ его, воспитанный въ горахъ, но проведеній свою молодость въ сѣверной столицѣ нашей, въ блестящемъ кругу военной молодежи, вызвался быть моимъ спутникомъ, до предѣловъ своей родины.

Отрадно и вмѣстѣ полезно было для меня его общество: горецъ по рожденію, наѣздникъ и поэтъ, со всѣми пылкими порывами своей природы, но смягченной образованностію свѣтскою, онъ являлъ въ себѣ рѣдкое соединеніе сихъ двухъ совершенно противоположныхъ началъ. Благородная душа его открыта была все-

му высокому и горьла любовью къ родинѣ; воображеніе южное облекало яркими красками каждый предметъ, и множество древнихъ преданій, о битвахъ своихъ предковъ и созданныхъ ими обителяхъ, тѣснились въ душѣ его; въ жилахъ кипѣла кровь Дадіановъ, и еще отрокомъ, въ горахъ, куда былъ отданъ на воспитаніе, по обычаю своей земли, слышался онъ воинскихъ пѣсней родной земли, и самъ сложилъ много звучныхъ стиховъ, во славу присныхъ. Воспитанный въ духъ глубокаго благочестія, которое еще такъ чисто въ неустарѣвшемъ обществѣ горныхъ сыновъ, онъ началъ свое образованіе съ псалтыря и, зная хорошо Св. писаніе, умѣлъ разбирать старыя церковныя писмена, которыя для многихъ остаются загадочными, въ опустѣвшихъ развалинахъ, потому что новый Грузинскій языкъ разнствуеетъ буквами отъ древняго, какъ Русскій отъ Славянскаго; не многіе, даже изъ числа духовныхъ, умѣютъ читать старинныя надписи. Если же еще прибавить, что этотъ спутникъ, который ухаживалъ за мною, послѣ моей бо-

лѣзни, со всею заботливостію Горца, и служилъ посредникомъ во всякой бѣсѣдѣ, по знанію двухъ языковъ Грузинскаго и Мингрельскаго, былъ сынъ и братъ владѣтельнаго Князя, родственникъ всѣхъ первостепенныхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которыя встрѣчались намъ на пути: то можно себѣ представить, сколько утѣшенія доставилъ онъ мнѣ своимъ обществомъ.

Настала минута разлуки, горькая во всякое время, и еще болѣе, когда чувствуешь, что со многими прощаешься уже навсегда. Отблагодаривъ Князя Намѣстника и его супругу, за всѣ милости, которыми меня осыпали, съ свойственнымъ имъ радушіемъ, я просилъ моихъ короткихъ знакомыхъ собраться у меня, потому что еще не въ силахъ былъ посвятить всѣхъ. Грустно было мнѣ оставить Экзарха, котораго духовныя бесѣды служили для меня лучшимъ утѣшеніемъ, во все время долгаго моего пребыванія въ Тифлисѣ. Съ Патриархомъ простился я еще утромъ. «Зачѣмъ бѣжишь ты изъ своей родной земли? сказалъ мнѣ почтенный старецъ; не всѣ ли,

отъ подножія Арарата, разбрелись по все-ленной? и вотъ мы только одни твердо держимся нашей родины.» Много было глубокаго въ этихъ краткихъ словахъ! Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ побѣхали провожать меня за городъ и тамъ возобновились прощанія: имъ предстоялъ скорый походъ, а при такихъ условіяхъ тяжело разставаться.

Было уже темно, когда подѣхали мы къ собору Мцхетскому; но мнѣ хотѣлось еще разъ поклониться его завѣтной святынь. Въ сумракъ, особеннымъ величіемъ, облеклись широкіе размѣры храма; опять, какъ и въ первый день моего посѣщенія, горѣло нѣсколько свѣчь предъ тѣмъ столбомъ, подъ коимъ хранился хитонъ Господень, привлекая взоры и чувства къ сему священному мѣсту. Я помолился надъ гробами Царей Ираклія и Георгія, и родственнаго имъ Католикоса Антонія, и помянулъ весь рядъ державныхъ и святителей, почивающихъ подъ свѣнію тринадцативѣковаго святилища. Протоіерей благословилъ меня иконою Св. Нины, молящейся у.

чуднаго столба, надъ могилою Сидоніи, тутъ погребенной съ хитономъ въ рукахъ. Настоятельница вновь учреждаемой обители, бывшая княжна Мингрельская, взошла въ соборъ съ своими убогими сестрами, пожелать мнѣ счастливаго пути. Это прощаніе со святынею Мцхета, внутри его соборнаго храма, и съ убогими инокнями, которыя прильпились къ келліи святой просвѣтительницы Грузіи, умилительно было для сердца, уже потрясеннаго недавними словами разлуки. Съ ихъ молитвеннымъ напутствованіемъ оставилъ я древнюю столицу, которой внѣшняя слава такъ давно уже померкла; но никогда не угаснетъ духовный свѣтъ, отсель пролитый на всю землю Иверскую, ревностію одной смиренной жены, плѣнницы Нины.

На станціи Гартискарской остановились мы для ночлега; оттолъ расходятся дороги: одна въ Имеретію, на Гори и Сурамъ, по которой мы должны были ѣхать къ западу, вдоль Кавказскаго хребта; другая къ сѣверу черезъ самый хребетъ. Мы отклонились немного отъ большой дороги, за 10

версть отъ Мцхета, чтобы посѣтить знаменитую нѣкогда церковь Цилканскую, гдѣ была кафедра одного изъ тринадцати Сирскихъ отцевъ, Св. Иессея. Онъ взятъ былъ неволею, съ горы Зедазенской, отъ своего блаженнаго учителя Іоанна, Католикосомъ Евлавіемъ, въ Епископы Цилканской паствѣ, и прославился въ ней даромъ чудесъ. По мѣстному преданію, какъ нѣкогда Григорій великій чудотворецъ Неокесарійскій, Иессей привелъ къ своему городу теченіе Ксани, маниемъ пастырскаго жезла, которымъ указалъ новое русло покорной ему рѣкѣ. Церковь Цилканская, весьма замѣчательная по своей древности и зодчеству, во вкусъ Эчміадзинскомъ, основана была гораздо прежде Иессея, при самомъ началѣ Христіанства Грузіи, Бакаромъ, сыномъ Царя Миріана, для обращенія окрестныхъ народовъ; сюда принесена была изъ Царьграда чудотворная икона Божіей Матери, написанная, по преданію, Евангелистомъ Лукою, на доскѣ яслей Господнихъ. Но теперь церковь въ совершенномъ запустѣніи: южная стѣна ея отошла, куполъ по-

косялся и даже входъ въ нее запрещенъ, изъ опасенія падающихъ камней. Служба продолжалась въ маломъ приделѣ Св. мученицы Марины, имя коей, не знаю почему, очень часто встрѣчается въ храмахъ Грузинскихъ. Наконецъ и тамъ по ветхости прекратилось богослуженіе, а чудотворная икона перенесена была въ малую храмину, гдѣ могли только служить одни молебны; нынѣшній Экзархъ, ревнуя о благъ своей паствы, поспѣшилъ возобновить придельную церковь и желаетъ возстановить самый соборъ, къ которому питаютъ особенное усердіе всѣ окрестные жители, памятуя, что изъ него проистекло къ нимъ просвѣщеніе духовное.

Не смотря на запрещеніе, мы вошли въ пошатнувшійся соборъ, чтобы поклониться въ немъ гробу великаго Святителя Іессея; онъ въ жертвенникъ и мимо его восходятъ на ступени возвышенія алтарнаго; но гробница не ознаменована никакими украшеніемъ и нельзя отличить простую плиту ея отъ ступени. Иконостасъ каменный, низкій, какъ въ древнѣйшихъ хра-

махъ Грузіи; на немъ вмѣсто иконъ фрески, на которыхъ едва можно распознать Деисусъ и нѣсколько ликовъ Апостольскихъ; на столбахъ, по сторонамъ иконостаса, стерты лики тринадцати отцевъ Сирскихъ, изъ коихъ еще видны три: Юсифъ Алавердскій, Исидоръ Самтавійскій и самъ Иессей Цилканскій, какъ бы сохранившійся ради памяти своего святительства въ этомъ храмѣ. Тамъ гдѣ стояла, подъ свѣцію, чудотворная икона Божіей Матери, противъ Архіерейской кафедрѣ, чуть видны на стѣнѣ три лица: едва ли это не избраніе Св. Иессея Католикосомъ Евлавіемъ, въ присутствіи Аввы Іоанна, который передастъ ученика своего Архипастырю? Впрочемъ такъ повреждены всѣ фрески, что уже трудно разобрать. Птицы летаютъ внутри опустѣвшаго храма.

Я просилъ, чтобы отслужили молебенъ Матери Божіей, въ той убогой храминѣ, гдѣ находилась ея чудотворная икона, напоминавшая нашу Влахернскую, и когда, послѣ молитвы, прикладывался къ ея лику, внимательно разсматривалъ я сію святы-

ню. Мнѣ кажется, что самое лицо было обновлено, потому что, въ противномъ случаѣ, удивительна свѣжесть красокъ, густыми слоями положенныхъ, какъ бы лѣпная работа, въ то время какъ живопись, подъ жемчужною ризой, совсемъ поблекла. Впрочемъ и нѣкоторыя другія иконы, почитаемыя за самыя древнія въ Грузіи, писаны такою же грубою кистію и густыми слоями. Въ нихъ нѣтъ того темнаго колорита и строгости въ чертахъ, какими отличаются иконы Византійскаго письма. На иконѣ Цылканской примѣтно двойное украшеніе: одно весьма древнее эмалевое и жемчужное; таковы вѣнецъ на главѣ Пречистой Дѣвы и четыре кружка, въ конхѣ написаны по эмали мученики **Θеодоръ** и **Димитрій**, и безсребренные **Косма** и **Даміанъ**; по сторонамъ Богоматери видны два Архангела. Второй окладъ не столь древній, изъ чеканнаго серебра, съ драгоценными привѣсками и съ ликомъ **Св. Георгія**, устроенъ былъ въ минувшемъ столѣтіи, **Княземъ Иваномъ Мухранскимъ**, изъ боковой линіи Царей **Карталинскихъ**, которымъ до-

селѣ принадлежитъ владѣніе Мухранъ, недалеко отъ Цилкана.

Дорога наша лежала чрезъ это обширное селеніе, гдѣ видѣнъ домъ владѣльцевъ, окруженный, на подобіе замка, деревянною стѣною, съ башнями и теремами. Быстрый потокъ Ксани, давшій свое имя Эриваню Ксанскимъ, принялъ насъ въ свои бурныя весеннія воды, часто опасныя для путешественниковъ. Близъ Самтависа, скучная равнина Карталинская пересѣчена лѣсистымъ оврагомъ, гдѣ иногда кроются хищники Осетинскіе, въ голодное время. Селеніе Самтависъ, украшено древнею церковію Царя Вахтанга Гургъ-аслана, почти современнаго отшельнику Сирскому Исидору, который тутъ основался; она была обновлена въ 358 году Грузинскаго хроникона, или въ 1673 году нашего лѣтосчисленія, Княземъ Димитріемъ Амилахваровымъ, какъ написано на древней иконѣ Спасителя, внутри храма, и тамъ до нынѣ погребается княжескій родъ сей, имѣющій возлѣ свои помѣстья. Ихъ старыи замокъ и монастырь видны на горѣ; неподалеку се-

леніе Чалы, гдѣ хранятся, въ домовой ихъ церкви, многія древнія иконы, перенесенныя въ смутныя времена, изъ пустыни Шіомгвинской и Мцхета. Родъ Амхлахваровыхъ, одинъ изъ знаменитыхъ въ Грузіи, возведенъ былъ въ княжеское достоинство, потому что предокъ ихъ пожертвовалъ своею жизнью, для спасенія Царя Георгія VIII. Амхлахваръ есть искаженное слово Арабское Эмиръ-ахоръ, или великій конюшій, званіе, которымъ пользовались старшіе изъ Князей сего дома, при дворѣ царскомъ.

Весьма изящна рѣзьба, на внѣшнихъ стѣнахъ храма Самтавійскаго, особенно виноградныя лозы и крестъ, изваянный со стороны алтаря, съ надписью: «да утвердитъ Господь въ вѣкъ вѣка.» Мѣстное преданіе указываетъ самое углубленіе, отколы исторглось пламя, во дни Тамерлана, когда свирѣпый завоеватель хотѣлъ сокрушить на ствнѣ большой крестъ, досель ее осѣняющій. Какъ утѣшительны такіа преданія и какъ отрадно для народа молиться въ храмъ, ознаменованномъ столь чуд-

нымъ событіемъ! Съ такою твердою вѣрою прошла и устояла бѣдная Грузія, сквозь всѣ завоеванія, огнепоклонниковъ Персовъ, Арабовъ, Сельджукидовъ, Монголовъ Батыя и Татаръ Тамерлана, Оттомановъ и новыхъ Персовъ Шахъ - Исмаила, Шахъ-Аббаса и Надира, до нашихъ временъ. Каменная ограда, уже обветшавшая, съ башнями и бойницами, свидѣтельствуетъ о бранной эпохѣ; еще недавно, безъ укрѣпленія, не могла держаться никакая обитель, потому что шайки Лезгинъ безпрестанно скитались по большимъ дорогамъ, и тутъ лежалъ главный путь ихъ въ Ахалцыхъ, гдѣ продавали они своихъ плѣнныхъ. Церковь Самтавійская величественна внутри, хотя уже приходитъ въ ветхость и почти обнажена; она празднуетъ Вознесенію Господню и имѣетъ еще одинъ придѣлъ, во имя Претечи. Замѣчательна древняя икона Спасителя, при которой хранится нѣсколько драгоценныхъ складней и крестовъ, съ частицами святыхъ мощей. Живопись ея напоминаетъ Цилканскую, съ яркими красками, хотя не столь густыми,

но ее почитаютъ современною Царю Вахтангу, жившему въ V вѣкѣ. Иконостасъ новый, деревянный, прислоненъ къ старому каменному, весьма низкому. Въ алтарь, кругомъ горяго мѣста, сохранились отчасти дѣки Апостоловъ и двадцати четырехъ Святителей, имена коихъ трудно разобрать. Помость весь устланъ гробницами Амилахваровыхъ, благодѣтелей обители. Въ жертвенникъ каменная плита знаменуетъ мѣсто погребенія Св. Исидора, пришедшаго изъ Сиріи, вмѣстѣ съ аввою Іоанномъ, но житіе коего совершенно неизвѣстно. Это былъ послѣдній изъ отцевъ Сирійскихъ, могилъ коего я поклонился. Въ Кахетіи посетилъ я гробы Давида Гареджійскаго въ его пустыни, Стефана въ обители Хирской, Епископа Іосифа въ кафедральномъ соборѣ Алавердскомъ, Зинона въ уединенной церкви Икальто и Антонія Марткобскаго, среди развалинъ его монастыря, нынѣ обновляемаго. Въ Мцхетѣ мнѣ указали, подъ алтаремъ, мѣсто упокоенія Св. Авива мученика, Епископа Некрескаго, и въ пещерѣ Мгвимской пустыни

могилу ея основателя Св. Шіо, а на горѣ Зедазенской, въ оставленной всѣми церкви, самый гробъ великаго аввы Іоанна, главы 13 отцевъ Сирскихъ. И вотъ, оставляя Грузію, успѣлъ я еще помолиться, надъ гробами Св. Епископа Іессея, въ Цилканѣ, и отшельника Исидора въ Самтависѣ. Остальныя три гробницы Сирскія были мнѣ недоступны; только издали увидѣлъ я церковь, гдѣ почиетъ Пирръ Бретскій; Михаилъ же Улумбійскій и Ѳаддей Степан-цминдскій были слишкомъ далеки отъ моего пути; но для меня утѣшительно и то, что изъ числа тринадцати, я могъ по крайней мѣрѣ поклониться десяти.

ГОРИ, УПЛИСЦИХЕ, АТЕНЕ, СІОНЪ.

Отъ Самтависа до Гори, на разстояніи сорока верстъ, ничего занимательнаго не представляла голая равнина Каргалинская: по сторонамъ ея тянулись горные хребты, но видъ Гори уже поражаетъ издали своею необычайностію. Малый городъ приникъ къ подножію утеса, который внезапно вырастаетъ, какъ островъ изъ морской пучины, посреди ровнаго поля, и увѣнчанъ старымъ замкомъ; сама природа указала мѣсто сіе для защиты человѣка, по несчастію отъ подобныхъ себѣ. Еще недавно

однѣ только стѣны сіи могли служить спасеніемъ отъ проходящихъ шайками Лезгинъ; они осмѣливались проникать въ предмѣстіе города, такъ что принуждены были укрѣплять отъ нихъ самыя мельницы. Русское гостепріимство ожидало насъ въ домѣ градоначальника С^{...}. Онъ вызвался проводить насъ, на слѣдующій день, въ пещерный городъ Уплисцихе и въ очаровательную долину Атенскую, а между тѣмъ предложилъ воспользоваться остаткомъ дня, чтобы посѣтить вышгородъ Гори. Невозможно было избрать лучшаго мѣста для крѣпости, которая совершенно пришлась по утесу, зубчатымъ вѣнцемъ своимъ, какъ иному царственному челу свойственнымъ украшеніемъ представляется корона. Основаніе крѣпости относятъ ко временамъ самымъ отдаленнымъ, но она была нѣскольکو разъ обновляема, и даже при Царѣ Иракліѣ еще могла отражать напоръ враговъ. Шахъ-Надиръ чувствовалъ всю ея важность и посылалъ своихъ намѣстниковъ въ Гори, властвовать надъ Грузіею. Теперь, по водвореніи мира, ничего въ ней не оста-

лось, кроме одной церкви, также опустывленной, которую относят, как все древнее, къ Царицѣ Тамари.

Весьма замѣчательна тераса, многими уступами спускающаяся къ рѣкѣ, съ крытыми ходами, для тайнаго добытія воды. Колоссальное ея устройство свидѣтельствуетъ о важности самой крѣпости, служившей ключемъ Карталини, на слияніи Ляхвы и Куры. Одинъ изъ очаровательныхъ видовъ сей живописной страны, открывается съ вышгорода Гори на всю равнину, далеко бѣгущую къ снѣжному хребту Кавказа. Шумная Ляхва, раздѣляясь на многіе рукава, серебристыми полосами, блеститъ по широкому руслу, а нѣсколько дальше бурная Кура, однимъ потокомъ, стремится поглотить въ себя сію новую дачницу Кавказскаго хребта. На коническомъ утесѣ противоположнаго берега бѣлѣтъ древняя обитель креста, куда часто притекаютъ для молитвы благочестивые жители Гори; вдали раскрывается устье Атенскаго ущелья. Малый, но веселый городокъ, домами своими, обгльпиль со всѣхъ

сторонъ освѣняющій его утесъ, какъ дѣти робко держатся за одежду матери; панорама сія достойна лучшей кисти нашихъ живописцевъ. Заходящее солнце замѣнило ихъ кисть своими лучами, съ чрезвычайнымъ искусствомъ обозначивъ ярко выдающіеся предметы сей чудной картины, и позволяя мѣстами отбѣнать ее вечернему сумраку. Долго мы любовались, доколѣ не угасло за горами свѣтило.

Между осмью церквами различныхъ исповѣданій въ Гори, одна въ особенности привлекла мое вниманіе, драгоценною святынею, въ ней хранящеюся съ шестаго вѣка, когда Грузія была подвластна Императорамъ Греческимъ. Великій Іустиніанъ, столько заботившійся о распространеніи Христіанства, прислалъ владѣтелю Иверіи Стефану, возведенному имъ въ придворный санъ Куропалата, икону складную, писанную на холстѣ, Деисусъ, т. е. Спасителя, съ Божіею Матерію и Предтечею по сторонамъ. Она доселѣ сохранилась въ Успенской церкви, съ удивительною цѣлостію, хотя отчасти осыпалась краски. Живопись

отличается отъ такъ называемой Византійской, X вѣка, свѣтлымъ колоритомъ и болѣе пріятными очерками. Не знаю почему образъ сей называется у Грузинъ оконіюсъ, не отъ Греческаго ли слова икона? Но вотъ еще замѣчательное событіе: Императоръ прислалъ при сей иконѣ своего придворнаго іерея, Іоанникія Горгіани, и родъ его съ тѣхъ поръ поселился въ Грузіи; церковь же и чудотворная икона потомственно переходили, отъ отца къ сыну, до нашихъ временъ. Старецъ священникъ, показывавшій мнѣ сокровище своей церкви, носитъ тоже имя Горгіани и надѣется, что его потомки сохранятъ древнее достояніе отцевъ своихъ. Какъ умилительно такое преемство въ священнодѣйствіи, не прерывающееся тринадцать столѣтій. Мудрено ли, что на такихъ твердыхъ началахъ, не поколебалась въ православіи единовѣрная намъ Церковь Иверская?

Слѣдующій день мы посвятили посѣщенію замѣчательныхъ окрестностей Гори, и начали съ Уплисцехе, внизъ по теченію Куры, за 10 верстъ отъ города. Одно сіе

имя, замокъ или крѣпость Уплоса, уже свидѣтельствуеъ о глубокой древности, если вспомнить, что Уплось былъ сынъ полумифическаго Мцхетоса, даващаго свое имя древней столицѣ, и внукъ Картлоса, котораго память сохранилась въ названіи цѣлой области. Картлосъ же имѣлъ отцемъ Ёоргама, родоначальника Грузинъ и Армянъ, и считался правнукомъ Іафета, слѣдственно въ четвертомъ поколѣніи отъ Ноя.

Что сказать о такой древности, которой истину подтверждаетъ самая мѣстность и памятники, не похожіе на нынѣшнія жилища человѣческія. Уплись-цихе есть городъ пещеръ, выдолбленныхъ на верху утеса, какъ селились люди въ первыя времена, послѣдовавшія всемірному потопу, и какъ сохранился обычай доселѣ, въ нѣкоторыхъ младенчествующихъ племенахъ. Впрочемъ Уплись-цихе, по выгодному его положенію надъ рѣкою, долго удерживалъ жителей въ прохладѣ своихъ пещеръ, ибо по лѣтописи Грузинской извѣстно, что Царь Арсакъ, жившій въ эпоху завоеваній Римскихъ,

предъ самымъ рождествомъ Христовымъ, много украсилъ сей подземный городъ, и слѣды украшеній видны, въ правильно изваянныхъ аркахъ съ льпной работою. Благочестіе Христіанское воспользовалось столь необычайнымъ убъжищемъ на скалахъ, чтобы помѣстить алтари свои въ опустывшихъ уже пещерахъ; каменная Армянская церковь, весьма древняя, единственное зданіе Уплись-цихе, служитъ доказательствомъ, что еще въ средніе вѣка тутъ было населеніе. Жители ближайшихъ деревень доселѣ сходятся туда, на второй день Пасхи.

Отдѣльный утесъ, какъ бы отторгшійся отъ береговаго хребта, который состоитъ весь изъ своенравныхъ наростовъ мягкаго камня, служитъ основаніемъ Уплись-цихе. Кура отступила теперь отъ его подножія, но и доселѣ одна только узкая тропа, изсѣченная въ скалѣ, открываетъ входъ на ея вершину, сквозь остатки городскихъ воротъ. Легко было защищать такую крѣпость. Отъ привратной башни, выдолбленная стезя восходитъ все выше, образуя мно-

гія вѣтви или улицы, по сторонамъ коихъ видны слѣды лавокъ также въ скаль, и этотъ каменный базаръ какъ будто ожидаетъ купли; мѣстами есть и протоки для дождевой воды, чтобы удобно стекала она съ утеса въ осеннее время. Всего лучше сохранилась такъ называемая царская арка или палата, на самомъ краю утеса, отколѣ открывается великолѣпный видъ на все течение Куры и противолежащія Тріалетскія горы. Арка высока, съ правильнымъ полусводомъ въ Римскомъ вкусѣ, и открываетъ входъ въ глубокую пещеру, которая служила пріемною залой, а по сторонамъ есть еще два подземныхъ покоя, вѣроятно жилые. Дадіамъ увѣрялъ меня, будто въ каждомъ изъ лѣпныхъ украшеній арки есть надпись Грузинская, но нельзя было это ясно разобрать; выпренная тераса примыкала къ сему жилищу, вѣроятно царскому, ибо оно на лучшемъ мѣстѣ, и есть слѣды ограды, его отдѣлявшей отъ прочихъ. Другая, столь же замѣчательная подземная палата, съ каменною стѣнкой впереди, уцѣлѣла на самой срединѣ города, недалеко

Часть III.

5

отъ церкви, и служить теперь для загона скота: такъ измѣняется мирская слава! Передняя часть обрушилась, но еще сохранилась просторная зала, обнесенная съ трехъ сторонъ арками, высѣченными въ камень; брусья изваяны на плоскомъ потолкѣ, какъ бы въ подражаніе дереву; позади сихъ аркъ много жилыхъ келлій, и есть углубленія въ стѣнахъ; отверстіе въ сводѣ служило для воздуха и свѣта. Дадіанъ прочелъ надпись Грузинскую на боковой аркадѣ: «я Шавтели потрудился здѣсь и, работая по цѣлымъ днямъ, не точилъ моего рѣзца въ продолженіе цѣлой недѣли». Годъ хроникона Грузинскаго означенъ 110, но по немъ нельзя ясно опредѣлить эпоху, ибо это лѣтосчисленіе весьма сбивчиво. Если же тутъ предполагается послѣдній хрониконъ, то число сіе будетъ соответствовать 1425 году.

Выше сей залы есть церковь, высѣченная въ той же скалѣ, съ престоломъ, при-
слономъ къ стѣнѣ подъ окномъ, и съ отдѣльнымъ жертвенникомъ; такое расположеніе святилища, обращеннаго къ востоку,

свидѣтельствуеть, что оно принадлежало православнымъ. Около него выдолблено много келлій, соединенныхъ между собою, и нѣсколько пониже есть еще малые покои, съ лѣпнымъ украшеніемъ на сводѣ и алтаремъ въ углубленія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ былъ монастырь и даже многолюдный; но кѣмъ онъ основанъ и когда оставленъ?—лѣтописи молчатъ, а камни не возглаголють. Такъ все утрачено въ бѣдной Грузіи, разоренной столькими нашествіями варваровъ. Есть еще много жилищъ, разсѣянныхъ по всему пространству города до вѣшняго гребня скалы, гдѣ была градская стѣна, но они не заслуживаютъ особеннаго вниманія; ничего нѣтъ и въ каменной церкви Армянской, ибо всѣ иконы ея новыя. Мы спустились изъ пустыннаго города, не по прежней стезѣ, но сквозь широкое отверстіе, посреди его площади, которое выдолблено узиткою въ сердцѣ скалы, для добытія воды, и многими ступенями сводило къ тайному водоему, когда рѣка омывала еще подножіе утеса; и теперь, въ полповодіе, она подсту-

пасть къ сему подземному устью, которое не могло быть замѣтно непріятелю. Такова чудная крѣпость Уплоса, напоминающая близость потопной эпохи!

Трудная переправа предстояла намъ черезъ Куру, на двойномъ чолнѣ, который долженъ былъ поднять наши дроги и всѣхъ насъ; лошадей пустили вплавъ и быстрое теченіе унесло ихъ, вдоль противоположнаго каменистаго берега, на песчаный островъ; насъ ожидала таже участь; но не было другаго средства переправиться черезъ Куру, съ большимъ трудомъ причалили мы къ тому же острову и перенесены были на рукахъ жителей, черезъ узкій рукавъ рѣки, до ихъ селенія; старшина принялъ насъ съ большимъ радушіемъ и съ свѣтскою непринужденностію. «Есть ли у тебя чѣмъ угостить насъ?» спросилъ его Дадіанъ.— «Взойдите только въ саклю, отвѣчалъ онъ, разстлала ковры въ ея преддверіи, теперь уже вы въ моихъ рукахъ и я угощу чѣмъ богать. Конечно, такіе дорогіе гости, сколько бы я ихъ ни звалъ, не согласились бы посѣтить меня, еслибы ихъ не вышну-

диль къ тому случай.» Дѣйствительно его угощеніе было весьма прилично, потому что всѣ сосѣди на перерывъ посылали къ нему все, что только находили у себя готоваго для пищи. Скажу еще одно слово о честности сего добраго народа: при затруднительномъ спускѣ изъ Уплисцихе оборвался у меня золотой лорнетъ, и я не замѣтилъ своей потери, доколѣ не нагналъ меня мальчикъ и не возвертилъ мнѣ найденной вещи, хотя по блеску и вѣсу металла очень могъ судить о ея цвнѣ.

Отдохнувъ не много, мы продолжали путь въ Атенское ущеліе и мимоходомъ посѣтили, противъ Уплисцихе, еще подземелье, съ Армянскою внутри его церковью Св. креста. Говорятъ, что весьма пространны были подземные проходы сего потаеннаго жилья, и пустота земли, отзывавшаяся подъ ногами, подтверждала истину сказанія. Этотъ плоской утесъ есть какъ бы продолженіе того, въ которомъ изсѣчена древняя столица внука Картлосова; она открывается отсель во всей ея своенравной красотѣ, съ просвѣтами своихъ величествен-

ныхъ аркъ, зѣющая глубокими устьями пещеръ, какъ бы поглотившихъ все населеніе и ожидающихъ себя новыхъ жертвъ.— Видно, что тутъ былъ городъ, но какъ бы инаго допотопнаго поколѣнія людей, давно уже стертаго съ лица земли.

Отъ селенія Хидиставъ, гдѣ находился древній мостъ черезъ Куру, теперь уже разрушенный, начинается роскошное ущеліе Атенское, вверху по теченію рѣки Тапы. Оно открывало единственный путь, сквозь Триалетскія горы, къ Ахалциху и потому кипѣло жизнью въ цвѣтуція времена Грузіи, какъ о томъ свидѣлствуютъ доселѣ остатки замковъ и храмовъ, безпрестанно встрѣчающіеся на берегахъ потока. Все опустыло въ послѣднюю бѣдственную эпоху, когда при слабости ея раздѣлившихся Царей, вторглись Лезгинны въ ихъ беззащитное царство и сдѣлались полными его обладателями. Царь Ираклій, едва освободившись отъ Персовъ, боролся съ Лезгинами всю свою жизнь и ничего не могъ сдѣлать. Славный вѣнтель Кавказа, Генералъ Ермоловъ, первый удержалъ шай-

ки хищниковъ, расположивъ военные штабы на самыхъ опасныхъ точкахъ; чувствуя всю важность Атенскаго ущелья, онъ ввѣрилъ оное храброму Князю Эристову, надѣливъ его тамъ многими землями. Съ тѣхъ поръ прекратились грабежи и мало по малу возвращающіеся жители могутъ наслаждаться спокойствіемъ въ своихъ виноградникахъ. Почтенный старецъ, встрѣтилъ насъ наканунѣ въ Гори, и отъѣзжая въ Тифлисъ, поручилъ племянникамъ угостить насъ въ своемъ Атенскомъ владѣніи; тамъ ожидала утомленныхъ гостепріимная трапеза, въ его сельскомъ домикѣ.

Ущеліе Атенское одно изъ самыхъ живописныхъ, какія я только видѣлъ въ Грузіи, потому что не имѣетъ суровой дикости, обыкновеннаго характера горныхъ проходовъ, но привѣтливо улыбается путнику, и какъ бы манитъ его, шумомъ водъ своихъ, въ своенравные изгибы стѣсняющихся горъ; онъ безпрестанно открываютъ взорамъ новыя красы природы, заграждая каменною стѣною позади все что

уже пройдено ; но стѣна сія устьяна виноградниками и селеніями, увѣнчана храмами и древними замками, которые такъ поэтически сошлись въ это ущеліе , чтобы оживить его воспоминаніями минувшаго. А между тѣмъ бурный потокъ Таны несетя по камнямъ, то подмывая какую нибудь старую башню, отважно ставшую посреди его волнъ, то падая шумно съ утесовъ, тамъ гдѣ они дерзнули преградить ему тѣсный путь, или разливаясь по зеленому лугу, подъ навѣсомъ яворовъ и липъ, если гдѣ либо раздвинулось ущеліе, чтобы дать мѣсто усадьбѣ, на какомъ нибудь уединенномъ холмѣ. Такова самая Атена, съ тремя ея церквами, бывшая нѣкогда городомъ и оставившая сладкое свое имя всему ущелію. Замѣчательно повтореніе Греческихъ названій Аѳинъ, Коринѳа, Олимпя и еще другихъ, во многихъ мѣстахъ Грузіи.

Версты за двѣ отъ Атенъ, далѣе во глубину ущелья, стоитъ на обрывѣ утеса, надъ шумнымъ потокомъ, во всей поэтической красотѣ своей, древняя опустѣвшая

обитель Сіонская, отзывающаяся лучшими временами Грузіи, когда Цари ея, по родственнымъ связямъ съ Императорами, могли выписывать зодчихъ изъ Царьграда.— Багратъ II основалъ храмъ сей, во имя Успенія Богоматери, и далъ ему сладкое имя Сіона; ибо въ благочестивой Грузіи искони, какъ я уже сказалъ, Сіонами назывались всѣ храмы, посвященные успенію Богоматери. Славная своими бѣдствіями Царица Русуданъ, дочь Тамари, обновила церковь; лице ея изваяно также какъ и лики Баграта и его супруги, на внѣшнихъ стѣнахъ, въ одеждахъ восточныхъ, съ другими невѣдомыми лицами, быть можетъ изъ царскаго двора, ибо они представлены благоговѣнно стоящими, съ опущенными руками. Есть и нѣкоторыя изображенія изъ ветхаго завѣта: Самсонъ, раздирающій львиную пасть, и изъ житія святыхъ, Евстаѣій на ловлѣ олѣней, и нѣсколько надписей Греческихъ, Грузинскихъ и Армянскихъ. Одинъ изъ путешественниковъ, Дюбуа, говоритъ будто видѣлъ и Славянскую, но я ее не замѣтилъ, потому

что не былъ предварень. Армянская называется зодчимъ нѣкоего Павла, быть можетъ находившагося при дворѣ царскомъ, ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что церковь сія никогда не могла принадлежать Армянамъ, какъ по внутреннему своему устройству, такъ и потому, что сюда не доходила ихъ область.

Вотъ что разобралъ Дадіанъ, изъ древней Грузинской надписи, сохранившейся на южной вѣшной стѣнѣ, ближе къ алтарю: «Во имя Бога, я Григорій, рабъ Миріана сына Тарханова, пачальникъ Агенской крѣпости, воздвигъ дома и города, тогда какъ прославилъ Богъ Всемогущій, Царя Царей, Баграта, который приказалъ праху своему Миріану, повелителю моему а своему вельможѣ, сооружать зданія въ селахъ и городахъ. Помощникомъ въ томъ Богъ и счастье Царя, и какъ пожелало царствіе его, такъ я и воздвигъ оныя; помилвало насъ царствіе его, и щедро пожаловало дома и города, въ потомственное владѣніе, Миріану и подданнымъ его, которые въ силахъ были воздвигнуть сія зданія. Я

воздвигъ дома, города и пожертвовалъ Св. Сіону Атенскому, празднующему Богоматери, для вѣчнаго поминовенія Царя Царей Баграта Севаста и сына его Георгія. Такъ равно и для поминовенія Миріана праха его, а моего господина и воспитателя, учредилъ совершать литургію въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста, въ день Св. Феодора, чтобы совершалъ оную настоятель обители и кто по немъ будетъ».

Внутренность храма Сіонскаго величественна и состоитъ изъ четырехъ полукружій, крестообразно расходящихся отъ четырехъ основныхъ столбовъ, которые поддерживаютъ сферическій куполъ, весьма легкой и пріятный для глазъ. Все зданіе еще крѣпко и не трудно его обновить; алтарь отдѣленъ, какъ мнѣ случалось видѣть въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ Кахетіи, низкою стѣнкою, на которой поставлены малые столбы, связанные арками; средняя служила для царскихъ вратъ. Столбы сѣи въ Сіонскомъ храмѣ лучшаго мрамора; есть изваянія на боковыхъ аркахъ, гдѣ были сѣверныя и южныя двери;

алтарь возвышенъ на трехъ ступеняхъ, равно какъ и горнее мѣсто, на коемъ еще есть слѣды каедръ. Мѣстами весьма хорошо сохранилась живопись, можетъ быть не современная основанію храма, но лучшей Византійской кисти; особенно въ среднемъ окнѣ алтаря замѣчательна икона Претечи и напротивъ нѣкоего Аввы въ кукуль, быть можетъ великаго Антонія; иконы сіи какъ будто только что вышли изъ подъ кисти; Апостолы и десять Святителей, кругомъ горняго мѣста, повредились отъ сырости. Въ правомъ крылѣ болѣе уцѣлѣли фрески: сонъ Іосифа, срѣтеніе Господне и благовѣщеніе, въ которомъ фигура Ангела замѣчательной красоты и была бы достойною новѣйшихъ художниковъ.

Ущеліе Атенское произвело на меня впечатлѣніе самое пріятное, какъ по красотѣ мѣста и весенняго вечера, такъ быть можетъ и потому, что я впервые испытывалъ свои силы послѣ болѣзни. Молодой мѣсяцъ освѣтилъ намъ возвратный путь къ Хидиставу и мы могли перейти пѣшкомъ по новому мосту, который строятъ

заботливый градоначальникъ Гори, на старыхъ каменныхъ основаніяхъ, уже испытанныхъ долгимъ временемъ и бурными водами Куры. Онъ сдѣлалъ этотъ мостъ, мѣстными средствами, не требуя никакой помощи и надѣялся такъ его довершить, что не только конные, но и малые экипажи могли бы по немъ ѣздить. Путешественникъ, которому такимъ образомъ облегчаютъ путь, не долженъ молчать, по чувству благодарности. Въ Гори, мы нашли владѣтельнаго Князя Абхазіи Михаила Ширвашидзе, который прибылъ въ Тифлисъ, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда, и условился совершить съ нами часть дороги, не стѣсня насъ однако многочисленностію своей свиты, при недостаткѣ лошадей. Онъ предложилъ мнѣ присутствовать, на праздникъ Великомученика Георгія въ Хони, за Кутансомъ, гдѣ есть его древняя церковь, а я звалъ его съ собою въ обитель Гелатскую; мы дали другъ другу слово съѣхаться въ Кутансъ, чтобы совершить объѣздки, и еще нѣсколько разъ встрѣчались опять на дорогѣ.

СУРАМЪ. ИМЕРЕТІЯ.

Можно было опасаться, чтобы разлигѣ быстрой рѣки Ляхвы, умноженной дождями, не преградило намъ дороги въ Имеретію, но съ помощію рукъ человѣческихъ благополучно переправились мы черезъ многочисленные рукава ея. Малая отрасль горъ отдѣляетъ долину Ляхвы отъ низменной равнины, простирающейся до Сурама, по теченію Куры. Здѣсь послѣднія селенія Карталинскія, нѣкогда богатая, но приходшія въ упадокъ, въ послѣднія времена опустошеній Дезгинскихъ.

Мы посѣтили древній городъ Урбнисъ, извѣстный уже во дни Македонскаго завоевателя; тамъ останавливалась Св. Нина, на пути въ Грузію, и долго существовала каедрa одного изъ Архіереевъ Карталинскихъ. Теперь это убогое селеніе на берегу Куры, замѣчательное только по своей древней церкви, основанной Вахтангомъ Гург-асланомъ. Она празднуетъ Архидіакону Стефану, ко-его часть мощей тамъ хранится, но мы не могли проникнуть въ ея внутренность, по отсутствію священника. Архитектура вѣвшая совершенно простая, безъ всякаго украшенія и безъ купола; фронтонъ треугольный, какъ въ древнихъ базиликахъ Римскихъ; зданіе обширно, съ окнами неправильно расположенными въ два яруса; на немъ лежитъ печать глубокой старины; была ограда, но обрушилась, уцѣлѣла надворотная башня, служившая архіерейскимъ теремомъ, и нѣсколько келлій; на дворѣ опрокинута каменная древняя купель, продолговатой формы, и около храма, какъ вообще на всемъ пространствѣ стараго города, жители находятъ много монетъ Греческихъ и Римскихъ.

За три версты отъ Урбнуса, на большой дорогѣ, лежитъ селеніе Рунсъ, самое богатое во всей окрестности, которое было также городомъ; здѣсь имѣлъ пребываніе великій Царь Давидъ возобновитель, когда еще Тифлисъ былъ въ рукахъ Сарацинскихъ; здѣсь созвалъ онъ, при своемъ воцареніи, соборъ всехъ Епископовъ Грузіи, для исправленія безпорядковъ церковныхъ. Не думаю, чтобы нынѣшній храмъ Рунскій, хотя и древній, восходилъ до временъ Царя Давида; основаніе его, или быть можетъ обновленіе, приписываютъ Царю Александру, послѣ котораго раздѣлилась Грузія; вторичное обновленіе Царю Симону, воеводу противъ Турковъ, въ рукахъ коихъ окончилъ дни свои. Но величайшее сокровище Давида хранится донынѣ въ храмѣ: большія серебряныя складни, съ чеканною на нихъ иконой Богоматери, въ подтора или два аршина высоты; внутри же большая часть животворящаго креста, съ тремя стами частицъ святыхъ мощей. — Сколь ни богата Грузія, посреди денежнаго своего убожества, подобны-

ми сокровищами, Руисское едва ли не превосходитъ всѣ прочія, и нельзя не удивляться усердію древнихъ ея Царей, которые вступая въ родственныя связи съ Императорами Греческими, ничего другаго себѣ не просили какъ только святыни. Такимъ образомъ дѣдъ Давида, Баграць, женатый на дочери Императора Романа, Елень, многое приобрѣлъ своему царству, и самъ Давидъ, имѣвшій въ супружествѣ Греческую Царевну Ирину, завѣщалъ также Грузіи нѣсколько драгоценныхъ залоговъ.

Далѣе за Руисомъ, не далеко отъ первой станціи, стоитъ влѣво у самой дороги, малая церковь селенія Саволаскеви, которая заключаетъ въ себѣ церковную утварь опустѣвшей обители Улумбійской, одного изъ Сирскихъ отцевъ. Тутъ чудотворная икона Божіей матери Улумбійской съ младенцемъ на рукахъ, напоминающая нашу Иверскую, болѣе нежели въ полтора аршина высоты, но письма свѣтлаго, лучшихъ временъ живописи Византійской, и вовсе не обновленнаго. Удивительно, какъ мо-

гла она такъ долго и хорошо сохраниться. Здѣсь можно еще лучше судить о древнемъ характерѣ письма Греческаго, предшествовавшаго среднимъ вѣкамъ. На сей иконѣ двойной окладъ, какъ и на Цмѣканской, и есть драгоценные камни; новѣйшій серебряный устроень усердіемъ Князя Амрадже, при Царѣ Иракліѣ въ 1767 году, и на немъ вычеканены рождество Богоматери, благовѣщеніе и обрученіе Св. Дѣвы Іосифу. Мнѣ кажется слѣдовало бы перенести такую богатую и замѣчательную икону, изъ пустынной убогой церкви, стоящей далеко отъ малаго селенія, въ какой либо городской соборъ или обитель, потому что здѣсь можетъ она когда либо подвергнуться похищенію. Даже въ Русь она была бы болѣе сохранна; а между тѣмъ въ той же церкви есть еще много другихъ древнихъ иконъ, перенесенныхъ изъ той же обители Улумбійской; онѣ не писаны, но вычеканены изъ серебра и разставлены по верху иконостаса, на которомъ уже нѣтъ для нихъ мѣста. Замѣчательны между ними: вербное торжество Спа-

сителя, благовѣщеніе, срътеніе и цѣлованіе Елисаветы, крещеніе и вознесеніе. — Есть еще одна писанная, небольшая икона Свасителя, съ мощами въ задней доскѣ, но уже ликъ почти стерся отъ древности, равно какъ и Греческая надпись.

Напротивъ убогой церкви, заключающей въ себѣ столько сокровищъ Улумбійскихъ, или Олимпійскихъ, по Греческому началу сего имени, видна въ право отъ большой дороги, на разстояніи не болѣе двухъ верстѣ, другая малая церковь Бретская, гдѣ почиваетъ блаженный Пирръ, одинъ изъ тринадцати отцевъ Сирекскихъ: но не смотря на все мое желаніе посѣтить его гробницу, время не позволяло намъ отклониться въ сторону. Мысленно поклонился я пустынному отцу, который посвятилъ себя духовному просвѣщенію страны ему чуждой, не оставивъ по себѣ однако никакой памяти благихъ своихъ дѣлъ, вѣдомыхъ единому Богу, но не занесенныхъ въ преданіяхъ человѣческихъ.

Самая скучная и пустынная дорога пролегла до Сурамскаго поста, по низмен-

нымъ равнинамъ заливаемымъ Курою, гдѣ нѣтъ поселенія, потому что лѣтомъ угрожаетъ лихорадка. Раздумье взяло меня на этомъ постѣ, гдѣ раздѣляются дороги въ Ахалцихъ и Имеретію? не вѣхать ли мнѣ вверхъ по теченію Куры, чрезъ живописное ущеліе Боржомское, въ древнее Сатабаго или область Атабековъ, обращенную въ пашаликъ Ахалцихской? Красота ущелія, усѣяннаго остатками замковъ на утесахъ, которые подмываетъ сердитая Кура; крѣпость Ахалцихская, прославленная кровопролитнымъ приступомъ нашихъ войскъ; древній великолѣпный монастырь Сафарскій, опустѣвшее нынѣ мѣсто погребенія славныхъ Кваркваровъ и Манучаровъ изъ рода Атабековъ, которые долго служили оплотомъ Грузіи противъ Турковъ; самая ихъ область, исполненная памятью великой Царицы Тамари, гдѣ даже предполагаютъ ея могилу въ пещерномъ замкѣ Вардзи, — все привлекало меня въ Ахалцихъ; но время мнѣ измѣнило: болѣзнь въ Тифлисъ похитила у меня двѣ недѣли; пароходъ, ожидалъ меня на берегу Мин-

грелинъ перваго Мая и слово, данное Владѣтелю Абхазіи, посвятить вмѣстѣ съ нимъ Гелатъ, удержало меня отъ любопытной поѣздки; скрывя сердце поворотилъ я къ Сураму, на Имеретинскую дорогу.

Грустнымъ показался мнѣ вышгородъ Сурамскій, на своемъ отдѣльномъ утесѣ, облѣпленномъ городскими домами, малое подобіе Гори. Это была крайняя точка Карталинская и поприще частыхъ состязаній Царей ея съ Имеретинскими, послѣ несчастнаго раздѣленія Грузіи на три царства. Здѣсь великій Царь Соломонъ, пришедшій на помощь Ираклію, съ малымъ числомъ войскъ, разбилъ большое полчище Лезгинское и тѣмъ навсегда освободилъ свое царство отъ ихъ набѣговъ, болѣе направленныхъ на Грузію. Горный хребетъ, поросшій лѣсомъ, отдѣляетъ предѣлы Карталіи отъ Имеретинскихъ и служитъ природною между ними границею; она рѣзко обозначена, не только противоположнымъ направленіемъ всѣхъ рѣчныхъ истоковъ, но даже нравами и одеждою жителей. Имеретія, по собственному смы-

слу слова, значить: по ту сторону горы, и это вполне выражается тяжелым переваломъ. Дождливая погода умножала трудность пути; едва могли нам подняться на горный хребетъ. Достигнувъ самой вершины, мы стали спускаться въ Имеретию, по теченію малой рѣчки, Чхерули. Ночь застигла насъ въ горахъ; подлѣ насъ съ утеса на утесъ, надала рѣка обозначая узкую дорогу въ горной расщелинѣ, какъ бы нарочно проложенную для сообщенія Америкъ или Грузинъ съ Имерами, т. е. горцевъ по сю сторону съ горцами по ту. Шумный ливень преслѣдовала насъ, по скользкимъ обрывамъ; съ радостію достигли мы наконецъ малой станціи Молитвы, наполненной провѣжими, которые также искали въ ней укрыться отъ непогоды.

Еще цѣлый день продолжалось путешествіе наше до Кутанса, которое можно было назвать прогулкою, при благопріятной погодѣ, по самымъ очаровательнымъ ущелиямъ и долинамъ Имеретин. Дорога слѣдовала по теченію рѣчки Чхерули, которая пробивала себѣ каменное ложе въ

самомъ сердцѣ горы, представляя съ обѣихъ сторонъ виды, то самыя дикіе, то смѣющіеся: иногда громада скалъ, поросшихъ мрачными соснами, висѣла надъ пѣнистымъ потокомъ; иногда напротивъ открывалась какая либо смѣющаяся поляна, съ сельскимъ домикомъ и пасущимися около стадами, напоминавшими Швейцарію. На поворотѣ ущелія, тамъ гдѣ наиболѣе сосредоточились его ужасы, крѣпкій замокъ Чхарри, сталъ твердою стопою на выдавшемся утесѣ, обросшемъ чащею лѣса, такъ что съ вершины бойницъ его далеко можно было слѣдить мимоходившихъ путниковъ, по сей единственной неизбѣжной стезѣ. Ущеліе стало расширяться при впаденіи Чхерули въ широкую Квирилу; намъ открылись въ право на высокой горѣ обширныя остатки крѣпости Римской Шаропанъ, время Помпея и Митридата, или лучше сказать укрѣпленнаго стана сихъ завоевателей вселенной, которые вездѣ оставили по себѣ неизгладимыя слѣды. Нельзя было избрать мѣста болѣе крѣпкаго и удобнаго, господствующаго надъ теченіемъ

двухъ большихъ рѣкъ : это ключь Имеретин, и геній Римскій проявляется изъ самыхъ развалинъ.

Мы переехали на паромъ быструю и глубокую Квирилу, древній Фазисъ, который подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ Римскому міру, и даже удерживалъ его и послѣ своего соединенія съ Ріономъ. Но болѣе смиренная Квирила уступаетъ громкому имени сего мощнаго потока, въ волнахъ коего теряется близъ Кутаиса. Ничего нельзя представить себѣ очаровательнѣе долинъ Имеретинскихъ, исполненныхъ растительной жизни и самыхъ роскошныхъ даровъ природы. Здѣсь совершенно другое царство нежели Грузія, носящее свой особенный характеръ, согрѣтое теплымъ дыханіемъ полдня, какъ это обыкновенно случается съ поморіемъ, обращеннымъ къ западу. — Красота природы все болѣе и болѣе умножается, съ приближеніемъ къ древней столицѣ Имеретин. Изъ очарованной долины Квирильской мы поднялись на высоты, оперенныя густымъ лѣсомъ, чтобы потомъ опять спуститься въ другую доли-

ну такъ называемой Красной рѣчки, на верховьяхъ коей стоятъ двѣ знаменитыя обители, Гелатъ и Моцамети. Это любимое мѣсто вечернихъ прогулокъ жителей Кутаиса. Наконецъ, при захожденіи солнца, открылся намъ бывшій вышгородъ Царей Колхидскихъ и Абхазскихъ. Бѣлая стѣна его обрушеннаго собора, какъ призракъ, подымалась изъ вечерняго тумана надъ новымъ городомъ, который опять возникался у подножія той же завѣтной твердыни, вмѣстѣ съ нимъ испытавшей столько истребительныхъ бурь.

КУТАИСЬ.

Митрополитъ Давидъ Имеретинскій, изъ княжескаго рода Церетелли, дядя по матери Дадіану, будучи извѣщенъ о прибытіи нашемъ, просилъ одного изъ почетныхъ гражданъ Кутаиса, принять насъ у себя въ домъ, потому что не было у него помѣщенія въ убогомъ жилищѣ на вышгородѣ. Всѣ князья Имеретинскіе, собранные тогда въ Кутаисъ, по случаю открытія губерніи, успѣшили видѣть давняго своего знакомца Дадіана, и домъ нашъ наполнился гостями; я почелъ первымъ дол-

гомъ, на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ, посѣтитъ старца Митрополита, посвященнаго въ санъ сей еще при последнемъ Царѣ Соломонѣ. Перейдя каменный мостъ черезъ Ріонъ, бурно біющій волнами въ его древнія арки; я поднялся по крутой тропѣ, съ камня на камень, въ старыи вышгородъ, который еще помнитъ баснословные дни золотого руна Язюнова. Недавно лишенный своего чуднаго собора и крѣпкихъ стѣнъ, стоитъ онъ, отовсюду открытый на скалахъ и, въ обнаженномъ величіи, еще господствуетъ надъ новымъ городомъ и шумною рѣкою и дальнею окрестностію, какъ будто бы все ему покорно, отъ горнаго хребта и до моря.

Грустно поразила меня бѣлая высокая развалина собора Багратова, но прежде нежели осмотрѣть его поэтическіе остатки, иззубренные временемъ, сокрушаемые людьми, я поспѣшилъ принять благословеніе Владыки. Вмѣстѣ съ нимъ взошли мы въ нынѣшнюю соборную церковь Успенія, убого пріютившуюся, въ южномъ преддверіи древняго великолѣпнаго храма. По крайней мѣ-

рѣ уцѣлѣла нѣкоторая святыня внутри сей малой церкви, какъ останки снастей послѣ страшнаго кораблекрушенія. Утѣшительно мнѣ было приложиться къ древней чудотворной иконѣ Кутаисской Божіей Матери, прославленной еще при двухъ Багратахъ, въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Судя по величинѣ образа онъ долженствовалъ быть мѣстнымъ; его серебряная чеканная риза, съ позолотою, тогоже времени: сверху изваянь Деисусъ и Ангелы, Апостолы по сторонамъ, а внизу три Святителя и Николай Чудотворецъ, съ мученицами Екатериною и Мариною, По надписи видно, что украшеніе иконы возобновлено при Царѣ Александрѣ сыпѣ Георгія, уже послѣ раздѣленія Грузіи. Къ большой иконѣ Кутаисской прислонена малая, но гораздо древнѣйшая, Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, въ позлащенной ризѣ съ драгоценнымъ вѣнцомъ; она перенесена была изъ упраздненной Палеостомской обители, что близъ Поти. Сохранился и серебряный кивотъ съ образа Пицундской Богоматери, на которомъ изображена она вмѣстѣ съ вер-

ховными Апостолами. Списокъ сей знаменитой иконы украшенъ былъ великолѣпно Католикосами, послѣ ея перенесенія въ Гелать, чтобы и Кутаисская ихъ кафедра не лишена была столь драгоценнаго сокровища. Это серебряныя позлащенные складни, съ изображеніями всѣхъ священныхъ воспоминаній храма Пицундскаго: великій Императоръ Іустиніанъ основалъ его во имя Пречистой Дѣвы, для обращенія Абхазіи, гдѣ некогда проповѣдывали Апостолы Андрей Первозванный и Симонъ Кананитъ, и куда хотѣли сослать Златоуста. Посему оба Апостола и Златоустъ, съ Ангеломъ своимъ Предтечею, представлены по сторонамъ Божіей Матери стоящей, которая держитъ въ рукахъ своихъ божественнаго младенца, сходно съ тѣмъ, какъ у насъ пишутъ ея икону радости всѣхъ скорбящихъ.

Еще одно сокровище, утѣшительное для сердца Русскаго, показалъ мнѣ Митрополитъ: серебряный малый кивотъ, съ частицами святыхъ мощей и оконечностію одного изъ гвоздей Господнихъ, въ масти-

къ. Онъ сказалъ мнѣ, что когда сынъ Царя Грузинскаго Вахтанга Шахъ-Наваза, Арчилъ, нѣсколько разъ возводимый на престолъ Имеретинскій, бѣжалъ въ послѣдній разъ изъ своего непрочнаго царства въ единовѣрную Россію, онъ взялъ изъ сего кивота священный гвоздь, чтобы принести его въ даръ царственнымъ своимъ покровителямъ. Тогда бывший Католикосъ Абхазіи, скорбя объ утратѣ такого сокровища для родной земли, нагналъ Царя Арчила за вратами города, и умолилъ его отломить, хотя малую частицу священнаго гвоздя, на память его долгаго храненія въ соборъ Кутаисскомъ. Мѣстное преданіе, записанное въ лѣтописяхъ Грузинскихъ, свидѣтельствуетъ, что гвоздь сей послужившій къ распятію Господню, прислалъ былъ въ даръ Императоромъ Константиномъ первому Христіанскому Царю Грузіи Миріану, при его крещеніи, чрезъ Св. Евстаѳіа Епископа Антиохійскаго, вмѣстѣ съ подножіемъ честнаго креста; святыня сія была положена въ великолѣпномъ соборѣ Манглисскомъ, развалины коего еще существуютъ за со-

рокъ верстъ отъ Тифлиса. Императоръ, Ираклій, воюя въ VII вѣкѣ противъ Хозроя Персидскаго, унесъ съ собою въ Царьградъ Мангліійское сокровище, за не покорность тогдашняго влaстителя Грузіи Стефана; но въ XI вѣкѣ Багратъ IV, женившись на дочери Императора Романа Аргира, Еленѣ, испросилъ себѣ обратно завѣтную святыню, принадлежавшую его предкамъ, вмѣстѣ со многими другими, которыми обогатилъ онъ свое царство, и положилъ честной гвоздь въ довершенномъ имъ соборѣ. Гвоздь сей теперь хранится въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, а въ ризницѣ есть позлащенный въичикъ или кивотъ, устроенный въ половинѣ тринадцатаго вѣка, Царемъ Иверскимъ и Абхазскимъ Наринъ-Давидомъ, сыномъ Русудани, какъ начертано на въичикѣ Грузинскими буквами.

Митрополитъ велѣлъ открыть сѣверныя двери Успенской церкви и ввелъ меня на середину бывшаго великолѣпнаго собора, нынѣ обращеннаго въ почетное кладбище. О суета суетствъ! храмъ, для котора-

го два великіе Баграта истощили сокровища своего царства и искусство лучших художниковъ Греціи, ибо дѣйствительно, судя по остаткамъ, это былъ самый превосходный изъ всѣхъ храмовъ Грузіи, теперь служить усыпальницею, предѣлы которой обозначены стѣнами бывшего храма! Нельзя и доселѣ довольно надивиться тонкости высокихъ стѣнъ, которыя однако поддерживали такое большое зданіе, и красоту наружныхъ изваяній, мѣстами уцѣлѣвшихъ около аркъ и оконъ, особенно со стороны алтаря. Одинъ только рисунокъ можетъ ихъ изобразить, потому что онѣ неуловимы словомъ, и отъ времени до времени все болѣе истребляются. Входный портикъ, противоположный алтарю, напоминалъ древніе притворы базиликъ Римскихъ съ колоннами; но теперь это безобразная масса обрушенныхъ капителей и камней, съ остатками изваяній. Сѣверная стѣна храма болѣе другихъ уцѣлѣла и на ней еще сохранилось подѣлкомъ, обвитымъ изящными арабесками, изображеніе знаменія Богоматери Греческаго писъма, пострадавшаго отъ времени.

Есть и отрывки надписей кое-гдѣ по стѣнамъ, какъ бы прерванныя рѣчи, окаменѣвшій отголосокъ минувшаго: «о Царь, повелѣвающій всѣмъ Царями, превознеси мощнаго Баграта Куропалата, Царя Абхазскаго и Карталинскаго, и родителей его и Царярицу и сына его! аминь.» Какъ умилительно такое молитвенное воззваніе, въ пустотѣ обрушеннаго собора Багратова, и тутъ же какъ скромно выражено созиданіе храма: «когда положено было основаніе круговращался годъ пасхальный 223.» (1003 нашего лѣтосчисленія). Можнобы добавить стольже кратко и выразительно: «когда совершенно было раззореніе круговращался годъ 1691.» Есть еще умилительная надпись: «и зодчій сего храма воскреснетъ также! Господи помилуй раба твоего Моисея.» Теперь, когда самый храмъ сдѣлался кладбищемъ, едва ли не всѣхъ прличнѣе смиренныя слова сіи, выражающія упованіе почившихъ нѣкогда около церкви, какъ нынѣ упокоивающихся внутри оной. Но время, этотъ поэтический украшитель всякой развалины, замѣнилъ на стѣнахъ собор-

ныхъ роскошныя ваянія Багратовы, зеленою мантией, которая великолѣпнѣе его порфиры, какъ превосходятъ, по словамъ Господнимъ, лиліи сельныя всю пышность облачений Соломоновыхъ. Оно одѣло густымъ плющемъ, какой только можетъ произрастать благословенная природа юга, съверную стѣну храма: повсюду разбѣжавшія вѣтви смягчаютъ иззубренныя окраины, обвивая ихъ, доколѣ, поднявшись съ арки на арку, не положили дикаго вѣнца природы, на развѣчанную главу святилища Багратова.

Кто же нанесъ святотатную руку на великолѣпное зданіе?—Чтобы донять возможность такого событія, во времена столь близкія къ нашимъ, надобно взглянуть на бѣдственную исторію послѣднихъ трехъ вѣковъ царства Имеретинскаго, со времени раздѣленія Грузіи послѣ великаго Царя Александра. Кахетія и Карталінія иногда соединенныя въ одно царство, имѣли почти всегда одинаковую участь и боролись только между собою или съ перевозмогавшею силою Шаховъ Персидскихъ; шай-

ки Лезгинскія начали опустошать ихъ не ранѣе минувшаго столѣтія. Но Имеретія, т. е. другая сторона горъ, отдѣлившихъ собственно Грузію отъ поморія Чернаго, кромѣ одного царства, не опредѣленнаго въ своихъ границахъ, распалась еще на пять владѣній, болѣе или менѣе сильныхъ. Первое мѣсто занимали Дадіаны Мингрельскіе, какъ обладавшіе болѣе обширнымъ участкомъ, древнею Колхидою, и нерѣдко смѣняли слабыхъ Царей; второе Атабеки, или владѣтели одной изъ древнѣйшихъ частей Грузіи, гдѣ столько памятниковъ ея начальнаго Христіанства. Кварквары и Манучары, славнѣйшіе изъ Атабековъ, долго служили оплотомъ Имеретіи противъ возрастающей силы Турковъ, хотя сами часто воевали съ единовѣрными, доколѣ княжество ихъ не обратилось въ пашалыкъ. Между Атабеками и Дадіанами возникли Гуріели, отъ родоначальника ихъ Маміи, и безпрестанно вмѣшивались въ дѣла Имеретинскія. Владѣтель Абхазіи на поморіи, опустошаемомъ Турками, и Князь Сванетовъ въ горахъ, у подошвы Эльборуса,

были менѣе страшными сосѣдями для Имеретіи; но за то Цари Грузинскіе, поддерживаемые силою Шаховъ, старались покорить себѣ соперниковъ Имеретинскихъ, и нерѣдко въ лицѣ ихъ состязались двѣ болѣе сильныя державы, Турція и Персія, которыя радовались пролітію крови Христіанской, воздвигая оружіе своихъ данниковъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, между столькихъ сосѣдей, можно вообразить, что должна была испытать несчастная Имеретія. Горькимъ доказательствомъ внутреннихъ и внѣшнихъ ея смутеній можетъ служить то, что въ теченіе 370 лѣтъ, отъ основанія отдѣльнаго царства въ Кутансѣ и до подданства его Россіи, смѣнилось на престолѣ Имеретинскомъ тридцать Царей, изъ коихъ весьма немногіе умерли на своемъ мѣстѣ, ибо въ числѣ ихъ семь погибли насильственною смертію, три были ослѣплены, двадцать два свергнуты съ престола, на который восходили опять иногда до семи разъ. Чего можно было ожидать отъ такого царства? — Изложу только вкратцѣ главные его перевороты, чтобы яснѣе была сія кровавая картина.

Баграгомъ, дальнимъ потомкомъ Давида сына Русудани, начинается, въ 1455 году, рядъ отдѣльныхъ властителей Имеретин, при которыхъ испытала она столько бѣдствій, и это имя, вмѣстѣ съ именами Георгіевъ и Александровъ, почти безпрестанно повторялось, славно или позорно, на престолѣ Имеретин, до двухъ послѣднихъ Соломоновъ. При Баграгѣ начались уже междоусобія съ Царями Грузіи, которыя продолжались и при его преемникѣ Александрѣ. Внѣшніе враги воспользовались раздорами внутренними и нахлынула орда Татарская, въ 1509 году, разорившая Кутаисъ и обитель Гелатскую, мѣсто погребенія его предковъ; одинъ только вышгородъ столицы спасся отъ иноплеменныхъ. Баграгъ II, его сынъ, является счастливымъ воителемъ противъ Атабековъ; онъ беретъ лучшее ихъ сокровище, чудотворную икону Божіей матери Ацкурской, изъ ущелія Борджомскаго и ставитъ ее въ Гелать; тамъ же, въ крѣпости монастырской, заключаетъ двухъ своихъ соперниковъ Атабека Кварквара и Левана Дадіана. Это

самая блестящая эпоха малаго царства. Багратъ участвовалъ и въ славномъ походѣ Палестинскомъ современныхъ ему Царей Карталинн и Кахетин, Георгія и Лео-она. Георгій, его наследникъ, мирится съ Атабеками и со славою отражаетъ первое нападеніе Турковъ. По смерти сильнаго Георгія, безпокойные сосѣди Дадіаны и Гуріели начали вступаться въ престолонаслѣдіе его дѣтей и внуковъ. Правнукъ его Александръ III, славнѣйшій изъ Царей Имеретин, возстановилъ на краткое время благосостояніе своего царства. Не только побѣдилъ онъ сосѣдей, дерзнувшихъ съ нимъ состязаться, но даже властно распоряжался собственнымъ ихъ наследіемъ, замѣнилъ Липарида Дадіана Вамекомъ, а Гуріеля Кайхозрова Димитріемъ, сокрушилъ и полки Грузинскіе, пришедшіе къ нему на помощь. Чувствуя однако, что не можетъ держаться безъ помощи болѣе сильныхъ союзниковъ, просилъ ее отъ единовѣрной державы Русской. Торжественно принялъ онъ у себя посланника Царя Алексѣя Михайловича, и присягнулъ ему на

вѣрность. Но вмѣстѣ съ великимъ Александромъ, погребеннымъ въ Гелатъ, погребено было навсегда и благоденствіе его царства. Наступила самая позорная эпоха, въ 1660 году, съ воцареніемъ юнаго Баграта, его сына, которому суждено было испытать на себѣ всѣ бѣдствія, какія только могутъ обурѣвать Царя и чело-вѣка.

Виною всѣхъ золъ была новая Гоюлія или Мессалина позднѣйшихъ временъ, вторая жена Александрова, Нестаръ-Дареджанъ, дочь Кахетинскаго Царя Александра. Она начала съ кровосмѣшенія, женивъ пятнадцатилѣтняго пасынка Баграта, на родной своей племянницѣ Кетевани, дочери Теймураза, и потомъ, забывъ всякій стыдъ, предложила юношѣ расторгнуть бракъ сей, чтобы обвѣнчаться съ нею самой. Отринувшій ее Царь былъ ослѣпленъ мачихой, лишился и жены и царства; сама она овладѣла престоломъ и раздѣлила его съ избраннымъ ею въ супруги, изъ подвластныхъ Князей, Вахтангомъ. Раздраженные Имеретины призвали на помощь Вамека

Дадіана , который ослѣпилъ Вахтанга : какъ вороны на трупъ налетѣли всѣ сильныя сосѣди на потрясенное царство. Атабеки уже не существовали; но Асланъ-Паша Ахалцихскій вмѣшался вмѣсто нихъ въ дѣла Имеретинскія , возстановилъ слѣпago Баграта и взялъ съ собою въ плѣнъ его неистовую мачиху , съ мужемъ и племянницею , хотя она была супругою Царя. Тѣмъ не окончились его бѣдствія , ибо слѣпому владыкѣ суждено было дѣлаться непрестаннымъ игралищемъ столь же слѣпой судьбы. Шахъ-Навазъ Царь Грузіи , будучи зятемъ великаго Дадіана Левана , котораго родъ отрѣшилъ отъ престола отецъ Багратовъ , двинулся противъ Вамека и мимоходомъ низложилъ Баграта. Онъ поставилъ на его мѣсто своего сына Арчила , котораго также перебрасывала судьба съ одного престола на другой , изъ Имеретіи въ Кахетію , минуя всегда прямое наслѣдіе его Грузію. Взаимныя условія Порты Оттоманской съ Персією , заставили Шахъ-Наваза вызвать сына Арчила изъ Кутаиса , гдѣ въ третій разъ воцарился Ба-

грать. Казалось онъ могъ бы оставаться покойнымъ, но вотъ вспыхнула война съ новымъ Дадіаномъ, заступившимъ мѣсто Вамека, и побѣдитель Багратъ, по коварному совѣту Епископа Гелатскаго, взялъ за себя жену плѣнника Левана, выдавъ за него собственную сестру.

Совѣтникомъ и распорядителемъ дѣлъ царственныхъ является нѣкто Сехніа-Чекадзе, человекъ закослѣлый въ злодѣйствахъ, выдавшій сперва Царя Вахтанга Вамеку, а потомъ крѣпость Кутанса Туркамъ, на краткое однако время, ибо весь ихъ гарнизонъ вырѣзанъ былъ Имеретинами. Коварная Дареджанъ не преставала строить новые ковы въ Ахалцихъ; богатыми дарами убѣдила она Султана, возвратить ей царство и отмстить за честь своихъ воиновъ въ Кутансѣ. Съ мечемъ въ рукахъ проникла Царица въ бывшую область, окруженная дружинами Турецкими, Мингрельскими и Гурійскими, и опять выдала вышгородъ Туркамъ. Багратъ бѣжалъ, но сами Имеретины, возбужденные Сехніей, отмстили Царицѣ за все ея ужа-

сы. Канъ нѣкогда Гюелія въ преддверіи Соломонова храма, такъ во вратахъ крепости, въ виду собора, умерщвлена была несчастивая жена.

Слѣпой мужъ ея Вахтангъ выданъ былъ ослѣпленному имъ Баграту, который въ ярости, съ помощію чужой руки, самъ нанесъ смертный ударъ въ сердце своего врага. «Ты мнѣ вырвалъ очи, я тебѣ вырву сердце», воскликнулъ онъ, довершая мѣсть свою. Опять вмѣшались Дадіанъ и Гуріель въ дѣла Имеретинскія и свергли Баграта; Гуріель занялъ его мѣсто. Имеретины просили помощи у Шахъ-Наваза Грузинскаго, но Царь, заботясь болѣе о сынѣ своемъ Арчилѣ, старался поссорить подданныхъ съ Багратомъ, и съ помощію Дадіана хотѣлъ покамѣсть воцарить у нихъ злодѣя Сехнію. Однако на сей разъ слѣпой Баграть, поддерживаемый вѣрными подданными, одолѣлъ Дадіана и Шахъ-Наваза, и самъ воцарился въ пятый разъ. Сехнія былъ умерщвленъ, но вскорѣ опять Паша Ахалцихскій увелъ на два года въ плѣнъ несчастнаго Баграта, уступивъ мѣсто его Да-

діану. Возстановленный въ шестой разъ онъ еще однажды былъ свергнутъ Царемъ Арчиломъ, и только съ помощію Паша Эрзрумскаго, возсѣлъ въ седьмой и послѣдній разъ на шаткій свой престолъ, на которомъ однако успѣлъ скончаться, потому только что недолго пожилъ; Гуріель немедленно захватилъ его наслѣдіе. Такимъ образомъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, Имеретія испытала столько переворотовъ, сколько иногда не случается и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Не болѣе счастья ожидало и сына Багратава Александра IV, хотя Гуріель уступилъ ему законное наслѣдіе. Неблагодарностію заплатилъ онъ сему владѣтелю, и самъ былъ сверженъ съ престола Арчиломъ. Годъ спустя, въ 1691 году, Паша Ахалнхскій возстановилъ Александра, но дорого заплатило его царство за такую помощь. Великолѣпный соборъ Кутанскій былъ взорванъ на воздухъ варварами, которые не въ силахъ будучи сокрушить крѣпкаго зданія, подложили по угламъ порохъ; время и люди довершили его истре-

бленіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, Имеретинны, какъ бы въ отмщеніе Царю своему за допущенное ими раззореніе собора, выдали его Царю Грузинъ, который удавилъ своего плѣнника, и потомъ они еще два раза воцаряли у себя Арчила, бѣжавшаго наконецъ въ Россію. Протекло еще болѣе 50 лѣтъ, бѣдственныхъ для Имеретин, ибо Гуріели и Паши Ахалцихскіе безпрестанно возводили и свергали дѣтей и внуковъ несчастнаго Александра, доколѣ не воцарился наконецъ правнукъ его, сынъ другаго Александра, Соломонъ, прозванный великимъ, по своимъ доблестямъ, истинно царскимъ.

Свѣтлое лице его является предъ началомъ новой эпохи для Имеретин, подобно какъ и лице великаго Ираклія въ Грузинъ, какъ бы для того, чтобы достойнымъ образомъ заключить тысячелѣтній рядъ Багратидовъ на трехъ престолахъ Карталини, Кахетин и Имеретин. Но и Соломонъ испыталъ много бѣдствій, доколѣ не утвердился въ достоинствѣ предковъ. Турки, опасаясь силы его характера, возму-

тили противъ него собственныхъ его подданныхъ, подъ предводительствомъ могущественнаго Эриваста Рачи, (или верхней Имеретіи) и поставили Царемъ двоюроднаго брата его Теймураза. Изгнанный владѣтель долженъ былъ скитаться по лѣсамъ, съ немногими присными, и въ такомъ горестномъ положеніи встрѣтилъ онъ Пасху, что даже не имѣлъ при себѣ священника для возглашенія радостныхъ гимновъ воскресенія. Благочестивый Царь торжествовалъ однако, какъ могъ, великій день сей; на столѣтнемъ дубѣ вырвалъ онъ знаменіе креста и, съ малымъ числомъ вѣрныхъ, трижды обошелъ освященное имъ дерево, воспѣвая во мракѣ ночи и дубравы: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ».

Вспомнивъ примѣръ одного изъ величайшихъ своихъ предковъ, Царя Александра, вступившаго въ дружескую связь съ Россією, Соломонъ просилъ въ свою очередь помощи у великой Екатерины, и храбрый генералъ Тотлебенъ былъ посланъ очистить Имеретію отъ Турковъ. Но воинственный Царь началъ съ ними сражать-

ся еще прежде приневствія союзниковъ, и самъ выгналъ стражу Оттоманскую изъ своей столицы. Отрядъ Русскій довершилъ начатое имъ пораженіе, совершенно изгнавъ непріателя изъ всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. Тогда, по общему совѣту съ союзниками, Царь Соломонъ рѣшился взорвать на вѣдухъ вышгородъ Кутанса и всѣ главные замки, чтобы не дать возможности Туркамъ держаться въ его предѣлахъ. Полезно, быть можетъ, но грустно было для Имеретин, паденіе ея завѣтной твердыни Кутанса, которая, отъ самыхъ первыхъ временъ царства Абхазскаго, почиталась неодолимымъ оплотомъ. Сильною рукою отразилъ Соломонъ и закосѣлыхъ хищниковъ Грузинъ, Лезгинъ, близъ Сурама; но не довольно долго царствовалъ, чтобы упредить начатое имъ благосостояніе своей земли. Онъ умеръ въ 1782 году, бездѣтнымъ. Князья Имеретинскіе избрали двоюроднаго брата его Давида, сына Георгіева; но Царь Грузинскій Ираклій выѣхался въ дѣла чуждаго царства; убежденный просьбами другаго родственнаго ему

Давида, сына Арчила, брата Соломонова; онъ посадилъ его на престолъ, подъ именемъ Соломона II, болѣе лестнымъ для Имеретин. Соперникъ его бѣжалъ къ Туркамъ; но сему послѣднему Соломону суждено было пережить свое царство. Принявъ сперва подданство Россіи, онъ началъ вступать въ тайныя сношенія съ Турками, противъ законно признанной имъ власти. Вызванный въ Тифлисъ Царь бѣжалъ оттуда въ Требизондъ и тамъ скончался въ 1815 году. Съ нимъ пресѣклась линія Имеретинскихъ Царей, но княжескій родъ Багратионовъ Имеретинскихъ, происходящій отъ различныхъ вѣтвей царственнаго колѣна, доселѣ существуетъ въ предѣлахъ Россіи. Такова краткая, но печальная лѣтопись послѣднихъ временъ Имеретин, вся написанная самою драгоцѣнною кровію ея Царей, князей и народа, доколѣ наконецъ не водворился въ ней глубокой миръ, подъ сѣнію Русскаго орла.

За нѣсколько шаговъ отъ развалинъ собора, къ востоку, другія развалины древняго вышгорода, который подъ именемъ

Ухимеріона былъ еще славенъ, во дни Царей Лазовъ, и почитался неприступною твердынею Царей Абхазскихъ, когда они властвовали надъ всею Грузіею. Восточная часть ихъ владѣній, по мѣстному, болѣе открытому положенію, часто дѣлалась жертвою Персовъ, Монголовъ и Татаръ. Здѣсь же навпаче держались властители Иверскіе за оплотомъ горъ Сурамскихъ, ихъ отдѣлявшихъ отъ равнины Карталинской, и до времени паденія державы Греческой, поморіе Черное благопріятствовало ихъ дружескимъ сношеніямъ съ Императорами. Царь Соломонъ самъ разрушилъ основное гнѣздо своихъ предковъ, какъ бы предчувствуя, что вскорѣ уже не будетъ предстоять въ немъ нужды. Теперь видны только одни печальные слѣды минувшей силы: остатки большаго зданія, служившаго дворцомъ во времена Лазовъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ крѣпости; ямы и погребя, свидѣтельствующія о прежнемъ населеніи, и древняя церковь Космы и Даміана, бывшая мечетью при владычествѣ Турковъ, уже не освященная послѣ ихъ изгнанія,

ибо Царь Соломонъ жилъ въ нижнемъ городѣ, какъ и его предшественники. Крытый ходъ, изсѣченный въ скаль, сводитъ многими ступенями къ живому ключу, бьющему у подножія утеса, который омывается Ріономъ; такіе ходы существуютъ во многихъ вышгородахъ Закавказскихъ. Отъ цитадели расположена была, по вершинѣ горы, другая крѣпость, которая заключала въ себя соборъ Багратовъ и царскія палаты; теперь на мѣстѣ ихъ убогій деревянный домъ Митрополита; нѣсколько старыхъ башень съ каменными пристройками, обращены въ жилья для духовнаго училища; высокія каменныя ворота одиноко стоятъ на пустырь бывшей крѣпости; здѣсь, какъ полагаютъ, убита была неистовая Дареджанъ. Развѣсистые яворы, величаво растущіе посреди крѣпостнаго луга, осѣняютъ теперь проходящихъ, въ знойные дни, искать прохлады подѣ ихъ навѣсомъ, тамъ гдѣ нѣкогда надежда на вѣрную защиту собирала жителей Кутаиса въ сей бывший оплотъ ихъ царства.

Но какой очаровательный видъ, одно
Часть III.

лишь чего время и люди не могли лишить древняго Ухимеріона, открывается съ развалинъ вышгорода на всю горную и дольную окрестность! — Ріонъ кипитъ у подошвы его утеса, сердито исторгаясь изъ дальняго ущелія; какъ разъяренный конь, весь покрытый пѣною, скачетъ онъ белыми клубами по камнямъ и подмываетъ берега свои, одѣтые роскошною зеленью. Напротивъ былъ увеселительный дворецъ послѣднихъ Царей, прозванный зеленымъ цвѣтомъ по богатству своей растительности; теперь одна только башня указываетъ его мѣсто. Весь нижній городъ въ садахъ обвитъ, какъ эмбинымъ кольцомъ, своеобразнымъ теченіемъ Ріона; вверхъ по лѣсистому ущелію рѣки величаво представляется древняя обитель Гелатская. Но это еще только ближніе виды; какая кисть изобразитъ очарованіе дальнихъ? Къ сѣверу предъ вами свѣжная цѣпь Кавказа: горы Лечгума тянутся по небосклону, иногда исторгаясь исполинскими вершинами изъ прочей семьи гигантовъ; между ними господствуетъ кристалловидный Квامل. Правѣ дикій хре-

беть Рачи съ горою Фазиса или Фазисмта, откуда истекаетъ сей бурный соперникъ Ріона, терпящійся въ его волнахъ подъ Кутансомъ. Къ югу склоняются болѣе смиренныя высоты Ахалциха и Гуріи, въ объѣмъ коихъ роскошно разостлалась до моря вся цвѣтущая долина Имеретіи и Мингрелии, и посреди сего благодатнаго Эдема, исполненнаго всеми дарами природы, отрадно катятся соединенныя воды Фазиса и Ріона, замѣнившія ему райскія рѣки Тигра и Евфрата.

Осмотрѣвъ вышгородъ, спустился я въ нижній городъ, собственно Кутансъ, гдѣ мало однако сохранилось предметовъ для любопытства. Не только дома, но и самыя церкви, которыхъ очень немного, всѣ новыя и не представляютъ никакого благолѣпія ни внутри, ни снаружи: это каменные свидѣтели той бурной эпохи, сквозь которую прошла, въ теченіе послѣднихъ вѣковъ, бѣдствующая столица Имеретіи. Малая церковь во имя обновленія храма Іерусалимскаго, служила придворною; если кто взглянетъ на ея голыя стѣны, сведен-

ныя аркою, и потомъ на великолѣпные остатки собора Багратовъ, тотъ не повѣрять, что тутъ царствовали ихъ потомки. Колокольня имѣеть болѣе характера древности и при ней существовалъ малый придѣлъ. Тутъ же видны слѣды царской усадьбы, отъ которой осталась каменная тераса надъ Рюномъ и вѣковыя липы, подъ сѣнью конхъ искали себѣ прохлады властители Имеретіи. Еще стоитъ, на берегу рѣки, такъ называемый золотой чердакъ, или приемная зала царская, гдѣ представлялся Царю Александру, въ 1654 году, посланникъ Царя Алексѣя Михайловича, Никифоръ Толченновъ; но это зданіе лишено теперь своихъ золотыхъ украшеній и стѣнной живописи, ибо оно уже давно обращено въ складочное мѣсто. Нѣсколько далѣе еще довольно обширныя развалины, слывущія также дворцомъ: кто разгадаетъ всѣ сіи обломки, въ нынѣшнемъ ихъ заустѣннѣ? — Но еще сохранился, въ своемъ привольномъ просторѣ, подлѣ двора царскаго, прежній майданъ, или зеленый лугъ, гдѣ совершались конскія ристалища воинственныхъ Име-

ретинъ, предъ лицомъ ихъ Царей, ибо это было любимое ихъ упражненіе. Тутъ нерѣдко рѣшалась и судьба малаго царства, смятеніями народными, особенно во время послѣднихъ переворотовъ, когда уже непрочные властители, изгнанные Турками изъ вышгорода, не были ограждены стѣнами внутри своей столицы. Богатый растительностію садъ прилегаетъ къ сей замѣчательной площади и къ берегамъ пѣнистаго Ріона, дополняя красотами природы то, что неумолимое время, рукою людей, похитило у древней столицы Колхиды.

Вечеромъ пріѣхалъ въ Кутансъ Владѣтель Абхазіи, Князь Михаилъ, и мы согласились съ нимъ, на другой день, посѣтить обитель Гелатскую. Митрополитъ Давидъ, по своимъ родственнымъ отношеніямъ къ Дадіану, предложилъ намъ сопутствовать и пригласилъ насъ къ себѣ на трапезу въ вышгородъ, прежде отправленія въ Гелатъ. Мы воспользовались симъ случаемъ, чтобы просить старца отслужить торжественную литургію, въ наступавшій день тезоименитства Государыни Императрицы, въ древней

обители, и старецъ съ любовію принялъ нашу просьбу. Ему самому хотѣлось показать намъ великолѣпный храмъ Царя Давида возобновителя, во всемъ его блескѣ, исполненнымъ славою церковною, хотя и при малыхъ средствахъ какими самъ пользовался. Поездка сія въ Гелатъ и Моцамети, съ Митрополитомъ Имеретинъ и Владѣтелемъ Абхазіи, была весьма замѣчательна и оставила во мнѣ впечатлѣніе самое пріятное.

М О Ц А М Е Т И.

Весенній вечеръ благопріятствовалъ нашей конной повздкѣ; гористая дорога пред-

ставляла на каждомъ шагѣ живописныя виды; отовсюду вѣяло на насъ благовоніями южной природы, которая была въ полномъ цвѣтѣ; особенно благоухали высокія желтыя цвѣты, на подобіе сельскихъ лилій, которые тамъ называются ели, у насъ же неизвѣстны. Владѣтель Абхазіи съ своею воинскою свитою, въ блестящемъ вооруженіи, дополнялъ поэзію мѣстности, украшенной развалинами башенъ на скалахъ и въ ущеліяхъ. Я видѣлъ себя посреди феодальнаго быта временъ давно уже минувшихъ, со всеми ихъ оттѣнками, какіе мы только привыкли читать въ рыцарскихъ легендахъ; воображеніе сильно играло во мнѣ, какъ въ самыя раннія годы, и я давалъ ему просторъ, чтобы наслаждаться свѣжестію впечатлѣній.

На половинѣ дороги Гелатской мы повернули въ право, мимо селенія, черезъ прилегавшія сады и чащу лѣса, къ пустынной обители Мучениковъ, или Моцамети, которая стоитъ въ самомъ дикомъ уединеніи, на утесахъ Красной рѣки. Тутъ существовалъ некогда городъ, разоренный

Арабскимъ завоевателемъ , и нельзя было избрать мѣста болѣе приличнаго для безмолвія иноческаго. Между нависшимъ утесомъ и пѣнистымъ потокомъ проникли мы, сквозь малое отверстіе бывшей ограды, на нижній дворъ монастырскій , а потомъ, поднявшись по утесу , переступили на другую скалу , которая служитъ основаніемъ обители ; подъемный мостъ , защищаемый башнею , единственное ея сообщеніе съ міромъ. Вокругъ шумная рѣка обогнула все тѣсное пространство монастыря ; остался одинъ только узкой перешеекъ и тотъ укрѣпленъ башнею на обрывистомъ утесѣ. Нѣсколько убогихъ келлій тѣснятся около сихъ бойницъ ; съ колокольни открывается строгій , но чудный видъ на лѣсистое ущеліе Красной рѣки , которая съ шумомъ разбиваетъ всю преграды и будто хочетъ вторгнуться въ убогое гнѣздо отшельниковъ. Кругомъ все пусто и дико , камни и лѣсъ и бурныя волны , все говоритъ тебѣ : «молись, здѣшняя жизнь обнажена предъ тобою какъ эти скалы ; нищѣ вѣчной!» Съ сердечнымъ умиленіемъ , которое невольно

раждается въ такихъ мѣстахъ, какъ бы предназначенныхъ для молитвы, взошли мы въ древнюю церковь Св. мучениковъ Давида и Константина и поклонились ихъ ракъ.

Церковь, малая и тѣсная, празднуетъ благовѣщенію, а два ея придѣла нерукотворенному образу Спасову и успенію Богоматери. Она была основана въ XI вѣкѣ великимъ Царемъ Багратомъ, который перенесъ въ нее, изъ подземнаго склепа, мощи царственныхъ мучениковъ; глубокая ея древность отзывается въ самомъ зодчествѣ и иконахъ. Только недавно ее расширили, когда вмѣсто глухихъ стѣнъ, отдѣлявшихъ боковые придѣлы, устроены были арки; но, по тѣсотѣ главнаго алтаря, престолъ его приставленъ къ стѣнѣ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ святилицъ Грузіи. На горнемъ мѣстѣ написанъ Спаситель съ символами Евангелистовъ и Архангелами; на сводахъ церкви большой крестъ и по шести Апостоловъ, сѣдящихъ съ каждой стороны, а въ малыхъ кругахъ Пророки. Прочая живопись отчасти стер-

лась. Между древними иконами замѣчательна знаменіе Богоматери, напоминающая чертами и колоритомъ ту, которая чествуется въ Циліанъ. Храмовой образъ благоговѣщенія написанъ съ ликами мучениковъ Давида и Константина; глубокой древности принадлежитъ и выпуклая среброкованная икона рождества Христова, которому поклоняются вокругъ Ангелы, пастыри и волхвы.

Въ алтарь показали намъ древній выходный крестъ, носимый предъ Архіереями, чеканнаго серебра, съ изваяніями Спасителя, Богоматери, мучениковъ и надписью, которую не могли разобрать по ветхости. Самая рака мучениковъ въ правомъ предѣлѣ Спаса, весьма недавняя хотя и въ древнемъ вкусъ, стоитъ на двухъ, рѣзныхъ деревянныхъ львахъ, поддерживающихъ саркофагъ. Мнѣ пріятно было слышать, что ее устроилъ нашъ соотечественникъ, нѣкто Султановичъ, который долгое время надзиралъ за больницами Кутанса, и питая особенное уваженіе къ сему мѣсту, пожертвовалъ раку съ тѣмъ, чтобы его по-

гребли въ обители: исполнилось его благочестивое желаніе. Дстоймо вниманія, что во всей Грузіи и Имаретіи одна только мощи сихъ мучениковъ, открыто почитаютъ, какъ у насъ въ Россіи; прочіе всѣ подъ спудомъ.

Владѣтель Абхазіи, исполненный благоговѣнія къ святыхъ мощей, которыя впервые посѣтилъ, просилъ почтеннаго старца, Игумена Порфирія, отслужить для него молебны мученикамъ; неволью палъ онъ на колѣни, со всеми своими вооруженными людьми, когда, при открытіи раки, необычайное благоволеніе повѣяло отъ мощей на всю церковь. Я не зналъ дотога, о усердіи Владѣтеля къ угодникамъ Божиимъ, и съ удовольствіемъ услыхалъ отъ Игумена, сколько пожертвовалъ Князь въ пользу обители: она почти вся обновлена на его деньги и подаваніемъ матери его изъ рода Дадіановъ. По окончаніи молебна, сложивъ всякое оружіе, мы подходили прикладываться къ мощамъ, велѣлъ за Княземъ Михаиломъ, и это мнѣ напомнило нашу благочестивую родину. Оба мученика ле-

жать рядомъ въ одной ракъ, подъ общимъ покровомъ, который осѣненъ большимъ крестомъ и не подымается съ ихъ нетлѣннаго дѣла; но ясно обозначены ихъ честныя главы и все тѣло.

Кто же сіи царственные мученики, уединенно почіющіе въ пустынной обители? это владѣтели Аргветскіе, братья по плоти, дѣвственники хотя и вонтели, ибо крѣпость ихъ тѣла обращена была на борьбу съ врагами видимыми и невидимыми, а не на потворство слабостямъ постыднымъ, и громки были, въ день брани, имена Князей Давида и Константина. Когда въ половинѣ VIII столѣтія Халифъ Мирванъ глухой наступилъ, съ полчищами Арабскими, на Иверскую страну, владѣтели сѣверной части Имеретіи не убоились, съ оружіемъ въ рукахъ, встрѣтить и разбить его передовыя дружины. Раздраженный Халифъ двинулся противъ нихъ со всѣми силами и велѣлъ непременно схватить отважныхъ витязей. Плѣнниками предстали они въ Кутахъ предъ лице побѣдителя. Тамъ сперва, льстивыми рѣчами, хотѣлъ онъ при-

влечь ихъ въ свою вѣру, но мужественные воины Господа Исуса Христа, съ презрѣніемъ отвергли всѣ его предложенія и были брошены въ темницу, въ той надеждѣ, что томительное заключеніе, изнуривъ ихъ тѣлесныя силы, поколеблетъ и нравственныя. Въ продолженіе девяти дней терзали ихъ всякими пытками и послѣ сего посланы была Халифомъ его Имамы, для вторичнаго искушенія вѣры исповѣдниковъ, но они нашли ихъ стольже тѣрдыми какъ и въ первый разъ; тогда мучитель повелѣлъ исполнить надъ ними жестокій приговоръ.

Сперва подвергли обоихъ братьевъ позорному біенію, привязавъ ихъ головою внизъ; потомъ повѣсили имъ на шею тяжелые камни, чтобы бросить ихъ въ Ріонъ со скалы вышгорода. Царственные мученики просили только дать имъ время на молитву и нѣсколько облегчить тяжелое бремя, чтобы они могли поднять взоры свои къ небу; тогда свергнули ихъ въ Ріонъ; но громъ прокатившійся по небу, какъ бы отголоскомъ ихъ пламенной молитвы, устрашилъ мучителей; они разбѣжались, а меж-

ду тѣмъ, не смотря на тяжесть камней, не погрузились тѣла, но легко носились по водѣ, не увлекаемая потокомъ и разрываемая отъ всѣхъ узъ. Къ вечеру таинственный свѣтъ озарилъ подвижниковъ и чудное сіяніе привлекло на берегъ четырехъ воиновъ изъ ихъ дружины. Они услышали голосъ, повелѣвавшій имъ взять изъ воды тѣлеса мучениковъ и нести ихъ для погребенія, отъ зари и до зари, по направленію къ востоку, до того мѣста, гдѣ ихъ настигнетъ денница; утро застало ихъ на развалинахъ города, разореннаго Халифомъ, тамъ гдѣ теперь обитель. Въ древнемъ погребальномъ склепѣ положили они священную мощу, и триста лѣтъ спустя, ради непрестанныхъ исцѣленій, истекавшихъ отъ сего мѣста, великій Царь Багратъ, по явленіи мучениковъ, выстроилъ церковь надъ склепомъ, куда и перенесъ страдальческіе останки. Церковь празднуетъ ихъ память 6 Октября. Недалеко отъ обители доселѣ показываютъ на скалахъ слѣды ихъ крови, а подъ крестомъ, возвыгнутымъ на нутн, самые камни висѣвшіе на ихъ вѣхъ.

ГЕЛАТЬ. ГРОБЪ ЦАРЯ ДАВИДА.

Возвратившись тою же каменною тропю, отъ Моцамети на дорогу Гелатскую, мы перешли въ бродъ Красную рѣку, въ виду самой обители, и поднялись къ ней мимо монастырскаго селенія, по крутому скату, усыпанному садами. Митрополитъ прежде насъ прибылъ въ Гелать. Игуменъ съ братіею встрѣтили во вратахъ Владѣтеля Абхазіи и сейчасъ ударили въ колоколъ къ вечерни, ибо насъ ожидали для начатія службы; но уже такъ смерклось, что нельзя было ничего разобрать въ обширномъ

храмъ. Мы только приложились къ древнимъ чудотворнымъ иконамъ и, утомленные долгимъ путемъ, вошли въ приготовленные для насъ покои прежнихъ Митрополитовъ Гелатскихъ. Съ дубовой террасы, ихъ окружавшей, взоры погружались въ обширную долину, простирающуюся до Кутанса по ущелію Красной рѣки: вечерній туманъ плавалъ по вершинамъ горъ и молодой мѣсяцъ блѣдно озарялъ предметы, серебристымъ свѣтомъ поборая краски потухавшей зари.

Мнѣ хотѣлось въ тотъ же вечеръ, поклониться гробу святаго Царя Давида возобновителя, основавшаго Гелать, и меня привели къ прежнему полуденному входу въ монастырь, съ упраздненной церковью, который напоминалъ наши святые врата. Церковь замыкалась нѣкогда желѣзными вратами Дербента, которыя велѣлъ поставить надъ собою воевода; на прагъ обитали, смиренно, избравъ онъ себѣ мѣсто покоя, чтобы и по смерти охранять ее, невольно извлекая у мимоходящихъ молитву за душу Царя, черезъ могилу коего

переступали. Большая гранитная плита досель лежит поперегъ привратной церкви, но кости святаго Царя были перенесены, великимъ Соломономъ, въ тайное мѣсто надъ сводами жертвенника соборнаго, чтобы спасти ихъ отъ хищности Лезгинъ. «Се покой мой въ вѣкъ вѣка, здѣ вселюся, яко изволихъ и» пачертано, большими Грузинскими буквами, на камень. Какъ умилительна сія псаломская надпись, избранная самимъ Давидомъ, изъ словъ другаго Царя Давида, его предка! Тутъ была и еще надпись, ямбическими стихами, гласившая, какъ бы отъ лица усопшаго Царя, о его неумирающей славы; но ее нельзя уже теперь разобрать, и она сохранилась только въ преданіи :

Нѣкогда, въ Начармачевѣ, семерыхъ Царей пиромъ
я угощалъ,
Турковъ, Персовъ, Арабовъ, изъ предѣловъ царства
моего изгналъ,
Рыбы изъ рѣкъ Амерскихъ въ рѣки Имерскія я пересади́лъ,
Все же сіе совершивъ, руки на персяхъ кончалъ
сложилъ.

Одна половина желѣзныхъ вратъ уже

на существуетъ; говорятъ будто бы ее употребили для гводей на крышу церковную. Арабская куническая надпись гласитъ: «что они были скованы, во имя Бога благаго и всемилосердаго, славнымъ Эмиромъ Шавиромъ, сыномъ Эль-Фаала, въ 455 году эгиры.» (т. е. 1063). Нѣкоторые предполагаютъ, что врата сѣм были взяты Давидомъ не изъ Дербента, но изъ покоренной имъ Армянской столицы Ани, гдѣ властвовалъ родъ Шавира. Во всякомъ случаѣ прилично осѣняютъ они собою гробницу великаго Царя, какъ замогильный трофей его славы.

Изъ воѣхъ властителей Иверіи не было лица болѣе свѣтлаго, и до такой степени ярки лучи сего царственнаго свѣтила, что они осіяли впередъ цѣлое столѣтіе, до послѣднихъ дней славной его правнучки Тамары. Давидъ и Тамаръ, вотъ два крѣпкія звѣна, на коихъ держалось все благоденствіе ихъ царства! Давидъ вызвалъ изъ запустѣнія все свое царство, отъ моря и до моря, свѣялъ съ него пепель созданныхъ солъ и городовъ, и стеръ съ лица

родной земли ея безчестіе. Какъ некогда святой его предокъ, Царь и Пророкъ Израилевъ, еще отрокомъ занесшій пращу противъ исполина Филистимскаго, рано вооружился и сей Давидъ противъ полчищъ иновѣрныхъ. Долго лилась до него кровь Христіанская, но при немъ она одлодотворила свою родную землю, усыпанную костями невѣрныхъ; въ ужасъ стали предъ нимъ и обратили тылъ вожди Сельджукидовъ, не вѣдавшіе дотола пораженія, Мелекъ-Шахъ и Мелекъ-Султанъ. Сорокалѣтнее царствованіе Давида, сходное числомъ лѣтъ и обидомъ славы, съ владычествомъ Царя Израилева, было однимъ непрерывнымъ рядомъ побѣдъ, ибо онъ непрестанно взывалъ къ Богу отцевъ своихъ, о помощи свѣще. Видимо содѣйствовалъ Царю святой Георгій, покровитель соименной ему земли, и, на блѣдомъ концѣ своемъ, не разъ являлся въ пылу его битвъ съ Агарянами, златою своей иконой отражая, на самыхъ персяхъ Давида, меткія ихъ стралы.

Ратные его подвиги были отголоскомъ крестовыхъ; вѣсть о взятіи Іерусалима не-

пополнила его новою ревностію. Много со-
кровищъ, послалъ онъ въ святой градъ сво-
ихъ предковъ, для обновленія его храмовъ;
многіе воздвигъ и у себя изъ ихъ печаль-
ныхъ развалинъ, такъ что имя Возобно-
вителя было ему усвоено потомствомъ. Если
стоятъ еще великолѣпныя святилища, на
скалахъ Иверіи, если встрѣчаются чудные
ихъ остатки въ дѣбряхъ и лѣсахъ, гдѣ только
думаешь напасть на какой либо слѣдъ дикаго
звѣря, — всѣ сіи величественныя памятники
или Давидовы или Тамарины! Повсюду
ихъ звонкія имена и свѣтлыя лики. Одною
рукою Давидъ сокрушалъ враговъ, другою
подымалъ опрокинутое ими, и что всего
достойнѣе удивленія: онъ, который про-
велъ всю свою жизнь въ тревогахъ рат-
ныхъ и казалось долженъ бы только умѣть
владѣть мечемъ, онъ былъ и величайшимъ
богословомъ своего времени, какъ достой-
ный ученикъ блаженнаго Аввы Арсенія
Икальтскаго.

Ничего не желалъ онъ столь пламенно,
какъ мира церковнаго внутри своихъ пре-
дѣловъ, и ничего такъ не любилъ, какъ

чтеніе Св. Отцевъ. Одважды , когда еще древняя столица его предковъ , стонала подъ игомъ невѣрныхъ , и онъ искалъ , съ малымъ числомъ воиновъ , удобнаго мѣста для приступа, внезапная жажда овладѣла Царемъ въ виду непріятеля , но не жажда воды , а слова Божія ; и что же ? забывъ то , что было цѣлю его прихода, онъ слѣзъ съ коня , сѣлъ подъ тѣнію дерева и углубился въ чтеніе божественной книги, которую всегда имѣлъ при себѣ. Пронзительный вопль мгновенно пробудилъ его отъ глубокихъ думъ : мимо его бѣжали его воины, преслѣдуемые врагами, и опасность ему угрожала. Тогда только опаматовался Царь и , отдавъ книгу оруженосцу , схватилъ мечъ , чтобы отразить Агарянъ : они узнали Давида !

При самомъ началѣ царствованія искалъ онъ умиротворить Церковь , но сынъ браней не мѣщался въ пренія Святителей, какъ нѣкогда и великій Константинъ , а только укрѣплялъ своею властію ихъ священные каноны. Столица Армянская Ани пала предъ его оружіемъ, очищенная имъ отъ

Сарацынъ, и внутри обновленнаго собора, откликнулась ему, гласомъ благодаренія, бабка его Царица, изъ глубины могилы. Благочестивый Давидъ хотѣлъ водворить церковное согласіе, между древними и новыми своими подданными, и хотя не достигъ желанной цѣли, по упорству противниковъ, однако глубокимъ своимъ познаніемъ въ дѣлахъ вѣры, возбудилъ невольное удивленіе даже въ разномыслящихъ.

И вотъ, еще въ силѣ возраста и въ полномъ цвѣтѣ надеждъ, приближается къ нему умиротворительный часъ смерти: крестообразно сложилъ онъ мощныя руки свои, бывшія мечемъ и щитомъ царству, и возлегъ отдохнуть отъ великихъ дѣлъ своихъ, въ созданной имъ обители Гелатской: — «Се покой мой въ вѣкъ вѣка,» воззвалъ онъ, словами праотца своего къ Богу отцевъ своихъ, и какъ отголосокъ великой души его, жаждавшей мира, онъ начертался на его гробъ. — Стали надъ нимъ и затворились, желѣзными своими запорами, добытыя имъ некогда Дербентскія врата Кавказа, символомъ заключившейся для

него временной жизни; но свѣтло раскрылись предъ нимъ райскія врата небеснаго царствія, и благодарная Церковь Иверіи вписала сего новаго Давида, въ число царственныхъ угольниковъ Божіихъ, предводимыхъ предкомъ его Царемъ-Пророкомъ.

ХРАМЪ И ИКОНЫ ГЕЛАТА.

Митрополитъ Давидъ совершалъ самъ на слѣдующее утро торжественную литургію, съ молебствомъ о здравіи Императрицы, въ присутствіи Владѣтеля Абхазіи и всѣхъ насъ, собравшихся на молитву въ соборномъ храмѣ въ Гелатѣ. Памятуя, какъ свѣтло празднуется радостный день сей въ северной столицѣ, я еще съ бѣдшими

умиленіемъ молился въ уединенной обители, посреди людей мнѣ чуждыхъ, съ которыми сошелся въ краю отдаленномъ. Самое богослуженіе на языкъ незнакомомъ, въ пустотѣ обширнаго собора, съ величественными обрядами архіерейскими, при нынѣшнемъ убожествѣ Церкви Имеретинской, производило глубокое впечатлѣніе на сердце. Все минувшее Иверіи какъ бы встало и олицетворилось предъ моими глазами, ибо если измѣнился гражданскій бытъ ея, не измѣнился церковный, вѣрный чрезъ столько лѣтъ Греческому образцу своему. Весьма ограничено было число священнослужителей, особенно діаконовъ при Митрополитѣ, но величественная его осанка соответствовала богатству облаченія древнихъ временъ, извлеченнаго изъ ризницы Гелатской. Четыре пѣвчихъ составляли весь хоръ, весьма монотонный, но не пріятельный для слуха, исключая нѣкоторыхъ начальныхъ нотъ, похожихъ на жалобные тоны и часто повторяемыхъ. Но вотъ что замѣчательно; во всей Имеретіи и Мингреліи хоръ, вмѣсто Грузинскаго: «Господи по-

милуй, отвѣчаетъ по Гречески: «Кириелейсонъ», и это знаменуетъ ближайшее сообщеніе Имеровъ, т. е. Горцевъ по сю сторону хребта съ Греками, которые легче могли съ ними сноситься черезъ Черное море, нежели съ болѣе отдаленными Грузинами. Признаюсь звучное «Кириелейсонъ» было гораздо отраднѣе, нежели Грузинское: »Упалó Шегвицгале» къ которому я никогда не могъ привыкнуть.

По окончаніи службы, пока приготовлялась въ нашихъ покояхъ гостепріимная трапеза Митрополита для его посѣтителей, я воспользовался временемъ, чтобы осмотрѣть во всей подробности обитель Гелатскую, ибо она, по особому счастью, болѣе другихъ сохранила древность церковную и въ нее постепенно сносили, изъ разоряемыхъ церквей, всѣ уцѣлѣвшія сокровища. Католикосы Абхазскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣленные отъ Иверскихъ, будучи угрожаемы оружіемъ Турковъ на берегу Чернаго моря, перенесли кафедру свою, въ половинѣ XVII вѣка, изъ Пицунды въ болѣе отдаленный Ку-

тансъ; главную же святыню доверили они Гелату, который сдѣлался любимымъ мѣстомъ ихъ пребыванія. После упраздненія Католиковъ обитель сія продолжала быть каедрю особаго Митрополита; послѣдній изъ нихъ, осмидесятимѣтній старецъ Евемій, выехалъ въ Россію въ 1820 году, когда уже царство Имеретинское поступило въ подданство Имперіи. Тогда только Гелатъ перешелъ въ непосредственное вѣдѣніе Митрополитовъ Имеретинскихъ, и былъ ими избранъ для лѣтняго жилища.

Три церкви, одна за другою, стоятъ по направленію отъ запада къ востоку, въ оградѣ монастырской; главная изъ нихъ прызднуетъ успенію Богоматери, и величественна своею Византійскою массою, съ павертями и притворами, которые украшены изваяніями, и съ острокошечнымъ куполомъ, вѣнчающимъ все зданіе; она напоминаетъ собою большую часть храмовъ Грузинскихъ. Но на ней не лежитъ особаго отпечатка изящества, какой поражаетъ доселѣ въ развалинахъ собора Багратава. Давидъ возобновитель и Католикосъ Евдо-

мощь избрали себѣ другой образецъ, великолѣпный соборъ Пицунды, но выполнили его во вкусъ Грузинскомъ, а позднѣйшіе довершители искажали пристройками наружную простоту храма. Камни, изъ котораго складено зданіе, огромны, особенно по угламъ; въ одномъ изъ нихъ болѣе двухъ сажень длины и одна ширины. Мѣстная легенда, обыкновенно любитъ превозносить подвиги основателей, ибо они всегда кажутся исполинами въ сравненіе потомковъ, не имѣющихъ довольно силы, чтобы поддержать созданное ими; она гласитъ, что этотъ громадный краеугольный камень положилъ мощною рукою самъ Давидъ, и кто увидитъ его перстень, тотъ отчасти сему повѣритъ.

Но если наружность собора не поражаетъ красою, за то внутренность, сохранившая всѣ строгіе размѣры зодчества Іустиніанова, вполне удовлетворяетъ взоры, стройною гармоніею всѣхъ частей; она напоминала мнѣ устройство нашихъ древнѣйшихъ храмовъ, Софійскаго и Печерскаго, современныхъ Гелату. Изъ виднаго

притвора, тремя дверями, входятъ, подъ навѣсомъ хоровъ, во внутренность самаго храма, который простирается на одиннадцать саженъ, отъ преддверія до иконостаса. Форма его крестообразна, потому что хоры продолжаются и по бокамъ, какъ у насъ въ Кіевѣ; но поперечная вѣтвь креста, длиною въ семь саженъ, свободна отъ втораго яруса и придаетъ много легкости храму, чего недостаетъ въ лавръ Печерской и у Св. Софїи. Олтарь раздѣленъ, по древнему чину, на три части; иконостасъ каменный и низкій; поверхъ его отрадно поражаетъ взоры, какъ въ Софійскомъ соборѣ, мозаическое изображеніе Матери Божіей, достойное лучшихъ временъ мозаики Венеціанской, хотя это весьма древній даръ Императора Алексія Комнина Царю Давиду возобновителю. Я не могъ оторвать взоровъ отъ сего чуднаго изображенія, гдѣ самый вѣрный рисунокъ выполненъ камнями, со всею легкостію кисти, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражено, строгими очертками и цвѣтами, высокое достоинство предмета.

Матерь Божія изображена въ золотомъ

поль, стоящую на багровой землѣ; она легко поддерживаетъ свое зеленое покрывало, на которомъ сидитъ ея божественный младенецъ, благословляющій одною рукою, имѣющій свитокъ въ другой. Такъ обыкновенно изображались Влахернская и наша Печерская иконы. Три звѣзды на чель и раменахъ Пречистой Дѣвы; золотая бахрама по краямъ покрывала, искусно обозначаетъ волнистое движеніе сей одежды, которая спускается до самыхъ ногъ и обливаетъ стройный высокій ея станъ. Зеленый однообразный цвѣтъ гораздо приличнѣе тѣхъ яркихъ красокъ, голубой и багряной, которыя сдѣлались какъ бы необходимою принадлежностію ризъ Богоматери; но пурпурныя сандалии показываютъ царственное ея достоинство. Весь въ блонѣ сидитъ предвѣчный Младенецъ на лонѣ своей земной Матери, и такъ отрадны оба лика, что слѣдовало бы ихъ списать для подражанія въ нашихъ храмахъ. Два преклоненныхъ Архангела, Гавріилъ и Михаилъ, стоятъ по сторонамъ, въ голубыхъ діаконовыхъ стихаряхъ, въ знаме-

ніе служительскаго своего назначенія ; крестообразно опоясанные орари ихъ какъ бы осыпаны драгоценными камнями ; оконечности бѣлыхъ крилъ блещутъ радужными пѣтами, а въ рукахъ благоговѣнно держать они монограмъ человѣческаго имени Сына Божія, въ свѣтлыхъ кругахъ, ІС. ХС., которое нѣкогда Архангелъ возвѣстилъ Дѣвѣ. Какъ все это исполнено мысли и красоты! — Вечеромъ, когда подымается во мракъ паникадило, предъ самый ликъ Богоматери, онъ сіяетъ особеннымъ свѣтомъ, при отблескѣ золотого поля вокругъ.

Таковъ драгоценный даръ сей, достойный обоихъ державныхъ. Но прежде нежели войти во внутренность алтаря, я остановился предъ святынею иконостаса, являющаго цѣлый рядъ древнихъ чудотворныхъ иконъ, которыя почитаются залогомъ спасенія всей Иверіи. Первая и болѣе всѣхъ вменитая, привлекающая благоговѣнное вниманіе, есть икона Хахульской Божіей Матери, писанная по преданіямъ Евангелистомъ Лукою и принесенная Царемъ Давидомъ, изъ одного древняго хра-

ма, области Кларджетской; начало же ея восходитъ до первыхъ вѣремъ Христіанства на поморіи Черномъ, гдѣ проповѣдали Апостолы Андрей перевозанный и Симонъ Кананитъ. Пречистая Дѣва представлена безъ божественнаго Младенца, темнымъ колоритомъ, какъ наша Владимірская, и совершенно сходна съ тою иконою, которая теперь находится въ алтарь придворной церкви зимняго дворца. (Сія послѣдняя почитается руки Евангелиста и привезена изъ Патраса, что въ Морен; на задней доскѣ ея есть Императорскій гербъ Палеологовъ.) Имя Хахульской сохранилось иконѣ отъ знаменитой обители Царя Баграта II, уже разоренной нынѣ, и что весьма замѣчательно, она не утратила ни одного изъ драгоценныхъ украшеній, которыми осыпали ее Цари, отъ вѣремъ Давида.

Если разобрать сіи различныя украшенія, скопившіяся вѣками и всѣ надписи, то много лѣтописнаго и поэтическыхъ преданій присоединится къ внутреннему достоинству святыни. Такимъ образомъ жемчужная

риза, облакающая Пречистую Дѣву, и нѣкоторые изъ крупныхъ перловъ пожертвованы Царемъ Давидомъ возобновителемъ, по его завѣщанію, въ которомъ онъ настоятельно сіе повелѣваетъ сыну своему Димитрію. Четыре огромныхъ лаля и семь малыхъ, сіяющихъ въ вѣнцѣ, составляли повязку славной его внуки, Царицы Тамари, и каждый лаль имѣетъ свое имя, что весьма звучно по Грузински: «оболѣ, кеделѣ, медегѣ»; оболѣ т. е. сиротка, больший изъ всѣхъ лаловъ и потому сирый, что нѣтъ ему равнаго; кеделѣ, или преграда, лаль, отдѣляющій сиротку отъ другихъ меньшихъ, и медегѣ, или приближающійся по величинѣ своей къ главному. Трогательна самая легенда о пожертвованіи сихъ камней. Тамарь, въ торжественный день, собиралась идти въ соборъ Гелатскій къ обѣднѣ, и прикрѣпляла лаля къ царской своей повязкѣ, когда пришли ей сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла подождать докучливой нищей и когда, по выходѣ изъ палаты, хотѣла

подать ей милостыню, нищую не могли уже найти. Смущенная Тамарь, упрекая себя что отказала, въ лицѣ убогой жены, самому Господу Иисусу, сняла съ себя то, что было виною ея замедленія, царскую свою повязку изъ лаловъ, и надѣла ихъ на вѣнец Богоматери, болѣе достойной такого украшенія. Что можетъ быть выше сего царственнаго смиренія? Если разрыть лѣтописи Грузинскія и прислушаться къ преданіямъ народнымъ, сколько подобныхъ примѣровъ можно бы внести въ нравственную сокровищницу исторіи!

Чего ни коснешься въ драгоценной иконѣ Хахульской, все отзовется древнею славою Грузіи; взгляните на богатое ожерелье изъ крупныхъ перловъ: это опять приношеніе Царицы Тамари, но уже совершенно по иному случаю. Оно принадлежало Эмиру Арабскому Кіасъ-Султану, предводителю войскъ Халифа Багдадскаго, которые были разбиты ея супругомъ, Давидомъ Сосланомъ или прекраснымъ. Драгоценныя сіи монисты, вмѣстѣ со знаменемъ Халифа, принесены были благодарною Царицею, въ

даръ небесной Царицы, какъ о томъ гласитъ въ стихахъ надпись на иконѣ; она почти не переводима по трудности древняго языка.

«Небеса небесъ устроившее Богоначаліе,
Смызъ, пребывавшій иконы и во вѣки,
Духъ Божій, совершавшій все изъ небытія,
Тронца совершенная во единомъ Божествѣ!
Создавъ изъ земли первороднаго человѣка,
Ты промыслила пакы обратити къ себѣ ослушника,
Когда сей уклонился отъ безсмертія къ смерти.
Рожденный тобою сподобилъ насъ возродиться
Изъ тьмы во свѣтъ и озариться свѣтомъ,
Самъ пострадавъ за насъ и исцѣливъ наши страсти,
Тобюю, глаголю, рожденный, о Дѣва, о коей Давидъ
Радовался, предвидя Сына Божія быть твоимъ Сынъ».

Ты невя, Тамаръ, — твой прахъ, нмѣ и присно,
Сподобила быть поназванною и тебѣ усвоенною
• Въ горнищѣ Элеѣ! — Я же, на югъ и на сѣверъ
Обладая царствомъ, приношу тебѣ въ даръ
Халифовъ знанія, купно съ ожерельемъ,
Изъ добычи ревнителей жжспророка.
Давидъ стрѣлецъ, подобно сынамъ Керемлинь
Вооружась, разбилъ Султана съ Атабагонъ,
Въ Иранѣ возвавшихъ на него.
Войны наши, на тебя уповающіе, Неаѣота,
Сокрушили и стерли Агарянь.
Изъ ратной ихъ кормити часть сію
Тебѣ въ даръ приношу, да улоавишь за невя Бога и
Сына твоего.

Вотъ и еще одна ямбическая надпись на той же иконѣ, трогательно выражающая, вмѣстѣ съ смиренною молитвою Царицы, нѣжную любовь ея къ сыну своему Георгію Лангъ, единственной ея отрасли. Тамаръ какъ бы напоминаетъ Пречистой Дѣвѣ о ея Предвѣчномъ младенцѣ, чтобы преклонить милость ея къ своему отроку; не оставляетъ она тутъ же припомнить и о родствѣ своемъ съ Царемъ Пророкомъ, которымъ всегда столько гордились всѣ Багратиды.

Невѣста всечистая, промысловъ Вышняго,
Отъ дѣвическихъ кровей Твоихъ таинственно зачеш-
шая Сына Божія
И родившая Его во спасеніе человѣкамъ! —
Ты, украшая украснаа и величавъ возводила меня,
Тамаръ, отъ иноплеменнаго племени Давидова:
Сего ради и я нынѣ возжелала украсить Твой образъ,
Матери съ Сыномъ, да храниши матеръ и сына.

Окладъ Кахульской иконы изъ чистаго золота и на ободкѣ оной эмалевые круги, съ лицами Спасителя, Ангеловъ, трехъ Святителей, Николая чудотворна, Безсребренниковъ и великомученика Пантелеймона; во-

кругъ еще одинъ ободокъ съ ликами Апостоловъ. Икона, малая сама по себѣ, вставлена въ широкое золотое поле, усыпанное крупными бирюзами, перлами и лазами; оно также украшено эмалевыми изображеніями Господа, Ангеловъ и нѣкоторыхъ угодниковъ Божіихъ, расположенныхъ правильными полукружіями около средней иконы, промежду драгоценныхъ камней, а внизу изображены знаменіе Богоматери и Архангелы. Все сіе богатство эмали, жемчуга, лаловъ, гранатъ и яркой бирюзы, поражаетъ взоры великолѣпіемъ, нынѣ необычайнымъ въ Грузіи. Сверхъ сего оклада есть еще обширный серебряный кивотъ, столь же богато украшенный; на немъ изображены Спаситель и Ангелы, а внизу, между трехъ чеканныхъ золотыхъ бляхъ, лики Евангелистовъ. Апостолы и мученики изображены эмалью на складняхъ, въ которыя вставлены драгоценные кресты. Я хотѣлъ, съ возможною подробностію, представить все богатство сей завѣтной иконы, чтобы могли судить, каково было благолѣпіе храмовъ Грузинскихъ, во вре-

мена славы Царей Давида и Тамари, и позже, доколь рука завоевателей не раскинула святыни. Еще одна надпись на иконѣ, весьма темная по смыслу, свидѣтельствуесть, что и Царь Димитрій, сынъ Возобновителя исполнилъ завѣщаніе отца, украшеніемъ ввѣреннаго ему залога: вотъ сколько историческихъ памятниковъ на одной иконѣ. Надпись сія также въ стихахъ и есть какъ бы молитвенное воззваніе отъ лица Димитрія, названнаго новымъ Соломономъ, къ Пречистой Дѣвѣ, которой онъ напоминаетъ родство свое съ праотцемъ ея Давидомъ, общимъ ихъ родоначальникомъ; но вѣроятно она начертана послѣ Димитрія, ибо нельзя такъ о себѣ выражаться:

«Между древнимъ Богоотцемъ (Давидомъ) и новымъ Царемъ Соломономъ (т. е. Димитріемъ), ты процвѣла, о Царяца! (если считать тысячелѣтнее разстояніе отъ Богоматери къ Царю-Пророку обратно и почти столько же впередъ къ сему Царю Грузія.) По происхожденію (отъ того же рода) и по праву (царскому) су-

губо сини дарами облеченъ Дмитрій. Онъ, подобно небесному солнцу, озарилъ богатыми утварями видъ твоего храма (Гелатскаго), и нынѣ, какъ отрасль Давидова, тебѣ (той же отрасли) о Богородице! обладательницѣ всего міра, съ душою и тѣломъ и симъ храмомъ, предаеть себя твоему милосердію».

Это священное родство, которому такъ тепло вѣрили обладатели Иверіи, ведущіе родъ свой отъ Давида, послѣ плывенія Вавилонскаго, и это родственное участіе, которое они испрашивали, почти въ каждой молитвенной надписи, на украшаемыхъ ими иконахъ Пречистой Дѣвы, исполнено младенческой простоты и вмѣстѣ глубокой поэзіи, проникающей сердце. При богатомъ извотѣ Хахульской иконы привѣщено на цѣпи золотое изваяніе, въ видѣ кадильной крышки, обсыпанное жемчугомъ и четырьмя огромными лазами, съ лѣвами Спасителя, Божіей Матері и Ангеловъ, которые вычеканены на золотѣ между дорогихъ камней. Оно висѣло некогда надъ большимъ престоломъ честнаго древа, и по преданію

вылито изъ того золота, которое принесли Волхвы изъ Персиды, родившемуся въ Велесемъ Царю, когда увидѣли звезду его на Востокъ. — Конечно нельзя ничѣмъ утвердить достоверность такихъ преданій, но какъ умилительно встрѣтить ихъ въ пустынь и следовать за нихъ постепенностію, по крайней мѣрѣ отъ времени Тамари, Давида и Баграта!

Подъ иконы Хахульской, какъ бы подъ сѣнью священнаго сокровища обители Гелатской, хранится, въ лѣвомъ углу иконостаса, сватыня мощей, уцѣлѣвшихъ въ эпоху разоренія. Это часть черепа побѣдоносца Георгія и великомучениковъ Дмитрія и Феодора Стратилата, и кости Самсона страннопримца, съ нѣкоторыми другими уже безыменными. Тутъ же, подъ стекломъ деревяннаго кивота, заключена въ золотомъ сердцѣ, осыпанномъ жемчужомъ и дорогими камнями, часть судари Господня, коимъ было обито чело его при погребеніи и который обрѣтенъ, по словамъ евангельскимъ, сватымъ особо во гробѣ, по воскресеніи Христовавѣ. Какая

святыня! и кому она известна въ уединеніи Гелата? а безъ сомнѣнія она была принесена Царевнами Греческими, Еленою или Ириною, когда они вступали въ супружество съ великими Багратомъ и Давидомъ.

Если продолжать описаніе драгоцѣнныхъ иконъ Гелатскихъ, отъ лѣвой руки къ правой, по стѣнѣ иконостаса, какъ обыкновенно читаются писмена хартій, то и здѣсь опять представится много лѣтописной древности, хотя и не всегда въ одинаковомъ великолѣпіи, ибо ничто не можетъ сравниться, съ богатствомъ иконы Хахульской. Подлѣ нее первое мѣсто занимаетъ икона Адкурской Божіей матери, которую славный воитель Палестинскій Царь Багратъ, перенесъ изъ города Адкура, принадлежавшаго Атабекамъ въ Борджомскомъ ущеліи. Живопись ея не имѣетъ никакого сходства съ такъ называемымъ Греческимъ письмомъ; скорѣе можно назвать оное Персидскимъ, по яркости и пестротѣ красокъ и по самому облику, ибо совершенно восточная красота блистаетъ въ чертахъ пречи-

стой Дѣвы и божественнаго Младенца; даже цвѣтъ волосъ ея и бровей черныи, вмѣсто обыкновеннаго русаго. На иконѣ золотая риза и она вставлена, подобно Хатульской, въ другое позлащенное поле, на коемъ изображены эмалью успеніе, три Святителя, Апостолы и двѣнадцать праздниковъ по сторонамъ. Внизу надпись, что Царь Царей Георгій и супруга его Тамарь, съ сыномъ Александромъ, пожертвовали на икону золотую ризу. Это долженъ быть второй Георгій, по списку Имеретинскихъ Царей, братъ Ростомъ и сынъ Константина, который царствовалъ въ началѣ XVII вѣка. Соломонъ великій, по словамъ той же надписи, устроилъ второй позлащенный окладъ; а въ задней доскѣ иконы вставлено много святыхъ мощей, весьма древнихъ но неизвѣстныхъ.

Третія икона, собственно Гелатской Божіей матери съ Младенцемъ, сидящимъ на ея колѣнахъ, и Архангелами по сторонамъ, подобна Влахернской; она не писана, но вычеканена изъ позлащеннаго серебра, и гораздо древнѣе Ацкурской. Цари

Багратъ и Елева, но не великіе предки Возобновителя, а тѣ, которые царствовали въ XVI вѣкѣ, устроили для нее большой серебряный кивотъ со складнями, на которомъ изваяны страсти Господни и нѣкоторые изъ двѣнадцати праздниковъ. На задней доскѣ также много частицъ неизвѣстныхъ мощей.

По другую сторону царскихъ вратъ, не замѣчательныхъ потому что онѣ новыя, поставлена большая икона Спасителя, въ серебряномъ окладѣ, безъ надписи, но вѣроятно Греческая и временъ Давида возобновителя, ибо въ евангеліи, которое держитъ Господь, начертано по Гречески: «Азъ есмь свѣтъ міру.» Рядомъ съ нею еще большая икона Спасова, въ позлащенномъ окладѣ, съ правильно благословляющею рукою и Греческою надписью: «Царь славы;» она украшена въ XIII вѣкѣ, усердіемъ Царя Давида Нарина, сына Русудави, дочери великой Тамари. Возлѣ, уже вѣвъ иконостаса, прислонена къ нему весьма большая и драгоценная икона Божіей Матери стоящей, съ младенцемъ на рукахъ, въ золотомъ

и отчасти серебряномъ полѣ, котораго листы отпадають отъ ветхости. На вѣнцѣ Богоматери весьма крупныя гранаты, жемчуги и бирюза. Царь Багратъ великій, основатель собора Кутанскаго, стоитъ на козлахъ предъ Богоматерью, ибо онъ устроилъ сію икону и это вѣрный портретъ Царя, замѣчательной красоты. Онъ отличается отъ новѣйшаго Баграта Иерусалимскаго, который написанъ на стѣнахъ храма, съ окладистою черною бородою. На немъ голубая мантия, подбитая горностаемъ, поверхъ краснаго полукафтаны съ золотыми застежками. Корона его совершенно похожа на ту, которую досель хранять въ ризницѣ Гелатской подъ его именемъ. Дважды была украшаема сія замѣчательная икона, имѣющая кромѣ святости еще достоинство историческое портрета. Это видно по двойному числу круговъ, по ней разсыпанныхъ съ ликами Святыхъ: двѣнадцать болѣе древнихъ изъ эмали, двѣнадцать новѣйшихъ чеканнаго серебра. Подъ великолѣпною иконою Баграта стоятъ двѣ малыя, изъ выпуклаго серебра, великомученика Георгія

и Св. Маманта, сидящаго на львъ съ крестомъ въ рукахъ. Тутъ же еще одинъ небольшой образъ Спаса, въ золотомъ окладѣ, съ ликами верховныхъ Апостоловъ и Евангелистовъ на эмали, который былъ устроенъ, судя по надписи, новѣйшею Царницею Тамарью изъ рода Дадіановъ,

Послѣ священныхъ иконъ, привлекающихъ къ себѣ благоговѣнное вниманіе, невольно устремляются взоры на историческія и церковныя фрески, доселѣ украшающія стѣны собора. Неизвѣстно, когда были они обновлены, но конечно по древнимъ рисункамъ, и если принять въ соображеніе, что тутъ написанъ Католикосъ Захарія, перенесшій каяедру въ Гелатъ, при великомъ Царѣ Александрѣ въ половинѣ XVII вѣка, то къ сему времени можно отнести и стѣнную живопись храма, вѣроятно имѣя обновленнаго и едва ли опять обновляемаго въ смутную эпоху междоусобій. Съ лѣвой стороны иконостаса гдѣ изображены равноапостольные Цари Константинъ и Елена, какъ первые храмоздатели, замѣчательна бѣлая фигура Католикоса Аб-

хазскаго Евдемона; онъ строилъ въ XI вѣкѣ соборъ Гелатскій по образцу своей Пипундской катедры, вмѣстѣ съ великимъ Царемъ Давидомъ возобновителемъ. Самъ Давидъ представленъ держащимъ въ рукахъ церковь Гелата, въ зеленой далматикѣ и коронѣ, въ Греческомъ вкусѣ. Длинная борода отличаетъ его отъ послѣдующихъ ликовъ царскихъ, и въ сравненіи съ ними замѣтенъ исполинскій ростъ его. Лѣвѣ стоятъ Багратъ и супруга его Елена, но не великіе предки Давида, потому что въ ихъ время еще существовала обитель Гелатская. Это славный освободитель Іерусалима, второй изъ Багратовъ по списку отдельныхъ Царей Имеретин, властвовавшій въ началѣ XVI вѣка; далматика его подобна Давидовой, но багрянаго цвѣта, а корона иной остроконечной формы; длинные усы вѣсто бороды обличаютъ уже другую эпоху. Онъ написанъ рядомъ съ Возобновителемъ, потому что много благодѣтельствовалъ его обители и принесть сей въ даръ икону Аккурскую, Цари же Имеретинскіе, до него бывшіе, мало замѣчательны. Кто была

супруга его Елена? я не могъ дознаться въ лѣтописякъ. Она также въ коронѣ, съ бѣлой фатою и въ голубой далматикѣ. У обоихъ въ рукахъ кресты, такъ какъ и у двухъ послѣдующихъ изображеній Царя Георгія, сына Багратова, и супруги его Русудани, дочери Черкесскаго Князя, одѣтыхъ совершенно также какъ и ихъ царственные родители. Между ними написанъ малолѣтний сынъ ихъ, въ розовомъ платьѣ съ серебряными понемъ кругами, и въ шапкѣ похожей на вѣнецъ. Онъ названъ тутъ Багратомъ; но по лѣтописи у Георгія было только два сына, Константинъ и Леонъ; не ошибка ли это живописца, или быть можетъ представленъ какой-либо не царствовавшій ихъ отрокъ.

Наверхъ сихъ державныхъ ликовъ написана на стѣнѣ большая картина входа Господня во Иерусалимъ, быть можетъ нѣющая нѣкоторое отношеніе къ торжественному вшествію Баграта во Св. градъ, съ побѣдоносными своими союзниками, Царями Грузіи и Кахетіи. Надъ нею воскресеніе Христова, которое въ древности не изобра-

жали иначе, какъ изведеніемъ изъ сокрушеннаго ада душъ ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ праотцевъ; ибо прежніе иконописцы не отваживались представить таинственной минуты воскресенія, которая сокрыта была даже отъ Мүровосницъ и Апостоловъ; теперь же смѣлѣе сдѣлалась кисть художниковъ, и вмѣсто того, чтобы представлять воиновъ, помертвѣвшими отъ землетрясенія по словамъ евангельскимъ, ихъ представляютъ спящими, какъ они о себѣ солгали по наущенію Фарисеевъ, или даже смотрящими въ лице воскресшему, чего не могли сами Апостолы. Въ простѣнкахъ, между боковыхъ окопъ, лѣвки двухъ великомучениковъ Феодора Тирона и Стратилата. Еще выше Спаситель, осѣняющій омофоромъ, и около него на двѣнадцати престолахъ, Апостолы, судіи земли. Противуположная стѣна посвящена вся благоговѣйнымъ воспоминаніямъ пречистой Дѣвы. Она представлена, въ темной одеждѣ, сидящею на одрѣ посреди ликовъ пророческихъ и праведныхъ. Царь Давидъ, въ вѣнцѣ подобномъ Багратову, играетъ на кса-

тирь, который походитъ на Греческую лиру. Надъ симъ торжественнымъ соборомъ Матерь Божія изображена опять на одрѣ, но уже лежащею, въ минуту блаженнаго ея усненія, окруженная Апостолами, срътаемая самимъ Господомъ. Въ простѣнкахъ оконъ другіе два великомученика, Георгій и Димитрій, а повыше таинственное собраніе Апостоловъ, которыхъ приносятъ облаки, для возданія послѣднаго долга пречистой Дѣвѣ, уже отшедшей къ божественному Сыну своему.

На столбахъ, поддерживающихъ хоры, по древнему обычаю, написаны мученики и мученицы, положившіе кости свои въ основаніе вселенской Церкви, а на двухъ основныхъ столбахъ, на конхъ лежить куполь, колоссальныя изображенія Предтечи и отца его Захаріи, и двухъ праведныхъ женъ Анны и Елисаветы; тутъ и четыре столпника, изъ конхъ два Симеона, старшій и младшій. Подлѣ бывшаго мѣста Католикосовъ, написанъ знаменитый Захарія, перенесшій сюда свою каеодру, и невѣстный Митрополитъ Гелата, а на хо-

рахъ, гдѣ существовали два придела, есть еще полустертые лики Святителей и двѣ иконы знаменія Богоматери. Но всего умилительнѣе были для меня фрески олтара, который исполненъ славою Богоматери: тамъ изображены рождество ея и введеніе во храмъ, цѣлованіе Елисаветы и срѣтеніе Симеономъ, и праведные ея родители съ Ангельскимъ соборомъ.

Подъ великолѣпною мозаикою Комнина, начертана Греческими буквами, вокругъ всего горняго мѣста, Херувимская пѣснь, и она олицетворена таинственной картиною, въ которой хотѣли представить: какъ должны мы образовать изъ себя Херувимовъ, непрестанно воспѣвающихъ трисвятую пѣснь. Поелику мы должны, отложивъ всякое житейское попеченіе, поднять Царя всѣхъ, носимаго Ангельскими чинами, и такъ какъ при погребеніи всегда поется: «Святый Боже,» то и здѣсь изображены небесные чины, вмѣсто насъ погребяющими Сына Божія, въ образъ человѣческомъ. Всѣ они облечены въ діаконскія служебныя ризы, съ крестообразно сло-

Часть III. 9

женными орарами: предшествующіе несутъ церковныя хоругви, свѣтильники и кадла; послѣдующіе плащаницу, подѣ свѣію рипидѣ, и торжественно обходятъ гробовой утесъ, поставленный на срединѣ ихъ шествія, а внутри его уже возстаеіъ изъ мертвыхъ Спаситель. Какая высокая мыслъ и какъ назидательно поражаетъ она взоры священнодѣйствующаго у престола! Тройное окно проливаетъ свѣіъ, съ горняго мѣста, на весь алтарь: по сторонамъ его изображено, какъ въ нашихъ древнихъ свѣтилицахъ, приобщеніе Апостоловъ подѣ двумя видами и съ двумя ликами Спасителя. Онъ подаетъ съ одного края трапезы божественное тѣло свое шести ученикамъ, облеченнымъ въ священническія фелони, и опять онъ же даетъ вкушать, съ другаго края, божественную чашу прочимъ шести Апостоламъ; трапезу же охраняють Ангелы, въ видѣ діаконовъ, съ рипидами въ рукахъ. Такое ясное указаніе, на узаконенный самимъ Господомъ образъ преподаанія свѣітыхъ его таинъ, не естъ ли сильное обличеніе противъ Римлянъ, и не для того ли

картина сія всегда писалась въ древнихъ алтаряхъ, чтобы никогда не могли поколебаться Православные въ этомъ основномъ чинположеніи литургіи? Вездѣ проглядываетъ мысль и всегда глубокая.

Горнее мѣсто возвышено на четыре ступени отъ помоста, для сидѣнія Епископовъ и пресвитеровъ, и на восемь для Католикоса. Кругомъ написанъ сонмъ Святителей, древнихъ таинниковъ благодати, изливающейся на служителей алтаря: три великихъ Іерарха, Аѳанасій и Павелъ Александрійскіе, Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Акраганскій, часто встрѣчающійся въ храмахъ Грузинскихъ, хотя мѣсто его подвиговъ въ Сициліи, и первомученикъ Архидіаконъ Стефанъ. На престолъ лежитъ древнее евангеліе Грузинское, переведенное и писанное въ IX вѣкѣ Св. Георгіемъ Аѳонскимъ, знаменитымъ своею ученостію отшельникомъ Иверскаго монастыря на Св. горѣ; оно великолѣпно писано на пергаментѣ, съ раскрашенными по золоту картинками на каждой страницѣ, лучшей живописи Византійской, и не уступаетъ рос-

9.

кошью тѣмъ Греческимъ книгамъ, которыя видѣлъ въ библіотекѣ Ватиканской. На концѣ есть Греческая приписка руки Св. Георгія, о употребленіи надстрочныхъ знаковъ, и молитва его о томъ, чтобы не исправляли вновь исправленнаго имъ тщательно евангелія. Видѣлъ я и другое евангеліе того же Святаго, въ церкви Св. Георгія, но оно гораздо меньше и не столь великолѣпно.

РИЗНИЦА И ПРИДѢЛЫ.

Если же кто желаетъ видѣть остатки утвари, царственной и церковной, еще уцѣлѣвшей отчасти послѣ столькихъ воинскихъ бурь, пусть попроситъ чтобы ему раскрыли ризницу Гелатскую, въ бывшемъ отдѣленіи діаконикона. Тамъ, между новѣй-

шими сокровищами, особенно замѣчательны золотые диски и чаша, осыпанные бирюзою, Католикоса Виссаріона, который любилъ великолѣпіе, и митра, осыпанная жемчугомъ, послѣдняго Католикоса Максима, скончавшагося въ Кіевѣ въ 1795 году. Митрополитъ Давидъ служилъ въ ней обдню и говорилъ мнѣ, что другую подобную ей митру увезъ съ собою Католикосъ въ Россію; она должна находиться въ ризницѣ Софійской или Печерской. Златокованный поясъ съ перлами и ризы, шитыя жемчугомъ, соотвѣтствуютъ сей митрѣ, но уже ихъ не употребляютъ отъ тяжести. Особенно великолѣпенъ омофоръ, съ ликами святыхъ, Спиридона и Кирилла, и двѣнадцатю праздниками, которые всѣ шиты жемчугомъ, равно какъ и Греческія ихъ надписи. Неизвѣстно къ какому времени можно отнести сіе богатое облаченіе Католикосовъ, но вѣроятно оно еще среднихъ вѣковъ, до паденія Царьграда.

Изъ старыхъ вещей показали мнѣ косяной посохъ святительскій и два креста Царя Баграта: одинъ сломанный изъ

корналина, съ камнями большею частію выпавшими. Тутъ же и корона великаго Баграта, которую можно узнать на всѣхъ его ликахъ. Она изъ дорогой парчи, въ видѣ шапки и вся унизана жемчугомъ; на шести ея зубцахъ по малому кресту, составленному изъ перловъ и лаловъ; седьмой крестъ болѣе другихъ, изъ такихъ же камней, вѣнчаетъ остроконечную вершину; на верхней части, вышитой жемчугомъ, Спатель, три Іерарха и четыре Евангелиста, а внизу, подъ зубцами короны, тайная вечеря, пріобщеніе Апостоловъ и умовеніе ногъ, для всегдашней памяти о заповѣданномъ смиреніи и общеніи тѣла и крови Господней. Какъ много чувства въ избраніи сихъ предметовъ евангельскихъ, для украшенія вѣнца! и едва ли есть, гдѣ-либо въ мірѣ, другая корона, съ умовеніемъ ногъ надъ царскимъ челомъ.

Вотъ еще одно неоцѣненное сокровище, выражающее, до какой степени были проникнуты любовію къ святынь, древніе влстители Иверіи: перстень Царя Давида возобновителя, съ мощами Св. Георгія вну-

три и прекрасно вырѣзаннымъ ликомъ Великомученика сверху для печати. Такимъ образомъ, не только его священнымъ ликомъ, но даже святынею его мощей, запечатлѣвагь Царь Давидъ всѣ свои царственные акты, и сколько надобно было стараться направлять ихъ по заповѣдямъ евангельскимъ, чтобы потомъ дерзнуть утвердить такую печатію! Великая душа Давида заключалась въ исполинскомъ тѣлѣ, судя по огромности перстня, въ который два моихъ пальца свободно входили. Послѣ сего можно повѣрить всѣмъ легендамъ о его необычайной силѣ, и о тѣхъ громадныхъ камняхъ, какіе собственноручно положилъ въ утверженіе создаемаго имъ храма. Къ сожалѣнію не могъ я отыскать житія сего великаго мужа церкви и царства, которое было написано ученымъ духовникомъ его Арсеніемъ. Рукопись сія была взята Митрополитомъ, для брата своего Князя Церетелли, и послѣ его смерти осталась въ рукахъ племянника, у котораго не могутъ ее найти. Я просилъ однако и Митрополита и Дадіана, употребить всѣ воз-

можныя старанія къ отысканію сей драгоценной рукописи, ибо другаго списка нѣтъ въ цѣлой Грузіи. Тамъ только, со всею подробностію, можно прочесть подвиги славнаго Царя. Отъ невниманія иноковъ утрачено и другое писменное сокровище: подлинное завѣщаніе Давида, составленное со словъ его духовникомъ Арсеніемъ, юному сыну Царю Димитрію; въ немъ проявляется благочестивый духъ Давида, а можетъ быть есть и нѣсколько словъ, прибавленныхъ самимъ Арсеніемъ въ пользу Церкви. Подлинникъ, какъ я слышалъ, у Генералъ-лейтенанта Князя Багратіона, и не погрѣшилъ бы онъ, еслибы возвратилъ въ обитель священный актъ сей, хранившійся въ ней столько столѣтій. Къ счастью есть списки и я предлагаю здѣсь переводъ, сдѣланный съ одного изъ нихъ Дадіаномъ.

«Повелѣваетъ и напоминаетъ Царь Царей Давидъ, въ день смерти и во время исхода его изъ міра, чрезъ уста наши, недостойнаго и смиреннаго богомольца своего, аввы инока, вамъ всѣмъ вельможамъ и зна-

менитымъ царства его Католикосамъ, Епископамъ, Эриставамъ и всѣмъ въ милости у него бывшимъ. Былъ я отъ природы любителемъ безсмертія, славы и владычества, и не памятовалъ о такомъ днѣ, навсегда сводящемъ меня въ могилу; не могъ я разстаться съ суетою временной жизни, доколь сама она меня не оставила и, обремененнаго множествомъ грѣховъ, скорбнымъ не представила къ Судіи, многія милости явившему мнѣ въ семъ мѣрѣ. Во первыхъ далъ онъ мнѣ сына сего Димитрія, который мудростію, доблестями, храбростію и благочестіемъ, лучше меня и вѣистинну таковымъ надлежало Царю быть, данному отъ Бога живущимъ въ православіи на землѣ. Отхожу предъ Судію, отъ коего воспріялъ царство, утѣшенный, что отрокъ сей всегда дѣйствовалъ по тайной мысли моего сердца. И прежде желалъ я отдохнуть отъ заботы житейской, возведя его на царство, о чемъ Богу только, мнѣ и духовнику моему извѣстно уже два года; но мгновенность превозмогла и, по силамъ ожидаемое многолѣтіе, измѣнило; мнѣ въ воз-

мездіе дана та же скорбь моего отца : краткость житія сего, отъ которой отвращалъ я мои взоры. Нынѣ, промысломъ правосуднаго Бога, отзываюсь я, а на царство наследственное призывается онъ, и на вновь прибрѣтенное, трудами моими и вашими, отъ Никописи до моря Дербентскаго, и отъ Осетин до Соера и Арагаца. Я поручилъ ему чадъ и Царицу, призывая посредникомъ на сіе Бога, дабы брата своего младшаго воспиталъ, и если по милости Божіей явится способнымъ, да поставитъ Царемъ послѣ себя надъ моимъ наследіемъ, и сестрамъ да оказываетъ почесть, яко чадамъ моимъ любезнымъ. Все совершилъ я, силою честнаго животворящаго древа, и ему вручаю сіе ошастливившее меня знаменіе, и мои царскіе доспѣхи, и сокровища верхнія и нижнія ; пѣязи же да наследуетъ Константинъ младшій, а мои собственные драгоценные каменья и жемчуги жертвую Хахульской Богоматери. Дукаты и вотиніаты Атенскаго сокровища, кровію моею прибрѣтенныя, если не пожалуетъ Царь Дмитрій, всѣ да передастъ

духовнику моему; иначе, хотя половину ихъ предъ Богомъ отъ него требую, дабы, если какіе монастыри наслѣдія моего я обидѣлъ, духовникъ мой ихъ бы вознаградилъ, они же да молятся обо мнѣ. Еще остался у меня монастырь, погребальное мѣсто для костей монаховъ и дѣтей монаховъ, не довершеннымъ, и печаль сія со мною пребудетъ; нынѣ сынъ мой Царь Дмитрій, да довершитъ оный, для вѣчнаго поминовенія меня и его самаго съ потомствомъ. Что уже роздано мною, того отнюдь да не коснется; какія же мною приобрѣтены мѣста, необитаемыя и населенныя, и тѣ, какъ авва Арсеній и Католикосъ разсудятъ, такъ да пожалуетъ ихъ Царь Дмитрій, выдавъ на оныя грамоты безъ малѣйшаго закосивнія».

Исполненный памятію великаго Давида, прежде нежели оставить сооруженный имъ соборъ, поклонился я, въ трапезной части, гробу послѣдняго изъ царственныхъ его потомковъ, который почиетъ подъ свѣнію Гелатскаго храма. Великій Соломонъ, одинъ только изъ всѣхъ Царей Имеретинскихъ, погребенъ внутри самой церкви, вѣроятно

по глубокому къ нему уваженію народа; два послѣднихъ Царя скончались въ Трапезондѣ, а всѣ предшественники, по примѣру основателя Давида, устраивали для себя за живо особыя придѣлы, или ихъ хоронили въ основанныхъ прежде, ближайшими родственниками. Сколько была проникнута великая душа Соломона, царственнымъ величіемъ своего рода, о томъ можно судить, по украшеніямъ его богатырскаго меча, который доселѣ хранится въ Мингрелии у Дадіана: на позлащенныхъ ножнахъ изображенъ Пророкъ Наанъ, предсказывающій Царю Пророку Давиду, о грядущей славѣ сына его Соломона и о утвержденіи престола въ родѣ его вѣчно. Но Пророкъ таинственно возвѣщалъ, въ лицѣ Соломона, вѣчное царство Мессіи, которое позднѣйшіе потомки Давида отнесли къ временному продолженію царскаго своего племени.

Въ боковомъ придѣлѣ, съ правой стороны собора, посвященномъ Первозванному Апостолу, показываютъ одну именитую могилу, которую три мѣста оспариваютъ другъ

у друга, — столь велика слава погребенной! это гробъ великой Царицы Тамари. Нѣкоторые ищутъ его въ горахъ Сванетіи; другіе украшаютъ именемъ ея гробницу въ пещерной церкви Вардзи, за Ахалцихонъ, потому что тамъ существуютъ ея лѣтніе чертоги, изсѣченные въ скалы; но такъ какъ извѣстно по исторіи, что Царица скончалась близъ Кутаиса, въ замкѣ своемъ Тамарисцихе, то гораздо правдоподобнѣе, что ее погребли въ обители, созданной ея предкомъ, потому что въ Грузіи свято соблюдается обычай родовой усыпальницы. Зачѣмъ было нести тѣло Царицы, по непроходимымъ горамъ и ущеліямъ, въ дальній Вардзи? Въ лѣтописи Вахуштія сказано, о погребеніи въ пещерѣ Вардзійской Царя Константина II, убитаго въ сраженіи противъ Турковъ, въ 1417 году. Весьма естественно и то, что ее положили въ особомъ придѣлѣ Гелатскаго собора, съ южной стороны, какъ и предокъ ея Давидъ почиваетъ отдѣльно въ привратной церкви. Если же придѣлъ устроенъ во имя Первозваннаго, то кромѣ глубокаго уваженія къ

просвѣтителю сихъ мѣсть, можно предполагать, что первый супругъ Тамари, сынъ Андрея Боголюбскаго, соорудилъ придѣлъ сей въ честь Ангела своего родителя. Митрополитъ Давидъ увѣрялъ меня, что до времени Царя Александра, отца Соломонова, ежегодно, въ день памяти Царицы Тамари, подымали гробовую плиту ея и служили панихиду; а такое постоянное преданіе должно быть на чемъ нибудь основано. Очень можетъ быть, что обычай сей прекратился съ тѣхъ поръ, какъ Царь Александръ похоронилъ здѣсь супругу свою Марію, изъ рода Дадіановъ, какъ видно изъ надписи на дорогой иконѣ, имъ пожертвованной. Онъ избралъ для себя мѣсто упокоенія въ томъ же придѣлѣ, а до того не видно: былъ ли кто погребаемъ подлѣ великой Тамари, ради глубокаго къ ней уваженія? Супруга Соломона Марія и малолѣтній сынъ его, лежатъ въ другомъ смежномъ придѣлѣ Св. Марины, и написаны на стѣнахъ, вмѣстѣ съ другими Царицами и Царевнами, которыя тутъ же погребены. Съ лѣвой стороны собора, придѣлъ во

иия Спаса, избранъ былъ усыпальницею многихъ великихъ Царей. Тамъ славный воетель Багратъ и супруга его Елена написаны на стѣнахъ, и оба Георгія; изъ новѣйшихъ же Ростомъ и Симонъ, не много царствовавшіе въ бурную эпоху. Впрочемъ и первый Александръ между сими усопшими, хотя уже нельзя различить его портрета на стѣнѣ. Славный Католикосъ Захарія, обновитель Гелата, смиренно положенъ у входныхъ дверей сѣвернаго призора, который исписанъ ликами пустынножителей Греческихъ и Грузинскихъ; одинъ изъ нихъ одѣтъ въ тростниковую рясу, съ Греческою надписью: «травою облеченъ и ею питался». Великій Царь Александръ II, и жестокая жена его Дареджанъ погребены, судя по ихъ портретамъ, въ западномъ преддверіи храма, гдѣ устроенъ придѣлъ благовѣщенія надъ гробомъ Католикоса Юсифа, брата Соломонова. Въ той же паперти есть еще придѣлъ Св. Марины, гдѣ также погребались царственные усопшіе, но лики ихъ стерты и перемѣшаны съ пустынножителями.

Противъ западныхъ вратъ собора стоитъ небольшая церковь Святителя Николая, ничѣмъ не замѣчательная: алтарь во второмъ ярусѣ, а въ низу живетъ невѣдомый молчальникъ, уже тридцать лѣтъ посвятившій себя столь трудному подвигу. Недалеко отъ сей церкви была обширная трапеца, отъ которой уцѣляли только наружныя стѣны и довольно красивый входъ. Къ востоку отъ собора, древнѣйшая изъ всѣхъ церковь Св. Георгія, основана Царемъ Давидомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ явился Великомученикъ и указалъ ему строить, ибо прежде Царь думалъ основаться нѣсколько выше. Духовникъ Царя Арсеній, вмѣстѣ съ нимъ молившійся въ минуту чуднаго явленія, слышалъ только небесный голосъ и видѣлъ, что преклоняется на землю Давидъ, но не удостоился созерцать лицомъ къ лицу Великомученика. Церковь не обширна и на ней лежитъ отпечатокъ глубокой древности. Въ иконостасѣ высоко вставлена чудотворная икона Пицуцдской Божіей Матери, основаніе Христіанства всей Абхазіи, перенесенная сюда Католи-

косомъ Захаріею. Она не велика и одѣта золотою ризою съ драгоценными камнями, лалами, жемчугомъ и бирюзюю. Божія Матерь стоитъ, съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, по сторонамъ ея Архангелы и Предтеча съ Златоустомъ. На задней доскѣ вложено честное древо и много частицъ Св. мощей неизвѣстныхъ. Надпись свидѣтельствуеть о неоднократномъ ея украшеніи.

«И прежде предрекли о тебѣ, нетлѣнная, лики Пророковъ: Давидъ назвалъ тебѣ кивотомъ чистоты, Соломонъ вмѣстивъ лищемъ, Исаія облакомъ, родительницею Эмануила; я же вѣруя сему приступилъ къ украшенію святаго твоего образа, дабы мнѣ удостоиться стать одесную Сына твоего, подобно Пророкамъ. Я всего съ вера и Абхазіи Католикось Евдемонъ Четидзе, оковалъ и украсилъ сей образъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно-дѣвы Маріи съ Сыномъ; самый образъ золотомъ и драгоценными камнями и жемчугомъ свѣтло украсилъ, а поле и дверцы серебромъ, и поставилъ въ храмъ Пицундской Божіей Матери, для моленія

и всегдашняго поминовения, прощениа и утешениа грѣшной моеи души и оставлениа грѣховъ моихъ, аминь. — Христе! помилуй душу Мамин Дадіана, и будь покровителемъ его во вѣки и сына его Дадіана Леона прославь Господи въ сей и другой жизни, аминь. Окованъ и окончанъ сей образъ хроникона 256, отъ сотворениа мира въ 7406 году, отъ Р. Х. 1568, индикта 11-го.

Другая икона, столь же драгоценная, есть вѣрный списокъ съ Пицундской, съ теми же ликами святыхъ. На второмъ серебряномъ ея окладѣ изображены Апостолы, Предтеча, Златоустъ и Николай чудотворецъ, а на складняхъ благовѣщеніе; тутъ же и лики Царей Георгія и Тамари, богато ее украсившихъ въ началѣ XVII вѣка. На горнемъ мѣстѣ тѣснаго алтаря написаны знаменіе Богоматери, два верховные Апостола и что весьма странно три отрока Вавилонскихъ. На стѣнахъ фрески гораздо лучшей кисти нежели въ соборѣ; онѣ не уступятъ живописи Сіонскаго въ Атенскомъ ущелии. Царь Багратъ и супруга его Елена, съ сыномъ, особенно замѣ-

чательны; лице Баграта выражает мужественную красоту. Напротивъ его неизвѣстные Царь и Царица, вѣроятно Георгій и Русудань, и еще Царевичъ Александръ, бывший въ послѣдствіи Царемъ, и Теймуразъ сынъ Баграта. Трудно различить и привести въ летописный порядокъ сіе родословіе въ лицахъ, полустертыхъ на стѣнахъ храма.

Владѣтель Абхазіи, съ особеннымъ благоговѣніемъ, приложился къ иконѣ Пицундской Божіей матери, сему древнему достоянію его народа, и просилъ меня списать для него надпись съ задней доски. «Если когда либо, говорилъ онъ мнѣ, возстановится опять опустѣвшій храмъ Пицунды и туда возвратятъ нашу священную икону, то я могу васъ увѣрить, что всѣ мои подданные обратятся къ Христіанству, ибо они до сихъ поръ уважаютъ святое мѣсто, даже и Магометане. Самая вѣра начала упадать въ нашихъ предѣлахъ съ тѣхъ поръ только, какъ унесли отсюда Пицундскую Божію мать». Такія слова, въ устахъ владѣтельнаго Князя Абхазіи, были весьма замѣчательны и достойны вниманія.

Возвратясь изъ храма, мы сѣли за трапезу Митрополита, въ обширной дубовой залѣ настоятельскихъ покоевъ. Трапеза сія опять напомнила мнѣ феодальныя времена: Владыка сидѣлъ въ верхнемъ концѣ; по сторонамъ его Владѣтель Абхазіи и Дадіанъ, съ ближайшими ихъ родственниками и присными; противоположный конецъ занимала свита до послѣдняго чело-вѣка, ибо никто не былъ исключенъ изъ гостепріимной трапезы; оруженосцы и конюшіе, наравнѣ съ своими владѣтелями, вли хлѣбъ соль Владыки, но только сидѣли ниже. Прислуга Митрополита приносила блюда и сама себя угощала за особымъ столомъ, въ той же залѣ: это была сцена изъ рыцарскаго романа.

Послѣ трапезы мы стали собираться въ обратный путь и еще однажды зашли въ соборъ, поклониться чудотворнымъ иконамъ Хахульской, Ацкурской и Гелатской Богоматери. Я посѣтилъ опять могилу великаго возобновителя Царя Давида, прощаюсь съ нимъ какъ бы съ живымъ, ибо такіе люди не умираютъ и гениемъ своимъ

всегда присутствуютъ тамъ, гдѣ наиболѣе совершили великихъ дѣлъ. Братія проводила своего владыку за врата. Немного по выше постѣили мы еще малую женскую обитель Преображенія, основанную Царемъ Давидомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сперва хотѣлъ онъ строить Гелатъ. Церковь тѣсна и убога; тамъ сохранились четыре древнія иконы Спасителя и Богоматери, изъ выпуклаго серебра. Нѣсколько убогихъ инокинь вышли принять благословеніе Митрополита; но, въ ихъ одеждѣ и въ полуобрушенныхъ келліяхъ, ничего не было похожего на бытъ монастырскій. Самая обитель Гелатская, хотя и богатая церквами и утварію, скудна помѣщеніемъ для братіи и числомъ монашествующихъ. Настоятель ея живетъ при архіерейскомъ домѣ въ Кутансѣ, и когда бы самъ Владыка не посѣтилъ монастыря съ своею свитою, то древняя обитель Давидова предстала бы намъ въ запустѣніи, тѣмъ болѣе грустномъ, если вспомнить времена ея славы и кто былъ ея основателемъ.

• Т А М А Р И С Ц И Х Е .

Солнце садилось , когда мы возвратились въ Кутансь , утомленные не столько дорогою , сколько внимательнымъ осмотромъ всѣхъ древностей Гелата. Слѣдующій день былъ назначенъ для отдыха , но я воспользовался утреннимъ временемъ , чтобы посѣтить за 10 верстъ отъ города , въ обширной долинѣ Ріонской , остатки бывшаго дворца Тамари или Тамарисцихе , гдѣ она скончалась. Груда развалинъ , какъ бы нѣкій холмъ , показываетъ , что зданіе было обширно , но уже нельзя разобрать

всѣхъ его частей подъ обломками; уцѣлѣла до половины круглая зала, сложенная изъ кирпича, въ самомъ центрѣ палаты; стройный, высокій полусводъ еще виситъ надъ нею, угрожая ежечаснымъ паденіемъ, но отважные и доселѣ поднимаются на его вершину, чтобы оттолѣ насладиться обширнымъ видомъ на Ріонъ и окрестныя горы. Подлѣ развалинъ дворца стоитъ полуобрушенная придворная церковь, съ малыми остатками стѣнной живописи. Вся алтарная часть ея поросла густымъ плющемъ, который пустилъ толстые корни вверху по стѣнамъ и скрѣпляетъ ихъ, какъ бы желѣзными связями. Природа милостивѣе людей и сжалилась надъ остатками палаты великой Царицы, которыя по частямъ и не весьма давно разобраны были для строенія новаго города. — И такъ вотъ гдѣ отдыхала Тамаръ отъ своихъ славныхъ подвиговъ! Не думаю, чтобы въ какой-либо исторіи существовало царственное лице, до такой степени сосредоточившее въ себѣ всѣ преданія, предшествовавшихъ и послѣдующихъ временъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь

свѣтлое и чистое отъ всякой укорины, какъ сія Тамарь.

Двѣ знаменитыя поэмы, одна при жизни, другая по смерти, были написаны въ честь великой Царицы, лучшими поэтами Грузіи. Самая поэзія страны сей, изобразивъ въ пѣсняхъ своихъ славную ея владычицу, какъ бы отказалась воспѣвать что либо иное, и вдохновеніе эпическое угасло вмѣстѣ съ Тамарью; одни только лирическіе порывы, отъ времени до времени пробуждались въ пѣсняхъ народныхъ, въ которыхъ однако часто опять звучало ея волшебное имя. — Я слышалъ, что одна изъ сихъ поэмъ, собственно Тамаріяда, замѣчательна болѣе преодолѣніемъ трудностей языка, нежели духомъ поэзіи, ибо въ ней непрестанная игра словъ и часто повторяются рѣзмы, по срединѣ и на концѣ стиха. Но другая поэма, Барсова кожа, Шеты Руставели, придворнаго пѣвца Царицы, который, какъ гласитъ преданіе, писалъ по вдохновенію любви къ сей недоступной владычицѣ его сердца, отзывается симъ нѣжнымъ чувствомъ и исполнена дѣвствен-

наго огня поэзи. Я ознакомился въ переводъ только съ первою ея пѣснiю, но могъ оцѣнить по ней красоту всей поэмы.

Руставель перенесъ поприще ея въ счастливую Аравiю и, не дерзая прямо указывать на царственныя лица, взятыми чертами представилъ ихъ, въ образъ иныхъ влaстителей вымышленнаго имъ царства. Могущественный Царь Георгiй, оставляющiй престолъ свой единственной дочери Тамари, является подъ именемъ славнаго Царя Ростевана, а юная дочь его Тинатина, солнце востока, есть поэтический образъ Тамари.

Въ Аравiи былъ Ростеванъ, Государь влелѣливный
Богомъ,
Великiй и щедрый и кроткiй, мощиый народомъ и
войскомъ,
Прозорливый умный судья, любившiй и правду и
милость,
Умѣвшiй владѣть и мечи и рѣчей властительной
силой.

Нилъ онъ одну только дочь, юное солнце Востока,
Которая въ сонѣ планетъ поражала могуществомъ
блеска;

Она отыкала у всѣхъ и разумъ и сердце и душу;
Хвалить ее могъ лишь мудрецъ, языкомъ многозвуч-
нымъ высокимъ.

Царевна звалась Тинативой, и вотъ когда перси
прекрасной
Вполнѣ развились и стала она соперницей солнца;
Воссѣвъ величаво на тронъ, посреди взирей своихъ
вѣрныхъ,
Повелъ съ ними ласковый Царь благосклонныя цар-
скія рѣчи:

«Когда въ ароматномъ саду засохнетъ увядшая роза,
На мѣсто изчезнувшей тамъ появится роза новая;
Свѣтло ужъ гаснетъ и вотъ вы видите сумракъ без-
лунный.

Не лучше ль на тронъ возвести младую соперни-
цу солнца?»

Вельможи сказали Царю: «Государь, что смущаетъ
васъ старость?

Когда бы парца садовъ и увяла, довольны мы ей;
Ея ароматъ и краса плѣняли насъ долго и пышно,
И можетъ ли спорить звѣзда съ потухающей полной
луною?»

Сколько восточной поэзіи въ сей искрен-
ней бесѣдѣ Царя съ своими подданными!
Не забылъ и себя влюбленный поэтъ, подъ

роскошными чертами юноши Авандила,
пльнннаго Тинатиной.

Рожденъ отъ вождя, Авандилъ, былъ первымъ вождь
Ростевана.
Онъ станомъ стройнѣй кипариса, а ликомъ и свѣ-
телъ и ясень,
Еще безбородъ, но душою полюбенъ кристаллу ал-
наза.
Густыя рѣсницы Царевны терзали въ немъ пылкую
душу.

Тамъ онъ на сердцѣ любовь и, въ долгой разлукѣ
съ прекрасной,
Лавить его розы гасили свой пурпуръ, но встрѣтись
Румянцемъ онъ вспыхивалъ вновь и рана опять рас-
крывалась.
Печальна и зная любовь, жертвить она юное серд-
це.

Юношу радуеть возведеніе на царство
предмета его любви; онъ надѣется чаще
видѣть Тинатину, хотя и на престолѣ, окру-
женную всемъ блескомъ царскимъ. Между
тѣмъ Царь Ростеванъ объявляетъ всенарод-
но, о избраніи своей дочери, и самъ возво-
дитъ ее на тронъ.

Она почитала себя недостойною отчаго трона,
И полонъ слезою росы салъ пышно рдѣющей розы;
Отецъ говоритъ Тинатинѣ, а сладки отцовскія рѣчи:
«Пока не сбылось это, жегъ непрерывный огонь
мою душу!

На прахъ и на розу равно сіяеть роскошное солнце,
И ты разливай свою милость равно на когущихъ и
слабыхъ,

Щедротой привяжешь ты всѣхъ, и тотъ, кто при-
вязанъ, ужъ связанъ;

Щедроты Царей даютъ плодъ, какъ чинары цвѣ-
тушаго рая;

Напитки и яства полезны, но тщетно хранить ихъ
безъ нужды:

Подашь ихъ — себѣ же въ добро; чего не подашь,
то пропало!»!

Радостно принимаетъ Тинатина роди-
тельскіе совѣты и въ тотъ же день открыва-
етъ свою сокровищницу подданнымъ, что-
бы ничего изъ принадлежавшаго Царевнѣ
не оставалось у Царицы.

Въ тотъ день раздарила она хранимое съ раннего
дѣтства,

Такъ, что исчерпалась вся копилка сокровищъ
обильныхъ.

Расхитили все, что дано, какъ будто добычу отъ бѣзъ:
И тучныхъ арабскихъ коней, и груды камней нве-
гоцкихъ...

Такъ вихри несутъ и рвутъ дальнѣе обильное свѣ-
га...

Никто не забыть на пиру, нѣтъ гостя съ пустыми
руками!

Послѣ роскошнаго пира, внезапною ду-
мою омрачилось чело Царя. Старшій изъ
вельможъ, по совѣту Автандила, поднялся
съ кубкомъ въ рукахъ, разсѣять тайную
грусть владыки Арабовъ, и спросилъ его:
не отъ того ли мраченъ, что дочь его рас-
тратила щедрою рукою его богатства, и
не сокрушается ли о ея избраніи на цар-
ство? Улыбнулся Ростеванъ и благодарилъ
визиря за хитрость; въ рѣчахъ его отзы-
вается все благородство его духа:

«Кто говорилъ, что я скупъ, тотъ вѣрно хотѣлъ ска-
зать шутку;

Не то огорчаетъ насъ, нѣтъ, на сердцѣ иная забота:
Нашъ кравчій сѣдой, наша старость, исчерпала дни
молодые,

А нѣту въ Аравіи всеѣ такого надежнаго мужа,
Кто могъ бы меня заѣмнить вамъ навывкомъ рат-
наго дѣла.

Одна у меня только дочь, Царица, возросшая въ нѣгѣ,
А сына Богъ не далъ, и то печалью мой вѣкъ со-
кращаетъ...

Хоть тѣмъ бы хотѣла стрѣль или въ мячъ игро-
ка удалаго!
Еще Автандилъ..... да и онъ отъ того, что весни-
танъ былъ мною.»
Молча и гордо внималъ юноша царскія рѣчи,
И тихо склонясь улыбулся; — прекраснѣе былъ
снѣтъ Автандила,
Блеснула зубовъ бѣлизна и рассыпался лучъ ея въ
полѣ.

Чтобы понять всю прелесть сего выра-
женія, которое можетъ казаться усилен-
нымъ, надобно посмотреть на смуглое ли-
це Арабское, когда улыбкою раскроется
жемчугъ зубовъ; и можно ли выразить
съ большею поэзіею дѣйствіе старости надъ
Царемъ?

«Нашъ кравчій сѣдой, наша старость, истернала
дня молодцы».

Автандилъ, довѣряясь милости Царя,
предлагаетъ ему смѣлый вызовъ: поме-
риться съ нимъ въ полѣ, предъ лицомъ все-
го войска, игрою въ мячъ или метаніемъ
стрѣль на ловль, съ тѣмъ, чтобы побѣж-
денный ходилъ три дня безъ чалмы. Ми-

достоиво принять вызовъ. Царь назначаетъ себя для прислуги двѣнадцать оруженосцевъ, Автандиль одного только вѣрнаго Шермандина; охотникамъ велѣно устроить обширную облаву и высмотрѣть больше звѣрей. На разсвѣтъ Автандиль, весь вооруженный, въ золотой чалмѣ и пурпуровой одеждѣ, явился на бѣломъ конѣ, подъ окномъ Царя, и звалъ его на ловлю. Толпы любопытныхъ наполняли поле; Государь велѣлъ своимъ придворнымъ вести вѣрный счетъ выстрѣламъ и сравнивать раны на охотѣ. Описанія ея достойны эпической кисти старца Омира.

Вотъ ужъ стекается дичь, гонимая шумной облавой...
Пестро и огромно все стадо: тутъ прыгаютъ легкія серны.

Вѣтвисторогатый олѣнь и канджаръ и пугливия козы;

Соперники прявули къ нимъ... смотрите картина прекрасна!

Вотъ луки и стрѣлы въ рукахъ, вращаемыхъ съ ловкою силой;

Копытами взрытая пыль клубится и день омрачаетъ,
Свистящія стрѣлы летятъ, окровавляютъ все поле,
Пустые колчаны Царя и вождя наполняютъ стрѣлами;

Подстрѣленный звѣрь недвижимъ, онъ падаетъ тутъ
же на нѣсть.

Помчались по луку, согнали звѣрей въ необъятную
кучу,
И били ихъ грудами тутъ, такъ что прогнѣвали Бога.
Багровѣло поле отъ крови, соперники облиты ею,
Младой Автадилъ, какъ чинарь багряноцвѣтущій
въ Эдентъ.

Но вотъ Ростеванъ съ Автадилонъ ужь минули
поле до края,
За полемъ струится рѣка и скалы нависли надъ нѣю,
Пугливые звѣри бѣгутъ и кроются въ лѣсъ недо-
ступный,
Отстали отъ нихъ два ловца, утопленные долгою
битвой.
Они говорили другъ другу съ улыбкой: победа за
ншою.
И шутки нѣялись у нихъ какъ у равныхъ товари-
щей поля.

Они спрашиваютъ у прислуги, кто изъ
нихъ побѣдитель? и оруженосцы, не стра-
шась царскаго гнѣва, объявили, что изъ
двухъ тысячъ звѣрей, убитыхъ въ облавъ,
сощитали они двадцать стрѣлъ Автадило-
выхъ болѣе нежели царскихъ, и Царь цѣ-
нилъ слова ихъ, какъ нѣкій выигрышъ:

Онъ радовался побѣдѣ питомца и любовался имъ, какъ соловей своей розой. Оба съѣли отдохнуть подѣ тѣнию дерева, на берегу потока. Здѣсь начинается завязка поэмы: Аравійскій Царь видитъ юношу, носящаго барсову кожу, которая даетъ это названіе всему творенію Руставеля.

Смотрятъ, а юноша дивный сидитъ надъ потокомъ
и плачетъ,
Покоясь какъ левъ, въ поводу онъ держитъ коня
воронаго,
Оружье, сѣдло и приборъ, разубраны жемчугомъ
пышно.....
Плачь сердца слезами тоски обрызгалъ свѣжую розу.

Могучіе члены красавца окинуты кожей барса
И барсовой кожей покрыто чело молодого героя;
Съ низъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Го-
ліаѳа...
Узрѣли и взоровъ отвѣсть не могли, удивляясь ви-
дѣнью.

И посланъ слуга пригласить юношу полного скорби,
Поникшаго блѣднѣмъ челомъ, съ очами безъ жи-
ви и зора,
Слезы хрустальнымъ дождемъ каплютъ съ рѣсницъ
его черныхъ...
Слуга подошелъ и молчитъ, не до рѣчей ему стало.

Тутъ море тоски, онъ не можетъ слышать послан-
нина рѣчи,
Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, рассыпанныхъ
вдоль по зарѣчью;
Непостижимо рыдало то сердца, упавшее въ пламя,
Плачь съ кровью изъ глазъ выступалъ, какъ волны
сквозь щели преграды.

Проникнутый ужасомъ рабъ донесъ ему царскую во-
лю,
А юноша плача не внемлетъ, онъ чуждъ впечатлѣ-
нiя жизни,
Далеко леталъ онъ душою подъ врачнымъ влiянiе-
мъ дуны.
Осѣбился посланный вновь донести ему зовъ Госу-
даря...
Онъ усть не раскрылъ, этихъ усть, подобныхъ мла-
денчеству розы.

Оскорбился Царь, пренебреженiемъ его
зова, и велѣлъ двѣнадцати оруженосцамъ
силою привести къ нему сидящаго у по-
тока; тогда только очнулся незнакомецъ,
услышавъ звукъ оружiя, тяжело вздох-
нулъ,

Руку лишь поднялъ къ очамъ, слезы горячiя вы-
жалъ,
Поправилъ оружье, потомъ ободрилъ мускулистыя
руки,

Съѣзъ на коня и поѣхалъ сторожкой, не бросивъ на
стражу
Ни взора вниманья, Царю не выгнчивъ сердца въ
недугъ.
Но воины руки простерли, чтобъ взять молодого
упрянца.....
Горе! что съ ними сбилось, то видѣть врагу бы-
ло бѣ жалко!
Онъ билъ другъ объ друга ихъ всѣхъ, для помо-
щи не было нига;
Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самымъ
груди.....

Разгнѣванный Царь устремился за нимъ
въ погоню со всеми воинами; но Барсова
кожа металъ людьми въ людей и въ прахъ
обращалъ настигавшихъ:

А самъ онъ, горлъ и безпечень, ѣдетъ и зыблется
станомъ,
Конь его движется тише, чѣмъ лучъ разостлавшій-
ся въ полѣ.
Увидѣвъ же близко Царя, стегнулъ онъ кнутомъ
свою лошадь,
И выгонъ отъ взоровъ исчезъ какъ молвія! — По-
хоже то было,
Что онъ или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ прова-
лился сквозь землю;
Искали слѣдовъ, не нашли и слѣда забытаго въ
полѣ;

комць, который, истребивъ его воинновъ,
изчезъ предъ ними, какъ духъ.

«И сладость даровъ Всенногущаго стала мнѣ горестью
лютой,
Забылъ я тѣ дни, когда жизнь мнѣ улыбалась крот-
кими весельемъ.»
Но дочь говорить: «доложу мое неразумное слово;
Къ чему, Государь, безъ нужды роптать на судьбу
и на Бога?
Свершится ли бѣдствіе съ тѣмъ, кто былъ виновни-
комъ блага?
Отецъ мой, вы Царь надъ Царями, обширна Ара-
вія ваша,
Пошлите повсюду гонцевъ развѣдать о томъ незна-
комцѣ,
И скоро вы будете знать, человекъ онъ или духъ
бестѣлесный?»

Гонцы разосланы по всѣмъ предѣламъ
Аравіи, и спустя годъ возвратились съ вѣ-
стію, что нигдѣ не могли найти чуждаго
юношу, въ барсовой кожѣ.

Царь выслушалъ все и сказалъ: «судро судила Ца-
рица.
Считающій духъ то предсталъ, отверженный высл-
ни неба,

И онъ то немя обаялъ парождеиенъ слымъ нечистой.
Покинемъ же грусть и печаль и будемъ счастливы
какъ прежде!»

Но спокойствіе Царя не успокоило великой души его дочери; она непременно хочетъ узнать, кто былъ наконецъ этотъ таинственный витязь, и выборъ ея палъ на Автандила, для исполненія сего труднаго подвига.

Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небреженъ сидѣлъ въ своей спальнѣ,
Безпечно онъ пѣлъ, подъ перстами звучала стогласная арфа...

Вдругъ быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тинатини:
«Чинаровый станъ, онъ сказалъ, встань и иди къ лунолицкой!»

Судьба привела, наконецъ, Автандилу быть позвану къ милой.
Онъ всталъ и одѣлся въ кабу, драгоцѣннѣйшей ткани Востока.

Онъ радъ, онъ спѣшитъ въ первый разъ на свиданіе къ розѣ...
О сладко любезную видѣть и сердцемъ быть близко къ желанной!

Съ достоинствомъ чистой души идетъ Автандилъ величавый
Къ тѣмъ взоранъ, чей лучъ испорочный такъ много далъ слезъ ему тайныхъ.

Она, несравненная, краше луны перловидной, сидла,
И будто сурова, красуясь, какъ молнья блестяла
очами.

Какъ скромно и вмѣстѣ какъ нѣжно
невольное сознаніе ея любви, ради коей
она требуетъ отъ своего витязя, идти успо-
коить родителя и отыскать по бѣлому свѣ-
ту, незнакомца въ барсовой кожѣ.

«Хотя на устахъ у тебя лежитъ заповѣдная тайна,
Но слухи дошли до меня о чувствѣ, хранимомъ то-
бою:
Я знаю, глаза непрерывно свой жемчугъ кропятъ на
ланиты;
Ты розой уколотъ, ты любишь и страдаешь въ плѣ-
ну твое сердце.

Исполни же просьбу мою, вдвойнѣ я владѣю тобою:
Ты подданный мой — и тебѣ нѣтъ соперника въ
царствѣ;
Потомъ, говорить ты влюбленъ... но надежны ли
слухи объ этомъ?
Ищи же, далеко ли близко ль, гдѣ бѣ ни былъ не-
чезнувшій воинъ.

Три года дано тебѣ срока: иди, выполни неру-
ченъе:
Отыщешь, лети побѣдитель, съ веселою вѣстью къ
Царицѣ,

Не смущень — повѣрю, то правда, онъ духъ безтѣлесный, незримый!
И розу тебѣ сохранию, какъ даръ непорочный и чистый.»

Восторгъ юноши, которому впервые открылось все его счастье, описанъ слишкомъ цвѣтистыми красками Востока, чтобы можно было передать ихъ вѣрно на языкъ, не привыкшемъ къ такимъ выраженіямъ; но печаль разлуки описана болѣе доступною кистию. — Автандилъ является къ Царю и проситъ дозволенія идти сражаться съ его врагами, обвѣщая поразить ихъ въ сердце, могучимъ мечемъ Тинатинны, чтобы всѣ народы въдали ея славу; и Царь его отпускаетъ съ честью, хотя не безъ тайной скорби. Двадцать дней и ночей въхалъ отважный путникъ,

И всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ его сердцѣ.

Онъ имѣлъ на границѣ городъ, крепкій и страшный для сосѣдей; тамъ, собравъ войска на тридневную ловлю, открылъ вѣрному другу Шермандину тайну своего сердца.

«Я холодею, я жажду служить лучезарной Царицѣ
Арабовъ;
Она утолила мой огонь отраднымъ слезамъ надежды,
И я ль уклонюсь отъ бѣды, я ль не пойду къ ней
отважно?
Надежныхъ гонцевъ отъ себя посылай къ Царю за
вѣстями,
И всякую мысль устрани, что ибѣтъ меня здѣсь на
границѣ;
Въ охотѣ и битвахъ своихъ старайся быть сход-
нымъ со мною,
Свято храни мою тайну и жди меня ровно три года;
Если чинаръ не падеть, онъ вновь осѣнитъ тебя
тѣнью,
Если же въ срокъ не вѣрнусь, плачь по мнѣ во-
племъ посмертнымъ
И бѣднымъ раздай по душѣ богатую милость казною.»

Съ трепетомъ услышалъ Шармандинъ
последнюю волю любимаго вождя; напрас-
но умолялъ онъ Автандила, позволить ему
раздѣлить съ нимъ славный подвигъ; гор-
до отвѣчалъ юноша :

«Одинъ я Царицею посланъ, одинъ я свершу мое дѣло;
Не сыплется даромъ жемчугъ, когда онъ не куп-
ленъ трудами;
Бѣдствіе губить равно одного человѣка и многихъ.
Наду ль и одинъ, если Богъ сохранитъ меня сла-
ми неба?»

Онъ послалъ трогательное зазвѣщаніе
своему народу, поручая его на время вѣр-
ному намѣстнику Шармандину:

«На время рѣшился я бросить радости вѣги и чаши,
А щипцу свою возложить на промыслъ, да лукъ съ
тетивою.

Лежать на мнѣ брѣня и долгъ покинуть родины
горы,

И можетъ быть нѣсколько лѣтъ одинокинъ быть
странникомъ въ мірѣ.

Да будетъ вамъ вмѣсто меня Шармандинъ мой на-
мѣстникомъ царства,

Пока отъ меня не получатъ онъ вѣсть о судьбѣ но-
ей теньюй».

Окончивъ завѣтъ сей, онъ водозвучный и сладко-
рѣчивый,

Собрався въ безвѣстный свой путь, всталъ опоя-
сався златомъ,

Выйдя на лугъ, онъ вскочилъ на коня, повернулъ
его ловко

И быстро пошелъ въ свой путь одинокій... А въ
мысляхъ печальныхъ

Всюду была съ нимъ она, чей пламень горѣлъ въ
его сердцѣ.

Такова первая пѣснь этой восточной
поэмы, исполненной вдохновеніемъ пала-
щаго неба Грузин, и любовію сердца Ру-
ставеля. Къ сожалѣнію, я не могъ про-

честь остальныхъ ея пѣсень, еще ожидающихъ перевода того же поэта Барддинскаго. Если есть нѣкоторыя погрѣшности въ гекзаметрахъ, это не мѣшаетъ однако достоинству самой поэмы. Дадіанъ, который передавалъ ему мысли и слова, съ языка чуждаго переводчику, будучи самъ проникнутъ родною поэзіею, умѣлъ отгадывать свойственныя ей выраженія на языкъ Русскомъ, не вполне ему извѣтномъ. Онъ непрестанно твердилъ мнѣ стихи Руставеля, и я съ удовольствіемъ внималъ имъ на самыхъ мѣстахъ, прославленныхъ его лирой, предъ остатками палаты той великой Царицы, которой посвятилъ онъ чистые восторги своего сердца. Нѣкоторыя черты его поэмы какъ бы олицетворились передо мною въ слѣдующее утро, на праздникъ народномъ въ Хони, гдѣ древній бытъ Имеретіи представалъ мнѣ въ играхъ и ристалищахъ, подобныхъ тѣмъ, какія описывалъ Руставель въ своей Барсовой кожѣ.

Х О Н И.

Всѣ почетные жители Кутанса устремились на праздникъ Св. Георгія, за 30 верстѣ въ селеніе Хони. Церковь его весьма древняя, вросшая въ землю, основана была еще въ первые вѣка Христіанства, по случаю победы, одержанной Лазами надъ Гуннами, которые вторглись въ Колхиду изъ за Кавказскаго хребта. Но преданіе народное, не охотно восходящее дальше Тамари, приписываетъ и сію церковь ея благочестію. Мы посѣли къ началу объѣд-

ни; Владѣтель Абхазіи ожидалъ насъ въ тѣсномъ храмѣ, исполненномъ народа; три священника служили литургію, но, не смотря на большое стеченіе богомольцевъ, не было великолѣпія въ утвари церковной. По окончаніи службы, покамѣть духовенство собиралось выдти для молебна, на обширный лугъ передъ храмомъ, мы поспѣшили осмотрѣть его древности. Мало стѣнной живописи сохранилось, кромѣ какъ въ алтарѣ, гдѣ еще видѣнъ на горнемъ мѣстѣ Деисусъ съ Ангелами, приобщеніе подъ двумя видами и Пророки въ кругахъ. Замѣчательна, на лѣвой стѣнѣ у иконостаса, древняя икона Великомученика въ ростъ, въ $2\frac{1}{2}$ аршина, изъ выпуклаго чеканнаго серебра. Онъ изображенъ стоящимъ, а не на конѣ, ибо такой образъ писанія гораздо новѣе. На немъ броня чешуйчатая изящной работы, съ наручниками и поножами, во вкусъ рыцарскихъ вооруженій; мантия поверхъ брони; одною рукою онъ держитъ копьѣ, другою опирается на кованый щитъ. Спаситель съ Ангелами изображенъ надъ его главою, въ

серебряномъ полѣ. По надписи видно, что великоличный окладъ пожертвованъ Царемъ Георгіемъ, сыномъ Баграта Куропалата, въ лучшую эпоху искусства. Еще одна надпись свидѣтельствуетъ о вторичномъ украшеніи иконы:

«Велика слава Господа, который далъ намъ силу достойно служить ему; но ты, для твоего Владыки, въ каждый изъ трехсотъ шестидесяти пяти дней, непрестанно мучился и, въ воздаяніе за сіи мученія, толкократнымъ же числомъ чудесъ одаренъ, о вѣрный служитель Св. Троицы, глава мучениковъ Св. Георгій Хонскій! Съ надеждою къ тебѣ прибѣгаю, я властитель Леванъ Дадіанъ, чтобы ты не удалилъ милости твоей, въ сей жизни, отъ меня и отъ супруги моей; сохрани и даруй мнѣ побѣду.»

Къ сему большому образу прислонена малая икона Божіей матери, такъ называемая Анчислатская, вѣроятно потому что перенесена была изъ Тифлисскаго собора сего имени. Тутъ же и выносный крестъ Царя Баграта, съ ликами Господа и сян-

тыхъ, выкованный изъ серебра при Архиепископѣ Захаріи, какъ видно изъ надписи. Есть еще одна небольшая икона Св. Георгія на конѣ, въ иконостасѣ, драгоценная по своему украшенію изъ крупной бирюзы. Она была пожертвована великимъ Леваномъ Дадіаномъ, по случаю его победы надъ соединенными силами Царей Имеретинскаго и Кахетинскаго, при замкѣ Багдадѣ близъ Кутанса. Такъ гласитъ громкая надпись на задней доскѣ:

«Седьмикратно непобѣдимый великомученикъ Св. Георгій Хонскій и Анчисхатскій! пожертвовали и поставили въ храмъ твою, образъ сей, мы, Государь Дадіанъ Леванъ, въ то время, когда сражались въ Багдадѣ, противъ Царя Георгія и Кахетинскаго властителя, и силою твоею мы побѣдили: самага Царя взяли въ плѣнъ и всѣхъ Имеретинскихъ и Кахетинскихъ вельможъ, а нѣкоторые ушли; Царь же Кахетинскій былъ Теймуразъ и при немъ его дѣти. Въ тоже время взяли мы городъ Чхари и всѣхъ жителей перевели въ Зугдидъ, построили и украсили го-

родъ Ругскій. Нынѣ же пожертвовали и поставили сію икону, въ храмъ твоемъ, и еще даровали въ Хони одинъ дымъ, ради долгоденствія нашего, и супруги нашей Царицы Нестанъ-Дареджани, и сына нашего первороднаго Александра и Манучара, дабы они возрасли, и ради отпущенія грѣховъ моихъ; совершенъ же и украшенъ въ годъ хроникона 324 (1636)».

Икону сію, съ большимъ торжествомъ, вынесли на обширный лугъ, осѣненный вѣковыми липами, посреди селенія, для того чтобы весь народъ могъ участвовать въ молитвѣ; самая мѣстность благопріятствовала въ Хони такого рода собраніямъ. Величественно было это молебствіе подъ открытымъ небомъ, въ тѣни столѣтняго дерева, при вѣяніи церковныхъ хоругвей. Около духовенства составилъ тѣсный кругъ конныхъ и пѣшихъ, изъ почетныхъ князей Имеретіи, въ полномъ вооруженіи; толпа народа покрывала всю обширную площадь, въ глубокомъ безмолвіи, и только послѣ молебна послышались радостные выстрѣлы. Когда окончилось богослуженіе,

начались игры, не измѣняющіяся съ незапамятныхъ временъ и какъ бы освященныя Церковію. Клирики вынесли изъ храма огромный мечъ и бросили его въ толпу; народъ раздѣлился на двѣ стороны: каждая хотѣла отвлечь къ себѣ мячъ. Та, которая гнала его обратно къ церкви, принадлежала дому старшихъ князей Имеретинъ, Сехніи; на противоположной сторонѣ были всѣ прочіе Имеретинскіе князья. Девяностолѣтній старецъ Сехніа, представитель своего рода, сидѣлъ подъ деревомъ, окруженный домашними, и возбуждалъ народъ взглядомъ и рѣчью, ибо успѣху или неудачѣ суевѣріе народное приписывало благоденствіе и несчастіе цѣлаго года. Свалка сдѣлалась ужасная: конные и пѣшіе бросались на мячъ и палками старались отогнать его въ свою сторону; многіе падали подъ лошадей, дикими воплями оглашалась вся площадь. Два раза партія Имеретинская отбивала мячъ и оба раза одолевалъ Сехніа. Наконецъ клирики, воспользовавшись близостію мяча къ церкви, выхватили его изъ рукъ народа и поспѣш-

Часть III.

11

но унесли во внутренность храма, чтобы успокоить волнение.

Немного спустя начались конскія скачки. Надобно видѣть нарядную одежду Имеретина, чтобы понять всю прелесть сего ристанія: верхняя темная чуха его, съ серебряными галунами и патронами, стянутая поясомъ съ золотыми насѣчками, обнаруживаетъ въ одно время и широту богатырскихъ плечъ и стройность гибкаго стана, созданнаго для тѣлесныхъ упражненій. Легкая сафьянная обувь, какъ будто вылита по щегольской ногѣ, замѣчательно малою въ сравненіе высокаго роста Имеретинъ; она вооружена острою шпорой, мучительною для лошадей, по короткости Азиатскихъ стремянъ, безъ которой однако никто изъ наездниковъ не садится на коня. Странно, откуда этотъ рыцарскій обычай могъ проникнуть на Черное поморіе, когда въ соседней Грузіи и Арменіи никто не носитъ шпоръ. Густые, развѣивающіеся волосы украшены, а не покрыты, плоскою круглою шапочною, съ серебряными узорами по черному полю и съ краснымъ шел-

боемъ, которая едва держится на тонкомъ шнуркѣ; она придаетъ много оригинальной красоты правильнымъ лицамъ, съ ихъ черными усами и огненнымъ взоромъ. Многіе изъ нихъ казались списками съ лица Багратова, которое такъ впечатлѣлось въ моей памяти послѣ фресковъ Гелата, и можетъ служить вѣрнымъ типомъ Имеретинскаго облика. Эта шапочка, которую одинаково носятъ всѣ жители поморія, Имеретины, Мингрельцы и Абхазцы, есть нечто иное, какъ древняя скіавія Грековъ, и безъ сомнѣнія перешла отъ нихъ въ покоренную ими Колхиду.

Ристаніе началось скачкою въ запуски: два ряда всадниковъ выстроились на лугу; промежду нихъ носились, по два и по три, самые отчаянные наѣздники, на быстрыхъ Имеретинскихъ бачахъ и кровныхъ Карабахскихъ жеребцахъ; ихъ сбруи и сѣдлы блистали Азіатскою роскошью. Нѣсколько разъ летали взадъ и впередъ тѣ же всадники, при одобрительныхъ кликахъ народа, и судьи изъ князей провозглашали побѣдителей. Другой награды не было и не

искали; каждый оставался доволенъ своимъ удалствомъ. Послѣ скачки составилъ кружокъ для иной конной игры, собственно Арабской, джериды. Отборные всадники, на лучшихъ коняхъ, раздѣлились на двѣ дружины, и одинъ за другимъ выскакивали впередъ, чтобы бросить длинную палку въ противника; быстро, на всемъ скаку, обращали они своихъ коней и какъ вихрь кружились кони на заднихъ ногахъ; но отъ строгости удилъ и шпоръ много страдали, подъ своими ловкими всадниками. Два молодыхъ князя особенно отличались съ обѣихъ сторонъ: одинъ, на золотистомъ конѣ Карабахскомъ, въ зеленой бархатной чухѣ, не старше пятнадцати лѣтъ, всѣхъ искуснѣе металъ джеридъ; другой, нѣсколько по-старше, на бѣломъ конѣ, въ пестромъ ахалукѣ изъ Персидской шали, изумлялъ своимъ наездничествомъ. На нихъ обращено было общее вниманіе, и дѣйствительно всѣ ихъ движенія были картинны, особенно когда съ мѣста пускали коня или внезапно осаживали его другъ передъ другомъ. Тотъ, что на бѣломъ ко-

нѣ, долженъ былъ еще всякій разъ съ нимъ бороться, когда хотѣлъ двинуть впередъ: какъ только вонзалъ шпоры раздраженный всадникъ, бурно взвивался подъ нимъ его конь, съ такими дикими прыжками, что казалось не могъ опъ усидѣть; но всадникъ какъ бы приросъ къ сѣдлу, гибкостію стана слѣдуя за всѣми движеніями лошади и, новыми усиленными ударами шпоръ, побѣждалъ ее упорство, прежде нежели состязаться съ соперникомъ; на лицѣ его была написана увѣренность въ своемъ искуствѣ, съ чувствомъ самодовольствія, что столько было свидѣтелей его побѣды.

Игра продолжалась, доколѣ наконецъ утомленіе всадниковъ и ихъ коней не заставило ее прекратить. Тогда начались хоророды и пляски, отдѣльными кружками подъ тѣнію липъ, и веселье не прерывалось до самаго вечера.

МИНГРЕЛИЯ. МАРТВИЛЬСКАЯ ОБИТЕЛЬ.

Не болѣе 15 верстѣ отъ Хони до Мартвилья, каедральной обители Епископовъ Мингрельскихъ и вмѣстѣ погребальной для рода Дадіановъ; но нельзя было переѣхать черезъ бурную рѣку Цхени-цкали, или конскія воды, которая до такой степени поднялась отъ дождей, что даже не всякій отважный всадникъ рѣшался ее переплыть. Мы принуждены были спуститься 20 верстѣ, по лѣвому ея берегу до Марани, гдѣ хо-

дить паромъ, потому что тамъ бурный потокъ дѣлается болѣе спокойною рѣкою: это граница Имеретіи и Мингреліи. Поданные Дадіана встрѣтили брата своего владѣтельнаго Князя, со всеми знаками любви и уваженія; верховыя лошади, посланные къ намъ на встрѣчу Владѣтелемъ, ожидали на противоположномъ берегу. Я отправилъ коляску до устья Цхени-цкали, чтобы спустить ее по Ріону въ Редуть-кале, и верхомъ продолжалъ путешествіе по Мингреліи. Великолѣпная растительность поражала при первомъ шагѣ: густой лѣсъ, изъ самыхъ роскошныхъ деревъ юга, тянулся вдоль берега, перевитый весь лозами дикаго винограда. Солнце садилось, когда мы ступили на землю Мингрельскую; мнѣ пріятно было видѣть радость Дадіана, какъ только почувствовалъ себя на родной землѣ; онъ не могъ насытиться бесѣдою съ окружающими его соотечественниками, которыхъ свободное обращеніе было однако проникнуто глубокимъ благоговѣніемъ, что совершенно свойственно Востоку. Первую ночь провели мы въ Марани, въ дубовомъ

домъ, устроенномъ Владѣтелемъ, по случаю частыхъ своихъ проѣздовъ.

Рано собрались мы въ путь, чтобы засвѣтло достигнуть Мартвиля, отъ котораго отдалились почти на 40 верстъ, а намъ еще надлежало посѣтить дорогою Епископа Мингрельскаго Антонія, изъ рода Дадіановъ, въ его помѣстьи, гдѣ ожидалъ насъ Владѣтель Абхазіи. Селеніе Антопъ разсыяно въ чащу лѣса, около убогой деревянной церкви, и двѣ небольшія избы, похожія на Малороссійскія хаты, составляли лѣтнее жилище Епископа; онъ уступилъ одну изъ нихъ Владѣтелю. Послѣ обильной трапезы, Антоній, предложилъ намъ свою коляску до Мартвиля, и не смотря на дурныя дороги, мы довольно рано успѣли въ обитель, чтобы насладиться ея очаровательнымъ видомъ, еще до захожденія солнца. Издали она уже видна на высокомъ холмѣ, поросшемъ лѣсомъ, который подымается одиноко и какъ бы назнаменованъ для великаго событія. И дѣйствительно оно совершилось: по мѣстнымъ преданіямъ, на этомъ холмѣ водрузилъ Св.

Апостолъ Андрей Первозванный первый крестъ въ предѣлахъ Мингреліи, какъ у насъ на горахъ Кіевскихъ, срубивъ древній дубъ, осѣнявшій языческое требище: посему церковь носить названіе Чконъ-диди, т. е. большого дуба, и это обратилось въ титулъ епархіи, ибо Епископы Мингреліи называются Чконъ-дидели; Мартвиль же есть болѣе древнее наименованіе мѣста, и означаетъ по Мингрельски мученика, потому что до проповѣди евангельской, тутъ приносились человѣческія жертвы, и вѣроятно это самое побудило Апостола, избрать сіе мѣсто для водруженія искупительнаго креста.

Нельзя было иначе подняться на вершину холма, какъ только верхомъ или пѣшкомъ, въ чащѣ лѣса, переплетеннаго виноградными лозами; онъ перебѣгали съ дерева на дерево, связывая ихъ роскошными плетеницами, въ одну очарованную дубраву; кое-гдѣ были разсыяны хижины и разнообразили собою дикую прелесть холма. На усѣченной его вершинѣ, пѣкогда

обнесенной стѣнами и недоступной по своимъ обрывамъ, возвышается древняя обитель, въ которую нельзя иначе проникнуть какъ сквозь тѣсныя врата колоколни. Но какіе очаровательные виды открываются во все стороны, съ западной площадки холма, осыненнаго тремя вѣковыми дубами! Вся Мингрелія и Имеретія у ногъ вашихъ до самаго моря; къ полдню излучистое теченіе Цхени-цкали рисовалось, какъ бы на картѣ, по долину Мингрельской, и бѣгли Хони съ окрестными селеніями; горы Гурійскія кончали горизонтъ, а ближе къ западу, на тройной вершинѣ холмовъ, видѣлись развалины Наколакеви, древней столицы Медин, и море, въ вечернихъ лучахъ солнца, золотою чертою довершало картину. Къ сѣверу живописное ущеліе Абаши манило въ дальній свѣжный хребетъ Сванетскихъ горъ, которыми грозился старецъ Кавказъ, а на востокъ тянулась другая его мощная отрасль Лечгумская, съ свѣтлою вершиною Квамли, одного изъ семи исполиновъ горнаго хребта. Все сіе чудное зрѣлище, угасавшее предъ нами вмѣстѣ съ

солнцемъ, возсіяло опять изъ утреннихъ тумановъ, съ первыми лучами дня.

Настоятель Мартвильскій съ семью иноками, которые составляли все братство обители, встрѣтили торжественно брата своего Владѣтеля, и отпѣли для него панихиду надъ гробомъ родителей. Грустно было первое впечатлѣніе погребальнаго монастыря, для Дадіана, который лишился сперва матери а потомъ отца, во время долгаго своего отсутствія въ Россіи; я старался, сколько можно, сократить пребываніе наше въ церкви, чтобы не возбуждать въ немъ печальныхъ думъ. Соборная церковь, во имя успенія, не обширна и напоминаетъ внутреннимъ устройствомъ Сіонскую, что въ долину Атенской. Если вѣрять Греческой надписи, начертанной красными буквами, при входѣ въ жертвенникъ, то должно почитать основателемъ храма Константина великаго, ибо онъ тутъ изображенъ держащимъ въ рукахъ церковь, а надпись гласитъ: «Константинъ Государь создалъ Чкон - дидскую церковь.» Трудно однако отнести къ его времени храмъ

сей, хотя и весьма древній. Въ лѣтописи Грузинской Вахуштіа сказано, что его соорудилъ Георгій Владѣтель Абхазскій, отецъ Константина, провозглашеннаго Царемъ Карталинскимъ въ X вѣкъ, и весьма вѣроятно, что въ подписи подразумѣвается сей Константинъ, украсившій быть можетъ обитель. Паперть, съ двумя придѣлами Архангеловъ и успенія, также погребальными, пристроена гораздо позже, и испортила наружный фасадъ. Есть еще одинъ придѣлъ успенія, въ застѣнкѣ близъ Архіерейскаго мѣста, и Св. Георгія подлѣ алтаря, гдѣ теперь ризница.

Главный престолъ мраморный, на пяти столбикахъ, воздвигнутъ надъ корнемъ дуба, срубленнаго Апостоломъ, и это преданіе должно быть близко Русскому сердцу, по сходству отечественныхъ воспоминаній. Великолѣпное евангеліе Св. Георгія Сятогорца, подобное тому что въ Гелать, доселѣ служитъ на престольнымъ. Ликъ Влахернской Божіей Матери, съ Архангелами и Святителями, видѣнъ на горнемъ мѣстѣ. Чудотворная икона Мартивильской Богомате-

ри хранится въ церкви, въ особенномъ кивотѣ: она представлена стоящею, съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ и Ангелами по сторонамъ; около нее, въ эмалевыхъ кругахъ, изображены верховные Апостолы и Евангелисты и Св. Мартиніанъ и Тарасій, вѣроятно бывшіе патронами первыхъ украсителей иконы, а на позлащенномъ, новѣйшемъ ея окладѣ, изваяны чеканною работою Св. Троица, тѣ же Апостолы и Святители Николай и Спиридонъ; тутъ же, промежу драгоцѣнныхъ камней, вставлены два камня отъ Св. гроба, и два креста съ частями животворящаго древа. Икона сія есть заветная святыня всей Мингреліи и къ ней съ большимъ усердіемъ стекаются богомольцы. Подлѣ нее, въ деревянномъ кивотѣ, хранится еще одинъ древній образъ Богоматери, въ золотой ризѣ, перстъ Іоанна Предтечи, два жемчужныхъ креста и наная, съ животворящимъ древомъ. Святыня сія, какъ гласитъ надпись, ввѣрена храненію Пречистой Дѣвы Мартивильской, Митрополитомъ Гавріиломъ, сыномъ Бежана Дадіана, который собралъ кресты из-

давня утраченныя и вновь ихъ украсилъ, внушая своимъ преемникамъ носить ихъ во время богослуженія; но строгая клятва произнесена имъ, на тѣхъ изъ Дадіановъ, Епископовъ или Князей, которые когда либо осмѣлятся взять сіе сокровище изъ обители.

Мѣстная икона Богоматери довольно богато украшена Епископомъ Евдемономъ, изъ рода Абакидзе, въ 1651 году, судя по молитвенной надписи. — Онъ просить превышшую Херувимъ, принять отъ него сіе даяніе, какъ божественный Сынъ ея принялъ двѣ лепты отъ вдовицы. Храмовой образъ Спасителя недавно украсенъ Митрополитомъ Гаврииломъ, при покойномъ владѣтель Леванъ, и все его семейство поименовано въ молитвѣ, въ низу образа. Есть еще три малыя иконы Богоматери, богато украшенныя надъ жертвенникомъ, въ придѣлѣ Архангеловъ и на гробѣ послѣдней Владѣтельница Марѳы. Надписи почти всѣ одного содержанія; древнѣйшая изъ нихъ относится къ великому Левану:

-«О всепѣтая Божія невеста, Дѣва, пре-

высшая семи небесъ и славнѣйшая Херувимъ, надежда и прибѣжище всѣхъ Христіанъ, Матерь свѣта, пресвятая Мартвильская Богородице! Молю тебя, упованіе мое, я Дадіанъ Леонъ, сынъ Владѣтеля Манучара, который возобновилъ образъ твой, по обстоятельствамъ истертый и разбитый; я велѣлъ оковать его нашимъ серебромъ и вызолотить, осыпать и украсить нашими рубинами и жемчугами, во спасеніе супруги нашей, владѣтельницы Нестанъ-Дареджани, и во оставленіе грѣховъ ея и въ возвращеніе сыновъ нашихъ, Александра и Манучара, и дочери нашей Зилихани; по хроникону 329 года (1662)».

Если кто хочетъ изучить родословіе Дадіановъ, тотъ можетъ прочесть его въ лицахъ, хотя и не полное, на стѣнахъ Мартвильскаго храма, какъ фрески Гелата знакомятъ съ династією Царей Имеретинскихъ. Я говорю не полное, потому что прежнее поколѣніе Дадіановъ, начиная отъ великаго Маміа, въ XIV вѣкѣ, погребалось или въ обители Бедіа, которой развалины еще видны въ Самурзаханской области, или въ су-

ществующемъ донынѣ монастырь Хопи. Тамъ славный воитель Вамекъ собралъ, изъ покоренныхъ имъ земель Черкесскихъ, мраморные остатки Греческихъ колоннъ, которыя доселѣ встрѣчаются въ горахъ на древнемъ торговомъ пути, нынѣ оставленномъ. Второе поколѣніе Дадіановъ, потомковъ Липарида, который объявилъ себя независимымъ, послѣ раздѣленія Грузіи въ XV вѣкѣ, избрало себѣ усыпальницею горную обитель Челинджихи, въ сѣверной части Мингреліи; тамъ и доселѣ видны ихъ гробовые памятники, съ изваянными сверху фигурами усопшихъ, какъ въ рыцарскихъ склепахъ запада.

Предпоследній Князь сего рода, великій Леванъ, знаменитый въ XIV вѣкѣ своими побѣдами надъ Царями Имеретин, горько прославился и преступленіями: изувѣчивъ первую жену свою, Княжну Абхазскую, отнялъ онъ у дяди супругу его Дареджанъ, которая не уступала красотою и пороками Имеретинской Царицѣ сего имени. Не было благословенія Божія незаконному браку; всѣ дѣти умирали отъ

разслабленія, а внукъ его, юный Леванъ, лишенъ былъ престола родственникомъ Вамекомъ. Но сей Вамекъ не умѣлъ воспользоваться дружескимъ союзомъ съ Шахъ-Навазомъ, сильнымъ Царемъ Грузіи, который посадилъ сына своего Арчила на престолъ Имеретинскій и хотѣлъ женить его на дочери Вамека. Любовь ея къ одному изъ князей Мингрельскихъ, разстроила честолюбивый замыслъ отца и лишила его престола и жизни: раздраженный отказомъ Шахъ-Навазъ, наступилъ на него со всеми силами; Вамекъ бѣжалъ въ горы Сванетскія и тамъ былъ умерщвленъ, а дѣти его удалились въ Россію, гдѣ продолжался отъ нихъ родъ Дадіановъ. Внукъ великаго Левана получилъ опять область отца, но съ нимъ пресѣклось второе поколѣніе Владѣтелей. Князья Чекваны, родственники по женской линіи, сдѣлались правителями Мингрелии, и первымъ изъ нихъ былъ великій Кація, коего имя повторялось въ новой династіи; не только третій изъ нихъ принялъ званіе Дадіана, означающее Владѣтеля. Родъ сей избралъ себѣ погребальнымъ мѣстомъ оби-

тель Мартвильскую. При входѣ съ сѣверной стороны, написаны на стѣнѣ Кацїи Дадїанъ и супруга его Сеудїа, тутъ погребенные, и сынъ ихъ Георгїй съ женою Еленою, родители покойнаго Владѣтеля Левана. Надъ ихъ ликами есть на стѣнѣ молитвенное воззваніе къ Матери Божїей:

«О ты, превысшая семи небесъ и славнѣйшая Херувимъ, отъ которой прозябъ плодъ, освящающій неплодныхъ, стирающій проклятїе Адамово и расторгающій узы, его связавшіе, и въ благословенїе ихъ обращающій! Ты, обиталище Духа Святаго, ковчегъ священной скинїи, которую назвагъ Исаїи легкимъ облакомъ, лѣствицею возводящего на небо, чрезъ которую Богъ сошелъ на землю, Мартвильская Богородица, подобная небесамъ! я, надѣющійся на твое храненїе, Владѣтель Легхума и Саннасара, Салипартїана и всей Мингрелїи.....» (остальное стерлось).

При выходѣ изъ церкви намъ представилась башня, на самомъ обрывѣ холма, къ верхнему ярусу ея была приставлена

снаружи деревянная лѣстница, съ сломанными ступенями, которая колебалась отъ сильнаго вѣтра, такъ что по ней опасно было подыматься. Въ этой башнѣ спасается столпникъ, при малой церкви великаго столпника Симеона, котораго образъ изваянъ надъ входомъ. Имя подвижника Иссей, и онъ недавно переселился въ сіе горнее жилище изъ глубины лѣсовъ, когда упразднилась келлія, по смерти прежняго столпника Романа: и такъ древніе образы подвиговъ, столпниковъ и молчальниковъ, еще не прекратились по ту сторону Кавказа. Отъ подножія сей башни видна была въ лѣсу, на сосѣдномъ холмѣ, пустынная обитель Благовѣщенія, одного изъ великихъ тружениковъ Мингреліи, Архіепископа Антонія отъ рода Дадіановъ, который долгое время управлялъ своею паствою, въ минувшемъ столѣтіи, и славился краснорѣчіемъ и святостію жизни. Его простое и неприготовленное слово сильно дѣйствовало на князей и народъ; но старецъ пожелалъ окончить дни въ уединеніи и, устроивъ себѣ обитель въ виду Мартвиль-

ской каведры, уступилъ ее племяннику своему Виссаріону, равно благочестивому, а самъ еще 30 лѣтъ подвизался, въ постѣ и молитвѣ, въ мирномъ жилищѣ, избранномъ имъ на прагъ вѣчности; тамъ почи-ваетъ прахъ его и многіе стекаются ко гробу пастыря, оставившаго по себѣ бла-гую память.

РАЗВАЛИНЫ НАКОЛАКЕВИ.

Въ дубовыхъ келліяхъ Чкондидея (т. е. Епископа Мартвильскаго), убранныхъ въ восточномъ вкусѣ, провели мы ночь и на раз-свѣтъ, насладившись еще однажды очаро-вательнымъ видомъ съ высоты холма, спу-стились въ долину, сквозь чашу виноград-

наго лѣса. Двухдневное путешествіе наше, отъ монастыря до Зугдида, мѣстопробыванія Дадіана, было исполнено патриархальной поэзіи нравовъ Мингрельскихъ, воспоминаній историческихъ и красотъ природы; но первый день особенно изобиловалъ ими и оставилъ во мнѣ впечатлѣніе самое пріятное. Мы нѣсколько отклонились къ северу отъ нашей дороги, чтобы видѣть въ ущелии водопадъ Абаши, и пять верстъ слѣдовали въ верхъ по теченію рѣки, до того мѣста, гдѣ она падаетъ съ камня на камень, въ тѣсномъ руслѣ, подъ навѣсомъ густой дубравы. Два зыбкихъ бревна перекинуты черезъ пѣнящійся потокъ, для отважнаго путника, а внизу кипитъ Абаши, и гложетъ камни, которые сгладила какъ мраморную доску. Если не высокъ водопадъ, то невыразимо дики его бурные порывы и имъ соответствуетъ дикость окрестной природы. Отъ водопада Абаши возвращались мы, внизъ по ея теченію, нѣсколько разъ переезжая рѣку, доколѣ совершенно ее не оставили, въ виду Мартвильской обители, чтобы направиться по-

чти безъ всякой дороги, черезъ поля и овраги, къ развалинамъ Наколакеви.

Первый отдыхъ имѣли мы на высокомъ холмѣ, близъ уединенной церкви, около которой разсыяно было въ лѣсу селеніе Мингрельское. Вдали еще красовалась отовсюду видимая обитель Мартвильская; недалеко, въ чащѣ лѣса, стояли полуобрушенныя башни, сильнаго нѣкогда Бержана Дадіана, который имѣлъ большое вліяніе на дѣла своей родины въ минувшемъ столѣтіи. Насъ провожалъ, по приказанію Владѣтеля, начальникъ участка Мартвильскаго, отъ берега Абаши до берега Техуры. Дадіанъ взялъ съ собою изъ монастыря пятнадцатилѣтняго мальчика, князя Пагаву, чтобы сдѣлать его нукеромъ или пажемъ при своей женѣ, дочери послѣдняго Владѣтеля Гуріи, ибо такого рода служба въ обычаяхъ Мингрельскихъ. Ловкій мальчикъ подавалъ намъ лошадей, держалъ стремя и вмѣстѣ садился съ нами за столъ, какъ это бывало въ феодальныхъ замкахъ, гдѣ отроки изъ лучшихъ фамилій служили при старшихъ князьяхъ. Въ столѣ юномъ

возрасть, Мингрельская отвага обнаруживалась во всѣхъ его дѣйствіяхъ: наканунѣ, когда весьма немногіе изъ взрослыхъ рѣшались на челнокъ переплыть черезъ бурный Цхени-цкали, держа за поводъ своихъ коней, отрокъ смѣло переплылъ рѣку верхомъ, чтобы только полюбоваться скачкою въ Хони. Но аристократическая спѣсь проявлялась въ немъ весьма разительно, при исполненіи нукерской должности. «Есть ли кто при тебѣ?» спросилъ его Дадіанъ. «Никого», отвѣчалъ онъ. — «Но кто же будетъ смотреть за твоею лошадыю?» — «Я взялъ съ собою конюха, опять отвѣчалъ Пагава, но при мнѣ нѣтъ никого изъ нашихъ дворянъ.» Вотъ какъ судилъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, который полагалъ, что для его княжескаго достоинства необходимо имѣть дворянина, хотя самъ онъ былъ не больше коннаго пажа, при братѣ своего Владѣтеля.

На дорогѣ встрѣтили насъ еще два князя Пагавы, родственники отроку, уже преклонныхъ лѣтъ, одинъ на мулъ, другой на лошади. Они долго ожидали нашего пре-

езда въ полѣ, подъ уединеннымъ деревомъ; но, приближаясь къ Дадіану, спѣшились, въ знакъ глубокаго уваженія къ своему природному Князю и цѣловали его въ колено; когда же съѣли опять верхомъ, начали весьма свободно съ нимъ бесѣдовать, называя его только владыкою, Батуни. Мнѣ нравилась такая непринужденность въ обращеніи, соединенная съ глубокимъ чувствомъ преданности. Но и тутъ пренебреженіе къ низшимъ разительво бросалось въ глаза: за князьями бѣжали во всю дорогу ихъ саисы или конюхи, съ тяжелыми бурками на плечахъ, въ самые знойные часы дня, и почти никогда не отставали, на разстояніи многихъ верстъ. Какъ согласить такое рабство съ свободнымъ духомъ народа Мингрельскаго, когда тѣ же саисы обѣдаютъ за однимъ столомъ съ своими господами?

Давно уже представлялась намъ тройная вершина лѣсистой горы, съ развалинами Наколакеви; но дорога къ ней извивалась между полянъ и садовъ теленія, скрытаго въ чащѣ лѣса, и малый потокъ, впа-

дающій въ Техуру, часто пересѣкалъ нашъ путь; наконецъ подѣхали мы къ живописной развалинѣ городскихъ воротъ, поросшихъ густымъ плющемъ, и чрезъ сію триумфальную арку времени, вступили на обширный лугъ, осѣненный вѣковыми смоковницами и липами. Съ одной стороны шумѣлъ быстрый потокъ Техуры, съ другой подымалась крутая гора, вся покрытая лѣсомъ, и на скатъ ея стоялъ многобашенный замокъ. Нѣсколько обрушенныхъ зданій, временъ давно минувшихъ, и нѣсколько новѣйшихъ хижинъ, свидѣтели протекшей славы и нынѣшняго убожества, раскинуты были по свѣжей зелени луга, подъ навѣсомъ деревь. — Это была Наколакеви или Археополисъ, Христіанская столица Лазовъ; это была Эа, языческая столица Колхиды, прославленная чародѣйствами Меден и Цирцеи, куда стремился Язонъ за баснословнымъ руномъ, и гдѣ Улиссъ былъ пѣвникомъ волшебницы Цирцеи, по сказанію Одиссея. Страшно погрузиться въ такую глубокую древность, которая еще звучитъ стихами старца Омира.

Часть III.

12

хальная сцена, достойная временъ Одиссея, представилась намъ посреди развалинъ Эи: тамъ природа, всею своею растительною силой, боролась съ остатками человеческихъ твореній и одолевала ихъ, ибо всякая развалина одѣта была пышною зеленью, какъ иногда люди сами украшаютъ свои жилища, для сельскаго праздника.

Самые почетные изъ Князей Мингрельскихъ, отъ рода Дадіановъ и Пагавы, встрѣтили тутъ брата своего Владѣтеля, котораго еще не видали по смерти его отца. Всѣ они были въ глубокомъ траурѣ, т. е. кромѣ темнаго платья, по обычаю своей земли, не стригли волосъ и не брили бороды, ибо еще не минуло года, послѣ кончины Владѣтеля Левана. Нѣкоторые изъ нихъ были присными усопшаго, распорядителями его домашняго быта и спутниками непрестанныхъ ловлей, которыя страстно любилъ. Арчилъ Дадіанъ, болѣе всѣхъ къ нему близкій, имѣлъ помѣстье по ту сторону Техуры, и былъ какъ бы хозяиномъ сихъ развалинъ. Но въ числѣ Князей, одно старческое лице, также изъ ро-

да Дадіановъ, напомнило мнѣ Нестора Илиады: длинная сѣдая борода его внушала невольное уваженіе. Старецъ, недавно лишившійся сына, единственной своей опоры, еще болѣе согнулся подъ бременемъ лѣтъ и съ трудомъ ходилъ, опираясь на длинный свой посохъ; но и онъ, вспомнивъ прежнюю отвагу, выѣхалъ встрѣтить Князя, и не иначе сѣлся какъ по его приглашенію, воздавая должную почесть его роду. Такое уваженіе столѣтняго старца къ молодому человѣку, потому только что онъ принадлежалъ къ владѣтельному дому, показывало патріархальность нравовъ Мингреліи, еще привязанной къ преданіямъ отеческимъ. Скромная трапеза была приготовлена для насъ подъ роскошною тѣнію смоковницы; всѣ пили изъ серебряныхъ кубковъ, одинъ за здравіе другаго, передавая кубокъ поочередно сосѣду съ низкимъ поклономъ. Это радушное угощеніе, посреди развалинъ, было также исполнено поэзіи Омирической.

Тогда приступили мы къ осмотру развалинъ. Арчилъ Дадіанъ прежде всего

ввелъ насъ въ устье сквозной пещеры, и по ея крутому извивистому спуску, совершенно нечаянно вышли мы къ водамъ Техуры; но здѣсь рѣка казалась озеромъ, потому что она образовала правильную дугу между крутыхъ береговъ, поросшихъ лѣсомъ, и не было видно ни откуда, ни куда течетъ она въ этомъ овальномъ водоемѣ, будто бы нарочно устроенномъ руками человѣческими, для великолѣпной царской купальни. Подземный проходъ сей тайно доставлялъ воду жителямъ нижняго города и замку, построенному на скатѣ холма, и въ самый вышгородъ подымали ее на вьюкахъ, вдоль гребня крѣпостной стѣны. Мы возвратились опять на пространный лугъ, огражденный бойницами, и взошли въ единственную церковь, уцѣлѣвшую посреди развалинъ.

Она складена, частію изъ дикаго камня, частію изъ кирпича, и, по своимъ Византійскимъ формамъ, являетъ глубокую древность. Можно согласиться съ мнѣніемъ ученыхъ путешественниковъ, которые относятъ ее ко временамъ Юстиніана, ибо

известно по исторіи Прокопія, что онъ соорудилъ церковь у Лазовъ, когда Царь ихъ обратился въ Христіанство: и такъ эта церковь можетъ быть шестаго вѣка и вѣроятно посвящена была Богоматери, какъ большая часть храмовъ Іустиніановыхъ. Но здѣсь она носитъ названіе сорока Мучениковъ, потому что въ правомъ придѣлѣ показываютъ сорокъ кружковъ, правильно расположенныхъ на помостъ, гдѣ будто бы погребены священные останки страдальцевъ Севастійскихъ. Мѣстное преданіе называетъ даже озеро сорока Мучениковъ ту живописную часть рѣки Техуры, которою мы любовались изъ подземелья, и утверждаетъ будто бы они пострадали на этомъ мѣстѣ. На чемъ-нибудь однако должно быть основано такое преданіе: если, быть можетъ, Императоромъ Іустиніаномъ, даны были частицы мощей Св. мучениковъ, для новаго храма, и тамъ положены они, по образцу ихъ погребенія въ Севастійской церкви: то не мудро, что благочестіе новообращенныхъ Христіанъ искало себѣ усвоить и поприще ихъ страданій;

самая необычайность Техурскаго водоема располагаетъ вѣрить его таинственному назначенію.

Жертвенникъ въ древнемъ храмѣ, соотвѣтствующій придѣлу мучениковъ, выдается впередъ алтаря, какъ въ пещерной церкви Натлисмцемели въ Грузіи, и съверная дверь приходится съ боку; иконостасъ извѣкій, каменный, по образцу древнихъ святилищъ. На стѣнахъ еще кое-гдѣ сохранились фрески: святители, пустынники и мученики, вѣроятно всѣ сорокъ Севастійскихъ; не забыты Константинъ и Елена, которые встрѣчаются во всѣхъ церквахъ Мингреліи и Имеретіи; на горнемъ мѣстѣ еще видѣнъ Спаситель съ символами Евангелистовъ. Подлѣ храма стоитъ полуобрушенная колокольня, уже позднѣйшихъ временъ, и обширное зданіе изъ дикаго камня, все поросшее плющемъ и деревьями; оно слыветъ въ народѣ дворцемъ, и дѣйствительно похоже, по своему объему и прочности, на царскія палаты. По всему скату горы, до самой ея вершины расположенъ былъ древній городъ Археопольсь

и есть слѣды улицъ и домовъ, но вся гора до такой степени заросла густымъ лѣсомъ, что нѣтъ возможности лѣтомъ проникнуть сквозь чащу до вышгорода; мы должны были сдѣлать большой кругъ, чтобы подняться на вершину горы.

Старецъ Дадіанъ уже не могъ за нами слѣдовать; съ трудомъ посадили его на лошадь, но какъ Несторъ Иліады, и онъ говорилъ моему спутнику: «Ахъ! если бы возвратились прежнія мои силы, когда я съ отцемъ твоимъ Леваномъ и съ дѣдомъ Георгіемъ, неутомимо ѣзжалъ на охоту и воевалъ противъ недруговъ нашихъ! а теперь одохла старость, отпусти меня.» Онъ присовокупилъ слово, трогательное въ устахъ старца, предъ молодымъ человекомъ, ибо оно выражало уваженіе къ владѣтельному роду, рали коего забывался и преклонный возрастъ: «Батуни, когда же позволишь ты мнѣ придти снять съ тебя сапоги, въ твоемъ Зугдидскомъ домѣ?» Прощаясь съ старцомъ, я пожелалъ ему крѣпости душевной, при недостаткѣ тѣлесныхъ силъ, для перенесенія родительской

скорби. — Онъ изумился и отвѣчалъ: «кто могъ сказать тебѣ о моемъ горѣ? неужели не чуждо оно и чужому!» — Видно, что старецъ былъ тронутъ вниманіемъ къ его потери. Мы разстались во вратахъ поросшихъ плющемъ: эта зеленая развалина была какъ бы образомъ его маститой старости. Тутъ же во вратахъ встрѣтилъ насъ сынъ Арчила, молодой Дадіанъ, который, по нѣкоторымъ юношескимъ проступкамъ, оставилъ домъ Владѣтеля Мингрельскаго, чтобы служить Владѣтелю Абхазіи. По сей ли причинѣ, или отъ того, что въ обычаяхъ страны сей, неприлично изъявлять свои чувства въ присутствіи начальственныхъ лицъ, но свиданіе сына съ отцемъ было совершенно холодно; они только издали поклонились и даже не подали другъ другу руки; юноша вмѣшался позади всѣхъ въ толпу нукеровъ.

Съ трудомъ поднялись мы на крутую гору Наколакеви, къ ущѣлѣвшей отчасти оградѣ вышгорода. Предъ нимъ выдавалась площадка на обрывѣ утесовъ, и оттолѣ открылись намъ пространные очаро-

вательные виды, до самаго Мартвила и Хони; лѣсистое ущеліе Техуры, быстро текущей у подножія горы, далеко извивалось къ сѣверу, умножая дикую красоту картины. Есть особенное наслажденіе для сердца, какъ бы парить надъ землею на такихъ выпрєннихъ мѣстахъ: видно что человѣкъ жаждетъ простора и созданъ для болѣе обширнаго горизонта, нежели тотъ, въ которомъ онъ все мѣтается. Внутренность вышгорода завалена была лѣсомъ, сломаннымъ бурєю; это лучшее мѣсто для ловли: олени и козы и дикіе кабаны стремятся изъ чащи, черезъ груду развалинъ, и прорываются сквозь недоступныя нѣкогда стѣны Археополиса. Какая противоположность на разстояніи вѣковъ! Посреди вышгорода небольшая церковь совершенно простой архитектуры, изъ дикаго камня, гласитъ о давноминувшемъ; внутри ея есть каменное сѣдалище кругомъ стѣны, но уже нѣтъ иконостаса. На западной оконечности вышгорода уцѣлѣли стѣны обширнаго зданія въ три яруса, но уже съ обрушенными сводами; оно слыветъ также двор-

помъ и имѣло сообщеніе съ нижнимъ замкомъ: — вотъ все, что осталось отъ древней столицы Цирцен и Лазовъ, Эи и Археополиса!

Мы спустились отъ вынгорода на противуположную сторону горы, по гребню коей пролегла узкая тропа, болѣе для пѣшихъ, нежели для конныхъ; на берегу Техуры есть еще остатки теплыхъ минеральныхъ водъ, время Греческихъ, надъ которыми хочегь устроить Владытель новыя бани. Болѣе десяти верстъ оставалось намъ ѣхать до ночлега, по глубокимъ оврагамъ и горамъ, поросшимъ лѣсомъ, доколѣ не спустились опять въ живописную долину Техуры, усѣянную сельскими усадьбами Князей Мингрельскихъ. Въ дубовыхъ палатахъ старшаго изъ нихъ, Князя Чечуа, приготовили для насъ гостепріимный пріютъ и пріятно было отдохнуть, въ вечерней прохладѣ, послѣ утомительнаго дня. Двѣ обширныя залы изъ тесанаго дуба, съ крытою галлереею вокругъ, составляли верхній ярусъ княжескаго дома: въ одной изъ нихъ висѣла его родословная, съ Мингрель-

скимъ гербомъ золотаго руна. Замѣчательно какъ сохранилось сіе баснословное преданіе древней Колхиды въ нынѣшней Мингреліи, гдѣ конечно немногіе знаютъ повѣсть о походѣ Арганавтовъ и едва слышали имя Язона.

Столь же утомительный путь предстоялъ намъ на слѣдующій день; еще около 50 верстъ оставалось до Зугдиды, но менѣе любопытнаго встрѣчалось дорогою. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ сорвало бурю новый мостъ черезъ Техуру; мы переправились на утломъ паромѣ, и вѣхали, однообразнымъ полемъ, до другой бурной рѣки Хопи: это была средняя часть Мингреліи, менѣе гористая и потому не живописная. На берегу рѣки, встрѣтили Дадіана родственные ему Князья того же имени, въ домъ коихъ онъ былъ воспитанъ. Въ Мингреліи, старшіе изъ Князей, имѣютъ обыкновеніе, выпрашивать себѣ на воспитаніе дѣтей Владѣтеля, чтобы чрезъ то укрѣпить связи свои съ владѣтельнымъ домою. Жены Князей, оставивъ собственныхъ младенцевъ, сами кормятъ грудью знаменит-

тыхъ питомцевъ и молочное родство сіе почитается крѣпче кровныхъ узъ, ибо отрокъ возрастая, дѣлается членомъ новаго семейства, чуждаясь родительскаго дома. Такъ былъ воспитанъ и Дадіанъ, въ горахъ на берегу Хопи, до 15-ти лѣтъ. Радостью заблестали глаза его, когда онъ увидѣлъ родственную рѣку, на берегахъ коей провелъ первые годы своей молодости; онъ зачерпнулъ серебряною азарпешкою свѣжую струю, и жадно глоталъ ее, какъ бы впитывая жизненные силы, со всѣми отрадными воспоминаніями дѣтства. «Никакая вода не можетъ для меня сравниться съ водою Хопи, говорилъ мнѣ Дадіанъ, и я никогда не переѣзжаю родную рѣку, не утоливъ изъ нея жажды.» — Но для меня вода ея не имѣла особеннаго вкуса, хотя и въ знойный день, потому что мы оба пили съ различными впечатлѣніями.

Послѣ краткаго отдыха, на казачьемъ посту Хопи, мы продолжали путь и здѣсь опять мѣста сдѣлались разнообразнѣе и гористѣе. Бурно было теченіе Чанипкали, или рѣки Лазовъ, которая удержала на-

мять сего народа въ землѣ, нѣкогда ему принадлежавшей; Мингрельцы ихъ прямыя потомки. Многобашенный замокъ Чаквинжи; или колодезь Лазовъ, такъ прозванный отъ своего глубокаго кладезя, представился намъ вдали на утесъ, какъ рыцарскіе замки на берегахъ Рейна; но чего нѣтъ по сосѣдству Германской рѣки: сивжныя Сванетскія горы опять потянулись по небосклону, окраиною сей чудной картины. Съ высотъ противоположнаго берега, еще однажды, какъ отъ Мартвила, открылась намъ, во всей своей красѣ, великолѣпная Мингрелія, и радостно разбѣгались взоры по ея обширнымъ долинамъ, то къ суровому хребту Кавказа, то къ свѣтлой полосѣ моря. Спустились и очарованіе исчезло; опять однообразныя поляны и лѣсъ, доходившій до самаго Зугдида, который избрали Дадіаны, по теплому климату, для своего зимняго пребыванія.

З У Г Д И Д Ъ.

За версту отъ Зугдида, въ густомъ лѣсу, встрѣтилъ насъ Владѣтель Давидъ, уже давно ожидавшій нашего прїѣзда; отраденъ былъ радушный привѣтъ его въ краю для меня чуждомъ, гдѣ, посреди дружескихъ заботъ, можно было забыть въ немъ санъ обладателя Мингреліи. Прежде нежели ввести меня въ домъ свой, онъ пригласилъ пройти черезъ садъ, любимый предметъ его сельскихъ занятій, и дѣйствительно

обиліе цвѣтовъ Европейскихъ, подъ роскошнымъ небомъ Азіи, привлекательно для взоровъ. По срединѣ сада пространная бесѣдка, вся изъ дуба, съ рѣзными украшеніями въ восточномъ вкусѣ, часто служитъ для семейныхъ пиршествъ. Новый дворецъ Владѣтеля каменный, въ два яруса, выстроенъ и убранъ по Европейски, и весьма пріятно, послѣ утомительнаго пути по мѣстамъ дикимъ, найти такое покойное убѣжище. Это былъ вечеръ субботній, но ради гостепріимства Князь Давидъ оставилъ всеобщее бдѣніе; должно отдать справедливость благочестію всего владѣтельнаго дома Мингреліи: церковь для него служить лучшимъ утѣшеніемъ и никто изъ семейства не пропускаетъ ни одного богослуженія. Въ ихъ домашнемъ кругу слушалъ я на слѣдующее утро, воскресную литургію, въ соборной церкви Зугдида, которая построена по особенному случаю, повелѣніемъ Императора Александра, въ память положенія честнаго пояса Богоматери.

По сказанію пролога и мѣнен, чудотворный поясъ сей былъ принесенъ изъ

Іерусалима, въ царствованіе Феодосія младшаго, въ V вѣкѣ, и положенъ въ золотомъ ковчегъ, подъ царскою печатію, въ церкви Богоматери, что на мѣдномъ торжищѣ Царьграда, въ Халкопратіяхъ. Четыреста лѣтъ спустя, супруга Императора Льва премудраго, Зоя, одержимая бѣснованіемъ, по соборной о ней молитвѣ, имѣла видѣніе, что получить здравіе, если на нее возложить поясъ Богоматери, хранящійся въ Халкопратіяхъ. Открыли запечатлѣнный издавна кивотъ, обрѣли въ немъ чудотворный поясъ и, какъ только Патріархъ осѣнилъ имъ страждущую Царицу, она исцѣлилась. Съ тѣхъ поръ установлено праздновать память сего событія 31 Августа, а святыня запечатлѣна, въ томъ же ковчегѣ до новаго чуда. Дочь Императора Романа Аргиры, получившая также исцѣленіе отъ сего пояса, въ исходе X вѣка, вступила въ бракъ съ знаменитымъ Царемъ Абхазіи и Грузіи, Багатомъ Куропалатомъ; она умолила отца, отпустить съ нею въ дальнюю страну, положившу чудотворнаго пояса, вмѣстѣ съ иною

драгоценною святынею, которую принесла въ благословеніе новому своему царству. Поясъ Богоматери положенъ былъ сперва въ великолѣпной обители Бедійской, которую вѣроятно основала сія Царица, недалеко отъ моря въ предѣлахъ Самурзаханскихъ, а потомъ перенесли святыню въ Мартвиль, гдѣ находилась она долгое время. Бывшая Правительница Мингреліи Нина, дочь Царя Георгія, (которая недавно скончалась въ Петербургѣ) при вступленіи своемъ въ подданство Россіи, послала сей драгоценный поясъ, какъ лучшее сокровище, въ даръ Императору Александру. Но благочестивый Монархъ, возвратившій Грузіи крестъ равноапостольной Нины, не хотѣлъ удержать и сего священнаго залога Мингреліи; онъ великолѣпно украсилъ его дорогими камнями и отослалъ опять къ Правительницѣ, съ милостивою грамотою, въ которой писалъ: что честный поясъ сей будетъ служить между ними залогомъ, ея преданности а его покровительства. Императоръ тогда же велѣлъ выстроить каменную церковь въ Зугдидъ, для храненія

сего сокровища, и оно доселѣ тамъ хранится, въ особенномъ кивотѣ, предъ иконостасомъ.

Ликъ Богоматери весьма древній, написанъ на верхней части пояса, который походитъ на діаконскій орарь и сложенъ въ видѣ эпитрахили; нижняя часть совершенно ветха. Жемчугъ, изумруды и яхонты украшаютъ сіи драгоценные остатки и рассыпаны по золотому полю, на которомъ они лежатъ. Это конечно одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ, который остался намъ отъ первыхъ временъ Христіанства. На престолѣ церкви Зугдидской есть еще малый ковчегъ, съ частицею животворящаго древа и мощей Предтечи, и тамъ же лежатъ богатоукрашенные святцы, на Грузинскомъ языкѣ, съ рисунками по золоту. Недавно возвращены изъ Петербурга двѣ древнія большія иконы, Спаса и Богоматери, которыя принадлежали послѣдней Имеретинской Царицѣ Аннѣ, супругѣ Соломона и дочери Владѣтеля Каціи, прадыда нынѣшняго Дадіана. Духовникъ Князя и всего его семейства, старецъ Давидъ,

совершавшій божественную службу, былъ самъ весьма замѣчательнымъ лицомъ во ввѣренной ему церкви, по святости своей жизни и усердію, ибо не смотря на глубокую старость, не опускалъ ни одного дня безъ священнодѣйствія, строго исполняя всѣ церковныя службы. Отрадно было для меня сосѣдство церкви Зугдиды, потому что наступили дни священные для каждаго Христіанина: отданіе праздника Пасхи, когда въ послѣдній разъ воспѣвается радостное «Христось воскрес!» и вознесеніе Господне, вѣнецъ его земнаго подвига. Хотя я и не понималъ языка Грузинскаго, но совершенное сходство богослужебнаго чина и нѣсколько словъ Дадіана, объясняли мнѣ время извѣстныхъ молитвъ, а усердіе молящихся располагало къ молитвѣ. Въ примѣръ сего усердія скажу только, что наканунѣ вознесенія, тетка Владѣтеля, шестидесятилѣтняя старица, въ проливной дождь, сдѣлала пятьдесятъ верстъ верхомъ, чтобы не пропустить все-нощной; когда мы взошли въ церковь, утомленная сидѣла на коврахъ и вода текла съ

ея одежды; но какъ только началось богослуженіе, Княгиня встала и бодро выстояла продолжительную службу, какъ бы съ обновленными силами.

Четыре дня провелъ я подъ гостепріимнымъ кровомъ Дадіана и, въ продолженіе сего времени, почти непрестанныя непогоды не позволяли осмотрѣть окрестность. Намъ, жителямъ равнинъ, странно кажется, какъ можно селиться на ровныхъ мѣстахъ, имѣя подъ рукою горы, но горцамъ напротивъ нравится просторъ. Впрочемъ Зугдидъ сдѣлался мѣстнымъ пребываніемъ Дадіановъ, только со времени великаго Левана, для усмиренія буйной Самурзаханской области и для береговой стражи, ибо тогда безпрестанныя нападенія Турковъ угрожали поморію. Говорятъ, что лѣтнее пребываніе въ Горди, посреди Лечгумскихъ горъ, чрезвычайно живописно и славится чистотою воздуха, когда напротивъ того Зугдидъ подверженъ всѣмъ болѣзнямъ поморія.

День спустя послѣ нашего прїѣзда, прибылъ Владѣтель Абхазіи, съ тестемъ сво-

нмъ Дадіаномъ , и домъ Владѣтеля Мингреліи наполнился посѣтителями. Время, свободное отъ богослуженія и краткихъ прогулокъ, протекало въ бесѣдахъ, весьма для меня занимательныхъ съ обоими Владѣтелями, ибо я изучалъ мѣстные обычаи и обстоятельства края. Однажды, во время сихъ бесѣдъ, Князь Михаилъ Абхазскій видя, что у меня нѣтъ четокъ, которыя всѣ тамъ носятъ, снялъ съ руки тестя и отдалъ мнѣ, въ знакъ своего расположенія, серебряныя четки, весьма драгоценныя по своей исторической древности, ибо они принадлежали великой Царицѣ Тамари и переходили изъ рода въ родъ, въ поколѣніи Владѣтелей земли Сванетской. Известно, по общему преданію Грузіи, что въ неприступныя горы Сванетіи, при нашествіи непріятелей, уносимы были сокровища Царей Абхазскихъ, и еще многія тамъ можно найти, особенно драгоценныя иконы. Тесть Князя Михаила получилъ царственныя четки, въ приданое за своею женою, дочерью Татархана, нынѣшняго Владѣтеля Сванетовъ. Мнѣ было совѣстно лицезрѣть его

вещи, столь дорогой въ моихъ понятіяхъ, хотя я радъ былъ имѣть у себя памятникъ Царицы, глубоко мною уважаемой; но Князь настоятельно требовалъ, чтобы я ихъ принялъ. «Какъ гость, вы имѣете право на все что только вамъ понравится, говоритъ онъ, а принадлежащее тестю моему есть какъ бы моя собственность». Равнымъ образомъ и тесть Владѣтеля, съ своей стороны, просилъ меня не прекословить зятю, и не оскорблять его самаго отказомъ. Владѣтель приглашалъ меня посѣтить его Абхазію, обѣщая выѣхать ко мнѣ на встрѣчу въ Очамчыры, на берегъ моря, ибо я долженъ былъ, отъ Редуть-кале, плыть на пароходѣ вдоль поморія и заходить въ нѣкоторыя пристани. Онъ совѣтовалъ мнѣ осмотрѣть, за 10 верстъ отъ Очамчыръ, развалины древней каедры Епископской Мокви, еще украшенной мраморомъ и стѣнною живописью, и ближе къ морю, знаменитую чудесами Св. Георгія церковь Илори, гдѣ хранится его древняя икона, и великолѣпные остатки обители Дранды, недалеко отъ Сухума. Но морская непогода и разлитіе

водъ Ингура, воспрепятствовали намъ обомъ исполнить взаимное обещаніе. Владѣтель Абхазіи оставилъ Зугдидъ, нѣсколько часовъ раньше меня, и мы болѣе не видались.

Это было перваго Мая, въ праздникъ вознесенія. Пароходъ ожидалъ меня на другой день въ пристани Редутъ-кале, за 50 верстъ отъ Зугдиды : нельзя было долѣе медлить ; послѣ обѣдни я собрался въ путь, чтобы еще до ночи достигнуть Редута. Спутникъ мой хотѣлъ непременно проводить меня, до крайней точки владѣній братнихъ, и тѣмъ вдвойнѣ исполнить долгъ пріязни и гостепрѣимства. Самъ Владѣтель, по чувству дружескаго ко мнѣ расположенія, похвалъ провожать меня за нѣсколько верстъ. Не безъ глубокой грусти мы простились, потому что въ теченіе зимы успѣли сблизиться въ Тифлисѣ, а радужный пріемъ въ Зугдидѣ скрѣпилъ нашу пріязнь. Князь Давидъ обещалъ прѣхать осенью въ Россію и утѣшительна была надежда на скорое свиданіе.

Опять потянулись до самаго моря рес-

кошные лѣса Мингрельскіе, обвитые виноградниками. Дикое обиліе природы ничего не требовало отъ рукъ человѣческихъ, кромѣ направленія лозъ по вѣтвямъ древеснымъ, и то лишь отъ времени до времени. Малые ручьи, черезъ которые еще наканунѣ можно было свободно перейти, обратились отъ сильнаго дождя въ бурные потоки и задерживали насъ, переправомъ на утлыхъ челнокахъ. Нагіе Мингрельцы, верхомъ на нашихъ лошадяхъ, пускали ихъ вплавь. На половинѣ дороги до Анакліи, подступилъ съ лѣвой стороны широкій Ингуръ, отдѣляющій Мингрелію отъ буйной Самурзахани, и провожалъ насъ, въ тѣни вѣковой дубравы, до самаго устья. По его мутнымъ кипящимъ волнамъ, я уже видѣлъ, что нельзя было ожидать свиданія съ Владѣтелемъ Абхазіи. Все было пусто вокругъ; мнѣ казалось по описаніямъ, что я въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, гдѣ еще природа не испытала надъ собою руки человѣческой, и пустынные рѣки, какъ змѣи, широко ходятъ по дремучимъ лѣсамъ. Такъ мы достигли Анакліи, и

здѣсь измѣнилась картина. Это малая рѣчная пристань, населенная отчасти Турками, гдѣ процвѣтала некогда торговля. Еще издали услышали мы пѣсни: привіельцы Анатолиі, въ своихъ нарядныхъ одеждахъ, составивъ кружокъ, плясали на базарѣ, подѣ монотонный звукъ роднаго инструмента. Нѣсколько судовъ стояли у берега рѣки, подѣ стѣнами развалившейся крѣпости; вдали шумѣло море.

Грустно взглянулъ я на Дадіана, при видѣ шумной стихіи, которая должна была разлучить насъ на слѣдующее утро; молча отвѣчалъ онъ тѣмъ же взглядомъ, ибо безъ словъ мы поняли другъ друга и продолжали путь нашъ къ Редутъ-Кале, отстоявшему еще на 15 верстѣ отъ Анаклиі. Мы приглядывались къ дальнимъ вѣтриламъ въ пустотѣ моря; мы прислушивались къ бурному реву валовъ, которые набѣгали, одинъ за другимъ, на низменный берегъ, гонимые девятымъ пѣнистымъ валомъ, и шумно разстилались предѣ нами, у самыхъ конскихъ ногъ. Кони Мингрельскіе, не привыкшіе къ сей чуждой для нихъ

стихін, храпѣли и съ ужасомъ отскакивали отъ напора волнъ , какъ Инполитовы кони, при появленіи морскаго чудовища. Давно уже не видалъ я моря , и вечерній неспокойный видъ его наводилъ невольное уныніе. Медленно подвигался я по зыбкому песку, повторяя въ памяти моей сей многозвучный стихъ Иліады :

Идѣть безмолвный по берегу исполчно шумящаго моря.

Смерклося, а еще не было видно Редута; дальнія зарницы освѣщали море и колеблющіяся на немъ суда, но не ратнаго флота Ахейнъ. Наконецъ показались городскіе огни, но разлившіяся воды Хони внезапно преградили намъ путь. Мы должны были, на казачьемъ челнокъ, долго плыть по рукаву рѣки, въ совершенномъ мракъ, и съ большимъ трудомъ, по глубокой грязи, пѣшіе достигли приготовленнаго для насъ ночлега. Пароходъ уже приходилъ наканунѣ и долженъ былъ опять прийти съ разсвѣтомъ изъ Сухума; онъ останавливался въ открытомъ морѣ, ибо

нельзя подходить къ опасному берегу Мингрелин, лишенному пристаней. Но на землѣ сей, для меня гостепріимной, грустны были мнѣ послѣдній вечеръ и послѣднее утро, за которыми слѣдовала долгая разлука съ путникомъ, близкимъ моему сердцу. Больно всякое разставанье, но есть хотя нѣкоторая постепенность, въ окружающихъ предметахъ, когда отъѣзжаешь сухимъ путемъ, и нѣтъ никакой, когда уноситъ тебя быстрая волна, какъ бы совершенно въ иной міръ. Отъ избытка сердца на сей разъ говорили не уста, но взоры, а намъ не хотѣлось имѣть свидѣтелей нашихъ чувствъ. Молча мы обнялись на берегу, и еще долго подавали знакъ рукою, какъ бы приветствуя другъ друга, но уже на разлуку, а быстрый катеръ увлекалъ меня, по широкому каналу до устья Хопи, гдѣ шумнымъ прибоемъ волнъ боролось съ рѣкою море. И какъ слаба человеческая природа! — болѣзненное физическое чувство одержало верхъ надъ нравственнымъ, когда закружилась голова отъ морскаго волненія; надо мною сбѣгся хотя и не

въ полномъ смыслѣ сей выразительный
стихъ Данта:

Pozcia più che il dolor poté il digiuno.
Потомъ болѣзнь превозмогла и горе.

АБХАЗІЯ. ПИЦУНДА.

Если тягостна была разлука на берегахъ Мингрелин, пріятная встрѣча ожидала меня на пароходѣ: Начальникъ Черноморской линіи, съ которымъ я началъ мою службу, по чувству давней пріязни, пожелалъ везти меня до Керчи; вдоль береговъ живописной Абхазіи. Въ первые годы молодости мы раздѣляли съ нимъ

скромную хату, посреди цвѣтущихъ садовъ Малороссіи, или палатку кавалерійскаго лагеря, и вотъ, послѣ столькихъ лѣтъ, онъ раздѣлилъ со мною каюту, на бурной пучинѣ Чернаго моря. И дѣйствительно бурно было оно въ теченіе десятичасоваго плаванія, отъ Редута до Сухума; мимо меня мелькнули Илори и Очамчыры и Дранды, и ни на что не могъ я обратить даже минутнаго вниманія отъ сильной качки. Когда же мы стали входить въ широкій заливъ Сухумскій, хотя и безпокойный при западныхъ вѣтрахъ, погода начала утихать, и я могъ любоваться съ палубы красотою окрестныхъ горъ; однако мнѣ хотѣлось провести ночь на берегу. Сильный запахъ розъ обвѣялъ меня въ оградѣ бывшей Турецкой крѣпости: аллеи Италіянскихъ тополей, которыми обсажены всѣ зданія, обвиты были розовыми кустами, до половины ихъ стройнаго стана. Нигдѣ, даже въ Мингреліи, не видалъ я столь богатой растительности. Это было въ самомъ началѣ весны; все цвѣло и благоухало и дышало необычайною жизнію для насъ жителей

съвера. Наши береговыя укрѣпленія обязаны своею роскошною зеленью, первому начальнику Черноморской линіи Раевскому, который по своей страсти къ ботаникѣ, украсилъ ихъ лучшими произведеніями Крымской природы, и умѣлъ сдѣлать наслѣдственнымъ вкусъ свой къ садоводству, въ охранителяхъ сихъ твердынь; каждая изъ нихъ представляется малымъ садомъ, такъ что забываешь о потокахъ крови, которыми они были обогрѣны, и о непрестанной опасности имъ угрожающей; виноградныя лозы ихъ обыкновенное украшеніе, а иногда, въ какомъ либо громоздномъ бастіонѣ, уединенно цвѣтетъ тюльпанное дерево.

Отдохнувъ ночь въ Сухумѣ, я уже могъ съ обновленными силами продолжать морское путешествіе. На разстояніи двухъ часовъ отъ сей Турецкой крѣпости, которая заступила мѣсто древней Діоскуриі, средоточія Греческой торговли на берегу Понта, мы увидѣли довольно обширныя развалины, тамъ гдѣ малая рѣчка Псирстъ впадаетъ въ море. Еще стояла круглая

башня, вся обросшая плющемъ, и мѣстами обрушенная ограда тянулась вдоль берега, столь же роскошно украшенная рукою времени. Это была Анакопи, древняя Никопсія Грековъ, о которой упоминаетъ Царь Давидъ возобновитель въ своемъ завѣщаніи, какъ о крайней точкѣ западныхъ своихъ предѣловъ. Позади нее углубляется въ горы знаменитое ущеліе Трахейское, проникающее внутрь Абхазіи, и на гребнѣ утеса видны остатки замка Трахен, который Греки отняли у Абазговъ, послѣ кровопролитной осады въ царствованіе Іустиніана. Для меня драгоценно было другое историческое преданіе, записанное въ хроникѣ Царя Вахтанга, который говоритъ, что одинъ изъ проповѣдавшихъ здѣсь Апостоловъ, Симонъ Кананитъ, скончался и погребенъ въ Никопсіи.

Мы сошли на берегъ, чтобы посѣтить церковь, на которую указываетъ мѣстное преданіе, какъ на погребальную Апостола, и долго ее искали посреди развалинъ Никопсіи, ибо по незнанію языка не могли объясниться съ жителями, дико на насъ

смотрящими. Намъ пришло на мысль, что она должна быть въ горномъ замкѣ Трахейскомъ, и мы уже хотѣли туда подняться, когда одинъ изъ проводниковъ, съ ближняго казачьяго поста, вызвался указать намъ желанную церковь. Онъ возвратилъ насъ опять къ развалинамъ Никописи и, позади ограды, вывелъ на довольно обширную поляну, устланную также обломками. Она была ограждена прибрежными скалами Псирсты, которая омывала своими волнами дикое, живописное мѣсто, какъ бы нарочно созданное природою, чтобы приманить на жительство людей. Посрединѣ стояла церковь, небольшая, но почти совершенно уцѣлѣвшая, кромѣ обвалившагося купола; западный ея притворъ заваленъ камнями и заросъ дикими растеніями, какъ и самая вершина церкви; входъ отъ южнаго притвора, надъ коимъ видѣнъ еще полуустертый ликъ Спасителя. Устройство храма совершенно Греческое, съ тройнымъ раздѣленіемъ алтаря и полукружіемъ горняго мѣста; поразительна тонкость стѣнъ, сложенныхъ изъ Римскаго кирпича, и высо-

та стройныхъ сводовъ, которые опираются на чрезвычайно легкіе столбы; живопись уже стерлась, но на западной стѣнѣ еще видны успеніе Богоматери и два мученика. Гробницы Апостольской нельзя разпознать; но предполагая, что святыя мощи положены были, по древнему обычаю, подъ самымъ престоломъ, я помолился надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ нѣкогда стоялъ, и призвалъ имена обѣихъ Апостоловъ Симона и Андрея, просвѣтившихъ страну сію. Утѣшительна молитва на такихъ мѣстахъ, освященныхъ стопами первыхъ учениковъ Христовыхъ. Въ минеи Грузинской, обители Св. Давида Гареджійскаго, сохранилось житіе Андрея Первозваннаго, переведенное съ Греческаго, которое гораздо полнѣе нашего и довольно описываетъ его странствованіе кругомъ Чернаго поморія.

Продолжая плаваніе наше, отъ Анакопи къ Пицундѣ, мы на краткое время остановились противъ Бамборъ и наслаждались очаровательнымъ видомъ широкой долины Лехны, у подножія горъ Абхазскихъ. Вдали на холмѣ видѣнъ былъ домъ Вла-

двѣтеля Михаила, въ селеніи Сууксу и церковь, или малая обитель, гдѣ живетъ при немъ Архимандритъ; но мы не сошли на берегъ, чтобы не беспокоить семейство Князя, зная о его отсутствіи. Немного далѣе песчаный мысъ Пицунды, поросшій вѣковыми соснами, выдался въ море, какъ бы приглашая пловцевъ отдохнуть въ его гостепріимной пристани. Не смотря на песчаный слой, море такъ глубоко, что парадь нашъ могъ подойти къ самому берегу. Природа обильно одарила мѣсто сіе, предназначенное для водворенія Христіанства въ Абхазіи: здѣсь долго пребывалъ Первозванный Апостолъ; сюда, хотя и невольно, предназначали другаго великаго проповѣдника истины, Златоуста; здѣсь наконецъ великій Іустиніанъ основалъ изящный храмъ Богоматери, до нынѣ уцѣлѣвшій въ древней красѣ своей и ожидающій обновленія: его высокій куполъ видѣнъ былъ съ моря, промежду сосновыхъ вершинъ. Первымъ моимъ движеніемъ было устремиться, черезъ вѣковую рощу, къ древнему святилищу. Нельзя не имѣть въ ры

къ преданіямъ, освященнымъ глубокою вѣрою народа, съ незапамятныхъ временъ. Если несправедливо то, что Св. Апостоль здѣсь довершилъ земной свой подвигъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, о его долгомъ пребываніи на сихъ мѣстахъ, и быть можетъ многія истязанія испыталъ онъ за слово истины, въ городъ Пшеіонъ, ибо все поморіе было наполнено колоніями Эллинскими. Въ сосновой рощи стоялъ храмъ, посреди развѣсистыхъ вязовъ и смоковницъ, обвитыхъ виноградомъ, во всей роскоши дикой природы Абхазіи; вокругъ него ограда грубо складена изъ булыжника, уже въ позднѣйшія времена, ибо частыя нападенія принудили Католикосовъ, искать себѣ защиты въ стѣнахъ и бойницахъ.

Чувство восторга и глубокаго благоговѣнія исполнило мое сердце, когда проникнувъ внутрь ограды, остановился я предъ великолѣпнымъ святилищемъ Іустиніана. Оно дѣйствительно носитъ на себѣ печать того времени и изящества, даже и въ состояніи упадка, какъ великіе мужи, подъ бременемъ тяжкихъ испытаній, сокрушае-

мые, но не сокрушенные. Строгіе размѣры зодчества Византійскаго пріятно поражаютъ взоры въ обширномъ зданіи, которое отчасти порасло плющемъ и кустами, пробившимися сквозь его разсылины. Основаніе его изъ дикаго камня, стѣны пестро сложены полосами, частію изъ кирпича; тройное полукружіе образуетъ алтарь; двухъярусный портикъ, до половины обрушенный, пристроенъ къ трапезной части храма; двое малыхъ сѣней по сторонамъ и сферическій куполь легко въичаетъ стройное зданіе; но мѣдные листы его были сорваны и треснули въковыя своды. Кругомъ роскошная зелень деревъ и сосновый боръ, и снѣжныя горы Кавказа на небосклонѣ, дополняли краснорѣчивое зрѣлище запустѣвшаго храма.

Я взошелъ въ его внутренность и еще большимъ умиленіемъ исполнилось сердце; меня обвѣяло нѣчто родное, какъ бы кто дохнулъ на меня древнею святынею Кіева и Новгорода; казалось недавно только прекратилось священнодѣйствіе, и отголосокъ гимновъ будто звучалъ еще въ пустотѣ об-

наженныхъ сводовъ. Тремя дверями входить, изъ западнаго притвора въ трапезную часть, которая освѣнена хорами, какъ въ лавръ Печерской и обѣихъ Св. Софіяхъ. Каменный иконостасъ, весьма низкій, былъ подобенъ Сіонскому, что въ Атенской долини; сквозными арками малыхъ колоннъ своихъ онъ не заслонялъ глубокаго алтаря, и видны были на горнемъ мѣстѣ остатки стѣнной живописи: Влахернская Божія Матерь съ Архангелами и приобщеніе подъ двумя видами. Двѣнадцать стоящихъ Святителей, окружали высокую кафедру Католикоса и сопрестоліе Епископовъ и пресвитеровъ, возвышенное на пять ступеней отъ помоста. Еще четырнадцать ликовъ святыхъ, въ малыхъ кругахъ, воскресеніе Лазаря и умовеніе ногъ, слабо видны были на стѣнахъ алтаря, и нѣсколько изображеній Апостольскихъ въ куполѣ между оконъ; вся же прочая живопись стерлась или отбита. Но легкая сферическая форма купола, хотя и треснувашаго, производила впечатлѣніе отрадное: душа какъ бы порывалась на молитву, подъ воздушными

сводами сего храма, располагающаго къ богомыслию. Сколько бы ни должна превозмогать духовная природа челоуѣка его грубую оболочку, нельзя не сознаться, что вышнее благолѣпіе святилища невольно дѣйствуетъ на душу.

Достоинъ вниманія престолъ Пицундскаго храма, составленный весь изъ мраморныхъ обломковъ, съ изваянными на нихъ крестами, какъ будто бы кто нарочно раззорилъ воздвигнутый прежде на этомъ мѣстѣ и опять собралъ его изъ разбитыхъ частей. Нѣкоторые полагаютъ, что это воинскіе трофеи славнаго воеводы Вамека Дадіана, ходившаго войною въ горы въ XV вѣкѣ, и собравшаго тамъ остатки Греческихъ памятниковъ, для храмовъ Пицунды и Хопи. Невѣроятно однако, чтобы Вамекъ замѣнилъ своими трофеями первобытный престолъ, который конечно не былъ составленъ изъ обломковъ, и едва ли подвергался разрушенію; это загадка для археологовъ, но, и при нынѣшнемъ обновленіи, не должно касаться оригинальнаго престола. Давно ли прекратилась на немъ

божественная служба? — не знаю; то лишь известно, что и послѣ перенесенія катедры Католикосовъ въ Гелать, въ половинѣ XVII вѣка, они продолжали приходить для священнодѣйствія въ оставленную ими Пицунду, хотя однажды въ годъ, вѣроятно на праздникъ успенія Богоматери или на память Первозваннаго Апостола, ибо преданіе народное переименовало въ честь его святилище. Рукоположеніе Епископовъ, подвластныхъ Католикосу Абхазіи, и освященіе мѣра совершалось всегда въ храмъ Пицундскомъ, по древнему уваженію къ сему мѣсту, какъ видно изъ путевыхъ записокъ Патріарха Иерусалимскаго Досмеея.

Утратился лѣтописный рядъ Католикосовъ Абхазіи, которые возсѣдали въ святительской славѣ, на горнемъ мѣстѣ храма Пицундскаго, какъ преемники Первозваннаго Апостола, и простирали духовную власть свою далеко въ горы, до предѣловъ Грузіи. Нѣтъ сомнѣнія, что приморскія епархіи гораздо древнѣе Иверскихъ, ибо отсель началось Христіанство; но лѣтопись Грузинская сохранила намъ имена своихъ

Католикосовъ, начиная отъ Петра, жившаго при Царь Вахтангъ въ V вѣкѣ, до VIII столѣтія, когда временно они прекратились, по смутнымъ обстоятельствамъ царства. При Давидъ возобновитель опять является Католикосъ Грузинъ, знаменитый Иоаннъ III, участвовавшій во всѣхъ его соборахъ, и уже рядъ верховныхъ Святителей не прерывается до младшаго Антонія, брата послѣдняго Царя. Въ Абхазіи напротивъ того не сохранились имена ея Иерарховъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что кathedra Пицундская не оставалась безъ пастырей, развѣ только по временамъ, въ смутныя эпохи. Въ житіи Давида возобновителя названъ современный ему Католикосъ Евдемонъ, вмѣстѣ съ нимъ устроившій обитель Гелатскую, по образу Пицундской; но въ завѣщаніи Царя и въ лѣтописяхъ упомянуто только, во множественномъ числѣ, о присутствіи на соборахъ Католикосовъ, но безъ имени. Нельзя однако предполагать, чтобы тутъ подразумѣвался Католикосъ Армянскій, странствовавшій тогда въ Киликіи, хотя столичный городъ Ани подвла-

стень былъ Давиду, и чтобы въ славную эпоху предковъ его Багратовъ, собственно Царей Абхазскихъ, не было Католикосовъ въ Пицундѣ. Лѣтописи Грузинскія вспомнили о нихъ только въ позднѣйшія времена: въ исходѣ XIV вѣка является Католикосъ Арсеній и потомъ, спустя нѣкоторое время, Иоакимъ, а за нимъ уже непрерывный рядъ Католикосовъ, имена коихъ намъ известны изъ дарственныхъ грамотъ. Ихъ считается 18, и между ними самые знаменитые были два Малахіи, одинъ Князь Абашидзе, а другой сынъ Владѣтеля Гурин, еще два Евдемона, Захарія, перенесшій каедру, и три послѣднихъ: Виссаріонъ сынъ Эрестава Рачи, Іосифъ Царевичъ, братъ великаго Соломона, и Максимъ, скончавшійся въ Кіевѣ. Мы обязаны лѣтописнымъ порядкомъ сихъ Католикосовъ, ученому изысканію Академика Броссе.

У входа въ святилище, въ западномъ его притворѣ, находится особый приделъ, устроенный гораздо позже, съ гробницею уже упраздненной, которая служитъ предметомъ многихъ толковъ. На вѣншей стѣ-

изъ его сохранилось отчасти изображение Архангела Михаила и Великомученика Георгія на конѣ. Внутри, въ полукругломъ углубленіи къ востоку, есть малой престолъ и надъ нимъ начертанъ ликъ Спаса новерхъ трехъ Святителей, съ Греческою надписью: «Богъ во святыхъ почивающій.» Тутъ же въ стѣнѣ видно мѣсто для жертвенника и храненія сосудовъ, и опять Греческая надпись, съ грубыми ошибками и полустертыми буквами; если я не ошибся вотъ ея содержаніе: «Помяни Господи раба твоего Параскева живописца, который устроилъ храмъ и куполъ при владычествѣ (не разобрано слово) Католикоса Евдемона. Ты вся всен, исполни сіе.» Годъ 7-й хроникона соотвѣтствуетъ 1320-му. На стѣнахъ написаны распятіе Господне, снятіе со креста, погребеніе съ Греческими словами: «погребальный плачь», и изведеніе праотцевъ изъ ада надъ престоломъ. На дверяхъ Спаситель и два верховные Апостола, а напротивъ, надъ пустою гробницею, Апостолы Андрей и Симонъ. Есть еще двѣ могилы подъ помостомъ, закладенныя

досками, изъ которыхъ вьеть мертвою сыростію.

Преданіе народное указываетъ на главную гробницу, какъ на ту раку, въ которой покоились мощи Первозваннаго, и лѣки обонхъ Апостоловъ на стѣнѣ о томъ гласять. Въ одной дарственной грамотѣ минувашаго столѣтія, Княгини Анисіи Абашидзе, написано такъ: «Мы сдѣлались достояніемъ святаго Апостола Андрея, который былъ мучимъ въ землѣ людоедовъ Анухареть, и погребенъ на мѣсть, называемомъ Бичвинта (Пицунда). Господь прославилъ его честное тѣло, и по его повелѣнію была тутъ построена церковь во имя Божіей Матери, сдѣлавшаяся кафедрою Католикосовъ.» (годъ 1731). И такъ по всему поморію издавна утвердилось мнѣніе, что Апостолы покоятся одинъ въ Пицундѣ, другой въ Никопсін. Еще одно мѣстное преданіе называетъ сію гробницу Златоустовою, ибо извѣстно по исторіи, что его хотѣли сослать въ пустынный Пеліонъ, не довольствуясь суровымъ заточеніемъ въ предѣлахъ Малой Арменіи, гдѣ

кроме холодного климата, непрестанно его тревожили набегн Исавровъ, нынѣшнихъ Курдовъ. Но известно и то, что Златоустъ не дошелъ до мѣста заточенія и скончался дорогою близъ Команъ. — Такъ описаны его послѣднія минуты:

Златоусту наступило время его всесоженія; поприще совершилъ онъ, вѣру соблюлъ, и ему, подобно какъ Апостолу Павлу, готовился вѣнецъ правды, который Господь воздастъ всемъ возлюбившимъ его явленіе. Враги его исходатайствовали наконецъ у Императора повелѣніе сослать его еще глубже, на поморіе негостепріимнаго Понта. Три мѣсяца продолжалось утомительное странствіе; двое стражей сопровождали святаго, не давая ему ни малѣйшаго отдыха; но одинъ изъ нихъ, болѣе человеколюбивый, иногда оказывалъ втайнѣ нѣкоторое снисхожденіе; другой же воинъ, нрава звѣрскаго и суроваго, раздражался даже, если встрѣчавшіеся на пути просили его пощадить слабаго старца. И въ проливной дождь, и въ знойный полдень, выводилъ онъ нарочно своего узни-

ка, чтобы промочить до костей или опалить священное чело его, лишенное волосъ, и не позволялъ останавливаться въ городахъ или селеніяхъ, чтобы укрѣпиться банею, необходимою для его изнуреннаго тѣла. Такъ достигли они города Команъ и прошли мимо, остановившись для ночлега въ уединенной церкви мученика Василиска, Епископа Команскаго, который пострадалъ при суровомъ Максиминѣ Даіѣ, вмѣстѣ съ пресвитеромъ Антиохійскимъ Лукіаномъ. Ночью явился спящему труженнику мученикъ Василискъ и сказалъ: «мужайся, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ»; явился заблаговременно и священнику той церкви, говоря: «приготовь мѣсто брату моему Іоанну, ибо уже приходитъ.» На утро тщетно умолялъ стражей своихъ Златоустъ, остаться въ церкви хотя до полдня, надѣясь сложить къ тому времени тяжкое бремя жизни; онъ принужденъ былъ продолжать путь, но болѣзнь его такъ усилилась, что сами мучители рѣшились возвратиться. Тогда, предчувствуя скорую кончину Іоаннъ, не вкушая пищи,

измѣнилъ одежды свои и весь облекся въ бѣлое, даже до обуви, роздалъ присутствующимъ немногое, что имѣлъ съ собою, и причастившись страшныхъ таинъ Христовыхъ, произнесъ предъ всѣми свою послѣднюю молитву, которую заключилъ обычными словами: «благодареніе Богу за все!» потомъ сказалъ тихое предсмертное аминь, и простершись на одръ, испустилъ духъ. — Великое множество иноковъ и дѣвъ, соединивъ обителей Арменіи и Понта, стеклись на его погребеніе въ пустынной церкви Команской, и святое тѣло новаго мученика положено было съ честью, близъ пострадавшаго, подобно ему, блюстителя сего мѣста Василиска. Но не прошло тридцати лѣтъ, и болѣе славнымъ торжествомъ почтены были нетлѣнные останки Святителя. Самъ онъ, какъ бы подвигнутый молитвенною грамотою воспріятого имъ отъ купели Императора, Феодосія младшаго, и ученика своего Прокла, Архіепископа Царьградскаго, перенесенъ былъ на поприще своихъ духовныхъ подвиговъ, и поставленъ опять на

ту кафедру, которая оглашалась его златыми бесѣдами.

Гдѣ же Команы, мѣсто кончины Златоуста, до котораго было три мѣсяца хода отъ Арабиссы, изъ Малой Арменіи?—Городъ сего имени показанъ на древнихъ картахъ на юго-западъ отъ Трербизонта, между Амассією и Токатомъ, на рѣкѣ Ирись (нынешнемъ Токать-су) и довольно вѣроятно, что непрестанная опасность отъ Исавровъ заставляла сдѣлать большой обходъ къ Трапезонту, чтобы потомъ уже слѣдовать вдоль номорія, населеннаго Греческими колоніями, или быть можетъ плыть моремъ въ Пиноіонъ. Между тѣмъ я слышалъ отъ Князей Гуріи, что въ одной изъ обителей ихъ земли, показываютъ донынѣ могилу Златоуста, и собственно въ томъ монастырѣ, который служитъ теперь, близъ главнаго города Озургеть, кафедрою для Епископа Гуріи. Я просилъ Экзарха Грузин, спросить о томъ писменно Прѣосвященнаго Евеміи, и получилъ отзывъ, что ни въ его кафедральномъ монастырѣ Шемокъ-меді, ни въ Джуматскомъ, который ближе къ ме-

рю, нѣтъ могилы Златоуста, если только вѣрны его свѣденія. Достоинно замѣчаніе то, что на древней иконѣ Пицундской, Святитель всегда пишется вмѣстѣ съ Ангеломъ своимъ Предтечею, по сторонамъ Божіей Матери.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преданіе о погребеніи Первозваннаго Апостола и Златоуста въ Пицундѣ, не имѣетъ историческаго вѣроятія, ибо хотя Апостолъ проповѣдывалъ въ Абхазіи, но окончилъ подвигъ свой въ Патрасѣ Морейскомъ, а Златоустъ, не дошедшій до Пицунды, перенесенъ, какъ мы видѣли, изъ Команъ въ Царьградъ; но весьма вѣроятно, что часть нѣкая мощей ихъ отдѣлена была Императоромъ Іустиніаномъ для храма Пицундскаго. Можно предполагать и то, что сами Католикосы, послѣ запустѣнія Никонсіи, перенесли мощи Апостола Симона Кананита, изъ разоренной его церкви въ свой кафедральный соборъ, ибо гораздо невѣроятнѣе забвеніе такой великой святыни, въ мѣстѣ столь близкомъ. Что касается до другихъ гробницъ въ немощь, то

онѣ могли быть мѣстомъ упокоенія Католиковъ, и хотя Греческая надпись надъ жертвенникомъ неудовлетворительно разобрана, однако въ ней, кажется, есть имя Католика Евдемона, быть можетъ современника Царя Давида, ибо годъ хроникона написанъ сбивчиво. Переводъ же Дюбуа, съ именемъ нѣкоего Католика Ваурафа, совершенно невѣренъ.

Съ западной стороны храма видны еще остатки трехъ малыхъ церквей, гораздо позднѣйшаго времени, а къ востоку доселѣ бѣгетъ изъ земли ключъ свѣжей воды, который мѣстное преданіе приписываетъ молитвамъ Первозваннаго. Утѣшительно, въ пустынной Абхазіи, утолять жажду свою струями, освященными Апостольскою молитвою! — Нѣтъ въ Пицундѣ походной церкви, какъ въ прочихъ укрѣпленіяхъ Абхазскаго и Черкесскаго берега, потому что предполагено обновить великолѣпный храмъ Іустиніана, и уже присланъ архитекторъ для сего истинно полезнаго дѣла, которое опять возвратитъ всю Абхазію къ Христіанству, особенно если тутъ учредитъ

ся кафедра Епископская и миссія духовная. Есть тамъ однако молитвенный домъ, со всею нужною утварью для устройства церкви, и даже довольно богато украшены иконы: вездѣ проявляется благочестіе Русскихъ вояковъ. Въ стѣнахъ сей молитвенной хранили виситъ небольшой Генуэзскій колоколь, на которомъ изваяны ликъ Богоматери, Вероника съ убрусомъ и Епископъ въ латинской митрѣ, и выставленъ годъ 1529. Кто пожертвовалъ колоколь сей? неизвѣстно; но занесенный съ запада въ сіи предѣлы, онъ и донныиъ сзываетъ православныхъ къ утреннему и вечернему богослуженію, въ оградѣ Пицундской обители.

Это былъ вечеръ субботній; съ радостію услышалъ я серебристый звукъ его благовѣста ко всенощному бдѣнію. Столь же отраднo было для меня молиться, на мѣстѣ евангельской проповѣди Первозваннаго въ Абхазіи, какъ и на горахъ Киевскихъ. Я имѣлъ духовное утѣшеніе посѣтить почти всѣ мѣста, ознаменованныя его подвигами, начиная отъ Іерусалима и до

чуждой для насъ Амальфи, гдѣ хранится сокровище его мощей; оставался не посвященнымъ одинъ только Патрасъ, въ которомъ онъ довершилъ свое Апостольское поприще.

На утро просилъ я отслужить часы, въ погребальномъ придѣлѣ большаго храма, ибо не было освященнаго престола для литургіи. Малый, но стройный хоръ кантонистовъ, огласилъ гимнами священные своды и невольно забилося сердце при сихъ торжественныхъ звукахъ. Вокругъ все было тихо и ясно и какъ бы родственно: едва колыхались, Майскимъ вѣтромъ, густыя вершины отечественныхъ сосенъ; ярко сіяли, утреннимъ солнцемъ, родные намъ снѣга, на дальнемъ хребтѣ Кавказа, и плавно колебалось море, синею волною манившее усталаго путника въ дальнюю его родину.

Конецъ третьей и послѣдней части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Обитель Св. Антонія Мартокбскаго	1
Тифлисъ	10
Св. Або и Шушаника	30
Праздники. Св. Гора Давидова	49
Карталинїя. Цилканъ	75
Гори, Уплисцихе, Атене, Сїонъ	90
Сурамъ. Имеретїя	110
Кутансъ	122
Моцамети	150
Гелатъ. Гробъ Царя Давида	159
Храмъ и Иконы Гелата	167
Ризница и придѣлы	196
Тамарисцихе	214
Хони	236
Мингрелїя. Мартвильская обитель	246
Развалины Наколакеви	260
Зугдидъ	278
Абхазїя. Пицунда	292
